ЛИ БРЕКЕТТ

ЛЮДИ ТАЛИСМАНА

Зал славы зарубежной фантастики

Л. БРЕКЕТТ 3 L. Brackett

Зал славы зарубежной фантастики

ЛИ БРЕКЕТТ

ЛЮДИ ТАЛИСМАНА

L. Brackett

PEOPLE OF THE TALISMAN

ЛИ БРЕКЕТТ
ЛЮДИ ТАЛИСМАНА

PEOPLE OF THE TALISMAN
L. Brackett

Зал славы зарубежной фантастики

ЛИ БРЕКЕТТ ЛЮДИ

PEOPLE OF THE

Перевод с английского

ТАЛІСМАНА

TALISMAN

L. Bracket

Київ
МСП «Альтерпрес»
1992

ББК 84.7 США
Б87

Художники
В.Євтушенко
Г.Файдиш
С.Павленко

Сборник произведений блистательной американской писательницы. Захватывающие приключения на чужих планетах, необыкновенные и загадочные существа, глубокое проникновение во внутренний мир героев, поэтическая аура прозы ожидают читателей этой книги.

Брекетт Лі

Б87 Люди талісману: Пер. з англ.— К.: МСП "Альтерпрес", 1992.— 735 с.:іл.— (Зал слави зарубіжної фантастики).— Рос. мовою.
ISBN 5-7707-3358-6

Збірка творів відомої американської письменниці. Захоплюючі пригоди на інших планетах, незвичайні та загадкові істоти, глибоке проникнення у внутрішній світ героїв, поетична аура прози чекають читачів цієї книги.

Б $\frac{4703040100-04}{92}$ Без об'яв. **ББК 84.7 США**

ISBN 5-7707-3358-6 © Упорядкування, художнє оформлення. МСП "Альтерпрес", 1992

ЛЮДИ ТАЛИСМАНА

Роман

Перевод с английского
Н. Потапенко

Leigh Brackett

PEOPLE OF THE TALISMAN

New-York
1964

ГЛАВА 1

В течение долгих часов холодной марсианской ночи он ни разу не пошевелился и не заговорил. Накануне, еще в сумерках, Эрих Джон Старк принес этого марсианина в разрушенную башню и положил его, завернутого в одеяло, на снег. Из сухого лишайника он развел костер, и с тех пор двое мужчин ждали, затерянные среди огромной равнины, что опоясывала северный полюс Марса.

Теперь, перед рассветом, марсианин по имени Камар заговорил:

— Старк.

— Да.

— Я умираю.

— Да.

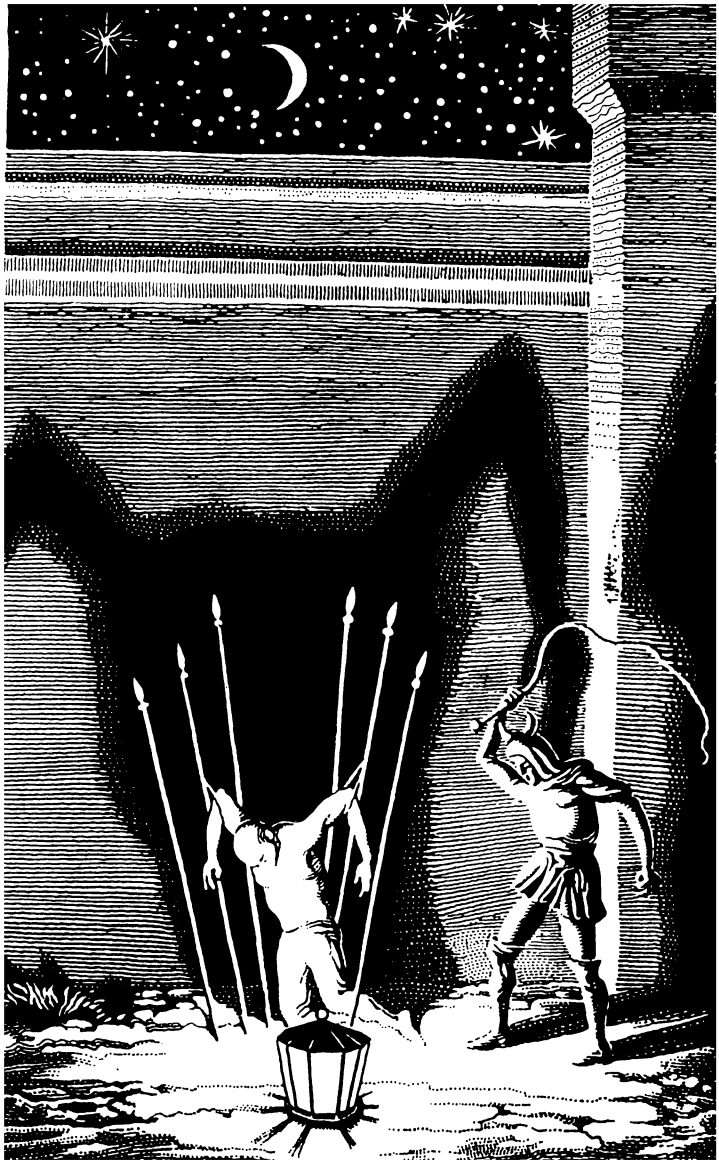
— Я не вижу Кушата.

— Нет.

Камар кивнул и снова умолк.

Подул ледяной северный ветер, но полуразрушенные стены преградили ему путь — мрачные, огромные, похожие на гранитные утесы. Если бы не Камар, Старк не подошел бы к ним и на пушечный выстрел. Что-то в них было не так: здесь ощущалось нечто дьявольское и полузабытое.

Высокий землянин посмотрел на марсианина. Лицо Камара было очень печально.

— Человек хочет умереть у себя дома,— коротко бросил он.

— Мне очень жаль тебя.

— Хозяин тишины всемогущ,— ответил Камар.— Он не назначает встреч. Нет. Я не для этого вернулся в Северные земли,— черты лица марсианина исказились душевной мукой.— Но я не вижу Кушата.

Пользуясь высшим марсианским языком почти так же свободно, как и Камар, Старк спокойно ответил:

— Мне известно, что на душе моего брата лежит груз более тяжелый, чем гнет смерти.

Подавшись вперед, он положил свою большую ладонь на плечо марсианина.

— Мой брат отдал свою жизнь за мою. А теперь я, если смогу, возьму его груз на свои плечи.

Он не желал груза Камара, каким бы он ни был, но марсианин дрался с ним плечом к плечу на юге во время долгой партизанской кампании среди племен у границы Сухих Земель. Он был хорошим человеком и в конце концов принял пулю, предназначенную Старку, сделав это сознательно. Они были друзьями.

Вот почему Старк принес Камара в этот суровый край, пытаясь добраться до города, где тот родился. Марсианин был чем-то взволнован и боялся умереть раньше, чем они достигнут Кушата. Теперь времени у него не оставалось.

— На мне грех, Старк,— тихо произнес марсианин.— Я украл священную вещь.

— Какую вещь? — склонился над ним Старк.

— Ты пришел извне и тебе ничего неизвестно о Ване Круачо и о талисмане, который он оставил, когда навсегда ушел за Врата Смерти. Я был рожден и взращен в Воровском Квартале за стеной,— Камар отбросил одеяло и сел. Голос его окреп.— Я гордился своим умением, а талисман был вызовом. Он был столь ценным, что со времен Вана Круачо вряд ли кому удалось к нему прикоснуться. Все это происходило в те дни, когда люди еще чувствовали тягу к подобным вещам перед тем, как забыть богов.

«Берегите Врата Смерти,— сказал он,— это охрана города, и всегда храните талисман, ибо может прийти день, когда вам понадобится его сила. Ни один враг не сможет проникнуть в Кушат, пока талисман остается в нем».

Но я был вором и был тщеславен — я украл талисман.

Рука Камара двинулась к поношенному поясу, он пытался нащупать выступ на нем, но пальцы плохо повиновались ему.

— Возьми его, Старк. Нажми здесь, с левой стороны, где выгравирована голова животного.

Старк взял у Камара пояс и нажал скрытую пружину. Круглая крышка отскочила, и внутри стал виден какой-то предмет, завернутый в лоскут шелка.

— Мне пришлось уйти из Кушата,— прошептал Камар,— я не мог рассчитывать на возвращение. Но это была не слишком высокая плата за то, что я получил.

Со смешанным чувством благоговения, гордости и раскаяния он смотрел, как Старк разворачивает лоскут.

Большую часть сказанного всерьез Старк не воспринял, но все равно ожидал зрелища более внушительного, чем то, что предстало его взору.

Это был кристалл дюйма четыре в окружности, тщательно обработанный. И все же это был лишь кусочек хрусталя.

Старк повертел его, нахмурившись. Кристалл был не простым. Он являл собой сплетение многих фасеток, сплетение невероятно сложное. Слишком сложное для того уровня техники, который должен был существовать при Ване Круачо. Старк обнаружил, что кристаллик, если долго на него смотреть, обладает гипнотическим действием.

— Как им пользоваться? — спросил он у Камара.

— Мы — как дети. Мы забыли, что в нем заключена большая сила. Ты увидишь, Старк. Некоторые верят, что если бы Кушату угрожала опасность, камень бы вырвал Вана Круачо из Врат Смерти, и он снова возглавил бы нас.

— Люди редко возвращаются с той стороны Врат Смерти, как бы нужны они ни были,— сухо проговорил Старк.— Может, у вас в Кушате эти слова имеют другое значение?

— Так называется проход, что открывается за Кушатом в темных горах. Город стоит перед ним, как охрана. Ни один человек не помнит, почему. Знают только, что это — великая тайна.

Во взгляде, устремленном на талисман, смешались гордость и боль.

— Ты хочешь, чтобы я отнес его в Кушат? — спросил Старк.

— Да! Да! — воскликнул марсианин. Но потом его взгляд омрачился, и он покачал головой.— Нет. На севере нет дорог для чужих. Со мной ты был бы в безопасности, а один... Нет, Старк. Ты и так подвергался риску. Лучше уходи с Северных Земель, пока еще можно.

Он снова лег на одеяло, и Старк увидел, что на его запавших висках появились голубоватые тени.

— Камар,— позвал он марсианина,— Камар, иди в мир. Я отнесу талисман в Кушат.

Марсианин вздохнул, улыбнулся, а Старк почувствовал радость от того, что пообещал ему это.

— Наездники Мекха — волки,— внезапно сказал Камар.— Они охотятся в этих ущельях. Будь осторожен.

Знание Старком географии этой части Марса было довольно смутным, но все-таки ему было известно, что горные долины лежат дальше к северу, между тем местом, где они сейчас находятся, и Кушатом. Камар рассказывал ему о горных войнах, и Старк был полон желания выполнить совет марсианина об осторожности.

Камар не мог больше говорить, и Старк понял, что ждать ему осталось недолго. Голос ветра напоминал звуки громадного органа. Луна скрылась, и в башне было очень темно, лишь слабо светился снег.

Старк взглянул на мрачные стены и содрогнулся. В воздухе уже витал запах смерти.

Отгоняя от себя мрачные мысли, он наклонился к огню и принялся изучать кристалл. Орнамент представ-

лял собой ряд символов. Странный орнамент для короля варваров, жившего на заре развития Марса. Отблески огня играли на внутренних фасетках. Казалось, кристаллик вбирает в себя свет. Потом он запылал белым дьявольским огнем и как будто ожил.

Старка захлестнула волна непонятного древнего ужаса, он отбросил кристалл прочь. Та часть его души, которая с болью познала путь цивилизации, заставила его сесть и обдумать, что делать с кристаллом, в то время как другая часть жаждала зашвырнуть кристалл в снег как можно дальше.

Талисман! Обещание давным-давно умершего короля о безопасности города. Кусок кристалла, украшенный легендой и мифической верой,— вот и все, что он собой представляет. Свет костра, смешанный с бредом Камара и приближением смерти, повлияли на его воображение. Всего лишь кусок кристалла...

И все же он все ярче разгорался в его руке, теплый и живой. Он приковывал к себе внимание и завораживал. Ветер бормотал в каменной впадине, и скоро Старку стало казаться, что он слышит голоса, очень слабые и отдаленные, вкрадчиво и незаметно проникающие в его сознание. Старк вздрогнул, охваченный суеверным страхом, и поднял голову. Он вслушивался и вслушивался в тишину, но смог уловить лишь вой ветра, сухой шорох снега и слабое дыхание Камара.

Старк посмотрел на кристалл, заставляя себя не отводить взгляд, но при этом он отвернулся от костра, загораживая его от света.

— Воображение,— сказал он себе.— В подобном месте можно что угодно услышать и увидеть.

Но кристалл продолжал пылать, как будто теперь, когда свет от костра стал недосягаемым для него, он питался теплом рук человека. Внутреннее свечение фасеток приковывало внимание Старка к темным глубинам, что тянулись где-то вне пространства и, возможно, вне времени.

Тихие голоса заговорили снова — зовущие звуки из

неправдоподобного далека, за миллион миль отсюда, такого далека, что ни одно ухо не должно было слышать их.

Но Старк слышал... И на этот раз он слушал их достаточно долго, чтобы кое-что о них узнать, а когда это случилось, он закричал и отшвырнул кристалл от себя. Отшвырнул в животном страхе, потому что понял внезапно; откуда бы ни шел этот голос, как бы ни был связан он с Кушатом, принадлежать человеческому существу он не мог.

Кристалл упал в снег у дверного проема и исчез в нем без звука. Старк поднялся, дрожа всем телом и ругая себя за глупость. Голоса снова исчезли, и он пытался поймать их, убеждая себя при этом, что они были порождением его сверхчувствительности, стремлением найти что-то дьявольское во всем этом... Примитивный абориген был в нем все еще силен. Распознавая в себе эти черты, он часто считал их проклятием и лишь иногда благословением. Обнаженный мальчик, который бегал с Тиком среди острых скал на краю Темной Земли, все еще продолжал трюки с Эрихом Джоном Старком.

Он стоял неподвижно, вслушиваясь в вой ветра, шелест снега, дыхание Камара...

Но дыхание Камара замерло.

Старк приблизился к нему и опустился перед ним на колени, страстно желая взять назад свое обещание, и понимая, что сделать это уже невозможно. Он сложил руки Камара на груди в ритуальном жесте и накрыл его лицо краем плаща.

Поднявшись, он сделал над Камаром прощальный жест и пошел к тому месту, куда бросил талисман. Встав на колени, Старк принялся разгребать снег, но одно из животных, привязанное к стене с внешней стороны башни, пробудилось и зашипело. Застыв, он услышал ответный крик другого.

Работая с отчаянной поспешностью, Старк выкопал дыру и почувствовал гладкую поверхность талисмана. Вытащив его, он уложил кристалл в пояс, разыскал фляжку около костра и сделал из нее большой глоток.

Потом он принялся ждать.

Они подходили, осторожно ступая, мускулистые горные животные, изящно двигаясь среди обломков и руин. Всадники, высокие мужчины с полными ярости глазами и красновато-коричневыми волосами, не проронили ни звука. На них были кожаные плащи, в руках прямые длинные копья.

Их силуэты маячили вокруг башни, и их было много. Старк и не подумал доставать пистолет. Еще очень юным он понял разницу между отвагой и идиотизмом.

Он пошел им навстречу, двигаясь медленно, чтобы ни один из них не метнул в него копье, но и не так, чтобы выказать страх. В знак приветствия он поднял правую руку. Всадники не ответили ему. Они сидели на животных и смотрели на него. Старк понял, что Камар говорил правду.

Это были наездники Мекха, и они были волками!

ГЛАВА 2

Старк ждал, пока они устанут от собственного молчания, и наконец один из них требовательно спросил:

— Из какого ты края?

— Я зовусь Н'Чака, человек без племени,— ответил Старк.

Такое имя дали ему его воспитатели — аборигены, подобравшие его, осиротевшего после землетрясения, разрушившего общину, которая была его домом. Люди, которые вырастили его среди яркого света, грома и горьких туманов Тусклого Пояса Меркурия. Это имя казалось Старку его настоящим именем.

— Чужой,— сказал главарь и улыбнулся. Он указал на тело Камара.— Ты убил его?

— Он был моим другом. Я вел его домой, чтобы он мог умереть там.

Двое всадников спешились и осмотрели тело. Потом один из них обратился к главарю:

— Он был из Кушата, если я только понимаю в племенах, Тхорд! И он не ограблен,— он тут же постарался исправить это упущение.

— Чужой,— снова заговорил главарь,— направлялся в Кушат с человеком из Кушата. Что ж, чужестранец, я думаю, ты пойдешь с нами.

Старк пожал плечами и, поскольку копья были направлены на него, не стал возражать, когда высокий Тхорд отобрал у него все, кроме одежды и пояса. Пистолет Старка Тхорд с презрением швырнул в снег.

Один из людей привел животных Старка и Камара, и землянин взобрался на свое животное, преодолевая его яростное сопротивление, так как оно не любило запаха Старка.

Они двинулись от защитных стен в неприкрытую ярость ветра.

Всю оставшуюся ночь, следующие день и ночь они скакали к востоку, останавливаясь только для того, чтобы дать отдохнуть животным и съесть немного вяленого мяса. Старк, ехавший пленником среди них, с полной силой осознавал, что это Северная страна, на полмира удаленная от Марса, космических кораблей и гостей с других планет.

Будущее так и не коснулось этих диких гор и суровых равнин. Их не коснулось даже настоящее. Прошлое крепко держало их в своих руках.

Далеко к северу над линией горизонта сверкала над бледным небом глыба полярного льда, а ночью холодный свет отражался в ней цветными сполохами. Ледяной, никогда не утихающий ветер все мел и мел по горным ущельям и равнинам. То здесь, то там поднимался столб или загадочная башня, чья история была неизвестна, а цель появления оставалась загадкой. Люди Мекха ничего не могли рассказать о них Старку, хотя, казалось, стремились избегать их.

Тхорд ни слова не сказал Старку о том, куда его

везут и почему, а Старк не стал интересоваться этим. Это было бы проявлением страха с его стороны. Поскольку ничего другого ему не оставалось, он запасся терпением пойманного животного и ждал. Но временами становилось особенно трудно. Он чувствовал себя очень неуютно в поясе Камара. Он не переставал думать о талисмане и гадал, какая часть странностей кристалла была подсказана его воображением, а какая была на самом деле. Ему сейчас хотелось только одного: быстрее добраться до Кушата и избавиться от этой вещи.

Он ругал Тхорда и наездников про себя, но яростно.

В середине второго дня они въехали в ущелье, заметенное снегом. Под ним лежала узкая долина. Посмотрев вниз, Старк обнаружил, что в долине, насколько хватает взгляда, снуют люди и животные, горят костры. Людей было несколько тысяч. Разбившись на группы, они устроили себе лагеря под скалами. Голоса их сливались в прозрачном воздухе в сплошной гул.

Армия, собирающаяся перед началом оттепели — Старк улыбнулся. Интересно бы встретиться с предводителем всей этой армады.

Они спустились вниз по узкой каменной гряде. Внезапно ветер утих: путь ему преградили каменные стены равнины. Отряд поехал вдоль лагеря.

Снег здесь уже подтаял и смешался с землей. Женщин в лагере видно не было, не было и следов той веселой толпы, что обычно следует за армией варваров.

Здесь были только мужчины,— жители гор и воины-убийцы, у которых не дрогнет рука, не помышляющие ни о чем, кроме битвы.

Они выходили из укрытий и приветствовали Тхорда и его людей, смотрели на незнакомца. Тхорд был доволен тем, что его так встречают и даже покраснел от сознания собственной значимости.

— У меня нет для вас времени! — крикнул он.— Мне надо поговорить с вождем Сиараном!

Старк следовал за ними с каменным лицом. Время

от времени он заставлял свое животное делать кульбит и внутренне смеялся этому.

Наконец Тхорд спешился и кивком головы предложил Старку сделать то же самое. Объявляя о своем прибытии, он постучал рукоятью сабли по щиту.

— Вождь Сиаран! Это Тхорд с пленником!

Голос, монотонный и приглушенный, ответил ему из убежища, расположенного чуть поодаль и отличающегося от других размерами. Возле входа было воткнуто в снег копье, и с него свисало черное полотнище с серебряной полосой, светящейся в темноте. Рядом стоял щит, охраны не было.

— Входи, Тхорд! — сказал голос.

Тот отодвинул занавеску и вошел. Старк двинулся за ним. Тусклый свет не проникал в помещение. Кольцо света от пылающего факела. Каменный пол устлан шкурами, такими потертыми, что в некоторых местах меха не было вообще. Из мебели стояли стул и стол, тоже потемневшие от времени и употребления. В одном из дальних углов — куча шкур с накинутым на них ковром.

На стуле сидел человек.

В коварном свете факела он казался очень высоким. Его худое тело было облачено в кольчугу, под которой была видна кожаная туника, выкрашенная в тот же черный цвет, что и кольчуга. На коленях человека лежал огромный топор, но руки его держали оружие так, будто это была игрушка, которая ему нравилась.

Голову и лицо его покрывало приспособление, известное Старку лишь по картинкам. Это была военная маска королей Внутренних Территорий Марса. Сделанная из черной сверкающей стали с прорезями для глаз и рта, она превращала человека в совершенно дьявольское существо.

На макушке и затылке от нее отходили тонкие витые металлические прутья, похожие на распростертые крылья.

Внимание Старка было приковано к маске, а не к Тхорду. Из-под маски снова послышался глухой голос:

— Итак?

— Мы охотились в ущельях на юге...— сказал Тхорд.— Мы увидели огонь...— и он рассказал о том, как они нашли незнакомца и тело человека из Кушата.

— Кушат! — тихо сказал Сиаран.— Так, и для чего, незнакомец, ты ехал туда?

— Меня зовут Эрих Джон Старк. Я землянин с Меркурия.— Он устал от того, что вся эта история затянулась и, кроме того его раздражала маска.— Но почему бы мне не ехать в Кушат? Что, это нарушает какой-то закон? Человек не может проехать туда спокойно и без допроса? Причем здесь люди Мекха? Они не имеют с этим городом ничего общего.

Тхорд слушал его, затаив дыхание.

Руки человека застыли на топоре. Это были нежные руки, гладкие и тонкие, они казались слишком хрупкими для топора, который лежал на коленях вождя.

— Наше дело то, что мы считаем своим делом, Эрих Джон Старк,— голос был странно мягким.— Я задал тебе вопрос: почему ты едешь в Кушат?

— Потому,— с той же сдержанностью ответил Старк,— что мой друг хотел умереть дома.

— Странно отправляться за смертью в столь долгий путь,— черная маска подалась вперед, как бы охваченная какой-то мыслью.— Лишь приговоренные или изгнанные оставляют свои города. Почему твой друг ушел из Кушата?

Внезапно из кучи шкур внизу послышался голос. Голос хриплый и глубокий, отмеченный то ли возрастом, то ли безумием.

— За все эти годы лишь трое, не считая меня, Отара, покинули Кушат. Один из них утонул во время наводнения, другой попал зимой в движущиеся льды и погиб, а третий остался в живых. Это вор по имени Камар, укравший талисман.

— Моего друга звали Граши,— ответил Старк.

Пояс Камара висел на нем тяжелым грузом, а железная коробка огнем жгла кожу. Теперь он начал испытывать страх.

Не обращая внимания на Старка, снова заговорил вождь:

— Это был священный талисман Кушата. Город без него подобен человеку без души.

«Как завеса Таним для Картага»,— подумал Старк, вспоминая судьбу города после того, как завеса была украдена.

— Знать боялась собственного народа,— сказал вождь,— она не осмелилась сказать ему, что талисман исчез, но нам известно об этом.

— И вы нападете на Кушат? — спросил Старк.— Нападете до оттепели, когда вас меньше всего ожидают?

— У тебя острый ум, незнакомец. Да, но даже в этом случае Великую Стену нелегко будет преодолеть. Если бы я пришел туда с талисманом Вана Круача в руке...

Он не закончил фразы и повернулся к Тхорду.

— Что ты нашел, когда обыскал тело мертвого человека?

— Ничего особенного, вождь. Несколько монет и нож. Все едва стоило того, чтобы брать.

— А ты, Эрих Джон Старк? Что взял с тела ты?

— Ничего,— твердо ответил Старк.

— Тхорд,— обратился к варвару вождь.— Обыщи его.

Улыбаясь, Тхорд приблизился к Старку и распахнул на нем куртку.

Землянин устремился вперед с поразительной быстротой. Ребром широкой ладони он ударил Тхорда по шее и прежде, чем его колени успели подогнуться, ухитрился схватить Тхорда за руки. Потом он мягко опустил тело варвара на пол.

Старк выпрямился. Глаза его сверкали.

— Этот человек уже один раз обобрал меня. Хватит!

Он слышал топот людей Тхорда. Трое пытались одновременно проникнуть в помещение, и в руках одного было копье. Старк вышиб его из рук нападающего, перехватил копье и некоторое время молча работал

толстым концом оружия, не слыша никаких других звуков, кроме стука дерева о кость. Очистив дверной проем, он с презрением швырнул копье вслед полумертвым варварам.

— А теперь,— сказал он вождю,— может, мы поговорим как мужчины?

Человек в маске рассмеялся, и смех его казался смехом человека, получившего искреннее удовольствие. Он под прикрытием маски изучал лицо Старка, потом перевел взгляд на мрачного Тхорда, поднимавшегося с пола.

— Уходи,— сказал ему вождь.— Мы будем разговаривать с незнакомцем.

Тхорд вытащил саблю, он был полон желания пустить ее в ход.

— Но, вождь... это небезопасно...

— Моя черная подруга позаботится обо мне,— сказал Сиаран, похлопав по лежащему на коленях топору.— Я сделаю это лучше, чем ты. Уходи!

Тхорд вышел.

Человек в броне молчал, повернув маску к Старку, смотревшему на нее не отрываясь и тоже молчавшему. В это время узел тряпья у стены медленно выпрямился и превратился в высокого старика с косматыми волосами и бородой, сквозь которые просвечивали кости, туго обтянутые желтой кожей. Глаза его, похожие на точки огня, горели, подогреваемые внутренним пламенем.

Он приблизился и клубком свернулся у ног Сиарана, наблюдая за землянином. Человек в броне подался вперед.

— Я скажу тебе кое-что, Эрих Джон Старк. Я — незаконнорожденный, но в жилах моих течет королевская кровь. Я вынужден был добывать себе имя и положение собственными руками, но я подниму их высоко, и имя мое прогремит по всей Северной Земле.

Я возьму Кушат. Тот, кто овладеет Кушатом, овладеет властью и богатством, что лежит за Вратами Смерти.

Сиаран помолчал, как бы погрузившись в мечты, потом добавил:

— Ван Круачо вышел из ниоткуда и сделал себя полубогом. Я поступлю также.

Старик издал кудахтающий звук:

— Я сказал им в Кушате, я сказал им, что пришла пора подняться и вернуть свою силу. Когда у них еще был талисман, они легко могли это сделать. Сейчас город умирает, и я сказал им, что есть шанс выжить, но они были полны презрения. Они только посмеялись и заковали меня! Теперь они будут смеяться по-другому. Ха! Как они будут смеяться!

А Сиаран сказал:

— Теперь город оголен, и я возьму его. С талисманом или без него, выйду за Врата Смерти, и тогда посмотрим, что там может быть.

Он снова замолчал, устремив на Старка взгляд из-под черной каски.

— Поедем со мной,— бросил он.— достань талисман, если ты действительно способен это сделать, и стань моей защитой. Никому другому я не предлагал такой чести.

— Почему ты выбрал меня? — медленно спросил Старк.

— Мы одной крови, Старк, хотя ты и чужеземец.

Холодные глаза Старка сузились.

— А что скажут на это твои красные волки? Что скажет Отар? Взгляни на него, он и так уже окаменел от ревности и со страхом ждет моего согласия.

— Не думаю, чтобы ты их боялся.

— Наоборот. Я человек благоразумный и настолько, что не заключаю ни одной сделки ни с одним человеком, пока я не загляну ему в глаза. Сними свой шлем, Сиаран. Потом, возможно, мы и поговорим.

— Нет,— прошептал вождь.— Этого я никогда не смогу сделать.

Отар поднялся в полный рост, и Старк впервые ощутил, какая сила кроется в теле этого старика.

— Ты хочешь посмотреть в лицо уничтожению? — загремел его голос.— Ты просишь смерти? Неужели ты думаешь, что если лицо скрыто под маской, то этому нет причины, и ты можешь требовать убрать ее?

Он оглянулся.

- Мой господин,— сказал он,- завтра к нам подойдет последний клан, и мы сможем выступить, как было задумано, но я считаю, что этот человек лжет. Он может знать, где талисман! Отдай его Тхорду на оставшееся время!

Слепая черная маска была неподвижна, но Старку показалось, что из-за нее послышался вздох.

— Потом...

— Тхорд! — воскликнул вождь и поднял топор.

ГЛАВА 3

Пламя костра высоко поднималось в защищенной от ветра долине. Вокруг сгрудились воины. Дикие наездники горных долин Мекха походили на волков, что дрожа пожирают глазами умирающую добычу. Взгляд их был хищным, зубы время от времени оскаливались в молчаливой усмешке.

— Он силен,— шептали они друг другу.

— Он наверняка переживет эту ночь.

На выступе скалы сидел Сиаран, завернувшись в черный плащ. Свой топор он держал в руках. Рядом на снегу скорчился Отар.

Возле них в землю был воткнут ряд длинных копий, скрепленных между собой так, что образовали подобие эшафота, в центре которого висел человек. Высокий человек с железными мускулами, очень тонкий. Его широкие плечи заполняли пространство между копьями. Это был Эрих Джон Старк, землянин, прибывший с Меркурия.

Его уже немилосердно отхлестали плетями. Повиснув

между рядами копий, он дышал тяжело, с хрипом, и снег под ним был запятнан кровью.

Тхорд держал в руках плеть. Он сбросил свой плащ, и тело его, несмотря на холод, блестело от пота. Варвар бил свою жертву, вкладывая в это занятие всю душу. Длинный бич пел в его руках. Тхорд гордился своим умением.

За все время экзекуции Старк даже не вскрикнул. Теперь Тхорд отступил. Вытирая со лба пот, он посмотрел на вождя. Черная маска кивнула ему.

Тхорд отбросил бич. Он подошел к высокому темноволосому человеку и схватил его за волосы, приподняв голову.

— Старк! — крикнул он, яростно дергая голову жертвы.— Чужеземец!

Глаза Старка открылись и уставились на него. Тхорд не мог удержать легкой дрожи от этого взгляда. Казалось, боль и унижение влили в этого человека что-то дьявольское. Взгляд был как у большого снежного кота, попавшего в ловушку. И Тхорд понял, что обращается не к человеку, а к хищному животному.

— Старк,— повторил он,— где талисман Вана Круачо?

Землянин молчал.

Тхорд рассмеялся. Он посмотрел в небо, в котором плавали низкие облака.

— Ночь прошла лишь наполовину. Ты надеешься ее пережить?

Жесткий, холодный, терпеливый взгляд был устремлен на варвара. Ответа не последовало.

Гордость этого взгляда рассердила палача, ему почудилась в нем насмешка, насмешка над ним, таким уверенным в своей способности развязывать языки. Она, казалось, говорила: однажды я тебя посрамил перед хозяином, и снова тебя посрамлю.

— Ты думаешь, я не смогу тебя заставить говорить? — вкрадчиво начал Тхорд.— Ты меня еще не знаешь, чужеземец. Я могу заставить говорить даже скалу!

Свободной рукой он ударил Старка по лицу.

Казалось невозможным, что человек может двигаться с такой быстротой. Сверкнули зубы, и рука Тхорда оказалась укушенной за сустав большого пальца. Тот заорал, но зубы вонзились до самой кости.

Внезапно Тхорд вскрикнул еще громче, но уже не от боли, а от страха. Ряды зрителей подались вперед. Встал даже вождь.

— Слушайте,— пробежал шепот по рядам,— слушайте, как он рычит.

Тхорд выпустил волосы Старка и бил его теперь по голове, лицо варвара побелело.

— Оборотень! — орал он в ужасе.— Зверь! Пусти меня!

Но темноволосый человек продолжал, сопя, рвать зубами кисть руки Тхорда. Вскоре послышался хруст сломанной кости.

Старк разомкнул челюсти, и Тхорд перестал бить его. Он медленно отшатнулся, глядя на порванную руку.

Здоровой рукой варвар вытащил нож. В это время вождь шагнул вперед.

— Подожди, Тхорд!

— Да это сам дьявол,— шептал тот,— Колдун, оборотень, зверь!

Он бросился на Старка.

Человек в маске мгновенно метнулся вперед. Топор его блеснул и вонзился в шею варвара у самых плеч.

Долина погрузилась в молчание. Сиаран медленно прошел по утоптанному снегу и поднял топор.

— Мне следует повиноваться! — громко обратился он к толпе.— Я не выношу страха ни перед богом, ни перед дьяволом, ни, тем более, перед человеком! — Он указал на Старка.— Развяжите его и проследите, чтобы чужеземец не умер.

Он отошел, а Старк засмеялся. Самому Старку казалось, что резкий хохот доносится до него откуда-то издалека. Рот его был полон крови, и его сводила с ума холодная ярость.

Но его движениями руководила чисто животная хит-

рость. Голова его упала на грудь, а тело безжизненно повисло. Можно было подумать, что он мертв.

К нему подбежали несколько человек. Старк прислушивался к их приближению. Люди колебались.

Потом, так как он не двигался, они подошли ближе, и один из них ткнул его острием копья.

— Давай посильнее,— посоветовал другой.— Надо убедиться.

Острие вонзилось глубже и несколько капель крови выступило на теле. Старк не шевельнулся.

Человек с копьем проворчал:

— Теперь он достаточно безопасен.

Старк почувствовал, что его путы начали перерезать. Наконец его освободили. Но он не упал. Он не упал бы даже в том случае, если бы его раны были смертельными. Подобравшись, он вскочил на ноги и в первом же броске схватил человека с пикой и швырнул его в костер. Потом, оставляя за собой кровавый след, побежал туда, где виднелась гряда холмов.

Кто-то кинулся ему наперерез. Старк увидел тень копья и вильнул в сторону, обеими руками вырвал его у нападавшего и побежал дальше. Он услышал за собой крики и топот.

Вождь оглянулся и отступил назад. Теперь перед Старком оказалось много людей. Круг наблюдателей разорвался, ибо наблюдать было больше не за чем. Старк плотнее сжал рукоятку копья. Оружие было лучше, чем та палка, которой он в детстве убил гигантскую ящерицу.

Он действовал копьем с удивительной ловкостью. Варвары не ожидали атаки, большая их часть была вооружена ножами, и они были застигнуты врасплох. Кроме того, они боялись Старка. Он почти физически ощущал их страх — не перед человеком, а перед существом, более ничтожным и более великим, чем человек.

Старк убивал их и был счастлив.

Варвары убегали от него. Теперь они были уверены, что он демон. Землянин носился среди них с копьем в

руках, и они слышали звуки, которые человеческое горло издать не может. Ужас варваров все возрастал, заставляя их отступать с его пути так поспешно, что они сталкивались друг с другом.

Старк вырвался из круга, и теперь перед ним и свободой были только двое верховых, стерегущих табун.

Поскольку те были верхом, они были смелее. Они чувствовали, что оборотень не может устоять перед ними, и бросились к нему. Копыта животных звонко цокали по подмерзшему снегу.

Не замедляя бега, Старк метнул копье, и оно попало в одного из всадников, сбило его, и тот упал под ноги животному. Животное споткнулось, зашипело, а Старк проскочил мимо.

Старк быстро взглянул через плечо. В суетящейся толпе он разглядел человека в черной кольчуге. Тот мчался вперед огромными скачками, держа наготове топор.

Теперь Старк был близок к табуну, и животные почуяли его.

Животные Северной Земли не любили его запаха, а теперь он к тому же пропах кровью, и этого было достаточно, чтобы они пришли в ярость. Животные начали тревожно шипеть и фыркать, сбились в кучу и смотрели на Старка блестящими глазами. Он налетел на них прежде, чем они бросились бежать.

Старк был достаточно проворен, чтобы схватить одно из животных за ту часть тела, откуда у него рос рог и, не обращая внимания на яростное сопротивление, вскочить ему на спину. Потом пришпорил животное, и оно понеслось, издавая такие дикие вопли, что все остальное стадо замерло от ужаса.

Старк помчался вперед, низко пригнувшись к чешуйчатой спине животного. Оглянувшись, он увидел, что варвары разбегаются, теснимые испуганными животными. Некоторые падали. Животные мчались по лагерю, ломая и круша все на своем пути, и с ними мчался Старк. На ходу он сорвал плащ с одного из варваров.

а потом, жестоко теребя рог животного, заставил его свернуть вниз, в долину.

Краем глаза он увидел, что после долгой борьбы Сиаран сумел оседлать одно из животных, но тут на него налетел клубок катящихся тел и увлек за собой.

Животное Старка мчалось во весь опор. Казалось, оно надеялось убежать от неприятного запаха. Последние строения лагеря исчезли, и перед Старком открылась снежная равнина. Животное продолжало нестись вперед, тряся брюхом.

Тело Старка обвисло. Безумная битва унесла последние его силы. Он сознавал, что ему очень плохо, что раны его кровоточат, а все тело пронзает жестокая боль.

В это время он острее, чем в течение всех прошедших часов, ненавидел черного вождя людей Мекха.

Старк смутно замечал, что мимо проносятся какие-то каменные строения, потом они внезапно исчезли, и неведомо откуда, подобно гигантскому молоту, ударил порыв ветра.

Он снова был на открытом месте. Животное стало замедлять бег, перешло на шаг и наконец остановилось.

Старку хотелось упасть на землю и умереть, но после того, что он сделал, такой конец казался ему глупостью. Кроме того, Сиаран мог найти здесь его тело и был бы рад этому.

Старку удалось зачерпнуть горсть снега, и он приложил его к ранам. Сознание едва не покинуло его при этом, но кровотечение вскоре прекратилось. Потом и боль стала не такой острой.

Он завернулся в плащ и направил животное вперед, говоря с ним на этот раз ласковее. Животное, вздохнув, повиновалось. Теперь оно бежало рысцой. Таким темпом оно могло идти довольно долго.

Три дня они ехали по вересковой долине. Часть времени он провел в забытьи, часть — в лихорадочных размышлениях, наблюдая за линией горизонта и стараясь ехать так, чтобы его след был как можно запу-

таннее, хотя снегом его заметало почти тут же. Часто он принимал выступы скал за всадников и прятался, пока не убеждался в своей ошибке. Оторвав полоски от плаща, он сделал поводок для животного, конец которого привязал к поясу Камара, по-прежнему опоясывающему его талию.

Теперь, если он падал или спешивался, животное не могло убежать от него. Это был один из постоянно терзавших его страхов. Другим страхом было навязчивое видение вождя варваров Сиарана с топором наготове.

Полуразрушенные башни, рассеянные вокруг, казалось, следили за ним, и Старк не приближался к ним.

Он знал, что давно уже сбился с пути, но ничего поделать не мог. Возможно, именно в этом и крылось его спасение. Дважды он видел вдалеке верховых, они могли быть людьми Сиарана, но оба раза они проезжали мимо, не заметив его, так как он с животным прятался в укрытии.

Но однажды вечером перед заходом солнца Старк оказался на равнине, заканчивающейся крутым откосом, по которому шла лишь узкая тропа.

Заходящее солнце заливало все кроваво-красным светом, и казалось, что в конце тропы горят дьявольские костры. Старку, чье мышление сейчас было лишено какой-либо логики, этот узкий проход показался дверью в убежище дьявола.

Он посмотрел на Врата Смерти, и в памяти зашевелились воспоминания. Воспоминания о том кошмарном времени, когда талисман принес ему эхо нечеловеческих голосов и ощущение прикосновения нечеловеческих рук.

Усталое животное споткнулось, и Старк как во сне увидел город, обнесенный огромной стеной, что стоял на страже перед Вратами Смерти. Старк наблюдал, как город скользит к нему сквозь дымку.

Он положил руку на пояс Камара, заскорузлый от крови, и почувствовал, как волна ненавистного жара, мягкого и жесткого одновременно, захлестнула его.

— Я уничтожу тебя,— прошептал он, обращаясь к

равнине и тому всаднику в черной кольчуге, что скакал где-то там вдали. Он снова посмотрел на тропу и на сей раз не испытал страха. Пальцы его сомкнулись на кристалле.

— Я уничтожу тебя, Сиаран.

Старк ехал, дрожа от нетерпения и думая о той силе, что лежала за Вратами Смерти.

ГЛАВА 4

Старк стоял на широкой площади, окруженной многочисленными лавками и кабачками. Дальше виднелись здания, улицы. У него создалось впечатление, что вокруг много больших мрачных домов из черного камня, громоздившихся на фоне гор. Все они казались очень древними, и многие из них были разрушены.

Он толком не помнил, как попал сюда. Сохранились воспоминания о городских воротах. Они были открыты, и Старк вошел в них, как ему показалось, за группой охотников, возвращающихся с добычей. Больше ничего он не помнил.

Но сейчас он стоял на площади, и кто-то вливал ему в рот вино, кислое на вкус, и Старк жадно глотал его. Вокруг были люди. Они яростно жестикулировали, болтали, задавали вопросы. Девичий голос крикнул:

— Пустите его! Разве вы не видите, что он ранен? Он же едва стоит на ногах!

Старк посмотрел вниз. Видения воспаленного воображения, рисующие ему почти божественную власть, полностью оставили его. Реальность подступила к нему вплотную, и этой реальностью была худенькая, плохо одетая девушка с черными волосами и большими, как у кошки, глазами. Она держала в руках бурдюк. Улыбнувшись ему, она сказала:

— Я — Танис. Хочешь еще вина?

Старк отпил еще немного и заставил себя сказать:

— Спасибо, Танис.

Чтобы не упасть, он положил ей руку на плечо. Оно оказалось удивительно крепким. У Старка кружилась голова, и все казалось каким-то странным. Однако вино вернуло ему жизнерадостность.

Толпа все еще бурлила вокруг него, разрастаясь и множась, а потом он услышал топот нескольких пар ног. Маленький отряд вооруженных людей прокладывал себе дорогу через толпу.

Очень молодой офицер, чей щит блестел так, что больно было смотреть, немедленно хотел узнать, кто такой Старк и зачем сюда явился.

— Никто не ходит через пустыни зимой без цели,— заявил он таким тоном, будто это нарушение скрывало дьявольский замысел.

— Клан Мекхов ходит,— ответил Старк.— Через день или два сюда подойдет армия, которая хочет взять Кушат.

Толпа тут же подхватила эту новость. Взволнованные голоса передавали ее задним рядам и требовали подробностей.

— Я должен немедленно увидеть вашего капитана!

— Скорее всего ты увидишь его в тюрьме! Что это за чепуха насчет мекхов? — отрезал офицер.

Старк молча смотрел на него. Он смотрел так долго и с таким любопытством, что в толпе послышались смешки, а лицо офицера залилось краской.

— Я сражался во многих битвах,— спокойно ответил ему Старк. — И давно уже познал истину: нужно слушать того, кто предупреждает о нападении.

— Отведите его лучше к капитану, Лу! — крикнула Танис,— Если будет война, нам тоже достанется!

В толпе послышались крики. Кричали бедные люди, закутанные в лохмотья. Они не питали любви к охране. Будет война или не будет, зима для них все равно останется долгой и скучной.

— Веди его к капитану, Лу! Веди! Пусть он расскажет все капитану!

Юный офицер моргнул. И вдруг кто-то, невидимый в толпе, крикнул:

— Пусть он предупредит знать! Пусть они поломают головы, как спасти город теперь, когда исчез талисман!

Толпа ответила на эти слова ревом. Лу обернулся и крикнул что-то своим солдатам. Лицо его внезапно омрачилось. Весьма неохотно, как показалось Старку, солдаты подняли копья и двинулись на толпу. Толпа подалась немного назад и умолкла. Зазвенел голос Лу, пронзительный и резкий.

— Талисман на месте, и все могут его видеть! Вам известно, какое наказание ожидает того, кто распускает лживые слухи!

Должно быть, девушка почувствовала удивление Старка, ибо он ощутил на себе ее пристальный взгляд. Взгляд был тревожным.

Тут Лу круто повернулся и указал на Старка.

— Посмотрите, вооружен ли он.

Один солдат шагнул вперед, но Старк оказался проворнее. Он расстегнул ремень, и плащ сполз с его плеч, открыв верхнюю часть тела.

— Люди Мекха отобрали у меня все, чем я владел. Зато они дали мне кое-что взамен!

Люди смотрели на полосы бича, покрывающие тело Старка, и по толпе прошел удивленный ропот.

Солдат поднял плащ и накинул на плечи Старка. Лу сказал угрюмо:

— Ну, пошли. Я отведу тебя к капитану.

Девушка приблизилась к Старку, помогая застегнуть плащ, и Старк услышал ее быстрый горячий шепот:

— Ничего не говори о талисмане. От этого зависит твоя жизнь.

Солдаты снова построились, а девушка отошла в сторону.

Однако Старк не дал ей уйти.

— Спасибо тебе, Танис! — сказал он.— Не хочешь ли ты пойти со мной? Мне трудно идти одному.

Она подошла поближе, улыбнулась и позволила опереться о свое плечо.

Старк задумался. Камар явно не лгал. И Отар, и Сиаран были уверены, что талисман исчез, и все же юный хлыщ утверждал, что талисман на месте и каждый может его увидеть. Он угрожал наказанием тому, кто станет это отрицать.

Он вспомнил: Сиаран говорил о том, что знать в Кушате боится, как бы люди не узнали правду. Видимо, камень подменили, и Старк решил следовать совету девушки.

Он думал, как исключить из своего рассказа не только упоминание о Камаре, но так же и об Отаре, и об утверждении Сиарана о беспомощности Кушата. Он был теперь уверен, что талисман, попавший по иронии судьбы в Кушат, таит в себе больше опасности для него здесь, чем в лагере Сиарана.

Капитан охраны оказался толстым человеком. От него исходил запах вина. Лицо его было испещрено морщинами, хотя волосы еще не изменили своего цвета. Он сидел в сторожевой башне, что возвышалась над пропастью. Старка он оглядел без особого интереса.

— Ты хотел что-то рассказать капитану,— сказал Лу.— Так давай, рассказывай.

Старк начал говорить, тщательно взвешивая каждое слово. Капитан выслушал его сообщение о сборе кланов Мекха, и взгляд его сделался внимательным и острым.

— У тебя, конечно, есть доказательства?

— Ничего, кроме моих ран. Их вождь Сиаран сам руководил расправой.

Капитан вздохнул и откинулся на спинку стула.

— Любая шайка охотников-бродяг могла бы тебя отделать не хуже. Неизвестный бродяга, появившийся неизвестно откуда, человек, как я могу судить, не подчиняющийся законам, ты просто мог все это выдумать.

Он потянулся к бутылке с вином и улыбнулся.

— Послушай, чужестранец. В Северных Землях не воюют зимой, и никто никогда не слышал о Сиаране.

Если ты надеялся получить от города вознаграждение, то твой замысел не удался.

— Вождь Сиаран,— ответил Старк, с трудом сдерживая гнев,— будет у твоих ворот через два дня. Тогда ты о нем услышишь.

— Возможно. Можешь подождать его прибытия в тюрьме. А после наступления оттепели ты покинешь Кушат с первым же караваном. У нас здесь и без тебя достаточно сброда.

— Сир! — воскликнула девушка, стоявшая рядом со Старком.— Я поручусь за незнакомца!

— Ты? — удивленно посмотрел на нее капитан.

— Да. Я свободная гражданка Кушата и согласно закону могу за него поручиться.

— Если бы ты, Отродье Воровского Квартала, чтила законы хотя бы наполовину так же хорошо, как ты их знаешь, у нас было бы куда меньше неприятностей,— проворчал капитан.— Ладно, бери его, если он тебе нужен. Тебе, я думаю, терять нечего.

Глаза Танис сверкнули, но она не ответила капитану. Лу рассмеялся.

— Имя и местожительство? — капитан записал адрес.— И помни: он не должен покидать пределов квартала.

Танис кивнула.

— Идем,— сказала она Старку.

Тот не шевельнулся, и она посмотрела на него. Взгляд землянина был прикован к капитану. За последние дни у Старка отросла борода, лицо его, все еще хранившее следы бича Тхорда, казалось измученным и диким. И теперь с этой дьявольской маски, не отрываясь, со странной настойчивостью смотрели глаза на человека с мягким брюшком, что сидел здесь и усмехался.

Танис снова взяла его за руку.

— Идем,— повторила она,— тебе нужно отдох-нуть.

Мягким движением она повернула к себе его голову. Он качнулся, она обвила его спину рукой и осторожно повела к выходу.

Дойдя до двери, она остановилась и обернулась.

— Сир,— кротко сказала она,— новость о возможном нападении передается сейчас по всему городу. Если случится так, как он говорил, станет известно, что вы знали о нападении и никому не сказали...— Она выразительно покачала головой.

Лу с тревогой посмотрел на капитана.

— Она права, сир. Если окажется, что этот человек говорит правду...

Капитан выругался.

— Крыса! Басни бродяг! И все же...— Он нахмурился, потом пожал плечами и потянулся за бумагой.— В конце концов, что может быть проще. Запишем эту историю, отдадим бумагу, куда нужно, и пусть знать сама ломает себе голову.

Перо его заскрипело по бумаге.

Танис вела Старка по узким улочкам, уже погружающимся во мрак. Город здесь то карабкался вверх, то опускался вниз неровными уступами.

Старк ощущал тяжелый запах специй и незнакомой еды, слышал звуки движения многочисленных обитателей каменных домов.

Один из домов стоял в тени огромной стены, и к нему вела извилистая каменная лестница с истертыми ступенями. Войдя в этот дом, они очутились в комнате с низким потолком. В комнате находился стройный человек по имени Валин, брат Танис. Он с удивлением посмотрел на Старка. Его длинные пальцы вора играли красным драгоценным камнем, который он носил в левом ухе.

На полу лежала постель из шкур и вороха одежды. Ноги сами понесли туда Старка. Но, борясь с подступающей дремотой, он сидел на краю постели, пока Танис принесла ему вино и чашку с едой, объясняя на ходу все брату. Старк слишком устал, чтоб есть, но вино выпил. Мысли его немного прояснились, и появилась некоторая способность соображать.

— Почему опасно говорить о талисмане? — спросил он у Танис.

— Ты ведь слышал, как Лу отвечал толпе,— сказала она.— Они положили в раку какую-то стекляшку и называют ее талисманом, а тем, кто называет их лгунами, приходится сожалеть об этом.

Послышался голос Валина:

— Когда талисман исчез, в Кушате чуть не началась революция. Люди не могли примириться с его потерей и винили жителей Королевского Города, где находится рака, в том, что они не сберегли талисман. Наррабар и знать почувствовали, что кресла под ними зашатались и устроили подмену.

— Но,— сказал Старк,— если люди не верят...

— Об этом наверняка известно только в Воровском Квартале. Талисман взял один из нас.— В тоне Валина смешались гордость и осуждение.— Остальные — ремесленники и торговцы, которым вечно приходится подтягивать животы — предпочитают верить в ложь.

Глядя Старку прямо в глаза, Танис сказала:

— Ты чужой, но тебе все же известно о талисмане, и ты знаешь, что он исчез. Откуда?

В Старке проснулся инстинкт самосохранения. Теперь он понял, что обладание талисманом может оказаться для него смертельным приговором. Поэтому он ответил:

— Об этом сказал мне вождь Сиаран из Мекха. С ним был старик, человек из Кушата. Звали его Отар...

— Отар! — повторил Валин.— Отар? Мы считали, что он мертв.

— Он рассказал Сиарану, что талисман украден из города, и теперь Кушат можно захватить.— Старк вспомнил слова Сиарана и повторил их.— Он подобен человеку без души.— Старк помолчал и спросил: — Неужели какой-то кусочек стекла обладает такой силой?

— Люди в это верят,— сказал Валин.— Вот что важно!

Старк кивнул. Короткий период просветления кончился, и темнота снова навалилась на него. Он посмотрел на Танис, потом на Валина, и взгляд его был

пустым, но в то же время острым, как у животного, что себе на уме. Глубоко вздохнув и решив что со всеми опасностями покончено, Старк упал на спину и мгновенно заснул.

Руки и голоса тащили его в сон, и во сне они его долго тревожили, пока он не ощутил, что другие руки сильно трясут его и знакомый голос повторяет его имя. Он открыл глаза. В окна уже лился солнечный свет.

— Старк,— говорила Танис,— пришли солдаты.

ГЛАВА 5

Старк приподнял голову и застонал от боли, пронзившей его тело.

— Солдаты?

С улицы доносились звуки ритмичных шагов и звяканье металла. Сознание быстро вернулось к нему. Он обвел взглядом комнату: окно, дверь, ход но вторую комнату, и приготовился к прыжку. Валин схватил его за плечо.

— Нет, ты не можешь бежать! К тому же в этом нет необходимости. Я думаю, что старина Соубелли представил отчет, и тебя отведут к королю города, чтобы ты ответил на несколько вопросов.

Пристально посмотрев на Старка, он продолжал:

— А теперь слушай меня. Не упоминай о том, что Отар и Сиаран говорили о городе. Это им не понравится, и тебе могут отрубить голову. Ты же сможешь повторить это и другим. Скажи только то, что говорил капитану. Понял?

— Понятно,— кивнул Старк.

Холодная струя воздуха из окна заставила его поежиться, и он с удивлением осознал, что раздет, побрит и вымыт, а раны его перевязаны. Танис протянула ему одежду, тоже выстиранную, и еще одно одеяние, не-

знакомое ему — тунику из золотого меха, мягкую, как шелк.

— Валин украл ее из бани, куда ходит знать. Он сказал, что у тебя должна быть самая лучшая одежда.

— Мне пришлось здорово повозиться, чтобы найти тебе впору.— Валин посмотрел на окно.— Они уже близко. Надо спешить.

Старк натянул на себя одежду и стал искать глазами пояс, не увидев его, почувствовал резкий приступ страха. В дверь забарабанили и грубый голос, в котором Старк узнал голос Лу, закричал, веля открыть. Валин открыл дверь, и комната наполнилась солдатами.

— Доброе утро,— весело сказал им Валин. Лу ничего не ответил ему. Он был полон важности, как человек, выполняющий особое задание.

— Тебя будет допрашивать король, чужестранец,— сказал он и кивнул в сторону двери.

Танис сняла с крюка плащ Старка, под которым оказался и пояс. Она протянула их Старку.

— Ты не должен заставлять ждать господина,— серьезно сказала она. На ней было красное платье, металлическое ожерелье, тщательно причесанные волосы блестели в лучах солнца.

Старк улыбнулся ей в ответ и надел пояс. Потом накинул на плечи плащ и вышел на улицу.

Там уже собрались люди, следившие за тем, как Старк спускался по лестнице, конвоируемый солдатами и Лу, похожим на молодого петушка. Одного человека сопровождали восемь солдат и офицер. Старк подумал, что лучше бы они с таким рвением охраняли городскую стену. Толпа предусмотрительно держалась поодаль от процессии. Старк видел взволнованные лица, следящие за ним глаза, слышал шепот и понимал, что известие о приближении Сиарана уже ходит по городу.

Лу больше не разговаривал с ним. Они прошагали по улицам города, потом оказались на более широких и еще более заполненных народом, где мастерские ткачей и оружейников, ювелиров и гончаров, кузнецов и

каменщиков, вероятно, всех, кто производил в городе товары, как вехи, указывали путь ко дворцу. Прохожие останавливались и с любопытством рассматривали Старка, он тоже смотрел на них и, вспоминая наемников Мекха, думал, на что будут похожи эти красивые аккуратные домики через день-два.

Кушат был построен по образцу древних марсианских городов и представлял собой нечто вроде растянутого, неправильной формы колеса, обнесенного стеной вдоль внешнего обода, с Королевским Городом на месте втулки — город в городе, со своей защитной стеной, с высокими башнями и прекрасными домами знати.

Темные башенки, частично разрушенные, указывали, что стена была очень старой.

Старк вздрогнул, но не от холода. Он ненавидел города, они были ловушками, лишающими человека свободы, сковывающими его сознание и волю своими стенами и властью богатых людей.

И все же ему доводилось бывать в городах, которые, хоть и не уступали Кушату в древности, казались полными жизни. Может, это холод покрывал улицы такой мертвенной пеленой?

Старк посмотрел на скалы и ущелья. Может, дело в близости Врат Смерти и страха перед тем, что было за ними?

Они прошли в Королевский Город сквозь узкие ворота, охраняемые большим отрядом. Здесь дома из разного камня стояли в отдалении друг от друга. Между ними небольшие площади. Некоторые представляли собой только жалкие остатки с потемневшими арками и обвалившимися крышами, но на окнах других домов висели богатые шторы, а во дворах кипела жизнь.

Лу шагал очень важно, держась прямо, выпятив подбородок. То и дело он отдавал команды.

Наконец они вышли прямо на широкую площадь перед дворцом и Старк, умерив шаги, раскрыл глаза.

Людям, шедшим позади, пришлось отступить в сторону, чтобы не налететь на него. Лу обернулся, чтобы

узнать, в чем дело, готовый излить свое негодование, но увидев, что Старк просто засмотрелся, решил просветить варвара.

— Это,— сказал он,— рака с талисманом и статуя Вана Круачо, основателя Кушата.

Статуя возвышалась над пьедесталом на высоту в рост трех мужчин. Она была массивной и просто изваянной. Природа и время сгладили ряд прекрасных деталей, и все же сохранилось впечатление силы и власти и нечто неуловимое, что оставило в душе Старка уверенность в том, что именно так и выглядел Ван Круачо в своих старинных доспехах, когда стоял, опершись на эфес огромной шпаги с высоко поднятой головой. Такое лицо могло быть только у человека, созданного для власти — худощавое, сильное, с резкими чертами и гордым ртом, суровым, но не жестоким. Бесстрашный человек — сказал бы о нем любой.

Но Старку почудилось, что он видит на этом каменном лице тень какого-то родственного страху чувства: то ли благоговения, то ли сомнения, а может быть, чего-то более тонкого, чему нет названия. Можно было подумать, что он стоит на пороге некоего тайного мира, проникнуть в который дано лишь ему одному.

— Ван Круачо,— тихо, как будто ему не приходилось слышать этого имени раньше, сказал Старк.— И рака. Ты говоришь о талисмане?

Лу знаком велел подойти к статуе ближе. Пьедестал, на котором она стояла, являл собой кусок цельного камня, квадратное строение с маленьким зарешетчатым окошечком на каждой стороне. В нем не было ничего, что напоминало бы дверцу. Должно быть, внутрь вел какой-то подземный ход.

— Талисман,— продолжал Лу,— был даром Вана Круачо городу. Пока он здесь, Кушат никогда не падет перед врагом.

— Почему? — спросил Старк.

— Из-за силы талисмана.

— В чем же она заключается? — спросил Старк,

как мог бы спросить грубый варвар, простодушный и любопытный.

Лу ответил с непререкаемой уверенностью:

— Она заключается в том, что в талисмане заперта сила, лежащая за Вратами Смерти.

— О! — произнес Старк и наклонился к маленькому окошечку.— Должно быть, это и правда великая вещь!

— Настолько великая,— подхватил Лу,— что ни один враг не осмелился ни разу напасть на нас и не осмелится, пока талисман здесь.

Голос Лу был уверенным, даже слишком уверенным. Действительно ли он верил в то, что перед ним талисман, или же пытался изо всех сил поверить?

— Мне показалось, что вчера на рыночной площади кто-то сказал...

— Возмутительные слухи! Ты сам можешь в этом убедиться! Он здесь!

Что-то там явно лежало. Что-то, похожее на кусочек полированного камня. Овальный кусок хрусталя, очень похожий по форме на талисман, с той лишь разницей, что он был бездушен.

Вспомнив сверхъестественное сияние талисмана, Старк внутренне улыбнулся и с удивлением подумал: как же Камару удалось украсть такую вещь?

— Да. Я вижу, что он здесь,— сказал Старк.— А скоро придут те, кто хочет испытать его и вашу силу.— Он посмотрел на Лу.— А как же высвободить ту силу, что заключена в талисмане?

— Когда придет время, мы сделаем это,— высокомерно ответил Лу.— Идем! Господин Рогайн уже ждет.

«Другими словами, ты знаешь не больше моего»,— подумал Старк.

Снова становясь во главе солдат, Лу решительно прибавил:

— Я не верю в твою варварскую армию — так же, как и капитан.

Он шагал впереди, сопровождаемый солдатами. Они пересекли площадь и вошли во двор массивного стро-

ения, находившегося на восточной стороне площади. Перед зданием стояли статуи людей в старинных одеждах. Некоторые с отбитыми руками или головами.

Здесь Лу остановил солдат и повел Старка по длинным коридорам, увешанным выцветшими тканями через многочисленные сторожевые пункты, где их останавливали вооруженные люди и спрашивали у Лу его имя, звание и поручение, с которым он направляется. Наконец последний охранник распахнул перед ними дверь, и Старк оказался в удивительно маленькой комнате, тщательно задрапированной коврами, наполненной дымом двух жаровен.

В комнате находилось много вооруженных людей.

Среди них Старк узнал капитана охраны.

За широким столом сидел человек в разукрашенном драгоценностями мундире. У него было приятное, доброе лицо, седые волосы, умные глаза и мягкие щеки.

«Прекрасный человек,— подумал Старк,— но в окружении солдат выглядит нелепо».

Лу отдал честь.

— Вот этот человек, сир,— сказал он.

Рогайн кивнул, поблагодарил его, и отпустил взмахом руки. Старк остался спокойно стоять. Рогайн изучал его, задумчиво и внимательно глядя на него.

— Как вас зовут? — спросил он.

Старк назвал свое имя.

— Вы не с Северных Земель?

— Нет, я вообще не с Марса. Мои родители прилетели с другой планеты. Я родился в мире, намного ближе расположенному к Солнцу,— он помолчал, спокойно глядя в глаза Рогайну.— Я говорю это для того, чтобы вы поняли: и по рождению, и по природе я человек извне.

Рогайн кивнул и едва заметно улыбнулся.

— Иными словами, мне не следует спрашивать вас о том, какое дело привело вас зимой в Северные Земли, и обо всем прочем тоже?

Капитан охраны пробормотал что-то насчет воровских и тому подобных дел.

Старк сказал Рогайну:

— Спрашивайте все, что вам угодно. Я был на юге, где должен был сражаться вместе с жителями Сухих Земель против Пограничных государств, но дела пошли не так, как должны были, и война так и не началась. Делать в тех краях мне было больше нечего, а вашей части Марса я никогда не видел, вот и направился на север.

— Так значит, вы — наемник,— сказал Рогайн и один из присутствующих, человек с тяжелым подбородком и глупыми глазами, довольно кивнул:

— Вы сами дали ответ, Рогайн. Он принес нам сказку о войне в надежде получить за нее вознаграждение.

— Что вы ответите на это, Старк? — холодно спросил Рогайн.

— Скажу, что получить подтверждение моей истории довольно легко,— пожал плечами Старк.— Подождите несколько дней.— Он оглядел по очереди окружающих его людей и нашел их безнадежными. Все они были цивилизованными людьми — хорошими, плохими, безразличными — настолько цивилизованными, что источник происхождения их культуры был забыт задолго до того, как был заложен первый камень Кушата.

Они были слишком цивилизованными и слишком долго жившими под эгидой подаренного им Ваном Круачо мира, с течением времени их клыки если не атрофировались, то довольно сильно притупились, когти обломались.

— Вы можете защищать Кушат, можете не защищать,— сказал Старк,— но в любом случае я свои услуги не продаю!

— Вот как? — удивился Рогайн.— Почему же?

— У меня личные счеты с Сиараном из Мекха,— мягко ответил Старк.

Человек, говоривший раньше, язвительно рассмеялся. Рогайн обернулся и посмотрел на смеявшегося с подчеркнутым интересом.

— Неужели вы потеряли способность понимать сто-

ящего перед вами человека? — спросил он, покачав головой.

Тот сделался багровым, а у остальных был озадаченный вид. Рогайн снова повернулся к Старку.

— Садитесь,— предложил он, указывая на стул, стоящий у стола.— Теперь вот что я хотел бы узнать у вас: расскажите мне всю вашу историю.

Старк рассказал ему то, что рассказывал и капитану. Когда он кончил, Рогайн стал задавать ему вопросы.

Сколько людей? Каковы точные слова Сиарана и кто он такой? Почему он велел мучить Старка?

Старк нашел на все вопросы правдоподобные ответы, но не упомянул ни об Отаре, ни о талисмане. Некоторое время Рогайн сидел, погруженный в свои мысли, остальные почтительно молчали, не решаясь высказать собственное мнение.

Старк наблюдал за тем, как рука Рогайна бесцельно движется среди разложенных на столе предметов. Наконец тот вздохнул и сказал:

— Я вооружу город, и, если нападение произойдет, Кушат будет вам благодарен за предупреждение, Старк.— В глазах его зажегся на удивление неприятный огонек.— Если же его не будет, то мы обсудим это дело позже!

Старк улыбнулся, и улыбка у него была жесткой.

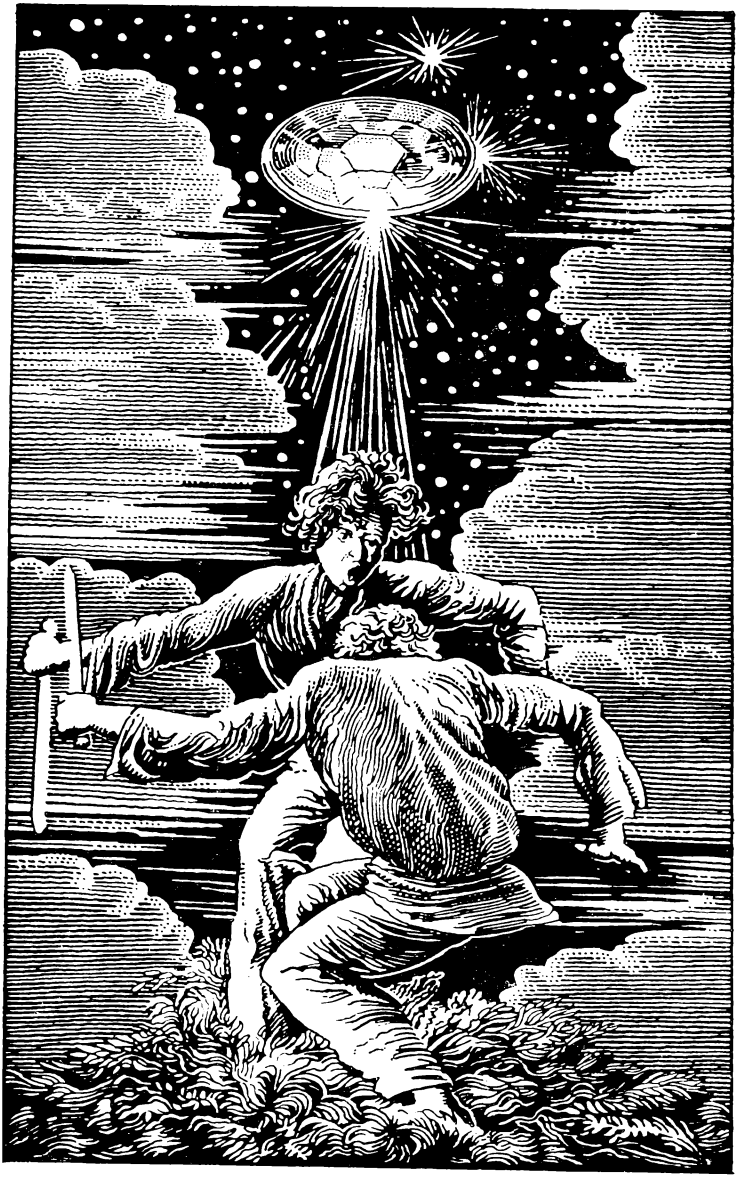
— Вы еще надеетесь на то, что я лгу?

— Эта часть мира имеет собственные законы, которых вы никогда не знали и не понимаете теперь. Это обстоятельство еще больше увеличивает вероятность того, что вы могли ошибиться. Во-первых...

— Зимой никто не воюет! — подхватил Старк.— Именно на это и надеется Сиаран.

— Вполне возможно,— согласился Рогайн.— Но есть еще одно обстоятельство. Наш город охраняет сила. Она безотказно действовала все время и действует поныне,— голос Рогайна был спокойным и намеренно беспристрастным.

— Почему же варвары внезапно потеряли страх перед талисманом?

В комнате вдруг наступила такая тишина, что стало слышно дыхание присутствующих. Каждый быстро кидал на Старка взгляд и так же быстро отводил его, боясь выдать то напряжение, которое им владело. Даже человек куда менее опытный, чем Старк мог бы почувствовать ловушку.

Старк же и вида не подал, что понимает это, хотя великолепно знал, что любое его правдивое слово о талисмане или о возвращении им самим талисмана, означает для него смерть. Он был у края ловушки, но эти люди сами давно попали в другую. Они солгали своему народу ради спасения собственной шкуры и не могли признаться в этом.

Если бы он сказал им, что Сиарану известно об исчезновении талисмана, они тут же убили бы его, чтобы пресечь дальнейшие слухи. Если бы он отдал им настоящий талисман, они прослезились бы от облегчения и радости и убили бы его еще быстрее.

Самой нежелательной для них была правда: город не должен знать о возвращении настоящего талисмана.

Поэтому Старк сказал:

— Вождь Сиаран не простой варвар! Он человек жаждущий, и жажда его так велика, что заглушает страх. Если ваш талисман обладает таким могуществом, как вы говорите, то он намерен, я думаю, забрать его себе.

Тишина стояла такая, что у Старка звенело в ушах. Он сел с бьющимся сердцем, обливаясь потом, но добавил как бы случайно:

— Рано или поздно появляется кто-то, нарушающий традицию.

Казалось, все присутствующие перевели дух и обрели дар речи. Рогайн кивнул и сказал:

— Посмотрим. Пока все.

Старк встал и вышел. Лу ждал его у дверей. Он вывел Старка на площадь.

ГЛАВА 6

У подножия лестницы Лу остановился и посмотрел на Старка. Во взгляде его читалась горечь.

— Спи спокойно,— сказал он,— пока люди, которые лучше тебя, будут мерзнуть на крепостных стенах.

Он повел своих людей прочь, а Старк смотрел им вслед и слушал, как стучат по мостовой их подбитые железом сапоги. Он ощущал в своем сердце жалость к молодому человеку, чья великолепная форма могла быть вскоре запятнанной кровью.

Потом он повернулся и принялся карабкаться вверх по лестнице. Он одолевал подъем с таким трудом, что его даже испугало это. Дважды ему пришлось останавливаться и хвататься за что-нибудь, чтобы не упасть.

Частичным виновником этой слабости был голод. Он понял это, когда вошел в комнату и увидел, как Танис склонилась над жаровней и мешает какое-то варево в горшке. Валин с довольным видом развалился на скамье, стоявшей вдоль одной из покосившихся стен. Увидев Старка, он приподнялся, подал руку и помог ему сесть.

Старк пробормотал что-то насчет еды. Он не мог вспомнить, когда в последний раз ел. Танис с радостью принялась его кормить. Они молча поели, и Старк почувствовал себя настолько сильным, что вновь обрел способность думать.

Тут Валин спросил:

— Что случилось?

— Город будут вооружать,— ответил Старк.

— Его смогут удержать?

— Конечно, смогут,— сказала Танис,— ведь у нас же есть Стена.

— Стены не сильнее людей,— проворчал Валин.— Тех людей, которые их защищают!

Старк покачал головой.

— Попытаются. Некоторые из этих людей даже умрут

с честью, но они овцы, и волки разорвут их! Таково мое мнение.

Он резко встал и, подойдя к окну, взглянул на ряды неровных крыш, на башни Королевского Города, что возвышались в отдалении, и на черную гряду хребтов, высившуюся за ними. Холодный ветерок коснулся его лица. Старк вздрогнул и сказал:

— Валин, смогли бы вы удержать город, если бы у вас был талисман?

Не услышав ответа, Старк обернулся. Валин смотрел на него лукавыми, как у кота, глазами. Тело его было напряжено, как тетива лука.

— Это твой город, Валин. Ты же знаешь. Я могу лишь строить догадки. Могли бы они удержать его?

Валин заговорил медленно и тихо, в то время как Танис сидела бледная как слоновая кость, и смотрела на них.

— Да, они овцы, Старк, и не простые овцы, а хуже. Они — лжецы. Эти люди утеряли те знания, которые были им переданы. Они не помнят, как пользоваться талисманом, не знают, каким образом он связан с тем, что лежит по ту сторону Врат Смерти. Будь у них хоть десять талисманов, они и тогда бы не смогли удержать город.— Помолчав, он добавил.— Почему ты об этом спрашиваешь?

— А потому,— ответил Старк мрачно.— Потому, что я решил доверить свою жизнь вам. Я сделаю то, что обещал,— продолжал Старк, отстегивая пояс.— Я закончил путешествие ради друга, человека, по имени Камар, человека, на чьей душе лежала огромная тяжесть.

Старк увидел, как вздохнула Танис при упоминании этого имени. Валин, однако, не шелохнулся и продолжал внимательно смотреть на Старка. Молчание воцарилось в воздухе, нервы Старка были напряжены до предела, пальцы его нащупали тайник.

— Талисман принадлежит Кушату, но после того путешествия, которое я совершил, и я получил на него

некоторое право. Я завоевал это право своей кровью, Валин. И Отар, и Сиаран были уверены в том, что я выдам его, и сделали все, чтобы добиться своей цели. Теперь я говорю: если город все равно падет перед Сиараном, он не должен получить талисман. Кто-то из нас, ты или я, должны жить, чтобы использовать талисман против Сиарана. Если за Вратами Смерти действительно есть силы...

— Для чужеземца твоя любовь к Кушату слишком сильна,— перебил его Валин.

Старк покачал головой.

— Кушат может выстоять или пасть, это не разобьет моего сердца. Но с Сиараном у меня личные счеты, и если для того, чтобы одолеть его, мне придется вытащить черта из ада, я сделаю это!

— Ну что ж,— Валин улыбнулся.— В таком случае наши пути настолько близки, что мы можем идти по ним плечом к плечу.— Небрежным жестом он откинул одеяло, лежащее на кушетке, и в тусклом свете сверкнуло лезвие ножа, лежавшего под ним. Валин взял нож и сунул его за пояс.

— О! — сказал он,— не слишком заботься о том, Старк, чтобы вручить мне свою жизнь.— Он порылся под туникой, вытащил что-то и держал теперь на вытянутой руке кристалл, горящий внутренним дьявольским огнем.

— Валин! — крикнула Танис и замерла.— Что это?

— Я тоже знал Камара,— сказал Валин.— Однажды он показал мне секрет этого тайника, так что я держу твою жизнь в своих руках уже с прошлого вечера.

Танис прошептала:

— И ты... не сказал мне...

— Конечно, нет,— ответил Валин.— Может, мне пришлось бы убить его, а я уже видел огоньки в твоих глазах, сестричка. Такие вещи достаточно неприятны.— Подавшись вперед, он положил кристалл на низкий столик и посмотрел на Старка.

— Как ты сказал, Кушат — мой город.

Старк медленно проговорил:

— Да, будь я проклят.— Он смотрел на Валина так, будто перед ним был кто-то совершенно другой. Потом рассмеявшись, он бросился на кушетку, стараясь не смотреть на талисман.— Отлично, друг! Каков же наш план?

— Если Стена выдержит и город выстоит, то план достаточно прост, но если город падет... — Валин глотнул вина.— Мы здесь, в Квартале похожи больше на крыс, чем на овец. Может быть, в бедности есть своя польза — это она делает наши зубы острее. Я думаю, что должны выжить именно мы, Старк.

Он бросил взгляд на талисман и добавил со странным благоговением, почти с испугом в голосе:

— Мы те, кто понесет его за Врата Смерти. Ты нам нужен,— просто сказал Валин.— Мы воры по ремеслу, а убийцы лишь по случаю. Сам я никогда не проливал крови понапрасну. Ты должен сделать из нас воинов.

— Если у вас есть воля, то сделать это вовсе нетрудно.

— Воля у нас есть.

— Хорошо,— сказал Старк и лег на мягкие шкуры,— времени у нас мало. То, что мы должны сделать, надо сделать очень быстро. Поговори со своими людьми, Валин, с лучшими людьми. Уверь их в том, что Стена будет разрушена, назначь место для сбора и, если это возможно, составь план выхода из города. Нам понадобится снаряжение, еда и теплая одежда. Все, что мы сможем унести без особых трудов, и, по возможности, никаких женщин и детей. В горах они погибнут намного скорее, чем здесь, а идти нам придется очень быстро.

Валин встал и, посмотрев на Старка, сказал:

— Друг, я думаю об этом с тех пор, как нашел талисман.

— Тем лучше.— проворчал Старк и выругался.— Что касается пути от Кушата до Врат Смерти, здесь мне

все ясно, но дальше — темнота. Возможно ли, Валин, чтобы никто не ходил по этой тропе? Даже Отар не говорил, что ходил по ней.

Валин пожал плечами.

— Время от времени люди пытались это сделать, несмотря на запрет. Иногда весеннее половодье возвращало нам их тела, но большей частью не случалось даже этого. И закон, и легенда о Ване Круачо говорят, что Кушат был построен для того, чтобы охранять тропу, и лишь человек с талисманом может пройти по ней, оставшись в живых.

— Говорится ли в легенде о том, почему Кушат охраняет тропу?

— Разве Камар тебе не сказал?

— Он сказал мне, что никто не помнит почему, известно лишь, что это огромная честь.

— Так оно и есть. Но можно догадаться, что сила, скрытая по ту сторону тропы, слишком велика для того, чтобы оставить ее на волю случая. В начале, конечно, Ван Круачо каким-то образом заполучил эту силу для себя и использовал для своей славы в Северных Землях...

— И Сиаран надеется на это. Отар заразил его этим желанием.

— Отар,— повторил Валин и покачал головой.— Он всегда был сумасшедшим. Вечно произносил речи в местах сборищ, везде, где люди соглашались его слушать, и говорил, что Кушат умирает и настало время забрать из-за Врат Смерти силу, чтобы достичь былого величия. Он сеял такую смуту, что Рогайн дважды сажал его на цепь, после чего он исчез.

— Он нашел того, кто согласился его слушать,— сказал Старк.— В легенде говорится еще что-нибудь интересное?

— Существует вера, что постройка Кушата явилась частью сделки, на которую был вынужден пойти Ван Круачо, какой бы она ни была...

— Сделка? С кем?

— С кем или с чем... Никому это не известно, и вряд ли мы узнаем. Знал только Ван Круачо. Впрочем, вся эта история происходила так давно, что наверняка сказать ничего нельзя. Может, вообще никакой сделки не было. Боги ли, дьяволы ли будут ждать нас за Вратами Смерти, и без того достаточно опасностей: пропасти, ледники, туманы, обвалы, голод и холод.

— Ну что ж,— сказал Старк.— Сиарана это не остановит. Есть там что или нет, об этом мы узнаем, когда придем туда, а до тех пор не надо и думать об этом.

— Во всяком случае, у нас есть талисман,— сказал Валин.— Так что, если легенда не врет... Старк!

Ответом было молчание.

— Он уснул,— сказала Танис.

Валин пробормотал длинное замысловатое ругательство, принятое в Северных Землях, и криво усмехнулся.

— Не уверен, что обычному человеку место во всей этой истории, но рад, что он на нашей стороне.

— Ты правда собирался его убить?

Он посмотрел на спящего Старка и покачал головой:

— Ужасно рад, что не сделал этого.

Танис снова посмотрела на талисман. Она не стала подходить ближе, а лишь стояла и смотрела на него, крепко стиснув руки за спиной. Взгляд ее был суровым и печальным. Внезапно она сказала:

— Я боюсь, Валин.

— Я тоже боюсь,— нежно погладив ее по плечу, ответил тот.— Он не сам пришел к нам в дом, боги передали его нам в руки, и поэтому мы должны сделать все, что сможем.

Он осторожно повертел кристалл в пальцах, затем положил в тайник на поясе и тщательно закрыл его.

Танис не шевельнулась, лишь руки ее беспомощно упали вдоль тела. Теперь, когда талисман был убран, она подняла руку и медленно сбросила с лица прядь волос. В этом извечно женском движении сквозила бесконечная усталость.

— Значит, все погибло, да?

Эта короткая фраза вмещала в себя и город, и квартал, и этот дом, и комнату, и их самих.

Валин начал было объяснять что-то насчет ненависти Старка к ублюдкам из племени Мекха, которые являются причинами всех бед. Он хотел успокоить сестру, но лгать было бессмысленно, и он не стал лгать.

— Боюсь, что это так. На время. По крайней мере, на время.

Он набросил на плечи плащ и вышел. Холодный ветер ударил ему в лицо, и в нем были обычные запахи мороза и дыма. Крыши блестели в лучах солнца, и за ними виднелась Стена, поднимавшаяся с тех пор, как он впервые открыл глаза в этом мире,— массивная, дающая ощущение уверенности.

Валин побрел вниз по избитым ступеням, касаясь рукой обшарпанных камней по бокам лестницы. Он шел медленно, он шел как человек, в сердце которого вонзили нож.

ГЛАВА 7

Когда Старк проснулся, был уже вечер. Он потянулся, и мышцы вновь ответили ему болью, он опять почувствовал сильный голод, но все же сейчас он чувствовал себя гораздо лучше, чем раньше. Потом до его сознания донеслись звуки, которых раньше не было: шаги людей по Стене за домом, выкрики часовых.

Танис услышала, что он проснулся, и подошла к нему, отойдя от открытых дверей, где стояла, глядя в сумерки.

— Все еще никаких следов нападения,— сказала она.

— Они придут,— сказал Старк и сел.

В комнате что-то изменилось. Немного погодя он понял, что все мелкие вещи исчезли, все те вещицы,

что превращают комнату во что-то большее, чем простое убежище. Возможно, Танис куда-то их спрятала. Вещи нужные: одежда и тому подобное — были сложены в углу в две маленькие кучи, откуда их можно было легко забрать. Рядом лежала еда. Комната была совсем пустой, никто в ней больше не жил. Люди лишь разбили в ней лагерь и ждали сигнала уходить.

Старк посмотрел на Танис, и его поразили глаза девушки, огромные и полные слез.

— Мне так жаль! — сказал он.

— Напрасно! — сказала она с неожиданной яростью, и глаза ее блеснули.— Скажи мне только, что я должна делать в предстоящей драке.

— Неплохое начало! — усмехнулся Старк.— Можно что-нибудь поесть такого, что не надо готовить?

— О, да! Сегодня и мне повезло!

Девушка принесла мясо, вино и хлеб. Минуту-другую она наблюдала за тем, как он ест, а потом и сама с жадностью занялась тем же. Старк снова улыбнулся.

— Вижу, клубок начинает разматываться.

— Как ты догадался? — удивилась она.

— У меня в жизни была пара моментов, когда еда комом стояла в горле.— Выпей-ка вина. Оно согреет и развеселит,— он налил ей полный стакан, и Танис выпила, улыбнулась, и настроение ее сразу поднялось.

— Где Валин?

— Он разговаривает с людьми. Скоро придет.

— Я должен поблагодарить вас обоих за то, что вы меня приняли, но тебя — особенно, за то, что ты помогла мне тогда на рыночной площади.

Она внимательно посмотрела на Старка и ответила:

— Благодари, если хочешь. Скоро в жизни останется мало доброты.— Она посмотрела в сторону Стены, откуда слышался стук подкованных сапог и хриплые голоса часовых.

Старк потянулся к Танис, привлек ее к себе и поцеловал, ощутив нежность и силу ее тела. Он чувствовал, как бьется под его пальцами жилка на ее

шее, как поднимается и опускается ее грудь, чувствовал все ее существо, особое и неповторимое.

Танис прижалась к нему почти в отчаянии, молча, и он подумал, что держит в руках маленького испуганного ребенка, нуждающегося в защите.

Должно быть, при этом что-то в его поведении изменилось, она отпрянула от него и улыбнулась, покачав головой.

— Выпью, пожалуй, еще вина,— она подняла стакан и вдруг замерла, прислушиваясь.— Как бы там ни было, пришел мой брат.

Валин выглядел веселым и оживленным. Вначале он подсел было к ним, собираясь поесть, но потом вскочил и принялся шагать по комнате. Глаза его были чересчур блестящими, а голос звенел, когда он рассказывал обо всем, что видел.

— Мне приходилось действовать очень осторожно, Старк. Лишь четверым известно о талисмане, и я доверяю им, как самому себе. Одно слово, влетевшее не в то ухо, и ни один из нас не доживет до того времени, когда будет ясно, что станет с Кушатом.

— Ты назначил место встречи?

— Да. У Праздничных Камней. Они находятся за городом...— Валин сел возле Старка, обмакнул палец в вино и принялся рисовать карту на столе.— Это здесь, к северу, примерно в двух милях. Там каждую весну устраивают праздники, теперь же это делают главным образом для детей.

Старк кивнул. Солнце встает и садится на всех планетах, и на каждой из них поклонение могущественному богу является таким же девизом, как и сама жизнь.

— Все знают, где они находятся,— говорил Валин,— а оттуда прямой путь к тропе. Все обговорено. Каждый из них найдет дорогу из города. Есть сотни дорог, и все они известны каждому вору.

Старк снова кивнул. Таким был каждый известный ему марсианский город.

Со стороны Стены послышался шум смены караула. В комнате стало внезапно душно.

— Я хотел бы выйти,— сказал Старк.— Это можно?

— Да, до тех пор, пока мы в квартале.— Валин вскочил с мыслью снова бежать.— Пойдем, покажись людям, чтобы они знали тебя.

Накидывая плащ, Старк холодно проговорил:

— Ты сможешь показать мне одну из тех лазеек, о которых знают все твои воры, на тот случай, если в пылу битвы нас разбросает в разные стороны?

— Я же сказал тебе,— весело ответил Валин.— Я не солдат. Идем.— Он взял Танис за плечо.— Попытайся немного поспать, малышка. Тебе это нужно.

Танис неуверенно улыбнулась, и они вышли из дома, оставив ее одну. Обе луны были в небе, и крыши домов заливал зеленовато-серебряный свет. Башни королевского дворца тянулись к небу так, будто хотели схватить ближайшую луну, а та насмешливо лила на них свой призрачный свет, обнажая все бреши и проломы.

Улицы были погружены в темноту, лишь часовые сигналили друг другу фонариками, да кое-где из незашторенных окон падал свет.

Старк заметил, что Валин спускается с лестницы быстро, не оглядываясь. Он понимающе улыбнулся и последовал за ним.

— Кажется, город очень спокоен,— сказал Старк, двигаясь за Валином по извилистой улочке.

— Да, люди еще не верят, даже здесь, в квартале. Никто еще не был свидетелем нападения, и никто не думал, что оно может произойти в зимнее время. Зима — время безопасное, и мастеровые зимой слишком заняты тем, чтобы заработать на жизнь. Летом, правда, пытаются грабить те караваны, что снабжаются для торговли с южными городами и нападают на охотничьи отряды. Но на этом все и кончается. Большей частью люди в Кушате похожи на Танис и не думают о талисмане, считая, что Великая Стена по-прежнему защищает их,— он посмотрел на Стену.— Да и я сам, когда смотрю на

Стену, что ни говорил бы мне разум, верю, что она способна выдержать любое нападение.

— Все равно,— сказал Старк.— Покажи мне тайные тропы.

Валин показал ему несколько троп. В самой Стене было место, где одна из плит открывалась в темный тоннель, было другое место, где одна из плит мостовой переворачивалась, а за ней открывалась железная лестница, чьи ступени, как сказал Валин, вели к старинной системе канализационных труб, несущих под Кушатом потоки весенних вод.

— Отлично,— одобрил Старк.— Но мы можем оказаться вне Квартала. Что делать тогда?

— В таком случае лучше всего скрыться через Квартал Тайных Могил. Так его называем только мы. Ремесленники называют его Кварталом Благословенных. Это место захоронения.

Он провел Старка по крышам и указал путь, как мог, а потом описал, как найти дорогу в тот скрытый лабиринт, что тянулся под землей на нескольких уровнях:

— Придерживайся главного тоннеля, и он выведет тебя под Стеной прочь из города.

Он помолчал и добавил:

— Туннель проходит под Королевским Городом. Именно этот путь избрал Камар для побега из Кушата. Он мог бы и вернуться тем же путем... Конечно, люди, пользующиеся трубами, делают это главным образом для встречи с чужеземцами-торговцами. Летом, когда подходят караваны, сделки проходят быстро... Бедный Камар. Грех гордыни. Но, возможно, он в конце концов сослужил городу великую службу!

— Скоро мы это узнаем,— сказал Старк, ощущая тяжесть пояса на своей талии.— И, без сомнения, раньше, чем этого хотим.

Потом они ходили по бедным тавернам, где воздух был густым от дыма, пота и старой кожаной одежды. Они посидели понемногу в каждой, попивая кислое

вино, прибывшее из мест более теплых. Каждое из худых темных лиц, которые замечал Старк, было обращено к нему, но ни один не произнес ни слова. Когда они шли домой, одна из лун висела над самой Стеной, и черные фигуры часовых плавали в ее свете.

Танис спала, и они улеглись тихо, чтобы не беспокоить девушку.

Очень поздно, когда дальняя луна склонилась к западу, Танис проснулась и поняла, что заснуть больше ей не удастся. В комнате стояла тишина, если не считать дыхания спящих мужчин. Шагов дозорных не было слышно. Танис встала, подошла к окну и отдернула шторы. Ветер и лунный свет проникали в комнату. Она стояла, завернувшись в меховой плащ, облокотившись на подоконник, и смотрела в ночное небо.

Старк тревожно зашевелился, перевернулся на бок. Движения его становились все более беспокойными. Танис подошла к нему и коснулась его плеча.

Он мгновенно проснулся.

— Тебе что-то снится,— тихо прошептала Танис.

Старк покачал головой. Глаза его были все еще закрыты, хотя причиной был вовсе не сон.

— В воздухе пахнет кровью,— тревожно прошептал он.

— Я ничего не чувствую, кроме запаха гари.

Старк встал.

— Разбуди Валина. Я иду к Стене.

Он снял с вешалки свой плащ, и распахнув дверь, вышел на ступеньки лестницы. Лунный свет, отразившийся в его глазах, сделал их бледными, будто покрытыми пеленой тумана. Танис вздрогнула и повернулась к Валину.

— Вставай,— потрясла она брата за плечо.

Тот уже проснулся, и вместе они последовали за Старком по крутой лестнице, ведущей к верху Стены.

Старк смотрел сверху вниз туда, где вниз от гор убегала равнина. На равнине не было видно никаких следов движения. Ничто не нарушало тишины.

— Они нападут на рассвете,— сказал Старк.

ГЛАВА 8

Они ждали. Поодаль склонились над маленькими жаровнями дозорные, соорудив из плащей что-то вроде палаток, чтобы скрыть свет. Они равнодушно смотрели на троих штатских.

Ветер со свистом гулял над Вратами Смерти, а внизу, на улицах, вздрагивали и ежились от него часовые.

Они ждали, но все оставалось по-прежнему.

Наконец Валин сказал:

— Как ты можешь знать, что они придут?

Старк вздрогнул, но не от холода. Каждый мускул его пришел в движение. Дальняя луна склонилась к горизонту. Лунный свет потускнел и изменился, а равнина была все еще чистой и спокойной.

— Они будут ждать темноты. Подождут еще час-другой, пока не наступит промежуток между заходом луны и восходом солнца.

Он обернулся и посмотрел на скалы, высившиеся над Кушатом. В этом месте они почти смыкались, образуя один причудливо изогнутый массив, похожий на последний всплеск убегающей вселенной, белый гребень ее казался посыпанным пеплом погибших миров.

Он смотрел на узкий зев Врат Смерти, и то, что было в нем первобытного, сжалось и застонало, удрученное предчувствием судьбы. Ибо получалось, что он прошел полмира для того, чтобы здесь, сейчас, дрожа всем телом, держать талисман давно умершего короля.

Если и дальше все будет складываться так, как он предполагал, то вскоре ему придется последовать по пути этого короля в Неведомое, что лежит за этим проходом, может быть, в то Неведомое, что говорило с ним тогда обволакивающими, как паутина, словами.

Он вздрогнул при воспоминании об этих голосах и

подавил в себе желание сорвать сейчас же пояс с талисманом и швырнуть его за Стену.

Старк напомнил себе, как, подъезжая к Кушату, он глядел вверх на тропу и страстно жаждал той силы, что могла там находиться, что была способна уничтожить Сиарана и мекхов. Он рассмеялся, но не потому, что стало весело, а от собственной непоследовательности.

Он сказал Валину:

— Камар рассказал мне, что люди считают, будто в конце Ван Круачо ушел за Врата Смерти. Это так?

— Так говорит легенда,— пожал плечами Валин.— По крайней мере, в Кушате он не похоронен. А почему ты спросил об этом?

— Не знаю,— ответил Старк и отвернулся.

Луна коснулась горизонта, последний луч красного ее света тронул снег и погас.

Танис теснее прижалась к Валину и тревожно смотрела на Старка. В нем ощущалось какое-то нетерпение. Валин тоже чувствовал это и завидовал ему. Самому ему хотелось вернуться туда, где тепло и уютно, но ему было стыдно признаться в этом... В душе у него было сомнение, но он не уходил.

Шло время, сотканное из бесконечных минут. Часовые дремали над своими жаровнями, равнина была погружена в полную темноту. В небе мерцали лишь далекие звезды.

— Вы слышите их? — спросил Старк.

— Нет.

— Они идут.

Его слух, куда более тонкий, чем слух Валина, уловил легкие шорохи, следы движения в темноте огромной армии. Легко вооруженные воины, охотники, привыкшие водить животных по снегу, умели делать это бесшумно. И все же звуки их дыхания, шевеления, шепота, можно было отличить от шума ветра.

— Я ничего не слышу,— сказал Валин.

Покачала головой и Танис.

И опять они ждали. Западные звезды показались над горизонтом, а на востоке появилась тусклая полоска.

Равнина по-прежнему была темна, но Старк различал уже призрачные силуэты высоких башен Королевского города и думал о том, кто будет королем Кушата к тому времени, когда сядет еще не взошедшее солнце.

— Ты ошибся,— сказал Валин, пристально вглядываясь вдаль.— В долине никого нет.

— Иди, растолкай того дозорного,— сказал Старк, а сам направился к другому. Воин заворчал на него, но Старк грубо поставил его на ноги и сбросил жаровню на улицу.— Появилось нечто такое, что тебе следует видеть,— сказал он дозорному.

В прозрачном марсианском воздухе заря разгоралась быстро, и теперь она уже осветила равнину, с жестокой беспощадностью озарив клинки сабель, острия копий, заиграла на шлемах и кольчугах, на броне животных. Она заиграла на рыжих волосах, на кожаных плащах, зажгла стяги кланов алым, золотым и зеленым на фоне снега.

Мертвая тишина длилась столько, сколько люди способны сдерживать дыхание, потом дозорный побежал, громко топая ногами, схватил молот и принялся выбивать сигнал тревоги, звук этот был подхвачен другими.

Армия варваров ответила им диким воплем, заиграли охотничьи рога, свирели, застучали барабаны, и Стена эхом ответила этим звукам, как будто подавая сигнал к началу битвы.

Люди Мекха пришли в движение.

Вначале они двигались медленно и осторожно, потом передние ряды перешли на бег, который убыстрялся под напором последующих рядов, и вскоре вся армия понеслась вперед. Варвары ринулись на город, подобно воде из прорванной дамбы.

Они приближались. Множество высоких людей, мчавшихся с быстротой оленей, кричащих и размахивающих огромными мечами. Наездники погоняли своих живо-

тных с такой силой, что у них из-под рогов текла кровь. Никаких приказов не было слышно, но армия двигалась вперед, как по команде. Появлялись все новые и новые ряды. Все это превратилось в единую кричащую массу, от движения которой дрожала земля.

Тут Старк осознал, что он слишком перегнулся через парапет и Валин старается оттащить его назад.

— Ты, неверное, хочешь драться с ними один,— упрекнул его Валин, но Старк так посмотрел на него, что тот подался назад и добавил.— Полегче, друг, мои нервы такого не выдержат. Твоя встреча с Сиараном еще впереди.

Он указал рукой в сторону, откуда к ним бежали солдаты, крича, чтобы они немедленно слезали со стены.

Старк пожал плечами и последовал за Валином вниз, а затем по другой лестнице на крышу здания. Танис шла за ними, и они устроились так, чтобы можно было видеть происходящее.

И снова Старк погрузился в каменное молчание, не отрывая взгляда от черного шлема Сиарана.

Кушат ожил мгновенно. Все еще звенели гонги тревоги, но солдаты были уже на Стене. Их было очень много и, казалось, их количество сравнялось с армией варваров. Толпы людей заполнили улицы, крыши зданий, сидели в окнах. Подошел отряд знати, выглядевшей очень храбро в своих красивых доспехах.

— Что ты теперь думаешь? — спросил Валин, но Старк покачал головой:

— Первая атака будет неудачной, но потом все будет зависеть от того, достаточно ли тверд их предводитель, чтобы выдержать и удержать своих людей под Стеной... Мне кажется, достаточно...

В течение последующего времени они молча наблюдали.

Загремели огромные баллистары, посылая булыжники в атакующих. Затрещали кости, полилась кровь. Запела тетива луков, тысячи стрел полетели во все стороны. Война здесь, в Северных Землях, была прими-

тивной, как и на всем Марсе, исключая те места, куда было завезено земное оружие. Причиной тому был недостаток мыслей, металла, энергии и химических элементов.

Люди падали, их товарищи оттаскивали или отпихивали павших в сторону, а внизу, как подкошенные, падали варвары. В морозном воздухе звенели, не прекращаясь, крики людей, уланов, и Старк слышал, как царапают камень крючья лестниц. Он было подумал, что ошибся, и уже первая атака увенчалась успехом.

Солдаты Кушата сражались храбро, но эта битва была для них первой и единственной. Они походили на стадо овец, загнанных в горы убийцами.

Однако Стена еще держалась, и к полудню натиск варваров потерял свою силу. Люди Мекха утихли и угрюмо оставили поле боя, отойдя на равнину.

— Ты видишь, Старк? — сказала Танис.— Стена нас защищает. — Лицо ее было измученным, но горело надеждой.— Ты видишь? Они ушли!

— Они оставили своих мертвых! Судя по обычаям известных мне племен, это залог того, что они еще вернутся. Посмотри-ка сюда.— Он показал на равнину.— Черное знамя со светлой полосой. Это знак Сиарана. Посмотри, к нему собираются главари.

Глядя на поредевшие ряды защитников, Валин сказал:

— Если это не победа, то другой нам не добиться.

Однако город ликовал. Люди бежали по улицам, чтобы обнять солдат, знать скакала вдоль Стены и вид у нее был очень важным, а над самой высокой башней Королевского Города трепетал на ветру алый стяг.

— Принеси немного поесть,— попросил Старк Танис — Еще есть время.

— Я не верю тебе, Старк! — с яростью бросила она.— Враги разбиты!

Все же она сходила за едой.

Солнце поднялось высоко, и они продолжали ждать.

Вскоре после полудня армия варваров вновь пришла

в движение. Она распалась на три потока, а четвертый остался в резерве. Два потока с разных сторон устремились к Стене, а третий просто ждал.

И Старк сказал:

— Вот с этого Сиарану и следовало бы начать. Но варвары независимы, и их нужно было поколотить, чтобы они начали слушаться. Теперь посмотрим. Кстати, знати не мешало бы вызвать подкрепление под Стену.

Подкрепление подоспело мгновенно. Силы защитников разделились и устремились к двум точкам Стены, находящимся под угрозой, так как нападавшие уже лезли на Стену. Оставшиеся участки Стены теперь едва закреплялись.

Третья группа варваров тучей устремилась к воротам.

— Что это за звуки? Как гром...— с тревогой спросила Танис.

— Таран,— коротко ответил Старк.— Они бьют им по воротам.

Сделавшись вдруг очень беспокойным, он следил, как офицеры пытаются справиться с этой новой опасностью, хотя число нападающих значительно превышало их силы. Та часть, что атаковала ворота, была хорошо организована. Вспотевшие рыжеволосые гиганты, орудующие тараном, были защищены щитами. Воины сомкнули щиты над их головами, образовав подобие крыши. Другие воины защищали их с боков. На равнине под черным знаменем Сиарана несколько предводителей и отряд резерва нетерпеливо ожидали своей очереди.

— Теперь тебе лучше уйти,— сказал Старк Валину.— Возьми талисман, собери своих людей и уходи.

Валин сжал кулаки так, что побелели костяшки пальцев.

— Ни один человек не покинет Кушака, прежде чем вступит за него в битву,— он сердито посмотрел на Старка.

Тот пожал плечами.

— Их черед приближается.— Он кивнул в сторону толпы. собирающейся вступить в сражение.— Что ж,

иди, встречай их.— Он встал и повернулся к Танис.— Прошлой ночью ты спрашивала меня, как ты сможешь помочь в сражении за город,— он снял с себя пояс и надел на нее.— Береги его, а также ту часть одежды и еды, что сможешь унести. Иди и жди нас у Праздничных Камней.

Она, казалось, собралась возразить, но он мягко добавил:

— У тебя талисман. Ты должна сберечь его!

Танис смотрела на него широко раскрытыми глазами, а Валин нетерпеливо проговорил:

— Ну что, так и будешь стоять?

Он поцеловал ее в щеку и подтолкнул к лестнице. Они спустились с крыши и, когда проходили мимо двери, ведущей в комнату, он добавил:

— Жди нас. Кто-нибудь придет.

Он начал спускаться, а Старк улыбнулся ей.

— Будь осторожна, не забывай, что ты хранишь,— и стал спускаться вслед за Валином.

Дойдя до подножия лестницы, он оглянулся. Танис не было видно, она ушла в комнату, унеся с собой пояс Камара и талисман. Старк почувствовал себя легко и свободно, как будто с него свалился невообразимо тяжелый груз.

Они присоединились ко все растущей толпе мужчин, которые шли оборонять свой город. Валин бежал подле Старка, и лицо его было таким напряженным и бледным, что Старк сказал:

— Когда ты нанесешь первый удар, и он закричит, у тебя проснется жалость к нему. Тогда вспомни, что он пришел сюда сам и никто его не звал, что он пришел убить тебя.

— Спасибо! — сердито фыркнул Валин.— Но думаю, что ничего такого не почувствую!

— Зря! — сказал Старк.— Почувствуешь!

Оружие мертвых и раненых солдат складывалось в кучу, чтобы горожане могли вооружиться. Они тоже выбрали себе оружие и поднялись на Стену.

ГЛАВА 9

Это была пустая трата времени, и Старк это понимал. Он подумал, что, возможно, некоторые из тех людей, что суетятся рядом с ним, тоже сознают это, а уж ворам вообще можно было улизнуть из Кушата, а не ждать неведомого, и в нем начало расти уважение к людям этого города. Сам он мыслил просто: человек, который не хочет защищать то, что имеет, не достоин это иметь.

Некоторые считают капитуляцию шагом великодушным, но для Старка это была лишь попытка перекрасить трусость в добродетель.

Как бы там ни было, эти люди сражались. Воры и ткачи, мясники и оружейники, каменщики и трактирщики. Не очень-то хорошо они умели это делать, и офицеры командовали ими, делая свое дело немногим лучше.

Зловещий грохот тарана у ворот не умолкал, варвары, атакующие Стену, прибегали к различным уловкам. Затевали драку в одном месте, а потом переносили всю силу удара в другую точку. Играют с нами, подумал Старк, заметив, что запас стрел как будто сокращается и что все большее количество защитников бросают свои луки.

Он посмотрел на черное знамя, развевающееся над равниной.

И тут ожидание кончилось.

Тот, кто держал знамя, поднял его выше и поскакал, возглавив резервные силы. Мелькнула черная кольчуга Сиарана. Вся масса варваров пришла в движение и дико вопя ринулась на Кушат.

— Не нужно слишком тянуть, друг,— сказал Старк Валину.— Помни, что впереди еще битва.

— Я знаю,— ответил Валин.— Я знаю.

Лицо его было искажено болью. Он видел, как умирает его город. Ему еще не предоставилось случая пустить в ход клинок.

Но и эта минута приближалась.

Крюк лестницы лязгнул о камень лишь в нескольких футах от него. Люди карабкались по ней вверх. Глаза их горели, и они были полны кровожадного желания отомстить за павших братьев, снять с себя позор утреннего поражения. Старк ждал их у конца лестницы со шпагой в руке. Дождавшись, он проткнул двоих, и второй рухнул вниз со шпагой Старка в груди. Третий карабкался наверх, и Старк встретил его с голыми руками.

Валин стоял, как прикованный, и видел, как Старк сбросил со Стены тело врага, слышал, как тот кричал, падая. Он видел лицо Старка, когда он срывал лестницу и швырял ее вниз, и вслед за этим он слышал новые крики.

Потом появились другие лестницы и другие рыжеволосые головы. Старк нашел себе еще шпагу и вовсю ею орудовал. Валин слышал запах крови, и тут его потрясла неминуемость происходящего, физическая близость врага, явившегося, чтобы убить его и уничтожить все, что он любил.

Дикая ярость охватила Валина, он рванулся вперед и принялся молотить по головам, возникавшим над Стеной. Но случилось то, о чем предупреждал его Старк, и вначале ему показалось, что легче было бы действовать, не видя лиц врагов.

Битва была теперь такой жаркой, что все смешалось, и офицеры потеряли контроль над людьми. Все дрались, как могли и где хотели. Битва была жаркой, но длилась недолго.

Варвары овладели Стеной в трех местах, потерпели поражение в двух и снова выиграли в одном. С этих захваченных позиций они устремились вниз, снимая защитников, отбрасывая их, увлекая вниз. Битва перенеслась на улицы, и вдруг все пути, ведущие к центральным частям города, оказались заполненными женщинами и детьми.

Старк потерял из виду Валина. Он надеялся, что

тот еще жив и сохранил достаточно благоразумия, чтобы уйти. Но как бы там ни было, теперь все зависело от него самого, и Старк ничего уже не мог поделать. Он перестал о нем думать.

Огромные ворота Кушата все еще сопротивлялись напору варваров, и Старк силой прокладывал путь через площадь. Ларьки мелких торговцев были опрокинуты, кувшины с вином разбиты, и красная жидкость пенилась, растекаясь ручьями.

Привязанные животные кричали и бились, пытаясь избавиться от груза. Они пьянели от запаха крови. Убитые громоздились грудами. Все оставшиеся в живых защитники города были здесь. Они инстинктивно образовали квадрат и пытались защитить свои теснимые к лобовой части ворот фланги. Каждый камешек у них под ногами сотрясался от ударов тарана. Обшитые железом бревна отвечали ему жалобным стоном.

Знать сошла со Стены. Сидя верхом, они ждали.

Теперь их осталось совсем мало. Яркие мундиры были порваны и испачканы, лица грязны. Но они по-прежнему держались прямо и гордо. Старк увидел Рогайна. Руки его были белы, но не дрожали.

Последний раз ударил таран. С горьким криком провисли ослабевшие болты, и ворота распахнулись.

Знать Кушата бросилась в атаку. Как подобает солдатам, они ринулись на всадников Мекха и удерживали их, пока не пали под ударами их мечей. Оставшиеся в живых были смяты животными. Первым в ворота ворвался Сиаран.

Много животных пустыни мчалось без седоков. Старк воспользовался одним и пустил животное в галоп. Там, где гуще завязывалась драка, мелькал силуэт в черной броне, и топор его без устали рубил противника. Глаза Старка затмились холодным радостным огнем. Он забыл о талисмане и судьбе Кушата. Старк был свободным человеком. Он вонзил каблуки в чешуйчатые бока животного, и оно рванулось вперед.

Чувство, овладевшее Старком, было таким сильным

и ярким, что заглушало страх. Все в нем билось и трепетало. Прокладывая себе путь через толпу длинной шпагой, он закричал:

— Сиаран!

Черная маска повернулось в его сторону.

— Старк!

Землянин снова пришпорил животное:

— У моей шпаги пока есть право, ублюдок!

Из отверстия в маске послышался хорошо знакомый голос:

— Тогда пользуйся им! — Черный топор описал дугу, предупреждая друзей и врагов, что это личный бой.

Внезапно они оказались в маленьком круге, в самом центре битвы. Их животные полетели друг на друга, топор описал кривую и шпага, блеснув, рванулась ему навстречу.

Раздался звук металла, и топор упал на землю. Из глоток варваров вырвался единый вопль. Старк не обратил на него внимания и снова пришпорил животное.

Сиаран потянулся за шпагой, но его рука, ослабленная силой предыдущего удара, оказалась не такой быстрой, как раньше. Эфесом своей шпаги Старк нанес удар по черному шлему так, что металл зазвенел как колокол. Сиаран покачнулся в седле. Это длилось мгновение, но его оказалось достаточно. Старк сорвал с противника маску, отбросил ее и впился руками в незащищенное горло.

Он не свернул эту шею, как рассчитывал это сделать, но все люди кланов замерли не шевелясь.

Теперь Старк понял, почему вождь Сиаран никогда не показывал своего лица.

Шея, которую он сжимал, оказалась белого-белого цвета, а руки его скрывались в гриве черных волос, упавших из-под маски на кольчугу. Алые губы были перекошены яростью, удивительная линия щек и подбородка, глаза, горящие злобой и гордостью, как у молодого орла. Прекрасное лицо, но ни в одном мире,

ни под одним солнцем его не приняли бы за лицо мужчины.

В это мгновение всеобщего замешательства она оказалась более быстрой, чем Старк. Ни малейшее изменение в ее лице не послужило ему предупреждением. Два ее кулака взлетели над его протянутыми руками и ударили в челюсть с такой силой, что его шея чудом не оказалась сломанной. Старк вылетел из седла и оказался на залитых кровью камнях. На мгновение свет померк перед его глазами.

Женщина повернула свое животное. Нагнувшись, подняла топор и посмотрела на своих приближенных и воинов, не сводящих глаз со Старка.

— Я вела вас с честью,— сказала она.— Я взяла для вас Кушат. Пойдет ли кто-нибудь из вас против меня?

Они знали этот топор, но не знали ее. Они тревожно переглядывались, совершенно сбитые с толку. Старк, лежа на камнях, видел ее через застилавшую глаза пелену. Она казалась величественной на фоне неба в своей черной кольчуге, с развевающимися по ветру волосами. Он почувствовал странную боль в душе, нечто вроде холода предвидения, а запах крови, поднимавшийся с камней, дополнил впечатление.

Знать Кушата выбрала этот момент для нападения. Это странное превращение повелителя Мекхов дало им возможность собрать людей, и теперь они считали, что боги послали им чудо, чтобы спасти их. Там, где не осталось ничего, кроме смелости, они нашли надежду.

— Женщина! — закричали они.— Проститутка! Лагерная проститутка!

С этим словом, как с заклинанием, они кинулись на врага.

Та, что была вождем Сиараном, так глубоко вонзила шпоры в бока животному, что оно закричало дурным голосом и полетело вперед. Не глядя, следуют ли за ней ее люди, она врезалась в гущу людей Кушата. Она носилась среди них, отчаянно работая топором.

Она зарубила троих, двоих оставила истекать кровью на камнях, по-прежнему не оглядываясь на своих.

Люди кланов обрели дар речи.

— Сиаран! Сиаран! Сиаран!

Крики эти потонули в шуме битвы. Все как один последовали за ней. У этих дикарей оставалось только две возможности: сразить ее или повиноваться ей, и они выбрали вторую. Отныне они будут следовать за ней всюду, куда бы она не повела их. Преданность их будет иной, более сильной, чем испытали бы они к мужчине. Так будет до тех пор, пока она не разрушит этот образ, созданный ею самой — образ богини.

Старк едва удержался от смеха. Вместо того, чтобы убить Сиаран, он дал ей такую власть, о которой она, может быть, и не мечтала. Теперь ее не могло остановить ничто, кроме смерти.

«Отлично — мелькнула мысль в каком-то уголке его сознания — отлично!»

Мимо него проносились ноги. Они толкали его, переступали через него. Люди дрались над ним, животные едва не наступали на него своими копытами. Страх смерти прояснил его мысли.

Старк встал на колени, но это движение привлекло внимание воина, считавшего его мертвым. Он закричал и поднял пращу, намереваясь сразить Старка, как вдруг упал на землю, и чей-то голос с горечью сказал Старку:

— Хватай его шпагу, черт возьми! Я не могу удержать их один!

Это был Лу — усталый, грязный, окровавленный, постаревший на сто лет с того времени, как Старк видел его в последний раз. Старк схватил шпагу и встал рядом с ним.

Они дрались бок о бок, прокладывая себе путь в толпе дерущихся. Но драка очень скоро превратилась в бегство, и прежде, чем они это осознали, они оказались вне площади. Здесь, на узких улочках, натиск врагов сделался сильнее. Развернуться было негде, люди сбивались в кучи и варвары легко расправлялись с ними.

— В этом нет смысла,— хмыкнул Старк.— Мы можем отсюда выбраться?

— А какая разница? — спросил Лу.— Какая разница, где умирать?

— Если ты предпочитаешь драку смерти,— сказал Старк,— то знай, что предстоит еще одна битва.

Лу бросил на него измученный взгляд.

— Где, Старк? Где? Город потерян!

— Удалось кое-что найти,— ответил Старк, оглядываясь. Варвары запрудили всю улицу, и к тем местам, которые показал ему Валин, пройти было невозможно. Он схватил Лу за плечо.— Если ты выведешь нас к Кварталу Благословенных, я покажу тебе эту вещь!

Лу пристально всмотрелся в него. Они были зажаты людьми, прижаты к холодным камням домов. Лу покачал головой.

— Я покажу дорогу, но мы должны пробиться сквозь толпу.

Старк кивнул:

— Будем пробиваться. Держись ближе.

Старк начал прокладывать путь с особой яростью, ибо понимал, что скоро Сиаран бросится на его поиски. Она — было все еще странно думать, что вождь Сиаран — женщина — хотела убить его, потому что ни один вождь не может нарушить обычая битвы один на один.

Нельзя было забывать о талисмане. Лишь удивление, вызванное сорванной маской, и внезапность начавшегося столкновения спасли его на площади. Думая об этом, Старк пробивался вперед все быстрее. Люди ругали его, били, но он был выше и сильнее большинства и охвачен большим отчаянием, чем остальные, а поскольку сзади еще помогал Лу, то вскоре они оказались по другую сторону затора, где толпа распадалась на ручейки слепо бегущих людей.

Старк тоже побежал. Его направлял бежавший сзади Лу. Они пробежали через ворота Воровского Квартала. Здесь суета только начиналась. Большая часть лавочек была заперта, в домах царила тишина.

У Лу вырвалось рыдание — хриплый резкий звук:

— Они предали нас! Они солгали!

— Насчет талисмана? Да?

— Они солгали! Но страшно не это! Мы были дураками! Идиотами!

— Дураков хватает везде,— на бегу успокаивал его Старк.— Человек должен учиться сам думать.

— Они умерли! — сказал Лу мстительно.— Они заплатили за свою глупость.

— Они хорошо встретили смерть?

— Большинство да. Даже старина Соубелл. Но какая польза от их смелости, проявленной в последнюю минуту!

— Каждый человек должен ответить на этот вопрос сам,— сказал Старк, оглядываясь.— В ворота Воровского Квартала вбегали люди, над ними высились несколько всадников, прокладывавших себе дорогу среди бегущих. Их было человек десять и, судя по всему, они кого-то искали.

— Вчера твои начальники тебя вполне удовлетворяли, так что можно сказать, что ты их заслужил. А теперь оставим эти глупости и подумаем, как нам выжить.— Он подтолкнул Лу к поперечной улице.— Как идти к Кварталу Благочестивых?

Лу открыл было рот, но потом закрыл его и устало махнул рукой.

— Что зря спорить,— сказал он и показал рукой: — Сюда.

— Быстрее,— поторопил его Старк,— наездники Сиаран ищут нас.

Они побежали оглядываясь.

— Она тебе этого не простит,— сказал Лу и выругался.— Какой позор для нас — потерпеть поражение от женщины!

— Неправда! Кушат был захвачен военными,— возразил Старк.— Не забывай об этом.

Дорога была неровной и извилистой, и скоро главная улица скрылась из виду, но чуткое ухо Старка слышало мягкие звуки топота животных. Он схватил Лу за руку

и увлек в переулок между домами. Там они, сориентировавшись, продолжали двигаться к цели задворками, и Старк увидел, что большей частью эти дома были покинуты давным-давно.

Окна зданий зияли пустыми глазницами, стены были в глубоких трещинах. Звуки войны и смерти сделались вдруг очень далекими.

— Далеко еще? — спросил Старк.

— Не знаю... не очень... думаю.

Они продолжали продвигаться вперед, спотыкаясь и оскальзываясь на камнях. Потом развалины кончились темной стеной высотой футов восемь. Лу сказал:

— Здесь, на другой стороне.

ГЛАВА 10

Старк вскарабкался на стену, сел и, тяжело дыша, стал смотреть на Квартал Благословенных.

Зрелище было не из радостных. Кушат был очень старым городом, и большая часть умерших была похоронена здесь. Территория этого квартала превышала территорию, занятую жилыми домами. Каменные надгробья со временем обволакивались землей и прямо на них возводились новые, а потом еще. Так что некоторые походили теперь на высокие стены.

Куда ни глянь, везде виднелись эти стены, а над всем этим веял холодный ветер.

Еще выше надо всем громоздились мрачные скалы с проходами в них.

Старк втянул в себя холодный воздух, и все, что было в нем первобытного, шевельнулось, дрожа.

Он обернулся назад, туда, откуда доносились звуки борьбы и насилия. Столбы дыма и огня поднимались тут и там, крики женщин сливались в один пронзительный вопль. Толпа варваров приблизилась к Королевскому дворцу. Алый стяг исчез с высокой башни.

Лу взобрался на стену и сел рядом со Старком. С любопытством глядя на него, он спросил:

— В чем дело?

— Я думаю о том, что предпочел бы быть сейчас там, где битва жарче всего, а не сидеть здесь, в этом тихом месте.

— Так почему мы не идем туда?

— Потому что Валин рассказал мне, каким путем ходят те, кто грабит могилы...

Лу кивнул, глядя на Старка, и криво усмехнулся.

— Но ты боишься?

Старк нервно пожал плечами.

— Я ненавижу тебя, Старк,— продолжал Лу,— ненавижу за то, что ты так чертовски силен и заставил меня почувствовать себя ребенком. Но за завесой этих мускулов ты и сам ребенок.— Он спрыгнул со стены.— Идем. Я помогу тебе сохранить безопасность среди пыли и сухих костей.

Старк пристально посмотрел на него, потом рассмеялся и последовал за Лу, хотя все еще неохотно. Они пошли между могилами и высокими стенами, не забывая о всадниках Сиаран и двигаясь поэтому тихо. Лу остановился, поглядел Старку в лицо, спросил:

— Что ты имел в виду, когда сказал мне, что нашлось кое-что еще?

— Талисман!

Порыв ветра ударил Лу в лицо, а он стоял и смотрел на Старка безумными глазами.

— Откуда ты знаешь о нем, чужестранец?

— Я сам принес его сюда, взяв из рук вашего человека по имени Камар, он был моим другом и не дожил до того часа, когда смог бы вернуть его.

— Понимаю,— кивнул Лу.— Значит, тогда утром, у памятника Вана Круачо...

— Да. Я знал, что ты лжешь.

— Неважно. Где он, Старк? Я хочу его видеть!

— Он в надежных руках и давно вынесен из города.— Старк в мыслях надеялся, что это так.— Он должен быть у Праздничных Камней.

— Мы идем туда?

— Да.

— Хорошо,— сказал Лу.— Хорошо. Где вход в эту крысиную нору?

Старк указал на арку ворот в конце улицы, по которой они шли.

— Я должен посчитать оттуда. Смотри, не появятся ли люди Сиаран.

Всадников не было видно. Они, может быть, повернули назад, но, возможно, проникли сюда раньше и сейчас прячутся среди гробниц.

Подойдя к арке, Старк начал считать стеллы, как учил его Валин. Он прошел мимо той, что раскололась пополам, мимо той, что упала, мимо той, на которой было выгравировано имя женщины.

— Здесь! — сказал он и остановился у гробницы, рядом с которой высился большой камень. Больше она ничем от остальных не отличалась.

Старк начал ощупывать камень сверху, Лу ощупывал внизу.

— Старк,— резко спросил Лу.— Что, если ты сосчитал неправильно?

— Вернемся и начнем сначала.

Вдруг Старк, насторожившись, посмотрел влево. Там среди гробниц что-то шевельнулось, и Старк заметил, как меж камней мелькнула рыжеволосая голова. Потом еще и еще несколько. За ними показался отряд наездников. Они, видимо, приблизились к месту захоронения, пока Старк и Лу возились с плитой, и теперь развернулись цепью, собираясь захватить добычу.

Один из них понял, что их заметили, и закричал. Старк начал лихорадочно ощупывать плиту.

Если он действительно ошибся в счете... Тут он нашел то, что искал. Положил обе руки на плиту, как учил Валин, и толкнул ее.

Несколько мгновений плита не шевелилась, зато рыжеволосые всадники мчались к ним во весь опор. Потом плита подалась с хриплым стоном, в лицо ему ударил

холод подземелья, и боковая часть могилы открылась. Он пропустил Лу вперед и оглянулся на всадников. Не совсем поняв, что происходит, те подняли луки.

Старк нырнул в подземелье, и одновременно полетели стрелы. Одна попала ему в ногу.

— Закрой ее,— крикнул Лу,— Не то эти ублюдки полезут за нами!

Они налегли на плиту, и она лязгнув, вернулась на место, отрезав их от света и шума.

Некоторое время они молча приходили в себя. Снаружи донеслись крики врагов.

— Они смогут открыть ее? — спросил Лу.

— Вряд ли. Устройство очень хитрое.

В камень сердито заколотили, а потом послышались новые звуки: люди взобрались на плиту и с помощью острых пик искали возможную трещину.

— Так они далеко не уедут,— сказал Старк,— но им ничего не стоит послать за подкреплением с молотами и кувалдами. Нужно уходить.

— А как насчет света?

Старк завозился в темноте, вспоминая наставления Валина.

— Даже расхитителям могил нужен свет для их ремесла. Здесь... если я смогу найти...

Он нашел фонарь, аккуратно поставленный в углу, его маленькое пламя дало достаточно света. Старк вставил в фонарь еще одну свечу, а остальные убрал вместе с запалом под тунику. Пусть люди Сиаран сами ищут себе свет.

Стук снаружи становился все сильнее. Старк осмотрел рану на ноге. Она была неглубокой, но сильно кровоточила. Лу перевязал ему рану тряпкой, оторванной от одежды. При свете фонаря они изучали внутренность гробницы. Она была довольно большой и почти пустой. Уступы камней использовались лишь для хранения добычи.

— Хорошо,— сказал он, когда Лу закончил с перевязкой.— Вон тот камень с кольцом, он вынимается.

Под камнем оказался узкий спуск с вырезанными по краям выемками для рук и ног. Старк заглянул в лицо настороженно вглядывавшегося вглубь Лу и спросил:

— Куда девалась твоя смелость, Лу?

— Меня беспокоит не прах и не высохшие кости. Я думаю о том, что будет, если я оступлюсь.

— Я полезу с фонарем первым, — сказал Старк. Он опустился на колени перед отверстием и прикрепил фонарь к груди; нащупав зарубки, он начал спускаться.

Старк посмотрел вверх на Лу и сказал:

— Не оступись.

Лу, ничего не ответив, медленно и осторожно последовал за ним.

Они опускались довольно долго. Верхняя часть шахты создавалась в течение многих столетий. В данный момент Старка не интересовала археология, но невозможно было не заметить смены пластов, когда они проходили мимо них. Потом шахта расширилась, каменные стены стали более крепкими, и Старк понял, что попал в основную шахту, чей возраст был известен одному лишь Богу. Они сделали ее глубокой, эти давно исчезнувшие строители, и Старк проклинал их с каждым шагом, ибо каждый шаг был таким трудным, что пот выступил у него на лбу, мышцы болели, а неуверенные шаги Лу скребли камень над его головой.

Наконец он оказался на полу комнаты с прекрасным высоким сводом. Старк остановился, подождав, пока Лу перестанет дрожать. В свете фонаря линии стен были такими же ясными и чистыми, как и в тот день, когда их построили.

Комната была пустой, если не считать нескольких обрывков чего-то и пыли в углу, как будто ее убрала нерадивая хозяйка. Воздух был пыльным и душным, но свеча горела хорошо.

Старк взял себя в руки. В одной из стен комнаты была грубо вырезанная дверь. Старк открыл ее и вошел в тоннель с грубыми стенами.

Он и понятия не имел, насколько древним мог быть этот тоннель. Больше того, он и понятия не имел, для чего нужно было идти на такой огромный труд, создавая его, если каждая гробница, соединявшаяся с ним, не была сказочно богата.

Они прошли через целую анфиладу комнат, и все они были пусты, лишь кое-где лежали кучки костей или черепки. Боковые тоннели вели, должно быть, к другим могилам.

Старк заподозрил, что этот тоннель был заложен тогда, когда в Кушате появилась первая могила, и что для дальнейшего его расширения времени было вполне достаточно.

— Ты знал о нем? — спросил Лу.— Насчет подземных ходов под городом рассказывали много историй. Но мы никогда не обращали на них внимания. Впрочем, это не самая страшная ошибка, которую мы совершили.

Голоса в тоннеле казались тусклыми и приглушенными, а боковые проходы отвечали негромким унылым эхом.

Через некоторое время Старк подумал, что последняя гробница осталась далеко позади, и они находятся примерно под Королевским Городом.

Тоннель расширился и перешел в более обширное помещение. Старк поднял фонарь и вгляделся в полумрак. Теперь он понял причину постройки этого тоннеля.

— Катакомбы,— прошептал Лу.— Гробницы королей Кушата.

Темнота быстро поглотила его слова. Лу схватил Старка за руку.

— Зажги свечу.

Старк отдал ему то, что оставалось в фонаре, а туда вставил новую свечу. Лицо Лу выражало глубокое потрясение.

— Но их ведь так тщательно закрывали. Здесь три уровня, и каждая галерея закрывалась, чтобы никто не мог туда проникнуть.

— Проникнуть сверху,— сказал Старк.— Так же, видимо, похитили и талисман.

— О! — произнес потрясенный Лу.— Но посмотри, что они сделали!

Королей Кушата хоронили по-королевски, тщательно бальзамируя каждого и сажая на погребальный трон. Украшали их при этом всеми королевскими регалиями, окружая их оружием, кубками с вином и прочими драгоценностями.

На прекрасно отполированных стенах и потолках были выгравированы картины, изображающие сцены из жизни этих правителей, сидевших вдоль этого длинного и широкого зала, каждый в специально отведенной для него части. Остатки крюков на потолке указывали на то, что некогда висели здесь драпировки, отделявшие эти тронные комнаты одну от другой. Старк мог представить себе богатые ковры, в стенах виднелись отверстия для канделябров, и он подумал о том, какое это, должно быть, было удивительное зрелище, когда пылали факелы, освещая длинную процессию священников и скорбящих женщин, следовавших за королем, которого несли на щитах к месту его вечного покоя.

В задней части каждой комнаты находилось специальное помещение, прекрасное каждое на свой лад, предназначенное для королевы и прочих членов королевской семьи.

Воры Кушата растащили все это неописуемое великолепие до последней крошки. Даже металлические канделябры были вытащены из стен. Не осталось ничего, кроме каменных тронов, недоступных для переноса, и самих королей, лишенных всех регалий.

Брошенные без своих нарядов, оружия и украшений, голые тела застыли на тронах. Непочтительные воры посадили тех из них, чьи тела были еще крепкими, другие беспорядочной грудой громоздились на полу.

— И так было все время,— бормотал Лу,— а мы ничего не знали.

— Теперь я думаю, что Каррибара в том же состоянии,— сказал Старк и добавил: — Пойдем отсюда.

Он погасил свечу и пошел прочь, наступая на королевские останки.

От катакомб пролегал довольно прямой путь. Лишь два тоннеля отходили от него в стороны, возможно, они вели к другим катакомбам, о которых говорил Лу.

Старк шел так быстро, как только мог. Ему хотелось как можно быстрее выбраться наружу. В то же время он подсчитывал, сколько времени понадобится людям Сиаран, чтобы сломать плиту и пуститься в погоню, а также сколько времени потребуется на принятие решения о расстановке часовых вокруг города. В любом случае, чем раньше они с Лу выберутся из этой ловушки, тем для них будет лучше.

Старк дошел до конца быстрее, чем осознал это. Он ожидал увидеть дневной свет, но его не было, или же было так мало, что он просто не заметил. Предупреждением конца пути послужила перемена воздуха — он сделался свежим и чистым.

Старк погасил свечу и тогда различил впереди нечто менее темное, чем густая чернота, что окружала их. Он тронул Лу за руку, призывая к осторожности, и тихо направился к выходу из тоннеля.

Выход упирался в дно глубокой расщелины, где уже залегли глубокие тени. Он увидел небо, освещенное лучами заходящего солнца. Старк не заметил и не услышал чего-то такого, что говорило бы о присутствии человека. Он вылез из тоннеля, глубоко дыша, и вдруг покрылся холодным потом, как будто только что избежал смертельной опасности.

— Вот она, тропа,— сказал Лу, указывая на узкий проход, поднимающийся к краю расщелины.

Они вскарабкались по тропе и приблизились к тому месту, откуда к Кушату опускалась равнина.

В этом месте в течение тысячи лет встречались вор и торговец, чтобы совершить сделку по продаже королевской мебели и золотых заколок королевских жен.

Теперь Лу и Старк взглянули со скалы и увидели столб черного дыма, поднимающегося над городом, ус-

лышали отдаленные голоса. У Лу, как у ребенка, задрожал подбородок.

— Праздничные Камни там,— сказал он, преодолев себя, и зашагал в указанном направлении.

Старк повернулся, чтобы последовать за ним. Справа, высоко над ними и так близко теперь, высились Врата Смерти.

ГЛАВА 11

Праздничные Камни занимали обширное пространство под тропой, и место это было таким ровным и глубоким, что, как понял Старк, создано могло быть лишь искусственно. И еще он понял, что какова бы ни была изначальная цель установки здесь камней, она не имела ничего общего с поклонением солнцу. Он распознал их, как только смог ясно увидеть, и мурашки забегали по его спине. Камни эти служили основанием башни, подобной той, в которой умер Камар. Башня была, как видно, разрушена очень давно, во время какой-то катастрофы, и лежала, разбитая, за камнями. Время сгладило их форму, и обломки башни можно было принять за случайную россыпь валунов.

В кругу находилось много людей, а другие продолжали подходить по узкой тропе. Почти все они молчали, но молчание их было горьким и печальным.

Лу огляделся, считая, сколько среди собравшихся мужчин, а сколько женщин и детей.

— Не велика армия,— пробормотал он.

— Этого будет достаточно,— возразил Старк.

Он пошел вдоль группы людей, ища Танис и, не находя, начал уж было впадать в панику, когда вдруг увидел ее. Девушка помогала женщинам перевязывать раненых. Лицо ее было очень усталым и сосредоточенным. Старк окликнул ее.

Танис подняла голову, увидела Старка и бросилась

к нему. Она молча обняла Старка, и он ощутил, как сильная дрожь сотрясала ее тело. Он крепко прижал ее к себе, и они стояли так долго, пока она, глубоко вздохнув, не отстранилась, едва заметно улыбаясь. Торопливо она начала расстегивать пояс.

— Держи,— протянула она пояс Старку.— Для меня он слишком велик.

Старк взял его, чувствуя на себе взгляды многих людей.

— Где Валин?

— Собирает беженцев. Некоторые из пришедших сюда не из нашего квартала, но он думает, что и они будут полезны.

— Каждый может быть нам полезен.— Он улыбнулся.— Даже он,— сказал Старк, увидев, как она смотрит на Лу.

Лу перенес ее взгляд терпеливо, без возмущения, и в конце концов Танис пожала плечами и отвела глаза.

— Думаю, ты прав,— согласилась она, снова пожав плечами.— Теперь мы все вместе.

Старк положил руку на пояс Камара, повернул его и посмотрел на людей, собравшихся в огромном кругу, потом перевел взгляд на тропу, пролегшую высоко над ними. Бледные лучи солнца касались обледенелых камней, и те казались горящими, как тогда, когда он коснулся их взглядом в первый раз. Казалось, будто вся тропа сияет адским огнем.

Старку почудилось, что даже ветер, дующий с той стороны, несет в себе нечто странное, будоражит нервы. Внезапно он с удивительной ясностью вспомнил, как горел талисман в его руке и как говорили далекие голоса, тихие и нечеловеческие.

Он тверже сжал выступ на поясе и вышел в центр круга, где из нескольких камней образовалось возвышение. Взобравшись на него, Старк подозвал к себе людей, и пока они подходили, собираясь выслушать его, он смотрел на дым, плывущий над городом, и думал о Сиаран, о биче и черном топоре, почти не вспоминая о ее черных волосах и прекрасном белом лице.

Когда люди подошли, он начал говорить:

— Большинству из нас известно, что талисман Вана Круачо был украден человеком по имени Камар.

Они знали его, и многие подтвердили, послав проклятия в его адрес. Некоторые мрачно спросили:

— Кто ты такой, чужестранец? Почему ты говоришь о талисмане?

Двое людей, которых Старк видел накануне в таверне, взобрались на возвышение и встали рядом с ним.

— Валин поручился за него,— сказал один.— У него есть что сказать нам, так что вы должны его слушать.

Они сели рядом с ним, держа в руках ножи.

— Я был другом Камара,— продолжал Старк.— Он умер по пути сюда. Он хотел вернуться в Кушат, чтобы возвратить то, что взял. Я был его должником, поэтому и согласился закончить путешествие за него.

Он открыл тайник и достал завернутый в шелк кристалл.

— Большинству из вас известно, или же вы догадались, что так называемый талисман, лежащий в раке, всего лишь подделка. Знать положила его туда, чтобы скрыть пропажу.— Он переждал, пока утихнет сердитый шум, а потом поднял руку с кристаллом.

— Теперь смотрите на ваш талисман!

Старк снял с кристалла шелк, и лучи солнца заиграли на его поверхности. Кристалл поглотил этот свет, стал распределять его по своим фасеткам так, что каждая засветилась по-своему.

Старк затаив дыхание наблюдал, как кристалл засверкал в его руке, подобно маленькому солнцу. Теперь он был теплым и слепил глаза.

Тут заговорили голоса прямо ему в ухо, они раздавались за его спиной, совсем близко...

— Старк!

Это был голос Валина. Он заглушил все остальное и вернул Старка в реальный мир. Он увидел, что люди застыли в немом порыве и взгляды их полны благого-

вения. Они смотрели, затаив дыхание, на него и талисман.

Старк завернул его снова в шелк и спрятал в тайник. Все это время Валин пробирался к нему сквозь толпу. За толпой в той стороне, откуда шел Валин, стояла группа беженцев, и среди них был Рогайн.

Валин остановился подле него и сказал:

— Старк, от Кушата едут всадники.

— Что ж,— ответил Старк.— Тогда нам лучше всего отправиться в путь.

Он наклонился, все еще не полностью осознавая происходящее и, скорее повинуясь инстинкту, чем сознанию, подал Валину руку, и тот стал рядом с ним:

— Вы знаете Валина, верите ему. Так слушайте его!

— Мы со Старком понесем талисман через Врата Смерти и посмотрим, какую силу он сможет нам дать. Поможет ли она выгнать варваров из Кушата? Пусть все, кто желает, идут с нами.

Они вместе спрыгнули с камней и направились к проходу в каменном кольце. Громовой крик потряс воздух, и люди, до того неуверенно державшиеся группами, устремились друг за другом, образовав вскоре единую шеренгу.

Кто-то крикнул:

— Ван Круачо!

Крик этот был подобен воинскому кличу. Лу возник рядом со Старком, крича:

— Талисман! Следуйте за талисманом!

Люди устремились в проход, ведущий из круга. Старк передал Лу фонарь и свечи.

— Иди вперед,— сказал он.— Первое же место, где можно укрепиться, пусть станет вашей крепостью. Пусть его обороняют все, кто на это способен. Даже дети могут бросать камни!

— Я хотел бы пойти с вами,— раздался голос за их спиной.

Это был Рогайн. Этот день сильно состарил его. Он был ранен, и руки его были в крови, но держался он

гордо и ответил Старку взглядом на взгляд без какого-либо волнения. Старк кивнул, и тот, шагая с заметным усилием, присоединился к Лу.

— Хороший человек,— сказал Старк.— Жаль, он был плохим полководцем.

Потом он закричал:

— Пусть женщины и молодежь идут первыми, мужчины пусть держатся сзади. Возможно, нам придется сражаться! Валин, веди их! Скорее!

В красноватом свете гаснущего солнца все устремились к тропе, что запылала теперь более ярким светом. Старк и Валин покинули последними это место. Они оглянулись на Кушат и увидели отряд всадников человек из пятидесяти: они пробирались между обломков камней. Впереди маячила фигура в черной тунике.

— Неужели их ведет Сиаран? — изумлено спросил Валин.

— Почему бы и нет?

— Она же только что взяла город. Любой другой вождь...— начал было Валин.

— ... ринулся бы за добычей и женщинами? Ей не нужно ни того, ни другого. Все, что для нее важно, это ее собственное тщеславие,— закончил за него Старк.

Они полезли вверх по голому склону и Старк подумал: «Какова же должна быть сила Сиаран, если она нашла полсотни добровольцев, отказавшихся от грабежа. Возможно, это вожди кланов, и люди все равно отдадут им часть добычи. А может быть, она внушила им мысль, что главное — это захватить талисман».

Валин нерешительно сказал:

— Старк, когда ты стоял там, с талисманом в руке, перед тем, как я тебя окликнул...

— Да?

— У тебя было странное лицо. В нем было что-то безумное, или божественное.

— Да, что-то творилось со мной,— согласился Старк.— Как будто со мной кто-то говорил.

Валин непонимающе посмотрел на него, и Старк покачал головой.

— Кто-то, голоса. Но мне показалось, будто я знаю, что они там, за тропой.

— А,— произнес Валин, глаза его заблестели.— Значит, мы можем надеяться на помощь.

— Боги знают,— сказал Старк.— На мгновение, как раз перед тем, как ты заговорил, мне показалось, будто я понимаю...— Он умолк непроизвольно вздрогнув.— Для этих разговоров еще будет время, когда мы пройдем по тропе.— Он оглянулся на всадников.— Они нас догоняют.

— Посмотри на Праздничные Камни,— сказал Валин.

На равнине появились люди, как будто ниоткуда. Старк кивнул.

— Я ожидал их. Они прошли через тоннель.

Они увидели, что люди поднялись на тропу и побежали. Они бежали быстро, но те, кто их догонял, были еще проворнее. Старк прикинул и понял, что обе группы достигнут тропы одновременно и что это случится гораздо раньше, чем он рассчитывал.

— Что будем делать? — спросил Валин.

— Будем готовы к прикрытию. Но пока сможем, постараемся держаться впереди. — Они побежали по склону, подгоняя людей.

Нижняя часть равнины казалась теперь совершенно темной. Наверху было еще светло, вся тропа была залита красным светом и люди двигались как по кровавой реке. Какими же маленькими они казались на фоне громадных скал, и как быстро они исчезали во Вратах Смерти.

Старк оставил Валина и устремился вперед, мимо шеренги идущих. Ему нетерпелось увидеть это место прежде, чем дневной свет окончательно исчезнет.

То было дьявольское место — трещина в горной стене с башнеподобными глыбами по бокам, а между ними дико свистел ветер. Старк ненавидел это место, ненавидел бессознательно, чувствуя в нем что-то неве-

домое, неестественное, и полное рабского страха. И он ненавидел его осознанно, так как оно было смертельной ловушкой.

Валин говорил, что это место возникло в результате обвала, так что в его появлении никакой мистики не было.

Сама тропа была усеяна обломками дитрита и Старк, хорошо знавший горы, понимал, что камень окружавших их скал был непрочным и мог рухнуть в любой момент.

Он нашел Лу и Рогайна и предупредил их об осторожности. Те передали это остальным. Старк остался стоять за кучей валунов, глядя вверх на скалу.

Люди торопливо проходили мимо него. Женщины несли вещи, старшие дети несли младших, поскольку те так устали, что идти сами не могли. Шествие замыкали мужчины, последним шел Валин. Увидев Старка, он остановился.

— Они идут за нами по пятам,— сообщил он.— Не лучше ли нам приготовиться к сражению?

— Я думаю,— сказал Старк,— можно обойтись и без него. Дай-ка мне копье.

Валин взял копье у одного из мужчин и протянул его Старку. Положив копье рядом с собой, Старк отстегнул пояс и передал его Валину вместе с остальными своими вещами. Потом с помощью ремня укрепил копье за плечами. Готовясь, он объяснял Валину свою мысль.

Валин окинул взглядом скалу и вздрогнул.

— Я ведь ничем не могу тебе помочь.

— И не надо,— спокойно ответил Старк.— Уводи скорее людей. Надо, чтобы у того изгиба никого не было.— Он указал туда, где тропа делала поворот вокруг выступающего вперед уступа.

— Среди вас есть метатели пращи?

— Думаю, что есть. Они пришли с Рогайном.

— Поставь их там, за уступом, только так, чтобы их не было видно.

Валин кивнул, бормоча что-то насчет силы, которой боги наградили Старка, потом добавил:

— Ну, счастливо,— и побежал.

Старк пересек тропу и начал взбираться на скалу. Аборигены научили его лазить по скалам еще в детстве. Он обнаружил, что подъем оказался менее трудным, чем он предполагал. Скала была более шероховатой, чем казалось снизу, а внутренний склон ее — более обширным.

Старк тщательно ощупывал камень, выбирая те места, где он был звонкий и не крошился под рукой.

Он довольно быстро добрался до узкого уступа, пролегшего через хребет. Свет гас очень быстро, обгоняя его, ускользая по мере того, как он поднимался. Старк подумал, что ему все-таки хватит того света, что еще оставался. Хуже обстояло со временем.

Он карабкался почти безрассудно, припав к скале, срастаясь с ней, работая руками и ногами так, как его учили: в подражание большой ящерице. Он и сам был похож сейчас на большую бесхвостую ящерицу. Достигнув уступа, он взобрался на него и распластался на камне, пытаясь унять дыхание.

Снизу, с тропы, послышалось бряцанье оружия, и он глянул туда. Тени в том месте сгустились, но света было еще достаточно, чтобы разглядеть всадников. Узость тропы заставила их выстроиться в одну линию, а неровность вынудила двигаться медленнее. Пешие воины, должно быть, шли за ними.

Первой ехала Сиаран в черной кольчуге, и до Старка донесся ее голос. Он не разобрал слов, но было очевидно, что она торопила остальных. Старк улыбнулся. Она наверняка считала, что талисман уже у нее в руках.

Он встал и прошел по выступу. Сиаран была как раз под ним, за ней следовали вожди кланов. У некоторых были фонари, и они остановились, чтобы зажечь их, борясь с ветром.

Теперь Старк не торопился. Он подошел туда, где путь преграждали упавшие камни, остановился, снял ремень, удерживающий копье.

Ветер, налетев на него, прижал к скале. Старк при

гнулся, вставил длинный конец копья между камнями и поставил ногу на короткий конец. Получился неплохой рычаг.

Дальше того места, на котором он стоял, наружная часть стены была изъедена туманами и ветрами. Камень там опадал, громоздился, скользил вниз и снова громоздился. Теперь там были бесчисленные тонны камней, готовые соскользнуть вниз. Надо было им только помочь.

Старк налег на копье, и освобожденные валуны устремились вниз с ужасающим грохотом.

ГЛАВА 12

Снизу донеслись крики испуга и все стихло. Старк представил себе, как они застыли в седлах, насторожились, прислушиваясь. Камни ударились о тропу, и движение прекратилось, несколько мгновений слышался лишь вой ветра. Потом вниз обрушился целый водопад камней. Они гремели и бились друг о друга, шум все нарастал.

Старку показалось, что он снова слышит голоса, на этот раз громкие. Он бросился на камни ничком и прижался к ним. Все слилось в сплошном грохоте. Огромная скала рухнула вниз и исчезла в темноте.

Старк приник к уступу, обхватив его руками, прижавшись лицом к камням. Из горла его вырвался торжествующий смех, но ни он сам, ни кто-либо другой этого смеха не услышали. Все получилось намного лучше, чем он ожидал. За первым камнепадом последовало еще три, каждый сильнее предыдущего.

Затем наступила пугающая тишина, нарушаемая лишь шорохом запоздалого камня да слабыми вскриками.

Старк поднялся на ноги и посмотрел вниз. Пыль висела в воздухе, как завеса, но ветер рвал ее в клочья. Огромная груда камней совершенно закрыла проход по

тропе, решеткой опустилась между Сиаран и ее людьми, оставив с ней лишь горстку воинов, с которыми могли справиться люди Валина.

Старк рассмеялся и начал спускаться.

Он спускался в полной темноте, так что все внимание было поглощено этим спуском, но он слышал крики боли и гнева и, как ему показалось, голос Валина, резко отдающего приказы. Были и другие нестройные звуки, но сейчас они его не интересовали. Появилась ближняя луна, и двигаться в ее свете стало легче, хотя не так легко, как при подъеме. И когда его коснулся свет фонаря, и чьи-то руки облегчили его спуск, он был рад этой помощи.

В свете фонаря он увидел Валина, лицо которого было искажено волнением.

— Мы схватили ее! Она в наших руках! Путь перекрыт!

— Пока,— сказал Старк,— Пока!

Он принялся растирать онемевшие ноги. Он настолько устал, что вот-вот мог рухнуть.

— Есть у кого-нибудь вино? Мне необходимо выпить.

— Бери,— кто-то протянул ему бурдюк с вином, и он жадно припал к горлышку. Валин все говорил, рассказывая, как Сиаран и семь-восемь всадников пытались вернуться назад при звуке первого камнепада, и как трое из них попали в обвал.

Прежде чем остальные пришли в себя, люди Валина выбили их из седел. Сиаран пыталась обороняться своим топором, но они сбросили и ее. Валин думал, что она умерла. Потом из-за поворота выбежало много людей Кушата. Они добивали раненых. Хотели убить и Сиаран, когда увидели, что она еще дышит.

— Мне пришлось выставить людей для ее охраны,— сказал Валин.— Тогда они собрались убить меня. Мне понадобилась уйма времени, чтобы успокоить и убедить их.

— Она может нам понадобиться,— одобрил его Старк.— Как только рассветет, ее люди начнут раста-

скивать камни. Я думаю, что между этим местом и тропой произошло еще три обвала, хотя и не таких больших, так что времени им понадобится немало. Но рано или поздно они расчистят путь, и когда справятся с этой задачей, нам не помешает иметь при себе то, что поможет нам уничтожить эту свору, иначе нам придется плохо.

Собралась целая толпа. Люди приветствовали Старка, но слышались и возгласы недовольства. Тогда Старк сказал:

— Не надо быть такими нетерпеливыми! Может, наступит такой момент, когда она окажется нам нужна. Потом вы можете ее убить.

К нему пробилась Танис.

— Старк, почему ты не продашь им ее в обмен на Кушат? Они отдали бы город в обмен на нее.

Старк покачал головой.

— Да, отдали бы, и Кушат был бы в наших руках ровно столько времени, сколько понадобилось бы для того, чтобы она снова бросила своих людей на город. И тогда вы пожалели бы, что не убили ее.

Танис согласилась с ним, и они вместе с Валином пошли сквозь толпу.

— Неужели вы не понимаете! С теми людьми и с тем оружием, которым мы располагаем, мы не сможем удержать Кушат. Вы потеряли Кушат и не вернете его, если талисман не даст вам силу! — продолжал втолковывать Старк.

Они молчали, напуганные его гневом.

— Если не получится с талисманом, мы сможем купить себе жизнь в обмен на жизнь Сиаран. Но не больше! Не надейтесь!

Он устремился вперед, и люди расступились перед ним. Даже Танис держалась поодаль от него. Они прошли то место, где встретили Старка, дошли до убитых вождей и повернули за выступ.

С этой стороны выступа имелось углубление, проделанное водой, которая обильно попадала сюда весною.

Здесь можно было укрыться от ледяного ветра. В наскоро разбитом лагере скрывались женщины и дети, деля скудные запасы пищи. Костер разжигать было нечем, и горело только два-три фонаря.

Старк увидел тусклый свет и пошел на него. Там стояли Лу и Рогайн. Между ними, опираясь спиной о скалу, стояла Сиаран.

Воинские доспехи с нее сняли и оставили в коротком кожаном одеянии, плотно прилегающем к телу. Кто-то набросил ей на плечи изодранный плащ. Лоб ее был иссечен глубокими порезами, на щеках и белой шее засохла кровь. И все равно она держалась, как королева.

Старк посмотрел на нее. Она прямо встретила его взгляд, и он не прочел в ее взгляде ни жалобы, ни смущения, ни мольбы о пощаде. Она молчала.

Старк прошел мимо нее. Лу протянул ему плащ, и он, завернувшись в него, лег на холодные камни и мгновенно заснул.

Когда он проснулся, окоченевший от холода предрассветных часов, Сиаран была все в том же положении, и Старк удивился, спала ли она вообще и какие сны видела. Он не спросил ее об этом.

— Пусть она идет вместе с ними,— сказал он Лу.— Только ее надо хорошо охранять.

Они съели скудный завтрак и тронулись в путь. Старк не видел раньше столь оборванной и несчастной армии, так слепо шедшей навстречу своей судьбе. Он шел во главе этой армии, рядом с ним Валин, Лу, Рогайн, сзади вели Сиаран, а дальше шли его люди. Они шагали, как попало, потому что им больше не грозила опасность с тыла.

Для Старка это было началом тяжких испытаний.

Солнце взошло, но теперь тропа пролегала среди высоких скал, и света сюда доходило мало. Ветер выл и бился о стены ущелья. Камень отвечал разноголосо, и Старку казалось, что он снова слышит те странные голоса. Валин вернул ему его плащ и пояс, сказав, что не достоин чести носить его.

Старк подумал, что Валин старается избавиться от этой вещи. Теперь талисман снова стал его тяжкой ношей, и он ненавидел его. В этом месте он сильнее, чем когда бы то ни было, ощущал присутствие той силы, что жила в кусочке кристалла. И тот факт, что ответ на загадку талисмана лежал впереди, где-то близко, означал, что именно он должен будет взглянуть в лицо этим силам, хочет он этого или нет.

Он не хотел.

Он пытался образумить себя, силясь приковать свое внимание к окружающему: к тропе, к скалам. Но все равно ноздри его шевелились, чувствуя присутствие чего-то дьявольского, древнего, пропыленного, старого, но все еще живого, ощущая в дуновении ветра запах, тонкий, едва ощутимый, различить его могли лишь животные или существа, стоящие очень близко к животным.

Каждый нерв Старка был напряжен, как струна. И как он ни цеплялся за то, что было в нем от цивилизованного мира, это его «Я» ускользало все больше и больше. Чем дальше он шел, тем больше изменялось и его тело, он становился все ближе к животному.

Самым худшим было то, что Сиаран наблюдала за ним и — он знал это — понимала, что с ним происходит. Все это утро она шла рядом с ним со связанными за спиной руками. Она ни разу не заговорила, но он постоянно чувствовал на себе ее взгляд.

Когда они остановились, чтобы отдохнуть и поесть, Старк подошел к тому месту, где сидела Сиаран. Ей не дали ни еды, ни питья, и она ничего не просила.

Старк отломил от своего ломтя половину и протянул Сиаран. Она не отказалась и, взяв кусок, начала неторопливо жевать, изо всех сил стараясь не показать, как она голодна.

Старк сел на камни лицом к ней и кивнул Лу и Рогайну, отпуская их. Те были рады передышке и быстренько удалились. У Старка была бутылка с остатками вина, которым он тоже поделился с Сиаран.

— Ты думаешь о том, что могла бы убить меня,— спросил Старк.

— Да! — ветер швырнул на ее лицо прядь волос, и она нетерпеливо отбросила ее.— Ты, Старк, для меня, как проклятье! Я не из тех, кто прощает.

— И они тоже? — кивнул Старк на людей из Кушата.

— У них нет выбора. А у тебя был,— она посмотрела на Старка с искренним любопытством.— Твои обязательства по отношению к этим людям не больше моих. Почему ты отказал мне?

— По двум причинам. Я обещал...

— Мертвому?

— Другу.

— Это одна причина. Вторая?

— Мы с тобой похожи,— сказал Старк.— Мы слишком похожи, чтобы терпеть друг друга. Кроме того, у меня не было желания брать Кушат.

Он снова протянул ей сосуд с вином.

— Ты могла бы сказать, что я лишен честолюбия. Но у тебя его слишком много. Ты стала госпожой Мекха. Неужели тебе не хватает этого?

— Удовольствоваться этим?! А ты? Ты всегда собой доволен?

— Да. Не часто и не подолгу, но я не так тщеславен, как ты.

— Ветер и огонь,— сказала Сиаран.— Один расходует силы на бесцельное брожение, другой на то, чтобы все прожирать. Что ж, посмотрим, кто из нас мудрее, когда кончится битва. Но не говори со мной о довольстве.

Ее бледное лицо хранило выражение силы и несокрушимой гордости. Он изучал ее — высокую, с гордой осанкой и длинными ногами, прекрасными плечами и красивыми руками, которые без топора казались какими-то несчастными.

— Хотел бы я знать, что сделало тебя такой, какая ты есть.

Она нетерпеливо проговорила:

— Мужчина волен быть тем, кем захочет, и никто

не будет задавать ему вопросов. Женщина же остается женщиной и больше никем. От этих объяснений так устаешь... — она прислонилась спиной к скале, и в глазах ее зажегся торжествующий огонек триумфа. — Я не просила снисхождения к своему полу и не буду к нему привязана. И если умру сегодня, то ни о чем не пожалею перед смертью. Что сделано, то сделано. Но если мне суждено будет жить, я сделаю больше, чем успела до сих пор. Кушат был только началом.

Ее взгляд был таким, будто она видела что-то вдали,— то, чего не видел никто.

— Началом чего? — спросил Старк.

— Пути к Наррисану,— теперь она говорила совсем тихо.— Этот город окружен стеной, Старк. Он похож на Кушат, но более богатый и сильный.

Мой дед был королем Наррисана. И к тому времени, когда я научилась ходить, я стала служанкой у него в доме, но не думаю, что он знал об этом. К чему? У меня не было имени. Мой отец знал. Однажды в переходе он подошел к моей матери и посмотрел так, как человек может смотреть на свое изображение. «Так вот оно, это отродье» — сказал он. Моя мать лепетала какие-то извинения, но я едва слышала ее слова, а он, не дослушав ее, оборвал: «Будь довольна, что это девочка, иначе бы она не дожила до зрелости. Она слишком похожа на меня».

После этого он забыл обо мне. Но когда я стала достаточно взрослой, я перестала заниматься уборкой ради тренировок в военном искусстве. Меня били за это каждый день, но я каждый день убегала снова.

Я постигла это искусство и отправилась сколачивать состояние. Вот этими руками, Старк,— она вытянула вперед свои прекрасные руки.— Так что я могу гордиться тем, что я умею, а не тем, что могла бы выколотить из мужчин с помощью древних альковных уловок.

— Для этого ты и желала получить талисман, он помог бы тебе захватить город твоего деда?

— Захватить Наррисан. Мой отец умер три года

назад, а я была его единственным ребенком. Надеюсь, боги помогут мне и ему в его забавах... — Она покачала головой, глядя на Старка.— Если бы ты сражался со мной, а не против... Что ж, что прошло, то прошло. Но кто знает, что ждет вас впереди?

Она внимательно посмотрела на него.

— Мне кажется, ты догадываешься, и тебя это угнетает.

— Скоро узнаем,— ответил Старк.

Он встал и снова занял место впереди колонны. Он не стал говорить Сиаран, что если им придется встретиться лицом к лицу снова, то они снова встретятся как мужчина с мужчиной, без всяких скидок на пол. Она это и так понимала.

Тропа опускалась все ниже. Кругом не было ничего, кроме камня и льда. Чувство опасности нарастало, и Старк шел, как идет человек против течения. И подавлен он был не один. Валин, Лу, Рогайн, Танис и все остальные шли, погруженные в молчание. Даже в лице Сиаран проглядывало понимание.

Внезапно каменные стены расширились и влились в широкую долину, запертую между горами. Ветер, который так нападал на них в ущельи, затих, и долина казалась пугающе спокойной.

Они долго стояли так. Танис, плотно завернулась в плащ, подошла и стала между Старком и Валином. Глаза ее стали большими и настороженными.

— Что это значит? — спросила она наконец.

— Я не знаю,— ответил Старк.

ГЛАВА 13

В долине стояли три башни. Две из них были без крыши по-видимому, давно заброшенные. Кругом руины, покрытые льдом, и это были самые страшные руины, которые когда-либо видел Старк.

Можно было различить следы улиц, рынков, площадей. Стояли остовы домов. Они походили на какие-то морские раковины с выеденной серединой. Корка льда делала все цвета яркими и искрящимися, добавляя глянец парящим изгибам и пустым аркам в тех местах, где их касалось солнце.

— Они что, строили из шпаг и шпилей? — спросил Валин, глядя на город широко открытыми глазами.

— Нечто в этом духе,— ответил Старк.

В этом месте, где единственным строительным материалом был камень, из него были построены высокие башни. Весь легкий и грациозный каркас города был сделан из металла, окрашенного так, что мрачная каменная долина окунулась в мягкие зеленые, желтые, голубые и розовые тона.

Высокие строения обвалились, а низкие были еще целы. Здесь ничто не жило долго.

Третья башня была еще крепкой.

Старк смотрел на нее и чувствовал, как в груди его нарастает дикий животный страх. Он не сомневался в том, что именно так выглядела в дни своей силы и эта башня, и все остальные. Она была чужой и угрожающей, массивной и очень высокой. Камень, из которого она была построена, был разноцветным, а на самом ее верху блестело что-то незнакомое, похожее на звезду, только эта звезда не давала света. Она распространяла облачное мерцание, ощутимое, почти как дрожание воздуха. Горные пики за ним, казалось, вибрировали.

Под этим мерцанием, наполняющим почти треть долины, расстилалась неразрушенная часть города. Очевидно, раньше все это было одним комплексом, и мертвая часть города была тоже когда-то покрыта такой же дымкой, создаваемой покинутыми ныне башнями. Линия раздела была очень ясной. Территория, покрытая льдом и разрушенными зданиями, заканчивалась у края поля. Дальше начинались свободные улицы. Арки вздымались ввысь, прямые и свободные. Там не было и следа холода или упадка.

Но жизни тоже не было видно. Ничто не двигалось на этих длинных улицах, не было слышно ни звука кроме тех, что принесли с собой жители Кушата.

Старк услышал смех Сиаран и обернулся к ней. Она смотрела мимо него на пустынные поля.

— Кажется,— произнесла она,— легенда умирает так же, как и люди!

Старк поднял голову, как животное, услышавшее незнакомый звук. Нет! Жизнь здесь еще была!

Он положил руку на пояс, и почувствовал, как горит под ней талисман.

— Здесь должна быть жизнь! — подтвердил Валин.— Посмотрите на башню. Нет, не знаю для чего, но она еще действует. Должно быть, кто-то... что-то... занимается ею.

Остальные подхватили его слова. Они так были измучены, что готовы были верить всему. Указывая на башню, Валин продолжал:

— В ней, конечно, заключена какая-то сила. Возможно, та самая, которую унес с собой Ван Круачо. Что ты думаешь об этом, Старк?

— Я думаю, что это защита ото льда и холода.— ответил медленно Старк.— Посмотри, каким теплым кажется город.

— И каким спокойным,— пробормотал Лу.— К чему обманывать друг друга. Город мертв. Мертв, как Ван Круачо!

Но его слова слышал только Старк. Остальные люди пришли в движение. Наиболее нетерпеливые направились вниз по склону. То была их последняя надежда. Сила, которую они должны были здесь найти, могла помочь им вернуть все то, что осталось в Кушате: дом, семью. Без нее, даже если бы они смогли купить себе жизнь в обмен на жизнь Сиаран, то могли рассчитывать лишь на участь бродяг, заброшенных и несчастных.

— Было бы лучше, если бы они немного подождали,— сказал Старк.

Валин только покачал головой, и Старк не стал

настаивать. Возможно, люди лучше знали, чего они хотят.

Старк открыл тайник, достал талисман, завернутый в шелковый лоскуток, и протянул его Ва-лину.

— Это принадлежит Кушату, а не мне,— сказал он.

— Правильно,— согласился с ним Валин. — И я благодарю тебя за честь, но я не Ван Круачо. Если я уроню его, то поднимешь ты.

Он держал талисман неуверенно и не снимал шелка.

Они шли рядом, и люди последовали за ними. Все чувства Старка были обострены, он слышал самые незначительные звуки. Он сознавал, что Сиаран идет за ним, а Танис рядом.

Но было что-то еще, чему он не мог дать названия и что было более могучим, чем все остальное. Он все еще шел против страха, как против течения, так же, как тогда, когда шел по тропе. И то, что здесь было много света и воздуха, совсем ему не помогало.

Разноцветные, фантастических форм руины, громоздились вокруг, а впереди блестели улицы, как стеклянные ленты.

— Этот народ никогда не был частью нашего прошлого,— сказал Валин.

Голос его был приглушен, словно он не хотел разбудить эхо. Он шел, крепко сжав в руке талисман.

— Даже тогда, когда наш мир был молодым и сильным, мы не могли строить ничего подобного.

— Да, ни одна марсианская раса не строила ничего подобного,— подумав, согласился с ним Старк.— Я видел старые-старые города. Уверен, что все они были построены людьми, но ни один человек не смог бы изваять эти изогнутые стены, эти огромные арки. Ни одна человеческая рука не открывала эти странные узкие двери. Ни один человек не мог владеть подобным понятием в геометрии.

«Может, я мог бы и предположить обратное,— сказал он про себя,— но я знаю, что этого не было, я слышал голоса».

Вслух он сказал:

— Когда-то им принадлежала вся территория за Вратами Смерти. Праздничные Камни тоже были когда-то такой же башней. А руины этих башен можно видеть по всей Северной Земле.

Валин хмыкнул,— должно быть, металл растащили и употребили в дело, так что даже самая мельчайшая частица их исчезла годы назад.

Колонна людей теперь двигалась значительно медленнее, люди старались держаться ближе друг к другу. Матери крепко прижимали к себе детей, мужья держались поближе к женам. Все молчали. Улица, по которой они шли, вела к краю той части города, что лежала под мерцающими облаками. Линия раздела находилась теперь близко, не далее, чем в ста шагах.

Валин бросил на Старка странно безнадежный взгляд. Он протянул талисман таким жестом, как будто собирался передать его Старку или швырнуть подальше, потом он пробормотал что-то и снял с кристалла шелковое покрывало.

Люди вздохнули, а Танис с гордостью за брата оглядела всех.

— Веди нас,— сказала она.

Держа талисман перед собой на сложенных ладонях, Валин зашагал вперед. Старк молча наблюдал за ним, потом его внимание сосредоточилось на том, что лежало перед ними. Тело его напряглось, как пружина. Он попытался увидеть сквозь стену, услышать молчание, почувствовать непостижимое.

Валин замедлил шаги у края облака. Ничего не случилось, кроме того, что он, сделав несколько шагов в облако, остановился и с детским изумлением, обернувшись, сказал:

— Тепло!

Старк кивнул, он все еще был в напряжении, но ничего не смог увидеть. Город простирался перед ним подобно летнему сну, полный ярких красок и мягких

теней, погруженный в глубокий покой. Небо над ним пряталось за дрожащими струями воздуха.

Было тепло, слишком тепло после суровой стужи, и было ощущение какого-то приятного томления. Люди начали расстегивать плащи, потом, пройдя еще немного вперед, стали снимать с плеч все то, что несли. Аккуратно сложив вещи, они решили забрать это по возвращении.

Улица была широкой, и вдоль каждой стороны ее стояли дома. Иногда дома отступали, образуя причудливой формы площадь. Здесь, где они стояли, свободные ото льда, особенно живо бросалась в глаза их странность. Дома создавали ощущение высоты, хотя на самом деле высокими не были. Некоторые строения казались совсем бессмысленными. Часть их представляла собой скопление изогнутых шпилей, другая часть — причудливые разветвления, создающие впечатление гигантского кактуса, были еще нагроможденные друг на друга спирали.

Одни из них согнулись вбок, другие были направлены вверх, некоторые вообще лежали, сверкая розовым и золотым.

Украшения, подумал Старк, или памятники, связанные с религией. А потом его вдруг поразила мысль о том, что они напоминают ему принадлежности какой-то странной игры. Мысль эта была неприятной. Он сам не понимал, почему она пришла ему в голову. Он обнаружил, что странные формы повторяются, разбросанные по шахматным улицам города согласно какому-то неизвестному, но определенному плану.

Проходя мимо одного из таких кактусов и присмотревшись к нему, Старк заметил, что металлические ветви очень остры и длинны и что на них есть какие-то темные полосы, очень тонкие.

Тревожный голос Танис позвал:

— Валин... Валин...

Талисман в его руке озарился теплым светом. Под неестественным небом свет этот казался удивительно мягким. Валин остановился. Лицо его было пепельным,

он походил на человека, впавшего в транс. Из груди его вырвался сдавленный стон, потом, повинуясь какому-то порыву, он отшвырнул кристалл от себя, точно так же, как сделал это Старк когда-то у башни. Кристалл откатился в сторону и лежал там, сияя.

Пораженные люди застыли, Танис положила руку на плечо Старку, испуганно глядя на него. Сиаран, стоявшая между двумя стражами, наблюдала за всем этим внимательно, как настороженная хищная птица.

Старк спросил у Валина:

— Ты слышал голоса?

— Да,— Валин перевел дыхание, лицо его было все еще бескровным.— Слышал ясно, как тебя. Вот здесь.— Он прикоснулся пальцем ко лбу.— Они звучали все громче и громче, и внезапно я их понял! Я их понял, Старк! — Он оглядел ряды домов, полный нечеловеческого страха и закричал:

— Прочь отсюда! Прочь! Это дьявольское место!

Он побежал, но Старк перехватил его и остановил. Люди в ужасе топтались у пограничной черты, и Старк сказал им:

— Подождите здесь.

Толпа зашумела. Задние ряды хотели знать, что случилось. Они не видели происшедшего, лишь поняли: что-то не так. Какая-то женщина громко закричала, и голос ее был звенящим от страха. В отчаянии Старк крикнул Лу и Рогайну:

— Не позволяйте им разбегаться! Если мы побежим, все погибло!

Они оставили Сиаран и кинулись к толпе. Старк посмотрел на Сиаран.

— У тебя есть шанс. Воспользуйся им, если можешь.

Она покачала головой и улыбнулась, показав связанные руки. Потом она перевела взгляд на го-род.

Старк тряхнул Валина за плечо и грубо крикнул:

— Пришел в себя?

— Да,— прошептал тот.— Но, Старк, мы должны уйти!

— Хорошо, уйдем, только подождем немного.

Старк подошел к талисману. Теперь он знал, что это такое, и не испытывал перед ним ужаса, но все же руки его дрожали, когда он поднимал кристалл. Если бы от этой вещи не зависело столько жизней, он оставил бы его здесь до судного дня.

Талисман играл всеми цветами радуги в его руках. Старк посмотрел на него, и волна голосов ударила ему в голову.

То есть не совсем голосов. Возможно, эти существа и обладали физическими голосами, но талисман их не передавал. Он передавал только мысли. Вначале они были сверхъестественным бормотанием, собранием тех обрывочных шептаний, которые он слышал у башни. Их нечеловеческая сущность заставила его в ужасе прервать связь. Они звучали ошеломляюще громко.

Старк понимал, что и его, и чужие жизни зависят от этого контакта. Он собрал всю силу воли, поборов отвращение и ужас, слушал... слушал... Потом он начал понимать голоса с удивительной ясностью.

Он понял их частично. Ни одно человеческое существо не постигло бы их до конца. Старк понял достаточно. Кристалл действовал не выборочно. Он вбирал в себя отрывки в радиусе своего действия.

Разум Старка превратился в подобие скрытого глаза, обращенного на кошмар. Короткая вспышка света: перед ним склеп с потерявшим разум созданием, светившимся фосфоренцией распада, потом еще одно, и еще. Каждое из них ликует, и это хуже всего. Смех. Смех. Они счастливы, эти существа: но их счастье вызывает ужас.

Так почти со всеми. Некоторые начинают даже понимать, что происходит.

Опять обрыв связи. На этот раз его причина — тревога. Старк барахтался, как утопающий, стараясь утвердиться в реальности. Но это было нелегко, ибо мир, который окружал Старка, был также их миром. Потом перед ним возникло белое пятно, казавшееся знакомым. Вскоре оно превратилось в Танис.

— Уходить поздно,— сказал он.— Они знают, что мы здесь.— Он повернулся к людям.

Женщина, стоявшая в конце шеренги, вдруг дико закричала, взволнованно заговорили мужчины. Прибежал Лу.

— Старк! — говорил он, указывая куда-то,— Старк!..

Старк отошел в сторону, чтобы была видна дорога за линией границы.

Там, из-за розово-золотого сооружения, с запятнанными кровью шпилями, появились пятеро. Трое из них держали длинные трубки с шарами на концах. Возможно, это было оружие. Они были очень высокими, гораздо выше людей Кушата, гораздо выше Старка, но удивительно худыми, так что их тела колебались под дуновением ветра.

На них были странные одеяния и высокие шапки, удлиняющие и без того длинные лица. Кожа их была бледно-золотой, очень туго натянутой. Огромные глаза светились, как темные луны.

Они шли молча, потом так же молча остановились и уставились на людей из Кушата.

Танис со свистом втянула в себя воздух. Старк оглянулся. С другой стороны появились еще шестеро существ в одеянии всех цветов радуги. Четверо из них держали трубки.

Один из них заговорил. Голос его был высоким, музыкальным, похожим на зов какой-то птицы. Талисман ясно передал Старку значение слов:

— Наше оружие несокрушимо! Мы можем вас всех уничтожить! Ван Круачо защищает нас! Своим обещанием и талисманом!

Секундная пауза, последовавшая за его словами, показалась Старку длиной в несколько лет.

Потом он крикнул и зашагал к ним, держа на вытянутой руке талисман.

ГЛАВА 14

Стены ответили ему металлическим эхом. Существа, клонясь во все стороны, потянулись назад. Они не отводили глаз от талисмана, и, подойдя к ним, Старк заметил у них совсем маленькие носы, едва заметные рты и маленькие ровные зубы.

— Ван Круачо! — повторил он.

Они сбились в кучу и заговорили между собой. Талисман сверкал на ладонях Старка, и мысли существ звенели у него в голове.

— Он знает Слово Силы!

— Талисман! Он держит Талисман!

— Что это за существа? Чего они хотят?

— Он похож на него, может, это его люди?

Некоторые из них тут же подхватили последнюю мысль и испугались.

Старк отрицательно покачал головой. Они перестали колыхаться и уставились на него.

Старк подошел к ним еще ближе, настолько близко, что мог услышать их дыхание и почувствовать их запах, странный сухой запах, похожий на запах опавших листьев. Существа ужасали его, но не в силу своего отличия, а потому, что он уловил обрывки их разговора и знал, хотя бы частично, на что они способны.

Существо, первым упомянувшее Вана Краучо, было украшено голубыми и зелеными лентами, привязанными к его рукам и ногам и обмотанными вокруг его тела. Казалось, что эти ленты являются ни чем иным, как украшением. Его конической формы шапочка была розового цвета.

Старк заставил себя подойти еще ближе и знаком показал, чтобы тот коснулся талисмана.

Существо протянуло свои четыре пальца, длин- ные и золотистые. Большой палец походил на петушиную шпору и заканчивался острым как бритва когтем.

— Теперь вы меня понимаете? — спросил у него Старк.

Существо посмотрело на Старка пугающе умными глазами, в которых, однако, понимания не было.

— Чего он добивается? — спросил один из чужих.

Этот носил на голове зеленый колпак, а на теле множество лент, коралловых впереди и аметистово-голубых сзади. Они потоком струились вниз от шеи и были завязаны у лодыжек бантами и украшены блестящими камнями.

Внезапно до Старка дошло, что существо это женского пола. Оно несколько отличалось от остальных. Его тонкое золотистое тело покачивалось с угловатой грацией, а руки двигались как у танцовщицы, пытающейся передать чувство страха.

— Убей его! — проговорило третье существо, чья одежда была красновато-коричневой.— Пусти в ход свои шпоры, Хриллин. Отбери у него Силу!

Старк быстро отступил назад и вытащил шпагу из ножен. Тот, которого звали Хриллин, посмотрел на Старка, и во взгляде его зажглось понимание.

— Я догадался! Когда мы говорили, он слышал нас через талисман, — проговорил Хриллин, жестами призывая спутников к молчанию. — Если я прав,— обратился он уже к Старку,— подними три раза руку.

Старк повиновался.

— А,— произнес Хриллин. Он все смотрел и смотрел на Старка. Потом, кажется, рассмеялся.— И это — истинное назначение талисмана?

Его изумление передалось остальным. Вернее, это было не изумление, а испуг. Существо женского пола, кажется, даже зашаталось от ужаса.

— Но если это правда...

— Посмотрим,— сказал Хриллин,— пока ясно одно: он понимает, что мы говорим.

— Его талисман говорит за нас,— возразил другой, завернутый в огромный лоскут огненно-красного цвета, скрывавший все его тело.— Может быть, наш талисман будет говорить за него?

«Непременно,— подумал Старк.— Один настроен на ваши звуковые волны, другой — на наши. Надо было догадаться об этом раньше, в противном случае в моей голове звучала бы человеческая болтовня».

Хриллин наблюдал за ним. Старк снова поднял руку. Хриллин кивнул и сказал.

— Тогда идем.

Старк в свою очередь кивнул Валину и всем остальным.

— Нет,— возразил Хриллин.— Пойдешь только ты. Остальные будут здесь.

Старк отрицательно покачал головой. Он насмешливо улыбнулся и сделал несколько движений, которые запомнил, когда слушал через талисман голоса жителей этого города.

Хриллин и его спутники рассмеялись. Смех их был по-хож на звуки падающей воды, но Старк не счел его приятным.

Они повернулись и двинулись по улице своей раскачивающейся, подпрыгивающей походкой. Хриллин крикнул своим спутникам, стоявшим дальше, чтобы они позволили пройти людям.

— Помни,— сказал он Старку.— Если мы захотим, то сможем уничтожить вас мгновенно.

Старк показал жестом, что понял его, но Валину сказал:

— Вполне возможно, что они могут нас уничтожить. Передай остальным, чтобы держались вместе. Никакой паники, тем более провокаций. Но здесь что-то не так. Они испуганы.

Тонкие руки золотой женщины повисли, и этот жест был жестом отчаяния.

Они шли по улице длинной чередой. Старк повторил все то, что слышал от существ Валину и остальным.

— Ван Круачо защищает их? — сказал Валин.— У них есть талисман? — Он, казалось, не способен был поверить в это, как и все остальные, которые стояли достаточно близко, чтобы слышать его слова.

Лишь Сиаран сказала:

— Похоже, Ван Круачо был очень умным человеком. Будем надеяться, что он сдержит свое обещание, данное вам и этим существам.

Старк предупредил остальных, чтобы все молчали, когда чужие возьмут свой талисман.

Темнело. В тени боковых улиц и площадей, мимо которых они проходили, собиралось все больше тонких фигур. Некоторые примкнули к шествию. Вдруг по всему городу вспыхнули огни.

Танис ахнула.

— Как может быть все таким отвратительным и прекрасным одновременно!

Теперь улицы светились разноцветными красками. Высокие тонкие фигуры в развевающихся одеяниях двигались сквозь оазисы золотого, зеленого, голубого, фиолетового, оранжевого и кроваво-красного цвета. Окна зданий казались серебристо-белыми на фоне остальных красок.

Люди шли и шли вперед, отражаясь в многочисленных окнах высоких зданий со множеством колонн странной формы, жилых домов, совершенно пустых.

Старк вслушался в обрывки разговоров существ, которые вели их.

— Их немного.

— Я думаю, что не так много, как нас.

«Похоже, у них нет постоянного вождя.— подумал Старк.— Хриллин просто увидел нас первым, а поэтому его, видимо, и выбрали главным для этого дела. Главное их слово — игра. Дикая беспорядочность их речи просто ужасает. Все их существование — одна огромная, беспорядочная игра. Они убивают ради забавы. И не просто убивают. Ради забавы они способны совершить все, что угодно, в том числе и пойти на физические муки. Они развращали себя в течение тысячелетий».

— Я их слышал,— сказал Валин,— и этого мне достаточно.

— Но если у них нет вождя,— сказал Лу,— если их так мало, то как же им удается заставлять жертвы...

— Им это не нужно,— ответил Старк.— Жертвы получают больше удовольствия, чем остальные. Для них это мгновения полного удовлетворения.

Танис с яростью бросила:

— Ван Круачо никогда бы не согласился помогать таким чудовищам.

— Это было очень давно,— сказал Старк.— Они тогда не были чудовищами.— Он оглядел город, массивную башню, возвышающуюся над ними.— Они жили в тюрьме. Они умирали в течение многих тысяч лет и неудивительно, что все это свело их с ума.

— Мне их жаль,— сказал Валин.— Как можно так жить!

— Мне тоже,— сказал Старк,— но я испытываю к ним не больше жалости, чем они испытывали бы ко мне, видя мою смерть.

Они вышли на огромный круг. В центре его стоял павильон с резной крышей, украшенный многочисленными пиками и колоннами. Хриллин пригласил Старка и остальных войти. Чужие теперь подходили со всех сторон. Широкие золотые полосы, похожие на лучи солнца, вели к центру павильона, где на небольшом возвышении лежал кристалл.

В хрустале было заключено тело старого человека в доспехах, и Старк узнал его. Он уже видел раньше это лицо высеченным из камня и обращенным к Вратам Смерти. Это был Ван Круачо.

Вздох благоговения пронесся над толпой людей Кушата. Они двигались осторожно, с почтением, как будто находились в храме. Все окружили хрустальный саркофаг. Задние ряды тоже хотели увидеть его своими глазами, поэтому люди постоянно менялись местами.

Хриллин достал талисман и поднял его, кристалл заблестел, заиграл красками у него в руках.

— Теперь ты понимаешь меня, Хриллин? — спросил Старк.

Хриллин содрогнулся, будто первое соприкосновение с человеческой речью было для него таким же отвра-

тительным, как и для Старка соприкосновение с речью людей его расы.

— Да, понимаю.

— Так пожелал Ван Круачо и наши с вами предки. Ваши люди создали то, что мы называем талисманом, чтобы мы могли говорить друг с другом.

Хриллин бросил взгляд на Вана Круачо, спокойно возлежащего на своем ложе.

— Он обещал защищать нас,— сказал Хриллин.— Он обещал охранять Врата Смерти, чтобы пути его и нашего миров никогда не пересеклись.

Журчание голосов чужих поднялось к крыше павильона:

— Он обещал! Силой талисмана!

— Он и держал обещание, пока народ владел Кушатом,— ответил Старк.

Хриллин вздрогнул и посмотрел на него пристально.

— Кушат? Кушат пал?

Чужие дико закричали. Они теснее сгрудились вокруг Хриллина. Некоторые, очевидно, в диком приступе возбуждения вонзили свои длинные ногти в тела так, что показалась кровь.

— Вчера,— сказал Старк.

— Вчера,— повторил Хриллин.— Вчера пал Кушат,— внезапно он подался вперед и закричал: — Вы не имели права! Вы не имели права позволить ему пасть!

Голоса-флейты были полны гнева и истерического страха. Старк подумал, что они собираются напасть на людей. Возможно, так оно и было, но люди Кушата инстинктивно выхватили оружие, и те подались назад, продолжая раскачиваться.

Все большее и большее число их наносило себе раны. Игра оказалась совсем не такой, как они задумали. Чужие возбуждались все сильнее.

Старк сказал Хриллину:

— Многие люди Кушата умерли, защищая город. Большего они сделать не могли.— Он не мог скрыть всего, что думал. Слова сами формулировались в его

голове, и Хриллин читал их раньше, чем Старк осознавал.

Глаза Хриллина загорелись какой-то мыслью.

— Мы не любим друг друга. Пусть все так и останется.

— Хорошо,— согласился Старк,— но мы пришли к вам потому, что Ван Круачо обещал нас защитить.

— Обещал? Обещал? — Хриллин был мрачен.— Он обещал это и нам. Мы дали ему оружие, чтобы он мог побеждать в войнах, а он взамен дал нам мир,— он положил руку на саркофаг.— Когда он состарился, то оставил своих людей и пришел к нам. Тогда наш город был великим. Все его улицы были теплыми и населенными. Он ходил по ним и беседовал с нашими философами.

Говорят, он написал историю на вашем языке, хотя никто не знает, правда это или нет. Мы — самая старая раса на Марсе. Мы знали вас раньше, чем вы научились стоять на ногах. Мы построили свои города тогда, когда вы жили в каменных норах и едва познали огонь.

Чужие закачались, воздев к небу руки.

— Но,— продолжал Хриллин,— вы быстро осваивались, а мы старели. Вы строили свои дома в холодных краях и длительное время не тревожили нас. Потом вы появились повсюду, и мы стали оставлять свои города. Потому что жить в них стало невозможно. Эта долина — наше последнее укрытие.

— Больше она не укрытие,— сказал Старк.— Сюда скоро придут люди, взявшие Кушат. Кроме того, было и такое обещание, вторая часть сделки: в случае крайней необходимости мы должны были пронести талисман через Врата Смерти.

Он высоко поднял кристалл.

— Дайте нам эту силу. Тогда мы уведем отсюда людей, которые являются вашими и нашими врагами. Кушат снова будет охранять Врата Смерти. В противном случае...

Он опустил руки.

— В противном случае вам придется бороться с ними самим.

— Бороться! — повторили голоса-флейты. Раздался взрыв смеха, странного и жесткого.

— Дай им Силу, Хриллин! Почему бы нет?!

— Дай им Силу! Пусть они будут сильными, как Ван Круачо! Пусть они сражаются с миром за нас!

— Дать? — спросил Хриллин, раскачиваясь, танцуя на месте и размахивая руками.— И вы уйдете?

— Дай нам оружие, Хриллин, и мы уйдем!

— Хорошо,— сказал он и повернулся к своим людям.— Дайте им оружие. Принесите им все, что у нас есть. Это сыны Вана Круачо! Дайте им оружие!

Остальные стали нараспев повторять:

— Дайте им оружие!

Те, у кого были трубки, стали отдавать их в руки людей. Остальные разбежались и вернулись с трубками. Через несколько минут у мужчин Кушата было около сорока трубок с шарами на концах.

— Теперь вы довольны? — спросил Хриллин и передал Старку последнюю трубку.— Смотрите, нажимать надо здесь и здесь, но надо быть осторожными. Их сила больше, чем вы думаете.

Он отошел от Старка, и все другие тоже отошли от людей. Валин держал в руках трубку, лицо его горело триумфом. Потом он повернулся к хрустальному саркофагу, в котором лежал Ван Круачо.

— Он сделал это, Старк! Он сдержал обещание,— на глазах у него блестели слезы.— Благодарю вас! — сказал он чужим.— Весь Кушат благодарит вас!

Внезапно он повернулся к Сиаран:

— Теперь можешь посмотреть, как будут умирать твои красные волки!

— Теперь у нас есть Сила! — крикнул он людям.— Сила Вана Круачо. Пойдемте брать Кушат!

Ответом ему был рев голосов. Люди устремились на улицу, ведомые Валином. Они кричали:

— Кушат! Кушат! — И через некоторое время весь город наполнился звенящим эхом, похожим на колокольный звон.

Люди пустились в обратный путь. Теперь Старк шел вместе с Сиаран в хвосте колонны. С ним были Лу и Рогайн. Танис была вместе с Валином.

Люди торопливо шли вперед через разноцветье города. Старк все время озирался. Он заметил, что Сиаран делает то же самое.

Ему не удалось ничего заметить. Казалось, не было никаких причин для тревоги, и все же ему было не по себе. Однако талисман был у него, и он не доносил до него ни звука.

В его мозгу отпечаталась ужасная картина того, как тела чужих раскачивались в разные стороны, их глаза блестели в предвкушении игры, о которой никому не велено было говорить. Люди продолжали идти вперед, и по-прежнему все было спокойно.

Они дошли до того места, где оставили свои вещи, и стали их собирать. Они надевали плащи, взваливали на плечи узлы и спешили к границе теплой зоны. Все они были в приподнятом настроении, все предвкушали полную победу.

Сиаран шла, высоко подняв голову, лицо ее не выражало ничего. Лу и Рогайн поглаживали странное оружие. Старк, нетерпеливый и нервничавший, без конца оглядывался, но ничего подозрительного так и не заметил. Он всей душой рвался вперед, к чистому холодному воздуху.

Возможно, половина людей вышла из города, когда талисман донес до Старка слова быстрые и торопливые: «Теперь, теперь!»

В них звучала такая кровожадная алчность, что больше Старк ждать не стал. Он закричал, чтобы все бросали вещи и бежали из города. Подтолкнув в сторону границы Сиаран, Старк велел Лу и Рогайну держать наготове оружие. И тут погас свет.

Старк налетел на кого-то и сразу остановился. Ему показалось, что он ослеп. Он взглянул на небо, но звезды были скрыты мерцающим облаком.

Люди остановились, крича, объятые ужасом.

Потом крики перешли в один общий вопль.

Старк почувствовал рядом что-то чужое, запахло сухими листьями, и внезапно он понял, что все они здесь. Неслышно двигаясь, они сновали между людьми. Должно быть, им были известны какие-то тайные пути. Над его головой раздался сдавленный смешок, ужасающе похожий на детское хихиканье. Тонкий палец коснулся его лица.

Закричав, он в ярости замахнулся оружием. Стрелять он не мог — вокруг было много своих. Острый коготь-палец уже уколол его в шею. Какой бы ни был в нем наркотик, действовал он быстро. Старк не узнал, попал ли он в цель. Длинные руки обвились вокруг его тела и потащили в беспамятство, и лишь очень смутно донеслись до него звуки панического бегства людей Кушата сквозь тьму.

ГЛАВА 15

Огни зажглись снова.

Старк лежал, утопая в волнах света. Свет был насыщенно-оранжевым, пронзительным, бьющим по нервах. В нем перемещались высокие фигуры, за которыми струились разноцветные потоки.

— Он проснулся,— сказали они.

Талисман лежал у него на груди между скрещенных рук.

— Видите,— говорили они,— у него глаза открыты.

Старк неуверенно сел. Наркотик все еще туманил мозг. Он был наг и разоружен. Оставлен был лишь талисман. Старк смотрел на них и ненавидел их бессильной ненавистью — и одновременно боялся их до сумасшествия. Тело его было покрыто крошечными порезами. Старк, пошевелившись, ощутил жжение и тяжесть в этих местах.

Хриллин подошел и наклонился над ним. Он держал в руке талисман.

— Вы потеряли Кушат,— сказал он, и Старк понял, что он обращается не к нему одному.— Вы потеряли

Кушат, и мир движется на вас.— Он ударил себя свободной рукой, и кровь заструилась по его груди. Глаза его горели. Он клонился и гнулся, полный какой-то безумной радости.

— Ты чувствуешь величие этого мира? — спросил он.— Это конец наш! Все эти долгие, долгие годы, и мы терпели их во тьме!

Фигуры за его спиной быстро кружили, крича без слов.

— Но вы же дали нам оружие,— возразил Старк.

— Оружие? — Хриллин повернулся и взял у одного из своих спутников трубку, может ту самую, что была раньше у Старка. Он ткнул Старку под ребра шар на конце ствола и нажал на спуск. Он все нажимал и нажимал, смеясь при этом.

— Я сказал, что их сила больше, чем вы думаете. Да, они убивают, но не врагов,— он перестал нажимать на спуск и держал теперь оружие как дубинку.

— Ван Круачо обещал вам Силу, но у нас нет ее! Город дает нам тепло и свет, потому что он был построен так. Кроме этого, у нас нет ничего. Все остальное мертво, изношено и изъедено. Теперь городу конец, а значит, и конец всему...

Он поднял оружие и ударил по бесполезному талисману. Кристалл развалился на куски.

— Конец! — воскликнул снова Хриллин.— Это наша праздничная ночь! Будем танцевать до забвения, смеясь и выкрикивая имя Вана Круачо!

Он выхватил талисман у Старка, разбил его, и связь их прервалась навсегда.

Они сгрудились вокруг него в оранжевом свете и, образовав полукруг, принялись колоть его своими шпорами. И, как сказал Хриллин, они смеялись.

Старк вскочил и побежал. Он бежал по пустынным улицам, пока не очутился в разрушенной части города, лежащей в стороне от главной улицы. Огромная каменная башня возвышалась над крышами с одной стороны, а с другой, где, как думал Старк, должна была находиться граница города, было темно, как будто

чужие поставили барьер темноты между собой и людьми Кушата.

Теперь люди должны были уже знать, что ценное оружие бесполезно. Какое их число осмелилось вернуться в город и пройти сквозь полную темноту — он не знал. Он не думал, что подобных смельчаков оказалось много, что они могли бы ему помочь, да и времени явно было маловато.

Ярко освещенные улицы были полны волнения, радости и убийства.

Старк не был единственным человеком, принуждаемым к смертоносному бегу. До него донеслись крики с других улиц. Он увидел человека, который спотыкаясь, вырвался на свободное пространство.

Преследователи намеренно вели его к определенному месту. А там, где соединялись две улицы, стоял розовый кактус с женщиной.

Старк был быстрым бегуном, но понимал, что его могут легко обойти, и очень скоро получил подтверждение этой догадки. Он бежал, пытаясь вырваться на длинную дорогу, которая должна была вывести его из города.

И когда он ступил на эту дорогу, никаких преследователей не было, но на втором перекрестке они оказались все. Они смеялись и протягивали к нему свои шпоры, блестевшие голубым светом. Старк повернулся, и они позволили ему бежать, но одно существо — он признал в нем женщину — царапнуло его по ягодицам просто так, чтобы показать, что он в ее власти. Потом, пританцовывая, оно быстро отскочило.

А он бежал опять и знал, что бег его бесполезен. Он озирался по сторонам, и его пустые руки искали оружие.

Они вели его. Вначале Старк этого не сознавал, потому что они иногда исчезали, и он думал, что, может быть, они переключились на другого.

Потом он сворачивал за угол или выбегал на какую-то площадь, и они вдруг оказывались тут, и ему приходилось выбирать другой путь.

Старк начал терять контроль над собой. Ему хотелось наброситься на них и рвать их зубами, голыми руками,

но он знал, что они могут убить его в любой момент и будут лишь наслаждаться его яростью. И он бежал дальше.

Потом ему стали попадаться тела. Некоторые из них принадлежали людям, некоторые — нет. На широкой лестнице одного из зданий, бронзового с серым, он увидел две фигуры с яркими веревками на шеях и лодыжках. Они душили друг друга, а остальные наблюдали за происходящим, раскачиваясь, как деревья на ветру.

В центре пустынной площади он увидел тело Рогайна. Он узнал его по прекрасным белым рукам, запятнанным кровью. Поперек его тела лежала шпага.

Старк выпрямился и огляделся. Никого не было видно, но он знал, что за ним наблюдают. Он знал, что его завели сюда намеренно. Шпага была чистой — и лезвие и эфес. Рогайн ею не воспользовался. Она была положена сюда, чтобы именно Старк ее нашел.

— Хорошо,— пробормотал он, присовокупив к своим словам непристойное выражение.— Я сделаю это.

Он поднял шпагу, она пришлась как раз по руке, и подумал, что, возможно, они сделали ошибку.

Старк снова направился к границе. От площади вел туда только один путь.

Старк прошел по нему, двигаясь среди разноцветных огней. Внезапно из высокого павильона появилась группа мужчин. Они тащили двух своих женщин, то ли мертвых, то ли умирающих. Тела их кровоточили от нанесенных ими самими многочисленных ран.

Старк подумал, не находятся ли они под действием какого-то наркотика. Они смеялись, указывая на него, а некоторые направились к нему.

Теперь у Старка было оружие, и прежняя осмотрительность покинула его. Он кинулся к ним, как больное животное, и сделался таким же безумным, как и они. Старк прыгал и метался среди них, размахивая шпагой. Несмотря на свою ловкость, он не смог избежать прикосновения их когтей. Плечи его кровоточили, но он

не замечал этого, а продолжал наступать, и они отбежали от него, довольные возможностью оттянуть конец.

Он оглянулся. Они уходили прочь, волоча за собой раненых.

Потом вокруг стало тихо и спокойно.

Улица пролегала между высоких стен. Менялся свет: голубой, золотистый, фиолетовый, нежно-розовый. Потом впереди показалась другая площадь, обнесенная резной оградой.

Фрагменты резьбы имели форму листьев, напоминающих, возможно, о другом месте и давно прошедших временах.

От площади отходила улица, над которой возвышались своды продолговатых арок, рядами уходящих вдаль. Улица была залита красным светом, и в этом кровавом свете двигалась фигура высокой белокожей женщины с длинными черными волосами, падающими на плечи. В руках у нее была шпага.

— Сиаран!

Старк остановился. Она обернулась и увидела его. Выйдя на площадь, она тоже окликнула его.

— Теперь я, кажется понимаю, зачем они дали мне это,— она подняла свою шпагу.

— Да. И мне тоже,— ответил Старк.

— Но как они узнали?

— Ты ведь пленница, и они слышали, что сказал Валин насчет твоих красных волков. Они поняли, что ты имеешь отношение к захвату Кушата.

Старк оглядел площадь. За отверстиями в ограде виднелись глаза чужих, огромные, блестящие глаза. Потом он посмотрел на ряды арок.

— Они за тобой теперь,— сказал он.

— И за тобой,— кивнула Сиаран.— Они ждут нашей битвы.

Они посмотрели друг на друга, двое обнаженных людей со шпагами в руках, оказавшиеся одни в странном далеком мире.

— Будешь со мной драться? — спросил он.

Сиаран покачала годовой:

— Нет. Ради того, чтобы доставить им удовольствие, не буду!

— Будешь тогда сражаться вместе со мной? Будешь щитом за моей спиной?

Она улыбнулась.

— Нет, пока могу, буду сражаться рядом с тобой, и мы будем щитами друг для друга.— Она посмотрела на высокое, глазеющее на них существо и добавила: — Никогда у меня еще не было такого желания убивать.— Ее белая кожа, как и у него, была отмечена множеством царапин.

— Хорошо,— сказал он.— Тогда нас уже двое.— Он поднял шпагу, чувствуя, что и в его душе поднимается надежда и жажда мщения.— Давай начнем, а потом будет видно, что делать.

Они обменялись традиционными приветствиями и шпаги их скрестились. Они двигались быстро, и их гибкие тела казались особенно близкими в кровавом свете.

Старк увидел, как вспыхнули и загорелись ее глаза.

— Помни, что это игра,— сказал он, и Сиаран засмеялась.

— Я буду помнить, Старк.

Они кружили около друг друга, и головы в ярких колпаках поворачивались вслед за ними. Журчали голоса, сильно пахло сухой листвой.

— Думаю, что внешняя граница находится там,— сказала Сиаран, указывая шпагой. Мы можем попробовать пробиться в том направлении.

Они продолжали кружить, и глаза Старка остановились на уступах камней башни. Сиаран тоже посмотрела на нее.

— До внешней границы далеко,— сказал Старк.— Вряд ли нам удастся туда добраться. Пойми, они ожидают смерти. У них достаточно способов нас успокоить.— Он парировал ее удар, и шпага зазвенела.— Но если нам удастся застать их врасплох, то башня гораздо ближе. Можно попытаться добраться до нее.

— Башня? Что она нам даст?

— Она — сердце города. Если она умрет, все остальное тоже умрет.— Сиаран проделала еще ряд осторожных выпадов. Он почти жалел, что они не дерутся всерьез. Это было бы интересно.— Сомневаюсь, чтобы эти твари хорошо переносили холод.

— Ладно,— согласилась Сиаран.— Нам все равно не пережить этой ночи. Почему бы не попробовать?

— А теперь быстрее,— сказал он.

Они повернули от изгороди и устремились на существ, заполнивших проход на улицу.

И едва не погибли.

Существа стояли так близко друг к другу, они были высокими, и руки их длинными. Даже умирая, они не теряли способности тянуться и достигать цели.

Они кричали своими птичьими голосами, и Старку казалось, что на него и Сиаран напали чудовищные птицы. Он не переставая работал шпагой, прокладывая себе путь.

Он был рад, что может ощущать рядом плечо Сиаран. Потом они вырвались из толпы и побежали изо всех сил, а чужие гнались за ними, крича что-то.

Старк вслушался и сказал, вздохнув:

— Они в восторге. Игра оказалась интересней, чем они предполагали.

Теперь, когда они пытались ее достичь, башня, казавшаяся такой близкой, стала далекой, как луна. Старк бежал не прямо, а петлял, чтобы чужие не разгадали раньше времени их намерения.

Очевидно, вначале так и случилось. Существа играли с ними как и раньше, то настигая их, то отпуская. Но теперь их было гораздо больше.

Он позволил вести себя до тех пор, пока они не оказались на одной линии с башней. Тогда Старк сказал:

— Теперь идем.

Они резко повернули к башне и оказались рядом с ней. Из последних сил они бежали к башне, существа, быстро перебирая длинными ногами, устремились по боковым улицам, чтобы преградить им путь.

За своей спиной Старк услышал топот шагов. Сиаран тоже услышала их.

Она сказала:

— Будем пробиваться,— крикнул на бегу Старк.— Другой возможности у нас не будет.

Если бы руки у них не были такими длинными! Старк крутил над головой шпагой. Этот трюк оказался успешным. Сиаран последовала его примеру, пригнувшись как можно ниже, чтобы защищать сухожилия. Они пробивались сквозь ряд золотистых качающихся тел, но подбегали все новые и опять загораживали им путь.

Они прижались друг к другу спинами и выбрались на открытое пространство, охраняемое смертоносным кругом, который описывали лезвия их шпаг.

Тогда они перестали убивать. Они хотели добраться до башни.

— Ищи дверь,— сказал Старк Сиаран.— Я вижу одну. Сюда!

Они пробились к стене и обогнули ее. Теперь им было легче, ибо существа могли подобраться к ним только с трех сторон. Да и их, способных драться, стало намного меньше. Но теперь они поняли, чего добиваются люди, и в течение нескольких минут слышались громкие крики, как будто зов о помощи.

Они добрались до двери, высокой и узкой, глубоко врезанной в камень.

— Попробуй-ка открыть ее,— сказал Старк, защищаясь от нападающих. Тут он увидел удивительную вещь — существа отступали назад. Все большее их количество собиралось в огромный полукруг. Видимо, все, кто остался,— решил Старк.

Им овладело внезапное спокойствие.

Существа тихо покачивались, и по их телам струились ручейки крови. Те, кто притащил с собой добычу, теперь бросили ее.

За спиной Старка пыхтела и ругалась Сиаран, открывавшая дверь. Наконец она сказала:

— Готово!

— Готово? — переспросил Старк и вдруг заметил высокое существо в развевающемся голубом с зеленым одеянии, которое брело среди толпы. Руки его были воздеты к небу и оно, вероятно, что-то пело. Все остальные были неподвижны и погружены в молчание.

Старк вслушался. Молчал весь яркий город.

Он резко повернулся и прошел через дверь в башню.

— Я покараулю,— сказала Сиаран.

Он покачал головой.

— Не стоит. Игра окончена!

***

Валин и еще человек двадцать пробирались по внешней, темной окраине города. Они держали наготове шпаги, вздрагивая при звуке собственных шагов, дрожа от страха, кляня свою гордость, что не позволила им оставить все, как есть. Вдалеке блестели и переливались огни.

Не слышно было ни звука. Теперь казалось, что их вообще никогда не было.

Валин прошептал, остановившись:

— Стон...

Они остановились. Мир был объят тишиной. Несмотря на угнетающий его страх, Валину казалось, будто он ощутил какое-то ожидание, паузу перед наступлением чего-то окончательного и бесповоротного.

Огни впереди мигнули и начали гаснуть, а потом глубокий тоскливый вздох, скорее предчувствованный, чем услышанный. Высоко вверху сильно что-то вспыхнуло, и звезды ярко засияли в чистом небе.

***

Было утро. Они стояли на склоне у начала тропы. Старк и Сиаран, одетые в одолженную одежду. За ними спокойно лежал под солнцем город, белый от инея.

— Для нас всех было бы лучше, если бы мы забыли

о Ване Круачо,— сказал Валин,— о нем и его талисмане, и взялись за дело своими руками.

— Надежда на миф всегда приводит к несчастью,— согласился Старк и посмотрел на Сиаран. Сейчас ее руки не были связаны, на этом настоял Старк.— Теперь, когда ты знаешь, что находится за Вратами Смерти, и когда твои красные волки насытились добычей, согласна ли ты увести их и оставить Кушат в мире?

Сиаран посмотрела на него. Холодный ветер трепал волосы.

— Я могла бы это сделать, но при одном условии. Теперь, когда я не могу рассчитывать на талисман, мне нужна помощь. Поедем со мной в Наррисан и будем там щитами друг для друга, как прошлой ночью. Или же ты давал другие обещания?

— Нет,— ответил Старк. Он вспомнил, как вспыхнули ее глаза, когда они скрестили шпаги, и глубокое волнение охватило его. — На этот раз я поеду с тобой.

Танис вышла вперед, и Старк, крепко обняв, поцеловал ее, предупреждая поток сердитых слов, готовых сорваться с ее губ.

— Я вручил тебе свою жизнь, малышка. Я сделаю это ради тебя и твоего Кушата. Стройте новый город, и стройте его в реальном мире, чтобы люди его никогда не кончали так, как вот эти. — Он кивнул в сторону того города, что лежал в инее под солнцем, мертвый и сверкающий.

Старк отпустил ее и взял Валина за руку.

— Мы пойдем впереди. К тому времени, когда вы подойдете, Кушат будет освобожден от племен.

Он задержал руку Валина в своей руке.

Потом резко повернулся назад и зашагал рядом с Сиаран через Врата Смерти.

ТАЙНА СИНХАРАТА

Роман

Перевод с английского
Н. Потапенко

Leigh Brackett

THE SECRET OF SINHARAT

New-York
1964

ГЛАВА 1

Животное, понукаемое темнокожим седоком, уже много часов неслось по марсианской пустыне и совсем выбилось из сил. Теперь оно поминутно спотыкалось и, когда всадник ругал его и всаживал каблуки в чешуйчатые бока, лишь поворачивало голову и шипело. Проковыляв еще немного по направлению к песчаному холму, оно остановилось и опустилось на песок.

Человек спешился. Глаза животного горели в свете маленьких лун, как два зеленых фонаря. Всадник знал, что большего от животного не добьешься.

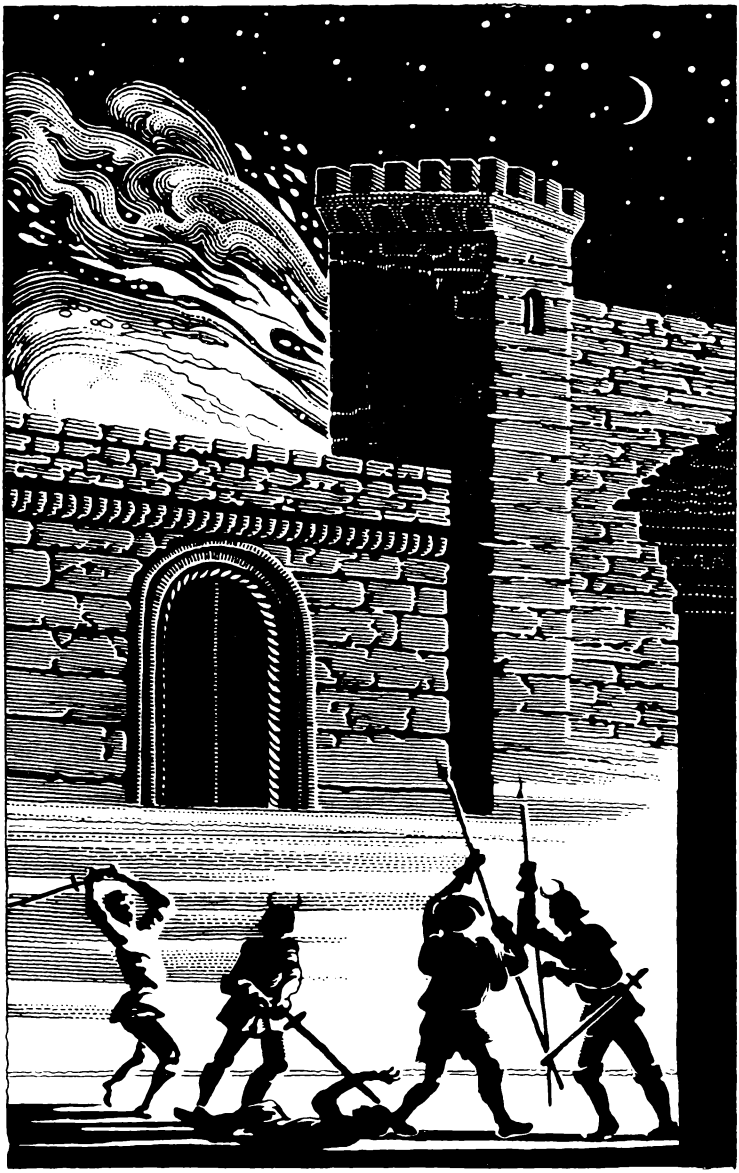
Он оглянулся, окидывая взором путь, которым примчался сюда.

Вдали виднелись четыре темных силуэта — одинокая группа среди пустыни. Они быстро приближались. Через несколько минут они будут здесь.

Всадник постоял немного, раздумывая, что ему предпринять. Далеко впереди маячила низкая гряда, а за грядой лежал Валкис и была безопасность. Но теперь они недосягаемы для него. Справа поднималась к небу высокая скала с разбросанными у подножия валунами.

«Они пытались схватить меня на открытом пространстве, — подумал он.— Но здесь, у девятого ада, им придется попотеть».

Он помчался к скале с быстротой, доступной лишь для животного или дикаря. Сложением он был чистый

землянин, высокий и более плотный, чем казалось с виду. Его хлестал ветер пустыни, резкий и холодный, но путник, казалось, не замечал его, хотя на нем была лишь поношенная рубашка из венерианского шелка, открытая на груди.

Кожа его была так же темна, как и волосы. Ее сделали такой годы, проведенные под беспощадным солнцем. Но глаза его были удивительно светлыми и сейчас ярко блестели, как будто вбирая в себя бледный свет луны.

С легкостью ящерицы он заскользил по неровным обломкам валунов. Найдя место под прикрытием скалы, он сел на корточки и опустил голову.

Потом вытащил из кармана револьвер и замер. В его абсолютной неподвижности было что-то сверхъестественное, нечеловеческое терпение, родственное каменному терпению окружающих его валунов.

Приближающиеся темные силуэты стали превращаться в фигуры всадников. Они обнаружили лежащее на песке животное и остановились. Цепочка следов, хотя уже и занесенная песком, но еще достаточно ясная, показывала, в какую сторону пошел человек.

Главный дал знак, и остальные всадники спешились. С быстротой, свойственной солдатам, они вытащили из сумок оборудование и принялись его монтировать.

Человек, притаившийся за скалой, узнал обретающий форму предмет. Это был беннинг. И все равно он не собирался покидать своего укрытия.

Он не мог достать их своим оружием, а ближе они не подойдут. Беннинг же, обладающий мощным энергетическим лучом, достанет его и сделает мертвым или бесчувственным, — как им захочется.

Он положил бесполезный револьвер в кобуру, так как знал, кто эти люди и чего они хотят от него. Это офицеры Земного полицейского контроля, и они несли ему награду — двадцать лет в лунных камерах-блоках.

Двадцать лет в серых катакомбах среди молчания и вечной темноты.

Он сознавал неизбежность наступающего: голод, боль, одиночество. В свое время он познал большую часть перечисленных лишений и все же не собирался сдаваться на милость победителя. Он посмотрел на пустыню, на ночное небо, и глаза его наполнились отчаянием. Странно прекрасные глаза существа, стоявшего у черты жизни, одновременно и менее и более великого, чем человек.

Предводитель отряда медленно направился к скале и, подняв руку, крикнул:

— Эрих Джон Старк!

Ветер ясно донес его слова, и темноволосый сжался в своем укрытии.

Всадник остановился и заговорил снова, на этот раз на другом языке. Это был не земной, марсианский или венерианский язык, а незнакомый и такой же резкий и полный жизни, как и залитые лунным светом марсианские равнины, что его породили.

— О, Н'Чака, я взываю к тебе!

Последовало долгое молчание. Всадник и животное под ним застыли в ожидании.

Эрих Джон Старк вышел из тени.

— Кто называет меня Н'Чакой?

Всадник явно почувствовал облегчение и ответил по-английски:

— Ты прекрасно знаешь, кто я такой, и мы можем мирно поговорить.

— Конечно, можем,— пожал плечами Старк.

Всадник спешился и направился к скале, Старк в свою очередь пошел навстречу. Он был небольшим и жилистым, этот офицер из ЗПК, но в нем ощущалась та железная воля, что отмечала всех жителей планетных границ. Эти планеты-сестры не были запретными мирами, какими казались когда-то с расстояния в миллионы миль. На них тоже жили люди, потомки тех, кто когда-то организовал эту систему. Но все эти миры были жестокими.

— Давно это было, Эрих,— сказал подошедший.

— Да, пятнадцать лет назад,— кивнул головой Старк.

Еще несколько мгновений мужчины изучали друг друга, потом Старк сказал:

— Я думал, что ты все еще на Меркурии, Энтон.

— Нас всех отозвали на Марс,— он вытащил пачку сигарет.— Закуришь?

Старк взял сигарету. Они молча курили, ветер крутил у их ног песок, а трое патрульных ждали у собранного беннинга. Энтон ничем не рисковал. Электролуч оглушал мгновенно. Потом он сказал:

— Я буду жесток, Эрих. Я хочу тебе кое-что напомнить.

— Оставь свои слова при себе,— возразил Старк.— Ты меня схватил. Больше разговаривать не о чем.

— Да,— согласился Энтон.— Я тебя схватил, и мне понадобилась для этого чертова уйма времени. Вот почему я и хочу поговорить с тобой.

Взгляд его темных глаз встретился с холодными глазами Старка.

— Вспомни, кто я такой, Эрих Старк! Вспомни, кто пришел, когда шахтеры той долины на Меркурии посадили мальчика-дикаря в клетку и собирались прикончить его подобно тому, как прикончили они все выросшее его племя. Вспомни все последующие годы, в течение которых я делал из дикаря цивилизованного человека.

Старк не без юмора рассмеялся.

— Тебе следовало бы оставить меня в клетке. Наверное, уже тогда, когда меня поймали, я был потерян для цивилизации.

— Может быть. Я этого не думал. Во всяком случае, я тебе напоминаю.

— Ни к чему нам вдаваться в сантименты,— не без горечи сказал Старк.— Я знаю, что взять меня — твоя работа.

Энтон подчеркнуто сказал:

— Я не заберу тебя, Эрих, если ты сам не заставишь меня сделать это.— И быстро, пока Старк не успел ответить, продолжил: — Ты осужден к двадцати годам за то, что снабдил оружием племена Средних Болот,

когда они восстали против Земляно-Венерианского союза, и еще за пару подобных дел. Хорошо. Я знаю, почему ты это сделал, и не стану говорить, что не согласен с тобой. Но ты поставил себя вне закона, это несомненно. Теперь ты направляешься в Валкис и собираешься впутаться в такое дело, что, поймай я тебя после этого, мне пришлось бы отвезти тебя на Луну на всю жизнь.

— И на этот раз ты со мной не согласишься?

— Нет. Почему, ты думаешь, я едва не сломал себе шею, пытаясь найти тебя раньше, чем ты туда доберешься? — Энтон подался вперед, и лицо его стало серьезным.— Ты заключил какую-нибудь сделку с Делгауном из Валкиса? Он за тобой посылал?

— Он за мной посылал, но сделка пока не заключена. Я на перепутье. Я получил сообщение от Делгауна, кем бы он там ни был, что на Сухих Землях будет частная война и что он заплатит мне за помощь в ней. В конце концов, это же мое дело.

Энтон покачал головой.

— Это не частная война, Эрих. Это нечто гораздо большее и неизвестное. Марсианский совет Городов-Штатов и земная комиссия обливаются холодным потом, но не могут точно узнать, что происходит.

— Ты знаешь, что собой представляют города Лау-Кенао-Валкис, Джекарра, Барракен?

— Фантастические истории о варварском главаре Киноне, который, кажется, обещал и землю и небо племенам Кена и Шуна. Нечто, связанное с культом Рама, который считается исчезнувшим тысячи лет назад. Мы знаем, что Кинон каким-то образом связан с Делгауном, самым удачливым из всех бандитов, и мы знаем также, что некоторые из главарей преступного мира проходят фильтровку ради того, чтобы примкнуть к этим людям. Клихтон и Уэлз с Земли, Томми с Меркурия, Эррод из колонии Калисто и твой, насколько мне известно, старый товарищ по оружию Лухар — венерианец.

Старк слегка вздрогнул, а Энтон едва заметно улыбнулся.

— О, да,— сказал он.— Я об этом слышал,— он помрачнел и добавил: — Сам можешь догадаться, Эрих. Варвары собираются подняться на борьбу. Нечто вроде священной войны, отвечающей отнюдь не священным интересам Делгауна и его компании. В нее окажется втянутой половина мира. Крови будет столько, что хватит даже на Сухие Земли,— все это будет кровь варваров, и прольется она ради ложных обещаний, а вся мразь Валкиса разжиреет на ней, если только мы каким-то образом не сможем помешать этому.

Он помолчал и сказал тусклым голосом:

— Я хочу, чтобы ты шел в Валкис, но как мой агент. Не желаю козырять тем, что ты окажешь услугу цивилизации,— небесам известно, что цивилизации ты ничем не обязан. Но ты мог бы спасти много людей, подобных тебе самому, от кровавой резни, не говоря уже о жителях пограничных районов Марса, которые падут под топором Кинона. Кроме того, ты сможешь снять с себя угрозу двадцатилетнего заключения на Луне и, может быть, даже вызвать в себе желание стать человеком, а не тигром, блуждающим от одного убийства к другому... Если ты выживешь.

— Ты умен, Энтон,— медленно проговорил Старк.— Ты знаешь, какие чувства я испытываю ко всем планетным аборигенам, подобным тем, кто вырастил меня, и поэтому взываешь к ним.

— Да,— согласился Энтон.— Я умен, но не лжец. Все, что я сказал тебе,— чистая правда.

Старк старательно втер окурок в песок.

— Предположим, что я соглашусь стать твоим агентом на этих условиях и отправлюсь в Валкис. Что же потом удержит меня от нарушения договора?

— Твое слово, Эрих,— мягко проговорил Энтон.— Когда знаешь человека с детства, хорошо его понимаешь. Твоего слова будет для меня достаточно.

Они помолчали. Потом Старк протянул руку.

— Ладно, Симон, но договор только об этой сделке. Никаких дальнейших обещаний не будет.

Они пожали друг другу руки.

— Я ничего не могу тебе предложить. Ты должен положиться только на себя,— сказал Энтон.— Связаться со мной ты сможешь через бюро Земной Комиссии в Тираке. Знаешь, где это?

Старк кивнул.

— Да, на границе Сухих Земель.

— Удачи тебе, Эрих!

Энтон повернулся и пошел к тому месту, где его ждали трое спутников. Он дал им знак, и солдаты начали демонтировать беннинг. Потом они поскакали прочь. Ни Энтон, ни его спутники ни разу не оглянулись.

Старк следил за ними, пока они не исчезли из виду, затем глубоко вздохнул и распрямил плечи.

Он подошел к своему животному, которое уже отдохнуло и могло нести его на себе.

Горная гряда все росла и росла по мере того, как Эрих к ней приближался. Наконец она превратилась в цепочку низких, побитых временем гор. Перед ним открылась тропа, извивавшаяся между безжизненными песчаными холмиками. Эрих пересек ее и оказался на берегу мертвого моря. Безжизненная пустыня простиралась в темноте, огромная и одинокая, как космос. А между дном моря и холмами Старк увидел сияние огней Валкиса.

ГЛАВА 2

Огней было много. Они сверкали далеко внизу и казались с высоты крошечными, как булавочные головки,— пламя фонарей, окаймляющих Лау-канал, точку черной воды, оставшуюся от канувшего в Лету океана.

Старк никогда не бывал здесь раньше. Теперь, по-

смотрев на город, растянувшийся вдоль склона под мягкими лунами, он вздрогнул, как вздрагивает животное, почуявшее запах смерти.

Освещенные фонарями улицы — лишь незначительная часть Валкиса. Основная жизнь города протекала в нижней его части, расположенной на уровне моря. Пять городов, в самом старом из которых едва ли можно было узнать место, где жили люди. Пять гаваней еще хранили свои доки, наполовину засыпанные песком.

Пять эпох марсианской истории, увенчанных руинами дворцов старых пиратских королей Валкиса. Башни еще стояли, разбитые, но неукротимые. В свете лун они казались спящими, будто грезили о голубой воде и шуме волн, о кораблях с тяжелым ценным грузом.

Старк начал медленно спускаться по крутому склону. Каменные дома без крыш, застывшие в ночи, таили в себе что-то настораживающее. Плиты мостовых еще хранили на себе отпечатки колес повозок, направлявшихся к базарам, и золоченых княжеских карет. Причалы были отмечены шрамами в тех местах, где о них бились корабли, волнуемые прибоем.

Все чувства Старка странно обострились. Их не мог притупить даже тонкий налет цивилизации, который он приобрел. Теперь ему казалось, что ветер несет с собой эхо голосов, запах специй и свежей крови.

Он совсем не удивился, когда на последней террасе перед жилой частью города из тени здания выступили вооруженные люди и остановили его.

Это были худые темнокожие люди, очень жилистые, шагающие бесшумно, с лицами, похожими на лица волков, но не примитивных, а цивилизовавшихся столько веков назад, что память об этом успела стереться в их мозгу.

Они вели себя в высшей степени почтительно, и Старк без особых раздумий подчинился им.

Он назвал свое имя и сказал:

— Меня позвал сюда Делгаун.

Предводитель отряда кивнул головой:

— Тебя ждут.

Его острый взгляд как бы вобрал в себя каждую черту землянина, и Старк понял, что человек запомнил описание его внешности до мельчайших подробностей.

Валкис не спешил раскрывать свои ворота.

— В городе спросишь,— сказал предводитель отряда.— И каждый укажет тебе дорогу во дворец.

Старк кивнул и двинулся дальше.

Вскоре он очутился в нижней части города. Хотя было поздно, Валкис не спал и был полон жизни, но жизни довольно странной.

Узкие извивающиеся улочки были заполнены народом. С плоских крыш доносился женский смех. Фонари у винных погребов заливали землю золотистым и алым светом, и вход в узкие улочки из-за этого освещения казался еще более темным.

Старк остановил свое животное у сарая. Загон был закрыт, внутри он разглядел длинноногих животных с Сухих Земель. Когда он вышел на улицу, мимо прошел караван, наполняя воздух звоном браслетов, шипением и шорохом песка. Наездниками были молодые варвары.

«Каши,— решил Старк,— судя по манере заплетать рыжеватые волосы в косы».

На них были простые кожаные одежды, а их голубоглазые женщины держались в седлах с достоинством королев.

Валкис был буквально заполнен этим людом. Казалось, много дней они шли и шли по дну моря из дальних оазисов пустынь. Коричневые воины Кеша и Шуна, отдыхавшие у Лау-канала, где воды было больше, чем в любой из их стран.

Они были в Валкисе, эти варвары, но они не были частью города. Прокладывая себе путь через толпу, Старк ощущал особый аромат, который, как он догадывался, никогда не менялся.

На площади под быстрый ритм барабана танцевала девушка.

Воздух был тяжелым от запаха вина, смолы и ладана. Худой ловкий валкисянин в ярком кильте, украшенном драгоценностями, танцевал с девушкой.

Когда он поворачивался и резко менял позу, зубы его сверкали на улыбающемся лице. В конце концов он схватил девушку и перекинул ее через плечо так, что волосы ее заструились по его спине.

Женщины смотрели на Старка, как грациозные кошки. Они были лишь в разрезанных до бедер юбках, украшенных тоненькими золотыми поясами, обязательными на Лау-канале, и воздух был наполнен нежным и чувственным их позвякиваньем.

Душа Валкиса была веселой и бесшабашной. За свою жизнь Старк побывал во многих местах, но нигде не видел такого дьявольского ритма, невероятно древнего, но отчетливого и веселого.

Наконец он отыскал дворец — огромное беспорядочное сооружение из добытого в карьерах камня, чьи двери и стены, обитые бронзой, были закрыты от пыли и непрестанно дующего ветра. Он назвал свое имя охране и был пропущен внутрь. Его провели по залам, стены которых были украшены древними коврами, а полы истоптаны бесчисленным количеством ног, обутых в сандалии.

И снова шестое чувство Старка подсказало ему, что жизнь за этими стенами не была мирной. Сами камни стен шептали о насилии.

Его ввели в большую центральную комнату, служившую штаб-квартирой Делгауна, повелителя Валкиса.

Он оказался худым человеком с быстрыми, как у кота, движениями — типичный представитель своей расы. В его черных волосах пролегли седые нити, лицо, отмеченное суровой красотой, было сильным и жестоким. Юношеская мягкость черт уже давно исчезла. Одет он был в великолепную кольчугу, а глаза под тонкими бровями были похожи на капли расплавленного золота.

При появлении Старка он поднял голову. Один вопрошающий взгляд и вопрос:

— Ты Старк?

Что-то страшное было в этих глазах, ярко-желтых и умных, как у ястреба, но скрывающих нечто большее, как будто они не позволяли выйти наружу истинным мыслям и намерениям.

Инстинктивно Старк сразу же невзлюбил этого человека. Однако он кивнул и подошел к длинному столу, перенеся внимание на прочих обитателей комнаты. Горстка марсиан — главари и воины, судя по украшениям и осанке, и несколько чужеземцев в нелепой для этих мест одежде.

Старк знал их всех. Книхтон и Уэлш с Земли, Томми с Меркурия, Эррод из колонии Каллисто и Лухар с Венеры. Пираты, воры, перебежчики, и каждый в своей роли.

Внимание его было сосредоточено на Лухаре. Горькое воспоминание и ненависть закипали в душе Старка при виде этого мерзавца.

Он был красив. Уволенный из венерианской армии офицер, очень стройный и элегантный, с коротко подстриженными светлыми волосами. Темная туника, как вторая кожа, облегала его тело.

— Абориген! — произнес он громко.— А я думал, что нам и так хватает варваров.

Старк ничего не ответил, а молча двинулся в его сторону.

Лухар быстро заговорил:

— Не стоит сердиться, Старк. Былые счеты остаются в прошлом. Теперь мы вместе.

Землянин заговорил, и в голосе его была странная мягкость.

— Однажды мы уже были на одной стороне против Земляно-Венерианского союза. Помнишь?

— Прекрасно помню,— теперь Лухар обращался не только к Старку, но и ко всем присутствующим в комнате.— Я помню, как твои друзья-варвары привязали меня к камню на болоте, а ты наблюдал за происходившим с откровенным удовольствием. Если бы не люди из компании, подоспевшие вовремя, я бы сгнил там.

— Ты нас предал и заслужил такую смерть.

Заговорил Делгаун. Он не повышал голоса, но все же Старк понял, что это приказ.

— Здесь драки не будет. Вы оба мои наемники, и пока я вам плачу, должны забыть о личных счетах! Вы поняли меня?

Лухар кивнул и сел, улыбаясь уголками рта Старку. Руки того еще сводило от желания нанести смертельный удар, но даже в таком состоянии он ощутил силу Делгауна. Звук, похожий на рычание животного, вырвался у него из груди. Старк с трудом овладел собой. Уступи он своему гневу, он бросил бы вызов Делгауну и не смог бы тогда выполнить то, что поручил ему Энтон.

Старк пожал плечами и сел рядом с остальными.

Посланец с Земли вскочил и, покачиваясь всем корпусом, спросил:

— Сколько нам еще ждать?

Делгаун налил вина в бронзовый кубок.

— Не жди моего ответа,— сказал он и протянул кубок Старку.

Старк отпил немного. Вино было теплым и сладким. Он пил медленно, сидя в свободной позе, в то время как остальные курили, нервно вскакивали и расхаживали по комнате.

«Интересно,— подумал Старк,— кого или чего они ждут?» — однако проявлять любопытство не стал.

Время шло. Но вот Старк поднял голову и прислушался. Что это?

Менее чуткие уши остальных ничего еще не слышали, но Делгаун встал и распахнул ставни ближайшего окна.

Марсианская заря, сверкающая и яркая, заливала дно мертвого моря. За черной линией канала по вздымаемому ветром песку к Валкису двигался караван.

Это был необычный караван. Перед ним и позади него ехали воины, острия их копий сверкали в лучах восходящего солнца. Конские сбруи были усыпаны дра-

роценными камнями, носилки с покрывалами из алого шелка производили впечатление варварской пышности.

Дикий свист дудок и рокот барабанов наполнили воздух.

Старк уже и сам начал догадываться, кто это выходит из пустыни, подобно королю.

Делгаун издал хриплый вздох.

— Это Кинон,— наконец сказал он и отошел от окна. В глазах его светилась какая-то забавляющая его мысль.

— Идемте приветствовать Властителя Жизни.

Вместе со всеми Старк вышел на запруженные людьми улицы. На город опустилась тишина. Как валкисяне, так и варвары были охвачены единым безмолвным восторгом. Они шли к каналу узкими длинными улицами. На большой площади рынка рабов Старк оказался возле Делгауна. Тот стоял на огромном камне, возвышавшимся над толпой. Молчаливое ожидание не могло обмануть никого.

Под стук барабанов и визг дудок в Валкис входил Кинон из племени Шун.

ГЛАВА 3

Караван вышел прямо на площадь рынка рабов, и люди прижались к стенам, освобождая ему путь. Цоканье копыт по плитам, звон и лязг кольчуг, блеск копий и широких, с двумя лезвиями мечей, характерных для Сухих Земель, и при этом стук барабанов, от которого замирало сердце, и визг дудок, от которых стыла кровь в жилах. Даже Старк ощущал это действие на себе.

Стража, шагающая впереди, достигла рынка рабов, барабанщики одновременно опустили палочки, дудки умолкли, и над площадью повисла тишина.

Она длилась почти минуту, а потом имя Кинона,

выкрикнутое всеми варварами одновременно, заставило городские камни ответить эхом.

Человек соскочил с животного и взобрался на высокий камень, где все могли его видеть. Руки его взметнулись в приветствии.

— Я приветствую вас, братья мои!

И снова по площади прокатились крики.

Старк изучал Кинона и удивлялся его молодости. Он ожидал увидеть седобородого пророка, а перед ним был человек с хорошо развитой мускулатурой и загорелыми плечами. Это был воин, почти такой же высокий, как и он сам.

Глаза Кинона были ясными и невероятно синими, лицо, как у молодого орла, голос таил в себе мелодичность, которая взвинчивает толпу до безумия.

Старк перевел взгляд на восхищенные лица людей. Даже валкисяне поддались общему настроению. Видимо, Кинон — самый опасный человек из всех ранее виденных им людей. Этот рыжеволосый варвар в кильте из узорчатой, цвета бронзы, кожи уже при жизни был полубогом.

Кинон крикнул капитану своей охраны:

— Приведите пленного и старика!

Потом снова повернулся к толпе и призвал ее к молчанию. Когда на площади все стихло, он заговорил:

— Есть еще люди, сомневающиеся во мне, и сегодня, прямо сейчас я предоставлю вам доказательства своей правдивости!

Вздох пронесся над толпой. Люди Кинона вытаскивали на камень древнего старика, настолько согнутого годами, что он едва мог стоять, и юного землянина. Мальчик был закован в цепи. Глаза старика горели безумным огнем, и он смотрел на мальчика с ужасающей решимостью.

Старк, отойдя в сторону, стал наблюдать за ними.

Носилки с алыми занавесками стояли теперь возле камня. Девушка-валкисянка, стоявшая рядом, смотрела вверх. Старку показалось, что глаза ее смотрят на Кинона с тщательно скрываемой ненавистью.

Он перевел взгляд на носилки и заметил, что занавески слегка раздвинулись. За ними виднелось лицо женщины, лежавшей на подушках. Разглядеть ее как следует Старк не мог, лишь видел, что волосы ее подобны темному пламени, а сама она улыбается, глядя на старца и обнаженного мальчика. Потом взгляд ее глаз, казавшихся очень темными в полумраке носилок, устремился в другом направлении, и, следуя ему, Старк увидел Делгауна. Каждый мускул тела правителя был напряжен, а сам он не отрываясь смотрел в сторону носилок.

Старк едва заметно улыбнулся. Чужеземцы наблюдали за происходящим с циничным любопытством. Толпа вновь погрузилась в молчание, полное напряженного ожидания. Солнце светило с синего неба, ветер вздымал пыль, и остро пахло живой плотью.

Старец протянул руку и коснулся оголенного плеча мальчика, обнажив в беззвучном смехе синеватые десны.

Кинон заговорил снова:

— Есть еще такие, кто во мне сомневается, я это знаю! Такие, кто усмехается, когда я говорю, что владею древней тайной Рамаса. Но после сегодняшнего дня не останется никого, кто стал бы в этом сомневаться. Сам я не Рамас,— он окинул взглядом свое тело, непроизвольно напряг мышцы и рассмеялся.— Зачем мне им быть? Мне пока ничья помощь не нужна.

Толпа ответила ему непристойным смехом.

— Нет,— продолжал Кинон.— Я такой же человек, как и вы! И так же, как и вы, я не желаю стареть и в конце концов умереть.

Он резко повернулся к старику.

— А ты, дед, хотел бы снова стать молодым? Блистать в битвах и выбирать женщин по своему вкусу?

— Да! Да! — прошепелявил старик, продолжая жадно всматриваться в мальчика.

— Ты им будешь! — Голос Кинона звенел божественной силой. Он вновь обратился к толпе: — Я провел годы в пустыне в поисках тайны Рама, и я

узнал ее, братья мои! Я один! Я держу ее вот этими руками! Ими я и начну новую эру для падших Сухих Земель!

Да, нам предстоит сражаться, нам предстоят кровавые битвы, а когда все будет кончено и люди Кена и Шуна освободятся от своих пут, а люди Лау вернут свою прежнюю силу, тогда я вам дам новую жизнь. Всем, кто следовал за мной. Старые, увечные, раненые смогут выбрать себе новые тела, взяв их у пленных. Не будет больше ни старости, ни болезней, ни смертей!

Единый вздох вырвался из глоток присутствующих. Глаза их горели кровожадным огнем, а рты были раскрыты в приступе внезапного голода, что так легко охватывает человека.

— Если еще кто-то сомневается в моем обещании,— сказал Кинон,— смотрите, я покажу вам!

Все замерли едва дыша.

Медленно и мрачно забили барабаны. Капитан охраны с эскортом воинов из шести человек подошел к носилкам и взял из рук женщины, находящейся там, что-то завернутое в шелк. Придерживая свою ношу так, будто это была необыкновенная ценность, он подошел к камню и взобрался на него. Кинон принял у него из рук сверток.

Шелковые покрывала полетели в стороны, и в руках Кинона заблестели две хрустальные короны. Он высоко поднял их, и они загорелись под лучами солнца холодным пламенем.

— Смотрите! — воскликнул он.— Корона Рама!

И толпа выдохнула единое:

— Ах!

Барабанщики по-прежнему выбивали зловещую дробь, как будто вбирая в себя пульс всего мира. Одну корону Кинон опустил на голову старика, который согнулся под ее тяжестью еще больше, однако лицо его выражало экстаз. Вторая корона увенчала голову испуганного мальчика.

— На колени! — приказал Кинон. И они оба опу-

стились на колени. Стоя перед ними, Кинон держал между коронами жезл.

Вдруг жезл испустил яркий свет, который не был отражением солнечного. Ослепительно голубой, он растекся по всему жезлу и переливался на короны. Над головами старика и мальчика возникло божественное сияние.

Барабаны умолкли. Старик закричал, руки его дернулись к голове, потом к груди и там застыли. Внезапно он упал вперед, по телу его прошла дрожь, и он застыл в неподвижности. Мальчик вздрогнул и тоже упал на колени, цепи его звякнули.

Свет в коронах потух. Кинон, неподвижный, как изваяние, постоял еще некоторое время, пока сверкал жезл. Потом и жезл потух. Тогда Кинон, опустив жезл, крикнул звенящим голосом:

— Старик, поднимись!

Мальчик зашевелился. Медленно, очень медленно он поднялся на ноги, поднес руки к лицу, оглядел их, потом коснулся своих бедер, плоского живота, сильной груди. С крепкой юношеской шеи пальцы передвинулись к гладким щекам и белокурым вьющимся волосам. Он испустил громкий крик.

Земной мальчик кричал с марсианским акцентом, с акцентом Сухих Земель.

— Я в юном теле! Я снова молод!

Этот вопль экстаза потряс толпу. Она зашевелилась, как огромное животное. Мальчик упал на колени и обхватил ноги Кинона. В этот момент Старк обнаружил, что и сам дрожит от волнения. Он бросил взгляд на Делгауна и чужеземцев. Валкисянин скрывал за маской благочестия полную удовлетворенность. Прочие были полны восхищения и восторга.

Старк слегка повернул голову и посмотрел на носилки. Занавески были уже задернуты, и алый шелк слегка колыхался от тихого смеха той, что пряталась за ним. Служанка, стоящая рядом с носилками, не шевельнулась, но во взгляде ее все еще таилась нена-

вить к Кинону. Потом начался сплошной бедлам. Кричали люди, били барабаны, визжали дудки. Короны и жезл снова были завернуты в шелк и унесены. Кинон велел поднять мальчика и снять с него цепи. Он вскочил в седло и, посадив его рядом с собой, двинулся по улице. Делгаун и чужеземцы сопровождали его. На тело старика никто не обращал внимания. Несколько варваров Кинона завернули его в белое покрывало и унесли.

Кинон из племени Шун с триумфом вошел во дворец Делгауна. Стоя возле носилок, он откинул закрывавший выход шелк и протянул женщине руку. Она вышла и вместе с Киноном направилась к бронзовой двери.

Женщины племени Шун были высокими и сильными, могли делить наравне с мужчинами не только радости любви, но и тяжести военных походов. И эта рыжеволосая дочь Сухих Земель была так хороша, что ее гордые поступь и плечи, дымчатые глаза могли заставить сдаться не одно мужское сердце. Старк издали следил за ней.

Теперь в зале Совета собрались все: Делгаун, чужеземцы и Кинон со своей рыжеволосой спутницей. Марсиан было только трое. Кинон опустился на высокое сиденье во главе стола. Лицо его сияло, он вытер пот и, наполнив кубок вином, оглядел собравшихся.

— Выпьем, господа! Я произнесу тост! — Он поднял кубок. — За тайну Рама, за дар жизни!

Старк опустил кубок, так и оставшийся пустым, и посмотрел прямо в глаза Кинону.

— Ты не знаешь никакой тайны,— небрежно бросил он.

Кинон сидел очень прямо. Медленно он опустил кубок и поставил его на стол. Никто из присутствующих в зале не шелохнулся, а голос Старка прозвучал, как гром.

— Более того,— продолжая он.— Демонстрация на площади была ложью от начала и до конца.

Слова Старка подействовали на присутствующих, подобно взрыву бомбы. Черные брови Делгауна взлетели

вверх, а женщина подалась вперед и посмотрела на землянина с интересом.

Кинон спросил, ни к кому не обращаясь:

— Это еще что за черная обезьяна?

Делгаун объяснил ему.

— Ах, да,— сказал Кинон.— Эрих Джон Старк, дикарь с Меркурия.— Он угрожающе нахмурился.— Так... А теперь объясни, как это мне удалось солгать на площади?

— Пожалуйста. Во-первых, мальчик-землянин на площади был пленником. Ему было сказано, что именно надо сделать, чтобы спасти свою шкуру, и он честно сыграл свою роль. Во-вторых, кристаллический жезл и короны. С помощью простого соединения Парседла ты получил электронный разряд, в результате чего возникло свечение. В-третьих, ты ввел старику яд, вероятно, с помощью острия на короне, которую надел ему на голову...— Старк помолчал.— Старик умер, а мальчик остался и сыграл свою роль. Дело было сделано.

Снова воцарилась тишина. Лухар пригнулся над столом. Лицо его светилось надеждой. Женщина смотрела на Старка не отрываясь.

А Кинон внезапно рассмеялся. Он хохотал, пока слезы не выступили у него на глазах.

— Но представление было отличным! Не правда ли? Ты должен со мной согласиться. Толпа попалась на крючок!

Он встал, подошел к Старку и ударил его по плечу. Человека менее сильного такой удар заставил бы присесть.

— Ты мне нравишься, дикарь! Ни у кого не хватило бы смелости заговорить об этом, хотя, даю голову на отсечение, все думают то же.

Старк спросил:

— А где ты, Кинон, был все это время? Все годы твоих предполагаемых одиноких страданий в пустыне?

— Хорошо, я открою тайну.— Внезапно Кинон перешел на великолепный английский язык.— Я был на

Земле и обретал знания о вещах, подобных электронному разряду.— Он налил в кубок вина и протянул его Старку.— Теперь ты знаешь. Теперь мы все знаем. Так удалим же пыль из своих глоток и приступим к делу.

— Нет,— отрезал Старк.

— Почему? — Удивленно спросил Кинон.

— Ты лжешь своим людям,— спокойно произнес Старк.— Ты даешь им лживые обещания, чтобы втянуть в войну.

Кинон был искренне озадачен отказом Старка.

— Ну, конечно,— промолвил он.— Разве в этом есть что-то новое или странное?

— Следи за ним, Кинон,— заговорил Лухар голосом, полным ненависти.— Он предаст тебя, перережет тебе горло, если решит, что так будет лучше для варваров.

— Репутация Старка известна на всей планете,— произнес Делгаун.— И нечего говорить об этом снова.

— Нет,— Кинон покачал головой, глядя Старку в лицо.— Мы ведь послали за тобой, зная все, не так ли? Хорошо...

Он немного помолчал, чтобы остальные приготовились слушать, что он будет говорить.

— У моих людей есть причина для войны. Они голодают и испытывают жажду в то время, как города-штаты, находящиеся у границ Сухих Земель, владеют всеми источниками дохода и беспрерывно богатеют. А ты знаешь, что такое смотреть, как твои дети умирают, умоляя о глотке воды во время долгого перехода? Что такое идти к оазису и, найдя свой источник занесенным песком, снова идти, пытаясь спасти людей и животных? А я знаю это! Я рожден и вырос в Сухих Землях и много раз проклинал Пограничные города языком, который был подобен высохшей деревяшке.

Старк, ты должен не хуже моего понимать направление моих мыслей. Люди Кена и Шуна — враги по традиции. Угоны и воровство, жестокие ссоры из-за воды и травы. Я вынужден был им дать нечто похожее

на веру, достаточно сильную, чтобы она могла их объединить. Старая легенда Рама была единственной моей надеждой, и она себя оправдала. Теперь племена — единый народ. Он может идти и брать то, что ему принадлежит,— право на жизнь. Так что в этом я не слишком отступаюсь от своего обещания, понимаешь?

Старк внимательно изучал его холодными глазами.

— Куда идут люди Валкиса, люди Джаккара и Барракеша? Куда идем мы?

Кинон улыбнулся. Его улыбка была совершенно искренней, но в ней не было ни намека на веселье — лишь гордость и уверенная в себе сила.

— Мы создадим империю,— тихо сказал он.— Города-штаты слишком неорганизованны, слишком истощены и слишком разжирели, чтобы с нами бороться. А Земля берет над ними верх. Еще немного — и мы будем стоить меньше, чем Луна. Мы добудем власть из песка и крови, и добычи будет вдоволь.

— Вот за этим и идут люди,— сказал Делгаун и рассмеялся.— Мы, жители Лау-канала, живем награбленным.

— А вы,— продолжал Кинон,— наемники, должны помочь. Мне нужен ты и венерианин, чтобы тренировать моих людей, создавать планы битв и сообщать мне все, что вам известно о партизанской войне. У Киктона быстроходный корабль. Он будет доставлять нам боеприпасы из других миров. Уэлш, как мне сказали,— непревзойденный специалист по оружию. Томми — механик и самый искусный вор из тех, кто существует по эту сторону ада, не считая тебя, Делгаун! Эррод — создатель Братства Малых Миров, которое много лет сводило с ума патруль. Он может сделать то же самое и для нас. Вот как обстоят дела. Что ты теперь скажешь, Старк?

Землянин медленно проговорил:

— Я пойду с вами, пока от этого не будет вреда племенам.

— Вот уж чего не надо бояться,— рассмеялся Кинон.

— У меня только один вопрос,— сказал Старк.— Что будет, когда люди узнают, что твоя тайна Рама — просто фокус?

— Они не узнают,— ответил Кинон.— Короны окажутся разбитыми во время битвы, это будет большой трагедией, и на этом все кончится. Никому не известно, как создать подобное устройство. О, я умею управлять людьми! С хорошей землей и обилием воды они и так будут счастливы.— Он оглядел собравшихся и вдруг жалобно произнес: — Так мы можем наконец сесть и выпить, как полагается цивилизованным людям?

Все сели. Бутыль с вином пошла по кругу. Хищники Валкиса пили за удачу и добычу каждого. Старк узнал, что женщину зовут Берильд. Кинон был счастлив: он сумел убедить людей и теперь праздновал свою победу. Однако в ходе пира Старк заметил, что хоть язык Кинона и тяжел, но не развязывается.

Лухар делался все сумрачнее и молчаливее, тайком поглядывал на Старка. Делгаун играл своим кубком, а взгляд его желтых, все замечающих глаз переходил с Берильд на Старка и обратно.

Берильд вообще не пила. Она сидела немного в стороне, и лицо ее пряталось в тени, а красные губы улыбались. О чем она думала, было ее тайной, но Старк чувствовал, что Берильд по-прежнему наблюдает за ним, и понимал, что это известно и Делгауну.

— Нам с Делгауном надо кое о чем поговорить,— наконец нарушил тишину Кинон.— Поэтому, господа, я вас оставлю на время. В полночь я собираюсь в пустыню. Старк и Лухар пойдут со мной, так что вам сейчас лучше поспать.

Старк согласно кивнул, встал и вышел. Слуга провел его в комнату, находившуюся в северном крыле. Старк не спал уже сутки, и теперь был рад возможности отдохнуть.

Он лег. Голова была тяжелой от усталости и выпитого вина, и Берильд дразнила его усмешкой, лицо

ее так и стояло перед глазами. Потом он вспомнил об обещании, данном Энтону. С мыслями об этом он уснул.

Ему приснился сон: он снова был мальчиком, жил на Меркурии. Он бежал по тропе, что вела от входа в пещеру по дну одной из самых глубоких долин. Над ним поднимались к небу горы, и пики их терялись в густых облаках. От палящего зноя силуэты гор казались расплывчатыми. Ему было жарко, хотя он был совершенно обнажен.

Жар солнца между каменными стенами напоминал жар адской сковороды, и ему казалось, что больше никогда не будет прохладно. Все же он сознавал, что придет ночь и ручей в долине покроется льдом. Боги огня и мрака постоянно воевали.

Он пробежал мимо того места, где лежали оставшиеся после землетрясения руины. Это была шахта, и Н'Чака, так звали мальчика, понимал, что, когда он был маленьким, он жил здесь с несколькими белокожими существами, сложенными подобно ему. Он пробежал мимо, не оглядываясь.

Он искал Тику. Когда он станет достаточно взрослым, то будет мужчиной Тики. Теперь же ему хотелось поохотиться вместе с ней, ибо она была такой же ловкой и проворной в ловле больших ящериц, как и он сам. Он услышал ее, она звала его, и в голосе ее был ужас. Н'Чака побежал что было сил. Он увидел ее скорчившейся между двумя огромными валунами. Светлый мех был запятнан кровью, а над ней нависла огромная черная тень. Крылатая тварь сидела, не сводя своих желтых глаз с Тики и нацелив свой длинный клюв на нее.

Н'Чака ударил по чудовищу длинной палкой, когти твари впились ему в плечо, а золотые глаза, излучавшие смерть, оказались совсем рядом.

Ему были знакомы эти глаза. Тика вскрикнула, но крик ее был словно эхо. Все ушло, остались только эти глаза. Увлекаемый существом, мальчик взмыл в небо.

Кто-то крикнул, чьи-то руки оттащили его. Сон рас-

сеялся. Старк вернулся к действительности и оттолкнул испуганного слугу, который пришел будить его.

Держась поодаль, человек пробормотал:

— Меня прислал Делгаун... Он ждет в зале Совета,— и, повернувшись, выскочил из комнаты.

Старк тряхнул головой. Ужасный сон был отчетлив, как явь. Он спустился в комнату Совета. На улице было тихо и темно, горели фонари.

Делгаун его ждал. Рядом с ним за столом сидела Берильд. Они были одни.

— У меня есть для тебя работа,— сказал Делгаун, поднимая глаза.— Помнишь капитана Кинона, того, что был сегодня на площади?

— Да.

— Его зовут Фрека, он хороший человек, но подвержен одному пороку. Сейчас он нагрузился по уши, и надо, чтобы ко времени ухода Кинона его кто-то доставил сюда. Приглядишь за этим?

Старк посмотрел на Берильд. Ему показалось, что что-то забавляет ее. Он ли, Делгаун ли — трудно было сказать.

— Где я его найду? — спросил.

— Здесь есть только одно местечко, в котором он может достать свой яд. Это у Калы, на окраине Валкиса. В старом городе, за нижними Причалами.— Делгаун улыбнулся.— Держи наготове кулаки, Старк. Фрека может не захотеть вернуться.

— Сделаю,— ответил Старк, поколебавшись.

С этими словами он вышел на улицу.

Он пересек улицу и углубился в путаницу переулков. Внезапно кто-то схватил его за руку и тихо проговорил:

— Улыбнись мне и сразу сверни в боковую улицу.

Рука была маленькой и коричневой, а голос очень приятный. Ему вторило позвякивание пояса. Он улыбнулся, и девушка приглашающим жестом позвала его за собой.

Старк положил руки на стену, и девушка оказалась заключенной между ними. Она была темноволосой, с

золотыми колокольчиками, вплетенными в темные волосы, с пышной грудью над украшенным драгоценностями поясом. Девушка была красива, и взгляд ее выражал гордость.

Это была та самая девушка, которая стояла возле носилок на площади и наблюдала за Кинoном ненавидящим взглядом.

— Итак,— сказал Старк,— что ты хочешь от меня?

— Меня зовут Фианна, и я не собираюсь ни убивать тебя, ни убегать.

— Ты шла за мной, Фианна? — спросил Старк, опуская руки.

— Да. Дворец Делгауна полон потайных ходов, я их знаю. Я подслушала за каменной плитой ваш разговор с Советом. Я слышала, как ты выступил против Кинона, а только что слышала приказ Делгауна.

— И что?

— А то, что если ты и вправду имел в виду то, что говорил о племенах, то тебе лучше уйти сейчас, пока это возможно. Кинон тебе солгал. Он использует тебя, а потом убьет. Так же, как использует, а затем убивает свой народ.

Голос девушки, казалось, кипел от ненависти.

Старк улыбнулся ей, и его улыбка могла означать все, что угодно, и ничего...

— Ты валкисянка, Фианна. Какое тебе дело до того, что случится с дикими варварами?

Взгляд ее слегка раскосых глаз был мрачен.

— Поверь, я не пытаюсь заманить тебя в ловушку, землянин. Я ненавижу Кинона, а мать моя — женщина пустыни.— Помолчав, она добавила: — Я служу госпоже Берильд, поэтому знаю многое. Близится беда, более страшная, чем об этом думает Кинон.

Внезапно она спросила:

— Что тебе известно о Рама?

— Ничего, кроме того, что они не существуют, если вообще когда-то существовали.

Фианна метнула на него быстрый взгляд.

— Может быть, и нет. Будешь ли ты меня слушать,

землянин? Уйдешь ли теперь, когда знаешь, что тебя ждет смерть?

— Нет!

— Даже если я скажу тебе, что у Калы Делгаун расставил тебе ловушки?

— Даже тогда, но благодарю тебя за предостережение, Фианна.

Он наклонился и поцеловал ее, потому что она была молодая и честная.

Потом он ушел.

ГЛАВА 4

Ночь наступила быстро, и Старк, оставив за собой огни, смех и звуки арф, вступил в старый город, где не было ничего, кроме тишины и света низких лун.

Он увидел нижние причалы — огромные мраморные строения — и направился к ним. Вскоре он обнаружил, что идет по едва заметной, но все же различимой тропе, которая извивалась среди полуразрушенных домов.

Было очень тихо, и шелест сухого песка был едва слышен.

Миновав тени причалов, Старк свернул на широкую дорогу, что вела когда-то к гавани. Немного дальше, в стороне от домов он увидел полуразрушенное строение. Окна его были закрыты ставнями, сквозь узкие щели которых пробивались полоски света. Оттуда доносился шум голосов и пронзительная музыка.

Старк приблизился к строению, двигаясь среди развалин так легко, как будто весу в нем было не больше, чем у тени, и притаился, выжидая. Через некоторое время хлопнула дверь, из дома вышел человек и побрел по направлению к Валкису. Старк увидел в лунном свете его лицо, в котором было больше животного, чем человеческого. Что-то бормоча, он прошел мимо Старка

и подался прочь. Старк содрогнулся от отвращения. Он подождал, пока шум шагов не замер вдали.

В разрушенном доме, казалось, не таилось никакой опасности, лишь ящерица метнулась среди камней.

Лунный свет ярким неподвижным пятном лежал у дверей обители Калы.

Старк нашел острый обломок камня, поднял его и бросил в стену дома. Он ударился с глухим стуком. Затаив дыхание, Старк прислушался.

Никакого ответного движения, лишь сухой ветер шевелился в пустых домах.

Старк вышел из своего укрытия и пересек открытое пространство. Подойдя к двери, он открыл ее, и в лицо ему ударила волна желтого света, духоты и жара. В помещении горели высокие кварцевые фонари, каждый из которых давал луч оранжево-золотистого цвета. В этом маленьком бассейне света лежали на старых мехах и подушках мужчины и женщины с нечеловеческими лицами.

Теперь Старк понял, что за снадобье продается здесь. Шанга... старинное средство... свечение, вызывающее искусственный атавизм и на время возвращающее человека к его звериному прошлому. Считалось, что это средство давным-давно предано забвению, но на самом деле оно существовало вне закона в таких местах, как это.

Он поискал глазами Фреку. Тот лежал, распростершись под одной из ламп Шанга. Глаза его были закрыты, а выражение лица зверское. Во сне он ворочался, как животное, в которое превратился на время.

За спиной Старка послышался голос:

— Я — Кала. Что ты хочешь, чужеземец?

Старк обернулся. Возможно Кала когда-то и была красива. Она все еще носила в волосах звенящие колокольчики, и Старк, глядя на нее, подумал о Фианне. Отупевшее лицо женщины вызывало у него тошноту. Оно напоминало извращенную музыку дудок, исходящую, казалось, из самого сердца дьявола. И все же

взгляд ее был внимательным и острым, он давал понять, что от нее не укрылось ни то внимание, с которым Старк осматривал комнату, ни его интерес к Фреке.

Он не хотел осложнений. До тех пор, пока не обнаружит хотя бы намека на ловушку, о которой сказала ему Фианна.

— Принеси мне вина,— сказал Старк.

— Хочешь лампу возврата, чужеземец? Она приносит много радости.

— Может быть, позже. Сейчас я хочу вина.

Она ушла, хлопком в ладоши позвала неряшливого вида старуху, которая, осторожно двигаясь среди распростертых тел, принесла кувшин с вином.

Старк сел спиной к стене так, чтобы были видны и входная дверь, и вся комната. Кала вернулась и вновь уселась у двери, в птичьих глазах ее была тревога.

Старк сделал вид, что пьет вино, но мозг его работал спокойно и ясно.

Возможно, и сама обстановка являлась ловушкой. Фрека был сейчас настоящим животным. Он станет сопротивляться, начнется драка, Кала закричит, и остальные пустоголовые скоты тоже кинутся в драку.

Но в том, чтобы предупредить его о подобной возможности, не было необходимости. Делгаун сам сказал, что могут быть неприятности.

Нет, здесь крылось еще что-то. Он внимательно осмотрел комнату: она была большая и круглая. Из нее вели в другие помещения ходы, завешенные коврами. Прорехи в них позволяли видеть других посетителей Калы, лежавших под лампами, причем некоторые из них настолько далеко ушли от человеческого облика, что их уродство было просто невыносимым. Никаких признаков опасности пока не было заметно.

Странным было лишь одно: комната, ближайшая к тому месту, где лежал Фрека, пустовала, и занавески на входе были задернуты лишь частично.

Пустота этой комнаты стала беспокоить Старка. Он подозвал к себе Калу.

— Я возьму себе лампу,— сказал он,— но я хочу быть один. Пусть ее принесут в ту комнату.

— Эта комната занята.

— Но ведь там никого нет!

— Она занята, за нее заплачено, и туда нельзя входить. Я велю принести лампу сюда.

— Нет,— ответил Старк решительно.— Я ухожу.

Он швырнул на стол монету и вышел. Оказавшись на улице, он, двигаясь легко и неслышно, приблизился к ближайшему окну и посмотрел в щель между ставнями.

Из пустой комнаты вышел Лухар с озабоченным лицом. Старк улыбнулся. Он вернулся к двери и стал за ней, прижавшись к стене. Через минуту дверь открылась и, вытаскивая на ходу револьвер, из нее вышел венерианец.

Старк прыгнул на него.

Лухар от неожиданности вскрикнул. Его револьвер сверкнул в лунном свете и зарылся в песок, а в следующее мгновение Старк схватил Лухара за кисти и сжал с такой силой, что тот содрогнулся. Извернувшись, Лухар вырвал руки и вцепился ногтями в лицо Старка, метя в глаза. Старк ударил его. Лухар покатился по земле, и, прежде чем он успел подняться, Старк схватил револьвер и забросил его далеко в развалины. Лухар поднялся с кошачьей быстротой и бросился на Старка. Сцепившись, они влетели в комнату Калы и покатились по полу среди меховых шкур и подушек. Тело Лухара как будто состояло из стальных пружин без какого-то намека на мягкость. Его длинные пальцы сомкнулись на горле Старка. Кала громко вскрикнула, и крик ее был полон ярости. Вытащив из-под подушек длинный кнут, традиционное на Лау-канале оружие, она принялась стегать катавшихся по полу мужчин. Волосы ее растрепались и косматыми прядями висели вдоль лица. Звероподобные фигуры, ворча, стали подниматься на ноги.

Длинный хлыст рассек рубашку Старка и кожу под

ней. Зарычав, он с трудом поднялся на ноги с висящим на нем Лухаром, так и не разжавшим пальцев. Обеими руками он схватил Лухара за лицо и бросил вперед на стол себя так, что Лухар буквально расплющился об него. Из горла венерианина вырвался крик, и пальцы его разжались. Склонившись над Лухаром, Старк поставил его на ноги и стиснул так, что венерианец побелел от боли. Потом он поднял его над головой и швырнул прямо на звероподобных существ, приближавшихся к нему.

Ругаясь и размахивая хлыстом, Кала кинулась на Старка. Он обернулся. Тоненькая ниточка, связывающая его с цивилизацией, оборвалась при первом же рывке. Выхватив хлыст из рук Калы, Старк с такой силой ударил ее по лицу, что она упала и не двигалась.

Он оглядел круг начиненных Шанга людей. Они преграждали ему дорогу к тому, что он должен был сделать. Глаза его застилал багрово-красный туман, сотканный частично из крови, частично из ненависти.

Сквозь него он разглядел Фреку, стоящего в углу. Голова его раскачивалась из стороны в сторону. Старк поднял хлыст и начал стегать им по кольцу окруживших его людей.

Чьи-то руки цеплялись за него, чьи-то пальцы царапали его, чьи-то тела качались и падали. Сверкали безумные глаза, зияли раскрытые пасти, в ушах Старка звучали звериные вопли и хохот. Чудовища закружились вокруг Старка и общими усилиями повалили его на пол.

Они били и кусали его за что попало, и он снова был вынужден драться, стряхивая их со своих могучих плеч, топча ногами. Хлыст со свистом рассекал воздух, одежду, кожу. Из-под него вырывались красные струйки, наполняя воздух запахом крови.

Одурманенные глаза Фреки встретили взгляд Старка. Марсианин зарычал и бросился вперед. Старк ударил его в висок рукояткой хлыста... Она раскололась, а Фрека рухнул на руки Старка.

Краем глаза Старк увидел Лухара, который поднялся на ноги и под прикрытием клубка опутанных тел прокрался очень близко, оставаясь незамеченным. Сейчас он находился за спиной Старка. В руке венерианца был нож.

Тело Фреки помешало Старку отскочить в сторону, когда Лухар, пригнувшись, бросился на него. Старк развернулся и изо всех сил ударил Лухара головой в живот.

Он почувствовал, что лезвие ножа обожгло его тело, но рана была неглубокая, и прежде чем Лухар успел нанести еще один удар, Старк изогнулся, как огромный кот, и ударил сам. Голова Лухара дернулась. Дважды поднимался кулак землянина, и Лухар после второго удара неподвижно застыл на полу.

Старк выпрямился. Он стоял, расслабив плечи и слегка согнув колени, изучая обстановку вокруг. Он сделал шаг, затем другой. Полуобнаженный гигант, весь в крови. Подобно темной башне возвышался он над худосочным марсианином, и звероподобные существа расступились перед ним. На их долю выпало больше побоев, чем им хотелось, а желание гиганта разметать их было настолько сильным, что проникло даже в их затуманенные Шанга мозги.

Кала, очнувшаяся после потрясения, села и рявкнула:

— Убирайся!

Старк постоял мгновение, глядя на нее, потом поднял на плечи Фреку и пошел к выходу. Он не спешил, но и не замедлял шага. Он шел так, как привык, и все расступались перед ним.

Так он пронес марсианина по тихим улочкам, потом по извилистым людным улицам Валкиса. Там люди тоже уступали ему дорогу.

Он пришел во двор Делгауна. Охранники закрыли за ним дверь, не спрашивая его ни о чем.

Делгаун все еще был в комнате Совета, и Берильд была с ним.

Казалось, что они ждут кого-то или чего-то, коротая время за вином и беседой. При появлении Старка с ношей на плече Делгаун встал так резко, что кубок упал, оросив брызгами пол у его ног.

Старк опустил Фреку на пол.

— Я принес Фреку. Лухар все еще у Калы.— Старк посмотрел прямо в желтые глаза Делгауна, на дне которых появилась какая-то мысль. Он с трудом сдерживал себя.

Внезапно женщина рассмеялась, и смех ее, чистый и звенящий, относился к Делгауну.

— Молодец, дикарь! — сказала она.— Кинону повезло с таким капитаном. Но тебе совет на будущее: остерегайся Фреки. Он тебе этого не простит!

Глядя на Делгауна, Старк тихим голосом произнес:

— Эта ночь не подходит для прощений,— и добавил, обращаясь к женщине: — С Фрекой я справлюсь.

— Ты мне нравишься, дикарь,— сказала Берильд, смотря на Старка с прежним любопытством и что-то обдумывая.— Когда мы выступим, скачи рядом со мной. Я хочу узнать тебя больше.

И она улыбнулась.

Как будто темное пламя вспыхнуло на щеках Делгауна. Напряженным от ярости голосом он сказал:

— Ты, наверное, кое-что забыла, Берильд! Тебе нет дела до этого варвара, до этого существа на час!

В своей запальчивости он высказал бы еще что-нибудь, но Берильд остановила его резким ответом:

— Не будем говорить о времени! Иди же, Старк! И будь готов к полуночи!

Старк вышел, и, пока он шел, странное сомнение еще больше охватило душу.

ГЛАВА 5

В полночь на огромной площади рынка рабов караван Кинона собирался вновь, чтобы выйти из Валкиса под грохот барабанов и дудок.

Делгаун тоже был здесь, провожая уходящих. Веселые возгласы людей звенели им вслед и неслись над пустыней.

Старк скакал немного в стороне от остальных. Он был погружен в свои мысли и не желал ничьего общества, и меньше всего общества Берильд.

Она была красива и опасна. Она принадлежала Кинону или Делгауну, а может быть, им обоим. По опыту Старк знал, что подобная женщина означает внезапную смерть, и он не хотел иметь с ней дела, по крайней мере, сейчас.

Лухар скакал впереди, рядом с Киноном. Он появился на площади в полночь, пошатываясь, со следами побоев на лице, со злой искрой в глазах. Кинон бросил беглый взгляд на него, потом на Старка, чье лицо тоже хранило следы драки, и хрипло сказал:

— Делгаун сообщил мне, что у вас есть какие-то кровавые счеты. Я не желаю больше об этом слышать! Понятно? После того, как мы с вами рассчитаемся, убивайте друг друга на здоровье, но не раньше.

Старк молча кивнул, Лухар пробормотал что-то похожее на согласие, и с тех пор они друг на друга не смотрели.

Фрека, как обычно, скакал рядом с Киноном, а значит, и с Лухаром тоже. Старк заметил, что их животные оказывались совсем близко гораздо чаще, чем это было необходимо.

Огромный капитан-варвар сидел в своем седле прямо, но в свете факелов Старк видел, что лицо его выглядит больным и измученным, а глаза все еще хранят звериный блеск. На его виске алела ссадина. Старк был уверен, что Берильд говорила правду —

Фрека не простит ему неуважения к своей особе и прерванного удовольствия.

Дно мертвого моря стало шире. Когда огни Валкиса остались позади, а кругом не было ничего, кроме вздымаемого ветром песка, стало трудно верить, что где-то в этом мире, полном космического одиночества, могла существовать жизнь.

Маленькие луны постепенно уплывали, таща вслед за собой по камням свои жуткие тени, и высвечивали песок так, что он становился похожим на слоновую кость. Сверкающие металлическим светом звезды висели так низко, что даже ветер, казалось, доставал их краем своего крыла. Все в этом пространстве казалось неподвижным, и тишина была такой глубокой, что кашляющий вой песчаного кота где-то далеко на востоке заставил Старка вздрогнуть — столько было в нем одиночества.

И все же Старк не испытывал тоски. Рожденный и взращенный в диких бесплодных местах, он чувствовал себя в такой вот пустыне свободнее, чем в городе, полном людей.

Через некоторое время за его спиной послышался нежный металлический звон, и к нему подскакала Фианна. Он улыбнулся девушке, а она довольно мрачно произнесла:

— Меня послала госпожа Берильд, чтобы я напомнила тебе о ее желании.

Старк посмотрел туда, где колыхались занавески на носилках, и глаза его блеснули.

— Она не из тех, кто забывает, да?

— Да,— и увидев, что поблизости никого нет, Фианна быстро спросила:

— У Калы было так, как я сказала?

Старк кивнул.

— Мне кажется, малышка, что я тебе обязан жизнью. Лухар бы убил меня.

Он перегнулся в седле и положил свою руку на ее. Она улыбнулась улыбкой юной девушки, которая

кажется такой чудесной в свете луны, улыбкой честной и дружелюбной.

Странно было, беседуя с хорошенькой девушкой при луне, говорить о смерти.

— Почему Делгаун хочет меня убить?

— Не знаю. Когда он говорил с человеком с Венеры, то не назвал причин. Но, кажется, я догадываюсь. Он знает, что ты такой же сильный, как и он, и поэтому боится тебя. К тому же госпожа Берильд смотрела на тебя по-особому.

— Я думал, Берильд — женщина Кинона.

— Может быть, на время, — загадочно ответила Фианна, потом покачала головой и испуганно огляделась вокруг.— Я и так пошла на слишком большой риск. Пожалуйста, не говори никому о нашем разговоре.

Она смотрела на него умоляюще, и Старк понял, что положение очень шатко.

— Не бойся,— сказал он совершенно искренне.— А теперь нам лучше разъехаться.

Она повернула свое животное, и до него донесся шепот:

— Будь осторожен, Эрих Джон Старк.

Старк кивнул ей с благодарностью. Потом он повернул и поскакал вслед за девушкой, думая, что ему нравится то, как она произносит его имя.

Госпожа Берильд лежала среди меховых шкур и подушек. Она походила на грациозную кошку, одновременно отдыхающую и полную жизни. В полутьме кожа ее казалась серебристо-белой, а распущенные волосы более темными, чем на самом деле.

— Ты сердишься, дикарь? — спросила она.— Или я не отвечаю твоему вкусу?

До сих пор он не подозревал, как мягок и богат красками ее голос. Посмотрев на ее великолепную фигуру, Старк ответил:

— Я нахожу тебя чертовски привлекательной, поэтому и сержусь.

— Боишься?

— Я играю роль в спектакле Кинона. Должен ли я еще взять его женщину?

Она довольно громко рассмеялась.

— В желаниях Кинона нет для меня места! Мы договорились: поскольку королю нужна королева, я буду с ним, а кроме того, его устраивают мои советы. А больше между нами ничего нет.

Старк смотрел на нее, пытаясь разглядеть в полутьме выражение ее дымчатых глаз.

— А Делгаун?

— Он похож на меня, но...

Поколебавшись, она продолжила другим тоном, и голос ее теперь был тихим и звенел от тайного удовольствия, такого же огромного, как усыпанное звездами небо:

— Я никому не принадлежу, я сама по себе.

Старк понял, что на мгновение она о нем забыла. Некоторое время он ехал молча, потом, повторяя слова Делгауна, произнес:

— Возможно, ты кое о чем забыла, Берильд. Во мне, существе на час, для тебя ничего нет.

Он почувствовал, как Берильд насторожилась. Глаза ее заблестели, а дыхание стало более слышным. Потом она, рассмеявшись, проговорила:

— Дикарь, к тому же ты еще и попугай. Час может длиться очень долго, целую вечность, если кто-то пожелает.

— Да,— согласился Старк.— Часто и я так думал, ожидая, когда ко мне придет смерть из-за скал. Огненная ящерица подползает неслышно, но укус ее смертелен.

Он подался вперед так, что его плечи, овеваемые ветром, нависли над ее плечами.

— Мои часы, проводимые с женщинами, коротки. Они наступают после битвы, когда есть время для подобных вещей. Возможно, в такое время я и приду навестить тебя.

С этими словами он пришпорил животное и поскакал прочь, ни разу не оглянувшись: кожа его спины напряглась в ожидании ножа, но единственное, что его преследовало, это эхо безмятежного смеха, подхваченное ветром.

Пришло время рассвета. Кинон подозвал Старка к

себе и указал на запад, где среди песчаной равнины маячили черные базальтовые рифы.

— Вот край, в который ты поведешь своих людей. Изучай его.— Одновременно он обратился к Лухару: — Изучай каждую дыру с водой, каждый удобный выступ, каждый след, который может привести к границе. Нет лучших бойцов, чем воины Сухих Земель, когда у них хороший вождь, и ты должен доказать им, что можешь повести их в бой. Будешь работать со своими вождями: Фрекой и остальными. Ты встретишься с ними после того, как достигнешь Синхарата.

— Синхарата? — переспросил Лухар.

— Да, моей штаб-квартиры. До него около семи дней пути. Этот город на острове старый, как луны Марса. Согласно легенде там был культ Рама. Поэтому для людей этих мест он священный, вроде табу. Поэтому-то я его и выбрал.

Кинон глубоко вздохнул и улыбнулся, глядя на дно мертвого моря, ведущего к границе, и в глазах его был тот же сверкающий блеск, что бывает у солнца, испепеляющего пустыню.

— Теперь уже очень скоро,— сказал он самому себе.— Еще немного, и мы зальем пограничные штаты их собственной кровью. И тогда...

Он рассмеялся очень мягко и больше ничего не сказал. Старк мог поверить, что Берильд говорила правду. В нем горел великий огонь тщеславия, и для других чувств не оставалось места. Он измерил взглядом силу и мощь высокого варвара, толщу стальной непреклонности, которая скрывалась за внешним зубоскальством.

Затем Старк тоже уставился в сторону границы и подумал о том, увидит ли когда-нибудь Тарак, услышит ли голос Энтона.

Три дня двигались они безо всяких происшествий. В полдень разбивали лагерь и пережидали жаркие часы, а потом снова шли под темным небосводом — длинная череда высоких людей и мускулистых животных, в центре которых, подобно диковинному цветку, колыхались но-

силки. Облако пыли и цоканье копыт по дну мертвого моря отмечали их путь к городу на острове, к Синхарату.

Старк больше не говорил с Берильд, и она не посылала за ним. Он иногда сталкивался с Фианной, и легкая улыбка появлялась на ее лице, но девушка проходила мимо. Ради ее безопасности Старк так и не заговорил с ней.

Ни Лухар, ни Фрека не приближались к нему. Они намеренно избегали случаев, когда Кинон собирал их вместе, чтобы обсудить какой-то стратегический вопрос. Между собой, однако, они подружились и пили вино из одной бутылки.

Старк всегда спал возле своего животного, чтобы спина его была защищена; револьвер находился рядом. Трудные уроки, полученные в детстве, не прошли даром, и стоило только шевельнуться песчинке, как он просыпался раньше, чем успевало проснуться его животное.

К утру четвертой ночи ветер, который до этого не переставал дуть, утих. На рассвете безветрие стало полным, а восходящее солнце хранило в себе кровавый оттенок. Пыль, вздымаемая копытами животных, тут же опадала.

Старк начал принюхиваться, все чаще и чаще смотрел на север, где тянулось уходящее вдаль длинное плоскогорье, похожее на ладонь.

Тревожное чувство все больше овладевало им. Наконец он подскакал к Кинону.

— Надвигается буря,— сказал он и снова посмотрел на север.

Кинон взглянул на него с любопытством.

— Ты даже верное направление выбрал. Можно подумать, что ты местный.

Он и сам со злостью смотрел на ширящуюся пустоту.

— Хотел бы я, чтобы мы были поближе к городу. Но когда ветер начинает дуть, везде одинаково плохо, и единственное, что лучше сделать, это двигаться вперед. Если ты остановишься, ты умер, умер и похоронен.

Он выругался, и ругательство его было забавное — смесь англосаксонских и марсианских проклятий.— Пусть Берильд слезет с этих проклятых носилок. Ты присмотри

за ней, Старк, хорошо? Мне нужно оставаться здесь, во главе колонны. Не раздумывай! Главное — не разделяться.

Старк кивнул и повернул назад. Он усадил Берильд на животное, а носилки, как яркий красный цветок, остались лежать на песке.

Говорили мало. Животные мчались так быстро, как только могли. Они нервничали и стремились к тому, чтобы разрушить строй и бежать куда глаза глядят.

Солнце поднималось выше, воздух становился густым. Старк метался вдоль строя, помогая выбившимся из сил гуртовщикам. Животные несли только бурдюки с водой и мешки с продовольствием. Фианна держалась возле Берильд.

Через два часа, впервые за это время, в пустыне послышался звук. Он пришел издалека, воющий стон, похожий на крик изнемогающего от непосильной ноши великана. Он все рос, возвышаясь от сухого горьковатого вопля, пока не заполнил все небо и не разорвал его надвое, дав дорогу всем ветрам ада.

Все произошло очень быстро. Только что воздух был ясным и неподвижным, и вот уже он полон пыли и воплей, раздираемый демонической яростью.

Старк кинулся к женщинам, находившимся всего в нескольких футах, но уже невидимых. Кто-то налетел на него во мраке, длинные волосы хлестнули его по лицу, и он протянул руки, крича:

— Фианна! Фианна!

Женская рука схватила его, и голос что-то ответил, но что — разобрать было невозможно.

Потом его животное оказалось в других руках, пальцы женщины разжались, его схватила мужская рука. Он смутно различил двух мужчин, стоявших рядом: Лухар и Фрека. Его животное пошатнулось и кинулось прочь. Старка стащили с седла, и он упал на песок.

ГЛАВА 6

Мгновение он лежал почти окаменев, едва способный дышать. Сквозь грохот ветра доносились какие-то нечеловеческие вопли, смутные тени пролетали мимо него, и однажды он чуть не оказался под копытами животного.

Лухар и Фрека, должно быть, ждали своего часа. Это было на удивление легко — оставить Старка одного пешим, и буря в пустыне поделит между собой и песком остальную работу. Никого винить не придется.

Старк поднялся, но на ноги ему упало чье-то тело, и он снова оказался на песке. Он схватил упавшего и ощупывал до тех пор, пока не убедился, что плоть, находившаяся под его руками, закутана в шелковые одежды, потом он обнаружил, что сжимает в руках Берильд.

— Это была я, а не Фианна, — выдохнула она в самое ухо Старка.

Должно быть, она упала со своего животного в тот момент, когда Лухар врезался между ними.

Крепко обхватив Берильд, чтобы ее не унесло ветром, Старк снова с трудом поднялся на ноги. Несмотря на все свое старание, он едва удерживался на ногах. Ослепший, оглохший, полузадохнувшийся, он сделал несколько шагов, когда одно из вьючных животных оказалось возле него.

Он вцепился во вьючные веревки с силой человека, решившего выжить во что бы то ни стало. Некоторое время животное тащило его, пока Берильд не удалось ухватиться за узду. Вдвоем они заставили животное лечь.

Старк держал его за голову, пока женщина взбиралась на животное и привязывалась к нему. Над их головами пролетел шелковый шарф. Старк ухитрился поймать его и перевязать голову животного, дав ему возможность дышать, этого было достаточно, чтобы успокоить животное.

В воющем ветре невозможно было рассмотреть ни направления, ни вообще чего бы то ни было. Караван раскидало, как кучу сухих листьев. За те несколько мгновений, пока Старк стоял, ноги его погрузились в песок по колено. Он с трудом вытащил их и, помня слова Кинона, наугад двинулся вперед.

Берильд разорвала свое покрывало и протянула полоску шелка Старку. Он завязал ею нос и глаза. Сразу стало легче.

Спотыкаясь, увязая в песке, шатаясь под ударами ветра, Старк продолжал двигаться в надежде наткнуться на остальную часть каравана.

Следующие часы были настоящим кошмаром. Он закрыл перед ним свой разум, сделав то, что не удалось бы сделать цивилизованному человеку. В детстве у него были дни и ночи, когда перед ним стояла проблема, как пережить короткий светлый период, чтобы потом бороться за возможность пережить темное время суток.

Теперь было то же самое. Забыть обо всем: о себе, о Берильд, о завтрашнем дне, забыть о том, что трудно дышать, о том, где сейчас маленькая Фианна, — только не останавливаться.

Уже стемнело, когда животное споткнулось о скрытый в песке валун и сломало ногу. Старк подарил ему быструю и милосердную смерть. Затем они с Берильд отвязали груз и привязались друг к другу. Каждый взял столько воды и еды, сколько мог унести.

Они брели, спотыкаясь; Берильд стойко переносила все тяготы и не жаловалась.

Пришла ночь, но буря не утихала. Старк дивился силе женщины. Ему приходилось помогать ей только тогда, когда она падала. Сам он растерял все свои чувства. Тело его было вещью, продолжавшей двигаться только потому, что было приказано не останавливаться.

Туман в его голове сгущался так же быстро, как и ночная тьма. Берильд весь день скакала верхом, он же тащился пешком. У него тоже был предел, теперь, по-

видимому, он приблизился к этому пределу, но усталость была так велика, что его уже ничего не пугало.

В какой-то отрезок времени до него дошло, что Берильд упала, и он волочит ее за собой. Он слепо повернулся, чтобы поднять ее, она что-то говорила, называла его имя, выкрикивала одни и те же слова, но он не мог ее понять.

Наконец он понял. Он сдернул шелк со своего лица и вдохнул свежий воздух. Ветер стихал, небо прояснялось и становилось все ярче и ярче.

Сбросив свою ношу, Старк моментально уснул, а женщина затихла рядом с ним в полуобмороке-полусне.

На рассвете их разбудила жажда. Он развязал бурдюк, и они напились, посидели некоторое время, приходя в себя и размышляя о том, что ждет их впереди.

— Ты знаешь, где мы находимся?

— Не совсем,— на лице Берильд лежала тень усталости. Оно изменилось, но для Старка стало еще более прекрасным, потому что на нем не было следов слабости.

Она немного подумала, глядя на звезды, тающие в лучах восходящего солнца.

— Ветер дует с севера, мы шли на юг. Синхарат лежит там, за равниной, которую называют Каменным животом,— она указала на северо-восток.

— Как далеко?

— Если пешком, то семь-восемь суток пути.

Старк посмотрел на их запасы и покачал головой.

— Это будет безводный путь, — он встал и поднял груз. Берильд поднялась без всякого звука. Ее рыжие волосы рассыпались по плечам, шелковый плащ был порван во многих местах. На ней оставались только юбка женщины пустыни, пояс и воротник из драгоценных камней. Она держалась очень прямо, и походка ее была уверенной и горделивой. Старку было трудно поверить, что эта самая женщина недавно, подобно ленивой королеве, нежилась на подушках.

Укрыться от солнца было некуда, но даже в самые

тяжелые часы марсианское солнце было лишь слабой тенью меркурианского, так что Старка оно не очень беспокоило. Он заставил Берильд лечь в тень своего тела и наблюдал за ее лицом, кажущимся у спящей таким незнакомым.

И тут он впервые осознал всю ее странность. Раньше в Валкисе он мало сталкивался с ней. Теперь она не могла скрыть от него почти ничего из того, что творилось в ее мыслях и в ее сердце.

Или могла? Пока она спала, были мгновения, когда тени странных снов набегали на ее лицо. Иногда во время перехода, когда она забывала о нем и Старк вдруг замечал в ее глазах выражение, которое не мог прочесть, интуиция приказывала ему обратить особое внимание на Берильд.

И все же в течение всех этих обжигающих дней и ледяных ночей, насыщенных жаждой и муками усталости, Берильд была великолепна. Белая кожа ее потемнела от солнца, а волосы стали медно-красными. Она улыбалась и решительно шла с ним, не отставая.

На четвертый день пути, вскарабкавшись на известковую глыбу, источенную временем, они увидели то, что называется Каменным животом.

Плоское дно под ними образовывало нечто вроде гигантского бассейна, противоположный край которого терялся вдали. Старк подумал, что никогда, даже на Меркурии, не доводилось ему видеть места, более забытого богом и людьми. Словно какой-то древний ледник встретил здесь свою смерть на самой заре существования Марса, и сам же вырыл себе могилу. Тело его давно растаяло, но остов остался. Остов из базальта, гранита, мрамора и порфира, заключающий в себе все возможные формы, цвета и размеры, подобранные им по пути с севера на юг и брошенные здесь, как пирамида-памятник его приходу.

Каменный живот.

Старк подумал, что есть и другое, более точное название — смерть.

В первый раз за все время пути Берильд пала духом. Она села и опустила голову на руки.

— Я устала,— сказала она.— И еще я боюсь.

Старк спросил:

— Здесь кому-нибудь удавалось пройти?

— Насколько мне известно, да. Но то был воинский отряд, путешествующий верхом с продовольствием и водой.

Старк посмотрел на камни.

— Мы пройдем,— сказал он.

— Я почему-то не верю,— подняла голову Берильд.

Она медленно встала, положила руки ему на грудь, на то место, где сильными толчками отдавались удары его сердца.

— Дай мне твою силу, дикарь. Она мне нужна.

Он привлек ее к себе и поцеловал. Поцелуй этот был странным и болезненным, потому что их губы кровоточили, потрескавшись от жажды и страшной жары.

Потом они направились к месту, называвшемуся Каменным животом.

ГЛАВА 7

Пустыня была приятным и добрым местом. Старк оглянулся и с тоской поглядел на нее. И все же это адское нагромождение пылающих камней так походило на долины его родины, что ему и в голову не пришло лечь здесь и умереть.

Некоторое время они отдыхали под огромным выступом кроваво-красного камня. Они выпили по несколько капель вонючей воды из бурдюка, остатки которой Берильд допила с наступлением ночи. Она не позволила выбрасывать мешки.

Темнота и молчание луны. Прохладный воздух выгнал из камней дневной жар, взамен пришел леденящий

холод, так что Старку и рыжеволосой женщине ничего не оставалось больше, как двигаться, чтобы не замерзнуть.

Липкий туман окутал сознание Старка. Время от времени он хриплым голосом ронял слово, возвращаясь к родному языку мерцающего пояса.

Ему чудилось, что он охотится, как делал это много раз, ибо только кровь огромной ящерицы могла спасти его от жажды.

Но на Каменном животе не было ничего живого. Ничего, кроме двух существ, едва передвигавших ноги под низкими лунами.

Берильд упала и уже не смогла подняться. Старк скорчился возле нее. Лицо ее, ослепительно белое в свете луны, было обращено к нему. В глазах застыло странное выражение.

— Я не умру,— шептала она, но не ему, его она не видела, она шептала богам.— Я не умру.

Она цеплялась за песок и бесчувственный камень, пытаясь встать. Ее сумасшедшее желание было таким бесхитростным.

Старк помог ей подняться и потащил вперед. Она дышала тяжело, со всхлипами. Через некоторое время упал и он. Однако собрав силы, Старк продолжал ползти на четвереньках, как животное, волоча за собой женщину.

Он смутно сознавал, что карабкается вверх. В небе блеснула заря. Руки его заскользили, и он покатился вниз по гладкому склону. Внизу он остался лежать, как что-то неживое.

Когда сознание вернулось к Старку, солнце стояло уже высоко. Он увидел, что Берильд лежит рядом, подполз к ней, потряс ее за плечо. Она приоткрыла глаза. Руки ее слабо шевельнулись и по беззвучному шевелению губ можно было прочитать слова: «Я не умру».

Старк до рези в глазах всматривался в линию горизонта, пытаясь увидеть там следы Синхарата, но не видел ничего, кроме пустоты и камня. С огромными

усилиями он встал, поставил на ноги Берильд и некоторое время поддерживал ее.

Он пытался объяснить ей, что надо идти, но слова не слетали с губ. Он лишь смог указать рукой туда, где должен был лежать город. Она отказалась идти.

— Слишком далеко... умрем... без воды...

Он знал, что она права, но не хотел так просто сдаваться.

Берильд вдруг побежала прочь от него, и он подумал, что она сошла с ума. Потом понял, что она пытается достичь остатков стены, окружавшей Каменный живот. Они представляли собой груду камней, разделенную на части, как хребет кита, а милями тремя дальше изгибались, подобно плавнику,— огромное красноватое ответвление.

Берильд издала короткий рычащий звук и потащилась к этому выступу. Старк направился за ней, пытаясь остановить ее, но это оказалось невозможным.

Бросив на Старка яростный взгляд, она прошептала:

— Вода,— и указала в сторону.

Теперь он точно был уверен, что она сошла с ума. Он сказал ей об этом, с усилием выдавливая слова из горла. Он напомнил ей о Синхарате и о том, что она уходит от любой возможной помощи.

Она снова твердила:

— Слишком далеко... дня три без воды... Старый источник... может быть...

Старк стоял в нерешительности. Голова его кружилась, как у пьяного, мысли путались, но все же он подумал, что существует один шанс из тысячи, что происходившее не было лишь порождением смутившегося разума Берильд.

Терять было нечего. Старк понимал, что до Синхарата им все равно без воды не дойти. Он медленно кивнул и побрел вслед за ней.

Три мили могли быть для них тремястами. Когда один из них падал, другой помогал ему подняться. Каждый раз Старк думал, что для Берильд это конец,

но она поднималась и продолжала двигаться, а он шел за ней из последних сил, увлекая свое изнуренное тело к этой единственной надежде.

Когда они добрались до полуразрушенного гребня, солнце уже садилось. Длинная блестящая полоса освещала все кругом. Никакого источника видно не было. Сохранилась резная колонна, полузасыпанная песком, и это было все.

Берильд упала лицом вниз и так осталась лежать. Старк стоял и смотрел на нее, зная, что это конец. Он опустился на колени возле женщины, и сознание его поглотила тьма.

Спустя некоторое время он очнулся. Была ночь, холод пробирал до костей. Его удивило то, что он очнулся, и некоторое время он лежал неподвижно, прежде чем попытался поднять голову. Он увидел звезды, сверкающие в темном небе, потом посмотрел на то место, где лежала Берильд. Ее не было.

Старк тупо смотрел на вмятину в песке, оставленную ее телом, потом с огромным трудом поднялся на ноги. Оглядевшись, он увидел ее.

Берильд была внизу под тем небольшим гребнем, на котором стоял он. В свете луны он видел женщину очень ясно. Берильд стояла на руинах возле полузасыпанной колонны, потом наклонилась над ней; рука ее была протянута вперед. Старк удивился, какой последний проблеск силы мог заставить ее прийти туда. Он продолжал наблюдать.

Берильд медленно подняла голову и осмотрела руины. Она как будто восстанавливала в памяти картину большой давности.

Берильд шевельнулась, осторожно ступила на заваленное бесформенными обломками место, протянула руку, как бы касаясь исчезнувшей стены, словно чувствуя, что где-то здесь должна находиться дверца, исчезнувшая много веков назад. Потом она повернула направо и снова осторожно пошла по прямой, затем свернула, но уже налево.

Берильд медленно передвигалась, какое-то время стояла, чтобы немного передохнуть, потом снова шла.

Наконец она остановилась на широкой плоской площадке, которая могла быть когда-то центральным двором. Здесь она опустилась и начала с трудом разбирать обломки.

Туман в голове Старка рассеялся, и тело сжалось от предчувствия. Он сполз вниз и оказался возле нее.

— Источник,— еле выдавила Берильд.— Надо копать...

Подобно паре собак, они принялись скрести визжащий песок. Ногти Старка заскользили по чему-то твердому, сверкающему в лунном свете металлическим блеском. Через несколько минут он откопал золотую крышку шириной в шесть футов, очень массивную и удивительно красивую. На ней были нанесены символы, относящиеся к каким-то исчезнувшим богам.

Старк попытался поднять ее, но не смог даже пошевелить. Тогда Берильд, подумав, нажала тайную пружину, и крышка сама отошла в сторону. Под ней оказалась вода, находившаяся под надежным прикрытием все эти годы.

Через час Старк и Берильд спали. Тела их пропитались водой и даже с волос капала благословенная жидкость. На следующую ночь, когда низкие луны вновь засияли над пустыней, они опять сидели у источника, испытывая чувство глубокого успокоения.

Старк посмотрел на Берильд и спросил:

— Кто ты, Берильд?

— Ты знаешь это и сам. Я женщина из племени Шуна и должна стать королевой Кинона.

— Так ли это? Я думал, что ты ведьма. Только ведьма могла бы найти источник, скрытый столетия назад. Ты же никогда не бывала здесь раньше.

Они сидели очень тихо, но когда она заговорила, снова зазвучал ее серебристый смех.

— Здесь нет никакого колдовства, дикарь. Я же говорила тебе, что воинский отряд пересек однажды Каменный живот. Он следовал старым традициям и в

конце концов нашел воду. В этом отряде был мой отец. Тайна источника — бесценное сокровище на Сухих Землях, и она передается из поколения в поколение. Я не знала, что мы находимся вблизи от этого места, пока не увидела выступ, отходящий от большой гряды, но я испугалась, что мы умрем раньше, чем доберемся до источника.

«Да,— решил Старк.— Все могло быть так, как она сказала. Но почему она шла по этому месту, как будто знала и видела стены такими, какими они были тысячу лет назад? Она не знала, что я наблюдаю за ней, когда искала источник».

— О чем ты мечтаешь, дикарь? В твоих глазах отражается луна.

— Не знаю,— ответил Старк.

Мечты, видения или неясные подозрения бродили в душе Старка. Может быть, он наслушался слишком много болтовни и старых марсианских легенд. Услышанное повлияло на него в этих мрачных местах, где живы воспоминания о том, как Рама охотился за душами людей.

— Забудь свои мечты, дикарь, реальность лучше.

Он посмотрел на Берильд, озаренную лунным светом. Она была молода и прекрасна.

Старк наклонился к ней, и руки ее обвили его шею. Потом она внезапно с силой укусила его за губу. Старк вскрикнул и оттолкнул ее. Берильд, смеясь, упала на спину.

Он выругал ее, ощущая во рту привкус крови. Потянувшись, Старк привлек ее к себе, и она снова рассмеялась странным вкрадчивым смехом.

— Это тебе за то, что ты назвал имя Фианны, а не мое, когда началась буря.

Ветер пронесся над ними, что-то напевая, потом снова все стихло.

Два дня они прожили среди руин. Вечером второго дня Старк наполнил бурдюк водой, а Берильд закрыла источник крышкой, и они снова двинулись в путь.

ГЛАВА 8

Старк увидел, как поднимается на фоне утреннего неба город из мрамора на коралловом острове, лежавшим на дне исчезнувшего моря. Сам остров был залит солнцем, и его обнаженные скалы тянулись к небу, переливаясь белым и нежно-розовым цветом.

На этом прекрасном пьедестале застыли стены и башни, так тонко сработанные из разноцветного мрамора и так чисто отточенные временем, что трудно было сказать, где начинается и где кончается работа человека. Это и был Синхарат — город Вечно Живущих.

И все же он был мертв. Когда они приблизились, медленно шагая по песку, то увидели, что это лишь прекрасные останки. Многие из изумительных башен были разрушены, многие дворцы лишены крыш. Жизнь наблюдалась лишь за городом, внизу, в окружающей его высохшей лагуне.

Там были животные, люди, палатки — крошечная горстка, выглядевшая такой маленькой и ненужной на фоне огромного мертвого города.

— Караван,— сказала Берильд.

— Кинон и остальные... Они здесь. Но почему они раскинули лагерь за городом, а не в нем?

Она искоса кинула на него насмешливый взгляд.

— Это старый город Рама, и его название все еще обладает властью. Люди Сухих Земель не любят в него входить. Посмотришь, что будет, когда соберутся все орды. Они будут разбивать лагеря за городом.

— Из страха перед Рама? Но ведь Рама давно исчезли.

— Конечно, но старые страхи умирают медленно,— Берильд рассмеялась своим странным смехом.— Кинон не суеверен, он должен быть в городе.

Когда они подошли ближе, их заметили.

Всадники пустили своих животных вскачь, а среди палаток показались фигурки людей, явно взволнованных их появлением.

Старк уверенно шел вперед. Лицо его застыло. Ему казалось, что мерцающая впереди дымка потемнела. На виске его пульсировала жилка.

Всадники Шуни подскакали к ним и окликнули. Берильд ответила, но Старк ничего не сказал. Он шел прямо, не сводя глаз с города. Берильд схватила его за руку и несколько раз тревожно окликнула:

— Старк! Я знаю, что у тебя на уме! Но не нужно. Ты должен подождать!

Он продолжал идти, не отвечая ей и вообще не обращая на нее внимания. Теперь они находились рядом с лагерем, и одни люди бежали им навстречу, выкрикивая имя Берильд, а другие спешили к коралловой лестнице, ведущей в город.

Лагерь каравана расположился у подножья этой лестницы, вырезанной в коралловом пьедестале, а неподалеку в коралле виднелось широкое углубление — вход в естественную пещеру. Люди выходили из нее с большими, наполненными водой бурдюками. Очевидно, в пещере находился источник.

Старк видел только огромную лестницу, ведущую вверх, и по мере того, как он к ней приближался, люди вокруг него замолкали. Они стояли и смотрели в лицо черного великана, а когда он поставил ногу на нижнюю ступеньку, то те, кто стоял поблизости, отошли подальше.

— Ты должен слушать! — Берильд находилась где-то там, по ту сторону пелены, окружавшей его. Она схватила его за руку и говорила ему прямо в ухо.

Взгляд Старка был прикован к Лухару, свежему после сна, с растрепанными светлыми волосами, с еще сонным, но быстро оживающим взглядом острых глаз.

— Я убью тебя, Старк,— сказал стоящий рядом с ним Кинон.— Я убью тебя, если ты не остановишься!

До Старка смутно донесся крик Берильд.

— Если б не он, я умерла бы в пустыне, Кинон!

— Если он спас тебя,— решительно взмахнул рукой Кинон,— я его отблагодарю. Но Лухара он трогать не должен! Иди сюда, Беридьд.

Голоса. Но что голоса для Н'Чака, когда пришло время мести!

Берильд приостановила его и торопливо пробежала мимо Лухара к Кинону, который держал револьвер наготове.

Он увидел, что выражение тревоги на лице Лухара сменилось торжествующей насмешкой. Человек, которого он пытался убить, вернулся живым, но сейчас он будет убит прямо здесь, и все будет кончено. Улыбка Лухара стала еще шире.

Берильд, пробегая мимо Лухара, будто на мгновение поскользнулась, но быстро восстановила равновесие.

Триумфальная улыбка на его лице внезапно потухла и сменилась выражением величайшего удивления.

Он стоял, глядя на прорезь в своей тунике, из которой текла кровь, а потом рухнул на камни.

И тогда Старк остановился. Он настороженно смотрел на упавшего Лухара, не понимая, что произошло, но Кинон понял все, и голос его прогремел:

— Берильд!

Она спокойно отбросила в сторону маленький кинжал. Его тонкое лезвие сияло на солнце, и красные капли стекали на каменные плиты. Берильд стояла спиной к Старку, и он не мог видеть выражения ее лица, но слышал горькую страстность в ее голосе, когда она обратилась к Кинону:

— Я была на краю смерти! Ты это понимаешь! Он мог бы меня прикончить.— Она проговорила последнее слово так, будто это было самое страшное слово в мире.— Так что же, Кинон? Будешь стрелять в меня?

Стояла мертвая тишина. Н'Чака исчез, а Эрих Джон Старк стоял и смотрел на мертвого венерианца. Сейчас он думал не о Лухаре. Он думал о том, что Берильд, должно быть, прятала кинжал все это время, и еще о том, сколько раз его спина была близка к тому, чтобы почувствовать его острие. И почему она произнесла странное слово, обвиняя Лухара в том, что он едва не прикончил ее?

Старк подошел к Кинону. Он увидел гневное выражение на его лице и подумал, что Кинон действительно был намерен стрелять.

Теперь ничто в облике Кинона не напоминало о жизнерадостном и фамильярном в обращении варваре. Вид у него был не дружелюбнее, чем у тигра.

— Черт тебя побери, Берильд! Этот человек был мне нужен! — резко бросил он.

Глаза Берильд блеснули.

— Так что же ты не падешь перед ним на колени и не покроешь его голову поцелуями? В своем желании убить Старка он не остановился перед тем, чтобы оставить в пустыне и меня. А ты хочешь, чтобы я ему простила.

У Кинона был такой вид, будто ему хотелось ее ударить. Но тут заговорил Старк:

— Где Фрека?

Кинон сразу же повернулся к нему, лицо его оставалось темным и опасным.

— Сдушай, Старк! Ты, а не Лухар лежал бы сейчас мертвым на камнях, если бы Берильд не воспылала жаждой мщения. Ты жив, и тебе повезло. Не начинай все сначала!

Старк, ничего не говоря, ждал, что Кинон скажет еще. Холодным голосом, как тот ветер, что дует уже с полчаса, Кинон продолжал:

— Фрека вместе с остальными уехал принимать воинов Сухих Земель в войско и готовиться к битве. Скоро они будут здесь. Когда он появится, я убью первого из вас двоих, кто сделает неверное движение. Ты слышал, Старк?

— Я слышу,— безучастно ответил Старк.

Кинон посмотрел на него в упор, стараясь вызвать мысли в его голове, и, видимо, решил не продолжать. Он проворчал:

— Черт бы побрал таких союзников. Застарелая ненависть, затаенная вражда! Вечно норовят вцепиться друг другу в горло.

— Я думал, что тебе нужны крепкие воины,— сказал

Старк.— Если же тебе нужны нежные сердца, любящие братья и все такое, то ты не там искал.

— Я начинаю думать, что так оно и есть,— нахмурился Кинон и добавил: — Ладно, что сделано, то сделано. Но ничего хорошего из этого не выйдет! Делгаун был в дружеских отношениях с Лухаром, и он захочет крови, когда узнает о случившемся. В таких случаях с ним трудно справиться.

Сердито повернувшись, Кинон направился к тому зданию, из которого вышел недавно. Берильд пошла за ним, на ходу бросив быстрый взгляд на Старка.

Тут послышался звук, от которого по коже Старка пробежали мурашки. Это было что-то вроде бормотания, пришедшего из тишины, окружающей город. Звук, нечеловеческий по своему тону, то взмывающий, то опадающий, как отдаленный голос. Задул утренний ветер, и вот этот звук пришел, казалось, вместе с ним. Старку все это не понравилось.

Вслед за Киноном он прошел в комнату, стены которой были сделаны из гладкого мрамора и украшены выцветшими фресками, изображавшими все те же фигуры в древних одеяниях, что украшали фасад дворца. Выцвели они неравномерно, и поэтому на одних вдруг выступало из тени лицо, гордое и насмешливое, с улыбкой на губах, или несколько фигур — на других.

Кинон подошел к деревянному столу, заваленному бумагами и удивительно не подходящему к окружающей обстановке.

— Я послал всадников отыскать вас,— резко бросил он.— Они вас не нашли. В окрестностях Синхарата вас не было. И вдруг вы появились неизвестно откуда.

Берияьд сказала:

— Твои всадники не могли нас найти. Мы прошли через Каменный живот.

— С одним бурдюком воды? Это невозможно!

— Но у нас было три бурдюка. Мы сняли два со спины вьючного животного, которое удалось поймать Старку. Они-то и спасли нам жизнь.

Итак, Берильд имела секреты от Кинона, и один из них — тайна источника в развалинах. Старк не удивился. Она была из тех женщин, что знают много тайн.

«Но и у меня тоже есть тайна, Берильд. И я даже тебе не скажу, что видел тебя бредущей в лунном свете так, будто ты была у этих развалин много лет назад, когда они еще не были развалинами».

— Путешествие наше приятным не назовешь,— продолжала тем временем Берильд.— Мне нужен отдых. Фианна спаслась?

Кинон, углубившийся в свои мысли, утвердительно кивнул ей.

— Да, спаслась и она, и большая часть твоих вещей.

Берильд ушла. Кинон проследил за ней взглядом и, когда она скрылась, обратился к Старку:

— Даже если есть вода, такое под силу только дикарю. Но я еще раз тебя предупреждаю: умерь свой пыл! Особенно с Делгауном!

— Жители Сухих Земель, Лау-канала — чужеземцы. Сможешь ли ты помешать им вцепиться друг другу в горло?

— Клянусь всеми богами, я это сделаю, даже если мне самому придется рвать глотки! — с яростью крикнул Кинон.— Мы можем захватить весь мир, и помешать этому могут только старые счеты, из-за которых в прошлом летело в тартарары много блестящих планов. Но мои планы из-за этого не рухнут!

«Еще как, если мне это удастся»,— подумал Старк. С той самой минуты, как Энтон дал ему поручение, он понял, что единственной опорой задуманного могут быть старые марсианские распри. Единственный его шанс на успех — возможность натравить друг на друга старых врагов. Но как это сделать, он пока еще не знал.

— Иди же, отдохни,— мрачно сказал Кинон, заметив, что Старка покачивает от усталости.— Потом придешь сюда. Ты, конечно, можешь быть дикарем, но все же ты настоящий человек, если сделал то, что сделал.

Он подошел ближе к Старку и добавил:

— И должен тебе сказать, что я не люблю людей, которые сильны так же или почти так же как я!

Старк пошел в указанном ему направлении по широкому мраморному коридору. В углу первой же комнаты, куда он заглянул, находилась постель. Он рухнул на нее и забылся тяжелым сном.

Но даже окунаясь в сон, он слышал слабый, отдающий эхом шепот снаружи, бесхитростное бормотание, возвышающее теперь до странности пульсирующий и поющий звук. Как погребальная песнь древнего Марса, он проплыл над мертвым городом.

ГЛАВА 9

Когда Старк проснулся, в комнату проникал слабый красный луч заходящего солнца. Проснулся он от чьего-то присутствия и увидел Фианну, сидящую у стены напротив. Она смотрела на Старка, и ее темные глаза были серьезны.

— Ты так стонал во сне,— сказала она, печально улыбаясь,— как огромное животное.

— Может быть, я и есть такое животное,— ответил он.

— Может быть,— согласилась она.— Но в таком случае я вот что тебе скажу: ты попал в ловушку!

Она встала, и каждая клеточка ее прекрасного тела выражала тревогу. Подойдя вплотную к постели, Фианна посмотрела ему в лицо.

— Что ты имеешь в виду, детка?

— Не называй меня так,— вспыхнула она.— Глупа и наивна не я, а ты! Если бы это было не так, то тебя не было бы в Синхарате.

— Но ты же здесь, Фианна.

Она вздохнула.

— Знаю. Это совсем не то место, где я хотела бы

быть. Но я служу госпоже Берильд и вынуждена идти туда, куда она меня везет.

Мгновение он смотрел на нее острым взглядом.

— Ты ей служишь, но ты ее ненавидишь!

Фианна поколебалась.

— Я ненавижу ее. Иногда я ей завидую. Она живет так полно, и жизнь ее — сплошная радость. Но я боюсь ее. Боюсь того, что она и Кинон могут сделать с моим народом.

— Будучи животным, я озабочен тем, где бы мне укрыться. Ты говорила о ловушке.

— Дело в том, что ты нужен Кинону, чтобы натренировать его людей, когда они соберутся, но Делгаун и его наемники нужны Кинону еще больше. Если Делгаун попросит твоей смерти за смерть Лухара...

— Тогда Кинон, хоть и с сожалением, но пожертвует своим воином, чтобы ублажить жителей Лау-канала,— продолжил за нее Старк.— Спасибо. Но это я уже и так знаю.

— Ты можешь скрыться отсюда до прихода Делгауна,— с надеждой сказала Фианна.— Если ты украдешь животное и воду, то сможешь бежать.

«Нет,— подумал Старк.— Если бы я хотел спасти свою шкуру, я, может быть, так и поступил бы. Но Энтон будет ждать меня в Тараке, а я не смогу подойти к нему и сказать, что пришлось все бросить из-за слишком большой опасности для меня. Кроме того, здесь есть нечто такое, чего я не могу понять, но непременно должен это сделать».

Фианна, наблюдавшая за выражением его лица, внезапно сказала:

— Ты собираешься остаться. Только не выдумывай ложных причин. Ты остаешься здесь из-за Берильд!

Старк улыбнулся.

— Все женщины думают, что у мужчины не может быть другой причины, кроме женщины.

— А мужчины отрицают, даже когда это правда,— сказала девушка.— Скажи мне, вы с Берильд любили друг друга в пустыне?

— Ты ревнуешь, Фианна?

Он ожидал, что она с жаром станет отрицать подобную возможность, но ничего подобного не произошло. В ее глазах появилось жалобное выражение, и она тихо сказала:

— Нет, не ревную, Эрих Джон Старк, мне просто грустно.

Внезапно она встала и сухо произнесла:

— Я пришла для того, чтобы отвести тебя к госпоже Берильд.

Глаза Старка сузились.

— Сейчас, когда здесь Кинон? Понравится ли это ему?

— Хорошо, что ты об этом думаешь,— улыбнулась Фианна.— Кинон внизу, в лагере, а госпожа хочет жить здесь и ни в каком ином месте. Пошли, я отведу тебя.

Старк вышел вместе с девушкой на большую площадь. Площадь была пустынна. Украшенные скульптурами стены и башни, окутанные молчанием, вздымались вверх. Шаги Старка и Фианны отдавались в тишине гулким эхом.

Вечерний ветер освежил его лицо своим дыханием. Внезапно Старк остановился. Он снова услышал звук, начавшийся, как едва слышная вибрация и сделавшийся потом невнятным бормотанием, приходящим ниоткуда. Казалось, что Синхарат не только слушает и наблюдает, но и говорит.

Потом этот шепот разбился на отдельные музыкальные голоса, идущие будто из самой коралловой скалы, на которой покоился город. Голоса флейт из высоких башен, ловящих последние лучи заходящего солнца, резкие, отдаленно похожие на дудки пустыни голоса из тех домов, что стоят на краю города.

Старк схватил Фианну за руку.

— Что это?

— Голоса Рама.

— Не дури,— грубо оборвал он ее.

— Все жители Сухих Земель верят в это,— пожала

плечами Фианна.— Они не хотят входить сюда. Другие говорят, что это ветер воет в углублениях и расщелинах.

Старк понял. Массивный коралловый пьедестал, на котором стоял город, представлял собой гигантскую раковину, пронизанную множеством крохотных отверстий, и ветер, проникая в них, действительно мог породить подобные сверхъестественные звуки.

— Не удивительно, что варвары его не любят,— пробормотал он.— Я варвар, и мне он тоже не нравится.

Они шли по улицам, что, подобно тоннелям, лишенным крыш, вились между стен и башен, невероятно тонких и высоких на фоне вечернего неба. Некоторые из них потеряли свои верхние этажи, у других вообще обваливалась вся сердцевина, но стены продолжали стоять и были прекрасны. По мере изменения ветра менялись и голоса Синхарата. Иногда они были мягкими и нежными, бормотали что-то о вечной юности и наваждениях, иногда становились сильными и яростными, наполненными гордыми криками, иногда делались безумными, полными хохота и ненависти, но всегда в их пении присутствовало что-то дьявольское.

Для внешнего мира, даже для Валкиса, Рама были не только легендой, которую варвар сумел использовать, чтобы придать ореол своему существованию; здесь же, в Синхарате Рама казались очень реальными. Старк начал понимать, почему мир так долго боялся их, ненавидя их и завидуя им.

Фианна провела его в запертую часть города, наиболее удаленную от огромной лестницы, и ввела в здание, которое громоздилось в темноте, подобно волшебному замку. Они прошли по широкому коридору, где факелы, горящие на стенах, роняли дрожащие пятна света на изображенных под ними танцующих девушек, так что они казались живыми. Фианна открыла дверь и отступила, пропуская Старка.

Комната была низкой и длинной, ее заливал мягкий свет, идущий из ламп, одетых в тонкое, как бумага, алебастровое покрытие. Берильд шла ему навстречу.

Это была не Берильд пустыни. На ней был украшенный драгоценностями пояс, широкий воротник, составленный из зеленых камней, сверкал на ее шее, опускаясь на прекрасную грудь, а с плеч спадал белый плащ.

— Я ненавижу развалины, которые Кинон выбрал для себя,— сказала она.— Здесь гораздо лучше. Как ты думаешь, здесь жила королева?

— Она живет здесь теперь,— ответил Старк.

Взгляд ее смягчился. Старк взял ее за плечи, и на губах ее заиграла насмешливая улыбка.

— Но если я королева, то не для тебя?

Улыбка с лица Берильд внезапно исчезла, и она отбросила его руки.

— Для этого нет времени,— сказала она.— Я послала за тобой, чтобы поговорить об опасности. Ты можешь не пережить сегодняшнюю ночь.

— Если ты намеревалась отвлечь от себя мое внимание,— заметил Старк,— ты выбрала верный путь!

Его мрачная шутка не вызвала ответной улыбки Берильд. Она взяла его за руку и подвела к окну.

Эта часть здания высилась прямо над краем коралловой скалы. За окном открывался вид на бездонную пустыню марсианской ночи. Было время, когда луна еще не появилась, но небесный свод был уже усеян звездами.

У подножия скалы мерцали огни лагеря. Слышны были голоса поющего ветра, гуляющего по скале. Доносились и звуки лагеря.

— Кинон там,— сказала Берильд.— Он ждет Делгауна и остальных. Они должны появиться сегодня ночью.

Мускулы Старка напряглись. Развязка приближалась быстрее, чем он этого ожидал.

Он пожал плечами.

— Значит, подходит Делгаун? Я не боялся его в Валкисе, не испугаюсь и в Синхарате.

— Бойся его,— сказала Берильд, пристально глядя на Старка.— Я хорошо знаю Делгауна.

Их лица были рядом, и на лице Берильд Старк

увидел то выражение, которое уже доводилось видеть ему раньше.

— Откуда ты можешь его хорошо знать? Ты женщина из племени Шуна, а он из Валкиса.

— Неужели ты не понимаешь, что Кинон уже много месяцев ведет дела с Делгауном? — нетерпеливо проговорила Берильд.— Ты думаешь, что за это время я не смогла бы изучить человека и понять, что он опасен?

— Меня трогает твоя заботливость. Если только... если только она искренна.

Старк ожидал, что Берильд рассердится за такие слова, но этого не произошло. Она продолжала пристально смотреть на него, потом сказала:

— Ты сильный, а мне может понадобиться сильный союзник.

— Чтобы тебя защищать? Но у тебя есть Кинон!

— Для защиты мне не нужен никто! — надменно проговорила она.— Что же касается Кинона, я стою у него на втором месте. На первом у него честолюбие! Он без особых раздумий отбросил бы меня как ненужную вещь, если бы это потребовалось для осуществления его планов.

— А ты не любишь, когда тебя отбрасывают в сторону,— заметил Старк.

— Не люблю,— вспыхнули ее глаза.

— Итак, дикарь может оказаться полезным. Знаешь, Берильд, твоя честность просто восхищает.

Она насмешливо улыбнулась.

— Это лишь малая часть того, что есть во мне восхитительного.

— Когда приедет Делгаун? Поднимутся ли люди племен в Синхарате вместе с ним и Кинoном?

— Да, потому что сегодня Кинон собирается поднять свои знамена. Для этого они и придут сюда, хотя испытывают некоторый трепет перед этим местом.

Старк с любопытством посмотрел на нее и сказал:

— Ты говоришь о суеверии племен, но ведь ты сама из Шуна.

— Это так, но я не верю в то, во что верят они. Кинон научил меня. Он сам многому научился в чужих мирах, а я узнала это от него.

— Ты научилась от него и честолюбию,— сказал Старк.

— Да, научилась. Я устала быть только женщиной. Я хочу держать мир в своих ладонях.

Старк смотрел на нее и думал, что опасения Энтона усилились бы, если бы он узнал, что эта женщина может представлять для Марса такую же угрозу, как Делгаун и Кинон. Внезапно порыв ветра донес до них взрывы торжественных возгласов.

Вдали в пустыне показалась вереница огней. Это был караван Делгауна, движущийся к Синхарату.

Внизу под скалой забили барабаны, завизжали дудки, вспыхнули факелы.

— Я должен идти,— сказал Старк.

Он вышел из комнаты и лицом к лицу столкнулся с Фианной.

— Ты подслушивала?

Девушка не стала отрицать.

— Я не могу видеть, как глупое животное подставляет свою шею под нож. И я хочу тебе кое-что сказать, Эрих Джон Старк.

— Да?

— Не доверяйся чересчур Берильд. Она не совсем такая, какой кажется. Думал ли ты о том, что Рама прошлых лет не все вымерли?

Неясные подозрения, с которыми Старк вышел из пустыни, нахлынули на него с новой силой.

— Что ты имеешь в виду?

Но Фианна оставила его, ускользнув, как тень. Старк вышел на молчаливую улицу.

Бой барабанов эхом плыл над Синхаратом.

ГЛАВА 10

Свет и звуки разорвали тишину большой лестницы Синхарата. Первыми шли факельщики, высоко подняв горящие факелы. За ними — Кинон с прибывшими союзниками, и наконец люди племени.

По мере того, как процессия поднималась по лестнице, темная западная часть города все больше освещалась. Древний камень, столетиями не видевший ничего, кроме темноты, в триумфе поглощал красные лучи. Но, несмотря на торжественность, громкий бой барабанов и визг дудок, глаза людей, поднимавшихся по лестнице, наполнялись беспокойством.

Старк терпеливо ждал процессию в глубине дверного проема того здания, где размещался штаб Кинона.

Он увидел, как факельщики, барабанщики, дудочники и воины вышли на огромную площадь и двинулись по ней. Кинон устроил по-настоящему хорошее представление, подумал он, оно могло кого угодно убедить, что люди Кеша и Шуна, а также Лау-канала теперь друзья и союзники.

Кинон поднялся по ступеням, ведущим к старому зданию, и остановился в нескольких ярдах от того места, где притаился Старк. Он повернулся к факелам, к блестящим шпагам и яростным лицам.

— Принесите знамя! — крикнул он.

Вперед с решительным лицом вышел высокий варвар с черным шелковистым знаменем на длинной веревке. Полным театральности, но от этого не менее внушительным жестом Кинон встряхнул полотнище так, что оно затрепетало на холодном ветру.

— Я вздымаю знамя Смерти и Жизни. Смерть врагам, жизнь, бесконечная жизнь всем нам!

Шелковое знамя развернулось на ветру, показывая всем две белые короны и красную шпагу под ними.

Крик толпы был подобен реву огромного животного... При свете факелов Старк внимательно вглядывался в

лица людей, одетых в чужеземные одежды. Впереди всех стоял Делгаун.

— С нами не только знамя, но и сильный союзник,— продолжал говорить Кинон.— В этой новой эре, что начинается сейчас, старые распри должны быть забыты! Делгаун из Валкиса будет плечом к плечу стоять с нами в этой битве, а рядом и люди из Лау-канала!

Делгаун подошел к Кинону и стал рядом с ним. Он обернулся и поднял руку. Толпа закричала, но крик был не очень радостным.

Кинон действовал хитро. Он не дал людям времени на обсуждение и громко заявил:

— А когда Кеш, Шуни, Валкис и Джакар вместе поднимут против Пограничных Штатов оружие, с нами будут драться храбрые люди и из других миров!

Уэлш и еще двое услышали сигнал к своему выходу и тоже поднялись по ступеням к Кинону. Тут вышел и Старк и стал рядом с Делгауном, с улыбкой глядя на него. Громко, так, чтобы все слышали, он сказал:

— Я тоже приветствую моего брата и товарища по оружию Делгауна из Валкиса. Ведь мы вместе встаем под ваше знамя!

Он традиционным жестом положил руку на плечо Делгауна. Золотистые глаза валкисянина вспыхнули ярко, как у орла, а рука под плащом шевельнулась. Он хрипло произнес:

— Ты, ублюдок...

— Хочешь все испортить? — тихо, голосом дрожащим от страха и злости проговорил Кинон.— Скажи ответное приветствие.

Медленно, будто рука его весила неимоверно много, Делгаун поднял ее и положил на плечо Старка. На лице его выступил пот.

Старк весело подмигнул ему. Он неплохо сыграл свою роль. Делгаун попытается его прикончить, это несомненно, но не сможет сделать это теперь в открытую. Товарищество по оружию — святое дело для варваров.

— Всадники скачут в эту ночь по Сухим Землям! —

выкрикнул Кинон, обращаясь к толпе.— Воины всех племен скоро соберутся здесь! Идите вниз и готовьтесь их встречать! И помните...

Он сделал драматическую паузу и продолжал:

— Помните, что не только за самой лучшей в мире добычей, но и за бесконечной жизнью, которую нам дадут передающие души!

Толпа разразилась воплями, но Старку показалось, что каменные лица Рама, взиравшие сверху, полны насмешки.

Кинон резко повернулся и направился в зал Совета, все последовали за ним.

В комнате, освещенной огнями факелов, он обернулся. Вид у него был свирепым, как у разъяренного льва.

— Старк, с тех пор как ты у нас, пошли сплошные раздоры,— процедил он сквозь зубы.

Старк спокойно ответил:

— Старый враг хотел меня убить, а я, выжив, пытался убить его. Разве на моем месте ты поступил бы иначе?

Он пристально посмотрел на Делгауна.

— Лухар был моим врагом, но я не понимаю, почему меня должен ненавидеть Делгаун! Давайте все выясним. Есть у тебя причины ненавидеть меня, Делгаун? Если есть, то скажи сейчас, здесь.

Золотистые глаза смотрели на него в упор с помертвевшего лица. Губы Делгауна шевелились, но он молчал.

«Черт возьми, он не может даже говорить»,— подумал Старк.

— Ты ненавидишь меня из-за ревности к Берильд, но не осмеливаешься в этом признаться!

Наконец Делгаун пробормотал:

— Должно быть, я неправ. Наверное, против Старка меня настроил Лухар.

— Тогда все решено,— сказал Кинон.

Он подошел к столу и сел. Прежде чем заговорить, внимательно осмотрел всех присутствующих.

— Завтра начнут подходить воины. Я хочу, чтобы

из них начали формировать отряды и принялись их обучать. Эррод, ты поможешь в этом Старку. Через два дня здесь должен быть корабль Кинхтона с необходимым нам оружием. Я хочу, чтобы наши войска вышли из Синхарата не позже чем через две недели.

Хотя голос Кинона оставался твердым и решительным, взгляд его стал мрачным.

— Мы нападем прежде всего на Варл и Катуун. Они получили достаточно предупреждений и держат ворота на запоре. Мои люди сделают вид, что начинают осаду. Потом мы ненадолго отступим, потому что в это время подоспеет помощь из двух соседних городов.

Мрачная улыбка скривила губы Делгауна.

— Да, помощь из Валкиса и Джакара. Мои люди с Лау-канала поспешат на помощь Пограничным Штатам. А когда ворота распахнутся, мы вместе войдем в них.

— Умно,— сказал Уэлш с восхищением, и на его грубом лице появилась улыбка.

Кинон поднял руку, призывая к вниманию.

— Падение Варла и Катууна прорвет цепь Пограничных Штатов. Мы двинемся по этой цепи дальше и через шесть месяцев будем в Кахоре.

Темис, молчаливый темнолицый человек, спросил:

— Как насчет правительства Земли?

— Принцип невмешательства в марсианские дела долгое время был ее политикой. Будет, конечно, крик, будут протесты, но ничего более. Мы получим власть и самую лучшую добычу в мире.

Старк похолодел. Он не мог найти в этом плане ни одной ошибки. План должен был сработать. В Пограничных городах будут умирать люди, и большей частью это будут воины Сухих Земель. Так что умные воры Лау-канала загребут жар чужими руками.

Необходимо было действовать, чтобы не случилось непоправимое.

— Вот так! У вас есть работа, и она будет нелегкой. Приступайте к ней с первыми лучами солнца.

Все присутствующие направились к двери, но голос Кинона остановил их.

— Еще одно. Душой этой войны является жажда бессмертия, жажда узнать тайну Рама.— Если кто-то из вас пустит слух, что я не знаю тайны Рама, позволит себе улыбнуться при упоминании о Передающих душу...

Он не закончил, да и в этом и не было нужды. На лице Кинона была написана такая угроза, передать которую словами было невозможно.

Старк подумал, что если его подозрения верны, то шутку сыграли с самим Киноном, причем шутку мрачную, ужасную. Если Берильд...

Он не позволил себе закончить эту мысль. Такое было невозможным. Считать, что старая темная тайна Марса жива только потому, что он увидел, как женщина бродит в лунном свете и слышал мрачные намеки девушки, подсказанные ей ревностью, слишком фантастично. Нужно об этом забыть.

Но забыть об этом Старк не мог. Каждый день он проводил внизу в пустыне, обучая военному делу людей Кеша и Шуна, прибывающих сюда из далеких оазисов. Он слышал разговоры этих воинов. Больше они говорили о бесконечной жизни, чем о добыче. Они впивались глазами в черное знамя с белыми коронами над алой шпагой, когда вслед за Киноном его проносили по полю.

Вскоре прибыл корабль Книхтона с оружием. Его быстро разгрузили и он в тот же день вновь улетел за оружием. Приходили люди из Валкиса, Джаккары, Каракеша. С ними Кинон и Делгаун вели беседы, устанавливая время и место главного удара по Границе. Потом эти люди снова уходили.

С остатком воинов Шуна подошел Фрека. Старк видел, как высокий вождь варваров скакал со своими людьми по лагерю, выросшему теперь до размеров целого города, слышал крики приветствий. Немного позже он отправился с отчетом к Кинону, и Фрека стоял перед знаменем вместе с ним.

Старк чувствовал на себе его взгляд, но все же Фрека не сделал к нему ни одного движения.

— Вы оба предупреждены,— коротко бросил Кинон.— Повторять я не буду.

Старк сдал рапорт о готовности воинов и пошел прочь, провожаемый горящим взглядом Фреки.

В эти дни, заполненные делами и суетой, Старк не видел Берильд. Однажды вечером, оставив Кинона и Делгауна в лагере и поднявшись по огромной, залитой светом лестнице, он направился к тому месту, где находился дом, выбранный Берильд.

Необходимо было наконец пролить свет на то смутное и странное сомнение, что столько времени не давало ему покоя.

Ветер гулял в расщелинах коралла. Улицы Синхарата вибрировали от бормотания, усилившегося по мере того, как тускнел свет и увеличивался ветер.

С мраморных стен на него с тайной усмешкой на лицах смотрели люди Рама.

Старк уже вступил на ту улицу, которая была ему нужна, но внезапно остановился. В дальнем конце погруженной во мрак улицы он увидел закутанную в плащ фигуру. При его появлении фигура исчезла. Старк подумал, что это Берильд, и последовал за ней. Но, сам того не замечая, умерил свои шаги и уже крался очень тихо и осторожно, как песчаный кот на охоте.

Когда улица сделала поворот, он потерял фигуру из виду.

Старк постоял, не зная, в какую сторону ему податься; шепчущие голоса издевались, смеялись над ним.

Узкий переулок, начинавшийся рядом с тем местом, где он стоял, вел к более широкой улице, на которой высилось великолепное белое здание. На песке и пыли, покрывавших мостовую, виднелась цепочка следов. Он пошел по следам и так же, по следам, вошел осторожно в здание.

Внутри было немного темнее, чем на улице. Свет

проникал через высокие окна над галереей, что опоясывала огромный купол высоко над полом. Света было, однако, достаточно, чтобы осветить большой круглый и абсолютно пустой зал. На стенах были надписи. Фигура стояла у одной из стен и читала эти надписи.

Старк почувствовал, как на него вдруг пахнуло холодом неведомого мира.

Надписи были сделаны на древнем языке Рама, который был недоступен людям уже тысячи лет!

«Эта женщина — ведьма,— предупредил его инстинкт.— Она не совсем человек. Боги!» Огромным усилием воли он заставил себя остаться в тени у двери. Он увидел, что, немного почитав еще, Берильд поникла головой, будто терзаемая мучительной болью.

Потом она резко отвернулась от надписи, и сандалии ее застучали по пыльным плитам. Она подошла к подножию винтовой лестницы, ведущей на галерею, и поднялась по ней. Там она приблизилась к одному из высоких окон и остановилась, глядя в пространство.

Ветер шумел и свистел в дверях и окнах, и шум его заглушил шаги Старка, когда он тоже поднялся по лестнице. Наверху он остановился в дюжине шагов от молчаливой женской фигуры.

— Картина не такая, какой ты ее помнишь, да, Берильд? — тихо сказал он.— Тогда вокруг играла вода океана и плавали корабли?

ГЛАВА 11

Берильд не оглянулась.

Она вела себя так, будто не слышала его слов, стояла абсолютно спокойно, слишком спокойно. Старк подошел к окну и стал рядом с ней. Умирающий свет пустыни освещал насмешливую улыбку на ее губах.

— Что тебе приснилось на этот раз, дикарь?

Для чуткого слуха Старка ее насмешка прозвучала слегка нарочито.

— Ты — Рама,— сказал он без всякого выражения.

— Но ведь Рама жили давным-давно,— возразила она.— Если бы я принадлежала к их числу, я была бы очень старой. Сколько же мне было бы лет?

Ее тон не мог его обмануть.

— Вот это и я хотел бы знать, Берильд. Сколько тебе лет? Тысяча... десять тысяч? Во скольких телах ты жила?

И в ту же минуту, когда Старк облек в слова свою давнюю мысль, она показалась ему еще более ужасной, чем раньше. Должно быть, часть этого ужаса отразилась на его лице, ибо он увидел, что в глазах Берильд загорелся опасный огонек.

— То, что ты сейчас сказал, безумие. Кто вложил в твою голову такие мысли?

— Женщина, бродящая среди лунного света,— пробормотал он.— Женщина, прокладывающая себе путь среди стен и дверей, исчезнувших столетия назад. Она могла знать о них только потому, что помнила их.

Казалось, что Берильд почувствовала некоторое облегчение. Она неторопливо проговорила:

— Почему ты об этом не спросил? Почему держал свои сомнения при себе? Я бы могла тебе рассказать, что эту тайну доверил мне отец: по какому пути идти, сколько шагов делать в одном направлении, сколько в другом. А ты подумал...

Она снова рассмеялась.

— Я тебе не верю,— сказал Старк.— Ты не отмеряла шаги, ты просто брела, вспоминая.

Он шагнул к Берильд и заглянул ей в лицо.

— Ты все время смеялась над Киноном, не так ли? Настоящая Рама, смеющаяся над тем, кто им прикидывается.

Медленно, голосом, в котором не было и тени смеха, Берильд проговорила:

— Забудь обо всем, Эрих Джон Старк. То, что ты говоришь — безумно! Оно может стоить тебе жизни!

— Сколько вас, Берильд? Сколько вас прошло через века, тайно скрываясь в чужих телах, смеясь над миром, который думает, что вы совсем исчезли.

— Говорю тебе еще раз,— шепотом, полным угрозы, произнесла Берильд.— Забудь об этом!

— Вас должно быть, по крайней мере, двое, чтобы один мог использовать на другом действие Передающих Душу,— сказал Старк.— И кто может быть этим другим, как не ревнивец, сказавший: «Что тебе в этом существе на час». Это он, не так ли Берильд?

Голосом, дрожащим от ярости, Берильд крикнула:

— Я не желаю больше слушать твой бред! Не ходи за мной! Мне психи не нужны!

Круто повернувшись, она пошла, почти побежала вниз по ступеням и дальше на улицу.

Старк остался стоять. Мысли вихрем проносились в его голове. Берильд была такой живой и теплой, и руки ее обвивались вокруг его шеи. Так неужели в этом полном страсти теле женщины Шуна живет женщина Рама?

Он посмотрел в открытое окно. Всходили луны, и свет разливался по пустыне. Внизу под скалой, на которой покоился Синхарат, мерцали огни лагеря. Ветер доносил до Старка шум голосов, крики животных — звуки нормального, здорового мира.

Старк сказал себе, что воображение обмануло его, но понимал, что это не так.

Пока он стоял, в голову пришла одна мысль. Если это было правдой, и Берильд с Делгауном действительно Рама, то значит, поход варваров за добычей и властью направлен умом таким же старым и дьявольским, как сам Синхарат. И все же победителем должен быть Кинон, а не Рама. Не потому ли Берильд стала его женщиной, чтобы направлять его?

Он отвернулся от окна. Уже совсем стемнело, и зал был погружен во мрак. Ужас охватил Старка, он сбежал по лестнице и вышел на улицу.

Он шел по молчаливым улицам Синхарата, думая о

том, что ему делать дальше. Он должен помешать планам Кинона. Теперь, когда он узнал, что за планами его стоят дьявольские силы, эта необходимость еще больше возросла. Следует ли рассказать Кинону о Делгауне и Берильд? Он только посмеется над ним. Ведь у него нет доказательств.

Вдруг Старк остановился, его интуиция подсказывала, что появилась какая-то опасность. Он прислушался. Все тихо, на улицах не заметно никакого движения.

Он снова двинулся, но, пройдя дюжину шагов, остановился. Каждая клеточка его тела говорила, что за ним кто-то наблюдает.

На этот раз он услышал шорох осторожных шагов в тени узкой улицы. Старк положил руку на пистолет, и голос его прогремел на всю улицу:

— Выходи!

Из тени выступила согнутая фигура и направилась к нему.

Вначале он не узнал высокого вождя варваров Фреку в этой горбатой фигуре. Потом Фрека вышел в полосу лунного света, и Старк увидел его лицо, напряженное и ухмыляющееся. Старк понял, что Фрека находится под сильным действием Шанга и в настоящее время больше животное, чем человек. Его не волновал направленный на него пистолет. Единственное, что его занимало,— звериная ненависть.

— Назад,— тихо сказал Старк,— или я убью тебя.

Но он знал, что не сможет этого сделать, что угроза его пустая. Если он убьет Фреку, то тем самым подпишет себе смертный приговор.

Во внезапном озарении Старк осознал искусность ловушки. Без сомнения, ее расставил Делгаун. Никто другой не достал бы для Фреки Шанга. Делгуан играл беспроигрышно.

Тогда Старк повернулся и побежал. Он бежал в направлении видневшегося огонька. Если бы он мог добежать до такого места, где остальные увидели бы, что Фрека преследует его и хочет напасть..

Это ему не удалось. Фрека мог бежать под действием Шанга быстрее его. С рычанием он настиг Старка, и руки его обвились вокруг его головы, а зубы впились Старку в шею.

Старк почувствовал, что падает, и сделал движение, пытаясь смягчить падение. Он проехался головой по камням мостовой, едва не потеряв сознание от удара. Попытавшись избавиться от повисшего на нем существа, потерял пистолет. Старк с трудом поднялся на ноги.

Фрека снова повис на нем, и Старка обуял непреодолимый ужас. Он схватил варвара за длинные волосы и оттянул голову Фреки от своего горла. Скоро держать его на расстоянии стало невозможно, и Старк, зажав волосы в руках, ударил Фреку головой о камни. Тот продолжал выть и цепляться за Старка, и ему показалось, что это существо неуязвимо.

Старк начал впадать в панику. Смутно он слышал чьи-то крики, но, объятый истерической яростью, все бил Фреку головой о камни.

Голос Делгауна прозвучал совсем рядом, и Старк поднялся на ноги, моргая от яркого света факелов.

— Он убил Фреку... Копье мне!

Старк видел других людей, и у всех лица были перекошены от ярости. Он увидел также полное ужаса лицо Уэлша, а потом все эти лица заслонило лицо Кинона.

— Я предупреждал тебя, Старк!

— Этот человек был под действием Шанга. Он был животным, напавшим на меня,— с трудом выдавил Старк.— Я знаю, что его натравил на меня Делгаун...

Огромный кулак Кинона ударил Старка по губам, и он откачнулся назад. Тотчас его подхватило несколько крепких рук.

— Кровь за кровь Фреки! — крикнул один из воинов Шуна.— Пока все люди нашего племени не увидят смерти этого человека, мы за тобой не пойдем!

— Вы ее увидите,— сказал Кинон.— Все ее увидят.

И вы, братья, будете тем оружием, что отомстит за кровь Фреки!

— Ты, идиот! — крикнул объятый яростью Старк.— Ты делаешь вид, что знаешь тайну Рама, а сам настоящая игрушка в руках..

Тут Старк получил удар рукояткой копья по затылку и провалился в темноту.

Очнулся он на холодных сухих камнях. Вокруг его шеи обвивался железный воротник, от которого к кольцу в стене тянулась железная цепь. Камера была маленькой, дверью служила железная решетка, а за ней виднелась шахта с расположенными по кругу дверями в такие же камеры. Вместо потолка была каменная стена. Старк догадался, что это место находилось под одним из внутренних дворов здания.

Горел чадящий факел. Других пленников не было, зато был охранник — широкоплечий варвар. Он сидел на камне в центре шахты, рядом стоял кувшин с вином и лежало копье. Это тот самый воин Шуна, который требовал смерти Старка. Сейчас он смотрел на него, улыбаясь.

— Зря ты так долго спал, чужеземец. У тебя ведь осталось только три часа до утра. А когда придет утро, ты умрешь на большой лестнице, чтобы все люди Шуна видели это!

Он отпил из кувшина и снова улыбнулся.

— Смерть наступает быстро, если точен удар. Но если удар неточен, то она приходит нескоро и несет в себе невыносимую боль. Думаю, что вторая, медленная, будет твоей.

Старк ничего не ответил. Он ждал с нечеловеческим терпением, с каким ждал в свое время преследователей за камнями.

Стражник снова рассмеялся и поднял кувшин. Глаза Старка сузились. Он увидел, как чья-то тень метнулась из темноты за спиной пьющего человека. Старк подумал, что знает, кто это крадется.

Делгаун наверняка хочет обставить дело так, чтобы

он не вышел на большую лестницу и не выкрикнул перед смертью своих безумных обвинений.

Он подумал, что у него не осталось даже и трех часов.

ГЛАВА 12

Потом, внезапно обретя форму, тень возникла за спиной воина. Это была Фианна! Ее юное лицо было бледным, но рука, державшая револьвер, не дрожала.

Револьвер выстрелил, и страж упал головой вперед, кувшин покатился, оставляя за собой красную дорожку.

Переступив через безжизненное тело, Фианна подошла к Старку, разомкнула железный воротник ключом, снятым с пояса часового.

— Я тебе очень благодарен, Фианна, но если кто-то узнает о том, что ты сделала, ты умрешь.

Она бросила на него странный пристальный взгляд. Факел освещал ее лицо, казавшееся совершенно незнакомым. Ему захотелось получше рассмотреть, что таится в глубине ее глаз.

— Я думаю, что скоро должны умереть очень многие,— отозвалась она.— Для Синхарата наступили тяжелые времена, черные, и никому не ведомо, насколько они черные. Я пошла на риск ради тебя потому, что считаю тебя единственной своей надеждой — может быть, даже единственной надеждой мира.

Старк привлек ее к себе и поцеловал, погладил по темно-рыжей головке.

— Ты слишком молода, чтобы решать судьбу мира.

Он почувствовал, как она задрожала.

— Молодость тела — только иллюзия, когда разум стар.

— А твой разум стар, Фианна?

— Да, так же, как и разум Берильд.

Слова ее прозвучали, и все вокруг погрузилось в тишину. Но Старку показалось, что между ним и девушкой есть что-то вроде огромной пропасти.

— Так ты тоже? — прошептал он.

— Я тоже,— шепотом ответила она.— Я одна из Дважды Рожденных Рама, как и те, кого ты знаешь под именами Берильд и Делгауна.

Он не мог осознать услышанное до конца.

— Но сколько же вас здесь тогда?

— Я не уверена, но думаю, что нас осталось только трое. Теперь ты знаешь, почему я следую за Берильд и служу ей. Она и Делгаун владеют этой тайной. Они знают, где спрятаны короны Рама. Это где-то здесь, в Синхарате, а я не знаю этого. Они дают мне жизнь от одного срока к другому, так что я живу только по их милости. И так продолжается очень, очень давно.

Повинуясь безотчетному чувству, Старк снял руки с ее плеч и отступил назад. Фианна посмотрела на него и сказала печально, но без упрека:

— Я не виню тебя. Я понимаю, кто мы есть. Вечно юные, вечно живущие похитители чужих жизней. То, что началось давным давно в Синхарате, было неверным, неверным с самого начала. Я понимала это, хотя и меняла жизни. Но вот что я тебе скажу: самый дьявольский изо всех приговоров — приговор к жизни!

Старк снова приблизился к ней и положил руки ей на плечи.

— Кем бы ты ни была в прошлом и настоящем, Фианна, я считаю тебя своим другом.

— Я буду твоим другом и другом всех племен, живущих на Сухих Землях. Они не должны идти по Марсу, захлебываясь в собственной крови. Ты мне поможешь это сделать?

— Ради этого я здесь и нахожусь!

— Тогда идем со мной,— сказала она, и, тронув ногой тело воина, добавила: — Возьми его. Не нужно, чтобы его здесь нашли.

Взвалив тело часового на плечи, Старк вслед за девушкой направился по извилистым коридорам, погруженным в тьму. Она шла так уверенно, будто ее путь лежал через центральную площадь.

— Это здесь, будь осторожен,— наконец прошептала Фианна. Она протянула руку, желая помочь Старку, но тот видел в темноте, как кошка. Они вышли к тому месту, от которого начинались подземные пути.

Черные дыры, как безумные рты, зияли в коралловой стене. Это были входы в неведомые катакомбы. Старк опустил тело в ближайшее отверстие, а копье оставил себе.

Прислушиваясь к тому, как затихает эхо от падения тела в глубине шурфа, Старк вздрогнул. Он едва сам не кончил подобным образом.

Поэтому с радостью последовал за Фианной прочь от этого места, где пряталась в темноте молчаливая смерть.

Там, где сквозь мрак тоннеля пробивался лучик света, Старк остановился и сказал:

— Ты хочешь, чтобы я помог тебе предотвратить начало войны, но только смерть Кинона может сделать это.

— Сегодня Кинону грозит опасность еще большая, чем смерть. Мы идем спасать его.

Старк схватил ее за руку.

— Спасать Кинона? Но ведь это он придумал этот кровавый поход. Это же его планы!

Фианна покачала головой.

— Не он будет возглавлять поход, хотя и будет так казаться. Да и план не его. Делгаун все это придумал. Делгаун и Берильд! План вложен в голову Кинона, хотя он об этом не подозревает.

— Всюду ложь! — сказал Старк.— Я тону в этой лжи! Расскажи мне правду, Фианна.

— Хорошо. Вот тебе правда о Делгауне и Берильд. Они устали тайно рыскать по векам. Даже Берильд надоело жить только ради удовольствия, и она захо-

тела власти. Они — Дважды Рожденные — хотят править обычными людьми. Они решили создать империю. Именно Берильд подала Кинону мысль о том, чтобы использовать легенду о Синхарате и Передающих Душу, дабы объединить жителей Сухих Земель и жителей Лау-канала. Кинон, который всегда был честолюбив, всеми путями стремился к власти, ухватился за эту идею обеими руками. Делгаун предложил призвать на помощь чужеземцев с их оружием. При первых же успехах к ним присоединились бы и другие авантюристы. Делгаун и Берильд использовали бы их для того, чтобы держать под контролем племена для своих дьявольских замыслов.

Старк подумал о Книхтоне и Уэлше с Земли, Томми и Эрроде с Меркурия и о колонии Каллисто. Он подумал об остальных, подобных им, о том, как хищно они могли бы вцепиться в самое сердце Марса. И он подумал о желтых глазах Делгауна.

— Фианна, ты говоришь, что Берильд и Делгаун хотят править, но как они посмеют убить Кинона, которого все племена считают своим вождем?

Фианна посмотрела на него с жалостью.

— Ты не понимаешь? Они не станут избавляться от Кинона! Для людей племени он так и останется их вождем.

Но Старк не понимал.

— Что ты имеешь в виду? Может быть, и на Кинона можно влиять, но он не из тех, кто может согласиться плясать под чужую дудку.

— Они не собираются избавляться от него физически!

— Ты имеешь в виду... Передающих Душу?

При этом Старка охватило болезненное отвращение. Ему казалось, что все происходит в кошмарном сне. А потом в нем вспыхнула ненависть к этому дьявольскому миру, ко всему темному, что показывало свой лик оттуда, из туманного прошлого.

— Теперь-то ты понимаешь, почему мне нужна твоя помощь? Этого нельзя допустить. Если Делгаун овладеет

телом Кинона, он использует его для того, чтобы повести жителей Сухих Земель на кровавую битву.

Старк посмотрел на нее и спросил:

— Где?

— В покоях Берильд. Кинон сейчас там, и он в ловушке! Делгаун отправился в тайник, где хранятся короны.

Старк вцепился в древко копья.

— Отведи меня туда.

— Идем.

Фианна повела его по лабиринту коридоров, казавшихся бесконечными. Старк увидел такое, о существовании чего даже не подозревал.

Огромная пещера, куда они попали, была скупо освещена зеленоватым светом, исходящим от светильника в углу.

У стен стояли странные, непонятные приборы и инструменты. Здесь были массивные серебряные колеса и диски, причудливое нагромождение металлических прутьев, бронзовые предметы — память о днях величия Синхарата.

Реликвии, чья-то собственность или добыча, являлись частью Рама и того прошлого, что хоть и мертво, но все же напоминает о себе.

Ряд ступеней привел их в коридор, где воздух был так же чист, как и на поверхности. Теперь кругом были слышны шепот, бормотание, повизгивание, слышанные им раньше. Старку показалось, что эти звуки и на самом деле были голосами Рама.

— Поднимается ветер, скоро рассветет,— сказала Фианна.— Мы должны спешить.

Наконец они пришли в комнату, залитую лунным светом.

— Мы на месте,— прошептала Фианна.— А теперь быстрее. Вначале я должна узнать, не вернулся ли Делгаун.

Фианна тихо пошла по коридору. Через несколько шагов она остановилась и приоткрыла дверь. Луч света,

падающий из открытой двери, осветил Фианну, стоящую спиной к стене. Доносившийся из-за двери сердитый возглас заставил Старка вздрогнуть. Он узнал голос Берильд. Темный силуэт Фианны шевельнулся. Движение ее руки не оставляло сомнений. Старк двинулся к ней.

Фианна отступила назад, чтобы Старк смог посмотреть в щель.

Он увидел Кинона, лежащего на огромном полированном камне. Тело его опутывали кожаные ремни, а на виске краснела большая ссадина. На жестком и властном лице застыло выражение, какого Старку не приходилось видеть ни на одном человеческом лице.

Делгаун стоял рядом, но Кинон не обращал на него внимания. Взгляд его был устремлен на Берильд.

— Смотри, Кинон, смотри внимательно,— говорила она.— Ты последний раз видишь Берильд, свою покорную и терпеливую женщину. Ах ты варварский ублюдок! За тысячу лет никто не надоедал мне так, как ты, со своим ревом и детскими фокусами.

— На болтовню нет времени, Берильд,— сказал Делгаун.— Давай-ка приниматься за дело.

Берильд кивнула и направилась к столу, на котором стоял маленький сундучок. Она нажала на какие-то выступы, раздался щелчок, и крышка отскочила. Дрожь прошла по телу Старка, когда он смотрел, как она погружает руки в сундучок. В Валкисе, в квартале рабов, Кинон показывал две короны из сверкающего хрусталя и жезл, горящий, как пламя. Но как осколок стекла отличается от бриллианта, так и эти предметы были подобием того, что предстало перед взором Старка.

Берильд держала в руках древние короны Рама, дающие жизнь. Двойные их обручи горели величественным пламенем, окружая белые руки женщины, так что она стала похожа на богиню, движущуюся среди хоровода звезд. Продолжая глумиться, она поднесла короны к самому лицу Кинона.

— Ты же украсил ими свое знамя, чтобы их видел весь свет. Так смотри же на них теперь, смотри!

— Еще раз говорю тебе, Берильд, не трать зря времени!

Делгаун подошел к связанному Кинону и стал рядом с ним, спиной к камню. А Берильд подняла над головой сверкающие короны и шагнула вперед.

Фианна прошептала Старку:

— Иди.

Старк перехватил копье удобнее, ворвался в комнату и сразу же бросился к Делгауну. Он всегда чувствовал в этом человеке непредвиденную опасность, а теперь, когда знал, что за его спиной стоит хитрость и опыт бесчисленных лет, понимал, что его шансы на победу невелики. Желтые глаза Делгауна вспыхнули удивлением, но действовал он с молниеносной быстротой. Он отскочил в угол комнаты и схватил там револьвер из-под лежащего на столе плаща.

В голове Старка мелькнула мысль, что при нем не должно было быть револьвера, когда он хотел обмениваться телами с Киноном. Старк не видел еще человека, обращавшегося с револьвером так умело, как сейчас это делал Делгаун. Но все же лезвие копья мелькнуло раньше, и прежде чем Делгаун успел повернуться, оно пронзило его. Делгаун рухнул на пол, выбив оружие из рук Старка.

Старк наклонился над телом Делгауна и услышал дикий крик. В тот же момент мимо его уха просвистело что-то. Это была одна из корон. Однако удар о стену совсем не повредил короны. Схватив копье, Старк быстро обернулся. Берильд бросила вторую корону в сторону, и в руках ее появился кинжал. На лице ее был ужас, ибо Кинон, освобожденный Фианной, шел прямо на нее. Лицо правителя было перекошено гневом, а огромные руки тянулись к горлу женщины.

Дважды сверкало лезвие кинжала, но руки великана сомкнулись на ее горле. Кровь струилась по груди Кинона, мышцы его рук напряглись, и к тому времени, когда Старк был готов действовать, Берильд была уже мертва.

Кинон отшвырнул ее тело прочь, как старую грязную куклу. Затем он медленно повернулся, и руки его поднялись к ранам на груди.

— Ведьма Рама убила меня,— прохрипел он.— Моя жизнь уходит.

Он стоял, качаясь, и на лице его сменилась целая гамма чувств. Старк бросился к нему и поддержал.

— Кинон, послушай!

Но Кинон, казалось, ничего не слышал. Взгляд его вернулся к телам Берильд и Делгауна.

— Ведьма и колдун,— пробормотал он.— Все это время они обманывали меня, смеялись надо мной, играли мной. Хорошо, что ты убил его.

Старк проговорил тревожно:

— Кинон, их дьявольский план будет жить и сбудется, если люди Сухих Земель выступят в поход. Не они, так кто-то другой использует кровь племен в своих интересах.

Казалось, что услышанное медленно проникает в сознание Кинона. Потом глаза его сверкнули.

— Власть, которая должна была стать моей... Нет, видят боги... Помоги мне, Старк... И я скажу своим людям...

Он зашатался, и даже Старк, с его недюжинной силой, с трудом поддерживал его, когда они выходили из зала. Фианна осталась у камня.

Свет утренней зари заливал улицы Синхарата. Ветер крепчал. Шелест и свист над городом сделались громче. Кинон, прижав к груди правую руку, посмотрел на лица каменных Рама и погрозил им кулаком.

Они подошли к большой лестнице и начали спускаться вниз. Лагерь просыпался. Кто-то закричал, и люди кинулись к лестнице. Через мгновение ожил весь лагерь. Толпа у подножия лестницы все росла. Лица людей, полные ярости и удивления, были обращены туда, где, покачиваясь, стоял Кинон, поддерживаемый Старком.

Несколько мгновений Кинон молчал, собираясь с

силами. Потом он заговорил, и голос его был таким же громким, как всегда.

— Я был обманут и предан, как и все вы! Делгаун и Берильд хотели использовать вас, жители Сухих Земель, для своих целей!

Люди не сразу осознали услышанное, а когда это поняли, громкий крик пронесся над толпой.

Вождь племени Кеша выбежал вперед и закричал, потрясая копьем:

— Смерть им!

Толпа, как эхо, подхватила этот крик. Кинон поднял руку.

— Они уже мертвы... Старк заколол Делгауна и пытался спасти меня, но змея Берильд ранила меня, и теперь я умираю.

Он покачнулся, но Старк поддержал его. Кинон вновь овладел собой.

— Я лгал вам, когда говорил, что владею тайной Рама. Но теперь знаю, что эта тайна лишь вызовет к жизни дьявола. Забудьте о ней! Забудьте о войне, к которой я вас призывал, которую вы вели бы ради чужой добычи!

Он попытался сказать еще кое-что, но не смог. Старк почувствовал, как тяжелеет тело Кинона, и пытался его держать, но тот проговорил:

— Отпусти...

Все еще держась за рану, он соскользнул вниз и опустился на ступени. И когда солнце поднялось выше, он все еще сидел в этой позе, а за его спиной поднимались башни Синхарата, и люди Сухих Земель молча смотрели на него. Старк не видел выражения его лица, потому что стоял за его спиной.

Больше Кинон не произнес ни слова. Он сидел ссутулившись, потом его тело подалось вперед и застыло.

Некоторое время все ждали. Четверо вождей из племени Шуна молча поднялись по ступеням и, даже не взглянув на Старка, подняли тело Кинона и понесли по лестнице. Толпа расступалась перед ними.

Старк поднялся выше, где застыла группа чужеземцев.

— Все кончено,— сказал он.— Никакой войны не будет, и добычи, естественно, тоже.

Уэлш выругался и спросил:

— Как это случилось?

Старк пожал плечами.

— Ты слышал Кинона.

Это их не удовлетворило, но делать было нечего, и они продолжали стоять, мрачно наблюдая за тем, как сворачиваются шатры и палатки. Потом Кинхтон мрачно произнес:

— Я исчезаю, и вам всем тоже лучше уйти со мной, не возвращаясь в Валкис. И вообще не показываясь в этих краях.

Остальные думали так же. Люди в Валкисе ждут, чтобы выступить на Пограничные Города, и, узнав о случившемся, они явно не придут в восторг.

Старк сказал:

— Я с вами не поеду. Я еду в Тарак.

Он подумал об Энтоне, как тот обрадуется, узнав, что войны не будет.

Уэлш, глядя на Старка без всякой любви к нему, сказал:

— Так, так. Думаю, парень, что ты сам все это устроил. Да вот только не знаю, как. В загоне за дворцом есть животные?

И, повернувшись, все они зашагали прочь.

Старк не стал спускаться вниз. Огромный лагерь исчез, как по волшебству. Он превратился в поток людей и животных, который длинными караванами растекался по пустыне во всех направлениях. Люди возвращались к своим местам, на Сухие Земли.

Один из караванов шел под звуки дудок и барабанов. Кинон из племени Шуна возвращался домой с положенными вождю почестями.

Старк вернулся в тихие улочки Синхарата и направился в ту комнату, где умерли Берильд и Делгаун.

Их там уже не было. Фианна стояла у окна и смотрела вслед уходящему каравану.

Она обернулась к вошедшему Старку и сказала:

— Если ты ищешь короны, то их здесь нет. Я их спрятала.

— Я хотел их уничтожить.

Она кивнула.

— Я тоже едва не сделала этого, но...

— Но приговор к жизни действительно самый суровый. Ты так сказала. Помнишь это?

Фианна приблизилась к нему.

— Да. Я, которая знала так много жизней, не хочу еще одной. Не хочу теперь. Но когда тело совсем отказывает, а смерть подступает так близко, все может измениться. Уничтожить же короны всегда можно.

— Да, всегда,— согласился Старк.

— Но они никогда не будут уничтожены.

Внезапно глаза Фианны загорелись яростью.

— Не хвались так своей силой! Ты никогда не чувствовал, как из тебя уходит жизнь... как это чувствовала я! Когда-нибудь ты это почувствуешь и, может быть, будешь рад разделить со мной силу Передающих Душу.

— Не думаю,— покачал головой Старк.— Жизнь была не слишком добра ко мне. И вряд ли я захочу еще раз пройтись по ней.

— Не надо отвечать сейчас,— сказала Фианна,— ответишь мне через тридцать лет. И если ты этого захочешь, ты всегда сможешь найти меня в Синхарате.

— Я не приду,— монотонным голосом ответил Старк.

— Может быть,— прошептала она.— А возможно, ты и вернешься. Не надо отвечать сразу «нет».

К этому времени уходящий караван превратился в облако пыли, исчезающее вдали. Старк посмотрел ему вслед и сказал:

— Я уеду, как только буду готов. Поедешь со мной?

— Нет, я останусь здесь. По крайней мере, на некоторое время. Я последняя дочь своего народа, и мое место здесь.

Поколебавшись, Старк вышел, оставив Фианну одну. А когда наступила ночь, он уже ехал по пустыне, нахлестывая животное.

Ветер крепчал, наполняя пространство шепотом и криками одиночества. Но Старк знал, что это только иллюзия, что именно она заставляет слышать его отдаленные голоса, голоса оставшегося за спиной города.

Вернется ли он когда-нибудь сюда в поисках другой жизни, попытается ли разыскать Фианну, чтобы вдвоем ринуться сквозь века, как это делали Берильд и Делгаун?

— Нет, — говорил сам себе Старк.

Но все же...

Старк обернулся и посмотрел на белые камни Синхарата, вырисовывающиеся в свете большей из лун.

ВЕНЕРИАНСКАЯ КОЛДУНЬЯ

Роман

Перевод с английского
Н. Несмеловой

Leigh Brackett

ENCHHANTRESS OF VENUS

New-York
1949

ГЛАВА 1

Корабль медленно шел по Красному Морю сквозь пелену тумана; парус едва наполняли ленивые толчки ветра. Его корпус из тонкого легкого металла шел беззвучно, поверхность странного моря расходилась перед его носом тихо струящимся потоком огня.

Ночь сгущалась над кораблем, как индиговая река, наплывающая с запада. Человек, по имени Старк, стоял в одиночестве у задних поручней и смотрел, как наступает ночь. Он был полон нетерпения и чувства опасности. Даже от горячего ветра, казалось, пахло опасностью.

Рулевой сонно склонился над веслом. Это был рослый человек с молочно-белыми волосами и кожей. Он молчал, но Старк чувствовал, что глаза рулевого время от времени оборачиваются к нему, бледные, расчетливые, под полуопущенными веками, с тайной жадностью.

Капитан и два других члена команды маленького прибрежного суденышка сидели впереди за ужином. Раза два Старк слышал взрывы приглушенного смеха. Казалось, что все четверо участвовали в какой-то личной шутке, из которой сам Старк резко исключался.

Жара угнетала. На смуглом лице Старка выступил пот. Рубашка прилипла к его спине. Воздух был тяжел от влаги и частичек суши, лежавшей к западу за вечным туманом.

В самом море было что-то зловещее. Даже на собственной планете Красное Море было почти легендарным. Оно лежит за Облачными Горами — гигантским барьером, скрывающим половину планеты. Очень немногие ушли за этот барьер, в тайну Внутренней Венеры. А вернулись еще меньше.

Старк был одним из этих немногих. Он три раза пересекал горы, а один раз оставался там почти на год, но так и не привык к Красному Морю.

Оно состояло не из воды, а из газа, достаточно плотного, чтобы по нему могли плыть металлические корпуса кораблей, и вечно горящего глубоким внутренним огнем. Туман, окутывающий его, был окрашен кровавым румянцем. Под поверхностью, там, где шли ленивые течения, Старк видел наносы пламени и маленькие вспышки искр, поднимающиеся вверх, распространявшиеся в стороны и смешивающиеся с другими вспышками, так что поверхность моря напоминала космос с малиновыми звездами.

Это было очень красиво и ярко в сияющей и блестящей темноте ночи. Красиво и странно.

Шаги босых мог. Капитан Мельфор подошел к Старку; в этом сиянии его контуры казались прозрачными.

— Подходим к Шараану.

— Хорошо,— кивнул Старк.

Путешествие, казалось, длилось бесконечно, и тесное пространство узкой палубы действовало Старку на нервы.

— Тебе понравится Шараан,— радостным тоном сказал капитан.— Наше вино, наша пища и наши женщины — все отличное. У нас бывает мало посетителей. Мы держимся особняком, ты увидишь. Но те, кто приходит... — он засмеялся и хлопнул Старка по плечу.— Да, ты будешь счастлив в Шараане!

Старку показалось, что он слышит эхо смеха невидимой команды, словно бы она подслушивала и нашла скрытый смысл в словах Мельфора.

— Прекрасно,— согласился Старк.

— Вероятно,— сказал Мельфор,— тебе понравится жить у меня. Я возьму с тебя по-доброму.

Он взял со Старка по-доброму за проезд с побережья. Непомерно по-доброму.

— Нет,— возразил Старк.

— Тебе нечего будет бояться,— настаивал венерианец доверительно.— У чужаков, приезжающих в Шараан, всегда одна и та же причина. Это хорошее место, чтобы скрыться. До нас никто не дотянется.— Он сделал паузу, но Старк не поддался на приманку... Мельфор хихикнул и продолжал: — в сущности, это настолько безопасное место, что большинство иноземцев решило остаться там. В моем доме я дам тебе...

— Нет,— равнодушно повторил Старк.

Капитан пожал плечами.

— Ладно. Но ты все-таки подумай об этом...— Он взглянул вперед в красные завитки тумана.— Ага, видишь? — Он указал на тени утесов.— Мы уже входим в пролив.

Мельфор повернулся и взялся сам за рулевое колесо, а помощник пошел к остальным. Судно начало набирать скорость. Старк увидел, что оно подхвачено течением, несущимся к утесам, а река огня еще быстрей бежала в глубины моря.

Перед ним как бы вынырнула темная стена. Сначала Старк не видел в ней прохода. Затем неожиданно возникла узкая малиновая полоса, расширилась, превратилась в кишку бурлящего пламени, мчащегося вокруг разбитых скал. Красный туман поднялся, как дым. Корабль дрожал, несясь вперед, и рвался, как безумный, в сердце ада.

Руки Старка невольно сжались на поручне. Клочья тумана проносились мимо. Море, воздух и сам корабль, казалось, пропитались кровью. Не было ни звука на всем этом диком течении через пролив. Только зловещие огни вспыхивали и разгорались.

Отраженный блеск показал Старку, что проливы Шараана охранялись. На утесах расположились призе-

мистые укрепления. Были там баллисты и большие лебедки, чтобы натягивать сети через узкую горловину. Люди Шараана, вероятно, издали закон, который отгонял все иностранные торговые суда от их пролива. У них были причины для издания такого закона и подобной защиты. Официальная торговля Шараана состояла из вина и замечательной красоты кружев из паутины шелкового паука. В действительности же город жил пиратством, искусством вызывать крушения и контрабандной торговлей перегнанного сока мака вила.

Глядя на скалы и укрепления, Старк понял, почему Шараан много лет, даже столетий, нападал на торговый флот в Красном Море и давал убежище ворам, убийцам и нарушителям табу.

С ошеломляющей легкостью они прошли через узкий пролив и поплыли по спокойной поверхности того, что было, по существу, закрытым заливом Красного Моря.

Из-за укутывавшего все вокруг тумана Старк не видел земли, но запах ее стал сильнее — запах прелой земли, тяжелый и слегка гнилостный запах полуджунглевой и полуболотной растительности. Один раз ему казалось, что он видит сквозь пар темный остров, но тот тут же исчез в тумане.

После ужасающей стремительности пролива Старку казалось, что судно их едва движется. Нетерпение и чувство опасности усилилось. Старк стал ходить по палубе нервным, бархатным шагом бродячего кота. Влажный, насыщенный паром воздух был тяжел для движения после чистой сухости Марса, откуда так недавно прибыл Старк.

Внезапно он остановился и, откинув голову, прислушался.

Медленный ветер принес слабый звук. Он шел отовсюду и ниоткуда — нечто смутное, без источника и направления. Казалось, говорит сама ночь, жаркая синяя ночь Венеры, кричит сквозь туман языком бесконечного горя.

Звук стих и умер, едва услышанный, оставив после

себя чувство боли и печали, словно бы все муки и печали, нужды и желания мира обрели голос в этом безнадежном плаче.

Старк вздрогнул. С минуту была тишина, а затем звук повторился, его поддержали причуды тяжелого воздуха, и он превратился в пение, поднимающееся и понижающееся. Реальности словно не было, да это и нельзя было выразить словами. Потом он тоже исчез. Старк повернулся к Мельфору:

— Что это?

Тот с удивлением взглянул на Старка. Он ничего, видимо, не слышал.

— Плачущий звук,— нетерпеливо пояснил Старк.

— Ах, это! — венерианец пожал плечами,— фокусы ветра. Он ударяет в поле камни вокруг пролива...

Он зевнул, снова уступил свое место у рулевого весла помощнику, а сам подошел к Старку. Землянин игнорировал его. По каким-то причинам тот звук, едва слышный в тумане, резко усилил его тревогу.

Цивилизация лишь слегка коснулась Старка. С детства воспитанный полулюдьми, он сохранил в своих восприятиях нечто варварское, дикарское. Слух у него был превосходный.

Мельфор врал. Никакой ветер не создаст крик боли.

— Я знал несколько землян,— сказал Мельфор, меняя тему, хоть и не слишком ловко.— Они не похожи на тебя.

— Я не с Земли,— сказал Старк,— а с Меркурия.

Мельфор вытаращил глаза. Венера — облачный мир, где жители никогда не видели Солнца и мало что знают о планетах. Капитан же кое-что слышал о них. Он знал о существовании Земли и Марса, но о Меркурии не слыхивал. Старк объяснил:

— Это ближайшая к Солнцу планета. И там очень жарко. Солнце пылает, как гигантский костер, а облаков, чтобы прикрыть его, нет.

— А! Вот почему у тебя такая темная кожа.— Мельфор вытянул свою бледную руку рядом с рукой Старка

и покачал головой.— Я никогда не видел у людей такой кожи... и таких мускулов,— добавил он с восхищением. Наглядевшись, он продолжал в совершенно дружелюбном тоне: — Я хочу, чтобы ты остановился у меня. Лучшего жилья не найти во всей Шараане. И я предупреждаю тебя: люди в городе рады поживиться за счет иноземцев — грабят их, даже убивают. А меня все знают как честного человека. Под моей крышей ты можешь спать спокойно.— Он помолчал и с улыбкой добавил: — К тому же... у меня есть дочь. Отличная кухарка... и очень красивая.

Горестное пение началось снова; далекое и приглушенное ветром, оно как бы предупреждало против какого-то немыслимого рока.

— Нет,— в третий раз сказал Старк.

Не нужна была интуиция, чтобы держаться подальше от капитана: он был явным и не слишком хитрым мошенником.

В глазах Мельфора на миг мелькнула злоба.

— А ты упрямый. Шараан же — не место для упрямых людей.

Он повернулся и отошел. Старк остался на месте. Корабль шел через медленную вечность времени, все дальше по спокойному заливу Красного Моря, сквозь жару и туман. Призрачная песня преследовала Старка, как плач погибших душ в забытом аду.

Наконец курс корабля изменился. Мельфор снова вышел на заднюю палубу, отдав несколько спокойных команд. Старк увидел впереди землю — темное пятно в ночи, а затем различил контуры города.

На набережных и на улицах горели факелы, а низкие здания получали красноватый отсвет от самого моря. Приземистый и безобразный город Шараан скорчился, как ведьма на скалистом берегу, макающая в кровь рваные юбки.

Корабль шел к набережной. Старк услышал за собой легкое движение, умышленно приглушенные шаги босых ног. Он повернулся с ошеломляющей быстротой живо-

тного, чувствующего угрозу, и положил руку на пистолет.

Нагель, брошенный помощником капитана, с оглушающей силой ударил Старка по голове. Шатающийся, полуослепленный, он смутно увидел приближающихся людей. Низко и резко прозвучал голос Мельфора. В воздухе просвистел второй нагель и ударил в плечо Старка.

Руки схватили его. Тяжелые крепкие тела старались повалить его. Мельфор захохотал.

Белые зубы Старка блеснули в оскале: чья-то щека оказалась рядом, и его зубы вонзились в нее. Старк издал рычание, какое никогда не выходило из человеческой глотки. Похоже, венерианцы испугались, что человек, на которого они насели, колдовским образом превратился в зверя, как только до него дотронулись чужие руки.

Человек с разодранной щекой выл. Шарканье ног, страшная интенсивность движения — и вот громадное смуглое тело выпуталось из кучи других, поднялось и исчезло за поручнями, оставив в руках Мельфора лишь обрывки шелковой юбки.

Поверхность Красного Моря без всплеска сомкнулась над Старком. Только вспышка из малиновых искр, минутный след огня ушел вниз, как затонувшая комета. И все.

ГЛАВА 2

Старк медленно погружался вниз в странный мир. С дыханием не было никаких затруднений, не то что в море с нормальной водой. Газы Красного Моря прекрасно поддерживали жизнь, и создания, жившие в нем, имели почти нормальные легкие.

Старк не сразу обратил на это внимание, а только автоматически держал равновесие. Он еще чувствовал

себя ошеломленным после удара и был вне себя от злости и боли.

Дикарь в нем, которого звали не Старк, а Н'Чака, и который сражался, голодал и охотился в кипящих долинах Сумеречного Пояса Меркурия, научился многому, чего никогда не забывал; ему хотелось вернуться и убить Мельфора и его людей. Он сожалел, что не перервал им всем глотки, потому что теперь они никогда не оставят его след.

Но человек Старк, который получил несколько более горькие уроки от так называемой цивилизации, сознавал неблагоразумие подобных желаний. Он рычал, несмотря на боль в голове, и проклинал венерианцев на грубом примитивном наречии своей матери, но не вернулся обратно. Еще будет время посчитаться с Мельфором.

Тут он заметил, что залив очень глубок. Успокоив свою ярость, Старк поплыл к берегу. Признаков преследования не было, и он рассудил, что Мельфор оставил его в покое. Старк не понимал причин нападения. Вряд ли это была попытка грабежа, поскольку у него просто ничего не было, кроме одежды на себе и очень незначительной суммы денег.

Нет, причина была глубже. Она была в настойчивом желании Мельфора, чтобы Старк жил у него. Старк улыбнулся неприятной улыбкой. Он подумал о Шараане и о том, что рассказывали об этом городе по всему побережью Красного Моря.

Затем лицо его омрачилось. Туман свивающихся огней, по которому он плыл, напомнил ему о том времени, когда он уходил в глубины Красного Моря.

Он ходил туда не один: с ним был Хильви — высокий парень, сын варварского царька с верхнего побережья Ярелла. Они охотились на удивительных животных в хрустальных лесах морского дна и купались в оздоровляющем пламени, что выбивалось из недр Венеры. А теперь Хильви исчез в Шараане и не вернулся.

Старк плыл. Вдруг он увидел перед собой в красном

сиянии нечто такое, что заставило его опуститься ниже. Он с удивлением нахмурился.

Под ним были деревья. Громадные лесные гиганты, поднимающиеся к ненастоящему небу; их ветви слабо шевелились в медленном течении.

Старк был поражен. Леса, где охотился он и Хильви, были чисто кристаллические без всякого намека на жизнь. Те «деревья» были не больше деревьями, чем ветвящиеся кораллы в южных океанах Земли.

Но эти-то — настоящие, или были таковыми, по крайней мере. Сначала Старк подумал, что они все еще живы, потому что у них были зеленые листья и местами их обвивали лианы с большими поникшими цветами: золотыми, пурпурными и восково-белыми. Но когда он подошел ближе и коснулся их, он понял, что все это мертво: и деревья, и лианы, и цветы.

Они не мумифицировались, не обратились в камень: нет, они остались гибкими и с яркими красками. Они просто перестали жить, а газы моря сохранили их какой-то химической магией, да так, что ни один лист с них не опал.

Старк не рискнул плыть в темную гущу верхних ветвей: странный ужас овладел им при виде этого громадного леса, спящего в глубинах залива, затонувшего и забытого и словно бы удивлявшегося тому, куда делись птицы, теплые дожди и дневной свет. Он поднялся наверх и поплыл над ветвями, как большая темная птица. Переполненный стремлением уйти из этого неземного места, он плыл вперед, его полудикие чувства вздрагивали от ощущения зла, такого большого, что он должен был призвать весь свой здравый смысл и убедить себя, что его не преследуют демоны.

Наконец он всплыл на поверхность и обнаружил, что потерял направление в красной глубине и дал большой круг, оказавшись теперь много ниже Шараана. Он не спеша поплыл обратно и наконец выбрался на черные скалы.

Он встал на край грязной тропы, ведущей к городу,

и пошел по ней не быстро и не медленно, но с большой осторожностью.

Вскоре из тумана показались хижины-мазанки, затем увеличились в числе и наконец образовали улицу. Кое-где сквозь узкие окна пробивался свет. В низкой двери стояли мужчина и женщина. Увидев его, они бросились в стороны, а женщина вскрикнула. Но Старк прошел мимо. Он не оглядывался, но чувствовал, что они неподалеку и идут за ним.

Тропа извивалась точно змея и ползла теперь между тесно стоящими домами. Стало больше света, больше народу — высоких белокожих людей болотных окраин, с бледными глазами, кудельными волосами и волчьими лицами.

Старк шел мимо них, чужой, странный со своими черными волосами и загорелой кожей. Люди ничего не говорили и не пытались его остановить. Они только смотрели из красного тумана с любопытной смесью интереса и страха. Кое-кто пошел за ним на почтительном расстоянии. Откуда-то появилась стайка ребятишек, совершенно голых; они с криками побежали в ряд с ним, не слишком приближаясь, пока один мальчик не закричал что-то непонятное: Старк ухватил только одно слово — *Лхари*. Все ребята в ужасе остановились, а затем бросились наутек.

Старк прошел через весь квартал плетельщиков кружев. Инстинкт вел его к пристаням. Свет Красного Моря заполнял весь воздух, так что он казался туманом, усыпанным капельками крови. Запах вокруг не нравился Старку: пахло грязью, скоплением тел, вином и дыханием мака. Шараан был нечистым городом, и от него пахло злом.

И было что-то еще — нечто неуловимое и касавшееся холодными пальцами нервов Старка: страх. Он видел тень этого страха в глазах людей, слышал его оттенок в их голосах. Волки Шараана даже в собственном логове не чувствовали себя в безопасности. По мере того, как это ощущение росло, Старк бессознательно

становился все более настороженным, а глаза его стали холоднее и тверже.

Он вышел на широкую площадь против гавани. Он видел призрачные корабли, пришвартованные у набережных, груды винных бочонков, путаницу мачт и снастей на фоне пылающего залива.

Горело множество факелов. Вокруг площади стояли широкие низкие строения. Оттуда с темных веранд слышались смех и голоса, а где-то женщина пела под унылые звуки камышовой дудки.

Яркая вспышка света вдали ударила в глаза Старка. Здесь улицы поднимались вверх, и, глядя сквозь туман, Старк смутно разглядел контуры замка, построенного на низких утесах и глядевшего яркими глазами окон в ночь, на улицы Шараана. Старк поколебался, а затем пошел через площадь к большой таверне.

На площади было много народу, в основном матросы и их женщины. Все были развязны и глупы от вина, но, тем не менее, они останавливались и смотрели на смуглого чужака, а затем обходили его, продолжая разглядывать.

Те, кто шел за Старком, тоже вышли на площадь, остановились, а затем, перешептываясь, разошлись по другим группам.

Поющая женщина замолкла на середине фразы. На площади стало удивительно тихо. Но нервное шушуканье кружилось под этой тишиной, и отовсюду — с веранд, из винных погребов — медленно выходили люди. Внезапно растрепанная женщина указала на Старка и засмеялась.

Три молодых человека с жестокими ртами и коварными глазами загородили Старку дорогу, улыбаясь, как улыбаются собаки перед убийством.

— Иноземец,— сказали они.— Землянин.

— И вне закона,— ответил Старк, солгав лишь наполовину.

Один из парней шагнул вперед.

— Ты перелетел, как дракон, через Облачные Горы? Или упал с неба?

— Я приехал на корабле Мельфора.

По площади прокатился вздох и имя Мельфора. Жадные лица юношей выразили разочарование. Их лидер резко сказал:

— Я был на набережной, когда Мельфор швартовался. Тебя на борту не было.

Настал черед Старка улыбнуться. И при свете факелов его глаза казались холодными и искрящимися, как льдинки на солнце.

— О причинах этого спроси у Мельфора,— сказал он.— Спроси у человека с прокушенной щекой из его команды. А может,— мягко добавил он,— ты захочешь узнать на себе?

Парень хмуро взглянул на него со странной нерешительностью. Старк весь подобрался, готовя мускулы. Женщина, что смеялась, подошла ближе, разглядывая Старка через свои спутанные волосы и обдавая его запахом макового вина. Она громко сказала:

— Он пришел из моря. Вот откуда он. Он...

Один из молодых людей ударил ее по губам и она упала в грязь. Плотный моряк подбежал к ней и, схватив за волосы, рывком поднял на ноги. Лицо его было испуганное и страшно злобное. Он потащил женщину прочь, колотя ее и ругая за глупость. Она сплевывала кровь, но больше ничего не говорила.

— Ну,— сказал Старк парням,— наладили свои мозги?

— Мозги? — раздался голос позади парней, грубый и скрежещущий, неумело управляющийся с плавным произношением венерианской речи...— Нет у них никаких мозгов, у этих щенков! Кабы были, они бы занимались делом, а не торчали бы тут и не приставали к иноземцам!

Молодые люди обернулись, и в просвете между ними Старк увидел говорившего. Тот стоял на ступеньках таверны. Это был землянин, и в первую минуту Старк принял его за старика, потому что волосы, его были совсем белыми, а лицо в глубоких морщинах. Тело

человека было истощено лихорадкой, а мускулы остались веревочными узлами на костях. Он тяжело опирался на палку, одна нога его была скрючена и вся в шрамах. Он ухмыльнулся и сказал на разговорном английском:

— Гляди, как я их сейчас отделаю! — и начал высказываться: назвал парней идиотами, ублюдками, потомками болотных жаб, полностью лишенными всякого воспитания; и сказал еще, что если они не верят иноземцу, пусть обратятся, как он советовал, к Мельфору. Наконец он затряс палкой и закричал: — А теперь пошли вон! Убирайтесь!

Парни неуверенно бросили взгляд на дикие глаза Старка, переглянулись, пожали плечами и пошли через площадь, несколько смущенные, как пойманные на каком-то проступке ребятишки.

Беловолосый землянин поманил Старка и, когда Старк подошел, сказал ему чуть слышно и почти сердито:

— Ты в западне.

Старк оглянулся через плечо. На краю площади три парня встретили четвертого, у которого лицо было обвязано тряпкой. Они почти тотчас же исчезли в боковой улочке, но Старк успел узнать в четвертом Мельфора.

Значит, он поставил свое клеймо на самом капитане.

Громко и радостно хромой сказал по-венериански:

— Пойдем выпьем со мной, брат, и поговорим о Земле.

ГЛАВА 3

Это была обычная венерианская таверна низшего разряда — одна большая комната, но под голой крышей, стены наполовину открытые, с тростниковыми шторами, свернутыми наверху, со щелястым бревенчатым полом, подпертым сваями. Вдоль низкой стойки маленькие сто-

лики, на полу вокруг них грязные шкуры и груды подозрительных подушечек; в одном конце комнаты увеселение: два старика с барабаном и камышовой дудкой и две хмурые истасканные девицы.

Хромой подвел Старка к угловому столику, велел подать вина и уселся; его глаза, темные, затаившие давнюю боль, горели от возбуждения, руки тряслись. Он заговорил, и, прежде чем Старк успел сесть, зазвучали его слова с запинкой, как будто он не мог их выпускать достаточно быстро.

— Как там теперь? Изменилось что-нибудь? Расскажи мне о Земле, о городах, о мощеных улицах, об освещении, о женщинах, о солнце. Господи, я отдал бы все, чтобы снова увидеть солнце, темноволосых женщин и их наряды! — он наклонился, жадно вглядываясь в лицо Старка; словно надеялся в нем увидеть, точно в зеркале, все эти вещи.— Ради бога, говори, говори по-английски и расскажи мне о Земле.

— Ты давно здесь? — спросил Старк.

— Не знаю. Как считать время без солнца и без единой распроклятой звездочки? Десять лет, сто лет — откуда я знаю? Вечность. Рассказывай о Земле.

Старк криво усмехнулся:

— Я был там очень давно. Полиция была бы рада приветствовать меня. Но когда я в последний раз видел Землю, она была такая же, как всегда.

Хромой вздрогнул. Он смотрел не на Старка, а куда-то мимо него вдаль.

— Осенние деревья. Красные и золотые на коричневых холмах. Снег. Я помню, что такое холод. Воздух кусает, когда его вдыхаешь. Женщины носят туфли на высоких каблуках. Небольшие голые ноги шлепают по траве, а острые каблучки стучат по чистой мостовой.— Он взглянул на Старка; глаза его были яростными и блестели слезами.— Какого дьявола ты явился сюда и заставил меня вспоминать? Я — Ларраби. Я живу в Шараане. Я жил здесь вечность и буду жить здесь,

пока не умру. Нет никакой Земли... Она пропала. Нигде ничего нет, кроме облаков, Венеры и грязи.

Он трясся и вертел головой по сторонам. Слуга подошел с вином, поставил его на стол перед ними и отошел. В таверне было тихо. Вокруг обоих землян было широкое пространство, а за ним люди лежали на подушках и выжидающе смотрели, потягивая маковое вино.

Ларраби вдруг хрипло захохотал с искренней радостью:

— Не понимаю, с чего я стал так сентиментален по отношению к Земле за последнее время. Когда я был там, я мало о ней думал.

Однако он отводил глаза и, когда поднял чашу с вином, рука его дрогнула, и он пролил немного вина. Старк смотрел на него, не веря глазам.

— Ларраби,— проговорил он.— Так ты Майк Ларраби. Ты тот, кто взял полмиллиона кредитов из запертого помещения «Королевской Венеры»?

Ларраби кивнул.

— Я ушел с ними прямо через Облачные Горы, хотя говорят, что через них нельзя перебраться. А знаешь, где теперь эти полмиллиона? На дне Красного Моря, вместе с моим кораблем и моей командой. Один бог знает, почему я остался жив.— Он пожал плечами.— Как бы то ни было, я шел в Шараан, когда разбился, и добрался сюда, так что жаловаться нечего.

Он снова сделал большой глоток. Старк покачал головой:

— Ты здесь девять лет по земному времени.

Он никогда не встречался с Ларраби, но помнил его изображения, которые передавались через космос на частотах полиции. И Ларраби был тогда молодым человеком, гордым и красивым.

Ларраби угадал его мысли.

— Я изменился, верно?

— Все думали, что ты умер,— уклончиво ответил Старк.

Ларраби засмеялся. Уши Старка ловили какой-ни-

будь звук снаружи, но ничего такого не было. Старк резко спросил:

— Что там насчет западни, в которую я попал?

— Скажу тебе только одно,— ответил Ларраби.— Из нее не выбраться. Я не могу помочь тебе. Честно говоря, и не стал бы, если бы и мог. Но я не могу в любом случае.

— Спасибо,— кисло сказал Старк,— но ты можешь хотя бы сказать, что меня ожидает?

— Слушай,— сказал Ларраби,— я калека, старик, а Шарааи не самое лучшее место в солнечной системе. Но я живу. У меня есть жена, неряшливая шлюха, признаться, но, в сущности, не такая уж плохая. Может, ты и заметил нескольких маленьких черноволосых щенков, катающихся в грязи? Это тоже мои. Я еще сохранил некоторую ловкость по вправлению костей и тому подобному, так что я могу пить бесплатно, как только захочу, а это значит — часто. К тому же, из-за этой сволочной ноги я абсолютно безопасен. Так что не спрашивай меня, что случится. Я бы предпочел не знать.

— Кто такие Лхари? — спросил Старк.

— Не хочешь ли встретиться с ними? — Ларраби, казалось, нашел эту мысль забавной.— Тогда иди наверх, в замок. Они живут там. Это лорды Шараана, и они всегда рады иноземцам.— Он вдруг наклонился вперед.— Кто ты такой? Как тебя зовут и какой дьявол привел тебя сюда?

— Меня зовут Старк. А пришел я сюда по тем же причинам, что и ты.

— Старк,— медленно повторил Ларраби, пристально глядя на него.— Звучит, как слабый колокольчик. Мне кажется, я однажды видел изображение какого-то идиота, руководившего местным восстанием где-то в юпитерианских колониях,— рослый такой тупарь с холодными глазами, которого колоритно именовали дикарем с Меркурия.— Он кивнул, довольный собой.— Дикарь, а? Ну, а в Шараане тебя выдрессируют!

— Возможно! — сказал Старк. Его глаза непрерывно

двигались, следя за Ларраби, за дверью, за темной верандой и за людьми, пьющими, но не разговаривающими между собой...— Кстати, об иноземцах: один пришел сюда во время последних дождей. Он венерианец, с верхнего побережья. Крупный парень. Я знал его. Может, он окажет мне помощь.

Ларраби фыркнул: к этому времени он уже выпил свое вино и вино Старка.

— Никто тебе не поможет. А что касается твоего друга, то я никогда его не видел. Я начинаю думать, что лучше бы мне и тебя не видеть.— Он схватил свою палку и с некоторым трудом встал. На глядя на Старка, он грубо сказал: — Тебе лучше проваливать отсюда...— Затем повернулся и заковылял к бару.

Старк встал, глянул вслед Ларраби, и снова его ноздри дернул запах страха. Затем он вышел из таверны, как и вошел, через переднюю дверь. Никто не остановил его. Площадь была пуста. Начинался дождь.

Старк по щиколотки утонул в мокрой, теплой грязи. Ему пришла идея, и он улыбнулся и пошел, теперь уже с определенной целью, по краю площади.

Дождь усилился. Он дымился на голых плечах Старка, бил по соломенным крышам и по грязи с шипением и треском. Гавань скрылась за бурлящими облаками, где вода ударялась о поверхность Красного Моря и химическим взаимодействием тут же превращалась в пар. Набережные и смежные с ними улицы были поглощены непроницаемым туманом. Жуткими синеватыми вспышками проносились молнии, следом за ними прокатывался гром.

Старк свернул на узкую дорогу, ведущую к замку. Освещенные окна замка гасли одно за другим, стираемые наползающим туманом. На мгновение молнии выгравировали на фоне ночи темную груду замка, и сквозь грохот ударившего затем грома Старку послышался окрик.

Он остановился и пригнулся, положив руку на оружие. Окрик раздался снова — девичий голос, тонкий,

как плач морской птицы сквозь пелену дождя. Затем он увидел на улице позади себя маленькое белое пятно; девушка бежала к Старку, и даже при беглом взгляде на нее в каждой линии ее тела чувствовался страх.

Старк прислонился к стене и ждал. С ней не было, похоже, никого, но в грозу и в темноте об этом судить трудно.

Она подбежала и остановилась прямо перед ним, глядя то на него, то назад с болезненной нерешительностью. В очередной яркой вспышке молнии он отчетливо разглядел ее. Она была очень молода, едва вышла из подросткового возраста и — довольно привлекательна. Но сейчас ее губы дрожали, испуганные глаза широко раскрылись. Юбка облепила длинные бедра, а выше юбки голое тело едва оформившейся женщины блестело, как мокрый снег. Светлые волосы падали ей на плечи.

— Чего тебе надо от меня! — ласково спросил Старк.

Она посмотрела на него с таким несчастным видом мокрой куклы, что он невольно улыбнулся, И словно эта улыбка отняла у девушки ее последнюю решимость, она упала на колени и зарыдала...

— Я не могу этого сделать,— причитала она.— Он убьет меня, но я все равно не могу этого сделать!

— Что сделать? — поинтересовался Старк.

Она подняла на него глаза.

— Беги! — проговорила она.— Беги сейчас же! Ты умрешь в болотах, но это все же лучше, чем быть с Потерянными Душами! — Она протянула к нему тонкие руки. — Беги!

ГЛАВА 4

Улица была пуста. Никого не было видно, ничто нигде не шевелилось. Старк наклонился, поднял девушку с колен и потащил ее под навес крыши.

— Ну, давай, перестань кричать и объясни мне, в чем дело.

Он услышал ее рассказ, перемежающийся всхлипываниями.

— Я — Зерит,— сказала она,— дочь Мельфора. Он боится тебя... после того, что ты сделал с ним на корабле, и он приказал мне караулить на площади, когда ты выйдешь из таверны. Затем я должна была идти за тобой и... — она замолчала, и Старк ласково похлопал ее по плечу.

— Давай дальше.

— Если я скажу, то ты обещай, что не будешь бить меня... — Она посмотрела на его оружие и вздрогнула.

— Обещаю.

Она смотрела в его лицо, насколько могла рассмотреть в темноте, и, кажется, утратила часть своего страха.

— Я должна была остановить тебя и сказать то, что он велел привести тебя в засаду, а я якобы хочу помочь тебе избежать этого, потому что ненавижу Мельфора и все это дело с Потерянными Душами. И если бы ты поверил мне и пошел со мной, я привела бы тебя к засаде.— Она покачала головой и снова заплакала, на этот раз потише, и теперь в ней не было ничего от взрослой женщины. Теперь это был жалкий, испуганный ребенок. Старк порадовался, что заклеймил Мельфора.— Но я не могу вести тебя в засаду. И я действительно ненавижу Мельфора, хоть он и мой отец, потому что он бьет меня. А Потерянные Души...— она сделала паузу.— Иногда ночью я слышу их, как они поют где-то далеко в тумане. Это очень страшно.

— Да,— сказал Старк,— я тоже слышал их. А кто такие Потерянные Души, Зерит?

— Я не могу сказать тебе этого,— ответила девушка.— Запрещено даже упоминать о них. Во всяком случае,— добавила она честно,— я просто ничего о них не знаю. Люди исчезают, вот и все. Не наши люди из Шараана — эти редко. В основном это иноземцы, вроде тебя. И

я уверена, что когда мой отец ходит в болото охотиться с тамошними племенами, он не приносит никакой иной добычи, кроме людей с какого-нибудь захваченного судна. Зачем это — я не знаю. Да и вообще ничего не знаю, я только слышала пение.

— Эти Потерянные Души живут в заливе!

— Наверное. Там много островов.

— А что Лхари, Лорды Шараана? Разве они не знают, что делается? Или они сами участвуют в этом?

Она вздрогнула.

— Не наше дело — спрашивать Лхари, или даже думать, что они делают. Люди исчезают из Шараана, и никто не знает — куда.

Старк кивнул и задумался. Маленькая рука Зерит коснулась его плеча.

— Уходи. Затеряйся в болотах. Ты сильный, и в тебе есть что-то отличающее тебя от других людей. Ты можешь выжить и найти свой путь.

— Нет. Прежде чем уйти из Шараана, я должен кое-что сделать.— Он взял влажную головку Зерит в руки и поцеловал ее в лоб.— Ты милая девочка, Зерит, и очень храбрая. Скажи Мельфору, что ты сделала все, что он тебе велел, и уж не твоя вина, что я не пошел за тобой.

— Он в любом случае изобьет меня, — философски заметила Зерит,— но может, быть, не очень сильно.

— У него вообще не будет причины бить тебя, если ты скажешь ему правду — что я не пошел с тобой, поскольку имел намерение идти в замок Лхари.

Последовало долгое-долгое молчание; глаза Зерит медленно наливались ужасом, дождик стучал по крыше, туман и гром вместе неслись по Шараану.

— В замок,— прошептала она.— Ох, не надо! Иди в болото и дай Мельфору захватить себя, но не ходи в замок! — Она схватила его за руку. Ее пальцы плотно впились в его плоть.— Ты иноземец, ты просто не знаешь.. Прошу тебя, не ходи туда!

— А почему? — спросил Старк.— Разве Лхари — демоны? Они пожирают людей? — Он мягко снял с

себя ее руки.— Тебе пора идти... Скажи отцу, где я. Пусть идет за мной, если хочет.

Зерит медленно отступила и смотрела на Старка, как на человека, стоявшего на краю ада,— живого, но хуже, чем мертвого. В ее лице было удивление и великая острая жалость. Она хотела было сказать что-то, но только покачала головой, отвернулась и пустилась бежать, как будто ей не под силу было больше смотреть на Старка. Через мгновение ее уже не было.

Старк посмотрел ей вслед, странно тронутый, а затем вышел на дождь и пошел вверх по ступеням к замку Лордов Шараана.

Туман слепил. Старк ощупывал дорогу и, пока поднимался выше, над уровнем города, совсем потерялся в угрюмой красноте. Подул горячий ветер, и каждая вспышка молнии превращала малиновый туман в алопурпурный. Ночь была полна шипения дождя, льющего в залив. Старк остановился и спрятал свое оружие в расщелину между скалами.

Наконец он наткнулся на резной столб из черного камня и обнаружил массивные ворота, окованные металлом. Он постучал, но его кулаки производили очень слабый шум.

Затем он увидел рядом с воротами гонг — громадный диск кованого золота. Он схватил лежавший тут же молоток, и глубокий голос гонга прокатился между ударами грома.

Открылась щель, и на Старка глянули человеческие глаза. Он опустил молоток.

— Откройте! Я хочу поговорить с Лхари!

Изнутри послышался смех. Ветер донес обрывки голосов и снова смех, а затем тяжелые створки ворот медленно открылись настолько, чтобы Старк мог пройти. Он прошел и ворота с лязгом закрылись.

Он оказался в громадном дворе. Там была деревня соломенных хижин с открытыми навесами для стряпни, а за ними — загоны для животных — бескрылых болотных драконов.

Люди, что вели Старка, столпились вокруг него и подталкивали вперед, к свету, струившемуся из хижин.

— Он хочет говорить с Лхари! — крикнул один из них женщинам и детям, столпившимся в дверях. Слова его были подхвачены и переданы по всему двору, и тут же раздался взрыв хохота.

Старк молча оглядел их. Непонятное племя. Мужчины явно были солдатами и стражниками Лхари, поскольку носили военные доспехи. Прочие были столь же явно их женами и детьми, и все они жили в ограде замка и не имели отношения и Шараану. Но их расовые характеристики удивили Старка. Они, конечно, скрещивались с племенами болотных окраин, населяющих Шараан, и многие здесь имели молочно-белые волосы и дикие лица. Но на всех была печать чуждости. Старк был в недоумении: раса, которую он мог бы назвать, была неизвестна здесь, за Облачными Горами, и почти неизвестна на Венере уровня моря, среди жарких болот и вечных туманов.

Они смотрели на него с неменьшим любопытством, обратив внимание на его смуглую кожу, черные волосы и незнакомую им форму лица. Женщины подталкивали друг друга локтями, перешептывались, хихикали, а одна из них сказала громко:

— Для ошейника на эту шею понадобится обод от бочонка.

Стражники сомкнулись теснее.

— Ну, раз ты хочешь увидеть Лхари, то увидишь,— сказал их начальник,— но сначала мы тебя проверим.

Его окружили острия копий. Старк не сопротивлялся, когда с него сорвали все, что на нем было, оставив только шорты и сандалии. Он так и предполагал, и это его позабавило, потому что взять с него было почти нечего.

— Ладно,— сказал начальник,— пошли.

Вся деревня вышла под дождь и провожала Старка до дверей замка. Люди смотрели с тем же зловещим интересом, что и жители Шараана, но с одним разли-

чием — эти знали, что произойдет с ним, знали все и поэтому вдвойне оценивали забаву.

Громадные двери имели простую четырехугольную форму, но не казались грубыми или некрасивыми. Сам замок был из черного камня: каждый блок кладки был идеально вырезан и подогнан к другому, а двери были сбиты тем же металлом, что и ворота, потемневшим, но не поржавевшим.

Начальник стражи крикнул охраннику:

— Здесь тип, желающий говорить с Лхари!

Охранник замка захохотал:

— Ну и поговорит! Ночь долгая, и им довольно скучно.

Он открыл тяжелые ворота и крикнул что-то в холл. Тут же из темноты вышли слуги в шелках и украшенных драгоценными каменьями ошейниках, и по гортанному звуку их смеха Старк догадался, что у них нет языков.

Только тут Старк дрогнул. Перед ним находилась дверь, за которой — как он чувствовал — лежало зло, и Зерит, видимо, была умнее Старка, когда предупреждала его против Лхари. Но затем он подумал о Хильви, о многом другом, и его страх сменился злобой. Молнии по-прежнему жгли небо. Последний крик умирающей грозы потряс землю под ногами Старка. Он оттолкнул ухмыляющегося охранника и вошел в замок, неся с собой вуаль красного тумана, и не слышал, как дверь за ним закрылась тихо и бесшумно, как поступь приближающейся смерти.

Вдоль стен замка горели факелы. В их дымном пламени он увидел, что холл был вроде коридора — четырехугольный, безо всяких украшений, облицованный черным камнем. Он был высок и широк, и в его архитектуре чувствовалось спокойное обдуманное достоинство, и внутренняя красота его давала, пожалуй, больше впечатления, чем эстетические красоты разрушенных дворцов Марса.

Здесь не было ни картин, ни резьбы, ни фресок. Казалось, строители чувствовали, что холл прекрасен

сам по себе — массивностью, изысканностью линий и темным блеском полированного камня.

Украшены были только оконные амбразуры. Сейчас они были открыты в небо, и красный туман затянул их, но остатки драгоценного витража в резных рамах показывали, какими эти окна были когда-то.

Странное ощущение охватило Старка. Благодаря своему дикому воспитанию, он был необычайно чувствителен к тем впечатлениям, какие большинство нормальных людей воспринимают слабо, а то и вовсе не воспринимают.

Идя по холлу в сопровождении безъязычных созданий в ярких шелках и сверкающих ошейниках, он был поражен неуловимой чуждостью этого места. Сам замок был только развитием мысли его строителей, мечтой, воплощенной в реальность, но эта темная, холодная, удивительно безвременная мечта не могла бы зародиться в мозгу, подобному его собственному, или вообще в человеческом мозгу.

Холл заканчивался низкими широкими дверями из золота, сделанными в той же целомудренной простоте.

Мягкие быстрые шаги слуг, неопределенное их хихиканье, злобные и насмешливые взгляды. Золотые двери распахнулись. Старк предстал перед Лхари.

ГЛАВА 5

С первого взгляда они казались созданиями, мелькающими в горячечном сне, яркими и далекими, облаченными в туманный свет, который создавал иллюзию неземной красоты.

Помещение, в котором стоял сейчас землянин, по своим размерам напоминало собор. Большая часть его находилась в темноте, и из-за этого казалось безграничным как вверх, так и по сторонам, будто стены были лишь призраками самой ночи. Сквозь черный пол-

ированный камень под ногами просвечивал тусклый свет, и пол казался бездонным.

Далеко в темной глубине комнаты горела группа ламп, как галактика маленьких звезд, и бросала серебряный свет на Лордов Шараана.

Когда Старк вошел, в комнате была тишина, потому что открытые золотые двери привлекли внимание Лордов к незнакомцу. Старк приблизился к ним в этой полной тишине.

Где-то справа, в непроницаемом мраке, раздалось резкое шуршание и царапанье когтей рептилии, шипение и что-то вроде бормотания; все это искажалось и усиливалось сводами, превращаясь в демонический шепот, слышимый со всех сторон сразу.

Старк крутанулся пригнувшись, глаза его сверкнули, а тело покрылось холодным потом. Шум усилился, понесся к нему. От далекого света ламп донесся звенящий женский смех, разбившийся под сводами, как тонкий хрусталь. Шипение и рычание предельно усилились, и Старк увидел что-то неопределенное, видимо, готовое прыгнуть.

Он протянул руки, чтобы перехватить нападающего, но ничего не случилось: странная фигура оказалась мальчиком лет десяти, тащившем за собой на обрывке веревки молодого дракона, еще беззубого, недавно вылупившегося, который упирался и протестовал изо всех сил.

Старк выпрямился, чувствуя себя разочарованным, злым и... спокойным. Мальчик же хмуро глядел на него сквозь серебряные локоны, затем бросил грязное слово и побежал обратно, пиная маленькое животное, пока оно не разъярилось, как и любой представитель их вида и не заорало соответственно.

Заговорил голос. Медленный, хриплый, бесполый, тонким звоном прокатившийся под сводом. Он говорил безжалостно, и слово его было окончательным:

— Иди сюда. К свету.

Старк повиновался. Когда он подошел к лампам,

внешность Лхари изменилась и стала устойчивой. Красота их осталась, но стала другой. Они выглядели точно ангелы. Теперь, увидев их так ясно, Старк подумал, что они могли быть детьми самого Люцифера.

Их было шестеро, включая мальчика. Двое мужчин примерно того же возраста, что и Старк, сидели за какой-то сложной игрой: женщина, красавица, одетая в белый шелк, сидела, сложив руки на коленях; женщина помоложе, пожалуй, менее красивая, с горьким и яростным взглядом, на ней была короткая малиновая туника, на левой руке кожаная перчатка, на которой сидела хищная птица с колпачком на свирепых глазах.

Мальчик стоял возле мужчин, надменно подняв голову. Время от времени он шлепал дракончика, и тот хватал его руку бессильными челюстями. И мальчик гордился, делая это. Интересно,— подумал Старк,— как будет вести себя мальчик, когда у животного вырастут клыки.

Напротив Старка, скорчившись на груде подушек, сидел третий мужчина. Он был уродлив, с тщедушным телом и длинными паучьими руками; на коленях его лежали острый нож и кусок дерева, из которого он вырезал тучное существо — наполовину женщину, наполовину чистое зло. Старк с удивлением заметил, что лицо молодого урода, как и все лица здесь, было поистине человеческим и поистине прекрасным. На мальчишеском лице стариковские, мудрые и очень грустные глаза. Он улыбнулся Старку, и его улыбка была более сострадательной, чем слезы.

Все они смотрели на Старка беспокойными голодными глазами. Они были чистой крови,— которая оставила печать чуждости на бледноволосых людях болот — рабах, живущих в хижинах снаружи. Они происходили от Облачного Народа, жившего на Высоких Плато, королей страны на дальних склонах Облачных Гор. Странно было видеть их здесь, на темной стороне барьера, однако же они были тут. Как они пришли и почему оставили свои богатые холодные равнины ради зловония

чужих болот,— он не мог догадаться. Но они явно оттуда — ошибки не могло быть — гордая изящная форма тел, алебастровая кожа, глаза, имевшие все цвета, как заря на небе, волосы чистого теплого серебра.

Они молчали. Они как бы ждали разрешения заговорить, и Старк задумался, у кого это из них такой властный и суровый голос.

И этот голос сказал снова:

— Иди сюда. Подойди ближе!

Старк посмотрел на них, за круг ламп, в тень, и увидел говорившего, вернее говорившую. Она лежала на низкой постели, опираясь головой на шелковые подушки; невероятно огромное тело было покрыто шелковым одеялом. Открыты были только руки — две бесформенные массы белой плоти, заканчивавшиеся крошечными кистями. Время от времени она протягивала одну руку и брала кусочки пищи из запаса, лежавшего рядом с ней, и, сопя и отдуваясь, глотала со страшной жадностью. Черты лица ее давно расплылись в трясущееся желе, за исключением носа, который поднимался из жира, тощий и горбатый, жесткий, как клюв птицы, сидевшей на запястье девушки и видевшей кровавые сны под своим колпачком. А глаза женщины...

Старк посмотрел в ее глаза и вздрогнул. Затем бросил взгляд на незаконченную резьбу, лежавшую на коленях калеки, понял, какая мысль вела нож.

Наполовину женщина, наполовину чистое зло. И сильная, очень сильная. Ее сила открыто светилась в ее глазах, и сила эта была скверной: она могла снести горы, но ничего не могла построить.

Ее глаза сверлили его, как бы желая видеть его насквозь, и он понял, что она хочет заставить его отвернуться под действием ее взгляда. Но он не отвернулся, а улыбнулся и сказал:

— Я мерился взглядом с каменной ящерицей, чтобы определить, кто из нас съест другого, и сам становился камнем, пока следил за ящерицей.

Она поняла, что он говорит правду. Старк думал,

что она разозлится, но нет. Какая-то рябь прошла по ее телу и вызвала беззвучный смех.

— Видали? — обратилась она к другим.— Вы — отродье Лхари, но никто из вас не смеет глядеть мне в глаза, а вот это темное создание, бог знает откуда явившееся, может устоять и пристыдить **вас**.— Она спокойно глядела на Старка. — Кровь **каких** демонов течет в тебе, если ты не научился ни осторожности, ни страху!

— Я научился тому и другому еще до того, как стал ходить. Но я выучился также и другой вещи: она зовется злобой.

— И кто ты такой? Ты такой злой?

— Спроси Мельфора, злой ли я, и почему?

Двое мужчин чуть подались вперед, а по губам девушки прошла улыбка.

— Мельфор? — переспросила туша на кровати, набивая рот жареным мясом и капая жиром.— Это интересно. Но тебя привела сюда не злоба на Мельфора. Я любопытна, пришелец. Скажи.

— Хорошо.— Старк огляделся вокруг. Это место было могилой, западней... В самом воздухе пахло опасностью. Младшие молча следили за Старком. Никто из них не раскрыл рта с тех пор, как он вошел, если не считать выругавшего его мальчишку. И это само по себе было неестественно. Девушка наклонилась вперед, лениво похлопывая птицу, та шевельнулась и с чувством удовольствия выпустила из костяных ножен острые когти. Девушка смотрела на Старка самоуверенно и холодно, с каким-то странным вызовом. Из всех них только она видела в нем человека, мужчину, развлечение и нечто меньшее, чем человек.

— Один человек пришел в Шараан в сезон последних дождей. Его имя Хильви, он сын маленького царька в Ярелле. Он пришел сюда разыскивать брата, который нарушил табу и бежал, спасая жизнь. Хильви пришел сказать ему, что проклятие с него снято, и он может вернуться. Но ни тот, ни другой не вернулся.

Маленькие глазки в жирных складках заморгали:

— И что же?

— Я пришел за Хильви, потому что он мой друг.

Глыба жира снова заколыхалась от взрыва смеха, прокатившегося под сводами змеиным шипением.

— Сильна, видно, в тебе дружба, иноземец. Ну, ладно, Лхари — народ добрый. И ты найдешь своего друга.

Это было как бы сигналом прекратить молчание: молодые тоже захохотали; громадный зал гремел от их смеха, и эхо возвращало его звуками, похожими на смех демонов из ада.

Не смеялся только калека: он склонился над своей резьбой и вздохнул.

— Не сразу, бабушка! — воскликнула девушка.— Оставим его на некоторое время.

Холодные жестокие глаза повернулись к ней:

— А что ты будешь делать с ним, Варра? Таскать на веревке, как Бор таскает этого жалкого зверя?

— Может быть... хотя я думаю, что понадобится крепкая цепь, чтобы удержать его,— Варра повернулась к Старку, прикидывая его рост и вес, вглядываясь в его могучие гладкие мышцы, в железную линию челюсти. Она улыбалась. Рот ее был очень привлекателен, как красный плод болотного дерева, несущий смерть в своей пикантной сладости.

— Это мужчина,— продолжала она,— первый мужчина, которого я видела, как умер мой отец.

Мужчины за игорным столом встали, покраснев от гнева. Один из них шагнул вперед, грубо схватив девушку за руку.

— Значит, я, по-твоему, не мужчина? — сказал он удивительно мягко.— Печально... поскольку я буду твоим мужем. Нам лучше уладить это теперь же, до свадьбы.

Варра кивнула, Старк увидел, как пальцы мужчины яростно впились в крепкую мышцу ее руки, но девушка не дрогнула.

— Давно пора все это уладить, Эджил. Ты достаточно помучился со мной. Но времена дрессировки прошли.

Теперь я должна уметь склонять шею и признавать своего господина.

Старк не сразу понял смысл: насмешливая нотка в ее голосе была еле заметна. Затем женщина в белом, которая до сих пор не двигалась и не изменяла выражения лица, засмеялась тонким звенящим смехом, уже слышанным Старком. По этому смеху и темной волне крови, хлынувшей в лицо Эджила, Старк понял, что Варра просто повторила Эджилу его собственные слова. Мальчик издал насмешливый звук и замер. Варра посмотрела на Старка:

— Ты будешь драться за меня?

Старк неожиданно засмеялся.

— Нет.

Варра пожала плечами:

— Ну что ж, тогда я буду драться сама.

— Мужчина! — рявкнул Эджил.— Я покажу тебе, кто мужчина, глупая маленькая мегера!

Он сдернул с себя ремень, одновременно наклоняя девушку свободной рукой, чтобы нанести ей хороший удар. Хищная птица, вцепившаяся в ее запястье, забила крыльями и закричала, дергая закрытой головой. Молниеносным движением девушка сдернула колпачок с головы птицы и бросила ее прямо в лицо Эджилу.

Эджил выпустил девушку и взмахнул руками, защищаясь от когтей и разящего клюва. Широкие крылья били его. Эджил взвыл. Мальчик Бор выскочил из ряда и заплясал вокруг, визжа от радости.

Варра спокойно стояла. На ее руке чернели синяки, но она не соблаговолила даже посмотреть на них. Эджил ударился об игорный столик и скинул с него фигурки из кости. Затем он зацепился за подушку и упал ничком, а злобные когти рвали в клочья его тунику.

Варра повелительно свистнула. Птица в последний раз клюнула Эджила в затылок и недовольно взлетела на свой насест — на руку девушки. Держа ее, Варра повернулась к Старку. По ее виду он предположил, что она

готова спустить своего любимца и на него. Но та лишь внимательно осмотрела Старка и покачала головой.

— Нет,— сказала она, надевая на голову птицы колпачок, — ты мог бы убить ее.

Эджил встал и ушел в темноту, облизывая рану на руке. Лицо его было черным от ярости. Второй мужчина взглянул на Варру.

— Если бы ты предназначалась мне, я бы выбил из тебя характер!

— Подойди и попробуй,— предложила Варра.

Мужчина пожал плечами и сел.

— Это не мое дело. В своем собственном доме я поддерживаю мир.— Он глянул на женщину в белом, и Старк увидел, что ее лицо, до этого ничего не выражавшее, теперь показывало униженный страх.

— Ты поддержишь,— сказала Варра.— Я на мосте Эйрил зарезала бы тебя сонного. Но тебе нечего бояться: у нее просто не хватит на это духу.

Эйрил вздрогнула и посмотрела на свои руки. Мужчина начал собирать разбросанные фигурки и небрежно сказал;

— В один прекрасный день Эджил свернет тебе шею, и я от этого не заплачу.

Все это время старая женщина ела и следила, следила и ела, глаза ее блестели интересом.

— Приятная семейка, а? — обратилась она к Старку.— В полном разуме, а ссорятся, как ястребята в гнезде. Поэтому я и держу их около себя, чтобы они были осторожнее в подобном споре. Все, кроме Треона,— и она указала на уродливого юношу.— Он ничего не делает. Тупой и мягкотелый, хуже Эйрил. Не внук, а проклятие! Зато у его сестры огня на двоих! — и она снова принялась жевать, гордо ворча.

Треон поднял голову и заговорил. Голос его звучал точно музыка:

— Может я и туп, бабушка, и слаб телом и не имею надежд. Однако я буду последним Лхари. Смерть сидит в ожидании на башнях, и она возьмет всех вас раньше,

чем меня. Я знаю это, мне сказали ветры,— он перевел страдающие глаза на Старка и улыбнулся с такой болью и покорностью, что у землянина сжалось сердце. Но в этой улыбке была также и благодарность, словно какое-то долгое ожидание наконец пришло к концу.— Ты,— сказал он мягче,— незнакомец с неистовыми глазами. Я видел, как ты выходишь из мрака; и там, где ты ставил ноги, оставались кровавые отпечатки. Твои руки красны до локтей, твоя грудь забрызгана красным, и на твоем челе символ смерти. Затем я узнал, и ветер шептал мне в ухо: «Так и должно быть. Этот человек разрушит замок, камни же его придавят Шараан; он освободит Потерянные Души.— Затем он спокойно засмеялся.— Смотрите на него, все смотрите! Он станет вашим концом!

Наступила минута молчания, и Старк со всем суеверием дикой расы, сидевшим в нем, похолодел до корней волос. Старуха с отвращением сказала:

— Значит, тебе об этом сказали ветры, о, несчастный идиот,— и с удивительной силой и меткостью швырнула в Треона спелым плодом.— Заткни этим свою пасть: я до смерти устала от твоих пророчеств.

Треон посмотрел на малиновый сок, медленно стекавший по его груди и капавший на его работу. Наполовину законченная головка была вся покрыта соком. Треон трясся от дикой радости.

— Ну,— сказала Варра, подходя к Старку,— что же ты думаешь о Лхари? О гордых Лхари, не унизившихся до того, чтобы смешивать свою кровь со скотом болот? О моем полоумном братце, о моих ничего не стоящих кузинах, о маленьком чудовище Боре, последнем отпрыске нашего древа? Тебя не удивило, что я напустила своего сокола на Эджила?

Она ждала ответа, откинув голову; серебряные локоны обрамляли ее лицо, мак клочья грозового облака. В нем было самодовольство, которое одновременно раздражало и восхищало Старка. Адская кошка,— думал он,— но очаровательная кошка, и нахальная. Нахальная

и — честная! Ее губы были полуоткрыты — не то в ярости, не то в улыбке.

Старк неожиданно схватил ее и поцеловал. Он держал в руках ее гладкое сильное тело как куклу, и не спешил отпускать. Наконец он выпустил ее и ухмыльнулся:

— Ты этого хотела?

— Да,— ответила Варра,— именно этого.— Она повернулась, челюсти ее опасно затвердели.— Бабушка...

Она не успела закончить. Старк увидел, что старая женщина пытается сесть, лицо ее побагровело от усилия, глаза выражали страшную ярость.

— Ты...— начала она и задохнулась от злости.

Неслышно появился Эджил, держа а руке какой-то странный тупорылый предмет из черного металла.

— Ляг, бабушка,— сказал он.— Я хотел воспользоваться этим для Варры...— Говоря это, он нажал кнопку, и Старк, отпрыгнув в спасительную темноту, упал и остался лежать, как мертвый. Не было ни звука, ни вспышки, но громадная рука погрузила Старка в забвение,— но нашел лучшую цель,— закончил Эджил.

ГЛАВА 6

Красное. Красное. Красное. Цвет крови. Кровь в его глазах. Он стал вспоминать... Добыча бросилась на него, и они сражались на голых пузырчатых камнях.

Н'Чака не убил. Лорд Скал был огромен — гигант среди ящериц, а Н'Чака маленький. Лорд Скал навалился на голову Н'Чаки прежде, чем деревянное копье успело хотя бы оцарапать его бок.

Странно, что Н'Чака еще жив. Видно, Лорд Скал был доверху сыт. Только это и спасло Н'Чаку.

Н'Чака застонал — не от боли, а от стыда. Он промахнулся. Рассчитывая на великий триумф, он нарушил закон племени, запрещающий мальчику охотить-

ся на добычу мужчин, но потерпел неудачу. Старейшина не наградит его поясом и кремневым копьем мужчины; он отдаст Н'Чаку женщинам для наказания маленькими кнутами. Тика будет смеяться над ним, и пройдет много сезонов, прежде чем старейшина дарует ему разрешение на Охоту Мужчин.

Кровь в глазах. Он заморгал. В нем пробудился инстинкт самосохранения. Он должен как-то подняться и отползти, пока Лорд Скал не вернулся сожрать его.

Но краснота на уходила. Он снова заморгал, попытался поднять голову, но не смог, и страх навалился на него, как ночной мороз на скалы долины.

Все было не так. Время, пространство и вселенная потемнели и закружились.

Голос заговорил с ним. Девичий голос, но не Тики. И речь была чужой.

Тика умерла. Воспоминания пронеслись через его мозг, горькие, жестокие. И Старейшина умер, и все остальные...

Голос снова заговорил и назвал его по имени, но это было не его имя.

Старк.

Воспоминания рассыпались в калейдоскопе разбитых изображений, фрагментов... они бежали, кружились. Он плыл среди них. Он затерялся в них, и ужас этого вырвал вопль из его горла.

Мягкие руки коснулись его лица. Послышались быстрые слова, ласковые, успокаивающие. Краснота просветлела и выровнялась, хотя и не исчезла, и внезапно он снова стал самим собой, и вся его память вернулась к нему.

Он лежал на спине, и Зерит, дочь Мельфора, стояла над ним. Теперь он понял, что это была за краснота. Он видел ее слишком часто раньше, чтобы не понять. Он был где-то на дне Красного Моря, этого жуткого океана, в котором человек может дышать.

И он не мог шевелиться. Это не изменилось и не ушло... Его тело было мертвым.

Ужас, который он чувствовал раньше, был пустяком по сравнению с той агонией, что охватила его сейчас. Он лежал, похороненный в собственном теле, и смотрел на Зерит, ожидая ответа на вопрос, который он боялся задать.

Она поняла.

— Все в порядке,— сказала она и улыбнулась.— Это пройдет. Ты будешь здоров. Это оружие Лхари. Оно каким-то образом усыпляет тело, которое затем снова просыпается.

Старк вспомнил черный предмет, который держал в руках Эджил. Излучатель какого-то типа, лучевой поток высокочастотной вибрации, парализующий нервные центры. Удивительно, Облачные люди были варварами, хоть и стояли на более высокой ступени, чем болотные племена, и, конечно, не имели таких научных знаний. Интересно, где Лхари могли добыть такое оружие?

Но это, в сущности, не важно. По крайней мере, сейчас. Доверие захлестнуло его и принесло опасную близость слез. Видимо, эффект слабости. В данный момент Старка беспокоило только это.

Он снова посмотрел на Зерит. Ее светлые волосы плыли от медленного движения моря — молочное облако на малиновом фоне, прострелянном искрами. Теперь он увидел, что лицо ее осунулось и затуманилось, а в ее глазах была отчаянная безнадежность. Она была живой в их первую встречу — испуганной, не слишком веселой, но полной эмоций и какого-то упорного мужества. Теперь искра в ней погасла.

На ее белой шее был ошейник — кольцо из темного металла с навечно запаянными концами.

— Где мы? — спросил Старк.

— В месте Потерянных Душ.

Старк вгляделся вдаль насколько мог, так как голова не поворачивалась, и очень удивился.

Черные стены, черный свод. Громадный холл, полный морских волн, которые вливались в высокие амбразуры

шипящими потоками огня. Холл был двойником того, где он повстречался с Лхари.

— Здесь город,— угрюмо сказала Зерит.— Ты скоро увидишь его... и больше не увидишь ничего до самой смерти.

— Как ты попала сюда, малышка? — очень мягко спросил Старк.

— Из-за отца. Я расскажу тебе все, что знаю, то есть очень немногое. Мельфор был с давних пор работорговцем у Лхари. Таких очень много среди капитанов судов в Шараане, но об этом никто никогда не говорит, так что даже я, его дочь, могла только догадываться. Я удостоверилась в этом, когда он послал меня за тобой.— Она горько засмеялась.— Теперь я здесь с ошейником Потерянных Душ на шее. Но и Мельфор тоже здесь,— она снова засмеялась, и этот злой смех так не шел этому юному существу. Она посмотрела на Старка, ее руки застенчиво, почти ласково коснулись его волос. Глаза ее были широко раскрыты и полны слез.— Почему ты не ушел в болота? Я же предупреждала тебя!

— Теперь поздно жалеть об этом,— флегматично ответил он.— Ты говоришь, Мельфор здесь... и тоже раб?

— Да.— В ее глазах снова появилось удивление и восхищение.— Я не знаю, что ты сказал или сделал Лхари, но Лорд Эджил был в черной ярости и ругал моего отца за глупость и скверную работу, потому что отец не сумел схватить тебя. Отец скулил и просил прощения, и все было бы хорошо, но его подмывало любопытство, и он спросил Лорда Эджила, что же случилось, поскольку по ранам Лорда можно было предположить, что были неприятности. Ты вроде дикого зверя, как говорил Мельфор, но он надеется, что ты не причинил вреда Леди Варре. Лорд Эджил стал прямо пурпурным. Я думала, с ним будет какой-нибудь припадок.

— Да,— сказал Старк,— спрашивать об этом было

ошибкой.— Он вдруг громко рассмеялся.— Мельфору стоило бы держать пасть закрытой!

— Лорд Эджил крикнул стражников и приказал взять Мельфора. Когда до Мельфора дошло, он тут же свалил все на меня — это была моя вина, что я упустила тебя.

Старк прекратил смех. Девушка тихо продолжала:

— Эджил, похоже, совсем взбесился от злости. Говорят, что Лхари сумасшедшие, и так оно и есть, наверное. Во всяком случае, он приказал взять и меня тоже, чтобы семя Мельфора было навеки втоптано в грязь. Вот так мы и очутились здесь.

Наступило долгое молчание. Старк не мог придумать слова утешения, а что касается надежды, то ему придется обождать пока он не будет уверен, что сможет хотя бы поднять голову. Эджил от злости мог повредить его надолго. Старк вообще удивлялся тому, что еще жив. Он снова глянул на ошейник Зерит. Рабыня. Рабыня Лхари в городе Потерянных душ.

Но какого дьявола им рабы на дне моря!

Тяжелые газы донесли знакомый звук: шум приближающихся голосов. Зерит повернула голову Старка, чтобы он мог тоже видеть.

Потерянные Души возвращались откуда-то: с работы, как они сказали. Они медленно вплывали из тусклой красной темноты. За их белыми телами тянулось угрюмое пламя. Толпа проклятых, волочащаяся через красный ад, усталых, потерявших надежду. Один за другим падали они на тюфяки, лежавшие рядами на черном каменном полу. Они полностью выдохлись. Их светлые волосы плыли в медленных водоворотах моря. И на каждом был ошейник. Один из них не лег, а двинулся к Старку, и Старк узнал его.

— Хильви?

— Брат!

Хильви присел на корточки рядом. Когда Старк видел его в последний раз, это был красивый юноша; теперь же это был мужчина. Его веселый смех превра-

тился в мрачный, и глубокие морщины пролегли вокруг рта, кости лица выдавались, как гранитные выступы.

— Брат,— повторил он, не стыдясь слез.— Ох и дурак же ты! — Он выругал Старка за то, что тот пришел в Шараан увидеть идиота, поступившего точно так же и ставшего теперь почти мертвецом.

— А ты не пошел бы за мной? — спросил Старк.

— Ну, я всего лишь невежественное дитя болот,— сказал Хильви,— а ты пришел из космоса, ты видел другие миры, ты умеешь читать и писать — ты должен был сообразить получше.

Старк хмыкнул:

— А я все еще невежественное дитя скал. Так что мы оба дураки. Где Тобал?

Тобал был братом Хильви, нарушившим табу и бежавшим в Шараан. Видимо, теперь он обрел покой, потому что Хильви покачал головой:

— Человек не может долго жить на дне моря. Дышать и есть — это еще не все. Тобал прожил свой срок, и конец моего тоже близок.— Он поднял руку и резко опустил, наблюдая за танцующими вдоль руки огнями.

— Мозг гибнет раньше тела,— добавил он небрежно, будто речь шла о пустяках.

— Хильви охранял тебя, пока другие спали,— сказала Зерит.

— Не я один,— возразил Хильви.— Малышка тоже была со мной.

— А зачем меня охранять? — спросил Старк.

Вместо ответа Хильви показал рукой на тюфяк неподалеку. Там лежал Мельфор; его полузакрытые глаза были полны злобой, и на его щеке красовался свежий шрам.

— Он чувствует, что ты не на его корабле,— добавил Хильви.

Старк похолодел от ужаса. Беспомощно лежать и ждать, когда Мельфор подойдет и протянет растопыренные пальцы к его беззащитному горлу...

Он сделал отчаянное усилие двинуться, но только задохнулся. Хильви усмехнулся:

— Теперь мне самое время бороться с тобой, поскольку раньше мне ни разу не удавалось повалить тебя! — Он потрепал Старка по голове, очень нежно, хотя с виду этот жест мог показаться грубым.— Но ты снова повалишь меня. А теперь спи и не беспокойся!

И он уселся на страже. Старк против своей воли заснул, а Зерит свернулась у его ног, как собачка.

На дне Красного Моря не было времени. И не было ни дня, ни рассвета, ни периода темноты. Не было ни ветра, ни дождя, ни гроз, которые нарушали бы вечную тишину. Лишь ленивые течения шептались на своем пути в никуда, танцевали красные искры, и громадный холл ждал, вспоминая прошлое.

Старк тоже ждал. Долго ли — он не знал, но он привык ждать. Он научился терпению на коленях великих гор, которые гордо поднимались в космос, чтобы увидеть солнце, и усвоил их презрение к времени.

Жизнь понемногу возвращалась в тело Старка. Ублюдок-стражник время от времени приходил осматривать Старка и покалывал ножом его тело, проверяя реакцию, чтобы Старк при этом не сплутовал. Но стражник не учел выдержки Старка. Землянин выносил уколы, не моргнув глазом, пока члены полностью не стали подчиняться ему. Тогда он вскочил и швырнул стражника почти на середину холла, где тот крутился и вопил от страха и злости.

В следующий период наступления рабочего времени Старк пошел вместе со всеми в город Потерянных Душ.

ГЛАВА 7

Старку случалось бывать в таких местах, которые подавляли его своей чуждостью или злобностью: Синхарат — прекрасные коралловые и золотые развалины,

затерянные в марсианских пустынях Джеккара, Ващкис — города Лау-Канала, пахнущие кровью и вином; утесы-пещеры Аркандора на Краю Темной Стороны; пылающие гробницы-города Каллисто. Но здесь... это был кошмар.

Старк смотрел на него, пока шел в длинной цепи рабов, и чувствовал такие холодные спазмы в животе, каких ни разу не испытывал.

Широкие улицы, вымощенные полированными каменными плитами, походили на черные зеркала. Здания, высокие, величественные, чистые и ровные, со спокойной силой, которая могла противостоять веками... Черные, все черные, без единой чешуйки краски или резьбы, которая могла бы смягчить их; только местами встречались оконные стекла, блестевшие в красоте, как затонувшие драгоценные камни.

Виноградные лозы, как снежные наносы, спускались вниз. Сады с коротко подстриженной травой, цветы поднимаются на длинных стеблях, их венчики раскрыты вслед уходящему дню. Их головки склоняются как бы под забытым ветром. Все чисто, ухожено, ветви подрезаны, земля, вскопанная сегодня утром,— чьими руками?

Старк вспомнил гигантский лес, спящий в заливе, и поежился. Не хотелось думать, как давно эти цветы раскрыты в последний раз на видимом свете. Потому что они были мертвыми, как тот лес, как этот город. Вечно цветущие... и мертвы.

Старк подумал, что это был, наверное, тихий город. Трудно было представить тут толпы, стекающиеся на рыночную площадь по этим огромным улицам. Черные стены не отражали ни звука слов, ни смеха. Даже дети, наверняка, тихо ходили по садовым дорожкам — маленькие мудрые создания с врожденными древним достоинством.

Теперь он начал понимать значение жуткого леса. Залив Шараана не всегда был заливом. Он был богатой, плодородной долиной с громадным городом, а кое-где на верхних склонах были убежища каких-нибудь знат-

ных людей или философов... И от этих убежищ уцелел только замок Лхари.

Каменная стена не пускала Красное Море в долину. Потом она каким-то образом треснула, и зловещий поток медленно вплывал в плодородные низины, поднимался все выше, лизал башни и верхушки деревьев крутящимся пламенем и затопил страну навеки. Знал ли народ о наступлении бедствия? Может, он ушел, позаботившись в последний раз о своих садах, чтобы они остались прекрасными в бальзамирующих газах моря?

Колонны рабов под руководством надсмотрщиков, вооруженных маленькими черными предметами вроде того, каким пользовался Эджил, вышли на широкую площадь, дальний конец которой скрывался в красной тьме. И Старк увидел развалины.

В центре площади упало громадное здание. Только богам известно, какая сила взорвала стены и швырнула тяжелые плиты, точно это были маленькие камешки, в кучу. Единственная неопрятная вещь в городе — гора обломков.

Больше ничего поврежденного не было. Тут, похоже, было место храмов, и они стояли целехонькие вокруг всей площади; тусклые огни мерцали в их открытых портиках. Старку показалось, что внутри, в тени, он видит изображения, какие-то гигантские фигуры. Но ему не удалось рассмотреть их. Надсмотрщики ругались, и теперь Старк увидел, для чего здесь рабы: они расчищали место от обломков упавшего здания.

— Шестнадцать лет люди работают и умирают здесь,— шепнул Хильви,— а работа и наполовину не сделана. И зачем она вообще нужна Лхари? Я тебе скажу: потому что они безумны!

Это и впрямь казалось безумием: работать над этой кучей камней в мертвом городе на дне моря. Безумие. Но пусть Лхари и не в своем уме, но они не были дураками. Значит, для этого была причина, и причина достаточная — для Лхари, разумеется.

Надсмотрщик подошел к Старку и грубо толкнул его к саням, уже частично нагруженным битым камнем. Глаза Старка злобно сверкнули, но Хильви сказал:

— Иди, дурак! Уж не хочешь ли ты снова лежать без движения на спине?

Старк глянул на маленькое черное оружие и неохотно пошел. Так началась его работа.

Он вел странную жизнь. Он пытался отсчитывать время по периодам работы и сна, но сбился со счета и в конце концов решил, что это все ни к чему.

— Он работал вместе с другими, перетаскивая громадные блоки, очищая подвалы, частично уже открытые, подпирая непрочные стены подземелий. Рабы держались старой привычки называть рабочий период «днем», а период сна — «ночью».

Каждый «день» Эджил или его брат Конд приходили посмотреть, что сделано, и уходили насупленные и недовольные, приказывали ускорить работу. Треон также проводил здесь много времени. Он приходил медленно, передвигаясь по-крабьи неуклюже, усаживался на камни и молча смотрел своими красивыми глазами. Он возбуждал в Старке смутные предчувствия. В молчаливом терпении Треона было что-то странное, словно он ждал появления черной гибели, задерживающейся, но неминуемой. И Старк вспоминал пророчество Треона и вздрагивал.

Через некоторое время Старку стало ясно, что Лхари хотели добраться до подвалов. Много громадных черных пещер было уже расчищено, в них ничего не обнаружено, но братья все надеялись. Эджил и Конд снова и снова простукивали стены и полы и злились на задержку раскопок подземного лабиринта. Что они хотели найти — никто не знал.

Варра приходила тоже. Она часто дрейфовала в тусклых туманных огнях и наблюдала, улыбаясь загадочной улыбкой. Течения играли ее серебряными волосами. С Эджилом она почти не разговаривала, но не сводила глаз с высокого смуглого землянина, и было

что-то в ее взгляде, что тревожило его кровь. Эджил не был слеп, и ее взгляды тревожили его тоже, но в другом плане.

Зерит видела эти взгляды. Она держалась как можно ближе к Старку, ничего не требуя, только следуя всюду за ним с какой-то спокойной преданностью; ей было достаточно того, что он был рядом.

Однажды «ночью» в бараке рабов она присела у его тюфяка и положила руку на его голое колено. Она молчала, ее лицо скрывала плывущая масса волос.

Старк повернулся к ней и осторожно отвел светлое облако волос с ее лица.

— Что тебя тревожит, сестренка?

Ее глаза были широко раскрыты и затемнены смутной болью. Но она только сказала:

— Не мое дело говорить.

— Почему?

— Потому...— ее губы дрогнули.— Ох, я понимаю, это глупо. Но женщина Лхари...

— Что?

— Следит за тобой. Все время следит! А Лорд Эджил взбешен. У нее есть что-то на уме, и это принесет тебе только зло. И я знаю это!

— Мне кажется,— искренне сказал Старк,— что Лхари уже сделали нам всем столько зла, сколько могли.

— Нет,— ответила Зерит со странной мудростью,— наши сердца еще чисты.

Старк улыбнулся и поцеловал Зерит.

— Я буду осторожен, сестренка.

Она вдруг крепко обхватила руками его шею. Лицо Старка стало серьезным. Он неловко погладил Зерит по волосам. Она отодвинулась и свернулась на своем тюфяке и спрятала голову в руки.

Старк лег. Сердце его было печальным, а глаза щипало.

Красная вечность высасывала. Теперь уж Старк знал, что имел в виду Хильви, когда сказал, что мозг гибнет

раньше тела. Морское дно — не место для созданий воздуха. Он узнал также и назначение металлического ошейника, и о том, как умер Тобал.

— Здесь есть границы,— объяснил Хильви,— внутри них мы можем ходить, если после работы у нас останется еще сила и желание, но выйти за них мы не можем. Пробиться через барьер нельзя. Как это сделано, я не понимаю, но это так, и ошейники — ключи к этому. Когда раб приближается к барьеру, ошейник его начинает сверкать, как огонь, и раб падает. Я сам попытался, так что знаю. Наполовину парализованный, отползешь назад, в безопасность. Но если спятишь, как Тобал, и лезешь дальше, заряд барьера усиливается...— Он сделал руками рубящее движение.

Старк кивнул. Он стал объяснять Хильви электрические и электронные колебания, но самому ему было ясно, что Лхари не держит своих рабов чем-то в этом роде. Ошейники действуют в качестве проводников, возможно, тех же самых лучей, что генерировались и в ручном оружии. Когда металл пересекает невидимую пограничную линию, то включается силовой луч на центральной энергетической станции, как, скажем, послушный электрический глаз открывает двери, и дает сигнальный звонок. Первое предупреждение — затем смерть.

Границы были достаточно широкими и шли вокруг города и захватывали порядочный кусок леса за ним. Раб не мог спрятаться и среди деревьев, потому что его ошейник мог быть выслежен все тем же лучом, поставленным на низшую мощность, а наказание пойманного было таким, что лишь у весьма немногих хватало мужества рискнуть на такую игру.

Поверхность, разумеется, была полностью под запретом. Единственным неохраняемым местом был остров, на котором располагалась центральная энергетическая станция. И рабам иногда разрешалось бывать там ночами. Лхари заметили, что рабы живут дольше и работают лучше, если иной раз подышат воздухом и посмотрят на небо.

Старк не раз совершал такое паломничество с другими рабами. Они должны были подняться из красных глубин, через полосы огня, где проходили течения, через облака малиновых искр и через мрачные штилевые пятна, похожие на лужи крови. Компания белых призраков, обернутых в пламя, поднималась из своих могил, чтобы вкусить из утраченного ими мира кусочек.

Они так уставали на работе, что у них едва хватало силы вернуться в барак и лечь спать, но, тем не менее, они находили силы подняться, снова пройти по земле, избавиться от вечной малиновой тьмы и давления на грудную клетку, увидеть жаркую синюю ночь Шараана, вдохнуть аромат цветов, принесенный ветром... На это они находили в себе силы.

Они пели там, сидя на камнях, и смотрели сквозь туман в сторону берега, которого они больше никогда не увидят. Это их пение и слышал Старк, когда входил на корабле Мельфора в залив,— бессловесный крик скорби и утраты. А теперь он сам был тут, устраивая поудобнее Зерит и присоединяя свой низкий голос к примитивному упреку богам.

Пока он сидел, завывая точно дикарь, каковым он и был на самом деле, он изучал энергетическую установку — приземистый блокгауз. В те ночи, когда приходили рабы, стражники размещались снаружи. Кроме этого, блокгауз охраняли шоковым лучом. В ту ночь попытка захватить блокгауз означала верную смерть для всех, имеющих к нему отношение.

Старк сразу же отказался от всей этой идеи. Не было ни секунды, когда бы он не думал о побеге, он был тогда еще достаточно искушен в игре, чтобы биться головой о каменную стену. Как и Мельфор, он предпочитал ждать.

С появлением Старка Зерит и Хильви заметно изменились. Хотя они никогда не говорили об освобождении, но свой безнадежный вид утратили. Старк ничего им не обещал, но Хильви давно знал его, а у девушки было тонкое чутье и понимание, поэтому они оба подняли головы.

Однажды «днем», когда работа была окончена, из красной тьмы появилась улыбающаяся Варра и поманила к себе Старка. Сердце его подпрыгнуло. Не оглядываясь, он отошел от Хильви и Зерит и пошел к Варре по тихой широкой улице, ведущей к лесу.

ГЛАВА 8

Они оставили далеко за собой величественные здания и шли уже среди деревьев. Старку страшно не нравился лес. Город тоже был плох, но он был мертвым, честно мертвым, если не считать кошмарных садов. А в этих громадных деревьях было что-то страшное. У всех них была масса зеленых листьев, их обвивали цветущие лианы, внизу пышно разрослась поросль, и они стояли, как куча трупов, украшенных с помощью погребального искусства. Они качались и шелестели под взмахами свивающихся огней, их ветви склонились под этой ужасной порослью и пародией на ветер. Старк все время чувствовал себя здесь пойманным в ловушку и задушенным местными жесткими листьями и лианами.

Но он шел, и Варра скользила меж громадных стволов, как серебряная птица, и была, видимо, счастлива.

— Я часто приходила сюда, как только подросла. Этот лес — чудо. Здесь я могу летать, как мои соколы.

Она засмеялась, воткнула в волосы золотой цветок и снова побежала, сверкая белыми ногами.

Старк следовал за ней. Он понимал, что она имела в виду. Здесь, в этом странном мире, достаточно было одного движения, чтобы взлететь — всплыть, потому что давление уравновешивало вес тела. Было что-то захватывающее в том, чтобы подняться над вершинами деревьев, пронестись вниз сквозь перепутанные лианы и вновь взлететь вверх.

Варра играла со Старком, он это понимал. Кровь его бунтовала. Он легко мог бы схватить Варру, но не

делал этого; он только обгонял ее время от времени, показывая ей свою силу.

Они увеличили скорость, оставляя за собой пламенеющие следы: черный сокол охотился за серебряной голубкой в лесах грез.

Но голубка выросла в орлином гнезде. А Старк наконец устал от игры. Он схватил Варру, и они медленно поплыли по инерции в этом удивительном полете невесомости.

Ее первый поцелуй был ленивым, поддразнивающим, любопытствующим. Затем он изменился. Вся тлеющая в Старке ярость перекинулась на другой вид пламени. Он сжимал Варру грубо и жестко, а она беззвучно смеялась, и так же сжимала его, и он даже подумал, что ее губы — горький плод, причиняющий человеку боль.

Наконец, она оторвалась от него и села отдохнуть на широкой ветке, прислонясь к стволу. Она смеялась, и глаза ее были яркими и жесткими, как у самого Старка. Он сел у ее ног.

— Чего ты хочешь от меня? — спросил он.

Она улыбнулась. В ней не было ни уклончивости, ни пугливости. Она была крепка, как новый клинок.

— Я скажу тебе, дикий человек.

Он с изумлением взглянул на нее:

— Где ты подхватила это название?

— Я спрашивала о тебе землянина Ларраби. И это название отлично подошло к тебе. Вот что я хочу от тебя: убей Эджила и его брата Конда. И Бора тоже — он подрастет и будет еще хуже этих. Впрочем, последнее я могу сделать и сама, если тебе претит убивать ребенка. Хотя Бор не столько ребенок, сколько чудовище. Бабушка не вечна, да и без моих кузенов она мне не угроза. Треси вообще не в счет.

— А если я это сделаю — что тогда?

— Свобода. И я. Ты вместе со мной будешь править Шарааном.

Старк насмешливо прищурился:

— Надолго ли, Варра!

— Кто знает? Да это и неважно... Время покажет.— Она пожала плечами.— Кровь Лхари истощилась, пора влить в нее свежую струю. Наши дети будут править после нас и они будут людьми.

Старк громко захохотал.

— Мало того, что я раб Лхари. Я должен быть палачом и племенным быком! — Он резко взглянул на нее,— А почему все же я нужен тебе, Варра? Почему ты выбрала меня?

— Потому что, как я уже говорила, ты первый мужчина, которого я увидела с тех пор, как умер мой отец. Кроме того, в тебе есть что-что...— Она лениво потянулась, мазнув его губами. — Не думаешь ли ты, что это так уж плохо — жить со мной, дикий человек?

Она привлекала и раздражала, эта серебряная ведьма, сверкающая в тусклых огнях моря, полная злобы и смеха. Старк притянул ее и себе.

— Не плохо,— пробормотал он,— а опасно.

Он поцеловал ее. Она шепнула:

— Но я думаю, ты не боишься опасности?

— Напротив, я человек осторожный.— Он оттолкнул ее и заглянул ей в глаза.— А с Эджилом у меня свои счеты, но я не убийца. Бой должен быть честным, и Конд пусть позаботится о себе.

— Честный бой! А Эджил был честным с тобой... или со мной?

Он пожал плечами.

— Только по-моему, или никак.

Она задумалась, потом кивнула:

— Ладно. А что касается Конда, ты навяжешь ему долг крови, и гордость заставит его драться. Все Лхари гордые,— добавила она горько.— Это наше проклятие. Оно вошло в нашу плоть и кровь. Ты сам увидишь.

— Еще одно: Зерит и Хильви тоже должны быть освобождены. И вообще, нужно положить конец рабству.

Она посмотрела на него:

— Ты ставишь жесткие условия, дикарь.

— Да или нет?

— И да и нет. Зерит и Хильви ты получишь, если так настаиваешь, хотя одним богам известно, что ты нашел в этой бледной девчонке. Что же касается других... — Она насмешливо улыбнулась.— Я не дура, Старк. Ты хочешь обойти меня, а двое должны играть честно.

Он засмеялся:

— Справедливо. Теперь скажи мне, ведьма с серебряными локонами, как мне добраться до Эджила, чтобы я мог убить его?

— Я это устрою,— сказала она с такой злой уверенностью, что Старк не сомневался: она устроит. Он помолчал и спросил:

— Варра, что Лхари ищут на дне моря?

Она неторопливо ответила:

— Я тебе говорила, что мы гордый клан. Из-за своей гордости мы ушли с Высоких Плато много столетий назад. Теперь это все, что у нас осталось, но эта вещь большой силы. — Она помолчала. — Думаю, мы давно знали о городе, но он не имел для нас никакого значения, пока он не очаровал моего отца. Отец проводил в нем целые дни; изучая его, и именно он нашел оружие и машину силы на острове. Затем он нашел карту, спрятанную в тайном месте, а с нею и металлическую книгу. Эта книга была записана пиктограммами, как бы предназначенными для расшифровки, а карта показывала площадь с храмами и разрушенными зданиями и отдельный план подземных катакомб.

В книге говорилось о тайне — удивительной и страшной вещи. И мой отец был уверен, что разрушенное здание завалило вход в катакомбы, где хранится эта тайна. И он решил найти его.

Шестнадцать лет человеческих жизней,— подумал Старк и содрогнулся.

— Что это за тайна, Варра?

— Способ управлять жизнью. Как это делается, я не знаю, но якобы можно создать расу гигантов, чудо-

вищ или богов. Ты понимаешь, что это значит для гордого и умирающего клана?

— Да,— задумчиво ответил Старк.— Я это понимаю.

Величие идеи потрясло его. Строители города воистину были мудры в своих научных исследованиях, если развили такую чудовищную силу. Переделывать живые клетки тела по своей воле, творить, если ни саму жизнь, то ее форму.

Раса гигантов или богов. Лхари могли бы стать ею. Переделать свою дегенеративную плоть во что-что превосходящее человеческую расу, развить своих помощников и бойцев, чтобы никто не мог противостоять им, увидеть, как их дети превосходят всех человеческих детей... Старк пришел в ужас, представив себе, сколько зла они сделают, если завтра завладеют этим секретом.

— В книге было предупреждение,— сказала далее Варра, — значение которого не вполне понятно. Но, похоже, древние сознавали, что согрешили перед богами и будут наказаны за это чем-то вроде чумы. Это была чужая раса, не человеческая. Во всяком случае они разрушили громадное здание, чтобы это было барьером для тех, кто придет после них. И выпустили Красное Море, чтобы навеки скрыть свой город. Видно, они были суеверны, как дети, несмотря на все свои знания.

— Значит, вы плюнули на предупреждение, и вас не беспокоило, что для подтверждения его умер целый город?

Она пожала плечами.

— Треон много лет бормочет пророчества насчет этого, но его никто не слушает. Что касается меня, то мне плевать: откроют они секрет или нет. Я уверена, что тайна погибла вместе со зданием, а кроме того, я вообще не верю в подобные вещи.

— Кроме того,— с жесткой насмешкой сказал Старк,— тебе наплевать, что Эджил и Канд рассядутся на небесах Венеры, и весьма сомнительно, что тебе найдется место в этом новом пантеоне.

Она оскалилась.

— Ты чересчур умен для собственного блага. А теперь

— до свидания.— Она быстро и крепко поцеловала его и исчезла, поднявшись вверх, над вершинами деревьев, куда он не рисковал идти за ней.

Старк медленно направился обратно к городу, расстроенный и очень задумчивый.

Когда он вышел на центральную площадь, направляясь к баракам, он вдруг остановился; каждый нерв его натянулся.

Где-то в одном из темных храмов качался от удара обрядовый колокольчик, посылая в тишину свою глубокую дрожащую ноту. Звук шел медленно, как биение умирающего сердца, и смешивался с голосом Зерит, называющим имя Старка.

ГЛАВА 9

Старк осторожно перешел площадь и вскоре увидел Зерит.

Найти ее на представляло труда. Один из храмов был большой. Старк подумал, что когда-то этот храм стоял напротив входа в разрушенное здание, и громадная фигура внутри храма была поставлена, чтобы наблюдать за учеными и философами, приходившими грезить о великом, а иногда и ужасном.

Философы исчезли, ученые уничтожили сами себя. Но статуя все еще следит за потонувшим городом, ее руки подняты в предупреждении и в благословении.

На коленях статуи-рептилии лежала Зерит. Храм был открыт со всех сторон, и Старк ясно видел ее — маленькую белую частицу человечества на черной нечеловеческой фигуре.

Рядом с ней стоял Мельфор. Он и звонил в обрядовый колокольчик. Теперь колокольчик смолк, и слова Зерит отчетливо донеслись до Старка:

— Уходи! Уходи! Они ждут тебя! Не подходи сюда!

— Я жду тебя, Старк,— со смехом крикнул Мель-

фор.— Ты боишься подойти? — Он схватил Зерит за волосы и медленно с расчетом ударил ее дважды по лицу.

Всякое выражение исчезло с лица Старка, только глаза его загорелись мрачным огнем. Он не спеша двинулся к храму, но шел так, что казалось: даже великая армия не сможет остановить его.

Зерит вырвалась из рук отца. Возможно, так и предполагалось, чтобы она освободилась.

— Это ловушка,— вскричала она.— Эджил.

Мельфор снова схватил ее и ударил уже сильнее, так что она рухнула на колени статуи, что смотрела на все добрыми глазами и ничего не видела.

— Она боится за тебя,— сказал Мельфор. — Она знает, что я убью тебя, если смогу... Ну да, возможно, Эджил здесь. Я здорово избил ее и еще буду бить, пока она жива за то, что она предала меня. Боишься?

Старк боялся. Мелифор и Зерит были в храме одни. Колоннада была пуста. Однако Старк боялся, потому что инстинкт, более древний, чем речь, предупреждал его.

Но это не имело значения. Белая кожа Зерит была испещрена черными кровоподтеками. Мельфор улыбался, и это тоже не имело значения.

Он быстро прошел под тенью крыши, оставляя за собой полоску огня. Мельфор увидел его глаза, и его улыбка дрогнула и исчезла. Он пригнулся и в последний момент, когда смуглое тело бросилось на него, он выхватил спрятанный в поясе нож и ударил.

Старк не ожидал этого. Рабов обыскивали ежедневно на предмет возможного оружия, и даже осколок камня был под запретом. Значит, кто-то дал Мельфору нож, кто-то...

Пока он пытался увернуться от смертельного удара, в нем молнией пронеслась мысль: *слишком поздно... слишком поздно, потому что его же собственное движение несет его на острие...*

Рефлексы, более быстрые, чем у любого человека,— спусковой крючок реакций дикого существа. Мускулы

напряглись, центр равновесия переместился в ужасающе болезненном усилии, руки сжались в простреленный огнями красноте, словно стараясь укрепить ее вопреки ее собственным законам.

Лезвие сделало длинный разрез по всей груди Старка. Но не вошло. Он отклонился на долю дюйма, и оно не вошло.

Старк еще не успел обрести равновесия, как Мельфор бросился на него. Они схватились. Лезвие ножа блестело красным — голодный язык, жаждущий вкусить жизнь Старка. Мужчины катались, вспенивая море искрами, а статуя следила, ее спокойные черты рептилии оставались неизменно добрыми и мудрыми. Лезвие более темного цвета тянулось через танцующие огни. Старк прижимал руку Мельфора и крепко держал ее обеими руками. Теперь он оказался спиной к Мельфору. Тот пинал Старка и царапал его ногами, а левая рука его пыталась захватить горло землянина, но Старк прижал подбородок к груди. Тогда Мельфор стал рвать лицо Старка, подбираясь к его глазам.

Старк издал низкий звериный вой, неожиданно дернул головой и поймал челюстями руку Мельфора. Зубы впились в сочленение большого пальца и не выпускали его. Мельфор завизжал, но Старк переключил уже все свое внимание на ту руку Мельфора, что держала нож. Глаза Старка изменились: теперь это были глаза хищника-убийцы.

Раздался глубокий треск, и рука прекратила борьбу. Она склонилась в обратную сторону и выронила нож. Мельфор уже не мог даже кричать. Когда же Старк отпустил его, он попытался отползти, но не мог, и Старк сломал ему шею.

Землянин оттолкнул от себя тело, и оно медленно поплыло по течению через колоннаду, задевая черные столбы и наконец выплыло на площадь. Мельфор не спешил: теперь перед ним была вся вечность.

Старк осторожно отошел подальше от девушки, которая теперь пыталась встать и сесть. Старк чувствовал чье-то невидимое присутствие в тени и крикнул:

— Мельфор звал тебя, Эджил. Что же ты не пришел?

Искра движения в густой тьме выступила над колоннами.

— А зачем? — спросил Лорд Эджил Лхари.— Я обещал ему свободу, если он убьет тебя, но, похоже, он не смог, несмотря на то, что я дал ему нож и наркотик для твоего друга Хильви, чтобы тот не сунулся сюда.

Он вышел из темноты, красивый в желтой тунике и с черным тупорылым оружием в руке.— Самое главное было — заманить тебя в ловушку. Ты не подошел бы ко мне из-за этого,— он поднял оружие.— Конечно, я мог бы убить тебя за работой, но моя семья много чего наговорила бы по этому поводу — ты же исключительно хороший раб.

— Они сказали бы что-нибудь вроде слова «трус»,— мягко проговорил Старк,— а Варра с удовольствием выпустила бы на тебя свою птицу.

Эджил кивнул. Губы его жестко искривились.

— Именно. Тебя это, кажется, забавляет? Теперь моя милая кузина тренирует другого сокола, чтобы снова кинуть его на меня. Она ведь накрыла тебя колпачком сегодня, не так ли, иноземец? — Он засмеялся.— Прекрасно. Я не стану убивать тебя открыто, поскольку есть лучший способ. Я не хочу, чтобы по всему Красному Морю болтали, как моя кузина променяла меня на чужеземного раба. Я не хочу, чтобы знали, как я ненавижу тебя и за что: нет, я убил бы Мельфора в любом случае, если бы этого не сделал ты,— потому что он тоже знал. А когда я убью тебя и девчонку, я унесу ваши тела к барьеру и оставлю там, и тогда всем, даже Варре, будет ясно, что вы погибли при попытке к бегству.

Оружие было направлено прямо на Старка, пальцы Эджила задрожали на спусковой кнопке. На этот раз полный заряд. Не паралич, а смерть. Старк прикинул расстояние между собой и Эджилом. Возможно, он умрет раньше, чем ударит, но инерция его удара может

опрокинуть Эджила и дать возможность Зерит убежать. Он напряг мышцы.

— А будет ли очевидно, как и почему умер я,— раздался голос.— Ведь если ты убьешь их, тебе придется убить и меня.

Откуда возник Треон, Старк не знал. Но тот был здесь. Голос его звучал, как громкая музыка, глаза сияли светом обреченности.

Эджил яростно выругался:

— Идиот! Кривой урод! Как ты здесь оказался?

— Как приходит ветер или дождь? Я же не такой, как другие.— Он грустно засмеялся.— Я здесь, Эджил, это́ главное. И ты не убьешь этого чужака, который больше зверь, чем человек, и больше человек, чем любой из нас. Им пользуются боги.— Он встал между Старком и Эджилом.

— Уйди с дороги,— сказал Эджил.

Треон покачал головой.

— Отлично,— сказал Эджил.— Если ты хочешь умереть — пожалуйста.

Глаза Треона вспыхнули.

— Это день смерти,— сказал он тихо,— но не его и не мой...

Эджил бросил короткое грязное слово и снова поднял оружие.

Все произошло очень быстро. Старк прыгнул, изогнулся над головой Треона и пронесся через горящие красные газы, как горящая стрела. Эджил отступил и нажал кнопку.

Что-то белое бросилось между Старком и Эджилом и приняло всю силу удара.

Что-то белое. Тело девушки, увенчанное струящимися волосами, с ярко блестящим металлическим ошейником на красивой шее.

Зерит.

Они забыли о ней, о избитой девочке, что скорчилась на коленях статуи. Старк старался держать ее подальше от опасности, а для мощи Эджила она не представляла

угрозы, а мысли Треона были заняты лишь им самим и ветрами, что говорили с ним. Она же незамеченная сползла со статуи, и один последний рывок поставил ее между Старком и смертью.

Прыжок Старка перенес его через нее и бросил на Эджила, и это произошло так быстро, что Лорд Лхари не успел выпустить второй заряд.

Старк вырвал оружие из его рук. Он был холоден, как лед, и странная слепота овладела им, так что он не видел ничего, кроме лица Эджила. Он закричал ужасным смертельным воплем дикой кошки, находящейся за пределами разума и страха.

Треон наблюдал. Наблюдал, как кровь струится в море, услышал, как наступила тишина, увидел, как то, что было раньше его кузеном, медленно поплыло по течению, и не удивился, как будто видел все это и раньше.

Старк подошел к телу Зерит. Девушка еще слабо дышала. Ее глаза посмотрели на Старка, и она улыбнулась.

Теперь Старк ослеп уже от слез. Вся его ярость ушла с кровью Эджила, осталась только горькая жалость, печаль и благоговение. Он нежно поднял Зерит и держал на руках. Его слезы падали на ее уже неподвижное лицо. Он понял, что она умерла.

Через какое-то время к нему подошел Треон.

— Она была рождена для такого конца,— сказал он тихо.— Она знала это и была по-своему счастлива. Даже сейчас она улыбается. И будет улыбаться, потому что смерть ее была лучше, чем будет у многих из нас.— Он положил руку на плечо Старка.— Пойдем, я покажу тебе, где положить ее. Там она будет в безопасности, а завтра ты похоронишь ее там, где она хотела бы.

Старк пошел за ним, к пьедесталу статуи, нажал в определенном порядке серию скрытых кнопок, и секция площади бесшумно отошла, показав каменные ступеньки, идущие вниз.

ГЛАВА 10

Треон повел Старка вниз, в темницу, которая освещалась только теми тусклыми огнями, которые они сами внесли за собой. Течений здесь не было. Красный газ лежал плотно и спокойно, запертый стенами из черного камня.

— Катакомбы,— сказал Треон.— Лабиринт показан на карте, которую нашел мой отец.— И он рассказал Старку еще раз о том, о чем говорила ему Варра.

Треон шел уверенно, его искалеченное тело двигалось без колебаний мимо боковых коридоров и дверей, за которыми прятался мрак.

— Здесь вся история города. Все книги, все знания, уничтожить которые у них не хватило духу. Оружия здесь нет, это был не воинственный народ, и я думаю, что сила, которую мы, Лхари, использовали по-другому, была лишь оборонной, защищая их от хищных животных и набегов диких племен болот.

С большим трудом Старк отвлек свои мысли от своей белой ноши.

— Я думал,— глухо сказал он,— что лабиринт находится под разрушенным зданием.

— Мы все так думали. Нас заставили так думать: для этого и разрушили здание. А мы, Лхари, шестнадцать лет убивали мужчин и женщин, чтобы расчистить развалины. Храм тоже был обозначен на карте, но мы думали, что это просто ориентир для определения здания. Но я начал размышлять...

— Давно ты узнал?

— Недавно. Много сезонов я искал секрет этого прохода. Я приходил сюда по ночам в то время, когда остальные спали.

— И ты им не сказал?

— Нет! Ты думаешь, что если бы я рассказал, это положило бы конец рабству и смертям. Ну, а потом? Моя семья повернула бы силу на разрушение мира, как

был разрушен этот город. Нет, для рабов лучше умирать.— Он потянул Старка в сторону, между открытыми золотыми дверями, в огромное помещение.— Это место захоронения королей. Оставь малышку здесь.

Старк огляделся вокруг, слишком оцепеневший, чтобы чувствовать страх, но все же влияние места сказалось.

Ровными рядами стояли ложа из черного мрамора, и ряды эти были так длинны, что им, казалось, не было конца. На ложах спали старые короли. Их тела, чудесно забальзамированные, были покрыты шелковыми покрывалами, руки сложены на груди, мудрые, нечеловеческие лица отмечены печатью мира и покоя.

Старк осторожно опустил Зерит на мраморное ложе, покрыл ее шелком, закрыл ей глаза и сложил ее руки, и ему показалось, что ее лицо тоже выражало мир и покой. Он вышел с Треоном, подумав, что никто из них там не заслужил места в зале королей, как Зерит.

— Треон!

— Да?

— Ты произнес пророчество, когда я пришел в замок: я должен выполнить его?

— Треон кивнул:

— Таков путь пророчества.

Он не свернул к храму, а повел Старка в глубь катакомб. Страшное возбуждение горело в нем, и этот свет и ужас передавались Старку. Треон неожиданно принял облик судьбы, и у землянина возникло ощущение, что его схватил какой-то поток, неумолимо тащит, смахивая все со своего пути. И плоть Старка вздрагивала.

Наконец они достигли конца коридора. И там, в красной тьме, перед черной и закрытой на засов дверью сидела фигура. Гротескная, невероятно уродливая, так странно искаженная, что, по сравнению с ней, тело Треона казалось почти прекрасным. Но лицо фигуры было таким же, как и у статуи в храме, и у старой королевы. Глубоко ввалившиеся глаза все еще хранили

мудрость. Одна из семипалых рук все еще казалась гладкой и нежной.

Старк отшатнулся. Эта фигура вызывала в нем физическую тошноту. Он хотел повернуть обратно, но Треон удержал его.

— Подойди ближе. Он мертв, забальзамирован, но у него есть сообщение для нас. Все это время он ждал, чтобы передать его.

Старк неохотно шагнул вперед. И вдруг фигура заговорила:

— Посмотри на меня. Посмотри и подумай, прежде чем захватить ту силу, что лежит за дверью!

Старк вскрикнул и отскочил назад. Треон улыбнулся.

— Так было и со мной. Но затем я выслушал это много раз. Он говорит не голосом, а внутри мозга и только в том случае, если человек перейдет запредельную границу.

Разумная часть мозга Старка обдумывала это. Мысль-сообщение явно включалась электрическим лучом. Древние хорошо позаботились, чтобы их предупреждение было услышано и понято любым существом, решившим загадку катакомб. Мысль-образ, переданная непосредственно в мозг, не знает границ времени и языка.

Старк снова шагнул вперед, и телепатический голос заговорил опять:

— Мы вмешались в тайны богов. Мы не хотели зла. Мы любили совершенство и хотели сделать все живые существа такими же безупречными, как наши дома и сады. Мы не знали, что нарушаем закон...

Я был одним из тех, кто нашел способ изменять живые клетки. Мы пользовались невидимой силой, пришедшей из Страны Богов из-за неба, и так приспособили ее, что могли строить из живой плоти, как гончар из глины. Мы излечивали хромых и увечных, восстанавливали рост, выпрямляли тех, кто выходил из яйца согнутым, и какое-то время были как бы братьями самих богов. И я сам, даже я познал радость совершенства. А затем пришла расплата.

Клетка, измененная однажды, не останавливается в своем изменении. Увеличение шло медленно, и сначала мы просто не замечали его, а когда заметили, было уже поздно. Мы стали городом чудовищ. И сила, которой мы пользовались, принесла нам только вред, потому что чем больше мы старались привести чудовищную плоть к ее нормальному состоянию, тем больше стимулировали клетки к росту, пока, наконец, тела, с которыми мы работали, не стали похожи на сырую глину, расползавшуюся прямо на глазах.

Жители города, один за другим, убивали себя. А те, кто остался, осознали кару богов и свой долг. Мы все приготовили и впустили Красное Море, чтобы оно навеки скрыло нас от нашего рода и от тех, кто придет потом.

Но мы не уничтожили наши знания. Может быть, нам не позволяла наша гордость, но мы просто не в силах были сделать это сами... Может, другие боги, другие расы, более мудрые, смогут отбросить зло и оставить только благо. Потому что это благо для всех созданий — стать, если не совершенством, то по крайней мере, сильными и здоровыми.

Но ты, кто бы ты ни был, выслушай внимательно это предупреждение: если твои боги ревнивы, если твой народ не имеет такой мудрости и знаний, чтобы успеть там, где мы потерпели неудачу,— в контроле над этой силой — тогда не касайся ее! Иначе ты и весь твой народ станет такими же, как и я.

Голос умолк. Старк снова отступил назад и недоверчиво спросил Треона:

— И твоя семья игнорировала бы это предупреждение?

Треон засмеялся.

— Они глупцы. Они жестоки, жадны и горды без меры. Они скажут, что это придумано для отпугивания дураков, что человеческая плоть не подчиняется тем законам, что управляют плотью рептилий... или еще что-нибудь в этом роде. Они скажут что угодно, потому

что они грезили об этом слишком долго, чтобы теперь отказаться.

Старк пожал плечами и взглянул на черную дверь.

— Эту вещь надо уничтожить.

— Да,— тихо сказал Треон.

Глаза его сияли, глядя на какую-то личную мечту. Он шагнул вперед. Старк хотел идти за ним, но Треон отодвинул землянина и проговорил:

— Нет. Ты в этом не участвуешь...

Он покачал головой.

— Я ждал,— прошептал он как бы про себя.— Ветры приказали мне ждать, пока не созреет нужный день, чтобы упасть с дерева смерти... Я ждал, и сегодня на рассвете ветер сказал мне: «Настало время взять плод в руки».— Он взглянул на Старка, и в его глазах светился чистый разум.— Ты слышал, Старк: «Мы восстанавливали рост и выпрямляли тех, кто выходил из яйца согнутым». Настал мой час. Я буду стоять как человек хотя бы на то малое время, что осталось.

Он повернулся, и Старк не пошел за ним. Он смотрел, как удаляется скрюченное тело Треона, пока оно не миновало чудовищного стража и не подошло к черной двери. Потянулись его длинные руки и отодвинули на двери засов. Дверь медленно качнулась, и Старк медленно и мельком увидел комнату. Там стояло сооружение из хрустальных дисков и стержней, стоявшее на металлическом основании; все оно сияло и сверкало тревожным синеватым светом, который тускнел и вновь загорался, как бы отражая какой-то пульсирующий луч. Были там и другие аппараты — замысловатые нагромождения трубок и конденсаторов, но то, первое, сооружение было сердцем всего, и сердце все еще жило.

Треон вошел и закрыл за собой дверь.

Старк отошел подальше от двери и ее стража и присел на корточки у стены. Он размышлял насчет аппаратуры. Невидимая сила, пришедшая из-за неба — видимо, космические лучи. Даже теперь все их потенциальные возможности еще не изучены. Однако неко-

торые неудачливые космолетчики обнаружили, что при определенных условиях эти лучи могут делать поразительные вещи с человеческой тканью. И эта мысль Старку вовсе не нравилась. Он попытался полностью отвлечь мысли от Треона. Он пытался вовсе не думать. В коридоре было темно и очень тихо, бесформенный ужас спокойно сидел у двери и ждал вместе со Старком.

Старк ждал. Через какое-то время он подумал, что Треон умер, но не двинулся. Ему не хотелось идти в эту комнату и смотреть.

Он ждал.

Внезапно он вскочил, обливаясь холодным потом. По коридору прокатился треск. Звук разбитого хрусталя на высокой звенящей ноте.

Дверь открылась. Вышел мужчина, высокий и сильный, красивый, как ангел. Крепко сложенный мужчина с лицом Треона с его трагическими глазами. Комната за ним была темной. Пульсирующее сердце энергии остановилось.

Дверь закрылась, засов задвинулся. Голос Треона произнес:

— Остались пленки и много аппаратуры, так что секрет полностью утерян. Но он недосягаем.— Он подошел к Старку и протянул ему руку.— Давай сражаться вместе, как мужчины. И не бойся: я умру задолго до того, как это тело начнет изменяться.— Он улыбнулся знакомой улыбкой, полной жалости ко всему живому.— Я это знаю. Ветры мне сказали...

Старк взял протянутую руку и пожал ее.

— Хорошо,— продолжал Треон,— а теперь веди, иноземец с неистовыми глазами. Потому что пророчество о тебе, и этот день твой, а я, всю жизнь ползавший, как улитка, мало что знаю о битвах. Веди, и я пойду за тобой.

Старк потрогал свой ошейник:

— Ты можешь избавить меня от этого!

Треон кивнул:

— В одной из комнат здесь есть инструменты и кислота.

Он быстро нашел все необходимое и принялся за работу. А. Старк в этом время думал и улыбался — но в его улыбке вовсе не было жалости.

Наконец они вернулись в храм, и Треон закрыл вход в катакомбы. Все еще была ночь, потому что рабов на площади не было. Старк нашел оружие Эджила.

— Нам надо спешить,— сказал он.— Идем.

ГЛАВА 11

Остров был плотно окутан туманом и синей тьмой ночи. Старк и Треон тихо пробирались меж камней, пока не увидели свет факелов, пробивающихся сквозь узкие окна энергетической станции.

Там было семь стражников — пятеро внутри, а двое патрулировали снаружи.

Продвигаясь ближе, Старк скользил точно тень; ни один камешек не сдвинулся под его босыми ногами. Наконец он нашел подходящее место и скорчился там. Часовой находился не далее чем в трех футах: он позевывал и с надеждой глядел на небо, ожидая первых признаков рассвета.

Прозвучал голос Треона, приятный, хорошо знакомый:

— Эй, стража!

Часовой обернулся. Вдоль каменной стены бежал второй стражник, шлепая сандалиями по мягкой земле.

— Кто говорит? — спросил первый,— Лорд Треон! — Он вглядывался в темноту. И Треон ответил.

— Да.— Он был достаточно далеко, так что они смутно видели его лицо, но тело его скрывалось за камнями и кустарником.

— Быстро,— приказал он,— велите открыть мне ворота.— Он говорил прерывисто, как будто очень спешил.— Трагедия! Беда! Велите же им открыть!

Один из стражников бросился выполнять приказ и замолотил в массивную дверь, запертую изнутри. Другой стоял вытаращив глаза. Дверь открылась, и красный туман залился потоком желтого Света факелов.

— В чем дело? — кричали люди изнутри.— Что там случилось?

— Выходите! — задыхаясь, выкрикнул Треон.— Мой кузен, Лорд Эджил умер... убит рабом.

Трое или четверо стражников вышли наружу, в круг света, с испуганными лицами, словно они боялись, что их сочтут ответственными за это убийство.

— Вы знаете этого раба,— продолжал Треон,— высокий, черноволосый землянин. Он убил Лорда Эджила и бежал в лес, и нам нужны дополнительные стражники, чтобы ловить его, поскольку вполне возможно, что его охраняют другие мятежные рабы. Вот ты... и ты...— Он ткнул пальцем в четырех самых крепких стражников,— сейчас же идите и присоединитесь к поисковому отряду, а я с остальными останусь здесь.

Это почти сработало. Четверо неуверенно сделали несколько шагов, но затем один остановился и с сомнением проговорил:

— Милорд, ведь нам запрещено оставлять свой пост по каким бы то ни было причинам. Лорд Конд убьет нас, если мы уйдем.

— А вы боитесь лорда Конда больше, чем меня,— философски заметил Треон.— Ну ладно, я понял.— И он шагнул вперед, в полный свет.

Приглушенный вздох, затем испуганный вопль. Люди, вышедшие со станции, были вооружены только мечами, но часовые снаружи имели парализаторы. Один из этих часовых заверещал:

— Это Демон с голосом Лорда Треона!

И оба черных оружия уставились на Треона. Старк, находящийся позади часовых, в быстрой последовательности выпустил два бесшумных заряда, и часовые упали, на много часов очистив путь. Старк бросился к двери.

Два стражника сделали то же самое и столкнулись

со Старком, в то время как третий повернулся к Треону, чтобы удержать его мечом, пока остальные не убегут в здание энергостанции.

Увидев, что безоружный Треон в опасности, Старк выпустил заряд между двумя сбившими его с ног стражниками и уложил того, что угрожал Треону. Затем образовалась куча бьющихся рук и ног, и ловкий удар выбил оружие из руки Старка. Треон добавил к потасовке и себя. Радуясь своей новой силе, он схватил одного стражника за шею и отшвырнул его. Стражники были крупными и мощными и сражались отлично. Старк был избит и окровавлен, прежде чем сам сумел нанести решающий удар.

Кто-то бросился мимо него к двери. Треон взвыл. Уголком глаза Старк увидел, что Лхари сидит на земле, а дверь закрылась.

Старк бросился к двери и ударил тяжелую панель плечом с такой силой, что чуть не задохнулся от усилия. Дверь распахнулась, и оттуда послышался крик боли и звук падения. Старк ворвался внутрь и увидел, что последний стражник катил к двери все, что только можно было, но что-то отскочило обратно и упало ему на ноги. Стражник не успел вытащить меч. Старк, не останавливаясь, нырнул в человека головой, сбил его с ног и покончил с ним с оперативностью дикаря.

Затем он поднялся на ноги, отдышался, сплюнул кровь и огляделся. Один из стражников сбежал явно для того, чтобы поднять тревогу.

Механизм был простой. Он состоял из большого черного металлического предмета, размером и формой напоминавшего гроб и снабженного решетками, линзами и циферблатами. Механизм мягко жужжал, но каков был источник его энергии, Старк не знал. Может, те самые космические лучи, приспособленные для другого использования.

Старк повернул то, что выглядело главным выключателем; жужжание прекратилось, и мерцающий свет в линзах умер. Он поднял меч убитого стражника и

тщательно переломал все, что только можно было сломать. А затем вышел.

Треон уже стоял, тряся головой и печально улыбаясь.

— Похоже, что одной силы явно не достаточно,— сказал он.— Нужно иметь еще и ловкость.

— Барьеры сняты,— сказал Старк.— И путь свободен.

Треон кивнул, и они пошли обратно в море. На этот раз оба несли парализаторы, взятые у стражников — шесть, считая и оружие Эджила. Полное вооружение для войны.

Пока они быстро погружались в красные глубины, Старк спросил:

— А как насчет народа Шараана? Как они будут сражаться?

— Люди выводка Мельфора будут стоять за Лхари. Это их единственная надежда. Другие будут ждать и смотреть, на чьей стороне перевес. Они поднялись бы против Лхари, если бы осмелились, потому что мы принесли им только страх. Но они, я думаю, будут выжидать.

Старк кивнул и больше не заговаривал. Они проплыли над молчаливым городом. Старк подумал об Эджиле и Мельфоре, которые составляют часть этой тишины, медленно проплывая по пустынным улицам, где их подхватывают медленные течения и обертывают в саван тусклых огней. Он подумал о Зерит, спящей в зале королей, и глаза его горели холодным жестким светом.

Они спустились к баракам рабов. Треон остался на страже снаружи, а Старк пошел, взяв с собой лишнее оружие.

Рабы спали. Одни стонали во сне, других вообще можно было принять за мертвых по их впалым бледным лицам. Рабы. Сто четыре, считая женщин.

Старк закричал, и они проснулись, глядя на него полными ужаса глазами. Затем они узнали его, увидели, что он без ошейника, а также вооружен, и подняли такой гвалт, что Старку пришлось еще раз крикнуть, призывая к тишине. Затем подал голос Хильви, очнувшийся от наркотического сна.

Старк рассказал вкратце всем о случившемся.

— Теперь вы свободны,— сказал он,— и можете сегодня выжить или умереть как люди, а не как рабы.— Он сделал паузу.— Кто пойдет со мной в Шараан?

Они все ответили одним голосом Потерянных Душ, увидевших, что красное покрывало смерти начинает отходить от них, Потерянных Душ, которые вновь обрели надежду.

Старк засмеялся. Он был счастлив. И он раздал оружие: Хильви и трем другим — по особому своему выбору. Хильви посмотрел ему в глаза и тоже засмеялся.

Треон сказал в открытую дверь:

— Идут.

Старк быстро проинструктировал Хильви и выскочил, взяв с собой одного из мужчин. Они вместе с Треоном спрятались в аллее сада рядом с бараком.

Подошло двадцать стражников, высоких и вооруженных людей, чтобы гнать рабов на работу — таскать бесполезные камни.

Спрятанное оружие заговорило своим молчаливым языком. Восемь стражников упали внутри барака, девять снаружи. Десять рабов умерло, прежде чем были перебиты и остальные три стражника.

Теперь у них стало двадцать мечей на девяносто четыре раба, включая женщин. И рабы прошли через город, поднялись над спящим лесом и вышли из красной тьмы и тишины, чтобы снова обрести свет.

Первый бледный свет зари просеивался сквозь облака, когда они поднялись на скалы под замком Лхари. Старк отделился от рабов и скользнул тенью к тому месту, где был спрятан его пистолет. Ничто нигде не шевелилось. С моря поднимался кровавый туман, а лицо Венеры все еще было темным. Только облака были слегка тронуты перламутром.

Старк вернулся к остальным. Один из парализаторов он отдал жителю болот с холодным безумием в глазах. Затем он сказал несколько слов Хильви и пошел с Треоном назад, под поверхность моря.

Треон прошел вдоль выступающего из моря утеса, коснулся руки Старка и указал на круглое отверстие.

— Оно сделано очень давно, чтобы Лжари и их рабы могли входить и выходить незаметно. Идем — только очень тихо.

Они поплыли по туннелю вниз, в темноту, пока подъем пола не вынес их над поверхностью моря. Затем они бесшумно пошли, время от времени останавливаясь и прислушиваясь.

Их единственной надеждой была внезапность появления. Треон сказал, что двое могут пройти, а большее число людей наверняка будет замечено, и люди просто встретят быстрый конец от рук стражников.

Старк целиком полагался в этом на Треона и не напрасно.

Они подошли к гладкой стене из полированного камня. Треон нажал плечом с одной стороны, и громадный блок медленно повернулся на центральном стержне. В отверстии появился свет факелов, но в помещении никого не было.

Они шагнули туда, и как раз в это время в комнату вошел слуга в ярких шелках; он собирался заменить угасающий факел на новый. Увидев их, слуга выронил факел. Рот его закрылся, но ни одного звука из него не вышло. Старк вспомнил, что у здешних слуг нет языков,— чтобы не болтали о том, что видят и слышат в замке. Треон заговорил. Человек повернулся и пустился бежать по длинному, тускло освещенному коридору. Старк без труда догнал его и ударил рукояткой пистолета. Слуга упал и затих.

Треон поспешил наверх. Лицо его выглядело экзальтированным, странный блеск глаз заставлял Старка вздрагивать. Они прошли по ряду пустых темных комнат, никого не встретив. Наконец Треон остановился у маленькой дверцы полированного золота, взглянул на Старка, кивнул, толкнул дверь и вошел.

ГЛАВА 12

Они стояли в громадном зале, конец которого исчезал в темноте. Как и раньше, горела гроздь серебряных ламп, и в круге света Лхари смотрели на чужих, вошедших в их личную дверь.

Конд, Эйрил, сложившая руки на коленях; Бор колотил маленького дракона, чтобы заставить его шипеть и щелкать челюстями и смеялся над его бессилием; Варра, держа птицу на запястье, пробовала белыми пальцами остроту его клюва... и старуха, не успевшая донести до рта кусочек жирного мяса.

Все они застыли на месте. А Треон медленно подошел к свету.

— Узнаете меня? — спросил он.

По всем ним пробежала странная дрожь... Как и тогда, старуха заговорила первой, и глаза ее жадно заблестели.

— Ты Треон,— сказала она, и все ее громадное тело всколыхнулось.

От черных стен отразился крик и шепот:

— Треон! Треон! Треон!

Конд бросился вперед и коснулся дрожащими пальцами прямого и сильного тела своего кузена:

— Ты нашел секрет?

— Да.— Треон поднял свою серебряную голову и засмеялся красивым мелодичным звоном далекого колокольчика.— Да, я нашел его, но секрет исчез, уничтожен, и вам вовек не получить его. Эджил умер, и дни Лхари сочтены.

Наступило долгое молчание. Затем старшая женщина прошептала:

— Ты лжешь!

Треон повернулся к Старку, отвечая:

— Спроси его, иноземца, который принес на своем челе знамение смерти. Спроси его — лгу ли я.

Лицо Конда стало каким-то нечеловеческим. Он издал странный, безумный вопль и кинулся к горлу Треона.

Бор вдруг закричал. Его одного не интересовала находка или утрата тайны и, кажется, только он один понял значение присутствия Старка. Он вопил, глядя на крупного смуглого мужчину, и вдруг бросился вон из зала, на бегу созывая стражу. Он распахнул большие двери и выбежал, и в это время со двора донеслись звуки битвы.

Рабы с мечами, дубинами, копьями и просто камнями перебрались через стену с утесов.

Старк двинулся вперед, но Треон не нуждался в его помощи: он держал Конда за горло и улыбался. Старк не стал мешать.

Старуха задыхалась, говорила, ругалась, приказывала. Эйрил вдруг засмеялась. Она не двинулась с места, руки ее по-прежнему праздно лежали на коленях. Она смеялась и смеялась, а Варра с ненавистью смотрела на Старка.

— Ты дурак, дикий человек,— сказала она и добавила.— Ты не хотел взять то, что я тебе предлагала, так теперь не получишь ничего, кроме смерти.

Она сдернула колпачок с головы птицы и бросила ее прямо в Старка. Затем выхватила из-за пояса нож и вонзила его в бок Треону.

Треон покачнулся. Рука его, державшая горло Конда, ослабла, и Конд вырвался, полузадушенный, разъяренный, с пеной на губах. Он вытащил свой короткий меч и взмахнул им над Треоном.

Яростные крылья птицы били и грохотали над головой Старка, когти целились в его глаза. Старк взмахнул левой рукой, схватил птицу за ноги и держал ее — недолго, но достаточно для того, чтобы выстрелить в Конда. Затем он свернул птице шею.

Он швырнул сокола к ногам Варры и снова поднял пистолет. С дальнего конца зала бежали стражники, и Старк стал стрелять в них. Треон сидел на полу.

Кровь непрерывно текла из его бока, но он держал в руках шоковое оружие и по-прежнему улыбался.

Снаружи доносился страшный шум и рев. Люди дрались там, убивали, умирали, кричали от радости или от боли. В зале бушевало эхо, а шум от пистолета Старка напоминал шипящий гром. Стражники, вооруженные только мечами, падали, как колосья под серпом, но их было много, слишком много, чтобы Старк и Треон могли долго сдерживать их.

Старуха вопила и визжала и вдруг затихла.

Сквозь стражников пробился Хильви с кучкой рабов в ошейниках. Все растворилось в крутящемся хаосе.

Старк отбросил свой разряженный пистолет, схватил меч мертвого стражника и стал прорубать себе дорогу к Хильви.

Внезапно Треон выкрикнул его имя. Старк отскочил от человека, с которым сражался, и увидел как падает Варра с кинжалом в руке. Она собиралась ударить им в спину Старка, но Треон увидел это и успел нажать на спуск. И в первый раз на глазах Треона выступили слезы.

Старка замутило. Было что-то ужасное в этом зрелище семейного самоуничтожения. В нем было много от дикаря, чтобы испытывать какие-либо сентиментальные чувства к Варре, но все-таки он некоторое время не мог смотреть на Треона.

Теперь он оказался спина к спине с Хильви, и они размахивали мечами — парализаторы были разряжены, как и пистолет Старка. Хильви говорил, задыхаясь:

— Хороший был бой, брат! Мы не можем победить, но зато у нас будет приличная смерть, а это лучше рабства!

Казалось, что Хильви был прав: рабы, истощенные долгим затворничеством на дне Красного Моря и непосильной работой, были отброшены. Поток их повернулся, и Старк был вынесен этим потоком во двор, но и там он упорно продолжал биться.

Громадные ворота были открыты. За ними стоял

народ Шараана и смотрел. Смотрел и пятился. Треон так и предполагал: они будут смотреть и ждать. Впереди, опираясь на палку, стоял Ларраби, землянин.

Старк пробил себе путь к стене, прижался к ней спиной и стоял, тяжело дыша, покрытый потом и кровью. С его меча капала кровь. Он взмахнул им и крикнул людям Шараана:

— Чего вы ждете, трусливые бабы? Лхари мертвы. Потерянные Души освобождены. Так неужели мы, земляне, должны делать всю работу за вас? — и он взглянул прямо на Ларраби.

Ларраби встретил его взгляд; его темные страдающие глаза были полны горькой радости.

— Ну, конечно,— сказал он по-английски.— А почему бы и нет! — Он вскинул голову — уже без горечи. Затем он издал высокий пронзительный мятежный вопль и, подняв в руке палку точно дубину, заковылял к воротам. Люди Шараана обрели языки и пошли за Ларраби...

Очень скоро все было кончено.

Тело Бора нашли в стойле, где он спрятался, когда начался бой. Драконы, очумевшие от запаха крови, убили его.

Хильви не пострадал. Ларраби — тоже. Он осторожно держался в стороне, после того, как толкнул людей Шараана в атаку. Почти половина рабов погибли, остальные были ранены. Из тех, кто служил Лхари, уцелели лишь единицы.

Старк вернулся в большой зал. Он шел медленно, потому что страшно устал. Ноги его оставляли кровавые следы, и руки были красны до локтей, и грудь была забрызгана красным. Треон смотрел на него и кивал с улыбкой.

— Все так, как я говорил! И я пережил их всех.

Эйрил наконец перестала смеяться. Она не пыталась бежать, и волна битвы прокатилась над ней, невзначай утопив и ее. Старуха лежала на своей постели неподвижной горой плоти. Руки ее все еще держали спелый

плод; она конвульсивно сжала его в момент смерти, и красный сок стекал по ее пальцам.

— Теперь и я ухожу,— сказал Треон,— и я очень доволен. Со мной уходят последние остатки нашей гнилой крови, и Венера станет чище. Похорони мое тело поглубже, иноземец с неистовыми глазами. Я не хочу, чтобы оно видело дальнейшее.— Он взмахнул и упал.

Маленький дракон Бора с плачем выполз из-под старухиной постели и заковылял из зала прочь, волоча за собой веревку.

* * *

Старк склонился над гакабортом; глядя на темную массу Шараана, уходящую в Красный туман.

Палуба была заполнена неместными рабами, едущими домой. С Лхари покончено, Потерянные Души освобождены навеки, и Шараан теперь всего лишь порт на Красном Море. Его люди по-прежнему останутся разбойниками и пиратами, но это естественно, и так оно и должно быть. Но черное зло ушло.

Старк был рад увидеть конец этого зла. И он также был бы рад увидеть конец Красного Моря.

Береговой ветер быстро нес корабль по заливу. Старк подумал о Ларраби, который остался позади со своими мечтами о земном снеге, о городских земных улицах и о женщинах с изящными ножками. Он так долго прожил в Шараане, что у него не хватило духу уехать.

— Бедняга Ларраби,— сказал он Хильви, стоявшему рядом.— Он умрет в грязи, проклиная ее.

Позади кто-то хихикнул. Старк увидел волочащиеся ноги и, повернувшись, увидел подходящего Ларраби.

— В последнюю минуту передумал,— сказал Ларраби.— Я был внизу, чтобы мой грязный выводок не увидел меня и не уговорил передумать еще раз.— Он наклонился к Старку и покачал головой.— Ничего, они

прекрасно обойдутся и без меня. Я старик и имею право умереть, где хочу. Я поеду с тобой на Землю.

Старк глянул на него.

— Я не еду на Землю.

Ларраби вздохнул.

— Нет... я так и думал. В конце концов ты не настоящий землянин, если не считать несчастной случайности крови. Куда же ты держишь путь?

— Не знаю. С Венеры уеду, но еще точно не знаю, куда.

Темные глаза Ларраби пронзительно смотрели на него.

Беспокойный, холодноглазый тигр в образе человека, как говорила Варра. Он что-то потерял, говорила она, и он ищет это всю жизнь, но не находит.

Долгое время стояла тишина. Красный туман окутал их, усилившийся ветер стремительно понес судно вперед.

Издалека пришел слабый стонущий плач, похожий на прерывающееся пение, и у Старка мороз прошел по коже. Все на борту слышали это. Все слушали в полном молчании, и вдруг одна из женщин заплакала.

Старк тряхнул головой.

— Это только ветер,— резко сказал он.— Это ветер в скалах пролива.

Звук поднимался и падал, усталый и бесконечно тоскливый, и та часть Старка, что была Н'Чакой, уверяла, что Старк солгал. Это не ветер завывал так печально: это были голоса Потерянных Душ, оставшихся на дне навсегда — Зерит, спящей в Зале Королей, и всех тех, кто уж никогда не оставит спящий город и лес, никогда вновь не обретет света.

Старк вздрогнул и отвернулся и стал следить за пляшущими огнями пролива впереди судна.

ШПАГА РИАНОНА

Роман

Перевод с английского
И. Сергеева

Leigh Brackett

THE SWARD OF RHIANNON

New-York
1953

1. ДВЕРЬ В БЕСКОНЕЧНОСТЬ

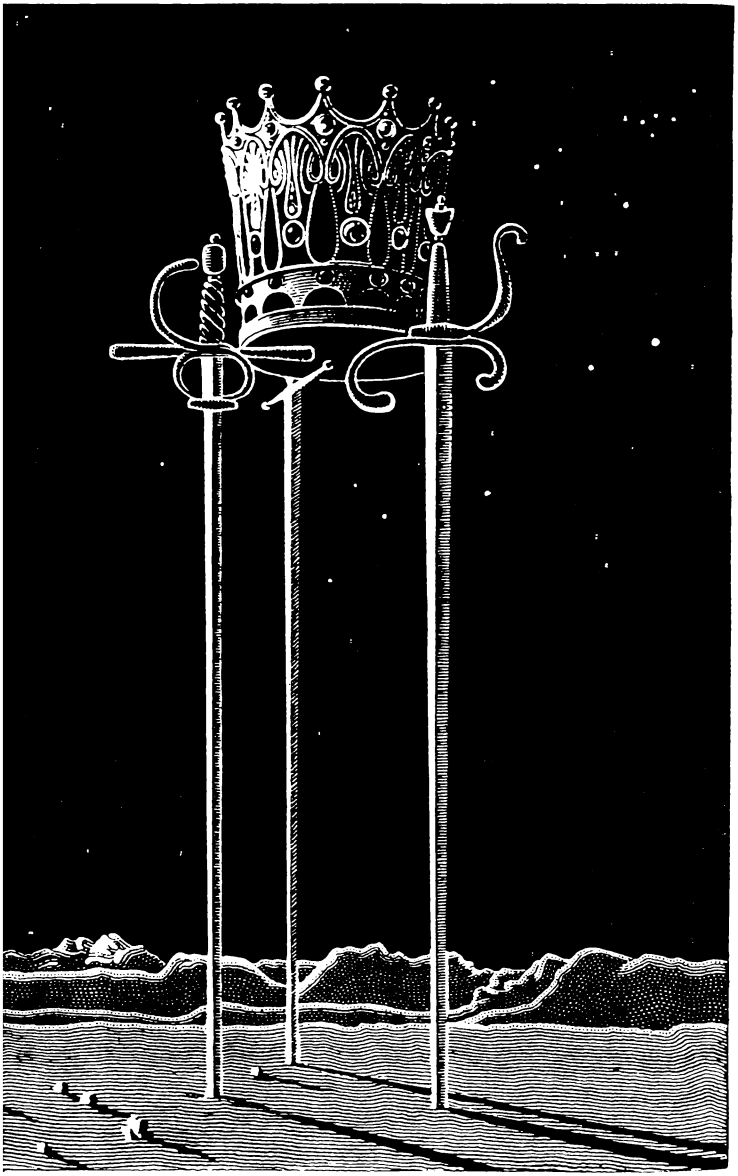
Мэт Карс понял, что его преследуют, почти тотчас, как вышел от мадам Кан. Смех маленькой темной женщины все еще звучал в его ушах, а пары тила застилали его взор подобно горячему туману. Однако все это не помешало ему расслышать шаги обутых в сандалии ног, нарушающих тишину марсианской ночи.

Карс спокойно вытащил из кобуры протоновый пистолет, но не сделал никакой попытки оторваться от преследования. Он не замедлил и не убыстрил шагов, все так же спокойно продолжая идти по дороге.

В старом городе, подумал он, будет лучше всего. Здесь слишком людно.

Несмотря на поздний час, Дженкора не спала. Дома Лоу-канала никогда не спят, ибо находятся за чертой закона. Время для них ничего не значит. В Дженкоре и Балкиссе, да и в Баракеше, ночь — это всего лишь темный день.

Карс шел вдоль кромки тихой черной воды, текущей по древнему руслу, выдолбленному в дне мертвого моря. Он наблюдал за тем, как сухой ветер качал никогда не гаснущие фонари, и слушал надтреснутую мелодию никогда не умолкающих гор. По улицам сновали худые и гибкие фигуры мужчин и женщин. Они двигались бесшумно, как кошки, лишь тонкие пояса женщин легонько позвякивали, и звук этот был вкрадчивым, как шелест

дождя, пропущенного через шелк. Хотя в марсианской одежде Карса и в нем самом легко можно было различить землянина и хотя жизнь землянина значила обычно меньше, чем свет фонарей, люди не обращали внимания, потому что он был одним из них. Люди Дженкоры, Балкисса и Баракеша — аристократы воровского мира, они восхищаются опытом и уважают знание, и могут распознать джентльмена, когда видят его.

Вот почему Мэтью Карс, бывший сотрудник Межпланетного общества археологов, бывший помощник председателя Марсианских древностей в Кахоре, проводящий на Марсе тридцать из своих тридцати пяти лет, был допущен в их более чем изысканное общество и принес нерушимую клятву в верной дружбе.

И все же теперь по улицам Дженкоры за Карсом крался один из его «друзей», крался со всей хитростью песчаного кота. На мгновение он полюбопытствовал, мог ли «Земной полицейский контроль» заслать сюда агента для слежки за ним, но тут же отверг подобную возможность. Ни один полицейский агент не будет жить в Дженкоре. Нет, это просто кто-то из обитателей Лоу-канала занимался своим долгом.

Карс свернул в сторону от канала. Теперь он находился спиной к каналу и лицом к тому, что было когда-то островом. Почва стремительно поднялась до уровня верхних склонов, источенных и побитых временем. Здесь витала тень старого города — древней цитадели морского королевства Дженкоры, чья слава исчезла вместе с высохшим морем.

Новый город Дженкор, кварталы которого расположены вдоль канала, был уже старым, когда Ур Шальдиз был еще небольшой деревушкой. Старый Дженкор со своими каменными и мраморными домами, спокойно стоящими в сухой, засыпанной песком гавани, был настолько стар, что для его старости не подходило ни одно понимание этого слова. Даже Карс, знавший о нем больше, чем любой из живущих людей, всегда испытывал благоговение перед его вечностью.

Сейчас он избрал этот путь потому, что он был совершенно безлюден и человек здесь мог без всяких помех поговорить с другим человеком.

Пустые дома впускали ночь в открытые двери и окна. Ветры и бесконечные бури съели их косяки и углы, приблизили их к пятнистой измученной земле. Маленькие низкие луны отбрасывали на них неровные угловатые тени. Безо всякого усилия высокий землянин нырнул в такую тень и исчез.

Прижавшись к стене, он прислушивался к звуку шагов преследовавшего его человека. Шаги становились все громче и торопливее, потом замедлились и снова ускорились. Преследователь прошел мимо, и Карс скользящей походкой устремился на улицу. Маленькое гибкое тело забилось в его сильных руках. Человек захныкал от страха, ощутив холод протонового пистолета, прижатого к его ребрам.

— Нет! — воскликнул он.— Нет! У меня нет оружия. Я не собирался причинить вам вреда. Я только хотел поговорить.

Однако Карс уловил хитрую нотку в его голосе.

Уверившись в том, что человек действительно безоружен, он отпустил его. Теперь Карс видел марсианина довольно ясно. Это был человек с маленькой крысиной мордочкой, незадачливый воришка, судя по убогой и лишенной орнамента одежде.

Дно Лоу-канала давало подобных субъектов, и они являлись братьями жалящих червей. Карс не стал убирать пистолет.

— У меня есть подарок,— сказал марсианин.

— Говори,— предложил ему Карс.

— Прежде всего, я — Пинкавр из Баракеша. Может быть, ты обо мне слышал? — при звуке своего голоса незнакомец напыжился, как бантовый петух.

— Нет,— ответил Карс,— не слышал.

— Неважно,— продолжил Пинкавр.— Зато я слышал о тебе. Как я уже сказал, у меня есть для тебя подарок.

— Подарок такой редкий и ценный, что ты решил

преследовать меня в темноте, чтобы вручить его? — Карс хмуро смотрел на марсианина, пытаясь понять его намерения.— Так что же это?

— Идем, я тебе покажу его.

— Где он?

— Спрятан. Хорошо спрятан, неподалеку от дворцовой набережной.

Карс кивнул.

— Нечто такое редкое и ценное, что его нельзя показать, лишь воровски посмотреть? Ты меня заинтриговал. Пойдем и посмотрим на твой подарок.

Пинкавр оскалился, в свете луны мелькнули его острые зубы. Он пошел вперед, и Карс двинулся за ним. Он шел легко, избегая случайных жестов, пистолет держал наготове. Он гадал, какую цену хотел получить Пинкавр за свой подарок.

Пока они карабкались вверх ко дворцу, пробирались между изъеденными ветрами рифами, скользили вдоль стен хребтов, хранивших на себе отметины моря, Карс, как всегда, испытывал чувство, будто карабкается в прошлое по какой-то таинственной лестнице. Вид огромных домов с отметинами от исчезнувших якорей вызывал странную дрожь. В призрачном свете луны можно было почти ясно представить себе...

— Это здесь,— сказал Пинкавр.

Карс проследовал за ним под темный полуобвалившийся свод. Он вытащил из-за пояса маленький криптоновый фонарик и включил его. Пинкавр опустился на колени и стал шарить среди обломков, пока в руках его не очутился длинный и тонкий предмет, завернутый в обрывок ковра.

Со странным почтением, почти страхом, он начал разворачивать сверток. Карс осознал, что и сам сдерживает дыхание, следя за тем, как мелькают худые тонкие руки марсианина. Он тоже настраивался на торжественный лад.

В свете фонаря засверкали драгоценные камни, чистым светом заблестел металл. Карс подался вперед.

Глаза марсианина, горящие, как топазы, метнулись на землянина и встретились с твердым взглядом его голубых глаз. Мгновение они смотрели друг на друга, потом марсианин отвел взгляд и сдернул остатки упаковки.

Карс не шевелился. Предмет лежал между ними и светился жарким светом. Глаза Карса были глазами человека, увидевшего чудо.

Прошло время, прежде чем он пошевелился, протянул руку и поднял предмет. Прекрасная и смертоносная тонкость, превосходная пропорциональность, черная рукоять, великолепно гармонирующая с его широкой ладонью, подернутые пленкой драгоценные камни, наблюдающие за ним взглядом мудреца, начертанный на эфесе самый редкий и древний символ. Карс заговорил, но горло его способно было лишь на шепот:

— Шпага Рианона!

Пинкавр глубоко вздохнул.

— Я нашел ее.

— Где?

— Это неважно! Я ее нашел, и она твоя за маленькую цену.

— За маленькую цену! — улыбнулся Карс.— Маленькая цена за большую шпагу!

— Дьявольского бога,— пробормотал марсианин.— Ибо более чем миллион лет назад Марс называл его проклятым.

— Я знаю,— согласился Карс.— Рианон один из восставших богов прошлого, проклятый, павший. Да, я знаю легенду о том, как старые боги захватили Рианона и запрятали его в неведомую могилу.

Пинкавр смотрел в сторону.

— Я не знаю ничего ни о какой могиле.

— Ты лжешь,— спокойно возразил Карс.— Ты нашел могилу Рианона, иначе ты не нашел бы его шпагу! Каким-то путем тебе удалось найти ключ к старой легенде Марса. Сами камни для тех людей, кто их понимает, имеют цену золота.

— Я не находил никакой могилы! — с яростным

упорством настаивал Пинкавр.— Но сама шпага стоит целого состояния. Я не осмелился ее продавать. Эти дженкорианe вырвали бы ее у меня, как волки, если бы увидели. Но ты можешь ее продать, Карс.— Воришка вздрогнул от обуревавшей его алчности.— Ты можешь переправить ее в Кахору и продать там какому-нибудь землянину за большие деньги.

— Я так и сделаю,— кивнул Карс.— Но вначале мы добудем из этой могилы кое-какие другие вещи.

Лицо Пинкавра перекосилось. Через некоторое время он прошептал:

— Остановись на шпаге, Карс. Этого достаточно!

Карс подумал, что чувством, изменившим лицо марсианина, была алчность, смешанная со страхом. И вовсе не страх перед дженкорианами или еще чем-то подобным подавлял алчность Пинкавра, а нечто такое, что вызывало в нем истинное благоговение.

Карс с презрением сказал:

— Ты боишься Проклятого? Боишься простой легенды, которой время окружило старого короля, обратившегося в прах миллионы лет назад? — он засмеялся и качнул шпагой, вспыхнувшей в свете фонаря.— Не бойся, малыш! Я отгоню духов. Подумай о деньгах! У тебя будет дворец с сотней очаровательных рабынь, которые сделают тебя счастливым!

Он видел, как на лице марсианина происходила борьба жадности со страхом.

— Я видел там еще кое-что, Карс,— сказал он наконец.— Видел что-то такое, что напугало меня, сам не знаю почему. Но, возможно, как ты говоришь, это всего лишь легенда. Там есть сокровища, и даже половина их могла бы мне дать такое богатство, о каком я и не мечтал.

— Половина? — переспросил Карс.— Ты ошибаешься, Пинкавр. Твоя доля составляет одну треть.

Лицо Пинкавра исказилось яростью. Он подался вперед.

— Но могилу нашел я! Это мое открытие!

Карс пожал плечами.

— Если такой дележ тебя не устраивает, держи свою тайну при себе. Держи до тех пор, пока твои братья из Дженкора не вырвут ее из тебя раскаленным железом после того, как я расскажу им о твоей находке.

— Ты сделаешь это? — выдавил Пинкавр.— Ты расскажешь им и позволишь убить меня?

Воришка в бессильном гневе смотрел на землянина. Тот стоял, выпрямившись во весь свой рост, со шпагой в руке и в свисающем с обнаженных плеч плаще. В Карсе не было никакой мягкости, никакого снисхождения. Пески и солнце Марса, его холод, голод и жара вытравили из него все это, сделав его непроницаемым, как металл.

Пинкавр вздохнул.

— Хорошо, Карс, я отведу тебя к могиле за одну треть добычи.

— Я так и думал,— сказал Карс, улыбаясь.

Двумя часами позже они скакали по темным холмам, громоздившимся за Дженкором и мертвым морем.

Было уже поздно. Карс любил это время за то, что Марс в эти часы был хорош как ни в какое другое время. Он напоминал о древних воинах, завернутых в черные плащи, со шпагами в руках, о таинственных временах, закрытых для настоящего, о звуках барабанов, смехе и силе.

Песок на древних холмах шелестел под вечным ветром Марса, а звезды казались холодными бриллиантами. Огни Дженкора и громадная чернота мертвого моря лежали теперь гораздо ниже их. Пинкавр поднимался все выше и выше по сужающимся расщелинам, чьи стены умели подстраивать ловушки и западни с удивительной ловкостью.

— Вот так я нашел это место,— сказал марсианин.— На уступе моя скотина сломала себе ногу в одной из таких дыр, а песок, хлынувший в эту дыру, расширил ее. Там оказалась могила, выдолбленная прямо в камне утеса. Однако вход в нее был забит.— Он обернулся и

бросил на Карса злобный и подозрительный взгляд.— Я нашел ее и все еще не понимаю, почему я должен отдать тебе львиную долю.

— Потому что я лев,— весело ответил Карс.

Он взмахивал шпагой, глядя, как сверкает клинок в свете звезд. Сердце его учащенно билось от волнения, и это было волнение археолога, но в той же мере и грабителя. Он лучше Пинкавра сознавал важность находки. Марсианская история настолько обширна, что корни ее уходят в полный мрак, из которого до настоящего времени дошли только легенды о человеческой и получеловеческой расах, о забытых войнах и исчезнувших богах.

Самыми великими из этих богов были Куири — боги-герои. Они были людьми, но не простыми, а суперлюдьми, обладавшими всей мудростью и силой. Среди этих богов оказался повстанец — темный Рианон. Рианон проклятый, чья греховная гордость стала причиной нескольких таинственных катастроф.

Куири, как говорят легенды, решили за эти грехи поймать Рианона и запереть его в спрятанной могиле. Более миллиона лет люди искали эту могилу, ибо верили, что в ней спрятан секрет силы Рианона.

Карс слишком хорошо разбирался в археологии, чтобы всерьез принимать эти старые легенды. Но он верил, что действительно существовала какая-то невероятно древняя могила — источник всех этих легенд. И эта самая старая на Марсе реликвия, и то, что в ней находилось, должно было сделать Мэтью Карса самым богатым человеком трех миров, если он выживет.

— Сюда,— резко бросил марсианин. Он долго ехал молча, о чем-то размышляя.

Они находились на одном из самых высоких холмов Дженкора. Карс следовал за воришкой вдоль узкого крутого уступа вокруг холма. Пинкавр спешился и откатил большой камень, открыв отверстие, настолько широкое, что в него мог пролезть человек.

— Ты первый,— сказал Карс.— Бери лампу.

Пинкавр неохотно повиновался, и Карс последовал за ним. Вначале вокруг них не было ничего, кроме темноты за тем кругом света, который давала криптоновая лампа. Пинкавр дрожал и трясся, как испуганный шакал.

Карс отобрал у него лампу и поднял ее высоко над головой. По узкому проходу они выбрались в коридор, ведущий в глубину скалы. Стены коридора были гладкими, без всяких украшений, но прекрасно отполированы. Карс шел теперь впереди, а марсианин плелся следом.

Коридор заканчивался большой комнатой, очень хорошо отделанной, насколько Карс мог это видеть. В одном ее конце было возвышение с мраморным алтарем, над которым были выгравированы те же самые символы, что и на эфесе шпаги: уроборос в виде крылатой змеи. Однако кольцо было разомкнуто, и голова змеи поднималась и смотрела в бесконечность.

— Это здесь я нашел шпагу,— прошептал Пинкавр.— В комнате есть и другие вещи, но их я не трогал.

Карс и сам уже видел, что вдоль стен комнаты стоят какие-то предметы, тускло мерцая во мраке.

Карс прикрепил лампу к поясу и стал их рассматривать.

Да, это настоящее сокровище! Здесь были кольчуги прекрасной работы, изукрашенные неведомыми драгоценными камнями, были странной формы шлемы, изготовленные из незнакомого металла. Тяжелый, наподобие трона, золотой стул, инкрустированный темным металлом со множеством рыжевато-коричневых камней, блестящих на каждой ручке. Все эти вещи, как понял Карс, были невероятно древними. Они пришли сюда, должно быть, из самых древних времен Марса.

— Поторопимся же! — взмолился Пинкавр.

Карс перевел дыхание и усмехнулся собственной забывчивости. Ученый в нем возобладал над авантюристом.

— Мы возьмем из мелких вещей все, что сможем унести,— сказал он.— Даже один улов обогатит нас.

— Но ты будешь богаче меня вдвое,— кисло произнес Пинкавр.— Я мог бы нанять в Баракеше землянина, который продал бы для меня все эти вещи всего лишь за половину доли.

Карс рассмеялся.

— Так тебе и нужно было сделать. Когда просишь помощи у крупного специалиста, то и платить надо по-крупному.

Он обошел всю комнату и снова остановился у алтаря. Теперь он разглядел за ним дверь и вошел в нее. Пинкавр следовал за ним по пятам.

За дверью находился короткий коридор, заканчивающийся маленькой зарешеченной дверью. Засовы были подняты, а дверь приоткрыта на один-два дюйма. Над дверью виднелась надпись, сделанная древними марсианскими иероглифами, которые Карс, благодаря практике, легко читал.

«Приговор Рианону навсегда вынесли Куири — властители пространства и времени!»

Карс распахнул дверцу и вошел. Он сразу остановился, озираясь. Там открывался вид на огромную каменную комнату, такую же большую, как та, что осталась за его спиной. Но в этой комнате была всего одна вещь.

Это был темный пузырь, сфера, наполненная пульсирующей чернотой, сквозь которую просвечивали блестящие частицы наподобие падающих звезд, видимых из другого мира. Свет лампы съежился и исчез, будто напуганный этой таинственной темнотой.

Что-то благоговейное — суеверие или чисто физическая сила — холодной и мощной струей пронзило тело Карса. Он почувствовал, что волосы его встают дыбом, а плоть как будто отделилась от земли. Он попытался заговорить, но не смог. В горле его застрял ком от беспокойства и напряжения.

— Вот об этом я и говорил тебе,— шептал сзади Пинкавр.— Это я и видел.

Карс едва слышал его. Предположение было настолько невероятным, что он был потрясен до глубины души.

Им овладел экстаз ученого, экстаз открытия — чувство сродни безумию.

Этот пузырь с пульсирующей чернотой — до чего же он был похож на те густо-черные пятна, находящиеся на краю Галактики, которые ученые считают дверьми в саму бесконечность, окнами в бесконечное «вне» нашей вселенной!

Невероятно, конечно, но эта загадочная надпись Куири, она может открыть правду.

Очарованный шаром, несмотря на излучаемую им опасность, Карс сделал два шага по направлению к нему. Он услышал шарканье сандалий по каменному полу позади себя — торопливые шаги Пинкавра — и понял, что поступил опрометчиво, подставив спину марсианину, и начал поворачиваться, подняв шпагу.

Но вытянутые руки Пинкавра толкнули его раньше, чем он успел закончить движение, и Карс почувствовал, что летит в движущуюся пустоту. Каждая клеточка его тела ощутила страшнейший шок, а потом мир начал отдаляться от него.

— Ступай и раздели судьбу Рианона, землянин, я же сказал, что смогу найти себе другого партнера!

Насмешливый крик марсианина долетел до Карса откуда-то издалека, пока он падал и падал в черную бездонную бесконечность.

2. ЧУЖОЙ МИР

Карс летел в бездонную черную пропасть, овеваемый всеми пронзительными ветрами пространства. Бесконечное падение, сопровождаемое чувством вневременности и холодным ужасом кошмара.

Он изо всех сил боролся с паническим страхом животного, пойманного в капкан. Борьба эта была не физической, в этом слепом и кричащем «ничто» тело было бесполезно. Это была мысленная борьба, когда о

себе заявляет сам мозг, борьба, вызванная страстным желанием прекратить кошмар падения в черноту. Но по мере того, как он продолжал падать, его потрясло еще более ужасное чувство — он не один в своем кошмарном падении в бесконечность, нечто сильное, темное и пульсирующее находится совсем рядом с ним и хватает, трогает радужными руками его мозг.

Карс сделал последнюю отчаянную попытку овладеть своим разумом — и чувство падения немного ослабело, а потом он почувствовал под руками и ногами твердую поверхность. Карс, как безумный, начал рваться вперед, и на этот раз его усилия были чисто физическими. Внезапно он обнаружил, что находится около темного пузыря внутри комнаты-гробницы.

— Девять чертей...— начал было он дрожащим голосом и тут же осекся, потому что богохульство не очень подходило к происшедшему.

Маленькая криптоновая лампа все еще излучала свет, шпага Рианона все так же сверкала в его руке, а темный пузырь по-прежнему громоздился, и внутри него что-то двигалось, поблескивая алмазными точками.

Карс понял, что весь кошмар падения сквозь пространство длился то мгновение, которое он находился внутри пузыря. Что это за дьявольский трюк древней науки? Какой-то старый вечный вихрь, давным-давно установленный Куири, решил он. Но тогда почему, находясь внутри этой штуки, он испытывал чувство падения в бесконечность? И откуда взялось это ужасное чувство проникновения чужих пальцев, вожделенно тянувшихся к его мозгу?

— Фокус старой куиритянской науки,— прошептал он,— а суеверный Пинкавр решил, что сможет убить меня.

Карс поднялся на ноги, и шпага блеснула в его руке. Марсианина рядом не было, но уйти далеко он не мог. Улыбка на лице Карса, когда он шел к дверце, была не из приятных. Очутившись в первой комнате, он остановился в изумлении. Там теперь находились

совсем другие вещи: большие блестящие предметы, которых раньше не было. Откуда они взялись? Может, он пробыл в пузыре больше, чем думал? Пинкавр за это время разыскал эти вещи еще где-то и собрал здесь, чтобы потом продать? Любопытство Карса возрастало по мере того, как он осматривал эти предметы, неясно вырисовывающиеся среди кольчуг и всякой другой мелочи. Они не походили на обычные произведения искусства, они казались заботливо выполненными сложными инструментами непонятного назначения.

Самым большим из них был кристаллический круг, размером с маленький стол, горизонтально положенный на простую металлическую сферу. Ободок круга был усыпан драгоценными камнями, врезанными так, что они образовывали одинаковые многогранники. В комнате находились и другие более мелкие приборы: скрепленные металлические призмы, трубки, сооружения, состоящие из металлических колец, короткие свернутые трубки из толстого металла. Могли ли эти непонятные приборы быть изобретениями древней марсианской науки?

Подобное предположение казалось невероятным. Марс далекого прошлого, как было известно ученым, являлся лишь миром зачатков науки, миром, постоянно находившихся в битвах воинов-мореходов, чьи галеры и каравеллы сталкивались между собой в водах давно исчезнувших океанов. Но, возможно, на Марсе еще более далекого прошлого существовала наука, приборы которой были незнакомы и неузнаваемы теперь?

Но где же мог их найти этот проклятый марсианин? Почему он не стал брать с собой хотя бы самые легкие изделия? Мысль о Пинкавре напомнила Карсу о том, что воришка с каждой минутой удаляется от него все дальше. Он повернулся и поспешил по коридору к отверстию в стене.

Шагая, Карс обратил внимание, что воздух в коридоре по мере приближения к выходу становился все более сырым. Капли влаги блестели на стенах. Раньше

он подобной сырости не замечал. Может, это испарение каких-то подземных источников?

Взгляд его упал на пол коридора. Песок лежал на нем плотным ковром, как и раньше, но теперь на нем не было других следов, кроме тех, что он оставлял сейчас.

Ужасное сомнение, чувство нереальности обрушилось на Карса. Немарсианская сырость, исчезновение следов, что же произошло с того момента, как он исчез внутри пузыря?

Он подошел к концу каменного коридора. Проход был закрыт каменной глыбой. Карс остановился, не веря своим глазам. «Видимо, была какая-то дверь, которой я не заметил,— подумал Карс,— и Пинкавр закрыл ее, чтобы я не смог выйти».

Карс попытался сдвинуть плиту, на которой не было никаких следов ручки или просто отверстия. После недолгих тщетных усилий он отступил назад и вытащил протоновый пистолет. Свистящая струя атомного пламени ударила в плиту, опаляя и расщепляя ее. Плита оказалась довольно толстой, куски камня сыпались ему под ноги.

Наконец он расправился с плитой, но за ней оказалось не свободное пространство, а масса темно-красной почвы. «Сама могила Рианона, то место, где он был погребен. Должно быть, Пинкавр проделал в ней дыру»,— говорил сам себе Карс, не веря, однако, что это так. Не веря в это, Карс пугался невозможного.

В слепой ярости он направил луч пламени на массу почвы, преграждающую ему путь. Он нажимал на спуск до тех пор, пока не кончился заряд. Тогда он отбросил бесполезный пистолет и кинулся на противника со шпагой.

Он копал и копал, пока в проделанном отверстии не заблестел дневной свет. Раз на Марсе день, значит он пробыл в пузыре больше, чем предполагал.

Порыв ветра ударил ему в лицо. Ветер был теплым и сырым, какого не может быть в пустынях Марса.

Карс выбрался наружу и остановился, глядя широко раскрытыми глазами на открывшуюся перед ним картину.

Бывают времена, когда человек не способен ни на эмоции, ни на какую-то реакцию, когда глаза видят, уши слышат, а мозг бездействует, будто защищается от безумия. В таком состоянии и был сейчас Карс.

— Мираж, конечно,— пробормотал он.— Огромный, как Марс, мираж.

Теплый бриз взъерошил темные волосы Карса, пузырем вздул его плащ. Солнце скрылось за горизонтом, крикнула какая-то птица. Он не шелохнулся. Он смотрел на океан, простирающийся перед ним до самого горизонта, огромную массу воды молочно-белого цвета, флюоресцирующую даже при дневном свете.

— Мираж,— повторил он в отчаянии, цепляясь последними усилиями за возможность разумного объяснения.— Так не может быть. Ведь это все же Марс!

Все тот же Марс, та же планета, те же высокие холмы, по которым они шли ночью. Так или не так? Раньше дыра — вход в гробницу — была передней частью крутого уступа, сейчас же он стоял на покрытом травой склоне высокого холма. Повсюду вздымались зеленые холмы, а в самом низу, где была раньше пустыня, виднелся темный лес. Зеленые холмы, зеленый лес и река, бегущая к тому, что раньше было дном мертвого моря.

Карс обвел взглядом далекое побережье, на котором, весь залитый солнечным светом, сверкал город. Карс знал, что это был Дженкор. Теперь он лежал меж зеленых холмов.

Тогда Карс понял, что это не мираж. Он сел и задумался. Ногти его впились в ладони так глубоко, что показалась кровь. Теперь он понял, что случилось с ним в этом пузыре, и ему показалось, что холодный голос повторяет грозное предостережение:

«Куири, владыки пространства и времени... времени... ВРЕМЕНИ...»

— Я попал в прошлое Марса. Всю жизнь я изучал это прошлое и мечтал о нем,— шептал Карс.— Я, Мэтью Карс, ренегат, расхититель могил. Куири по каким-то своим причинам построили это место, а я прошел по их пути.

Карс глубоко изучил археологию. Необходимо знать полдюжины наук, чтобы быть хорошим археологом. Теперь он лихорадочно рылся в памяти в поисках объяснения случившемуся. Была ли правильной его первая догадка о пузыре? Был ли тот действительно отверстием в континуум Вселенной? Если это так, то он мог, хотя и смутно, понять, что с ним произошло.

Ведь продолжительность пространства-времени Вселенной была ограничена Эйнштейном и Риманом.

Он явно выпал из этого континуума, а потом снова туда вернулся, но в другую систему времени, а не в свою.

Как это однажды написал Кауфман?

«Прошлое — это настоящее, которое существует на расстоянии». И он вернулся в это отдаленное настоящее, вот и все. Нет никаких причин для страха. Однако остаток кошмарного ужаса все еще присутствовал. Судорожно сжимая украшенную драгоценностями шпагу, он встал и повернулся к выходу из гробницы Рианона. «Я могу вернуться тем же путем, которым попал сюда, через проклятый пузырь».

Внезапно он остановился, дрожь пробежала по телу. Он не мог заставить себя вновь остаться лицом к лицу с пузырем, наполненным сверкающим мраком. Он не смел этого сделать. Он не обладал мудростью Куири. Совершенное им путешествие во времени лишь волей случая забросило его в прошлое. Он не мог рассчитывать, что такой же случай вернет его в его собственное время.

Карс снова повернулся и посмотрел на расстилавшуюся перед ним картину. Он долго стоял не двигаясь, пролетела морская птица, подул ветерок.

Карс снова обратил внимание на белые башни Дженкора, гордо возвышающиеся над гаванью. Это был не

тот Дженкор, который он знал — воровской город Лоу-канала, утопающий в песке, но все же он представлял собой какое-то знакомое звено, а Карс сейчас очень нуждался в подобном звене. Он пойдет в город и попытается ни о чем больше не думать, иначе разум не выдержит.

Карс покрепче стиснул эфес шпаги и направился вниз по поросшему травой склону.

3. ГОРОД ПРОШЛОГО

Путь до города оказался долгим. Карс двигался большими шагами. Он не пытался найти ближней дороги, уверенно шагал через все препятствия и не сворачивал с прямой линии, которая вела к городу. Плащ мешал ему, и он сорвал его. Лицо Карса было лишено всякого выражения, пот ручьями стекал по щекам, смешиваясь с соленой влагой слез.

Он шел между двумя мирами, шел по долине, утопающей в жаре летнего дня, и ветви странных деревьев касались его лица, а сок примятой им травы ложился пятнами на его сандалии. Жизнь крылатая, ползающая и бегающая была насыщена и интенсивна. И все же перед его глазами стояла огромная мертвая равнина, где песок горами вздымался среди сухих рифов. Реальность тридцатилетней жизни забыть нелегко.

Солнце медленно склонялось к горизонту. Преодолев последний уступ, Карс зашагал к городу. Море горело, отражая свет заходящего солнца. Карс с удивлением смотрел, как золотые, багровые и пурпурные сполохи отражались в воде.

Гавань теперь была отчетливо видна. Мраморные доки, так хорошо известные ему, изъеденные годами, полузасыпанные песком, были совершенно иными. Торговые корабли стояли на якорях, и во влажном воздухе до него доносились крики грузчиков. А вдали он увидел

рыбацкие суда, возвращавшиеся в Дженкор. На фоне неба паруса их казались темными.

У дворцовой набережной, неподалеку от того места, откуда он отправился с Пинкавром за шпагой Рианона, стояла длинная военная галера, похожая на пантеру, изготовившуюся к прыжку. За ней виднелись и другие. И над всем этим возвышались величественные белые башни дворца.

Да, он действительно вернулся в прошлое Марса, ибо картина была именно такой, какой ее представляли современные археологи.

Планета ссорящихся цивилизаций, на которой еще так мало была развита наука, но которая хранила тайну о супернауке великих Куири, существовавших еще раньше, которую Бог не хотел показать никому из людей времени Карса.

Карс медленно углубился в улицы Дженкора, и в свете заходящего солнца ему показалось, что город запятнан кровью.

Стены города сомкнулись за ним. Перед его глазами стоял туман, в ушах у него шумело, но он осознавал присутствие людей. Худые и гибкие мужчины и женщины, встречавшиеся ему в узких переулках, вначале просто проходили мимо него, но потом оборачивались и смотрели вслед. Темные и подвижные, как кошки, люди Дженкора тех лет.

Он слышал музыку арф, ветер коснулся его лица, но это был теплый и влажный ветер, тяжелый от дыхания моря, и это было уже сверх того, что может вынести человек.

Карс продолжал идти, не имея понятия, куда идет и что собирается предпринять. Он шел лишь для того, чтобы не останавливаться. Шаг за шагом, бесстрастный и слепой ко всему, как заколдованный, он шел по улицам среди темных дженкориан, высокий и светловолосый человек с обнаженной шпагой.

Горожане наблюдали за ним. Люди из гавани, со склонов виноградников и из извилистых улочек. Между

ними лежала пропасть тысячелетий. Кильт его был сделан из странной и неизвестной им материи, орнамент на нем изображал нечто, никогда ими не виданное, лицо его было чужим.

Эта полнейшая чужеродность заставляла их некоторое время держаться на расстоянии. Дыхание чего-то невероятного, исходящего от него, пугало их. Потом кто-то произнес слово, другой повторил его, и через несколько секунд страха не было, осталась только ненависть.

Карс услышал это слово. Смутно, как из далекого далека, он услышал его, когда оно переросло в бурю, прокатившуюся вдоль улицы.

— Кхонд! Кхонд! Шпион Кхондора! — А потом донеслось другое слово: — Бей!

Слово «кхонд» ничего не значило для Карса, но он догадался, что означает угроза. Голос толпы предупреждал его и угрожал смертью. Он попытался вызвать в себе инстинкт самосохранения, но мозг не желал пробуждаться к жизни.

Камень ударил его в щеку, и физическая боль привела его в чувство. Кровь побежала по губам, солоноватый привкус ее сообщил Карсу о том, что разрушение уже началось. Он попытался прогнать с глаз черную пелену хотя бы настолько, чтобы увидеть угрожавшего ему врага.

Карс вышел на открытое пространство возле доков. Теперь в сумеречном свете море светилось холодным белым огнем. Силуэты кораблей возносились над ним темными массами. Поднялся Фобос, и в его таинственном свете Карс разглядел, что по снастям судов снуют какие-то существа, покрытые шерстью, в цепях и не очень похожие на людей. На пристани он увидел двух стройных белокожих людей с крыльями. На них были набедренные повязки рабов, а крылья их были обломаны.

Площадь была полна людей, они продолжали вливаться в толпу из узких улочек, привлеченные криками: «Шпион!» Слова эти отдавались от стен зданий, и слово

«Кхондор» звенело в ушах Карса. И крылатые рабы на пристани, и существа, закованные в цепи, обратили на него свои взоры. Он услышал их громкие крики:

— Слава Кхондору! Борись, человек!

Женщины визжали, как гарпии, толпа напирала и угрожала, но те, кто находился за спиной Карса, держались поодаль, опасаясь обнаженного клинка огромной сверкающей шпаги.

Карс сделал выпад шпагой против окружавших его дженкориан; шпаги их были более короткими, и они отпрянули назад. Снова над пристанью пронеслось:

— Слава Кхондору! Долой Змею! Долой Сарка! Борись, кхонд!

Он понял, что рабы помогли бы ему, если бы смогли. Теперь часть его мозга начала действовать активнее — та часть, которая обладала большим опытом спасения его головы. За его спиной в нескольких шагах были стены здания. Карс внезапно круто повернулся и прыгнул, сверкнув шпагой.

Он дважды попал в чью-то плоть, прежде чем ему удалось пробиться к дверям в корабельный склад.

Сделав еще несколько выпадов и выбрав момент, он крикнул на наречии этих марсиан, которое знал как археолог:

— Послушайте, я не кхонд! Я не...

Толпа разразилась издевательским хохотом.

— Он говорит, что он не кхонд! Твои собственные друзья приветствуют тебя! Послушай пловцов и людей с неба!

— Не кхонд я! — крикнул Карс и резко осекся, едва не сказав, что он не марсианин.

Зеленоглазая девушка, ростом не выше земного ребенка, пробилась в очерченный им смертоносный круг и остановилась перед Карсом, ее оскаленные белые зубки блестели, как крысиные.

— Трус! — закричала она.— Дурак! Где, как не в Кхондоре, мог родиться человек, подобный тебе, со свет-

лым волосом и шелковистой кожей! Откуда еще мог взяться ты, неуклюжее существо с варварской речью?

Упрямое выражение вновь вернулось на лицо Карса.

— Я не из Кхондора,— повторил он.

Они снова засмеялись. Смех становился все громче, пока вся площадь не заполнилась его раскатами. Теперь они окончательно потеряли чувство суеверного ужаса, которое испытывали перед ним поначалу. Слова, сказанные девушкой, почти прилипли к нему — трус и дурак. Движимые презрением, они перешли к нападению.

Это было для Карса слишком явной реальностью — масса перекошенных ненавистью лиц, лес направленных на него коротких шпаг. Он принялся яростно работать шпагой Рианона, круша не столько стадо убийц, сколько свою судьбу, забросившую его в этот мир.

Некоторые пали, пораженные острием шпаги, остальные подались назад. Они стояли и смотрели на него, как шакалы, поймавшие в капкан волка. Потом их шипение прорезал ликующий крик:

— Идут солдаты Сарка! Они повергнут этого кхонда!

Карс, прижавшись спиной к запертой двери, тяжело дышал. Он увидел, что через толпу, как корабль сквозь гряду волн, пробирается отряд из нескольких воинов в черных туниках и черных шлемах. Отряд двигался прямо к нему, и дженкориане уже вопили, предвкушая грядущее убийство.

4. ОПАСНАЯ ТАЙНА

Дверь, к которой прижался Карс, внезапно отворилась вовнутрь, и он, не удержав равновесия, полетел в образовавшееся отверстие.

Едва он вернул себе устойчивость, дверь снова захлопнулась, он услышал, как упал засов. Потом рядом с ним кто-то хрипло рассмеялся.

— Это задержит их на некоторое время, но нам

лучше поскорее убраться отсюда, кхонд. Солдаты выломают дверь.

Карс повернулся, не опуская шпаги, но темнота не дала возможности рассмотреть спасителя. Он почувствовал запах канатов, дегтя, пыли.

В дверь заколотили с сумасшедшей яростью. Глаза Карса, немного привыкшие к темноте, разглядели грузную фигуру стоявшего рядом с ним человека. Он был большим, тучным и безобидным с виду марсианином в кильте, выглядевшем до смешного скудным на его большом теле. У него было лунообразное лицо, освещенное ободряющей улыбкой, маленькие глазки без страха смотрели на шпагу Карса.

— Я не дженкорианин и не сарк,— сказал он.— Я Богхаз Хой из Валкиса, и у меня есть свои принципы, но нам нужно скорее уходить отсюда.

— Куда?

— В более безопасное место.— В дверь заколотили еще громче. — Это сарки. Я ухожу. Ты можешь идти со мной или оставаться здесь, как хочешь.

Он повернулся и пошел прочь из темной комнаты, двигаясь с удивительной для его сложения легкостью. Он даже не оглянулся, чтобы посмотреть, идет ли Карс за ним.

У Карса не оставалось выбора, и он последовал за своим спасителем. Валкисянин усмехнулся, пролезая в маленькое окошечко в глубине комнаты.

— Я знаю каждую дыру в этой гавани. Поэтому-то я, увидев, что ты стоишь у дверей старого Тарас Тхур, просто обошел его кругом и впустил тебя, дал тебе возможность ускользнуть от этих негодяев.

— Но почему?

— Я же сказал тебе: у меня свои принципы, я питаю симпатию к кхондам. Они такие люди, что могут наложить руку и на Сарк, и на проклятую Змею. Когда я вижу кхонда, я всегда ему помогаю.

Для Карса все это не имело смысла. Разве он мог знать что-то о страстях и ненависти этого Марса? Он

был пойман в ловушку старого Марса и должен был продолжать свой жизненный путь подобно невежественному ребенку. Ясно было одно: эта шайка пыталась его убить.

Его приняла за кхонда не только дженкорианская чернь, но и странные рабы, и валкисянин. Кто они все такие?

— Сюда,— сказал Богхаз Хой, прерывая течение его мыслей.

Они углубились в тень темных извилистых улочек и вскоре оказались у узкой двери в темную маленькую хижину.

Карс вошел в хижину следом за валкисянином. В темноте он услышал свист какого-то предмета и не успел отпрянуть. В голове его как будто разорвалась бомба, полная ярких искр, и он ощутил губами ворс ковра.

Очнулся Карс от света, бившего ему прямо в глаза. На табурете, стоявшем рядом с ним, горела маленькая бронзовая лампа. Он находился в хижине и лежал на грязной кровати. Карс попытался пошевелиться и обнаружил, что кисти его рук и лодыжки связаны. Мучительная боль пронзила все его тело. В голове снова замелькали разноцветные круги, и он застыл в неподвижности...

Послышался звук шагов, и над ним склонился Богхаз, лунообразное лицо которого выражало симпатию. Он поднес к губам Карса глиняную чашку, полную воды.

— Боюсь, я слишком сильно ударил. Но ведь когда остаешься один на один с вооруженным человеком, нужно быть осторожным. Не хочешь ли ты поговорить?

Карс посмотрел на него и, повинуясь старой привычке, сдержал обуявший его гнев.

— О чем? — спросил он.

— Я человек открытый и прямой,— сказал Богхаз,— я спас тебя от банды, потому что хотел тебя ограбить.

Карс оглядел себя и увидел, что его украшенный драгоценностями пояс и воротник перешли к Богхазу,

нацепившему на шею и то и другое. Валкисянин поднял руку и погладил их с любовью.

— Потом,— продолжил он,— я повнимательнее осмотрел тебя и увидел вот это... — Он кивнул в сторону шпаги, прислоненной к табурету и блестевшей в свете лампы. — Многие, глядя на нее, сказали бы только, что это красивая вещь, но я человек образованный. Я узнал символ на лезвии.— Он подался вперед.— Где ты ее взял?

Осторожность быстро подсказала Карсу ответ.

— Я купил ее у торговца.

Богхаз пожал плечами.

— Нет, это не так. На лезвии заметны следы коррозии, а в тонкие углубления забилась пыль. Эфес не полирован. В таком виде торговец не стал бы сбывать товар. Мой друг, эта шпага долгое время пролежала в темноте в могиле того, кто ею владел.

Карс лежал неподвижно, глядя на Богхаза. То, что он видел, не понравилось ему. Лицо у валкисянина было доброе и веселое, с таким хорошо посидеть за бутылкой вина. Он мог любить человека как брата и искренне сказать ему, что надо вырезать у него сердце из груди, сожалея, что должен сделать это. Карс скрыл свое впечатление за угрюмым безразличием.

— Насколько мне известно, эта шпага могла действительно принадлежать Рианону, но купил я ее у торговца.

Маленький розовый рот Богхаза скривился в усмешке, он покачал головой.

— Не надо меня обманывать, друг мой, иначе я тебя могу наказать. Я очень расстраиваюсь, когда слышу ложь.

— Но это правда,— сказал Карс.— Послушай, у тебя моя шпага, мои украшения. Ты получил все, что мог забрать у меня, так будь доволен.

Богхаз вздрогнул и с упреком посмотрел на Карса.

— Неужели ты не чувствуешь ко мне никакой благодарности? Разве я не спас тебя от смерти?

Карс сардонически заметил:

— Это был благородный жест.

— Да, верно, так оно и было. Если бы меня схватили, моя жизнь не стоила бы дороже этого,— он щелкнул пальцами.— Я лишил шайку удовольствия, и для них безразлично, что ты совсем не кхонд.

Он произнес последнюю фразу между прочим, но сам при этом зорко следил за выражением лица Карса. Тот в ответ бросил на него пристальный взгляд. Лицо его оставалось безучастным.

— Почему ты так думаешь?

Богхаз засмеялся.

— Начнем с того, что среди кхондов нет такого осла, который согласился бы показаться в Дженкоре. Особенно если он при этом нашел затерянную тайну Марса, за которой охотятся годы, тайну гробницы Рианона.

На лице Карса не шевельнулся ни один мускул, но мозг его усиленно работал. Значит, и сейчас гробница была такой же потерянной тайной, как и в его время?

— Я не знаю ничего о Рианоне и его гробнице.

Богхаз опустился на пол возле Карса и улыбнулся ему, как взрослый улыбается ребенку.

— Друг мой, ты со мной нечестен. На Марсе нет человека, который не знал бы, что Куири давным-давно оставили наш мир из-за того, что сделал Рианон, проклятый ими. Все знают, что прежде чем уйти, они построили гробницу, в которую заперли Рианона и его могущество. Разве не прекрасно, что мы сможем снова обладать его силой? Разве странно, что мы не перестаем искать затерянную могилу. Теперь же, когда ты ее нашел, неужели я, Богхаз, должен обвинять тебя в том, что ты хочешь удержать тайну при себе? — Он потрепал Карса по щеке и просиял.— С твоей стороны такое поведение естественно, но тайна гробницы слишком велика для того, чтобы ты мог владеть ею один. Тебе в помощь нужны мои мозги. Если мы будем вместе владеть этой тайной, то сможем взять от Марса все, что захотим.

Карс без всякого выражения ответил Богхазу:

— Ты безумен. У меня нет никакой тайны. Я купил шпагу у торговца.

Богхаз посмотрел на него долгим взглядом, но взгляд его был печален. Потом он тяжело вздохнул.

— Подумай еще, мой друг. Не лучше ли тебе сказать мне, а не заставлять вырывать признание силой?

— Мне нечего сказать тебе,— хрипло ответил Карс.

Ему совсем не хотелось, чтобы его мучили, но старый инстинкт, призывающий к осторожности, был сильнее. Нечто, сидящее в самой глубине его сознания, предупреждало: не выдавай тайну гробницы. И даже в том случае, если бы он выдал тайну валкисянину, тот скорее убил бы его, нежели пошел на риск распространения тайны.

— Ты принуждаешь меня к крайним действиям,— покачал головой Богхаз.— Я их ненавижу. Для них у меня слишком мягкое сердце, но раз уж это так необходимо...

Он полез за чем-то в карман, но внезапно они оба услышали шаги и звуки голосов на улице. Кто-то крикнул:

— Здесь! Вот он, хлев Богхаза!

В дверь забарабанили с такой силой, что комната загудела.

— Открывай, жирный подонок из Валкиса!

— Боги Марса! — застонал Богхаз.— Нас выследила шайка Сарка!

Он схватил шпагу Рианона и собрался сунуть ее под матрац, когда затрещали засовы, поддавшись грубому натиску, и в комнату ворвалась толпа вооруженных людей.

5. РАБ САРКА

Богхаз нашелся удивительно быстро. Он низко поклонился предводителю отряда, огромному чернобородому человеку с ястребиным носом, в такой же черной тунике, какую видел Карс на солдатах Сарка на площади, и сказал:

— Господин мой Скайлд. Мне очень жаль, что я так тучен и поэтому медлителен в движениях. Ни за что на свете я не доставил бы вашей милости хлопот ломать мою дверь, особенно,— тут его лицо озарилось светом чистой невинности,— особенно потому, что я только что собирался искать вас! Вы видите,— он указал на Карса.— Я поймал и сохранил его для вас в безопасности.

Скайлд уперся кулаками в бока, откинулся назад и расхохотался. Солдаты, стоящие за его спиной, держали себя так же, как и толпа дженкорианцев, желавших получить удовольствие.

— Он сохранил его в безопасности,— произнес Скайлд.— Для нас! — и опять разразился смехом, потом шагнул ближе к Богхазу.— Полагаю, что именно эта преданность дала собаке кхонду возможность ускользнуть от моих людей.

— Мой господин,— запротестовал Богхаз.— Шайка убила бы его. Поэтому-то твои люди и пришли сюда. Он нужен нам живым! Мертвый кхонд для нас бесполезен. К счастью, я тебя вовремя заметил.— Он протянул руку и указал на драгоценности Карса.— Удачно получилось.

Он снял воротник и пояс, повертел их на свету, восхищаясь игрой камней, и опустил в карман.

Потом Скайлд подошел к кровати, на которой полускрытая лежала шпага, схватил ее, осмотрел и довольно улыбнулся.

— Вот это настоящее оружие! — сказал он.— Прекрасное, как сама госпожа, и такое же смертоносное.

Этой же шпагой он срезал веревки, связывающие Карса.

— Вставай, кхонд,— сказал он.— Пойдешь с нами.

Карс, шатаясь, поднялся на ноги и потряс головой, потом, раньше чем солдаты успели его схватить, ударил изо всех сил по объемистому животу Богхаза.

Скайлд рассмеялся. Смех его был громким и чистосердечным. Он все еще смеялся, пока солдаты оттаскивали Карса от хватающего ртом воздух валкисянина.

— В этом пока нет необходимости,— сказал Скайлд.— Времени впереди достаточно. Вам двоим еще предстоит как следует насмотреться друг на друга.

Карс увидел, что на круглом лице Богхаза отразился ужас понимания.

— Мой господин,— взмолился валкисянин, все еще задыхаясь.— Я преданный вам человек. Я хотел лишь сохранить интересы Сарка и ее высочества.

— Естественно,— согласился с ним Скайлд.— И разве ты можешь лучше послужить Сарку и госпоже, чем как работая веслами на ее военной галере?

В одну секунду краски исчезли с лица Богхаза.

— Но, мой господин...

— Что?! — с яростью крикнул Скайлд.— Ты противишься? Где же твоя преданность, Богхаз? Тебе известно, каково наказание за предательство?

Стоящие рядом солдаты захихикали.

— Нет,— хрипло ответил Богхаз.— Я человек преданный, никто не может обвинить меня в предательстве. Я хочу лишь служить...— Внезапно он замолчал, сообразив, что его собственный язык заводит его в ловушку.

Скайлд с силой шлепнул его шпагой.

— Так иди и служи!

Богхаз, подвывая, качнулся вперед, и несколько солдат подхватили его. Мгновение — и он оказался скованным вместе с Карсом.

Скайлд с довольным видом засунул новую шпагу в свои ножны, а старую отдал нести солдату. С важным видом он возглавил отряд.

И снова Карс совершил паломничество по улицам Дженкора, но на этот раз ночью, в цепях, лишенный украшений и шпаги.

Они пришли на дворцовую набережную, и холодная дрожь нереальности вновь завладела всем существом Карса, когда он увидел высокие башни, объятые светом, и мягкое свечение моря в темноте.

Квартал у самого дворца кипел рабами, тяжеловооруженными всадниками в траурных туниках Сарка,

придворными женщинами и жонглерами. Музыка и звуки пирушки доносились из дворца, когда они проходили мимо. Богхаз быстро прошептал Карсу:

— Дурак. Он не узнал шпагу. Молчи об этом, иначе нас обоих заберут в Каре-Джу для допроса, а ты знаешь, что это значит! — Он даже согнулся всем своим большим телом.

Карс был слишком поражен случившимся, чтобы отвечать. Сказывалось действие этого невероятного мира и физическая усталость.

Богхаз продолжал, но на этот раз громко, в расчете на реакцию охраны:

— Все это великолепие в честь госпожи Иваин Сарк! Принцесса так же величественна, как и ее отец, король Горах! Служить на ее галере — высокая честь!

Скайлд насмешливо расхохотался.

— Хорошо сказано, Богхаз! Твоя пылкая преданность будет вознаграждена! Эта честь будет тебе предоставлена на долгое время!

Они приблизились к большой черной галере с длинными рядами весел и низкой кормой. На нижнем полуюте горели факелы, а из окон кают лился красноватый свет. Там громкими голосами перекликались солдаты Сарка. Длинный ряд гребцов хранил угрюмое молчание.

Скайлд возвысил голос: из тени выступил высокий человек. В правой руке он сжимал кожаную бутыль, а в левой длинный, стершийся от долгого употребления хлыст. Человек приветствовал Скайлда поднятием бутыли, не дав себе труда заговорить.

— Мясо для весел,— сказал Скайлд.— Забирай их и проследи, чтобы их приковали к одному веслу.

— Давайте на корму, вы, падаль,— лениво взмахнув бутылью, сказал человек.

Карс взглянул на него уголком покрасневших глаз и засопел. Богхаз схватил его за плечо и потряс.

— Пошли, дурак. Ты и так получишь достаточно тумаков, если даже не будешь на них напрашиваться.

Он потянул Карса за собой к рядам гребцов вдоль скамей. Карс, измученный всем происшедшим, смутно воспринимал ряды повернутых к нему лиц, бряцание цепей и запах трюма. Лишь половина его чувств воспринимала странность круглых голов двух мохнатых существ, спавших сидя и шевельнувшихся, давая им пройти.

На последней скамье у борта, стоящей лицом к полуюту, находился только один спящий человек, прикованный к веслу, два остальных места возле него были пусты. Охрана стояла рядом с ними до тех пор, пока Карса и Богхаза не усадили на скамью и не приковали к веслу. Потом все ушли. Человек с бутылью щелкнул бичом так, что тот издал звук, подобный пистолетному выстрелу, и пошел вперед.

Богхаз толкнул Карса под ребро, потряс его, но Карс не интересовался тем, что хотел сообщить ему валкисянин, он спал, склонившись на весло.

Карсу снился сон. Снилось, что он вновь витает в кошмаре кричащей бесконечности черного пузыря. Он падал и падал, снова было ощущение присутствия рядом чего-то живого, ощупывающего его мозг.

— Нет,— вскрикнул Карс во сне.— Нет!

Он снова повторил отказ от чего-то, о чем просило темное присутствие, молящее о чем-то нелепом и пугающем, но мольба стала более уверенной, более настойчивой, чем в гробнице Рианона. Карс испустил резкий крик:

— Нет, Рианон!

Внезапно он проснулся и непонимающе посмотрел на залитую лунным светом скамью. Надсмотрщики шли вдоль рядов скамей, толкая спящих гребцов. Богхаз смотрел на Карса со странным выражением лица.

— Ты знал Проклятого! — сказал он.

Остальные рабы и два существа, покрытые мехом, смотрели на него со своих мест.

— Это плохой сон,— пробормотал Карс.— Вот и все...

Его прервал свист бича и боль в спине.

— Встань, падаль! — прогремел голос за его спиной.

Карс хотел испустить звериное рычание, но Богхаз прикрыл ему рот ладонью.

— Будь тверд,— прошептал он,— будь тверд.

Карс овладел собой, но успел до этого получить еще один удар бичом. Каллас, человек с бичом, усмехался.

— Будешь знать. Знать и смотреть! — он закинул голову и закричал.— Эй вы, подонки, падаль, всем сесть! Мы начинаем труд во имя Сарка, и я кожу ремнями сдеру с того, кто собьется с ритма!

Наверху моряки были заняты парусами, ползущими вверх, потом на галере наступила тишина, нарушаемая лишь напряженным дыханием. На помосте в конце прохода стоял раб с барабаном наготове.

Приказ был отдан, руки барабанщика опустились, и весла пришли в движение, подчиняясь ритму барабана. Каким-то образом Карсу и Богхазу удалось сделать то, что от них требовалось.

Гребцы сидели слишком низко, чтобы можно было разглядеть все, что творилось в порту. Но Карс слышал веселый шум толпы на набережной, когда военная галера Иваин Сарк выпрямилась и гордо заскользила к выходу из гавани.

Ночной бриз был легким, и паруса едва трепетали. Барабан продолжал свою дробь, руководя движениями гребцов. Карс почувствовал, как качнуло корабль, когда они вышли в открытое море. Сквозь мелькание весел он поймал взглядом видение молочно-белого океана. Он работал для Сарка на белом океане Марса.

6. НА МАРСИАНСКОМ МОРЕ

Наконец галера попала в полосу хорошего ветра и гребцам было позволено отдохнуть. Карс снова уснул, и когда проснулся, уже светало. Сквозь ряды весел он видел, как меняло свой цвет море с восходом солнца. Он еще никогда не наблюдал зрелища более прекрас-

ного. Вода поймала первые отсветы солнца и утеплила их своими фосфоресцирующими оттенками — аметистовыми и жемчужными, розовыми и сапфировыми. Потом, когда солнце поднялось выше, море превратилось в один слиток расплавленного золота.

Карс наблюдал за всем этим до тех пор, пока последние краски не исчезли, вернув воде ее прежний белый цвет. Ему было жаль того, что это сказочное зрелище кончилось.

Богхаз беззаботно посапывал рядом с ним, барабанщик тоже спал, облокотившись о барабан. Рабы отдыхали. Карс посмотрел на них. Все они были грязными и хранили следы перенесенных побоев. Большей частью это осужденные преступники, решил он. Неудивительно, что его по ошибке приняли за одного из них. Это были крупные широкоплечие мужчины со светлыми глазами и белокурыми волосами с рыжеватым оттенком, того варварского вида, который нравился Карсу.

Он посмотрел туда, где лежали два мохнатых существа. Эти явно принадлежали к тому же племени, что и те, кто приветствовал его накануне с корабля. Они не были людьми в полном смысле этого слова. Они походили одновременно и на дельфина, и на тюленя. Тела их были покрыты короткой шерстью темного цвета. Черты лица были тонкими и красивыми. Существа отдыхали, но не спали, и глаза их были открыты — большие, темные и очень умные.

Это были те, кого дженкориане называли пловцами. Интересно, подумал он, какую же роль выполняют они на галере? Одно из существ было мужчиной, другое — женщиной. Почему-то Карс не мог думать о них, как о животных.

Он обнаружил, что существа изучают его внимательно и с любопытством. Легкая дрожь пробежала по его телу: в их глазах было что-то необычное, будто их взору было доступно нечто, недоступное человеку.

Женщина мягким голосом сказала:

— Добро пожаловать в братство бича.

Тон ее был дружелюбным, но в нем чувствовалась какая-то сдержанность, нотка замешательства.

— Спасибо,— улыбнулся в ответ Карс.

И снова осознал, что говорит на старом марсианском с акцентом. Ему было трудно объяснить, к какой расе он принадлежит. Карс не сомневался, что сами кхонды не сделают той ошибки, которую сделали дженкорианe.

Следующие слова подтвердили это.

— Вы не кхонд,— сказала женщина,— хотя и очень похожи на этот народ. Где ваша страна?

— Да, где она? — вмешался грубый мужской голос.

Карс обернулся и посмотрел на крупного раба-кхонда, третьего на их весле, и встретил взгляд, полный враждебного недоверия.

Человек продолжал:

— Болтали, будто ты пойманный шпион-кхонд. Но это ложь. Ты больше похож на дженкорианина, загримированного под кхонда и присланного сюда сарками.

Волна шепота пробежала по рядам гребцов. Карс и раньше понимал, что ему придется как-то объяснять свое происхождение. Он немного готовился к этому рассказу и теперь заговорил:

— Я не дженкорианин и принадлежу к племени, которое живет за Схугом. Это так далеко, что мне здесь все кажется новым и непонятным.

— Может быть,— недовольно проворчал большой кхонд.— У тебя странный вид, и говоришь ты странно. Что привело тебя и валкисянина сюда?

Богхаз к этому времени уже проснулся и сам ответил на вопрос.

— Мы с моим другом были ложно обвинены в воровстве,— мрачно сказал он.— Какой позор! Я, Богхаз из Валкиса, обвинен в мелком жульничестве! Какая ужасная несправедливость!

Кхонд презрительно сплюнул и отвернулся.

— Еще бы...

Теперь Богхаз прошептал Карсу:

— Они будут считать нас парой осужденных воров, и пусть они так думают.

— А разве для тебя это не так? — сердито спросил Карс.

— А для тебя, друг?

— Ты меня слышал... Я пришел из мест за Схугом.

«Из-за Схуга и из-за всего этого мира»,— мрачно подумал Карс, но ведь не может же он рассказать все, что произошло с ним. Ему просто не поверят.

Валкисянин пожал плечами.

— Если тебе хочется упорствовать, пусть будет так, я согласен. Я тебе доверяю. Разве мы не партнеры?

Карс кисло улыбнулся на этот искусный вопрос. В наглости этого вора было что-то такое, что забавляло его.

— А, ты думаешь о той жестокости, которую я проявил вчера? — спросил толстяк, заметив улыбку Карса.— То был только порыв, забудем об этом. Я уже забыл, но остается тот факт, друг мой, что ты владеешь тайной...— он перешел на шепот.— Тайной гробницы Рианона. Счастье наше, что Скайлд слишком невежественен для того, чтобы опознать шпагу. Эта тайна, если с умом взяться за дело, может сделать нас самыми великими людьми Марса!

Карс спросил его:

— Чем же так важна гробница?

— Ты хочешь сказать, будто ничего не знаешь об этом?

— Я же пришел издалека, и этот мир кажется мне совсем новым, я ничего не знаю об этом.

На толстом лице валкисянина отразилось одновременно недоверие и замешательство. Наконец он сказал:

— Не могу решить, действительно ли ты тот, за кого себя выдаешь, или притворяешься невежественным для собственной цели.— Он пожал плечами.— В любом случае, ты так или иначе смог бы услышать эту историю от других. Я должен тебе доверять. Даже последний варвар слышал о сверхлюдях Куири, давным-давно вла-

девших всей властью и мудростью ученых. И о том, как Проклятый среди них Рианон совершил грех, научив слишком большой мудрости джувиан.

Это привело к тому, что Куири оставили этот мир, уйдя неизвестно куда. Но, прежде чем уйти, они измерили грех Рианона и запрятали его в тайной гробнице, заперев вместе с приборами и страшной силой.

И разве удивительно, что весь Марс не перестает искать эту гробницу? Разве странно, что империя Сарка и морские королевства отдадут все, чтобы только завладеть утерянной властью Проклятого! И теперь, когда ты нашел гробницу, должен ли я, Богхаз, винить тебя, что ты так осторожен со своей тайной?

Последнюю фразу Карс оставил без внимания. Теперь он вспомнил те странные приспособления, составленные из драгоценных камней, призм и металла, что стояли в гробнице Рианона. Существовали ли действительно тайны древности — великая наука, исчезнувшая на варварском Марсе тех времен? Он спросил:

— А кто такие, эти морские королевства? Я понимаю так, что они враги сарков.

Богхаз кивнул.

— Сарк правит землями, находящимися к востоку, северу и югу от Белого моря. Но на западе от него есть маленькие свободные королевства свирепых морских пиратов. Кхонды и их морские короли не признают власти Сарка. Таких людей всегда много, и даже в землях моего Валкиса есть люди, что тайно ненавидят Сарка из-за джувиан.

— А кто такие джувиане?

Богхаз фыркнул.

— Послушай, друг. Можно притворяться невеждой, но это уже чересчур. Даже в самых далеких племенах нет такого человека, который не знал бы проклятой Змеи!

«Значит, Змея — общее название таинственных джувиан? Почему же их так называли?» — подумал Карс и вдруг заметил, что на него внимательно смотрит

женщина-пловец. Было даже жуткое мгновение, когда он почувствовал, что она читает его мысли.

— Шаллах сейчас наблюдает за нами,— недовольно прошептал Богхаз.— Лучше нам помолчать. Каждому известно, что они умеют читать мысли, эти халфлинги.

«Если это так,— подумал Карс,— то Шаллах-пловец должен быть по крайней мере удивлен ходом моих мыслей».

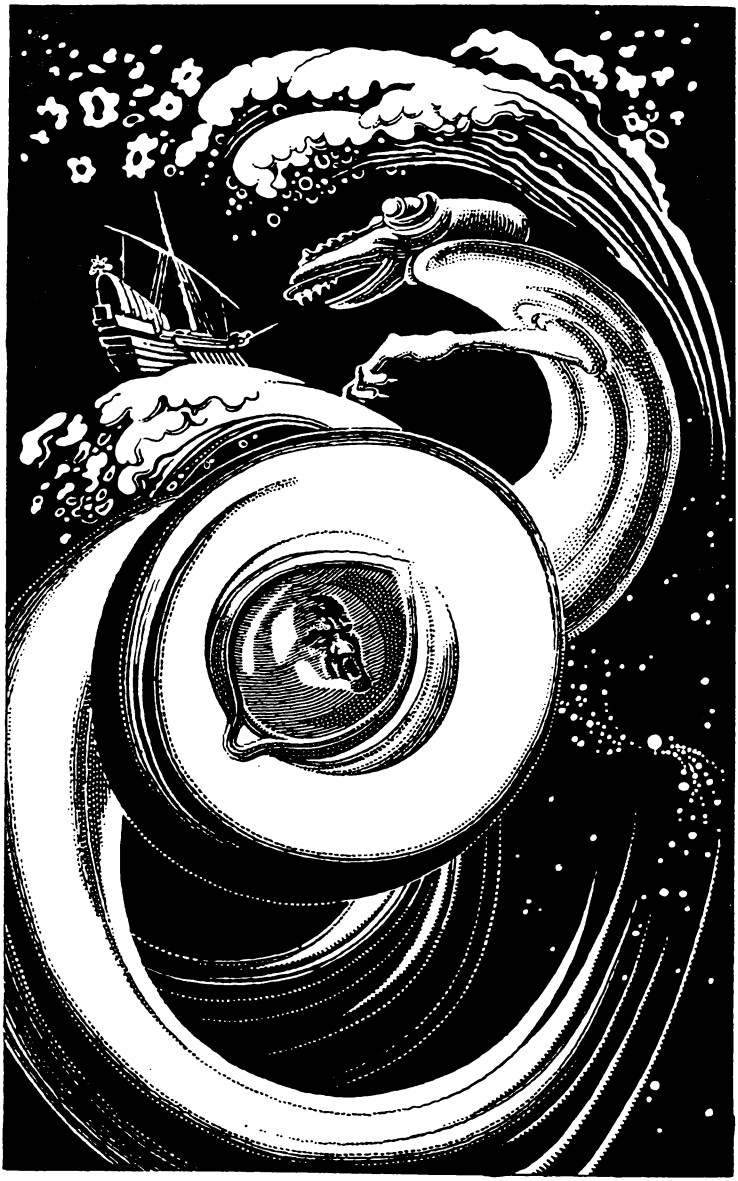
Он был заброшен на совершенно незнакомый ему Марс, большая часть которого все еще оставалась для него тайной. Но если Богхаз говорит правду, если эти странные предметы были приборами, имевшими отношение к науке, давно утерянной, то он, несмотря на то, что был рабом, обладал величайшей тайной, разыскиваемой всем миром.

Но эта тайна могла привести его к смерти. Он должен ревниво охранять ее, пока не сбросит с себя эти мерзкие путы. Необходимость освободиться и мрачная, все растущая ненависть к надменным саркам — вот в чем он был сейчас уверен.

Солнце поднялось уже высоко, поливая жаром своих лучей незащищенных рабов. Ветер, игравший парусами, не доходил до скамеек гребцов, сидящих внизу. Люди дышали как рыбы, вытащенные на берег. Им до сих пор не давали ни еды, ни питья.

Воспаленными глазами Карс наблюдал за тем, как солдаты Сарка с угрожающим видом расхаживали по палубе над рядами гребцов. В средней части этой палубы находилась низкая главная каюта, дверь в которую была открыта. На ее плоской крыше стоял рулевой — мрачного вида матрос — сарк. Он держал небольшой румпель и слушал приказы Скайлда. Сам Скайлд находился там же. Его борода, похожая на лопату, торчала вверх, когда он глядел на отдаленный горизонт поверх голов несчастных гребцов. Время от времени он подавал рулевому короткие команды.

Наконец появилась и еда: черный хлеб и железные кружки с водой. Их принес один из странных крылатых

рабов, виденных Карсом накануне. Их называли людьми неба.

Этого Карс изучал с интересом. Человек походил на ангела своими блестящими жестоко переломанными крыльями и прекрасным страдающим лицом. Он двигался между скамеек медленно, как будто нес непосильную ношу. Он молчал, взгляд его был подернут дымкой.

Шаллах поблагодарила его за еду. Он не посмотрел на нее, а просто пошел прочь с пустой корзиной. Она повернулась к Карсу.

— Большинство из них умирает, если им перебить крылья,— сказала она.

Он понял, что та имела в виду духовную смерть. И вид этого существа со сломанными крыльями вызвал у Карса еще больший приступ ненависти к саркам, чем его собственное бедствие.

— Будь прокляты твари, совершающие такое,— пробормотал он.

— И будь прокляты те, кто продался дьяволу вместе со Змеей! — отозвался Джахарт, большой кхонд, сидящий на их весле.— Проклят будет их король и его дьявольская дочь, Иваин! Если бы я мог, я утопил бы этот корабль вместе с ней и ее дьяволами из Дженкора.

— Почему она не показывается? — спросил Карс.— Неужели она такая нежная, что будет сидеть в каюте в течение всего пути?

— Эта чертова кошка нежная? — Джахарт с отвращением плюнул.— Она резвится в каюте со своим тайным любовником. Он пробрался на борт, закутавшись в плащ, и с тех пор не показывался, но мы его видели.

Шаллах внимательно посмотрела в сторону кормы и пробормотала:

— Она прячет не любовника, а проклятого дьявола. Я почувствовала его присутствие, когда он пришел на корабль.— Она перевела на Карса взгляд встревоженных глаз.— Но, кажется, на тебе тоже лежит проклятие,

чужестранец. Я могу это чувствовать, но не могу понять тебя.

По телу Карса пробежала легкая дрожь. Эти халфлинги с их сверхчувствительностью могли лишь смутно ощутить его невероятную чужеродность. Он был рад, когда Шаллах и Перам, ее муж, отвернулись от него.

В последующие часы Карс часто ловил себя на том, что его взгляд устремлен на ту часть палубы. Он испытывал мрачное желание увидеть Иваин Сарк, чьим рабом он теперь был.

К середине дня ветер начал падать и вскоре пропал совсем. Вновь Карс потел над незнакомой работой, вздрагивая от ударов бича по спине. Лишь Богхаз казался счастливым.

— Я не из тех, кто боится моря,— говорил он, покачивая головой. — Для такого кхонда, как ты, Джахарт, гребля — самое естественное занятие. Я был в юности слабым и вынужден был жить тихо. Проклятое спокойствие! Даже тяжелая работа лучше, чем такая жизнь, когда тебя несет, как щепку, по волнам.

Эту патетическую речь Карс слушал до тех пор, пока не обнаружил, что Богхаз получил хороший повод не работать всерьез — он лишь наклонялся и разгибался для вида, а Карс и Джахарт гребли. Карс нанес ему такой удар, что тот не слетел со скамьи только потому, что был прикован, и после этого, с жалобными стонами, выполнял свою работу добросовестно.

Горячий и бесконечный день начал клониться к вечеру. На ладонях Карса вздулись кровавые мозоли, вскоре лопнувшие. Он был очень сильным человеком, но и его силы стали таять. Он завидовал Джахарту, который, казалось, был рожден за веслом. Потом его мучения немного ослабли, он впал в состояние какой-то заторможенности, а тело продолжало действовать механически.

В последних золотых лучах дневного света он поднял голову, ловя ртом воздух, и сквозь дымку в глазах

увидел, что на палубе над ним стоит женщина и смотрит на море.

7. ШПАГА

Эта женщина могла быть одновременно и дьяволом и ангелом, но кем бы она не была, вид ее заставил Карса затаить дыхание и смотреть на нее не отрываясь.

Она стояла подобно темному пламени, окруженная нимбом заходящего солнца. Одета она была, как юный воин: черная кольчуга на короткой пурпурной тунике и короткая шпага на боку. Стриженые черные волосы с челкой над глазами падали ей на плечи. Глаза под темными бровями сверкали огнем. Она стояла, слегка расставив длинные стройные ноги, и смотрела на море.

Карс почувствовал прилив какого-то горького восхищения. Эта женщина завладела им. Он ненавидел ее и всю ее расу, но вместе с тем не мог отрицать блестящей красоты ее и силы.

— Ровнее, ты, падаль!

Крик и удар бича вывели его из транса. Он сбился с ритма, нарушив работу их скамьи, и Джахарт теперь ругался. Каллас орудовал бичом. Досталось всем троим, и Богхаз взвыл:

— Милосердия, госпожа Иваин! Милосердия!

— Заткнись! — орал Каллас, продолжая избивать их, пока не полилась кровь.

Иваин посмотрела вниз.

— Каллас! — крикнула она.

— Я слушаю вас, ваше высочество,— поклонился ей надсмотрщик.

— Бей сильнее,— сказала она.— Я хочу быть у Черной отмели до рассвета! Секи каждого, кто нарушит ритм,— она посмотрела на Карса и валкисянина.

Барабан забил еще быстрее, и она отвернулась. Карс

с горечью посмотрел ей в спину. Хорошо бы проучить эту женщину, вырвать ее гордость с корнем и растоптать.

Бич опять упал на его плечи, и ему оставалось только грести. Джахарт усмехнулся горькой усмешкой и вздохнул:

— Сарки правят Белым морем, но морские короли еще сильны. Даже Иваин не смеет появиться у них на пути.

— Если враг может появиться внезапно, то почему ее не сопровождает эскорт? — спросил Карс, тяжело дыша.

Джахарт покачал головой.

— Этого я и сам не могу понять. Я слышал, что Горах послал свою дочь для того, чтобы припугнуть подчиненного ему короля Дженкора, ставшего слишком спесивым, но почему она отправилась без эскорта?

Богхаз предположил:

— Может быть, джувиане снабжают ее каким-то таинственным оружием?

Большой кхонд фыркнул:

— Джувиане слишком хитры для этого. Они иногда помогают своим союзникам — саркам — странным оружием, но какая польза им в том, если они дадут это оружие саркам в руки. Они не такие дураки!

Карс начал лучше разбираться в этом Марсе. Все эти люди были полуварварами, все, кроме таинственных джувиан. Они, очевидно, владели частью науки этого мира, ревниво оберегая свои секреты и используя их для своих целей.

Настала ночь. Иваин по-прежнему стояла на палубе, число наблюдателей было удвоено. Перам и Шаллах сидели все так же, закованные в цепи. Их огромные мрачные глаза горели каким-то тайным волнением.

У Карса не было ни сил, ни желания оценивать восхитительное зрелище горящего в лунном свете моря. В довершение всех бед подул встречный ветер, волны били прямо в нос корабля, и гребцам пришлось удвоить усилия. Барабан был неумолим.

Ярость все больше обуревала Карса. Тело его невыносимо болело, спина была исполосована яростными ударами бича, из ран на ладонях сочилась кровь. Весло все тяжелело и брыкалось, боролось с ним, как живое существо.

Что-то произошло с его лицом. Оно сделалось странно каменным, и краска сошла с его глаз. Они стали блеклыми, как лед, и взгляд его не был взглядом психически здорового человека. Стук барабана сливался со стуком его сердца, становясь все более громким с каждым ударом весла.

Набежала волна, высокая и хищная. Карса ударило веслом в грудь так, что у него перехватило дыхание. Джахарт, обладающий большим опытом, и Богхаз, тяжелый и более плотный, сразу же овладели собой, не раньше, впрочем, чем надсмотрщик успел обругать их и схватиться за бич.

Карс бросил весло, движения его были так быстры, несмотря на висевшие на нем цепи, что надсмотрщики не успели понять, что произошло, как один из них оказался лежащим на коленях землянина, пытаясь защитить голову от яростных ударов наручниками.

Ряд гребцов немедленно пришел в движение, ритм был безнадежно потерян. Подскочил Каллас и ударил Карса по голове рукоятью бича, тот упал почти без сознания. Надсмотрщик, попавший Карсу в руки, поднялся, избежав тяжелых рук Джахарта, Богхаз сжался в комок и замер. С палубы послышался голос Иваин:

— Каллас!

Каллас, дрожа, опустился на колени.

— Да, ваше высочество.

— Пори их до тех пор, пока они не вспомнят, что они больше не люди, а рабы! — Ее сердитый голос и непроницаемый взгляд выражали крайнее недовольство. Взгляд ее упал на Карса.— А этот, кажется, новичок?

— Да, ваше высочество.

— Научи его,— сказала она.

Они стали учить его, Каллас и пострадавший над-

смотрщик, вместе. Карс пригнул голову к коленям и обхватил ее руками. Богхаз то и дело вскрикивал, когда бич отлетал в сторону и ложился не на Карса, а на него. Карс видел, как под ноги ему текли красные струйки, смешиваясь с водой. Гнев, обуревавший его, остыл и принял иную форму, подобно железу под ударами молота.

Наконец избиение прекратилось. Карс поднял голову. Для этого ему пришлось сделать невероятное усилие, но медленно и упрямо он все-таки поднял ее и посмотрел прямо в глаза Иваин.

— Ты понял урок, раб? — спросила у него Иваин.

Прошло долгое время, пока он смог подобрать слова для ответа. Теперь ему было безразлично, будет ли он жить или умрет. Вся вселенная была сосредоточена на этой женщине, что стояла перед ним, угрожающая и неприступная.

— Спускайся сама и учи меня, если можешь,— хрипло проговорил он и назвал ее словом, которым пользуются в самых низкопробных притонах, словом, которое говорит, что она ничему не сможет научить мужчину.

Мгновение, другое, никто не мог двинуться и заговорить. Карс увидел, что лицо ее побелело, и расхохотался. Грубый звук его смеха нарушил тишину. Скайлд схватил шпагу и прыгнул вниз в ряд гребцов.

Лезвие шпаги ярко вспыхнуло в свете факелов. Карс подумал, как далеко пришлось забраться ему, чтобы умереть. Он ждал удара, но его не последовало, и тогда он осознал, что Иваин велит Скайлду остановиться. Тот нерешительно опустил шпагу, озадаченно посмотрел вверх.

— Но, ваше высочество...

— Иди сюда,— сказала она, и Карс увидел, что она смотрит на шпагу Рианона. Скайлд взобрался на палубу, и на лице его застыл испуг. Иваин шагнула ему навстречу.

— Дай мне ее! — протянула она руку и, видя его колебания, крикнула: — Шпагу, дурак!

Он вложил шпагу в ее протянутые руки, и Иваин внимательно осмотрела оружие.

— Где ты взял эту вещь, Скайлд?

— Я... — он медлил с ответом, не желая сознаваться, но рука инстинктивно скользнула к украденному вороту.

Иваин фыркнула:

— Твои воровские дела меня не интересуют! Где ты взял шпагу?

Скайлд указал на Карса и Богхаза.

— У них, ваше высочество, когда поймал их.

— Отведи их в мои покои.

Она исчезла внутри каюты, а Скайлд, несчастный и сбитый с толку, отправился выполнять приказание. Богхаз просто плакал:

— Боги милостивые! Свершилось — Он плотнее придвинулся к Карсу и, пока была возможность, заговорил: — Лги, как никогда раньше не лгал. Если она подумает, что тебе известна тайна гробницы, то она или джувианы вырвут ее у тебя!

Карс не ответил. Он старался вернуть себе ясность ума.

Скайлд с руганью потребовал вина, и его вскоре принесли. Он насильно влил вино в рот Карса, потом отвязал его и Богхаза от весла и повел их на палубу.

Вино и морской ветер на палубе немного оживили Карса, и он мог сам держаться на ногах. Скайлд грубо втолкнул его в освещенную факелами каюту. Иваин сидела у стола, шпага Рианона лежала перед ней.

В противоположной переборке находилась низенькая дверца, ведущая во вторую комнату. Карс увидел, что она немного приоткрыта. Никакого света за дверцей не было, но ему показалось, что кто-то или что-то притаилось там, и он вспомнил слова Шаллах.

В воздухе чувствовалось какое-то колебание, слабый запах мускуса, сухой и тошнотворный. Он шел, как казалось Карсу, из той комнаты, и этот запах подействовал на него странно. Еще не зная, чем он вызван, Карс уже ненавидел того, от кого он исходил.

Он подумал, что там, должно быть, скрывается лю-

бовник Иваин, причем очень странный любовник. Иваин, начав говорить, перевела его мысли в другое русло.

— Расскажи мне все! — сказала она Скайлду.

С неохотой, отрывистыми фразами, Скайлд рассказал ей все, и Иваин глянула на Богхаза.

— А ты где взял шпагу?

Богхаз вздохнул и кивнул на Карса.

— Спросите у него, ваше высочество. Это красивое оружие, а я человек торговый.

— И только из-за этого ты хотел ее получить?

Лицо Богхаза выражало образец невинного удивления.

— А какая же может быть причина? Я не воин. Кроме того, был еще пояс и воротник. Вы сами можете видеть, насколько они ценны.

По выражению лица Иваин нельзя было понять, верит ли она толстяку. Она повернулась к Карсу.

— Значит, шпага принадлежала тебе?

— Да,— прямо ответил Карс.

— Где же ты ее взял?

— Купил у торговца.

— Где?

— В северной стране, за Схугом.

Иваин улыбнулась.

— Ты лжешь!

Карс быстро заговорил:

— Я честно добыл оружие, и мне все равно, веришь ты мне или нет.

Скрип двери, ведущий во вторую комнату, заставил Карса насторожиться. Ему захотелось распахнуть ее и посмотреть, кто там притаился, хотелось увидеть того, от кого исходил этот запах. В то же время в этом вроде бы и не было нужды, он как будто бы знал это и так.

Скайлд не мог больше сдерживаться.

— Прошу прощения, ваше высочество, но к чему весь этот допрос насчет шпаги?

— Ты хороший солдат, Скайлд,— задумчиво произ-

несла Иваин,— но в другом ты бываешь туп. Ты чистил оружие?

— Оно было в плохом состоянии.— Он с отвращением посмотрел на Карса.— Похоже, что он годами не прикасался к нему.

Иваин протянула руку и положила ее на украшенный камнями эфес. Карс увидел, что рука ее дрожит. Она мягко сказала:

— Ты прав, Скайлд. К ней не притрагивались годами. С тех пор, как Рианон, который ее сделал, был упрятан в гробницу.

Лицо Скайлда выразило изумление, челюсть его отвисла.

— Рианон?

8. ТЕНЬ В ТЕМНОТЕ

Взгляд Иваин устремился на Карса.

— Он знает тайну гробницы, Скайлд. Он должен знать, раз у него эта шпага.— Она помолчала.— Это опасная тайна... Такая опасная, что я почти жалею, что... Она замолкла, будто считая, что и без того много сказала. Но бросила ли она быстрый взгляд на дверь? Потом прежним надменным голосом Иваин произнесла:— У тебя есть еще одна возможность, раб, где гробница? Карс покачал головой. — Я не знаю.— Он схватился за плечо Богхаза, чтобы не упасть, маленькие алые капли упали на ковер у его ног, лицо Иваин показалось очень далеким.

Скайлд хрипло сказал:

— Отдайте его мне.— Он глубоко задышал.

— Нет, для твоих методов он уже слишком плох. Пока я не буду его убивать. Я должна... подумать.— Она нахмурилась, переводя взгляд на Карса и Богхаза.— Они должны грести, так я думаю. Забери от них третьего и пусть они работают всю ночь без помощи, и вели

Калласу отпускать толстяку по два удара каждую склянку.

Богхаз взвыл.

— Ваше высочество! Умоляю вас! Я сказал бы, если бы знал, но я не знаю ничего! — Может быть, и так,— пожала плечами Иваин.— В таком случае, ты попытаешься убедить своего товарища говорить.— Она обернулась к Скайлду.— Вели также Калласу поить морской водой высокого каждый раз, когда ему захочется пить.— Ее белые зубы сверкнули.— Это хорошее лекарство.

Скайлд рассмеялся, Иваин велела ему удалиться.

— Следи за тем, чтобы мой приказ выполнялся, но никаких других мер. Они должны быть живыми. Когда они будут готовы к тому, чтобы говорить, приведешь их ко мне.

Скайлд повел пленников вниз к веслам. Джахарта забрали, и для Карса продолжался кошмар ночных часов.

Богхаз был сломлен и дрожал. Получив свои удары, жалобно закричал, а потом простонал, обращаясь к Карсу:

— Хоть бы мне никогда не видеть твою кровавую шпагу! Она приведет нас в Кара-Джу!

Карс скривил губы в подобии улыбки.

— В Дженкоре ты говорил по-иному.

— Тогда я был свободным человеком, а джувиане были далеко.

Карс почувствовал, что в нем все напряглось. Странным голосом он произнес:

— Богхаз, что за запах был в каюте Иваин?

— Запах? Я не почувствовал никакого запаха.

— Странно,— сказал Карс,— а ведь он довел меня до безумия. А может быть, я уже безумен? Джахарт был прав, во второй комнате кто-то спрятан.

— Меня не интересуют распутства Иваин.

Некоторое время они молча гребли, потом Карс резко бросил:

— Кто такие джувиане?

— Ну откуда ты такой явился? — недоуменно уставился на него Богхаз.

— Я уже тебе сказал, из-за Схуга.

— Должно быть, твои края и впрямь так далеко, если ты не слышал о Кара-Джу и Змее. Ты, я думаю, ведешь какую-то сложную игру. Все это — притворное невежество, но я не собираюсь с тобой играть в эту игру. Ты знаешь, по крайней мере, что давным-давно в нашем мире жили люди и не совсем люди-халфлинги. Из людей самыми великими были Куири, которые ушли. У них было столько знаний и мудрости, что их до сих пор почитают, как сверхлюдей. Но были еще и халфлинги — раса, похожая на людей, но совсем с другой кровью. Пловцы, берущие начало от морских существ, люди неба, происходящие от крылатых, и джувиане, происшедшие от змеи.

Карса прошиб пот. Почему все это казалось ему таким знакомым? Ведь раньше он и не слышал, и не думал о таком! Он никогда не слышал о древней марсианской эволюции, о развитии пород высших существ.

— Джувиане всегда были хитрыми. Как породившая их змея,— продолжал Богхаз.— Такими хитрыми, что смогли убедить Рианона научить их некоторым из его знаний. Некоторым, но не всем, однако все же достаточным, чтобы они смогли сделать свой черный город Кара-Джу непроницаемым и временами прибегать к помощи научного оружия, чтобы сделать своего союзника Сарка владыкой над человеческим родом.

— Это и был грех Рианона?

— Да, это и был его грех, ибо в своей гордыне он бросил вызов другим Куири, которые не разрешали ему дарить джувианам эту силу. За этот грех Рианона погребли в гробнице. Так говорят легенды.

— Но ведь джувиане не легенда?

— Нет, будь они прокляты! Они — причина, по которой все свободные люди ненавидят сарков, заключивших союз со Змеей.

Их разговор был прерван появлением раба с переломанными крыльями, Лорка. Его прислали с кувшином морской воды. Он заговорил, но теперь в его голосе звучала музыка.

— Тебе может быть больно, чужестранец, терпи боль, если можешь. Это тебе поможет.— Он протянул кувшин, и из него, покрывая тело Карса ярким футляром, хлынула вода.

Карс понял, почему улыбалась Иваин. Может быть, то, что давало свечение морю, и было целебным, но лечение было более болезненным, чем раны. Ему показалось, что плоть его отходит от костей.

Ночь продолжалась, и Карс почувствовал через некоторое время, что боль стала стихать, раны его больше не кровоточили, и вода стала освежать его. К своему удивлению, он увидел блики второй зари над Белым морем.

Вскоре после восхода солнца раздался крик впередсмотрящего. Впереди лежала Черная отмель.

Карс увидел далеко тянувшуюся мель. Рифы и банки, здесь и там из воды выступали огромные камни.

— И они не попытались привести в порядок это безобразие! — воскликнул он.

— Этот путь самый короткий к Сарку,— сказал Богхаз.— А что касается порядка на отмели... для чего, как ты думаешь, каждая галера Сарка берет с собой пленных пловцов?

— Я сам хотел бы это знать.

— Скоро узнаешь.

На палубу вышла Иваин, за ней шел Скайлд. Они даже не посмотрели на двух измученных гребцов, обливающихся потом у весла. Богхаз, увидев их, мгновенно перестроился на жалобный тон:

— Милосердия, ваше высочество!

Иваин не обратила на него внимания и сказала Скайлду:

— Замедлить ход и выслать пловцов.

С Перама и Шаллах сняли кандалы и пустили их в воду. Тела их были заперты в металлическую решетку,

привязанную длинной металлической цепью к палубе. Пловцы бесстрашно нырнули в открытое море, цепи натянулись. Тела пловцов то и дело мелькали под водой. Они плыли в ревущей воде между камней впереди галеры.

— Видишь,— сказал Богхаз,— они чувствуют проход. Они проведут галеру через рифы.

Волосы Иваин трепало ветром, кольчуга сверкала в лучах солнца. Она вместе со Скайлдом внимательно наблюдала за пловцами. Киль корабля рассекал свистящую и кипящую воду. Один раз весло скользнуло по камню, но препятствие удалось благополучно обогнуть.

Путешествие было изнурительным, долгим. Солнце поднялось в зенит. Казалось, сам корабль излучает сгустившееся до боли напряжение.

Карс лишь смутно воспринимал шум волн, когда весло погружалось в воду. Валкисянин стонал теперь безостановочно. Карсу казалось, что руки налиты свинцом, а голова закована в стальной камере.

Наконец галера выбралась в спокойную воду, где не было мелей. Рев порогов остался позади. Пловцов втащили на борт. И в первый раз Иваин бросила взгляд на выбившихся из сил гребцов.

— Дать им короткий отдых,— приказала она.— Скоро поднимется ветер.— Она скользнула взглядом по Карсу и Богхазу.— Скайлд, приведи снова ко мне этих двоих.

Карс наблюдал за тем, как Скайлд спускается с палубы и идет к ним. Тут уж ничего нельзя было поделать. Дверь за ними захлопнулась. Снова Иваин за столом, шпага перед ней, низкая приоткрытая дверца и сгущение в воздухе.

— Первую порцию того, что я хочу с вами сделать, вы уже получили. Хотите получить вторую? Или расскажите мне, где находится гробница Рианона?

Карс монотонным голосом ответил:

— Я уже говорил тебе, что не знаю.

Он не смотрел на Иваин, дверь в другую комнату

заворожила его, и он не мог отвести от нее взгляда. В глубине сознания что-то как будто пробудилось и шевелилось. Предвидение, ненависть, ужас, которые он не мог понять. Однако он хорошо понимал, что развязка скоро должна наступить. Сильная дрожь пробежала по его телу, отдавшись напряжением в каждом нерве. Что же это такое, чего он не знает, но почти помнит?

Иваин подалась вперед.

— Ты сильный и этим гордишься. Ты чувствуешь, что можешь вынести физическое наказание болью большее, чем то, которому я осмелюсь тебя подвергнуть, но есть и другие способы. Более быстрые и более верные, и даже у сильных мужчин нет против них защиты.— Она перехватила направление его взгляда и сказала тихо: — Возможно, ты и догадываешься, о чем я говорю.

Лицо Карса было лишено какого-либо выражения. Мускусный запах тяжелым комом застрял у него в глотке, сгущался и двигался внутри него, наполняя легкие и проникая в сердце. Отравляюще вкрадчивый, жестокий, холодный первобытным холодом. Его качало, и он не мог отвести глаз от дверцы.

— Догадываюсь,— ответил он хрипло.

— Хорошо. Тогда говори, и дверь не откроется.

Карс рассмеялся. Звук его смеха был тихим и хриплым.

— Зачем мне говорить? Ты все равно уничтожишь меня, чтобы сохранить тайну.

Карс шагнул вперед. Он сознавал, что говорит и движется, хотя звук его голоса был едва различим для него самого. Он внушал себе странное напряжение, жилы на его висках вздувались, кровь молотом стучала в голове. Раздался треск, как будто вышла наружу и взорвалась созревшая в нем дотоле сила.

Он не знал, почему идет вперед, почему шагает к этой двери. Он не знал, почему кричит совершенно чужим голосом:

— Ну ж, открывай, сын Змеи! — Богхаз испустил пронзительный вопль и скорчился в углу, закрыв лицо

руками. Иваин с удивлением смотрела на происходящее, широко раскрыв и без того огромные глаза. Лицо ее внезапно побелело.

Дверь медленно отворилась.

За ней не было ничего, кроме темноты и тени. Тень в плаще с капюшоном, застывшая в темноте каюты, казалась даже не тенью, а призраком тени, но «оно» было там! И человек, Карс, пойманный в ловушку своей странной судьбой, знал, что это такое.

Это был страх, древний дьявол, скрывавшийся вначале в зарослях травы в стороне от жизни, но наблюдавший за ней с холодной мудростью, смеясь беззвучным смехом, не давая ничего, кроме горькой смерти. Это была Змея!

То первобытное, что таилось в Карсе, стремилось убежать, скрыться. Каждая клеточка его плоти взывала к разуму. Все инстинкты молили о бегстве. Но он не убежал, в нем был гнев, который зрел и зрел, пока не одолел страх. Гнев оставил только стремление уничтожить то, что было там, за дверью, в тени.

Его собственный гнев или что-то большее? Нечто, рожденное из стыда и отчаяния, никогда ему неведомых? Голос мягкий и свистящий подсказал ему из темноты:

— Ты этого хотел, и пусть будет так!

В каюте царила тишина. Скайлд тоже сжался в комок, и даже Иваин крепко вцепилась в край стола. Богхаз едва дышал в своем углу.

Тень шевельнулась со слабым шелестом. Появилось тусклое блестящее пятно, поддерживаемое невидимыми руками сияние, не распространявшее света. Оно показалось Карсу похожим на кольцо маленьких невероятно далеких звезд.

Звезды пришли в движение, закружились все быстрее и быстрее, пока не слились в один расплывчатый круг. Теперь сияние издавало высокий звук, чистый и четкий, подобный бесконечности, не имеющий ни начала, ни конца.

Это была песня, зов... Предназначался ли он для его слуха? Или ему это чудилось? Возможно, он слышал этот зов всей своей плотью, своими натянутыми до предела нервами. Остальные же, казалось, ничего не слышали.

Карс почувствовал, как холод постепенно овладевает всем его существом, как будто эти маленькие звездочки взывали к нему через Вселенную, заманивали его в глубины пространства, где пустота космоса должна была высосать из него жизнь.

Напряжение мышц ослабло, Карс чувствовал, что сила его тает в ледяном потоке, разум растворяется, и он медленно опустился на колени. Маленькие звездочки все пели и пели. Теперь он понимал их. Они задавали ему вопрос. Он знал, что когда ответит на него, то уснет и никогда больше не проснется, но это было неважно. Он боялся сейчас, что если он заснет, то может забыть о своем страхе.

Страх!.. Страх! Старый, старый страх! Он брал душу в плен, и только во сне или в смерти он может забыть об этом страхе. Нужно лишь ответить на вопрос:

— Где гробница?

Отвечай, говори. Но что-то еще связывало его язык. Адское пламя гнева искрилось в нем, борясь с яркостью поющих звезд. Он сопротивлялся, но звезды были сильнее. Он услышал шелест сухих губ, его собственных губ!

— Гробница... место, где Рианон... Рианон! Темный отец, научивший тебя силе... ты, порождение змеиного яйца!

Этот крик подстегнул его, как клич боевой трубы. Гнев вновь ожил в нем, дымчатый драгоценный камень в эфесе лежавшей на столе шпаги взывал к его руке. Он перегнулся и схватил ее. Иваин со слабым криком подалась вперед, но было поздно! Огромный камень вспыхнул, как будто поймал все пламя поющих звезд, отшвырнув их прочь. Кристальная песня прервалась и исчезла, исчезло и свечение. Гипноз прекратился. Кровь

вновь хлынула в вены Карса, шпага ожила в его руке. Карс выкрикнул имя Рианона и рванулся вперед, в темноту. Он услышал шипящий крик, когда длинное блестящее лезвие вошло в сердце тени.

9. ГАЛЕРА СМЕРТИ

Карс медленно выпрямился и повернулся спиной к двери, к существу, которое он чувствовал, но не видел. Он не желал его видеть. Карс был потрясен и был полон той страшной пульсирующей силой, что граничит с безумием.

«Истерика»,— подумал он. Истерика, которая бывает, когда случившегося хватает с избытком, когда вокруг тебя смыкаются стены и не остается ничего другого, как бороться до конца.

Комната была погружена в полнейшую тишину. У Скайлда взгляд остановился, а рот был приоткрыт, короче, он представлял из себя полнейшего идиота. Иваин держалась рукой за край стола, и это проявление слабости казалось для нее странным.

— Ты человек или демон? — хрипло спросила она, не отводя от Карса горящих глаз.— Кто ты, раз мог выстоять перед Кара-Джу?

Карс не ответил, он не мог говорить. Лицо Иваин плавало перед ним в дымке, как серебряная маска. Он вспомнил боль, позор раба, непосильную работу, удары бича и голос, сказавший Калласу: «Проучи его!»

Он убил Змею и убить после этого королеву казалось совсем легким делом. Карс шевельнулся, сделал несколько коротких шагов по направлению к ней. В этом медленном движении было что-то ужасное — уязвленный раб в кандалах тащит огромную, запятнанную нечеловеческой кровью шпагу.

Иваин подалась назад, ее рука легла на эфес ее собственной шпаги. Она не боялась смерти, она боялась

того, что видела в Карсе — света, горевшего в его глазах. Это был страх души, а не тела.

Скайлд испустил хриплый крик, выхватил шпагу и устремился на Карса. Все забыли о Богхазе, притихшем в углу. Теперь валкисянин вскочил на ноги, двигаясь с быстротой, необычной для его грузного тела. Когда Скайлд пробегал мимо него, Богхаз поднял руки и обрушил на его голову удар кандалов, и Скайлд рухнул.

К Иваин вернулась ее гордость. Шпага Рианона взвилась над ней для смертельного удара, но движением быстрым, как луч света, Иваин парировала этот удар своей шпагой.

Сильный удар выбил оружие у нее из руки, и Карсу оставалось лишь нанести повторный удар, но казалось, что с этим усилием что-то ушло из него. Он увидел, как Иваин открывает рот, чтобы позвать на помощь, и ударил ее по лицу плоской стороной клинка с такой силой, что она упала на пол. И тут Богхаз вцепился ему в спину с криком:

— Не убивай ее!

Карс наблюдал за тем, как Богхаз связывает ее, затыкает ей рот, как вытащил кинжал из ножен на ее поясе.

Карс подумал, что они, два раба, одолели Иваин Сарк, убили Змею и капитана и что, как только об этом узнают, за их жизнь нельзя будет дать и ломаного гроша. Но пока они были в безопасности. Шума почти не было, и с палубы не было слышно тревоги. Богхаз захлопнул дверь во вторую комнату, как бы отрезая память о том, что лежало там, на полу. Потом он пристально посмотрел на полумертвого Скайлда, поднял шпагу капитана и стоял над ним, вслушиваясь в его тяжелое дыхание. На Карса он смотрел теперь с особым уважением, смешанным с благоговением и страхом. Оглянувшись на закрытую дверь, он пробормотал:

— Никогда не поверил бы, что такое возможно, но ведь я видел это своими глазами.— Он повернулся к

Карсу.— Прежде, чем напасть, ты выкрикнул имя Рианона. Почему?

— Как человек может знать, почему он делает что-то в такой момент?

По правде говоря, он и сам не знал, почему назвал имя Проклятого, если не считать того, что оно так часто повторялось в его сознании, что стало навязчивой идеей. Джувианский гипноз нарушил весь ход его сознания, выбил из колеи. Теперь он помнил лишь непереносимый гнев, и, видит бог, у него была причина для такого гнева.

Возможно, не было ничего странного в том, что гипнотическая наука джувиан не смогла полностью подчинить его себе. В конце концов, он же был землянином, и притом пришельцем из другого времени. И все же они чуть было не овладели им.

— Ладно, с этим покончено,— сказал он.— Сейчас надо думать о том, как мы будем выбираться из этой переделки.

Смелость Богхаза, как видно, улетучилась, и он мрачно сказал:

— Лучше уж нам убить и себя, чтобы разом покончить с этим.

— Если ты так настроен,— возразил Карс,— зачем тебе нужно было спасать мне жизнь?

— Не знаю. Инстинкт, должно быть.

— Вот и прекрасно. А мой инстинкт — жить как можно дольше.

Но длительной возможности пожить что-то не предвиделось. Карс, однако, не собирался следовать совету Богхаза. Задумчиво посмотрев на шпагу, он сказал:

— Если бы мы могли освободить гребцов, они кинулись бы в бой. Все они приговорены пожизненно, так что терять им нечего. Мы могли бы захватить корабль.

Глаза Богхаза расширились, потом превратились в щелки. Он пожал плечами:

— Думаю, что так. Умереть мы всегда успеем, стоит попытать счастья.

Он попробовал лезвие кинжала Иваин. Оно было тонким и прочным. Удивительно умело орудуя им, он принялся вскрывать замок на кандалах Карса.

— У тебя есть план? — спросил он.

— Я не волшебник,— проворчал Карс.— Могу лишь попытаться.— Он посмотрел на Иваин.— Ты останешься здесь, Богхаз. Забаррикадируй дверь и стереги Иваин. Если дела пойдут не так, как надо, она сстанется нашей последней надеждой.

Кандалы на нем были сняты, он неохотно отложил шпагу. Кинжал понадобится Богхазу для защиты, но у Скайлда была еще одна шпага, и Карс взял ее, спрятав под кильт.

Затем Карс приоткрыл дверь ровно настолько, чтобы выбраться наружу. Из-за его спины раздалась великолепная имитация голоса Скайлда, зовущего охранника.

Появился солдат, и голос из каюты приказал ему:

— Отведи этого пленника назад к гребцам и проследи, чтоб не тревожили Иваин.

Солдат повел пошатывающегося Карса. Дверь каюты захлопнулась, и Карс услышал звук опускаемого засова. Они прошли по палубе и спустились по лестнице.

Карс шел и думал, что лучше сделать дальше. Тут он вспомнил о барабанщике — ведь он тоже раб, затем двое пловцов.

Солдат подвел Карса к Калласу и ушел. Джахарт снова сидел на весле, а рядом с ним был худой старик — каторжник с клеймом на лице. Они посмотрели на Карса и отвели глаза.

Каллас грубо пихнул землянина на скамью, где тот сразу низко склонился над веслом. Каллас нагнулся, прикрепляя его ножные кандалы к общим, ворча:

— Надеюсь, Иваин позволит мне заняться тобой, когда ты ей не будешь больше нужен, падаль...

Внезапно Каллас замолк и не сказал больше ни слова. Карс пронзил его сердце с такой точностью и быстротой, что сам Каллас не успел что-либо понять.

— Держите равнение,— выдохнул Карс, обращаясь к Джахарту.

Большой кхонд повиновался, в глазах его заплясали огоньки, человек с клеймом тихо рассмеялся. На их лицах читалась ужасающая готовность.

Карс снял с пояса Калласа ключ и опустил его тело на дно. Человек, сидевший на веслах через проход, заметил это.

— Держать равнение,— повторил Карс.

И одного взгляда Джахарта было достаточно, чтобы ритм был сохранен. Но тут барабан споткнулся и умолк. Карс стряхнул с себя наручники. Он встретился с глазами барабанщика, и тот забил вновь, но надсмотрщик уже спешил к нему с яростным криком:

— Что случилось, свинья?

— У меня ослабли руки,— жалобным тоном проговорил барабанщик.

— Ослабли руки,— ревел надсмотрщик.— В следующий раз я тебе спину ослаблю!

Человек, сидевший на левом весле, кхонд, небрежно бросил через плечо:

— Скоро много чего случится, сарковый ублюдок! — и снял руки с весел.

Надсмотрщик взревел еще громче:

— Что?! — Он двинулся к говорившему.— Эта грязь будет еще пророчествовать!

Бич его поднялся и упал, но тут его настиг Карс. Одна рука прикрыла рот сарка, а другая всадила в его тело шпагу. Карс отправил на дно и этого. Громкий животный крик поднялся над скамейками гребцов, но тут же умолк, когда Карс поднял руку в предупреждающем жесте, глядя на палубу. Там никто не появлялся.

Барабанщик продолжал выстукивать дробь, но это было уже неважно, раз не было надсмотрщика. Главное было, чтобы корабль не остановился. Если удача будет сопутствовать им и дальше...

Пригнувшись, Карс отпирал замки на кандалах греб-

цов. Людей не нужно было предупреждать, чтобы они были осторожны с цепями. Они понимали это и сами, быстро освобождаясь от оков, но все же и половина их не была освобождена, когда какой-то солдат подошел к поручню палубы и посмотрел вниз.

Карс как раз кончил освобождать пловцов. Он увидел, что выражение лица солдата от скучающего мгновенно перешло к крайне взволнованному, и, схватив бич надсмотрщика, Карс метнул его наверх. Солдат успел заорать прежде чем бич обвился вокруг его шеи и увлек вниз. Карс вскочил на лестницу.

— Ну, падаль, сброд! Слушайте все! Пришло наше время!

И все, как один, устремились за ним. Они издавали крики, вопли, требующие возмездия, крови. Они мчались вверх по лестнице, размахивая цепями, а те, кто был еще прикован, с безумной яростью пытались освободиться.

У них было небольшое преимущество во времени, и нападение было таким внезапным, что солдаты не успели вытащить из ножен свои шпаги. Такое положение не могло долго длиться, и Карс это понимал.

— Деритесь изо всех сил! — кричал он.

Гребцы обрушились на солдат. Карс орудовал кинжалом и шпагой, Джахарт выкрикивал слово «кхонд», как боевой клич. Сверкали обнаженные тела, пловцы сновали между ними, как коричневые тени, а раб со сломанными крыльями каким-то образом сумел раздобыть себе шпагу.

На помощь солдатам подоспели матросы, но снизу продолжали бежать рабы. Лучники открыли стрельбу с полубака и мостика, но схватки были такими тесными, что им пришлось прекратить стрельбу из-за страха попасть в своих. Воздух насытился солено-сладким запахом крови, палуба стала скользкой. Постепенно солдаты, которых было больше, стали одерживать верх. Карс видел, что рабы отброшены и среди них растет число жертв.

Яростно сражаясь, он проложил себе путь к каюте Иваин и забарабанил в дверь, выкрикивая имя Богхаза. Валкисянин отодвинул засов и Карс влетел в каюту.

— Тащи девку на мостик,— задыхаясь выдавил он.— Я тебя прикрою.

Он схватил шпагу Рианона и снова выскочил на палубу. Богхаз, таща за собой Иваин, бежал за ним.

Лестница находилась в двух шагах от дверей каюты, лучники сражались на палубе, а на помосте не осталось никого, кроме испуганного рулевого, вцепившегося в румпель. Карс очистил путь, прикрывая вход на лестницу, пока Богхаз карабкался наверх и ставил Иваин так, чтобы все могли ее видеть.

— Смотрите! — закричал он.— Мы захватили Иваин!

Он мог бы этого и не говорить. Вид ее, связанной, с кляпом во рту, в руках раба, подействовал на солдат, как удар грома, и оказал магическое действие на восставших. Стон первых смешался с торжествующим воплем вторых.

Кто-то нашел тело Скайлда и тоже вытащил на палубу. Оказавшись без обоих лидеров, сарки дрогнули. Стрелки битвы повернулись в другую сторону и гребцы все больше укрепляли свои позиции.

Шпага Рианона вела их в бой. Она сверкала на фале, и флаг сарков слетел с топ-мачты.

Внезапно все стихло, движение прекратилось. Черная галера плыла, гонимая свежим ветром. Солнце клонилось к горизонту. Карс устало поднялся на мостик, где Иваин все еще стояла в крепких руках Богхаза.

Карс подошел к краю мостика и посмотрел вниз. Рабы, измученные битвой и опьяненные свободой, собрались на палубе, напоминая кольцо тяжело дышащих волков.

Из каюты появился Джахарт. Указав мокрым лезвием шпаги на Иваин, он крикнул:

— Хорошенького любовника прятала она. У нее был Кара-Джу!

Рабы мгновенно пришли в движение и снова напряглись и ощетинились, держась испуганно, несмотря на

численное превосходство. С трудом перекрывая шум толпы, Карс крикнул:

— Оно мертво, Джахарт... очисти корабль.

Джахарт помедлил.

— Откуда ты знаешь, что он мертв?

— Я его убил,— спокойно ответил Карс.

Все воззрились на него, как будто он был не человек, а нечто большее.

— Он одолел Змею,— послышалось в толпе.

Джахарт вместе с другими вернулся в каюту и вытащил тело. Никто не произнес ни слова. Люди расступились, давая дорогу к поручням, и по проходу пронесли нечто бесформенное, укутанное в плащ с капюшоном,— даже в смерти символ бесконечно дьявольского.

И вновь Карс ощутил холод недавнего страха и прилив непонятного гнева. Он с трудом заставил себя наблюдать за происходящим.

Всплеск показался громким среди тишины, искры огня устремились ввысь и исчезли. Среди людей снова послышался шум. Выкрикивали имя Иваин. Кто-то требовал ее крови, некоторые уже устремились к лестнице, но Карс угрожающе поднял огромную шпагу.

— Нет! Она наша заложница и стоит дороже золота.

Он не стал объяснять подробнее, зная, что этот довод удовлетворит их на некоторое время. И как бы он ни ненавидел Иваин, он почему-то не желал видеть ее разорванной на куски этим сборищем диких зверей.

— Теперь нам нужно выбрать вождя. Кого вы выбираете?

Ответ на этот вопрос мог быть только один. Они выкрикивали имя Карса с такой яростью, что он испытал дикое удовольствие. После дней мучений хорошо было узнать, что он снова человек, хоть и в чужом мире. Когда они немного успокоились, Карс сказал:

— Хорошо. Теперь слушайте. Сарки придумают нам страшную казнь за то, что мы сделали, если схватят нас. Так вот мой план: мы пойдем к свободным пиратам, к морским королям, которые правят кхондами.

Все до последнего человека согласились на это слово «кхонд».

Те кхонды, которые были среди рабов, чуть не сошли с ума от радости. Один из них оторвал кусок туники мертвого солдата, смастерил из него флаг и повесил на то место, где висел раньше флаг сарков.

По приказу Карса Джахарт возглавил уборку на палубе, а Богхаз отвел Иваин в каюту и запер ее там.

Люди разошлись, полные желания избавиться от своих оков, снять с себя одежду, достать другую и особенно желали найти оружие. Остались лишь Перам и Шаллах. Они сидели и смотрели на Карса.

— Вы не согласны со мной? — спросил их Карс.

Глаза Шаллах светились тем голубым светом, который он уже видел.

— Ты чужой,— мягко ответила она,— чужой для нас, для нашего мира, я еще раз повторяю, что чувствую в тебе какую-то черную тень, пугающую меня, ибо ты несешь ее с собой повсюду.— Она повернулась к мужу. — Теперь мы отправимся домой.

Они помедлили мгновение у края палубы. Теперь они были свободны от своих цепей, и их тела выпрямились, наполненные радостью. Потом они исчезли под водой. Через некоторое время Карс увидел их снова, играющих и прыгающих, как дельфины.

Демос стоял уже высоко. Вечерняя заря рассеялась, и на востоке вынырнул Фобос. Море стало серебряным. Пловцы устремились к западу, оставляя за собой светящийся след. Потом и он исчез.

Черная галера плыла к кхондам, Карс стоял на мостике, сжимая в руке шпагу Рианона.

10. МОРСКИЕ КОРОЛИ

Облокотившись о борт, Карс смотрел на море, когда появились люди неба.

Время и расстояние ложились за бортом. Карс отдыхал. На нем был чистый кильт. Он был вымыт и выбрит, раны его были залечены. Украшения снова вернулись к нему, а в ножнах сверкала украшениями шпага Рианона. Рядом с ним стоял Богхаз. Он всегда был рядом. Сейчас, указав на западную часть неба, он сказал:

— Смотри!

Карс увидел то, что вначале принял за стаю птиц. Размеры их быстро увеличивались, и наконец он понял, что это полулюди, полуптицы. Эти были свободными, и крылья их широко расстилались в небе. Их тонкие тела, совершенно обнаженные, сверкали, как слоновая кость. Невероятно прекрасные, они, как стрелы, неслись по небу.

Джахарт, стоящий у руля, крикнул:

— Посланцы от Кхондора.

Карс поднялся на мостик, люди собрались на палубе, наблюдая за тем, как четверо людей с неба с головокружительной быстротой неслись вниз. Карс посмотрел в сторону носовой части корабля. Лорк, крылатый раб, все время стоял там один, погруженный в мрачное раздумье, ни с кем не разговаривая. Теперь он гордо выпрямился, и один из четырех опустился к нему. Остальные опустились на мостик, сложив мягкие крылья с легким шелестом. Они приветствовали Джахарта, назвав его по имени, и с любопытством оглядели черную галеру. Особым вниманием пользовался у них Карс. В их изучающих взглядах было нечто такое, что вызывало у землянина тревожное воспоминание о Шаллах.

— Наш командир,— сказал им Джахарт.— Варвар с окраин Марса, но человек действия, и к тому же не дурак. Пловцы, наверное, рассказали вам, как он овладел кораблем и Иваин Сарк.

— Айя! — он приветствовал Карса с серьезной торжественностью.

Землянин сказал:

— Джахарт говорил мне, что все, кто соберется

против сарков, могут получить свободу у кхондоров. Я поверил ему.

— С тобой будет говорить Ролд. Он возглавляет совет морских королей.

Тут кхонды, находящиеся на палубе, стали выкрикивать вопросы. Люди неба отвечали им ясными нежными голосами. Потом они снова взвились в небо. Лорк смотрел им вслед, пока они не исчезли вдалеке.

— Скоро будем у Кхондора,— сказал Джахарт, и Карс обернулся к нему, но какой-то инстинкт заставил его снова посмотреть в прежнем направлении, и он увидел, что Лорк исчез. В воде не было никаких следов его падения. Он исчез под водой без звука и, должно быть, утонул сразу, как птица, влекомая на дно весом бесполезных крыльев. Джахарт проворчал:

— Такова была его воля и так для него будет лучше...— Он выругал сарков, и Карс криво усмехнулся.

— Мужайся,— сказал он Джахарту,— может быть, нам еще удастся их победить. Как это Кхондору удалось удержаться, если пали Дженкор и Валкис?

— Потому что даже таинственное оружие джувиан не может нас достать. Ты сам поймешь, почему, когда увидишь Кхондор.

Еще до полудня они увидели землю, скалистое непривлекательное побережье. Скалы возвышались над морем, а за ними, подобно гигантской стене, громоздились поросшие лесом горы. Узкий фиорд дал прибежище рыболовецкой деревне, а там и сям, среди трав высокогорных пастбищ, что сверкали между скал, как белое пламя, одиноко белели хижины.

Карс послал Богхаза в каюту за Иваин. Она все время оставалась под стражей, и после мятежа он видел ее только один раз. Это случилось в первую ночь после восстания. Вместе с Богхазом и Джахартом он изучал странные приспособления, найденные в каюте джувиана.

— Это оружие джувиан, и только они умеют им пользоваться,— заявил Богхаз.— Теперь мы знаем, почему Иваин не нуждалась в эскорте.

Джахарт смотрел на эти предметы с ненавистью и страхом.

— Наука проклятой Змеи! Нужно было выкинуть их вслед за телом.

— Нет,— сказал Карс, осматривая предметы,— если бы можно было узнать, как они действуют...

Вскоре он понял, что это невозможно без длительного изучения. Да, он прекрасно разбирался в науке, но это была наука другого мира. Эти приспособления были построены на основе знаний, каждая деталь которых коренным образом отличалась от его знаний. И наука Рианона была лишь малой частью из того, чем было это грозное оружие джувиан.

Карсу следовало бы узнать гипнотическую машину, которую джувианин использовал против него в темноте. Маленький металлический круг, усеянный кристаллическими звездами, начинающий вращаться при легком нажатии пальца. Когда он повернул круг, раздался тихий поющий звук, холодной дрожью отозвавшийся в его теле. Он поспешно отложил прибор в сторону. Все остальное было непонятно. Один прибор состоял из больших линз, окруженных странно асимметричными кристаллическими призмами. У другого было металлическое основание с укрепленным на нем плоским вибратором. Карс мог лишь догадываться, что действие этих приборов основывается на законах чуждых наук, слишком утонченных.

— Ни один человек не способен понять науку джувиан,— пробормотал Джахарт.— Даже сарки, состоящие в союзе со Змеей.

Он смотрел на приборы с тем суеверным ужасом, что присущ народу, не имеющему связи с наукой и обходящемуся лишь механическим оружием.

— Но, возможно, Иваин, дочь короля сарков, все же что-то знает,— предположил Карс.— Стоит попробовать.

С этим намерением он прошел в каюту, где под охраной находилась Иваин. Она сидела, закованная в те же самые кандалы, которые прежде были на нем.

Он вошел внезапно. Иваин сидела, низко опустив голову и устало сложив руки. При звуке открываемой двери она выпрямилась и посмотрела на него. Карс увидел, как бледно ее лицо, как глубоко запали глаза.

Долгое время он молчал. Он не испытывал жалости к ней, просто смотрел на нее, наслаждаясь вкусом победы и мыслью о том, что может сделать с ней все, что пожелает.

Когда он спросил ее об оружии джувиан, Иваин горько усмехнулась.

— Должно быть, ты и впрямь невежественный варвар, если думаешь, что джувиане стали бы обучать меня своей науке. Один из них поехал со мной, чтобы показать эти предметы правителю Дженкора, ставшему слишком непокорным. Но мне он не позволял даже дотрагиваться до них.

Карс поверил ей. Ее слова подтверждали утверждение Джахарта.

— Кроме того,— насмешливо продолжала она,— зачем тебе интересоваться наукой джувиан, если у тебя есть ключ от науки куда более великой, спрятанной в гробнице Рианона?

— У меня действительно есть ключ от этой тайны,— сказал Карс.

— И что же ты собираешься делать с этой тайной?

— Тут мой ответ ясен,— мрачно проговорил Карс.— Какую бы силу ни дала мне гробница, я использую ее против Сарка и Кара-Джу, и надеюсь, она будет достаточной, чтобы мне с ними справиться.

Иваин кивнула.

— Хороший ответ. А теперь, как насчет меня? Или ты убьешь меня здесь?

— Если бы я хотел убить тебя,— медленно покачал головой Карс,— я бы давно позволил своим волкам разорвать тебя на куски.

Ее зубы сверкнули наподобие улыбки.

— В этом мало удовлетворения. Не то что убить своими руками?

— И это я мог бы сделать в этой каюте.

— Ты пытался, но не убил меня. Так что же тогда?

Карс не ответил. Он подумал, что бы он с ней ни сделал, она все так же будет насмехаться над ним. В этой женщине была удивительная гордость.

Он глубоко проник в ее мысли. Рана на щеке может зажить, но она никогда не забудет о нем, сколько бы ни жила. Он был рад, что оставил свой след на ее лице.

— Не отвечаешь? — насмешливо сказала Иваин.— Ты слишком нерешителен для победителя.

Мягкой кошачьей походкой Карс обошел стол. Он все еще не ответил. Он не знал, что ответить. Он лишь ненавидел ее такой ненавистью, какой еще никогда не испытывал. Он наклонился к ней и протянул руки. Лицо его было смертельно бледным. Быстрым движением Иваин вцепилась ему в горло.

Пальцы ее были крепкими, как сталь. Ногти остры. Он оторвал ее руки и отвел их ей за спину. Иваин была очень сильна, и ему пришлось приложить немало усилий, чтобы держать ее. Она билась в молчаливой ярости, потом вдруг замерла и глубоко вздохнула. Губы ее раскрылись, и Карс почувствовал их на своих губах.

В этом поцелуе не было любви или нежности. Он был выражением мужского презрения, грубости и ненависти. Это продолжалось одно мгновение, потом она своими острыми зубами укусила его, рот Карса наполнился кровью, и она засмеялась.

— Ты грязный варвар,— прошептала она.— Теперь тебе носить на себе мое клеймо.

Карс выпрямился, глядя на нее. Потом схватил ее за плечи и с грохотом сдернул со стула.

— Давай, давай,— шептала она,— если тебе это нравится.

Ему хотелось раздавить ее своими руками, ему хотелось...

Карс оттолкнул ее от себя и вышел. С тех пор он не видел Иваин. Теперь, поглаживая свежий шрам на губе, он наблюдал, как она идет с Богхазом по палубе.

Она держалась прямо в своей украшенной драгоценностями тунике. Вокруг ее рта образовались морщины, а глаза были мрачными.

Карс не подошел к ней, лишь исподтишка рассматривал ее. Легко было догадаться, что у нее было на уме. Она думала о том, что берег, маячивший вдали,— последнее ее пристанище. Она думала, что должна умереть.

Впередсмотрящий крикнул:

— Кхондр!

Вначале Карс увидел лишь отвесную скалу, высившуюся над волнами, потом над этим местом поднялись люди неба и полетели, рассекая воздух взмахами крыльев. Появились и пловцы, подобно маленьким кометам оставляя в воде огненный след. А из глубины фиорда возникли корабли поменьше, чем галера, но быстрые, как осы.

Путешествие было закончено. Черная галера с криками и веселыми возгласами была препровождена в Кхондр. Карс понял, что имел в виду Дехарт. Природа создала из скал неприступную крепость, окружив ее непроходимыми горами с суши и гладкими утесами с моря, оставив лишь маленький фиорд. Проход находился под защитой баллист, делавшими его замечательной ловушкой.

Извилистый канал в своем конце расширился в гавань, напасть на которую не могли даже ветры. Корабли кхондов, рыбачьи лодки наполняли гавань, и черная галера сверкала среди них, как королева.

Набережные, головокружительные пролеты лестниц, ведущих к вершине горы, соединяли верхние уровни галереями и были сейчас заполнены кхондами и другими людьми, которые нашли себе здесь убежище.

Пользуясь общим шумом, Богхаз посоветовал Карсу:

— Позволь мне заключить с ними сделку в обмен на тайну! Я смогу заполучить для нас по королевству и даже больше, если ты захочешь.

— Я не говорил тебе, что обладаю тайной, а если и обладаю, то она только моя!

Распаленный Богхаз выругался и обратился к богам, прося научить неразумного.

Иваин несколько раз посмотрела на Карса и отвела глаза. Сверкающие пловцы, люди неба — в первый раз Карс увидел их женщин, неправдоподобно красивых. Галера пришвартовалась.

Команда сошла на берег. Иваин, гордо выпрямившись, шла рядом с Карсом. Она несла свои кандалы так, словно это были золотые украшения.

На набережной застыла толпа людей. Свирепого вида мужчины выглядели так, словно в их венах вместо крови текла морская вода. Это были ветераны многих битв. Среди них стоял высокий кхонд с волосами цвета сверкающей меди, а рядом с ним девушка в голубой тунике. Как и остальные, девушка главное внимание обратила на Карса и Иваин. Но все-таки на Иваин смотрели больше.

Высокий кхонд помнил о своих обязанностях. С выражением миролюбия он сказал:

— Я — Ролд из Кхонда. Мы, морские короли, рады тебя видеть.

Карс ответил, хотя видел, что Ролд уже почти забыл о нем от радости при виде плененного врага. Им было что сказать друг другу, Иваин и морским королям.

Карс снова посмотрел на девушку в голубой тунике. Он слышал, как Джахарт пылко приветствовал ее, и теперь знал, что это сестра Ролда — Эмер. Карсу еще никогда не приходилось видеть существа, подобного ей. В ней было что-то от феи, от эльфа, хотя жила она в человеческом мире.

Глаза Эмер были серыми, печальными, рот нежный, созданный для смеха. Тело ее хранило черты той же грации, которую он заметил в халфлингах, и в то же время это было по-человечески прекрасное тело.

Она тоже обладала гордостью не меньшей, чем у Иваин, но они были такими разными. Иваин состояла из блеска, огня и страсти — роза с кроваво-красными лепестками, и Карс понимал ее. Эмер была частью того, что давно уже осталось за пределами его жизни. Она

была постоянной музыкой и забытыми мечтами, жалостью и нежностью, миром детства.

Внезапно она оторвала глаза от Иваин и заметила его. Взгляды их встретились в ожидании. Он увидел, как последняя тень сбежала с ее лица и оно сделалось подобием снежной маски. Она произнесла еле слышно:

— Кто ты?

— Госпожа Эмер,— поклонился Карс.— Я — Карс, варвар.

Он увидел, что пальцы ее зарылись в мех Шаллах, и почувствовал спокойный враждебный взгляд. Голос Эмер, едва различимый, ответил ему:

— У тебя нет имени. Ты тот, кем считает тебя Шаллах,— чужой.

Что-то в тоне, которым она произнесла эти слова, заставило его ощутить тревогу. И слова ее были близки к правде. Он внезапно почувствовал, что эта девушка обладает той же чувствительностью, силой, что и халфлинги, но в ее человеческом сознании эта сила получила большее развитие. И все же он заставил себя рассмеяться.

— У вас в Кхонде теперь, должно быть, много чужих...— Он посмотрел на пловца.— Шаллах мне не доверяет, не знаю уж почему. Говорила ли она тебе о том, что я повсюду ношу с собой темную тень?

— Ей нет нужды говорить это,— прошептала Эмер.— Твое лицо — лишь маска, а за ним темнота желаний... И они принадлежат не нашему миру.

Эмер приблизилась к Карсу медленными шагами, как будто что-то влекло ее к нему против ее воли. Он мог видеть капли пота на ее лбу и внезапно задрожал сам. Дрожь шла откуда-то изнутри, неподвластная телу.

— Я вижу... почти вижу...— шептала она.

Он не хотел, чтобы она говорила больше, а она не хотела это слышать.

— Нет! — крикнул он.— Нет!

Внезапно она упала вперед, прямо на Карса, он подхватил Эмер и отнес к серой скале, где она осталась

лежать в глубоком обмороке. Карс беспомощно опустился перед ней на колени, но Шаллах спокойно сказала:

— Я о ней позабочусь.

Карс поднялся на ноги, и Ролд с группой морских королей окружили его, как стая встревоженных орлов.

— Ею овладело видение,— объяснила Шаллах.

— Но ведь раньше такого с ней не происходило,— встревожено сказал Ролд.— Что случилось? Я думал только об Иваин.

— Случившееся касается только госпожи Эмер и незнакомца,— ответила Шаллах.

Внутренний страх все еще холодил душу Карса. Они называли это видением. Не сверхъестественные, но сверхчувствительные возможности. Действительно видение.

— Прекрасная встреча! — во внезапном приступе гнева сказал Карс.— Вначале вы не обращаете на меня внимания, уставившись на Иваин, потом твоя сестра падает в обморок, глядя на меня.

— Боги! — простонал Ролд.— Прости, мы не хотели тебя обидеть. Что же до моей сестры, то она слишком похожа на халфлингов и временами впадает в подобное забытье.— Он возвысил голос.— Эй, сюда, Железнобородый, вспомни-ка о своих манерах!

Самый высокий из морских королей, седой гигант, чей смех походил на вой северного ветра, вышел вперед и, прежде чем Карс осознал, что с ним хотят сделать, обхватил его руками за плечи и вывел на набережную, откуда каждый мог его видеть.

— Слушайте все! — крикнул Ролд.— Слушайте!

При звуке его голоса все замолкли.

— Это Карс, варвар. Он захватил галеру и взял в плен Иваин. Он убил Змею! Как вы станете его приветствовать?

Приветствие толпы чуть не обрушило скалы. Двое огромных кхондов вознесли его на руках на лестницу. Толпа устремилась за ними, обнимая, как братьев, экипаж галеры. Богхаз, расплывшийся в довольной улыбке, обнимал сразу двух смазливых девиц.

Иваин шла одна среди солдат морского королевства. Человек, иссеченный шрамами, непрерывно следил за ней, и в глазах его застыло мрачное безумие.

Карса поставили на вершине.

— Ну и тяжел же ты, мой друг,— улыбаясь, сказал Ролд.— Понравились тебе наши почести?

Карс смущенно улыбнулся и стал с любопытством рассматривать Кхондор.

Это был монолитный город, часть самой скалы. Вершина его была раздроблена, очевидно, землетрясением в давние времена. Вдоль всей внутренней поверхности скал были сделаны проемы и отверстия, ведущие в галереи, подняться к которым можно было по многочисленным и головокружительным лестницам.

Те, кто был слишком стар или неспособен спуститься к гавани, приветствовали его с галерей или с узких улиц и площадей. Морской ветер был здесь резким и холодным. Улицы Кхондора были наполнены его гудением, смешивающимся с гулом толпы. С верхних утесов без конца взлетали и садились люди неба, их дети носились в вышине, играя в игры, известные лишь им одним. Смех их походил на смех эльфов.

Карс посмотрел вниз, на зеленые пастбища, запертые в объятиях гор. Это место было крепостью, неподвластной самому времени.

Они шли по узким улицам, обрамленным скалами, а за ними двигались толпы людей, наполняя город веселыми криками и смехом. Потом они вышли на широкую площадь с двумя большими входами в галереи, расположенные друг против друга. Возле одной из них стоял столб, посвященный богу Воды и богу Четырех Ветров. Перед ним развевалось золотистое знамя с вышитым на нем орлом, символом Кхондора.

На пороге Железнобородый хлопнул землянина по плечу.

— Сегодня на совете будет долгий разговор, а потом пир. Но у нас еще достаточно времени для хорошей выпивки. Ты как?

— Пошли,— сказал Карс.

11. СМЕРТЕЛЬНОЕ ОБВИНЕНИЕ

Этим вечером факелы озарили дымным светом банкетный зал. Огонь запылал в очагах, расположенных между колоннами, украшенными флагами многих кораблей. Вся эта большая комната была выдолблена в скале, вместе с галереями, выходящими на море.

Вдоль зала были расставлены столы, и между ними бегали слуги с кувшинами вина и блюдами пищи прямо с очагов. Этот день Карс провел вместе с Железнобородым и сейчас с некоторой тревогой заметил, что весь Кхондор празднует здесь под дикую музыку арф и пение скальдов.

Он сидел с морскими королями и предводителями пловцов, а также людьми неба на возвышении в северном конце зала. Иваин тоже была здесь. Ее заставили стоять, и она в течение всего времени стояла неподвижно с высоко поднятой головой, не показывая никаких признаков слабости. Карс восхищался ею. Ему нравилось, что вопреки всему она оставалась гордой.

Эмер нигде не было видно.

Голова Карса кружилась от вина и болтовни, и он чувствовал нарастающее волнение. Он нащупал эфес шпаги Рианона, стоящей между его колен. Сейчас, сейчас наступит время. Ролд со звоном поставил кубок на стол.

— А теперь,— сказал он,— перейдем к делу.— У него, как и у всех, заплетался язык, но он прекрасно владел собой.— А какое же у нас дело? Дело очень приятное,— рассмеялся он.— То, от которого мы не будем бежать,— смерть Иваин Сарк.

Карс окаменел. Он не ожидал этого.

— Подождите! Она же моя пленница!

Все поздравили его с этим обстоятельством и снова выпили за его здоровье, кроме Торна из Торака с

искалеченными руками и искривленным лицом. Он весь вечер молча пил, но совершенно не пьянел.

— Конечно,— сказал Ролд.— Значит, выбор твой. Как она умрет?

— Умрет? — Карс поднялся.— Кто говорит о смерти Иваин?

Все уставились на него, и вид у них был довольно глупый. В первый момент они были настолько удивлены, что не верили своим ушам. Иваин мрачно усмехнулась.

— Но для чего же ты привез ее сюда? — спросил Железнобородый.— Смерть от шпаги слишком легка, иначе ты убил бы ее на галере. Разве не ради мщения ты привез ее к нам?

— Я никому ее не отдам! — крикнул Карс.— Я сказал вам, что она моя! И я говорю, что она не будет убита!

Наступила мертвая тишина. Глаза Иваин встретились с глазами землянина. В них блестела насмешка. Потом Торн спросил:

— Почему?

Он смотрел своими темными глазами прямо в лицо Карсу, и Карс понял, что на этот вопрос он должен ответить.

— Потому, что ее жизнь как заложницы слишком ценна. Разве вы настолько дети, что не в состоянии этого понять? Ведь вы сможете добиться освобождения всех рабов-кхондов и сможете диктовать Сарку свои условия.

Все рассмеялись неприятным смехом. Предводитель пловцов сказал:

— Мои люди этого не хотят.

— Мои тоже,— поддержал его человек неба.

— И мои! — Ролд вскочил, пылая от гнева.— Ты — чужеземец, Карс, ты не понимаешь нас!

— Нет,— мягко сказал Торн,— верни ее назад. Ее, которая научилась доброте на коленях у Гораха, а мудрости у своих учителей из Кара-Джу. Освободи ее, пусть она ставит свое клеймо и на других, как поставила его

на мне.— Он в упор смотрел на Карса горящими глазами.— Пусть она живет, потому что варвар любит ее!

Карс тоже смотрел на него. Он смутно сознавал, что морские короли подались вперед, наблюдая за ним,— девять воинов-предводителей с глазами тигров, со шпагами в руках. Он знал, что губы Иваин уже слились в усмешку, и расхохотался.

— Смотрите, вы! — прогремел он, повернувшись ко всем спиной, чтобы они могли увидеть шрамы от ударов бича.— Похожи они на любовные письма Иваин? И джувианин, когда я его убивал, тоже пел мне любовную песню?

Он снова повернулся к ним лицом, разгоряченный вином, опьяненный силой, которую чувствовал в себе.

— Пусть кто-нибудь из вас повторит эти слова, и я сниму тому голову с плеч. Посмотрите на себя! Сколько болтовни и горячности из-за какой-то девки! Почему бы вам всем не собраться и не поговорить, как нам низложить Сарка!

Все зашумели, повскакивали с мест, ругая его за упрямство и потрясая кулаками.

— О чем ты только думаешь, песочная голова,— орал Ролд,— неужели ты никогда не слышал о джувианах и их оружии? А ведь они союзники Сарка! Как ты считаешь, сколько кхондов умерло за эти годы, пытаясь выстоять против этого оружия?

— Предположим,— ответил Карс,— что у вас может появиться новое, более мощное оружие...

В его голосе было нечто такое, что даже Ролд насторожился.

— Если у тебя что-то есть на уме, говори прямо.

— Сарк не смог бы выстоять против нас, если бы мы обладали оружием Рианона.

Железнобородый фыркнул:

— Ох, оружие Проклятого! Найди его могилу, передай нам его силу — и мы пойдем за тобой на Сарк.

— Значит, вы связали себя обещанием,— сказал Карс, поднимая вверх шпагу.— Смотрите как следует!

Есть ли среди вас кто-то настолько знающий, чтобы узнать эту шпагу?

Торн протянул менее пострадавшую руку и взял шпагу. Потом рука его задрожала, он посмотрел на остальных и сказал с благоговением в голосе:

— Это шпага Рианона.

Комната погрузилась в тишину.

— Это и есть мое доказательство. Я знаю тайну гробницы,— сказал Карс.

У Железнобородого вырвалось сдавленное восклицание, и остальные, как по сигналу, разразились, громкими криками.

— Он знает тайну!

— Согласились бы вы противостоять оружию джувиан, если бы обладали оружием Рианона?

На лице Ролда отразилось сомнение.

— А сможем ли мы использовать это оружие? Мы ведь не можем понять, как действует оружие джувиан, найденное на галере.

— Дайте мне время на то, чтобы изучить его и испытать. Я узнаю тайну оружия Рианона,— уверенно сказал Карс.

Он был уверен, что ему это под силу, но, конечно, потребуется время. Он высоко поднял шпагу, заблестевшую в красноватом свете факелов, и крикнул:

— Если я справлюсь с этим, согласитесь ли вы улучшить свой мир? Пойдете ли вы со мной на Сарк?

Все сомнения были отброшены. Возможность драться с сарками, по крайней мере на равных условиях, удовлетворяла всех. Морские короли ответили:

— Пойдем!

И тогда Карс увидел Эмер. Она вышла на помост из какого-то внутреннего помещения и стояла между двумя гигантскими изображениями кораблей, не сводя с Карса широко раскрытых глаз.

Ее появление привлекло внимание воинов. Короли повернулись в ее сторону. Эмер вышла на открытое пространство перед столом. На ней было белое одеяние,

волосы распущены. Она выглядела так, будто только что встала с постели и пришла сюда еще в полудреме. Но дремота эта была какой-то ужасной. Какая-то тяжесть прижимала девушку к полу, шаги ее были медленными, дыхание тяжелым.

Эмер заговорила, и каждое ее слово было ясным и весомым.

— Я видела это раньше, когда этот чужестранец появился передо мной впервые, но силы покинули меня, и я не смогла говорить. Теперь я скажу вам. Вы должны уничтожить этого человека. Он — опасность! Он — темнота! Он — смерть для всех нас!

Иваин насторожилась, глаза ее сузились, и Карс почувствовал на себе ее взгляд, полный жгучего интереса. Но все его внимание было приковано к Эмер. Как тогда на набережной, его душа наполнилась странным ужасом, необъяснимым страхом перед необычными способностями этой девушки.

Вмешался Ролд, и Карс овладел собой.

«Дурак,— подумал Карс,— принимать всерьез болтовню девицы...»

— ...тайну гробницы,— говорил между тем Ролд.— Разве ты не слышала? Он может дать нам могущество Рианона.

— Айя,— мрачно сказала Эмер,— я слышала и верю в это. Он хорошо знает место, где скрыта гробница Рианона, и знает оружие, которое там находится.

Эмер подошла ближе к Карсу, посмотрела на него, стоящего в свете факелов со шпагой в руках. Теперь она обращалась прямо к нему.

— Еще бы тебе не знать об этом, тебе, так долго просидевшему в темноте! Еще бы не знать тебе оружия, созданного твоими руками!

Была ли жара виной тому, что каменные стены закружились перед глазами Карса и холод словно ударил ему в грудь? Он попытался заговорить, но слова не получались, лишь хриплый звук сорвался с его губ. Голос Эмер возвысился, безжалостный, уверенный:

— Как не знать тебе об этом, проклятому Рианону?

Каменные стены вернули слово и повторили его тысячу раз; казалось, что корабли на стенах шевельнулись от этого слова и затрепетали знамена. А девушка стояла неподвижно, ожидая ответа, но во рту Карса было сухо и пусто.

Все смотрели на него: и Иваин, и морские короли. Эта пугающая тишина поглотила все — и выпитое вино, и забытое празднество. Как будто он был падшим Люцифером, коронованным злом всего мира.

Иваин рассмеялась, и в ее смехе слышались нотки торжества.

— Так вот почему ты выкрикнул имя Проклятого там, в каюте, когда восстал против власти Кара-Джу, сопротивляться которой не может ни один нормальный человек, вот почему ты смог убить Ссан.— Голос ее звенел насмешкой.— Приветствую тебя, господин Рианон!

Карс вновь обрел способность говорить.

— Ты лжешь, мегера! Ты мараешь этим свою гордость! Ни один человек не может одолеть Иваин Сарк, но Бог — это другое дело!..— Вы что, дураки или дети?! — закричал он всем.— Джахарт, ты ведь сидел рядом со мной за веслом. Разве не текла моя кровь под ударами бича, как у обыкновенного раба?

Тот задумчиво ответил:

— В первую ночь на галере я слышал, как ты выкрикнул имя Рианона.

Карс выругался и повернулся к морским королям.

— Вы не воины, вы — девушки-служанки. Пошевелите мозгами. Разве мое тело не истлело бы в гробнице за века? Разве я похож на разгуливающего мертвеца?

Уголком глаза он увидел, что Богхаз приближается к помосту, а там и здесь полупьяные солдаты вскакивают и, схватив шпаги, устремляются за ним.

Ролд положил руки на плечи Эмер и строго сказал:

— Что заставило тебя, сестра, сказать это?

— Я не говорю о теле,— ответила Эмер,— а только о духе. Дух могущественного Проклятого Рианона может жить и жить. Теперь он каким-то образом вошел в

этого варвара и спрятался в клетках мозга.— Она вновь повернулась к Карсу.— Ты и сам чужой, странный. Поэтому я боюсь, ибо не понимаю тебя. Но только за это я не стала бы желать тебе смерти. Рианон смотрит через твои глаза и говорит твоим языком. В твоих руках его шпага и скипетр. Из-за этого я требую твоей смерти!

Карс хрипло сказал:

— И вы верите безумному ребенку?

Но он видел выражение смущения и глубокого сомнения в лицах людей. Суеверные дураки! В этом была настоящая опасность.

Карс прикинул, есть ли у него шанс на победу, если дело дойдет до драки. Про себя он выругал эту желтоволосую девку, говорившую безумные слова. И все-таки дрожащее пламя страха в его собственном сердце превратилось в сильный жаркий луч.

— Если бы мной овладели,— рявкнул он,— разве я не узнал бы об этом первым?

«Разве не узнал бы?» — эхом отозвался этот вопрос в голове Карса. Он вернулся памятью к кошмару гробницы, где он чувствовал присутствие чего-то чужого и жаждущего, к снам и полузабытым воспоминаниям, которые не были его собственными. Это не могло быть правдой. Он не позволил бы существовать такой правде.

Богхаз поднялся на помост. Он бросил на Карса лишь один странный взгляд, но когда обратился к морским королям, речь его была искусной и дипломатичной.

— Нет сомнения, что мудрость госпожи Эмер несравнима с моею, и я не собираюсь вести себя неуважительно по отношению к ней. Но этот варвар — мой друг, и я говорю то, что знаю сам. Он тот, за кого выдает себя, не больше и не меньше. Подумайте, господа мои. Стал бы Рианон убивать джувиана и объявлять войну саркам? Стал бы он предлагать победу кхондорам?

— Нет,— ответил Железнобородый.— Он стоял бы за отродье Змеи.

Эмер снова заговорила, привлекая внимание.

— Господа мои, лгала ли я вам когда-нибудь? Давала неверные советы?

— Нет,— ответил Ролд.— Но сейчас одного твоего слова недостаточно.

— Хорошо, забудьте о моем слове. Есть способ доказать, Рианон этот человек или нет. Пусть он пройдет испытание перед Мудрым.

Ролд, нахмурившись, подергал себя за бороду, потом кивнул:

— Хорошо сказано,— согласился он, и все присоединились к его словам.

Ролд посмотрел на Карса.

— Ты подчинишься?

— Нет,— сердито бросил Карс,— не подчинюсь. К черту всю эту суеверную чушь! Если моего предложения показать вам гробницу недостаточно для того, чтобы вас убедить, что ж, действуйте без меня.

Лицо Ролда напряглось.

— Ничего дурного с тобой не случится. Если ты не Рианон, то бояться тебе нечего. Еще раз спрашиваю, ты подчинишься?

— Нет!

Карс начал отступать к столу, к своим людям, которые, по-волчьи ощерившись, уже готовились к драке, но Торн схватил его за лодыжку, когда он проходил мимо, он немного замешкался, и люди кхондора, налетев, обезоружили их безо всякого кровопролития.

Карс дрался с морскими королями, как дикое животное. Припадок ярости длился до тех пор, пока Железнобородый не ударил его чем-то тяжелым по голове.

12. ПРОКЛЯТЫЙ

Темнота медленно отступала. Вначале Карс воспринимал одни только звуки, шум льющейся поблизости воды, биение прибоя за каменной стеной. Потом появился свет, неясное мягкое свечение. Открыв глаза, он увидел над собой хоровод звезд, а ниже — аркообразную скалу, блестевшую кристаллами.

Он находился в прибрежной пещере, получающей свет от бассейна, наполненного молочным сиянием... Когда способность ясно видеть вернулась к нему, Карс заметил, что на противоположной стороне бассейна имеется возвышение с ведущими к нему ступенями. Там стояли морские короли, а рядом с ними Иваин, все еще закованная в кандалы, Богхаз, предводители пловцов и люди неба. Все наблюдали за ним, не произнося ни слова.

Потом Карс обнаружил, что привязан к тонкому каменному шпилю, одиноко возвышающемуся в этом месте. Перед ним по пояс в бассейне стояла Эмер. Черная жемчужина мерцала у нее на груди, капли воды, как алмазы, сверкали в волосах. В руках она держала огромный, не обработанный драгоценный камень скучно-серого цвета, тусклый, будто спящий.

Увидев, что он открыл глаза, Эмер сказала:

— Придите, хозяева мои, время настало!

Шепот сожаления наполнил пещеру, поверхность воды всколыхнулась, флюоресцирующая рябь пошла по ней, вода мягко разошлась — и три фигуры возникли рядом с девушкой. Это были головы трех пловцов, убеленные годами.

Самыми ужасными были у них глаза, полные чужеродной молодостью, которой не было в их телах. В них чувствовались мудрость и сила, пугавшие Карса.

Он выпрямился, насколько позволили узы, все еще до конца не пришедший в себя после удара, и услышал шум, будто огромные птицы вылетели из гнезда.

Подняв голову, Карс увидел три фигуры людей с неба, прячущихся в тени уступов с устало сложенными

крыльями. На их лицах тот же свет отторгнутой от плоти мудрости.

Карс наконец обрел силы и начал рваться из оков и кричать, но голос его затерялся в вышине свода, а узы были слишком крепки. Он понял, что усилия его бесполезны, приник к шпилю и затих. Сверху послышался хриплый шепот:

— Маленькая сестра, подними камень.

Эмер подняла обе руки с камнем вверх. Вначале Карс ничего не понял, потом увидел, что по мере того, как глаза Эмер и мудрых темнели и застилались туманом, камень становился все более ярким и сверкающим.

Казалось, будто сила их разумов вливается в него. Из камня вырвался луч, и Карс почувствовал, как этот общий разум проникает в его мозг.

Он смутно ощущал его действие. «Но я могу отразить этот натиск», — подумал Карс. Его привело в ярость бесцеремонное вторжение в его сознание, он стал сопротивляться изо всех сил, а потом, как было раньше, перед тем, как увидел поющие звезды джувианина, какая-то сила, совсем не принадлежащая ему, пришла на помощь.

Она выстроила барьер против мудрых и выдержала их натиск. Барьер сопротивлялся до тех пор, пока Карс не застонал в агонии. Пот градом катился по его лицу, тело корчилось, и он почувствовал, что не сможет этого вынести и сейчас умрет.

Его разум походил на запертую комнату, дверь в которую распахнулась внезапно под порывами бешеного ветра, поднявшего кучу воспоминаний, проникнувшего в самые отдаленные уголки его сознания, исключая один, где тень была крепкой, непроницаемой.

Камень блестел в руках Эмер, и спокойствие, похожее на молчание, восстановилось в пространстве между звездами. Ясно прозвучал голос Эмер:

— Рианон, говори!

Темная тень, ощущаемая Карсом в подсознании,

вздрогнула и пошевелилась, но не подала никаких сигналов. Эмер ждала.

Тишина пульсировала, по другую сторону бассейна наблюдавшие беспокойно зашевелились. Послышался дрожащий голос Богхаза:

— Это безумие! Как может этот варвар быть Проклятым?

Эмер не обратила внимания на его слова.

— Мудрые обладают силой, Рианон. Они могут разрушить разум этого человека, и они разрушат его, если ты не заговоришь!

Теперь в ее голосе звучала кровожадная ярость.

— Что ты будешь делать тогда? Вползешь в тело другого человека? Ты не сможешь этого сделать, Рианон, ибо если бы ты мог, ты уже сделал бы это!

Железнобородый с другой стороны сказал:

— Мне это не нравится!

Но Эмер была безжалостна, и голос ее заполнил для Карса теперь весь мир.

— Разум человека гибнет, Рианон! Еще минута, и единственное твое оружие превратится в идиота. Говори, если хочешь его спасти!

Голос Эмер возвысился, эхом отдаваясь по углам, и камень в ее руках казался воплощением пламени и силы. Тень в сознании Карса зашевелилась в сомнении и страхе... А потом внезапно эта тень овладела каждой клеточкой тела и мозга Карса. Он услышал свой голос, но чужой по тону и тембру:

— Пусть разум человека живет! Я буду говорить!

Громовое эхо этого ужасного крика медленно умерло, а Эмер сделала нетвердый шаг назад, потом другой, как будто ноги отказывались ее держать. Камень в ее руке внезапно потускнел, круги пошли по воде от движения пловцов, люди с неба взвились вверх, и в глазах их был свет сознания и страха.

У застывших на возвышении людей вырвался крик:

— Рианон! Проклятый!

Карсу показалось, что даже Эмер, которая осмели-

лась вызвать то, что было так глубоко спрятано, на открытый поединок, боится того, кого разбудила.

Мечты, иллюзии, видения в воспаленном мозгу — вот чему пытался приписать Карс то страшное, что жило в нем. Теперь он знал правду! Это знание было ужасным.

— Это ничего не доказывает! — взвился голос Богхаза.— Вы его загипнотизировали, заставили признать невозможное.

— Нет, это Рианон,— прошептал один из пловцов.— Убейте этого чужеземца, прежде чем Проклятый использует его для того, чтобы нас уничтожить!

Стены отразили всеобщий крик:

— Убить его! Убить!

Карс, беспомощный в руках того, что владело им, чувствовал дикое беспокойство этого «ничто». Он услышал звенящий голос, который не был его собственным:

— Подождите! Вы боитесь, потому что я Рианон, но я вернулся не для того, чтобы причинять вам зло!

— А для чего же тогда? — прошептала Эмер.

— Я пришел, чтобы искупить свой грех.

— О, король лжецов,— прошептала Эмер, лицо ее выражало ненависть.— Рианон, давший силу Змее, наказанный за свое преступление! Рианон проклятый превращается в святого!

Она смотрела в лицо Карса, и по выражению ее расширившихся глаз он понял, что лицо его было страшным.

Эмер рассмеялась, и этот горький смех, в котором смешивались ненависть и страх, был подхвачен пловцами и людьми неба.

— Ради собственных интересов вы должны мне поверить.— В голосе Рианона теперь звучал гнев.— Неужели вы не хотите даже выслушать меня?

Карс почувствовал всю страстность неведомого, что использовало его таким странным образом. Он был один с этим чужим сердцем, чужой страстью.

— Слушать Рианона? — воскликнула Эмер. Разве тогда, давным-давно, Куири стали слушать его? Они осудили Рианона за его грех!

— Неужели вы лишаете меня возможности искупить свой грех? — голос Проклятого звучал теперь почти умоляюще.— Неужели вы не хотите понять, что этот человек — моя единственная возможность исправить то, что я наделал? — Голос его возвысился, полный силы и страсти.— Долгие годы я лежал неподвижный, но мыслящий в том заключении, которое не под силу даже гордому Рианону. Я осознал свой грех и желал его исправить. Потом в мою гробницу пришел извне этот человек. Я впустил в его мозг нематериальную паутину своего сознания. Я не мог возобладать над ним, ибо его разум был чужд для меня, ибо его тело не принадлежало этому миру. Чувствуя это, я не осмеливался дать ему знать о том, что я нахожусь в его мозгу. Я думал, что через него смогу уничтожить Змею, которую сам же поднял из пыли много лет назад!

Страшная исповедь, сорвавшаяся с губ Карса, была прервана дрожащим голосом Ролда. Взгляд кхонда был совершенно диким.

— Эмер, пусть Проклятый замолчит! Снимите с человека свои чары!

— Да,— прошептала девушка,— да.

Снова драгоценный камень был поднят, и теперь Мудрые собрали свою силу, увеличенную тем ужасом, что жил в них. Снова кристалл врезался лучом света в мозг Карса, и Рианон боролся с ними изо всех сил в безумном молчании.

— Вы должны мне поверить!

— Нет! — твердо ответила Эмер.— Молчи. Освободи человека, иначе он умрет!

Еще один яростный протест, прерванный нажимом Мудрых, мгновенный укол боли, слишком глубокой, чтобы понять ее мог человек, и барьер исчез. Чужое присутствие захвата плоти исчезло, и сознание Мэтью Карса поглотила тень.

Тело Карса обмякло, как неживое, кристалл излучал свет. Руки Эмер упали, голова ее склонилась на грудь, волосы покрыли лицо. Мудрые закрыли глаза и застыли

в неподвижности. Морские короли, Иваин и даже Богхаз остались безмолвными, подобно людям, только что избежавшим уничтожения и лишь теперь осознавшим, как близко они подошли к черте смерти.

Карс застонал, и в течение долгого времени этот звук был единственным, что нарушало тишину. Наконец Эмер сказала:

— Этот человек должен умереть.

Все существо Карса не выразило ничего, кроме бесконечной усталости и мрачной убежденности. Он услышал вопрос Ролда:

— Айя, другого выхода нет?

— Нет,— ответила Эмер.

Ролд промолчал.

Богхаз начал было говорить, но ему не дали. Карс с трудом произнес:

— Это неправда. Такого не может быть.

Эмер подняла голову и посмотрела на него. Ее отношение к нему теперь изменилось. Она, казалось, больше не боялась Карса, а лишь жалела его.

— Но ты ведь знаешь, что это правда.— Карс молчал. Он знал это.— Ты не сделал ничего дурного, чужеземец. В твоем сознании я вижу много того, что кажется мне странным, но дьявола в нем теперь нет. И все же в тебе живет Рианон, а мы не можем позволить ему жить!

— Но он не может управлять мною.— Карс сделал попытку встать и поднял голову, чтобы его было слышно всем.— Вы ведь слышали, он сам это сказал. Он не может возобладать надо мной. Моя воля — это моя воля.

Иваин медленно проговорила:

— А как же насчет шпаги? Разве тогда тобой не руководил разум варвара Карса?

— Он не может руководить тобой,— сказала Эмер,— кроме тех случаев, когда границы твоего собственного сознания ослаблены сильным потрясением. Огромный страх, боль, усталость, может быть, даже беспамятство, вызванное сном или вином,— и Проклятый получит такую возможность! Тогда будет уже поздно.

— Мы не может идти на такой риск,— сказал Ролд.

— Но я не могу выдать вам тайну гробницы Рианона,— выдавил Карс.— И вы называете это справедливостью, люди Кхондора, бросившие вызов Сарку. Вы приговариваете меня, зная, что я не виноват! Вы окажетесь такими трусами, что обречете свой народ жить под вечной угрозой? Позвольте отвести вас к гробнице Рианона, позвольте добиться победы. Это докажет вам, что я не имею с ним ничего общего.

Рот Богхаза в ужасе раскрылся.

— Нет! — закричал он.— Не выдавай им тайну!

— Молчать! — закричал Ролд.

— Позволить Проклятому завладеть собственным оружием? — угрюмо засмеялся Железнобородый.

— Хорошо,— сказал Карс.— Пусть к гробнице идет Ролд. Я нарисую для него карту. Держите меня здесь, стерегите меня. Это будет достаточно безопасно. Вы сможете убить меня, если мною снова завладеет Рианон.

На это они согласились. Единственным более сильным чувством, чем ненависть к Проклятому, было горячее желание получить легендарное оружие, с помощью которого можно было бы добиться победы над врагом.

Они еще медлили в нерешительности, но течение их мыслей было уже ясно для Карса еще до того, как Ролд обернулся к нему и сказал:

— Мы согласны, Карс. Убить тебя было бы безопаснее, но нам нужно это оружие.

— Дело будет нелегким,— предупредил он.— Гробница находится неподалеку от Дженкора.

— Что будем делать с Иваин?

— Убить, и немедленно,— крикнул Торн.

Иваин молчала, глядя на них с холодной отрешенностью, но вмешалась Эмер.

— Ролд будет в опасности, и пока он не вернется, Иваин должна будет оставаться у нас заложницей.

Только тут Карс обнаружил, что Богхаз стоит в стороне, горестно качая головой, и слезы струятся по его толстым щекам.

— Он выдает им тайну, которая стоит королевства,— причитал валкисянин.— Я ограблен!

13. КАТАСТРОФА

Дни, последовавшие после этого испытания, показались Карсу неимоверно долгими. Он вспомнил по памяти расположение холмов за Дженкором и указал Ролду местонахождение гробницы. Ролд изучил план наизусть, подобрал команду и ночью покинул Кхондор. Джахарт отправился с ним. Каждый понимал опасность этого путешествия, но один быстроходный корабль с пловцами, указывающими путь, мог избежать патрулей сарков. Потом корабль надлежало скрыть в темной пещере западнее Дженкора, известной Джахарту, все остальное путешествие должно проходить по суше.

— Если при возвращении наши дела сложатся плохо,— мрачно сказал Ролд,— мы немедленно потопим корабль.

После отплытия Ролда оставалось только ждать. Карс никогда не оставался один. Ему были предоставлены три маленькие комнатки в отдельной части дворца, и с ним вместе находилась охрана.

Отравляющий душу страх все время присутствовал в его мозгу, как он с ним не боролся. Карс ловил себя на том, что постоянно прислушивается, не заговорит ли в нем снова Рианон, не появится ли в нем знак или жест, не принадлежащий ему самому.

Ужас происшедшего в убежище Мудрых оставил свои следы. Теперь он знал о Рианоне и не мог об этом забыть.

Не страх смерти так воздействовал на него, хотя он был человеком и не хотел умирать. Ужасно было жить и ждать того момента, когда перестанешь быть самим собой. Это было страшнее, чем угроза смерти или безумия.

Эмер приходила к нему, чтобы беседовать с ним и

изучать его. Карс понимал, что она ищет в нем следы присутствия Рианона, но понимал, что пока она улыбается, он в безопасности. Больше она не пыталась проникнуть в его сознание, но однажды рассказала о том, что видела в нем раньше.

— Ты пришел из другого мира,— сказала она с уверенностью.— Я поняла это сразу. Воспоминания о нем жили в твоей памяти — отверженное пустынное место, очень печальное.

— Да,— согласился Карс,— в нем много горечи, но есть и своя красота.

— Красота есть даже в смерти,— ответила Эмер,— но я рада, что я живу.

— Тогда забудем об этом мире. Расскажи мне лучше о вашем. Ролд сказал, что ты очень похожа на халфлингов.

Эмер рассмеялась.

— Он никогда не упрекает меня, что я другая.

— Сейчас в лунном свете ты и впрямь не похожа не человека,— сказал ей Карс.

— Иногда я желаю, чтобы это было так. Ты никогда не был на островах людей неба?

— Нет.

— У них там есть нечто вроде замков, выступающих из моря, почти такой же высоты, как и Кхондор. Когда люди неба брали меня туда, я сожалела о том, что у меня нет крыльев. Я думала о том, что есть в мире, и плакала от того, что многое мне недоступно. Но когда я с пловцами, я чувствую себя отлично. Тело мое очень похоже на их тела, хотя и не такое ловкое. И до чего же удивительно погружаться в прозрачную воду, видеть сады, которые они разводят, со странными морскими цветами, и ярких рыбок, что носятся среди этих цветов. А их города, серебряные шары во впадинах океана. Небеса, пылающие огнем, похожие на расплавленное золото, когда сияет солнце, и серебристые ночью. Там всегда тепло и воздух спокоен. Детские бассейны изумительны по красоте. Дети у них учатся в этих бас-

сейнах, закаляются для открытого моря. Я многое узнала от халфлингов.

— Но ведь джувиане тоже халфлинги.

Эмер вздрогнула.

— Джувиане — самая старая раса из халфлингов. Их осталось немного, и те, которые живут, находятся в Кара-Джу.

Карс внезапно спросил:

— Ты обладаешь мудростью халфлингов. Скажи мне, есть ли способ избавиться от того, что сидит во мне?

— Даже Мудрым неведомо так много.

— Лучше бы вы убили меня там,— в расстройстве Карс ударил кулаком по столу.

— Для смерти всегда найдется время,— мягко сказала Эмер.

После ее ухода Карс долго шагал из угла в угол, желая найти забвение в вине и не решаясь выпить его, боясь сна. Когда наконец усталость взяла свое, охранники окружили его, и один пристально следил за его лицом со шпагой наготове. Иногда сны были кошмаром, порожденным его состоянием, а иногда чужой голос говорил ему во сне:

«Не бойся, позволь мне говорить, и я многое расскажу тебе».

Много раз Карс просыпался от звука собственного голоса и чувствовал острие шпаги у своего горла.

«Я не собираюсь делать ничего страшного,— говорил голос.— Я могу прекратить твои страхи, если ты согласишься меня выслушать».

Карс думал, чем это кончится. Сойдет ли он с ума или бросится с балкона в море. Богхаз был ближе к нему, как никогда раньше. Его очаровало то, что так мучило Карса. Он тоже испытывал суеверный ужас, но недостаточно сильный, чтобы забыть о том, что гробница будет найдена.

— Я же просил тебя взять меня в дело,— без конца повторял он.— Самый главный источник силы на Марсе, а ты выдал его тайну! Выдал, но добился от них обещания, что они хотя бы не станут тебя убивать,

когда воспользуются этой тайной. Ты ограбил меня, Карс. Ты лишил меня королевства.

А Карс впервые радовался жадности валкисянина, потому что благодаря ей он оставался один. Богхаз выпивал огромное количество вина, время от времени посмеиваясь:

— Люди всегда говорили, что во мне сидит дьявол. Но в тебе, Карс,— вот это дьявол!

«Позволь мне говорить, Карс, и ты непременно поймешь»,— снова прозвучал голос, и Карс сжался в комок. Глаза его горели диким огнем, руки начали дрожать.

Потом крылатый человек принес в Кхондор весть. Карсу о случившемся сообщила Эмер. Да она могла и не говорить. Ее лицо было белым, как мел, и Карс все понял.

Ролд так и не достиг гробницы. Патруль Сарка схватил его. Говорят, что Ролд пытался убить себя, чтобы сохранить тайну, но ему не дали. Его забрали в Сарк.

— Но ведь Сарки не знают о том, что он обладает тайной,— запротестовал Карс, цепляясь за эту надежду.

— Они не дураки,— покачала головой Эмер.— Они захотели узнать планы кхондов и отвезут его в Кара-Джу.

Карс понял, что это означает. Гипнотическая сила джувиан почти овладела им, несмотря на то, что в нем находился Рианон. Секреты Ролда они узнают мгновенно.

— Значит, никакой надежды?

— Никакой,— ответила Эмер,— ни теперь, ни когда-либо.

Некоторое время они сидели молча. Ветер выл в галерее, а волны с мрачным гулом разбивались о скалы внизу.

— Что же теперь будет?

— Морские короли послали сообщение на все свободные побережья и острова. Скоро здесь соберутся все корабли и люди. Железнобородый поведет их на Сарк. Еще есть немного времени. Даже когда джувиане узнают правду, им понадобится время, чтобы добраться до гробницы, привезти оружие и узнать, как им пользоваться. Если мы сможем до тех пор сокрушить Сарк...

— Вы сможете победить темных?

— Нет,— честно ответила она.— Джувиане вмешаются и применят свое оружие. Но мы должны попытаться, ибо смерть в бою лучше, чем та, которая ждет нас, если Кхондор сравняют с землей.

Карс стоял, глядя на нее, и ему казалось, что в жизни его не было более горькой минуты.

— Морские короли возьмут меня с собой?

Глупый вопрос. Он знал ответ и без ее слов.

— Они считают, что все это придумал Рианон — обмануть Ролда, чтобы секрет достался Кара-Джу. Я говорила им, что это не так, но...— Она устало махнула рукой и отвернулась.— Железнобородый, я думаю, верит мне. Он позаботится о том, чтобы твоя смерть была быстрой и не слишком мучительной.

— А Иваин? — спросил Карс.

— Этим занимается Торн. Ее возьмут с собой, когда пойдут на Сарк.

Снова установилась тишина. Карсу показалось, что даже воздух сгустился и давит ему на сердце. Эмер незаметно ушла. Карс вышел в галерею и остановился, глядя на море.

— Рианон,— прошептал он.— Я проклинаю тебя, проклинаю ту ночь, когда увидел твою шпагу, и тот день, когда пришел в Кхондор с обещанием показать им гробницу.

Стемнело, море походило на ванну, полную до краев крови, при свете почти зашедшего солнца. Ветер донес до него крики из города и с кораблей. Карс беззвучно рассмеялся.

— Ты получил то, что хотел,— сказал он тому, что сидело в нем,— но долго этим ты не будешь наслаждаться.

Но триумф этот был невелик. Напряжение последних дней и этот последний удар были для него слишком непосильным грузом. Карс сел на резную скамью, положил голову на руки и долго сидел так. Голос из

темноты что-то шептал в его мозгу, и первый раз Карс не нашел в себе сил сопротивляться.

— Я мог бы спасти вас, если бы вы слушали меня. Дураки и дети все вы, потому что не хотите слышать меня.

— Говори, теперь все равно,— ответил ему Карс.— Зло свершилось, и Железнобородый скоро будет здесь. Говори!

И Рианон начал говорить, наполнив сознание Карса мыслями, чувствами.

— Если ты доверяешь мне, Карс, отдай свое тело, и я спасу Кхондор!

— Боги милостивые! — шептал Карс, а мысли Рианона были наполнены гневом.

— Времени остается мало,— шептал Рианон.

Карс чувствовал, что Рианон борется со своей яростью, пытаясь ее обуздать.

— В гроте я сказал правду. Ты был в моей гробнице, Карс. Как ты думаешь, сколько времени я смог бы пролежать один в черной темноте и совершенно не измениться? Я не бог. Как бы не называли нас, Куири, мы никогда не были богами.

Меня называют дьяволом, Проклятым, но я никогда им не был. Злоба была чужда моим намерениям. Я научил людей Змеи, потому что этот народ был достаточно умен и смог обмануть меня. Я пытался помешать им использовать это оружие ради зла, но они уже знали, как от меня защищаться, и я не смог помешать.

И все равно мои братья осудили меня. Они приговорили меня к заключению вне пространства и времени в месте, приготовленном для этой цели. Заключение это должно было длиться до тех пор, пока плоды моего греха не будут ощущаться в этом мире.

Мы были последними потомками этой расы. Их ничто здесь не удерживало, и они ничего не смогли сделать. Куири желали только мира и познания. Поэтому они

пошли по дороге, выбранной ими. А я ждал. Знаешь ли ты, чем может стать ожидание?

— Думаю, что ты его заслужил,— хриплым голосом проговорил Карс.

— Да, я заслужил это наказание. Но если бы ты дал мне возможность искупить этот грех, освободиться и последовать за моими братьями!

Голос внутри Карса возвысился, и страстность его стала опасно сильна.

— Одолжи мне твое тело, Карс. Одолжи, и я все сделаю!

— Нет! — закричал Карс.— Нет!

Он встрепенулся, сознавая опасность, боролся изо всех сил. Отбросил то, что стучалось в его сознании, и закрыл перед ним вход.

— Ты не можешь сам овладеть мною,— торжествующе прошептал Карс.

— Нет, не могу,— с горечью согласился голос и пропал.

Карс прислонился к стене потрясенный, но озаренный неясной надеждой. Собственно, это была лишь искра надежды, но и ее было достаточно, чтобы вдохновить его. Лучше что угодно, чем вот так ждать смерти. Он услышал скрип открываемой двери, и сердце его замерло. Затаив дыхание, он стоял и слушал.

14. ОТВАЖНОЕ РЕШЕНИЕ

Но это был не Железнобородый. Это пришел Богхаз.

— Меня послала Эмер,— сказал он. — Она сообщила трагическую новость, я пришел к тебе прощаться.— Он взял Карса за руку.— Морские короли держат последний совет, перед тем как идти на Сарк. Совет продлится недолго. Друг мой, мы столько пережили с тобой, ты стал мне как родной брат, и это расставание разрывает мне сердце.— Толстяк казался искренне взволнован-

ным.— Мне хотелось бы сохранить что-то на память о тебе. Какой-нибудь пустячок, чтобы он напоминал мне о днях, проведенных вместе.— Он вытер слезы, а Карс не слишком осторожно схватил его за горло.

— Ах ты, хитрый обманщик! — рявкнул он в самое ухо валкисянина. — Пустячок? Вот как? Боги великие! На какое-то время тебе удалось меня одурачить!

— Но... друг мой,— заныл Богхаз.

Карс встряхнул его и отпустил.

— У меня нет желания разбивать тебе сердце. Слушай, Богхаз, ты хотел бы узнать тайну гробницы?

У Богхаза отвалилась челюсть.

— Безумец,— прошептал он.— Бедняга сошел с ума от потрясения.

Карс выглянул за угол. Их пока не беспокоили, стража находилась далеко. При Богхазе, конечно, не было оружия. Карс убежать не мог, разве что у него выросли бы крылья.

— То, что затевают морские короли, не имеет смысла. Джувиане будут помогать саркам, и Кхондор падет, а это означает и твое падение, Богхаз. Сарки придут сюда, и если ты даже переживешь штурм, они сдерут с тебя шкуру.

— Но,— заикаясь, проговорил Богхаз,— вернуть сейчас оружие Рианона невозможно. Даже если бы ты смог убежать отсюда. Ни один человек не сможет пройти мимо Сарка и стащить оружие Рианона из-под носа Гораха.

— Но ведь я не просто человек. И, главное, чьим оружием пользуются они?

Глаза валкисянина засветились пониманием, его лицо озарилось улыбкой.

— Я приветствую тебя, Карс. Сам король лжецов не смог бы действовать лучше.— Он был вне себя от восторга.— Грандиозный план! Он стоит... Богхаза.— Потом он помрачнел, покачал головой.— Но ведь это страшное безумие.

Карс взял его за плечи.

— Сейчас, как тогда на галере, терять нечего, можно только выиграть. Ты остаешься со мной?

— Меня искушают,— пробормотал валкисянин.— Как воин и актер, я хотел бы видеть произведение этого великого обмана.— Он вздрогнул всем телом.— Шкуру сдерут заживо! И это джувиане. Да, ты, я думаю, прав. Все равно умирать.— Его глаза расширились.— Погоди-ка. Рианон может поладить с сарками, а Богхаз ведь выступает против Иваин. О нет! Мне лучше уйти из Кхондора.

— Да подумай же ты, толстый дурак! — потряс его Карс.— Я защищу тебя. Как Рианон, я смогу это сделать. Получив это оружие, мы могли бы стать спасителями Кхондора. Тогда нашим возможностям не было бы предела. Хотел бы ты стать королем Валкиса?

— Ну...— вздохнул Богхаз.— Ты мог бы искусить и самого дьявола.— Говоря о дьяволе, он сузил глаза и посмотрел на Карса.— Сможешь ли ты укротить себя? Страшно, когда в твоем друге сидит дьявол.

— Смогу,— ответил Карс.— Ты же слышал, как сам Рианон говорил об этом.

— Тогда,— сказал Богхаз,— нам надо поскорее отправиться на совет морских королей.— Он хмыкнул.— Старина Железнобородый нам помогал, хотя и с насмешкой. Сейчас все собираются исполнить приказ, и наша команда ждет на борту галеры, она тоже не очень довольна.

Через мгновение охрана услышала крики Богхаза.

— Помогите, быстрее! Карс бросился в море!

Охранники выскочили на балкон, где Богхаз стоял, склонившись над бушующими волнами. Один из охранников хмыкнул:

— Невелика потеря.— Тогда Карс выступил из ниши в стене и нанес ему удар такой силы, что тот без звука упал, а Богхаз, круто повернувшись, уложил второго охранника. С третьим они справились вместе, прежде чем он успел выхватить шпагу. Двое остальных быстро оправились и собрались вступить в борьбу. Но Карс не мог терять времени. Кулаки его и Богхаза

работали без остановки несколько минут, пока все охранники не были связаны и им не заткнули рты.

Карс начал снимать с одного из них шпагу, но Богхаз кашлянул с некоторым изумлением:

— Тебе надо бы вернуть свое оружие.

— Где она?

— К счастью, всего лишь там, за дверью, где меня заставили ее оставить.

Карс согласно кивнул. Хорошо было бы снова получить во владение шпагу Рианона. Пройдя по комнате, он стал снимать с охранника плащ, искоса посматривая на Богхаза.

— Как тебе удалось получить мою шпагу?

— Ну, как же? Я ведь твой друг и второй по важности, вот я и потребовал...— валкисянин нежно улыбнулся.— Ты же собирался умирать, и я знал, что тебе было бы приятно, если бы шпага осталась у меня.

— Богхаз,— сказал Карс,— твоя любовь ко мне просто удивительна.

— Я всегда был сентиментален.

У двери валкисянин отстранил Карса:

— Позволь мне первому.

Он вышел в коридор, осмотрелся, потом кивнул Карсу, чтобы он следовал за ним. Длинная шпага стояла у стены. Карс взял ее и улыбнулся.

— Теперь запомни. Я — Рианон!

В этой части дворца люди встречались редко, в коридорах было темно.

— Я знаю здесь уже все пути,— улыбнулся Богхаз.— Может, даже лучше, чем сами Кхонды.

— Хорошо, тогда веди,— сказал Карс. Сначала мы должны найти Иваин.

— Иваин? — Богхаз в изумлении уставился на Карса.— Ты с ума сошел! Сейчас не время заводить игры с этой ведьмой.

Карс нахмурился.

— Она должна быть с нами. Ведь я — Рианон, иначе вся затея рухнет!

Он ставил свою игру именно на Иваин. Главный его козырь в том, что девушка видела, что им завладел Рианон.

— В твоих словах есть правда,— согласился Богхаз.— Но мне это не нравится. Вначале дьявол, потом ведьма... Путешествие прямо для сумасшедшего!

Иваин была заперта на том же верхнем этаже. Богхаз быстро вел Карса вперед. Карс вскоре увидел зарешеченную дверь, освещенную факелом. Сонный страж дремал, облокотившись на копье. Богхаз глубоко вздохнул:

— Иваин сможет убедить сарков, но сможешь ли ты убедить ее?

— Я должен это сделать.

— Что ж. Желаю удачи!

Согласно плану, составленному ими, Богхаз должен был пройти вперед и заговорить с охранником, отвлекая его. Разговаривая, Богхаз вдруг осекся посредине фразы и, открыв рот, уставился на что-то за спиной часового. Тот круто обернулся и увидел человека. На плечи его был накинут плащ, голова гордо поднята, глаза горели. Свет факела играл на драгоценных камнях воротника, рукоять шпаги серебром отливала в его руке. Он заговорил тем звенящим голосом, который так запомнился по гроту.

— Ложись лицом вниз, ты, подонок из Кхондора, иначе умрешь!

Охранник замер в нерешительности. Богхаз за его спиной испуганно прошептал:

— Господи! В него вселился дьявол! Это Рианон!

Похожий на бога в свете факела, Карс поднял шпагу не как оружие, а как символ власти, на лице его возникла улыбка.

— Итак, ты узнал меня! Это хорошо.— Он устремил взгляд на побелевшего охранника.— Может быть, ты не узнал меня? Может, тебе доказать?

— Нет! — хрипло крикнул тот.— Нет! Господин!

Он упал на колени, закрыв руками голову, шпага его ударилась о камни пола.

— Свяжи его,— велел Карс Богхазу.— И отвори дверь!

Связав охранника, Богхаз отодвинул тяжелый засов, дверь отворилась внутрь, и Карс ступил на порог.

Иваин застыла в темноте в напряженном молчании и ожидании. Воздух был душным и спертым от соломенного тюфяка — единственной мебели в комнате. На ней были все те же кандалы.

Карс держался твердо. «Интересно,— подумал он.— Наблюдает ли за мной Проклятый?» Ему даже показалось, что в глубине сознания прогремел мрачный смех.

Иваин спросила:

— Ты действительно Рианон?

«Голос должен быть глубоким и твердым, а взгляд должен метать пламя».

— Ты видела меня раньше. Что скажешь теперь?

Карс ждал, а она пытливо следила за ним из полутьмы. Потом медленно склонила голову — даже в присутствии Рианона она оставалась Иваин Сарк.

— Господин,— произнесла она.

Карс рассмеялся и повернулся к согнутому в раболепном поклоне Богхазу.

— Заверни ее в простыни с постели! Понесешь ее осторожно, свинья!

Богхаз поспешил повиноваться. Иваин была явно рассержена, но при данных обстоятельствах воздержалась от объяснений.

— Так мы убегаем? — спросила она.

— Мы предоставляем Кхондор его судьбе.— Карс покрепче ухватился за эфес шпаги.— Я буду в Сарке, и когда морские короли придут туда, сам уничтожу их своим оружием.

Богхаз прикрыл ее лицо рогожей, кандалы с ее руки были сняты. Валкисянин поднял Иваин на свои массивные плечи и, обернувшись, хитро подмигнул Карсу.

Сам Карс не ощутил особой уверенности. В такое время, когда для Иваин открывалась возможность ос-

вобождения, она не должна быть чересчур разборчивой. Но путь до Сарка был неблизок.

Показалось ли ему, что в том, как она склонила перед ним голову, сквозила легкая насмешка?

15. ПОД ДВУМЯ ЛУНАМИ

Богхаз, благодаря своей деятельной натуре, изучил в Кхондоре каждую дыру. Он вывел их из дворца забытыми путями, там на полу лежал толстый слой пыли, а двери почти сгнили. Потом, карабкаясь по лестнице, он выбирал путь как можно безлюднее. Вскоре они пересекли город.

Кхондор бурлил, ночной ветер разносил гул голосов, шум шагов, наверху свистел воздух, разрезаемый крыльями людей неба.

Паники не было, но Карс чувствовал злость города и угрюмую напряженность людей, готовую обрушиться на то, что стояло у них на пути. Издалека, из храма, доносились голоса женщин, возносивших молитву богам. Те озабоченные люди, которые попадались им навстречу, не обращали на них внимания. Они видели толстого моряка с узлом на плечах и высокого человека в плаще, направляющихся в гавань. Разве такое зрелище стоило внимания?

Очень долго они спускались вниз, к гавани, на этом пути встретили много народу, но и здесь остались незамеченными.

Все равно сердце Карса стучало, а в ушах звенело от напряжения, с которым он прислушивался, каждое мгновение боясь быть опознанным.

Они достигли набережной, и Карс увидел силуэт галеры, выделявшийся на фоне других кораблей, и поспешил к ней. Богхаз следовал за ним по пятам.

Здесь пылали сотни факелов. В их свете на корабли поднимали снаряжение, вооруженные люди сновали ту-

да и сюда. Каменные стены гулом отвечали на все это. Между причалами скользили маленькие суденышки.

Карс низко наклонил голову, прокладывая себе путь через толпу. Вода казалась живой, столько в ней было пловцов, а на берегу стояли женщины с застывшими лицами. Они пришли прощаться со своими мужьями.

Когда они приблизились к галере, Карс пропустил вперед Богхаза, а сам остановился за грудой бочонков, якобы поправляя сандалии. Валкисянин тем временем поднялся со своей ношей на борт галеры. Карс слышал, как члены команды, мрачные и нервничающие, накинулись на Богхаза с расспросами.

Иваин была помещена в каюте, всех остальных Богхаз созвал на совет.

— Новости? — услышал Карс его слова.— Я вам сообщу! С тех пор, как поймали Ролда, настроение в городе переменилось. Вчера мы были им братьями, а сегодня — снова враги. Я слышал разговор в винном погребке, и вот я вам что скажу: нам грозит опасность!

Пока команда тревожно переговаривалась, Карс быстро пробрался на галеру и перед тем, как скрыться в каюте, услышал слова Богхаза:

— Когда я уходил, уже собралась толпа. Если вы хотите сохранить свою жизнь, нам лучше отплыть сразу, пока еще не поздно.

Карс почти не сомневался в том, какой будет реакция команды, не сомневался и в том, что Богхаз преувеличивает. Он был знаком с нравами толпы и понимал, что его команде — приговоренным к каторге жителям Сарка, Дженкора и прочим — придется туго.

Теперь, заперев дверь каюты, он прислонился к ней, прислушиваясь. Он слышал шлепанье босых ног по палубе, возгласы, команды, скрип блоков. Швартовы были подняты, загромыхали весла, и галера была свободна.

— Приказ Железнобородого! — крикнул Богхаз кому-то, видимо, на берег.— Выполняем поручение Кхондора.

Галера дрогнула и под бой барабана стала набирать скорость. А потом, перекрывая все сигналы, прозвучал

именно тот, которого Карс так ждал: рев тревоги, прокатившейся по всей гавани.

Из темноты донесся спокойный голос Иваин:

— Повелитель мой, Рианон, можно ли мне дышать?

Карс опустился на колени и развязал ей путы. Иваин села.

— Спасибо. Что ж, мы избежали опасностей дворца и гавани, но еще остается фиорд. Я слышу крики.

— Айя,— рассмеялся Карс,— люди неба успеют раньше нас. Посмотрим, смогут ли они остановить Рианона, кидая камни со скалы.

Он велел оставаться ей на месте, а сам вышел на палубу. Они плыли по каналу, гребцы трудились изо всех сил, паруса уже начали раздуваться под реющим между скалами ветром. Карс напряг память, вспоминая расположение защиты кхондов у входа в фиорд, и решил, что она расположена так, чтобы держать под контролем входящие корабли, но не выходящие.

Главное — скорость! Если галера будет плыть достаточно быстро, у них будет шанс. В слабом свете никто не обратил внимания на Карса, но когда над вершинами поднялся Фобос, освещая все зеленоватым светом, люди увидели его, стоящего с длинной шпагой в руке, в развевающемся по ветру плаще.

У всех вырвался единый крик, в котором приветствие к тому Карсу, которого они знали, смешивалось со страхом, вызванным тем, что они слышали о нем в Кхондоре.

Карс не дал им времени на размышление.

— Скорее же, вы, дураки! — заговорил он, поднимая шпагу.— Иначе они потопят нас!

Человек он или дьявол, они не знали, но то, что он говорил правду, знали все, и они заработали еще сильнее.

Карс поднялся на мостик. Богхаз был уже там. Он с готовностью посторонился, давая Карсу дорогу, но человек у румпеля бросил на него свирепый взгляд. Это был тот, что сидел с Джахартом на одном весле в день мятежа.

— Теперь я капитан,— сказал он Карсу.— Я не желаю, чтобы прокляли мой корабль.

— Я вижу, ты не знаешь меня,— леденящим тоном, предельно четко выговаривая слова, сказал Карс.— Человек из Валкиса, скажи ему!

Но Богхаз мог и не говорить. Наверху послышался свист крыльев, и крылатый, кружа над их головами, прокричал:

— Возвращайтесь! Возвращайтесь! На вашем корабле Рианон!

— Айя! — крикнул Карс.— Рианон в ярости! Рианон в силе!

Он высоко поднял шпагу, и в свете луны драгоценный камень в рукоятке засверкал дьявольским светом.

— Вы выстоите против меня? Вы осмелитесь?

Человек неба метнулся назад и пропал из виду.

— А ты? — спросил Карс, обращаясь к новому капитану.— Что ты теперь скажешь?

Карс увидел, как взгляд его упал на камень рукоятки и переметнулся на него. Потом капитан опустил глаза.

— Не осмеливаюсь выступать против Рианона.

— Дай мне место,— приказал Карс, и человек отступил, освобождая место у румпеля. Клеймо казалось живым на его побелевших щеках.

— Скорее, если хочешь жить,— сказал Карс.

Гребцы прибавили еще, и галера понеслась между скалами — большой черный корабль, призрак под зеленым светом Фобоса. Карс увидел впереди открытое море.

Тут раздался грохот первого выстрела, и скала ответила ему громовым эхом. Перед носом галеры взвился фонтан воды. Согнувшись над румпелем в развевающемся плаще, Карс вел галеру к устью.

Прогремел второй выстрел, огромные камни обрушились в воду, так что пришлось пробираться среди облака брызг. Но именно на это Карс и надеялся: защита, несокрушимая с моря, была слабой, когда дело касалось тыла.

Они вышли в открытое море, последний камень упал далеко в стороне. Он был свободен, однако преследование не заставит себя ждать. Карс знал это.

Только теперь он стал понимать, до чего же трудно

быть богом. Ему хотелось сесть на палубу и осушить кружку с вином, но вместо этого пришлось заставить себя раскатисто расхохотаться, как будто бы его забавлял вид этих людишек, столь серьезно относящихся к такому пустяку.

— Эй, ты, тот, кто называл себя капитаном! Возьми руль и веди корабль к Сарку.

— К Сарку? — события этой ночи были немилосердны к бедняге.— Господин мой, Рианон, будь милостив! В Сарке нас осудили!

— Рианон защитит вас,— сказал Богхаз.

— Молчать! — загремел Карс.— Кто ты такой, чтобы говорить за Рианона? — Богхаз испуганно съежился, и Карс сказал: — Приведи сюда госпожу Иваин.

Он спустился по лестнице и остановился в ожидании. За спиной он услышал шепот человека с клеймом:

— Иваин! Боги милостивые! Лучше бы умереть в Кхондоре!

Карс стоял неподвижно, и люди наблюдали за ним, не осмеливаясь заговорить, желая убить его, но боясь приблизиться к нему, дрожа при мыслях о том могуществе, которое мог обрушить на них Проклятый.

Иваин, свободная от цепей, подошла к нему и поклонилась. Карс повернулся к команде и сказал:

— Однажды вы восстали против нее, следуя за варваром. Теперь того варвара больше нет! Вы снова будете служить Иваин. Служите ей хорошо, и она забудет о вашем преступлении!

Он увидел, как вспыхнули глаза Иваин. Она хотела протестовать, но он так посмотрел на нее, что слова застряли у нее в горле.

— Веди их! — приказал он.— Во славу Сарка!

Иваин повиновалась, но Карсу все еще казалось, что она полностью не верит ему. Она пошла за ним в каюту и спросила, чем может быть ему полезна. Он покачал головой и послал Богхаза за вином. Пока тот ходил, они молчали. Карс опустился в кресло, а Иваин, пытаясь

унять учащенное биение сердца, наблюдала за ним сквозь приопущенные веки.

Вино было принесено, после некоторого колебания Богхаз вышел, оставив их одних.

— Сядь,— сказал Карс Иваин,— сядь и выпей.

Иваин придвинула низкий кабинет и села, протянув длинные ноги, стройная, как юноша, в своей черной кольчуге. Она пила молча. Карс резко спросил:

— Ты все еще сомневаешься во мне?

Она вздрогнула.

— Нет, господин.

— Не надо мне врать,— рассмеялся Карс.— Ты, Иваин, гордая, умная, высокомерная девушка. Прекрасный наследник для Сарка, несмотря на твой пол.

Ее рот скривился в горькой усмешке.

— Мой отец Горах сделал меня такой. Без сына человек слаб, должен же кто-то носить его шпагу, пока отец забавляется со скипетром.

— Я думаю,— сказал Карс,— что тебе все это не так уж противно.

Она улыбнулась.

— Нет, меня никогда не тянуло к шелковым подушкам. Но давай больше не будем говорить о моих сомнениях. Господин Рианон, я видела тебя раньше. Один раз, когда ты убил Ссана, а другой раз в пещере Мудрых, и я узнала тебя теперь.

— Неважно, сомневаешься ты или нет, Иваин, даже варвар мог взять над тобой верх, и, думаю, что Рианону это удастся без труда.

Она сердито вспыхнула. Теперь его подозрение стало непреложным фактом: гнев выдал ее.

— Варвар не одерживал надо мной верха. Он поцеловал меня, и я позволила ему насладиться этим поцелуем, чтобы навсегда оставить след на его лице.

Карс кивнул, улыбаясь.

— Мгновение ты тоже наслаждалась, ведь ты женщина, Иваин, несмотря на тунику и кольчугу, а жен-

щина всегда узнает того мужчину, который сможет стать ее властелином.

— Ты так думаешь? — прошептала Иваин. Она подошла к нему, приоткрыв яркие губы, как тогда искушающие, намеренно вызывающие.

— Я знаю,— сказал он.

— Если бы ты был только варваром и никем другим,— прошептала она,— то я смогла бы это узнать.

Ловушка не вызывала сомнения. Карс подождал, пока молчание не стало напряженным, тягучим, и сказал холодным голосом:

— Вполне возможно, но я теперь не варвар, и тебе пора спать.

С мрачным удовольствием он увидел, как она отпрянула, растерянная, а может быть, даже полностью потерявшаяся первый раз в жизни. Он добавил:

— Можешь расположиться во второй комнате.

— Да, господин,— сказала она, и на этот раз в ее голосе совсем не было насмешки.

Она повернулась и медленно пошла к двери. Открыв ее, она замерла на пороге, и он увидел на ее лице отвращение.

— Почему ты медлишь?

— Эта комната порченая, там была Змея,— прошептала она.— Я предпочла бы спать на палубе.

— Странные речи, Иваин. Ссан был твоим сообщником, твоим другом. Я был вынужден убить его, чтобы спасти жизнь варвара, но Иваин Сарк не должна питать неприязни к союзнику!

— Не к моему союзнику, а к союзнику Гораха.— Она обернулась и посмотрела ему в глаза. Карс понял, что гнев овладел ею настолько, что она забыла об осторожности.

— Рианон ты или нет, но я все равно выскажу тебе все, что у меня на уме все эти годы! Я ненавижу твоих учеников из Кара-Джу! Они мне омерзительны! А теперь убивай меня, если хочешь!

Она вышла на палубу, хлопнув дверью. Карс остался сидеть за столом. От нервного напряжения он дрожал с головы до ног, и теперь налил себе вина, чтобы хоть

немного успокоиться. С удивлением он отметил, что счастлив от ненависти Иваин к Кара-Джу.

К полуночи ветер упал, и в течение нескольких часов галера плыла лишь усилиями гребцов. Шла она довольно медленно, так как ряды гребцов поредели из-за отсутствия прежних кхондов.

А на рассвете, когда горизонт заискрился золотистыми искорками, появились силуэты кораблей кхондов. Погоня приближалась.

16. ГОЛОС ЗМЕИ

Карс с Богхазом стояли на корме. Была середина утра. Все еще стоял штиль, и погоня была теперь настолько близко, что корабли можно было видеть с палубы. Богхаз сказал:

— Если мы будем идти с такой же скоростью, к полудню они нас догонят.

— Да,— Карс обеспокоился. Трудно было надеяться на весла. А Карсу меньше всего хотелось сражаться против людей Железнобородого. Он знал, что его люди не смогут противостоять им.

— Они сделают все, чтобы схватить нас. И это только начало. Весь флот морских королей гонится за нами.

Богхаз посмотрел на видневшиеся корабли погони.

— Думаешь, нам удастся достичь Сарка раньше их?

— Если не поднимется ветер, то нет. Даже если он и поднимется, надежда невелика. Ты знаешь молитвы?

— Меня учили в детстве.

— Тогда молись.

Но в течение всего этого долгого жаркого дня даже легкий ветерок не шевелил паруса галеры. Люди выбились из сил. Оказавшись между двумя опасностями, они не знали, какая грозит им больше.

Корабли кхондов приближались медленно, но неуклонно. Вечером, когда лучи заходящего солнца превра-

тили воздух в увеличительное стекло, впередсмотрящий сообщил, что вдали показались и другие корабли армады морских королей.

Карс посмотрел на пустое небо. Сердце его наполнилось горечью.

Начал подниматься ветер. По мере того, как раздувались паруса, гребцы ощущали все большую уверенность. Галера набирала скорость. Теперь корабли сохраняли дистанцию.

Галера была достаточно быстроходной и могла уйти от преследования, если будет хороший ветер.

Следующие несколько дней могли свести человека с ума. Карс немилосердно подгонял гребцов, но каждый раз, когда они принимались за дело, движения их становились все медленнее. Лишь чудом галере удалось удерживаться впереди. Был момент, когда их могли схватить, но внезапно налетевшая буря разбросала легкие корабли. Потом они собрались снова, и теперь весь горизонт был усеян точками вражеских парусников.

Число кораблей, догонявших галеру, увеличилось до пяти. Потом до семи. Карс вспомнил присказку, что настоящая охота бывает долгой. Эта должна была, по всей видимости, скоро завершиться.

Потом снова наступило время полного штиля, гребцы теряли последние силы, и их подгонял только страх перед кхондами.

Карс стоял у мачты, лицо его было серым и мрачным от усталости. Головной корабль кхондов набирал скорость, собираясь обойти галеру, когда внезапно раздался крик впередсмотрящего:

— Впереди парус!

Карс круто повернулся, следя взглядом за рукой матроса.

— Корабли Сарка!

Он увидел их впереди, быстро идущие, и закричал гребцам:

— Налегайте, собаки! Быстрее! Помощь близка!

Гребцы налегли на весла в последнем отчаянном порыве. Галера рванулась вперед. К Карсу подошла Иваин.

— Теперь мы близко к Сарку, господин Рианон. Если бы мы смогли еще хоть немного продержаться впереди.

Кхонды тоже рванулись за ними, пытаясь обогнать галеру раньше, чем к ним придет помощь, но было уже поздно, патрульные корабли приблизились. Они врезались в ряды судов кхондов, и воздух наполнился криками, лязгом оружия, треском ломавшихся весел.

Началась битва, длившаяся весь остаток дня. Кхонды отчаянно наступали. Корабли Сарка сгрудились вокруг черной галеры, но кхонды атаковали вновь и вновь, их легкие суда летели, как стрелы, но каждый раз их отбрасывали. На кораблях сарков имелись балисты, и два парусника, получив повреждение от града камней, затонули.

Подул легкий бриз, галера набрала скорость. Теперь полетела куча стрел, нацеленных в раздутые паруса. У двух патрульных кораблей они безнадежно повисли, но и кхонды пострадали тоже. Уцелело лишь три их корабля, а галера была теперь довольно далеко от них. Вдали темной линией показалось побережье Сарка, и, к великому облегчению Карса, навстречу им вышли другие суда. Оставшиеся корабли кхондов повернули назад.

На галере все вздохнули с облегчением, Иваин заняла свое прежнее место. С других кораблей на галеру погрузили свежих гребцов, а одно быстроходное судно поспешило в порт с вестью о возвращении Иваин.

Но дым горящего вдали корабля пожирал сердце Карса. Он смотрел на маячившие на горизонте корабли морских королей, и неизбежность грядущих сражений тяжелым комом легла ему на грудь. В этот момент ему показалось, что нет никакой надежды.

В гавань Сарка они вошли уже вечером. Широкое устье реки было заполнено кораблями, а по обоим берегам громоздился безжалостный в своей силе город. Его мрачная внушительность исходила от строивших

его. Карс увидел огромные холмы, великолепный дворец, возвышающийся на самом высоком холме. Здания казались почти уродливыми в своей непререкаемой силе.

Гавань кипела. Пришло сообщение о приближении эскадры морских королей, и все готовились к бою.

Богхаз, стоя рядом с Карсом, прошептал:

— Мы сами залезли волку в пасть. Если ты не сможешь взяться за дело так, как сделал бы это Рианон, если сделаешь хоть один неверный шаг...

— Не сделаю,— ответил Карс.— Я уже научился быть Рианоном.

Но про себя он думал иначе. Перед лицом мрачного Сарка его игра в бога казалась нелепой и безумной.

Толпа, собравшаяся на набережной, дикими воплями приветствовала сходящую по трапу Иваин, и в некотором замешательстве смотрела на высокого человека, похожего на кхонда, с огромной шпагой в руке.

Солдаты окружили их плотным кольцом, прокладывая им путь сквозь толпу. Веселые возгласы людей провожали прибывших до самого дворца.

Залы дворца встретили их прохладой. Карс шагал по пустым комнатам с блестящими полами и массивными портиками, поддерживаемыми золочеными колоннами. Он заметил, что в орнаменте часто повторяется изображение змеи.

Карс жалел, что рядом не было Богхаза. Продолжая игру, он был вынужден расстаться с толстяком и сейчас чувствовал себя совершенно одиноким.

У серебряных дверей, ведущих в тронный зал, охрана остановилась. Камергер в кольчуге под бархатным одеянием выступил вперед, приветствуя Иваин.

— Твой отец, всемогущий король Горах, полон радости приветствовать тебя, но просит немного подождать, он занят с господином Хишахом, посланцем из Кара-Джу.

Губы Иваин скривились.

— Значит, он уже просит помощь у Змеи.— Она презрительно кивнула в сторону закрытой двери.— Скажи королю, что я желаю видеть его немедленно.

Каммергер запротестовал.

— Но, ваше величество...

— Скажи ему,— продолжала Иваин,— или я войду без предупреждения. Скажи, что со мной тот, кто не потерпит задержек, кого не осмелится ослушаться ни Горах, ни Кара-Джу!

Каммергер с нескрываемым недоумением посмотрел на Карса, поколебавшись, он отвесил поклон и исчез за дверью.

Карс отметил нотку горечи в голосе Иваин, когда она говорила о Змее. Он спросил, почему это так.

— Нет, господин Рианон,— сказала девушка.— Однажды я уже говорила, а ты слушал. Сейчас не время для повторных слов. А кроме того...— она пожала плечами.— Ты же видишь, как отстраняет меня отец, как лишает меня возможности драться, хотя драться за него должна я.

— Ты даже сейчас не желаешь помощи от Кара-Джу?

Она промолчала, и Карс сказал:

— Я приказываю тебе говорить!

— Что ж, хорошо. Ничего странного нет в том, что два сильных народа ссорятся за владычество, за каждый кусок побережья. Нет ничего странного, что человек жаждет власти. Я была бы счастлива ринуться в эту битву, я была бы счастлива одержать победу над Кхондом, но...

— Продолжай!

— Но я хочу, чтобы Сарк стал великим благодаря силе своего оружия, чтобы человек сражался с человеком. А в победе с помощью Кара-Джу нет славы!

— Твои люди разделяют это мнение?

— Да, господин. Но некоторые поддались искушению легкой власти...— она замолчала, глядя ему в лицо.— Я и так уже сказала достаточно, чтобы навлечь на себя твой гнев. Скажу еще только, что Сарк обречен даже в своей победе. Змея дает нам помощь не ради нас самих, а ради собственных целей. Мы — лишь оружие, с помощью которого Кара-Джу идет к своей

цели. А теперь, когда ты вернулся, чтобы повести джувиан...

Она замолчала. В словах ее более не было надобности. Дверь отворилась, и это избавило Карса от необходимости дать ей ответ. Камергер сказал извиняющимся тоном:

— Его высочество посылает Вам ответ. Он не понимает ваших слов и вновь просит обождать, пока он не сможет иметь удовольствия лицезреть вас.

Иваин сердито оттолкнула его в сторону, шагнула к высоким дверям и распахнула их. Отступив назад, она обратилась к Карсу:

— Не желаете ли войти, господин?

Глубоко вздохнув, Карс прошел в двери и твердыми шагами направился в длинный полутемный тронный зал. Иваин следовала за ним.

Казалось, в зале не было никого, кроме Гораха, сидевшего на возвышении в дальнем конце зала. На нем было бархатное черное одеяние, расшитое золотом. Он обладал той же стройностью и красотой черт лица, что и Иваин. Но в нем не чувствовалось ни ее нескрываемой силы, ни ее гордости, ни ее достоинства. Хотя борода его была седа, очертания рта были, как у капризного ребенка. Возле него, полускрытый тенью трона, стоял еще кто-то. Темная фигура, закутанная в плащ с капюшоном, скрывающим лицо. Руки тоже скрывались в складках плаща.

— Что это значит? — сердито спросил Горах.— Хоть ты мне и дочь, Иваин, но я не потерплю такой бесцеремонности.

Иваин опустилась на колени.

— Отец мой,— твердым голосом сказала она.— Я привела к вам господина Рианона из рода Куири, вернувшегося из мертвых.

Лицо Гораха посерело, рот открылся, но звука не последовало. Он посмотрел на Карса, потом на Иваин и, наконец, на закутанного в плащ джувианина.

— Это безумие,— промямлил он.

— Но у меня есть свидетельство тому, что это прав-

да,— сказала Иваин.— В теле этого варвара живет дух Рианона. Он говорил с Мудрыми в Кхондоре, а позже говорил и со мной. Перед тобой стоит Рианон!

Снова установилась тишина. Горах переводил взгляд с одного лица на другое и дрожал. Карс стоял молча, высокий и гордый, храбро презрев все сомнения и ожидания дальнейшего. Но старый холодный страх жил внутри. Он понимал, что змеиные глаза наблюдают за ним из-под капюшона, взгляд этот проникал в его тело, как лезвие ножа сквозь бумагу.

Халфлинги умеют читать в сознании других, они обладают сверхчувствительностью, позволяющей им видеть то, что происходит внутри человека. А джувиане были тоже халфлингами.

В это мгновение Карсу хотелось броситься вон из зала. Но он заставлял себя играть роль великого бога, угрожающего и самоуверенного, улыбающегося ужасу.

Глубоко в мозгу, в том уголке, который не принадлежал ему самому, он чувствовал странное и полное спокойствие. Ощущение было таким, будто Проклятый исчез совсем. Карс заставил себя говорить, возвысив голос так, что стены ответили ему громким эхом:

— Должно быть, память людей действительно коротка, если даже любимые ученики не помнят своего учителя.— Он устремил взгляд на Хишаха.— Ты тоже сомневаешься во мне, сын Змеи? Должен ли я проучить тебя, как проучил Ссана?

Он поднял огромную шпагу. Взгляд Гораха устремился на Иваин.

— Господин Рианон убил Ссана на борту галеры.

Горах опустился на колени.

— Господин,— сказал он дрожащим голосом.— Какова будет твоя воля?

Карс, не обращая на него внимания, продолжал смотреть на джувианина. Закутанная в плащ фигура двинулась вперед скользящим шагом и проговорила мягким ненавистным голосом:

— Господин, я спрашиваю, какова будет твоя воля?

Черное одеяние колыхнулось, должно быть, джувианин тоже опустился на колени.

— Флот морских королей скоро пойдет в атаку. Я хочу, чтобы мне было доставлено мое древнее оружие, и тогда я смогу сокрушить врагов Сарка и Кара-Джу.

В глазах Гораха засветилась надежда. Было очевидно, что его раздирают на части сомнения и страхи. Но сейчас, подумал Карс, самый свирепый из них — страх перед морскими королями. Он посмотрел на Хишаха, и сгорбленное существо проговорило:

— Господин, твое оружие было перенесено в Кара-Джу.

Сердце землянина заныло. Потом он вспомнил о Ролде, о том, что с ним должны были сделать, чтобы вырвать тайну гробницы. Гнев и слепая ярость овладели им.

— Вы осмелились играть с тем, что принадлежит Рианону.— Он шагнул к джувианину.— Уж не надеется ли ученик превзойти своего учителя?

— Нет,— закутанная голова склонилась.— Мы сохранили оружие для тебя.

— Хорошо.— Карс немного расслабился.— Вели немедленно вернуть его мне!

— Да, господин,— Хишах поднялся на ноги.— Я немедленно отправлюсь в Кара-Джу исполнить твою волю.

Джувианин скользнул к двери и исчез, дав Карсу возможность испытать огромное облегчение.

17. КАРА-ДЖУ

Последующие несколько часов потребовали от Карса невероятного напряжения воли и разума. Он приказал, чтобы ему отвели покои внизу, где он мог бы спокойно обдумать свои планы. Там он долго расхаживал взад-вперед, совсем не похожий на бога.

Казалось, все шло успешно. Джувианин признал его. Возможно, думал он, что они лишены этой сверхчувствительности.

Теперь ничего не оставалось, кроме как ждать возвращения джувианина с оружием, а когда тот прибудет, погрузить его на корабль и увезти. Он сможет сделать это, ибо никто не осмелится расспрашивать Рианона о его планах, и время у него будет. Флот морских королей стоит неподалеку, ожидая подхода главных сил. Раньше рассвета они не нападут, а если Карсу удастся выполнить задуманное, битвы вообще не будет. Но какой-то жалкий, не внемлющий голосу разума нерв все время предупреждал Карса об опасности, заставляя испытывать уколы страха.

Под предлогом отдачи распоряжений насчет галеры он послал за Богхазом. Настоящей же причиной было то, что он не мог выносить одиночества. Услышав новости, валкисянин пришел в восторг.

— Тебе удалось! — восторженно хихикнул он.— Я всегда говорил, Карс, что настоящая наглость никогда не подведет! Даже я, Богхаз, не смог бы справиться с этим делом лучше.

— Надеюсь, что ты прав,— с сомнением ответил Карс.

Богхаз искоса посмотрел на него.

— Карс...

— Да?

— А что сам Проклятый?

— Ничего абсолютно, никакого знака. Это и беспокоит меня. У меня такое чувство, что он ждет.

— Когда ты получишь в руки оружие,— сказал Богхаз,— я буду стоять рядом с палкой наготове.

Мягко шагающий камердинер принес известие о том, что вернулся из Кара-Джу Хишах и ждет встречи с ним.

— Хорошо,— сказал Карс.— Этот человек пойдет со мной. Он понесет оружие.

Пухлые щеки валкисянина сменили несколько оттенков, но он безропотно последовал за Карсом.

В тронном зале находились Иваин, Горах и закутанное в черное одеяние существо из Кара-Джу. При появлении Карса все поклонились.

— Ну что? — повелительно обратился Карс к джувианину.— Ты исполнил приказание?

— Господин,— мягко проговорил тот,— я посоветовался со старшими, которые просили передать тебе: если бы они знали, что господин Рианон вернулся, они не посмели бы трогать то, что принадлежит ему. Теперь они боятся касаться этих вещей из страха, что их невежество может стать причиной порчи или разрушения. Поэтому они просят тебя самого решить это дело.

Они не забыли о своей любви к Рианону, чья наука подняла их из праха. Они желают приветствовать тебя в твоем старом королевстве, в Кара-Джу, ибо твои дети так долго пробыли во тьме и снова хотят увидеть свет мудрости Рианона и его силу.— Хишах низко поклонился.— Согласишься ли ты на это, господин?

Карс молчал, в отчаянии борясь со страхом. Он не мог ехать в Кара-Джу, он не смел этого делать. Как долго он мог обманывать детей Змеи, если только ему вообще удалось это сделать? Мягкие слова Хишаха таили в себе ловушку. Он попался в нее и понимал это. Он не осмеливался ехать и еще в большей степени не осмеливался отказаться. Наконец он сказал:

— Я рад выполнить их просьбу.

В знак благодарности Хишах склонил голову.

— Все приготовления сделаны. Король и его дочь будут сопровождать тебя и смогут окружить там заботой. Надо поторопиться, судно ждет.

— Хорошо.— Карс повернулся и бросил на Богхаза твердый взгляд.— Ты тоже будешь сопровождать меня, человек из Валкиса. Ты можешь понадобиться в деле, касающемся оружия.

Богхаз понял, что имеет в виду Карс. Он побелел как смерть, но ничего не сказал. С видом осужденного на смерть он побрел вслед за Карсом.

Ночь уже окутала Марс тяжелой густой пеленой,

когда они спустились к причалу, где их ждало судно без парусов и весел. Существа, закутанные в капюшоны наподобие Хишаха, опустили в воду длинные багры, и судно устремилось к устью реки, впадающей в море.

Горах сжался в комок на груде диванных подушек — совсем не царственная фигура с трясущимися руками. Он явно не был рад такому визиту.

Иваин стояла в дальнем конце судна, глядя на темный силуэт берега. Карс подумал, что она выглядит более удрученной, чем тогда, когда она была пленницей, закованной в цепи. Он сидел поодаль, внешне гордый и надменный, внутренне же опустошенный и потерянный.

А Проклятый, настоящий Рианон, был на диво спокоен, слишком спокоен. В своем уголке сознания Карса он не давал о себе никаких знаков, как будто таинственный потомок Куири, подобно остальным, находящимся на судне, затаился и ждал.

Они долго плыли по реке. Вода что-то бормотала мистическим шепотом. Черные фигуры с баграми то сгибались, то выпрямлялись. С болотистого берега то и дело доносился крик птицы. Ночной воздух был тяжелым и плотным.

Потом, в свете низких лун, Карс увидел впереди каменные стены и валы города, возникшего из тумана. Древнего-древнего города. Окраины его лежали в руинах, лишь центральная часть была еще целой.

Воздух вокруг светился, пронизанный мелкими искрами. Карс подумал, что это игра воображения, причиной которой был лунный свет и бледная дымка тумана.

Судно направилось к полуразрушенной гавани. Хишах вышел на берег, ожидая с поклоном, пока выйдет Рианон. Карс прошел вдоль набережной, за ним последовали Горах, Иваин и дрожащий от страха Богхаз. Последним двигался своим скользящим шагом Хишах.

Дорожка из черного камня привела их к крепости. Карс шагал твердым уверенным шагом, теперь он был

убежден, что видит слабую пульсирующую паутину света вокруг Кара-Джу. Она окутала весь город, мерцая, как звезды, сквозь туман.

Это ему не понравилось, и по мере того, как они дальше и дальше шли по этой дорожке, она нравилась ему все меньше и меньше. Никто не заговорил и не пытался его обогнать. Все как будто ожидали, что он будет шагать впереди, и он не осмеливался выдать свое невежество. Карс шагал и шагал, стараясь выглядеть сильным и уверенным.

Он был уже достаточно близок к сияющей паутине, когда почувствовал исходящее от нее ощущение силы.

Еще шаг, и он оказался бы совсем рядом с ней, но тут Хишах прошептал ему в самое ухо:

— Господин, неужели ты забыл о завесе, прикосновение к которой смертельно?

Карс остановился. Волна страха пробежала по его телу, и он осознал, что сыграл свою роль плохо.

— Конечно, я не забыл,— сказал он.

— Конечно, господин, как ты мог забыть, если именно ты подарил нам тайну этой завесы.

Теперь Карс понял, что это какой-то защитный энергоэкран такой силы, что он обеспечивал полную непроницаемость. Это казалось невероятным, но наука Куири была всеобъемлющей, и Рианон часть ее подарил своим друзьям.

— Да, как ты мог забыть? — повторил Хишах.

В его словах не было ни тени насмешки, но Карс все же почувствовал ее присутствие.

Джувианин выступил вперед и поднял руки, подавая знак каким-то наблюдателям, находившимся за воротами. В месте прохода свечение исчезло, открывая его. Прежде чем пройти, Карс оглянулся и увидел, что Иваин смотрит на него с изумлением, и в ее взгляде ясно читалось сомнение. Отворились огромные ворота, и господин Рианон из рода Куири ступил в Кара-Джу.

Древние залы были освещены шарами, в которых мерцало нечто вроде огня. Укрепленные в отдалении

друг от друга, они распространяли холодное зеленоватое свечение. Теплый воздух отдавал змеиным запахом, от которого горло Карса сжало тошнотой.

Теперь Хишах шел впереди — это был плохой знак, ибо Рианон должен был знать этот путь, но Хишах сказал, что почтет за счастье объявить о прибытии господина, и Карсу не оставалось ничего другого, как следовать за ним, скрывая растущий ужас.

Они вошли в огромный зал с высокими стенами из черного камня и куполообразным потолком. Зал был тускло освещен, по углам его лежали длинные тени. Для человеческого глаза света было слишком мало, но в этом месте даже такое его количество казалось излишним. Ибо здесь собрались дети Змеи, чтобы приветствовать своего господина. Здесь, у себя дома, они не носили тех покровов, без которых не появлялись среди людей.

Пловцы принадлежали морю, люди неба — воздуху, они были великолепны и прекрасны, как та среда, частью которой они были. Теперь же Карс увидел воочию представителей третьей расы Марса, халфлингов — детей укромных мест, чье пугающее обличие великолепно подходило к породившей их мрачной среде.

Шок первого впечатления был настолько силен, что до сознания Карса едва дошел голос Хишаха и мягкое шипящее приветствие, нереальное, как во сне.

Его приветствовали из всех укромных уголков огромного зала, с открытой галереи наверху. Их узкие змеиные головы покорно кивали, извивающиеся тела двигались с удивительной легкостью. Они скорее струились, чем шагали. Руки с бескостными пальцами, бесшумные ноги, безгубые рты, казавшиеся открытыми в беззвучном смехе. Отовсюду несся легкий шелест, всюду сверкала кожа, потерявшая прежнюю чешуйчатость, но сохранившая прежнюю змеиную твердость.

Карс поднял в знак приветствия шпагу и заставил себя говорить:

— Рианон рад приветствовать своих детей.

По огромному залу пронеслось легкое, как вздох, шипение. Хишах сказал:

— Господин, вот твое древнее оружие.

Оно стояло в центре зала. Здесь были все те же странные приборы, которые он видел в гробнице: огромные плоские кристаллические колеса, нагромождение металлических колец, все блестело в тусклом свете.

— Хорошо,— сказал он.— Времени мало. Грузите все это на судно, чтобы я мог немедленно вернуться в Сарк.

— Хорошо,— ответил Хишах.— Но не пожелаешь ли ты сначала проверить его, дабы удостовериться, что все в порядке. Наши невежественные руки...

Карс подошел к приборам, быстро осмотрел их и кивнул.

— Все в порядке, а теперь...

Хишах невежливо, но очень вежливым тоном перебил:

— Не объяснишь ли ты нам, прежде чем уйти, устройство этих приборов? Дети твои изголодались по знаниям.

— На это сейчас нет времени,— сердито ответил Карс.— И потом, вы — дети, как сами это признаете, вы можете не понять.

— А возможно ли, господин,— все тем же мягким, вкрадчивым голосом продолжал Хишах,— что вы сами этого не понимаете?

Мгновение стояла полная тишина. Холодная растерянность сжала горло Карса. Он увидел, что джувиане сомкнулись вокруг него, отрезав всякую надежду на побег. В круге рядом с ним стояли Богхаз, Горах и Иваин. На лице Гораха застыло выражение полного непонимания. Валкисянин вздрагивал от ужаса, он-то понимал все. Одна Иваин казалась не изумленной и не испуганной.

Она смотрела на Карса глазами женщины, которая боится, но по-другому. Боится за него, не хочет, чтобы он умирал. В последней попытке спастись Карс яростно крикнул:

— Что значит эта наглость? Вы хотите, чтобы я использовал свое оружие против вас?!

— Используй, если сможешь,— мягко проговорил Хишах.— Используй же, о фальшивый Рианон! В противном случае тебе никогда не придется покинуть пределы Кара-Джу.

18. ГНЕВ РИАНОНА

Карс остался стоять среди приборов, назначение которых было ему неизвестно. С ужасающей ясностью он понял, что окончательно проиграл. Со всех сторон слышался шипящий смех — бесконечный и глумливый.

Горах протянул к Хишаху дрожащую руку.

— Что же,— пробормотал он, заикаясь.— Это не Рианон?

— Даже твой человеческий разум смог понять это,— с презрением ответил Хишах. Он отбросил капюшон и двинулся к Карсу, его змеиные глаза были полны насмешки.— Одним прикосновением к твоему сознанию я смог узнать правду, но мне не надо и этого, Рианон из рода Куири, пришедший приветствовать своих детей из Кара-Джу.

Из горла Хишаха вырвалось насмешливое дьявольское шипение.

— Посмотрите на него, братья! Слава Рианону, ничего не знающему о завесе, не знающему о том, почему она охраняет Кара-Джу!

Джувиане поддержали его. Карс был спокоен, он даже забыл о страхе.

— Ты глупец,— продолжал Хишах.— В конце концов Рианон возненавидел нас. Он узнал, что одурачен, что его ученики, которым он преподал начала знаний, выросли и стали слишком умными. С завесой, что он дал нам, мы стали недосягаемыми даже для его оружия, так что, когда он пошел против нас, было уже поздно!

Очень медленно Карс спросил:

— Почему он пошел против вас?

— Он понял, какую пользу мы извлекаем из полученных от него знаний.

— Какую же? — спросила, выступая вперед Иваин.

— Думаю, что ты знаешь сама,— ответил джувианин.— Поэтому-то вы с Горахом и оказались здесь. Не только для того, чтобы посмотреть, как будут наказывать самозванца, но и для того, чтобы понять раз и навсегда свою участь, узнать свое место в этом мире. С тех пор, как Рианон был скрыт в гробнице, мы завоевали власть по всему побережью Белого моря. Нас слишком мало для того, чтобы объявить открытую войну, и поэтому мы действуем через людей, используем их инстинкт. Теперь у нас есть оружие Рианона, вскоре мы научимся владеть им, и тогда люди-инструменты нам будут не нужны! Дети Змеи станут повелителями в каждом дворце, а от остальных мы будем требовать полного повиновения и послушания. Что ты думаешь об этом, гордая Иваин, всегда ненавидевшая и презиравшая нас?

— Я думаю,— спокойно ответила Иваин,— что скорее паду от лезвия собственной шпаги, чем буду подчиняться вам!

— Тогда пади,— пожал плечами Хишах.— А ты? — он повернулся к Гораху.

Но Горах в глубоком обмороке рухнул на каменный пол. Хишах снова обратился к Карсу:

— А сейчас ты увидишь, как мы приветствуем своего повелителя.

Богхаз застонал и закрыл лицо руками. Карс крепко сжал эфес бесполезной теперь шпаги и спросил странным тихим голосом:

— И никто так никогда и не узнал, что Рианон обратился в конце концов против джувиан?

— Куири знали, но все равно приговорили его, потому что он слишком поздно прозрел. А кроме Куири знали только мы. Но зачем нам было оповещать об этом мир,

если нас веселила та ненависть, с которой проклинали Рианона, как нашего друга?

Карс закрыл глаза, весь мир качнулся под его ногами, в ушах шумело, в груди бушевал огонь. Рианон говорил правду в пещере мудрых. Он говорил правду, когда поведал о своей ненависти к джувианам.

Зал наполнился звуками, напоминавшими шелест сухой травы, когда джувиане, не размыкая рядов, двинулись к Карсу.

Почти нечеловеческим усилием Карс открыл каналы своего сознания, в отчаянии пытаясь проникнуть в тайный угол, и громко крикнул:

— Рианон!

Приступ шипящего смеха заставил джувиан остановиться. Они просто задыхались от смеха. Хишах крикнул:

— Айя! Зови Рианона. Может быть, он придет из могилы, чтобы помочь тебе!

Полными насмешки бездонными глазами он смотрел на Карса.

Но Иваин поняла все. Она быстро подошла к Карсу и вынула из ножен кинжал, приготовившись защищать его до последней капли крови. Хишах опять рассмеялся.

— Прекрасная пара! Принцесса без царства и фальшивый бог!

Карс снова повторил, но на этот раз шепотом:

— Рианон!

И Рианон ответил. Из глубины сознания Карса, где он скрывался, он мгновенно овладел каждой клеткой его мозга. Сознание Мэтью Карса отступило, как и тогда, в пещере Мудрых, наблюдая за всем как бы со стороны. Он слышал голос настоящего Рианона, срывавшийся с его губ, звенящий от нечеловеческого гнева:

— Встречайте же своего господина, ползучие дети Змеи! Встречайте и умрите!

Издевательский смех сменился молчанием, Хишах откинулся назад, и страх зажегся в его глазах. Голос Рианона все возвышался, стены отвечали ему эхом. Сила и ярость Рианона отразились на лице землянина. Тело

его теперь, как утес, возвышалось над джувианами, а шпага в руке казалась лучом света.

— Ну, как насчет чтения сознания, Хишах? Проникай глубже! Проникай туда, куда не смог проникнуть раньше!

Хишах в ужасе бросился назад, кольцо джувиан распалось. Они кинулись к своему оружию, раскрыв безгубые рты.

Рианон расхохотался, и смех его был ужасен. Смех того, кто долгие годы ждал мщения и наконец дождался его.

— Бегите и прячьтесь! Вы провели Рианона через завесу, забывшись в своей великой мудрости. Смерть вошла в Кара-Джу!

Джувиане побежали, хватая оружие, которое не могло пригодиться им. Зеленый свет замерцал на призмах и трубках их оружия, но руки Карса, повинуясь командам Рианона, метнулись к своему древнему прибору — ободу большого плоского колеса. Он тронул колесо, и оно начало вращаться.

Должно быть, в металлическом шаре был заключен источник силы и регулятор, контрольный щиток, которого коснулись пальцы Карса. Карс так и не узнал в точности, что это было. Он увидел лишь странный нимб, возникший в тусклом воздухе. Этот нимб, как оболочкой, обнял его, Иваин, Богхаза и Гораха, пытавшегося подняться на ноги. Древнее оружие тоже оказалось в кольце этой силы. Кристаллические стержни начали испускать слабый мелодичный звук, и темное кольцо стало расширяться наподобие волны.

Оружие джувиан было бессильно против него. Блики света, холодное пламя и свечение устремлялись к нему и, вспыхнув, исчезали. Мощный разрядник, окруживший Рианона, поглотил их. Темное кольцо все ширилось, и, когда коснулось тела джувианина, тот сморщился и куском кожи упал на камни. Кольцо настигало все большее количество джувиан.

Больше Рианон не говорил. Поющее колесо вертелось все быстрее, и сознание Карса отворачивалось от того, что читал он в сознании Рианона. Он мог только смутно

ощущать природу оружия Проклятого. Оно испускало сгусток ультрафиолетовых лучей, которые могли уничтожить все живое, не преграждая путь озону в атмосфере планеты.

Карс ненавидел джувиан, но никогда он не встречался с такой ненавистью, какая владела сейчас Рианоном.

Горах заскулил и пополз прочь от горящих глаз человека, башней возвышавшегося над ним. Полуползком, со странным звуком, похожим на смех, он вырвался из круга. Как только он оказался вне темного кольца, смерть настигла его.

Молчаливая сила распространялась все дальше. Она проходила через металл и плоть, убивала, охотясь за каждым сыном Змеи, прятавшимся в коридорах замка. От нее не было никакой защиты.

Наконец она разрушила все и достигла завесы. Карс почувствовал слабый толчок, когда Рианон остановил колесо. Наступила тишина. Трое оставшихся в живых стояли неподвижно, почти не дыша. Наконец раздался голос Рианона:

— Змея мертва. Пусть город и мое оружие, служившее этому дьявольскому миру, уйдут вместе с джувианами.

Он взял другой аппарат, нажал на тайную пружину, и из трубки вырвались искры такие яркие, что на них невозможно было смотреть. Они упали на камень и начали разгораться, поедая его. Они коснулись металлического колеса, и оружие, уничтожившее Змею, тоже разрушилось. Это была цепная реакция, какой не наблюдал даже ученый — современник Карса.

Рианон сказал:

— Идем.

Они пошли по пустынным коридорам, а за их спинами огонь пожирал каменные стены, и огромный зал был уже полностью разрушен. Они вышли из крепости и пошли к набережной, где стояло черное судно. Там они остановились и смотрели на разрушенный город.

Пожар испускал ослепляющее свечение. Пламя жадно пожирало руины, загорелась трава.

Рианон снова поднял трубку. Маленький шар тусклого света столкнулся с ближайшим языком пламени, оно заколебалось, стало гаснуть и вскоре исчезло.

Они взошли на судно и поплыли. Стало темно. От Кара-Джу не осталось ничего, кроме столба дыма.

— Свершилось! — раздался громкий голос Рианона.— Я искупил свои грехи!

Землянин ощутил страшную усталость того, кто владел его мозгом и телом. А потом он снова стал Мэтью Карсом.

19. СУД КУИРИ

Весь мир казался притихшим и изумленным, когда на рассвете их судно прибыло в гавань Сарка. Никто из них не заговорил, не оглянулся на столб белого дыма, что продолжал тянуться к небу.

Карс чувствовал полное опустошение. Он позволил гневу Рианона завладеть собой и до сих пор не мог прийти в себя. Он чувствовал, что на лице его остались следы от пережитого,— по тому, как двое других избегали смотреть на него, и по их молчанию.

Огромная толпа собравшихся на пристани жителей Сарка тоже молчала. Казалось, что люди давно уже стоят там, глядя на Кара-Джу, но даже теперь, когда следы его разрушения бесследно исчезли, лица были бледными и испуганными.

Карс посмотрел туда, где стояли парусники кхондов, и понял, что ждать их заставил благоговейный ужас.

Черное судно подошло к дворцовой лестнице, толпа подалась вперед, когда Иваин ступила на берег. Люди приветствовали ее тихими голосами. Иваин сказала:

— Кара-Джу и Змея больше не существуют! Господин Рианон уничтожил их!

Она инстинктивно обернулась к Карсу, и глаза всех собравшихся тоже обратились к нему. Вначале тихо, потом все громче зазвучали слова:

— Рианон! Рианон-избавитель!

Карс не был больше Проклятым, по крайней мере, для сарков, и в первый раз осознал, как велика их ненависть к навязанным им союзникам.

Вместе с Богхазом и Иваин он направился к дворцу. Теперь он понимал, что такое быть богом. У двери в зал Иваин остановилась, как будто только сейчас вспомнив, что теперь она являлась правительницей во дворце Гораха. Обернувшись к Карсу, она сказала:

— Если морские короли нападут...

— Они не нападут, во всяком случае, пока не узнают, что здесь произошло. А теперь мы должны найти Ролда, если он жив.

— Он жив,— сказала Иваин.— После того, как джувиане извлекли из него все, что он знал, мой отец оставил его у себя заложником, чтобы обменять на меня.

Они нашли правителя Кхондора в подземельях дворца закованным в цепи. Он был до предела измучен, и все же у него хватило сил поднять голову и с презрением посмотреть на Карса и Иваин.

— Дьявол,— прошептал он.— Предатель! Что, пришел убить меня?

Карс рассказал ему историю Кара-Джу и Рианона, следя за тем, как выражение лица Ролда сменилось от дикого отчаяния до дикой радости.

— Твой флот, ведомый Железнобородым, стоит под Сарком,— закончил Карс.— Ты согласен передать морским королям услышанное и привести их на переговоры?

— Айя,— согласился Ролд.— Видят боги, я согласен.— Глядя на Карса, он покачал головой.— Все, что случилось за последние дни, похоже на страшный сон. Подумать только, что в пещере Мудрых я готов был убить тебя своими руками!

К девяти часам в тронном зале собрался совет. На него прибыли морские короли, Ролд и Эмер, отказавшаяся остаться в Кхондоре. Все сидели за длинным столом. Иваин занимала место на троне. Карс стоял

поодаль. Его суровое измученное лицо все еще хранило следы пережитого. Он вновь рассказал собравшимся то же самое.

Последовала тишина, потом Иваин поднялась с трона, лицо ее было гордым и мрачным.

— Условие принято,— сказала она.— Я не имею желания править выдрессированным народом и выпотрошенной империей. Я ненавидела Змею не меньше вашего, но для меня слишком поздно быть королевой рыбацкой деревни. Люди могут выбрать другого правителя.

Она сошла с помоста, подошла к окну в дальнем конце зала и отвернулась, глядя на гавань. Карс обратился к морским королям:

— Решено?

— Решено,— ответили все.

Эмер, не сводившая с Карса горящих глаз с самого начала совета, подошла к нему и положила на его руку свою.

— А каково же во всем этом твое место?

— У меня еще не было времени подумать над этим,— неуверенно ответил Карс.

Теперь это время настало, и он растерялся. Пока он будет носить с собой тень Рианона, этот мир не примет его как человека. Как бы ни прославляли Рианона, благоговейный страх перед Проклятым окружал это имя ненавистью. Рианон искупил свой грех, но все равно, сколько бы Карс ни жил, его будут вспоминать как Проклятого.

И как бы в ответ на его мысли в глубине сознания шевельнулась тень. «Возвращайся в гробницу, и я оставлю тебя. Я уйду к своим братьям, и ты будешь свободен. Я могу провести тебя по тропе времени назад, если ты пожелаешь, или можешь остаться здесь».

Но Карс по-прежнему не знал, как ему быть. Ему нравился этот зеленый смеющийся Марс. Но когда он смотрел на морских королей, ожидавших ответа, и на видневшееся в окне Белое море, он подумал, что к этому миру не принадлежит по-настоящему. Наконец

он заговорил, и едва вымолвил слово, Иваин повернулась и устремила на него свой взгляд.

— Эмер знает, и халфлинги тоже, что я не из вашего мира. Я пришел через пространство и время по пути, скрытому в гробнице Рианона.

Он помолчал, давая им возможность осмыслить сказанное. И они действительно удивились, хотя и не слишком. После того, что произошло, они могли поверить чему угодно.

— Человек рождается в своем мире,— продолжал Карс.— Он принадлежит своему миру, и я возвращаюсь в свой мир.

Он почувствовал за вежливым протестом морских королей их явное облегчение.

— Да снизойдет на тебя благословение богов, чужеземец,— прошептала Эмер и мягко поцеловала его в губы. Затем она вышла, и вслед за ней вышли морские короли. Богхаз тоже тихонько выскользнул из зала. Карс остался с Иваин в пустой комнате. Он подошел к ней и посмотрел в глаза, даже теперь не потерявшие гордого огня.

— А куда пойдешь ты?

— Если позволишь,— спокойно ответила она,— я пойду с тобой.

Карс положил руки на спрятанные под кольчугой плечи Иваин.

— Ты не понимаешь, я пришел из очень отдаленного времени... за миллионы лет от нынешнего. Посмотри туда. Как ты думаешь, каково будет море через миллионы лет? Оно превратится в пустыню шевелящихся песков. Растительность исчезнет, реки высохнут, белые города разрушатся.

— Старость и смерть ко всем приходят в конце концов,— вздохнула Иваин.— Ко мне смерть тоже придет очень скоро, если я останусь здесь. На мне лежит клеймо, и мое имя так же ненавистно, как и имя Рианона.

Он знал, что Иваин не боится смерти, а просто использует этот довод, чтобы убедить его.

— Сможешь ли ты быть счастлива, если воспоминания о твоем мире будут преследовать тебя на каждом шагу?

— Я никогда не была счастлива,— ответила девушка.— Так что терять мне нечего.— Она посмотрела ему прямо в глаза.— Я согласна рискнуть. А ты?

Он крепко сжал ее плечи.

— Да,— хрипло сказал Карс.— Я тоже согласен.

Он взял Иваин за руку и поцеловал. Когда он выпустил руку, девушка прошептала с застенчивостью, так не похожей на прежнюю Иваин:

— Господин Рианон был прав, когда говорил со мной о варваре,— она помолчала и добавила: — Я думаю, что пока мы будем с тобой вместе, нам будет хорошо в любом мире.

Через несколько дней черная галера вошла в гавань Дженкора. Окончилось ее последнее путешествие под командованием Иваин.

Их ожидал странный прием: весь город собрался посмотреть на чужеземца, который еще был Проклятым, и на правительницу Сарка, которая больше не была правительницей. Толпа держалась на почтительном расстоянии и прославляла разрушение Кара-Джу. Однако Иваин она не славила. Лишь один человек вышел из толпы им навстречу. Это был Богхаз, великолепный Богхаз в бархатном одеянии, украшенном драгоценными камнями, и с золотым обручем на голове. Он исчез из Сарка в день совета и отправился по каким-то личным делам. Видимо, он преуспел в них. Богхаз поклонился Карсу и Иваин с высокопарной чопорностью.

— Я был в Валкисе,— сказал он.— Этот город снова стал свободным. За неслыханный героизм, проявленный мной при разрушении Кара-Джу, я был избран королем.— Он просиял и добавил с доверчивой улыбкой.— Я всегда мечтал о королевской сокровищнице.

— Ну,— напомнил ему Карс,— сокровища теперь твои.

— Видят боги, да,— вздохнул Богхаз.— Думаю, мне придется быть очень суровым с ворами в Валкисе.

— К счастью,— сказал Карс,— ты довольно хорошо знаком со всякими воровскими фокусами.

— Верно,— поучительным тоном ответил Богхаз.— Я всегда говорил, что знание — очень ценная вещь. Вот увидите, как может повлиять на народ мое пристальное и глубокое изучение бесчисленных наук.

Он сопровождал их по Дженкору, пока они не вышли на открытую местность. Тогда он стал прощаться с ними. Сняв с пальца кольцо, он вложил его в руку Карса, слезы струились по его толстым щекам.

— Носи, старый друг, и помни Богхаза, который так мудро направлял твои шаги в чужом мире.

Богхаз повернулся и побрел назад. Карс смотрел ему вслед, пока его плотная фигура не исчезла в путанице улочек Дженкора.

Оставшись одни, Карс и Иваин поднялись на холмы и разыскали вход в гробницу. Остановившись на каменном уступе, они долго смотрели на лесистые холмы, сверкающее море, на башни города, белеющие в лучах солнца.

— Ты все еще уверена в себе? — спросил Карс у Иваин.

— Для меня здесь больше нет места,— печально ответила она.— Я должна избавиться от этого мира, так же как и он должен избавиться от меня.

Она повернулась и без колебаний вошла под своды пещеры. Гордая Иваин, которую даже боги не могли привести к смирению. Карс шел следом, высоко подняв фонарь.

Они прошли коридор и двери, на которых было написано проклятие Рианону. Вошли во внутреннее помещение, где их встретила чернота — безграничная чернота отверстия в пространственно-временную бесконечность Вселенной.

В это мгновение страх охватил Иваин, и она схватила Карса за руку. Крошечные искорки плясали и кружились перед ними. И когда Карс, крепко сжав руку Иваин, шагнул вперед, заговорил Рианон.

На этот раз это не было ощущение беспомощности в пустоте. Мудрость Рианона вела и ободряла их. Фонарь погас, и Карс бросил его. Сердце его колотилось, он был слеп и глух в беззвучном водовороте силы. Снова заговорил Рианон:

— Смотри теперь моим сознанием на то, что не видел ни один человек!

Пульсирующая чернота как-то странно прояснилась, и ясность ее ничего общего не имела с обычным светом. Карс увидел Рианона. Тело его лежало в гробу из темного кристалла и казалось навечно заключенным в его оболочку, как драгоценность в темную оправу.

Сквозь дымчатое вещество саркофага Карс видел очертания тела, нечеловечески сильного и прекрасного. В нем угадывалось столько мощи и жизни, что было кощунственным держать его здесь, в такой темноте. Прекрасное лицо Рианона, темное и властное, казалось мятежным и сейчас, несмотря на закрытые глаза. Но смерти во всем этом не ощущалось. Тело лежало вне времени, и Рианон был обречен лежать здесь бесконечно, вспоминая свой грех.

Когда Рианон открыл глаза, Карс понял, что в его сознании нет больше присутствия Рианона, но оно все еще было связано с сознанием Рианона. Проклятый освободил его.

И эта связь между двумя разумами позволила Карсу услышать страстный зов Рианона — внутренний крик, пролетевший по тропе пространства-времени.

— Братья мои, Куири! Услышьте меня! Я искупил свое давнее преступление!

И снова Карс почувствовал всю страшную силу боли Рианона. Наступил период молчания, полный пустоты, а потом Карс ощутил присутствие других разумов, серьезных, мощных, суровых. Он никогда не узнает, из какого мира они пришли. Давным-давно Куири ушли по этой дороге, проложенной через Вселенную, ушли в космические просторы, недоступные его сознанию. Те-

перь они вернулись на зов Рианона. Карс увидел неясные фигуры богов, возникшие во мраке.

— Позвольте мне уйти с вами, братья. Я уничтожил Змею, и грех мой искуплен.

Казалось, что Куири внимательно изучают Рианона в поисках правды. Потом один из них выступил вперед и положил руку на гробницу. Свечение внутри исчезло.

— Мы решили, что Рианон может быть освобожден.

У Карса закружилась голова, сцена начала тускнеть в его разуме. Но все-таки он увидел, что Рианон встает и подходит к своим братьям, и по мере того, как он приближается к ним, тело его становится все более затемненным. Он оглянулся на Карса, глаза его были открыты и светились счастьем.

— Держи мою шпагу, землянин, и носи ее с гордостью, ибо без нее я никогда не уничтожил бы Кара-Джу.

Карс полубессознательно повиновался приказу. И, пробираясь с Иваин сквозь темный водоворот, с кошмарной скоростью падая во мрак, он услышал это последнее звенящее пожелание Рианона.

20. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Наконец они снова ощутили под ногами твердый камень. Шатаясь, они отошли от водоворота, лица их были бледны. Потрясенные, они не сказали друг другу ни слова и хотели только одного — поскорей выбраться из темного склепа.

Карс нашел туннель, но, дойдя до него, вдруг почувствовал страшный испуг: вдруг Рианон ошибся во времени. Но боялся он напрасно. Рианон привел их правильно. Карс снова стоял среди холмов своего Марса. Солнце садилось, и огромная впадина мертвого моря была наполнена кровавым светом. Ветер, холодный и сухой, дул из пустыни, поднимая пыль, а в отдалении виднелся Дженкор, его Дженкор Лоу-канала.

Карс с беспокойством повернулся к Иваин, следя за тем, какое впечатление произвел на нее этот мир. Он увидел, что губы ее свело, как от глубокой боли. Потом она распрямила плечи, улыбнулась и убрала свою шпагу в ножны.

— Пойдем,— сказала она, взяв его за руку.

Они долго шли по голому песку, и призраки прошлого маячили у них перед глазами. Теперь Карс видел ту свежую плоть, в которую были облачены когда-то кости старого Марса. Они видели великолепные краски, высокие деревья, богатую землю и знали, что никогда этого не забудут.

Карс смотрел на мертвое дно моря и знал, что сколько бы ему ни пришлось жить, он всегда будет слышать шум прибоя, бьющего о берег светящегося океана.

На Марс опустилась темнота. Маленькие низкие луны поднялись в безоблачном небе. Рука Иваин была твердой и сильной в его руке, и Карс ощутил огромную радость на сердце. Шаги его ускорились.

Они вступили на улицы Дженкора, извилистые улочки, бегущие по обоим берегам Лоу-канала. Сухой ветер колыхал пламя фонарей, и звуки арф были такими, какими он запомнил их, а маленькие темные женщины, проходя мимо них, позванивали поясами. Иваин улыбнулась:

— Это все же Марс.

Они шли бок о бок по улочкам Дженкора: мужчина, который все еще носил на своем лице печать бога, и женщина, некогда бывшая королевой. Люди расступались, давая им путь, и с удивлением смотрели им вслед. И шпага Рианона в руке Карса была похожа на скипетр.

ДРАГОЦЕННОСТЬ БАСА

Повесть

Перевод с английского
Н. Несмеловой

Leigh Brackett

THE JEWEL OF BAS

New-York
1944

ГЛАВА 1

Маус помешивала жаркое в маленьком железном котелке. Жаркого было маловато. И она, фыркнув, сказала:

— Ты мог бы спереть кусок побольше. Мы проголодаемся до следующего городка.

— Ох-ох! — лениво вздохнул Сиран.

В глазах Маус заклубился гнев:

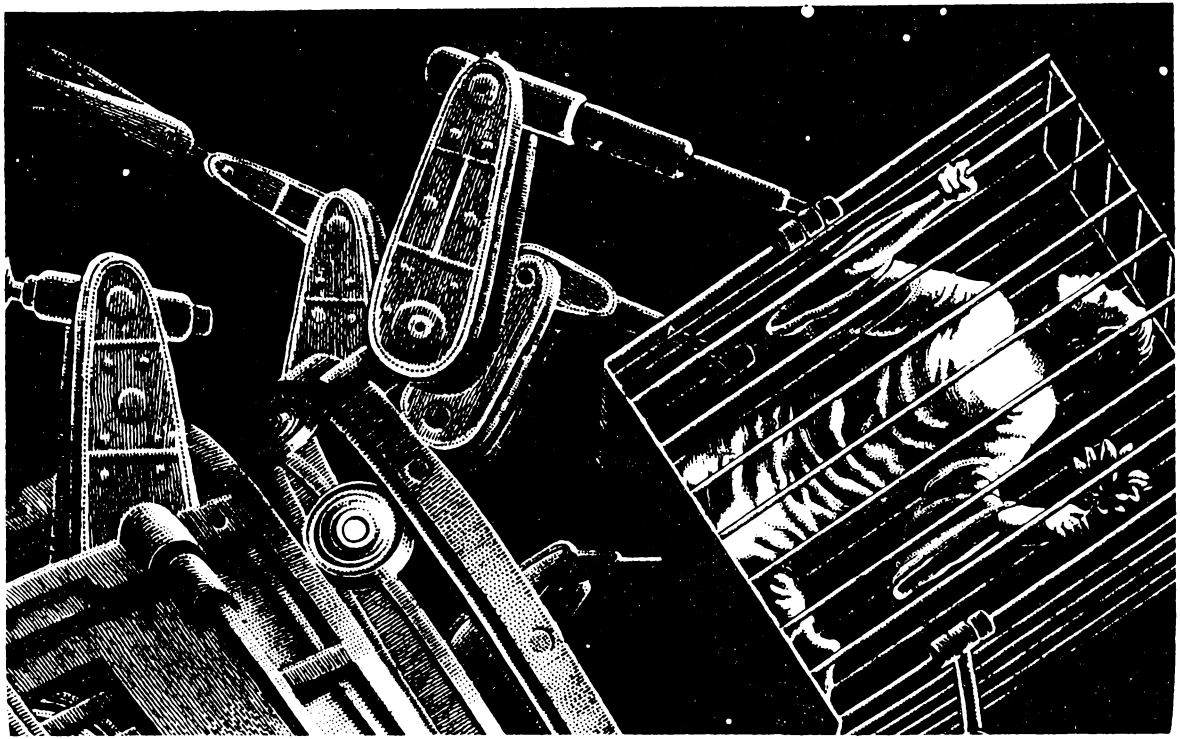
— Тебе, видно, все равно, что мы останемся без еды?

Сиран удобно прислонился к замшелому камню и смотрел на Маус ленивыми серыми глазами. Он любил наблюдать за ней. Она была маленькая, на голову ниже его, и худенькая, как девочка. Черные волосы ее были в беспорядке, словно их причесывал только ветер. Глаза у нее тоже были черные и очень блестящие, а между ними было маленькое красное клеймо воровки. На ней была обтрепанная туника из шелка; голые руки и ноги ее были такими же загорелыми, как и у Сирана.

Сиран ухмыльнулся. У него был рубец на губе и во рту не хватало одного зуба.

— Так оно и есть,— сказал он.— Я не хочу, чтобы ты стала жирной и ленивой.

Маус, чувствительная к намекам насчет своей худобы, сказала что-то едкое и швырнула в него деревянной тарелкой. Сиран отклонил косматую голову, так что тарелка пролетела мимо, и тронул струны арфы, ле-

жавшей на его голых загорелых коленях. Арфа мягко замурлыкала.

Сирану было хорошо. Жар солнечных шаров, всегда медленно плывущих в красноватом небе, доставлял ему сонливое удовольствие. И после шума и толчеи рыночных площадей в пограничных городах полнейшая тишина этого места казалась удивительной.

Он и Маус разбили лагерь на узкой гряде, идущей от Фригийских холмов вниз, в прибрежную равнину Атланты. Этот путь был короче, но ходили по нему только бродяги, вроде них. Слева от Сирана, далеко внизу, тянулось угрюмое горящее море, скрытое красноватым туманом. Направо, тоже далеко внизу, шли Запретные Равнины. Плоские, унылые, идущие дальше закругляющегося вверх края мира, где острые глаза Сирана различали блеск золота громадного пика, уходящего в небо.

Маус неожиданно спросила:

— Это она, Кири? Бен Бита, Гора Жизни?

Сиран извлек из арфы дрожащий звук:

— Она самая.

— Давай поедим,— сказала Маус.

— Боишься?

— Не хочешь ли ты прогнать меня? Может, ты думаешь, что клейменная воровка недостаточно хороша для тебя? Я не виновата, что родилась от таких родителей... И ты тоже имел бы клеймо на своей безобразной роже, если бы тебе не повезло! — И она швырнула в него черпаком.

На этот раз она прицелилась лучше, и Сиран не успел уклониться. Черпак задел его по уху. Он сердито поймал его и бросил обратно. Маус отшатнулась, споткнулась и упала, и вдруг из ее глаз покатились слезы.

— Ну, и, правильно, боюсь! Я никогда еще на выходила из города, и, кроме того...— она взглянула на молчаливую равнину, на далекий блеск Бен Биты.— Кроме того,— она перешла на шепот,— я все время думаю о том, что рассказывают насчет Баса Бессмер-

тного, его андроидов и серых зверей, что служат им. И о Камне Судьбы...

Сиран скорчил презрительную улыбку.

— Легенды. Бабьи сказки. Ими только ребятишек пугают. А вот Камень Судьбы,— в его глазах блеснул слабый свет жадности,— это интересное дело. Это драгоценность такой силы, что владеющий ею человек может править миром.— Он взглянул на голую равнину.— Может, я когда-нибудь проверю, правда ли это?

— Ох, Кири! — Маус схватила его запястья в свои маленькие сильные руки.— Не надо! Это запрещено... и тот, кто уходил в Запретную Равнину, никогда не возвращался.

— Все всегда бывает впервые,— ухмыльнулся Сиран.— Но ведь я не сейчас иду, Мауси. Сейчас я слишком голоден.

Она молча подняла тарелку, положила в нее мясо и поставила перед ним. Сиран отложил арфу и выпрямился — крепкий, жилистый маленький человечек, слегка кривоногий, с добродушным грубоватым лицом. Его желтая туника была еще более истрепана, чем у Маус.

Они сели. Сиран ел с помощью пальцев. Маус выудила кусок мяса и угрюмо отгрызала понемножку. Поднялся ветер, чуть сдвинул солнечные шары и стал ощупывать красный туман над морем. Через некоторое время Маус сказала:

— Ты слышал, о чем говорят на рыночных площадях, Кири?

Он пожал плечами:

— Мало ли что болтают. Я не трачу на это своего времени.

— Во всех пограничных деревнях говорят одно и то же. Люди, живущие или работающие на краю Запретной Равнины, исчезают. Иногда целыми городками.

— Один человек упал в звериную яму,— нетерпеливо сказал Сиран,— а через две недели заговорили, что исчез целый город. Забудь об этом.

— Но это случалось и раньше, Кири. Только очень давно...

— Очень давно на Равнине жили дикие племена. Они нападали и убивали, вот и все! — Сиран вытер руки о траву и недовольно добавил: — Если ты будешь все время болтать о всяких трусливых слухах...

Он вовремя успел выхватить у нее из рук тарелку. Маус свирепо смотрела на него и тяжело дышала. По виду она соответствовала своему имени (Маус — мышь) и была чертовски умна. Сиран засмеялся:

— Иди сюда.

Она сердито подошла. Он посадил ее рядом с собой, поцеловал и взял арфу. Маус прислонилась к его плечу.

Сиран вдруг почувствовал себя счастливым и начал извлекать из арфы музыку. Вокруг него было большое свободное пространство, и он пытался заполнить его музыкой, что нежным потоком выходила из дрожащих струн. Потом он запел. У него был прекрасный голос: чистый, сочный и точный, как новое лезвие, но мягкий. Он пел простую песню о двух любящих. И ему самому нравилась его песня.

Через некоторое время Маус вытянулась, повернула его голову к себе и поцеловала рубец на его губе, чтобы заставить Сирана замолчать. Она больше не злилась. Он наклонил голову. Глаза его были закрыты, но он почувствовал, как напряглось его тело и губы ее оторвались от его рта.

— Кири, Кири, смотри!

Он гневно откинул голову назад и открыл глаза. Гнев его тут же стих.

Свет стал совсем другим. Тот теплый и дружелюбный красноватый солнечный свет, который никогда не затуманивался, не ослабевал.

В небе над Бен Битой появилась тень. Она росла и ширилась: солнечные шары скрылись один за другим, тьма над Запретной Равниной тянулась к людям.

Маус и Сиран скорчились, вцепившись друг в друга, не разговаривая и не дыша. Тревожный ветер, вздыхающий над ними, исчез. После продолжительного про-

межутка времени солнечные шары загорелись снова, а тень ушла.

Сиран глубоко вздохнул. Он был покрыт потом, но когда его и Маус руки встретились, они были холодны, как смерть.

— Что это было, Кири?

—Не знаю.

Он встал, повесил арфу за спину, даже не думая, что делает. Он внезапно почувствовал себя голым на этой гряде, ограбленным и в опасности. Он рывком поднял Маус на ноги. Никто из них не произнес ни слова. Глаза их смотрели потрясенно.

Сиран вдруг остановился, держа в руках котелок с жарким, и уставился на что-то позади Маус. Он бросил котелок, дернул Маус к себе за спину и выхватил нож. Последнее, что он услышал, был дикий вопль Маус.

Но увидеть он успел. Какие-то существа влезали на гряду рядом с ними, крепкие, молчаливые, ухмыляющиеся, окружили их, прикасаясь к ним жезлами с опаловыми головками, похожими на крошечные солнечные шары. Существа были не выше Маус, но толстые и мускулистые, как мужчины. Серый звериный мех рос на них, как волосы на теле волосатого мужчины, переходя в грубую гриву на голове. Проглядывавшая местами кожа была серой, морщинистой и грубой.

Лица их были плоскими, с черным звериным носом-пуговицей. Острые блестящие серые зубы, кроваво-красные глаза без белков и видимых зрачков.

Глаза были хуже всего.

Сиран взвыл и бросился на них с ножом. Один из серых зверей легко уклонился, сделал быстрый шаг и коснулся своим жезлом затылка Сирана.

В голове Сирана взорвалось пламя, затем наступила тьма, прорезаемая лишь криком Маус. Падая в темноту, он подумал:

«Это Калды. Легендарные звери, служащие Басу Бессмертному и его андроидам. Калды, которые охраняют Запретную Равнину от людей!»

Когда Сиран очнулся, оказалось, что он на ногах и идет. По самочувствию похоже было, что идет он давно, но воспоминания его были смутными и расплывчатыми. От ножа его освободили, но арфа была при нем.

Маус шла рядом с ним. Ее черные волосы падали на лицо, глаза смотрели сквозь них угрюмо и недоверчиво.

Серые звери окружали их, держа жезлы наготове.

С еще более неприятным шоком Сиран осознал, что они зашли далеко в Запретную Равнину. Он слегка придвинулся к Маус.

— Хэлло!

Она взглянула на него.

— Черт бы побрал тебя и твой короткий путь! Значит, все, что говорят в пограничных городах,— брехня, да?

— Я же и виноват! Вот уже совсем по-женски...— Он сделал нетерпеливый жест.— Ну, ладно, ладно! Теперь это не имеет значения. Важно, куда мы идем и зачем?

— Откуда мне... погоди-ка, мы останавливаемся.

Калды жезлами велели им стоять на месте. Один из них вроде бы к чему-то прислушивался. Хотя Сиран ничего не слышал. Затем калд сделал жест, и отряд двинулся снова, чуть изменив направление.

Минуты через две перед ними оказался глубокий овраг. Если смотреть на Запретную Равнину с края, она казалась совершенно ровной: однако овраги, весьма широкие, четко, как мечом прорезанные, скрывались за легким подъемом местности.

И снова Сиран почувствовал неприятную тошноту, поняв, что они направляются к Бен Бите.

Старые легенды постепенно пропадают в потоке времени, но всегда есть люди, хранящие такие вещи или распевающие их, как Сиран, например, чтобы заработать на жизнь. Но Бен Бита была табу.

Главная причина была физической. Равнина, все еще называемая Запретной, окружала гору как бы защитной

стеной, и было совершенно бесспорным фактом, что человек, зашедший в нее, никогда не возвращался... Голод, жажда, дикие звери или дьяволы были тому причиной — только люди не возвращались, и это отпугивало желающих.

Кроме того, единственной причиной для желания добраться до Бен Бита была легенда о Камне Судьбы, а люди уже с давних пор утратили веру в нее. Никто не видел Камня, никто не видел ни Баса Бессмертного, который был богом Камня и его хранителем, ни его слуг — андроидов, ни Калдов, которые служили ему и им.

Предполагалось, что очень-очень давно люди видели их. Сначала, согласно легендам, Бас Бессмертный жил далеко — в зеленом мире, где только один солнечный шар, регулярно восходящий и заходящий, где небо то голубое, то черное с серебром, и где горизонт заворачивается выше. Все это было явной глупостью, но она веселила людей и им нравилось говорить и слушать песни именно об этом.

Где-то на этой зеленой планете Бас приобрел пылающий камень, который дал ему власть над жизнью, смертью и судьбой. Существовало множество сумбурных и противоречивых рассказов насчет трений между Басом и обитателями этого смехотворного мира, где небо менялось, как женские капризы. В конце концов Бас, как предполагают, собрал кучу жителей под власть Камня и перенес их через громадное пространство в тот мир, где они теперь живут.

Сиран заметил, что эти сказки особенно любят дети. Их воображение было достаточно гибко, и они не замечали смешной стороны. И Сиран всегда выдавал Дальний Цикл.

Итак, после того, как Бас Бессмертный с помощью Камня Судьбы устроил всех этих людей в новом мире, он создал андроидов Кафра и Стьюда, и привел откуда-то — может, из другого мира — Калдов. Началась война, восстания, набеги и тяжелые сражения за власть между Басом и людьми, но Бас всегда побеждал, бла-

годаря Камню. Тут был бездонный колодец материала для баллад, и Сиран постоянно пользовался им.

Но одна легенда сохранила свою первоначальную форму: легенда о Бен Бите, Горе Жизни — жилище Баса Бессмертного, его андроидов и Калдов. И где-то под Бен Битой находится Камень, обладание которым может дать человеку вечную жизнь и власть над любым богом, в которого верит человек.

Сиран заигрывал с этой легендой, несмотря на свой скептицизм. Похоже, теперь он идет, чтобы увидать все своими глазами.

Он взглянул на Калдов — созданий, которые не должны существовать,— и его скептицизм заколебался, да так сильно, что Сирану стало плохо, как человеку, который проснулся от пинков одевшегося в плоть кошмарного сна.

Если Калды реальны, то должны быть реальными и андроиды, а значит, и Бас, и Камень Судьбы.

Сиран даже вспотел от возбуждения.

Маус неожиданно вздернула голову:

— Кири, слушай!

Откуда-то издалека, справа от них, доносилось ритмичное позвякивание металла и шарканье голых и обутых в мягкие сандалии ног.

Калды стали подгонять людей жезлами. Горячая опалесцирующая головка жезла один раз уже ударила Сирана. Огненная драгоценность могла одним прикосновением привести человека в бессознательное состояние, как ударом кулака.

Власть Камня, возможно. Камня Судьбы,— спящего под Бен Битой.

Шарканье и звяканье стали громче. Совсем неожиданно отряд оказался а таком месте, где овраг встречается с другим почти под прямым углом. Остановились. Уши Калдов нервно двигались.

Маус съежилась возле Сирана и смотрела вниз, в новый овраг. Сиран тоже взглянул.

К ним шло примерно сорок Калдов с жезлами. Между

их охранными рядами было человек сто — мужчин и женщин, связанных вместе цепями, продетыми в петли железных ошейников. Они были прикованы так близко друг к другу, что это мешало им идти, и поэтому любая попытка напасть на стражей повалила бы на землю всю колонну.

Маус ядовито заметила:

— Один человек попал в звериную яму, а через две недели сказали, что исчез целый город. Ха!

Сиран скривил губу:

— Продолжай, Мауси, не останавливайся.— Он хмуро взглянул на отряд рабов: — Что, черт побери, все это значит! Чего они хотят от нас?

— Узнаешь,— сказала Маус.— Все твой короткий путь...

Сиран замахнулся. Маус отшатнулась. Два Калда подошли к ним и очень осторожно коснулись их жезлами. На этот раз они не хотели нокаутировать пленников. Достаточно местного онемения.

Сиран от злости хотел хоть что-нибудь сделать, но второе прикосновение жезла к его шее отбило у него всякую охоту. Как раз в это время рабы подошли и остановились. Сирана толкнули в строй и надели ошейник. Перед ним стоял высокий человек с рыжей гривой волос и толстыми канатами мышц на спине. Веснушчатая, поросшая рыжими волосами кожа его была скользкой от пота. Сиран, прижатый к нему, плотно сжал губы и отвернул лицо, насколько мог.

Маус приковали прямо за Сираном. Она обхватила его талию, и он сжал ее руки.

ГЛАВА 2

Калды снова погнали рабов, подгоняя их жезлами. Все прошаркали вниз, в овраг, и еще более углубились в Запретную Равнину.

Очень тихо, так что никто, кроме Сирана, не слышал, Маус прошептала:

— Застежки ерундовые. Я их в два счета открою.

Сиран снова сжал ее руки. Ну и ловкая же девушка!

Через некоторое время Маус спросила:

— Кири, а та тень... мы ее видели?

— Видели.— Он невольно вздрогнул.

— Что это было?

— Откуда мне знать? Ты лучше береги дыхание. Похоже, нам еще далеко идти.

Так оно и было. Они пробивались сквозь лабиринт трещин в равнине, и эти трещины становились все глубже. Сиран вдруг заметил, что все время поглядывает на солнца: сияют ли они еще? Жаль — Маус напомнила о тени. Он никогда не был так близко к панике, как в тот момент на гряде.

Остальной отряд рабов явно был в дороге уже давно. Рабы устали, но Калды подгоняли их, и только, когда примерно треть людей стала падать на впереди идущих или же на задних, была объявлена остановка.

Они остановились в месте, где сошлись три оврага. Калды собрали всех пленников в плотный круг, так что люди сидели почти на коленях друг у друга, а сами остались на страже. Их языки облизывали блестящие серые зубы, жезлы вспыхивали в их руках в угасающем свете.

Сиран откинул голову и плечи к Маус. Ее руки заработали над его ошейником, скрытым под волосами и арфой, висевшей на спине Сирана. Она орудовала замечательной металлической брошкой, функции которой заключались не только в застегивании туники, и Маус умела ею пользоваться.

Замок тихо щелкнул. Под прикрытием широкой спины Сирана и ее густых волос она принялась за свой ошейник. Скоро и тот подался ее усилиям. Ошейники остались на месте, но Сиран знал, что в любой момент они смогут от них освободиться.

Высокий рыжеволосый мужчина навалился на Си-

рана. Он еле слышно зашептал, но отнюдь не от слабости:

— Теперь меня!

Сиран дернулся и выругался, но тяжелый груз тела вынудил его замолчать.

— Я — охотник. Я слышу дыхание кролика в норке. Я слышал, что сказала женщина. Освободи меня, не то я подниму шум.

Сиран покорно вздохнул, и Маус принялась за работу.

Сиран оглядел измученных людей. Угольщики, охотники, бондари — тощие, жилистые и упорные отбросы пограничных мест. Даже женщины были грубы. Сиран задумался.

Человек, навалившийся на него сзади, был до сих пор главой колонны. Он был высок и жилист, как голодный кот; он сгорбился, опустил голову на колени. Железно-серые лохмы падали по его плечам.

Сиран подтолкнул его локтем:

— Эй! Только не подавай вида. Хочешь получить шанс?

Лохматая голова чуть-чуть повернулась, ровно настолько, чтобы взглянуть одним глазом. Сиран внезапно пожалел, что открыл рот. Глаз был бледный, почти белый, со странным нечеловеческим выражением, словно он видел только богов или демонов, и ничего больше.

В своих странствиях Сиран встречал отшельников и знал их признаки. Обычно они ему даже нравились, но от этого его мутило.

Человек потянул странным грубым голосом:

— Нас поработили демоны. Только чистый может пересилить их. Ты чистый?

Сиран чуть не задохнулся.

— Как птенчик в гнезде,— ответил он.— Как только что вылупившийся птенчик, еще в скорлупе...

Холодный бледный глаз смотрел на него не мигая.

Сиран превозмог желание двинуть его кулаком и сказал:

— Мы можем освободиться и, когда настанет время, смять Калдов.

— Только чистый может выступить против демонов.

Сиран состроил невинную улыбку. Рубец и нехватка зуба несколько портили эффект, но глаза его поднялись вверх нежно и сладостно.

— Ты поведешь нас, Отец,— проворковал он.— С твоей чистотой мы не можем проиграть.

Отшельник подумал и сказал:

— Отдаю приказ: дай мне фик.

Челюсть Сирана отвисла, глаза остекленели.

— Фик,— терпеливо повторил отшельник и пояснил.— Фомку.

Сиран закрыл глаза и устало сказал:

— Маус, дай джентльмену отмычку.

— Не лучше ли мне сделать самой? — спросила она чуть напыщенно.

Отшельник холодно взглянул на нее, наклонил голову и зажал руки в коленях. Затем он повернулся к напарнику с другой стороны и побил время Маус на добрую треть.

Сиран захохотал. Он лег на колени Маус в тихой истерике. Она же яростно колотила его по спине и шее,— но даже это не могло его остановить. Наконец он поднял голову, посмотрел слезящимися глазами на сердитое личико Маус и прикусил пальцы, чтобы снова не засмеяться.

Отшельник уже спокойно работал над следующим.

Калды еще ничего не заметили. Маус и отшельник работали гладко. Сиран снял арфу и взял несколько звучных аккордов. Калды повернули к нему свои красные глаза, но, похоже, не думали, что арфа может призывать к каким-либо действиям.

Сиран успокоился и заиграл громче.

Под покровом музыки он объяснил свой план большому рыжему охотнику. Тот кивнул и зашептался с соседом. Сиран запел.

Он выдал им плач черных дикарей Киммери у гроба

вождя, очень подходящий к данному случаю. Калды сидели, наслаждаясь отдыхом. Они не видели, как Сиран послал по кругу слово надежды.

Цивилизованные люди, вероятно, показали бы это, но тут были пограничные жители, осторожные и замкнутые, как животные. Только по их глазам было заметно, что они уяснили ситуацию. Под прикрытием сгрудившихся тел, длинных волос, склоненных голов они стали действовать всеми заколками и пряжками, какие у них нашлись.

Маус и отшельник послали по линии инструкции, и, поскольку этот народ умел пользоваться своими руками, значительное количество замков ошейников было открыто, но ошейники предусмотрительно были оставлены на месте.

Сиран закончил погребальную песню и начал новую, когда Калды решили, что пора идти.

Они снова стали сгонять людей в линию. Арфа Сирана неожиданно щелкнула в злобном вызове, и плотный людской круг беспорядочно рассыпался. Сиран повесил арфу на плечо и, сбросив ошейник, вскочил. Вокруг него слышался звон металлической цепи по камню, шарканье ног, выкрики и тяжелое дыхание разозленных людей. Калды метнулись к ним с горящими жезлами. Кто-то взвыл. Сиран левой рукой ухватил Маус за тунику и стал пробираться сквозь толпу. Он потерял из виду охотника и отшельника.

И вдруг стало темно.

В овраг спустилась тишина. Черная застывшая тишина: не было слышно даже дыхания. Сиран стоял, глядя в темное небо. Он даже не вздрогнул. Он был за пределами страха.

Темная тьма в стране вечного света! Где-то в безумном страхе завизжала женщина. И начался ад.

Сиран побежал. Он не думал, куда бежит — лишь бы уйти. Он продолжал крепко держать Маус. Тела сталкивались и орали в темноте. Сирана и Маус дважды сбивали с ног, но это не остановило их.

Наконец они выбрались на свободное пространство. Снова стал появляться свет, бледный и слабый вначале, а потом нормальный. Они оказались на краю оврага и спустились в него.

Через какое-то время Маус упала. Сиран тоже упал рядом. Они лежали, тяжело дыша, вздрагивая и трясясь, как охваченные паникой животные. Когда появился свет, Сиран слегка вскрикнул. Маус крепко прижалась к нему, как будто хотела раствориться в его теле. Ее била дрожь.

— Кири,— шептала она.— Кири, что это?

Сиран прижал ее голову к своему плечу и погладил.

— Не знаю, милочка. Но теперь все в порядке. Оно ушло.

Уйти-то ушло, но может вернуться. Ведь однажды уж так было. В следующий раз оно может остаться.

Тьма и внезапный холод.

В мозгу Сирана стали возникать старые легенды. Если Бас Бессмертный существует и Камень Судьбы тоже, и этот Камень дает Басу власть над жизнью и смертью во всем мире... что тогда?

Может, Басу надоел мир, и он хочет уничтожить его?

Рациональное упрямство человека, говорящее, что такого нет, потому что никогда и не было раньше, помогло Сирану успокоиться. Но он не мог уверить себя, что мрака не было, поскольку его никогда не было и раньше.

Он тряхнул головой и стал поднимать Маус, когда его чуткие уши уловили звук. Бежали. Несколько человек.

Спрятаться здесь было негде. Сиран поставил Маус позади себя и ждал, пригнувшись.

Это был охотник, за ним отшельник, прихрамывающий, как большой кот, а позади — третий человек. Все они выглядели слегка спятившими и, похоже, не собирались останавливаться.

— Эй! — крикнул им Сиран.

Они одновременно замедлили ход, глядя на Сирана странно-пустынными глазами. Сиран рассердился, потому что сам-то он уж пришел в себя.

— Все уже прошло. Чего вы испугались... Все ушло.— Он выругал их, больше от чувства, чем по справедливости.— Что там с Калдами? Что вообще произошло там?

Охотник провел своей громадной лапой по лицу и рыжей бороде:

— Там все спятили. Есть убитые и раненые. Некоторые убежали, как вы. Остальных захватили снова.— Он дернул головой.— Они идут сюда. Охотятся за нами. Эти серые звери идут по запаху.

— Тогда нам надо бежать.— Сиран повернулся.— Маус! Эй, Мауси! Встряхнись, милая. Теперь все в порядка.

Она вздрогнула и глубоко вздохнула. Отшельник уставился на них бледными безумными глазами.

— Это было предупреждение,— сказал он.— Знамение суда, где спасется только чистый,— он указал костлявым пальцем на Сирана.— Я говорил тебе, что зло не может победить демонов!

Это задело Маус. Ее черные глаза вновь стали осмысленными. Она шагнула к отшельнику.

— Не называй его злом — и меня тоже! Мы никогда и никому не сделали вреда, разве что брали немного еды и вышивки. А кроме того, кому бы, черт побери, об этом говорить!.. Ты так ловко управлялся с отмычкой, что, видать, у тебя было немало практики...

Маус остановилась перевести дух. Сиран взглянул в лицо отшельника, и у него свело живот. Он попытался остановить Маус, но та уже чувствовала себя лучше и вошла во вкус. Она пустилась в детальный анализ физических данных и похождений отшельника. У нее был живой и изобретательный ум.

В конце концов Сиран зажал ей рот рукой осторожно, чтобы не получилось хуже.

— Хорошее выступление,— сказал он,— но нам пора уходить отсюда. Закончишь позже.

Она начала было колотить его пятками по коленям, но тут же остановилась и вся напряглась под его руками. Она смотрела на отшельника. Сиран тоже взглянул. Его внутренности стали завязываться узлами и замерзать.

Отшельник спокойно сказал:

— Ты закончила? — Его бледные глаза не отрывались от нее; в его взгляде, в спокойном холодном голосе не было ничего человеческого.— Вы — зло. Вы — воры, и я это знаю, потому что сам был вором. Вы носите на себе грязь мира и не желаете очиститься...— Он двинулся к ним. Это был даже не шаг, а едва ли больше, чем наклон тела, но Сиран отступил.— Я убил человека. И отнял жизнь в грехе и злобе, а теперь я создал в себе мир и покой. А в вас нет мира. И не будет. А я убью снова, если понадобится, и без особых угрызений совести!

И он мог бы, это верно. Теперь в нем не было ничего смехотворного. Он констатировал факт, и в нем было устрашающее достоинство. Сиран хмуро уставился в землю.

— Черт побери,— сказал он,— мы извинимся. Отец, Маус быстра на язык и мы оба были напуганы. Она не имела в виду ничего плохого. Мы уважаем всякое человеческое сознание.

Холодное, тяжелое молчание. Затем третий человек закричал с подавленной яростью.

— Бежим! Вы хотите, чтобы нас взяли снова?

Это был угловатый, невысокий сильный человек с седеющими волосами. На нем была юбка из шкур. Его кожа была темной и грубой, карие глаза выглядывали из гнезд морщин.

Охотник повернулся и двинулся вниз по оврагу. Остальные молча пошли за ним.

Сиран задумался. Ко всем их бедам прибавлялся еще сумасшедший отшельник. Он чувствовал холод между лопатками, и это не проходило, даже когда он вспотел от напряжения.

Овраг, по-видимому, был основным путем Куда-то. Было множество признаков недавнего прохождения мно-

жества людей: в числе этих признаков были и трупы людей, отброшенных в сторону и оставленных так.

Узловатый человек — охотник по имени Рэм — осмотрел тела страшными каменными глазами.

— Пока меня не было дома,— сказал он,— серые бестии увели мою жену и старшего сына.

Он угрюмо отвернулся от трупов. Сиран порадовался, что тела не те.

Рэм и рыжий охотник взобрались на растрескавшиеся стены для обозрения. Маус сказала что-то насчет того, чтобы идти по Равнине, где их нельзя будет незаметно окружить. Охотники угрюмо посмотрели на нее.

— Серые звери идут по верху,— сказали они,— идут по нашим флангам. Если мы выйдем наверх, им останется только посадить нас на цепь снова.

Сердце Сирана заколотилось:

— Иными словами, они пасут нас. Мы идем туда, куда они хотят, так что им нечего трудиться окружать нас?

Охотник кивнул и заметил профессионально:

— Это хороший план.

— Да, хитро! — рявкнул Сиран.— Но я хотел бы знать, нет ли какой-нибудь дороги назад.

— Я в любом случае пойду туда,— сказал Рэм.— Мои жена и сын...

Сиран подумал о Камне Судьбы и был даже рад, что не надо принимать решения.

Они шли легко и довольно медленным шагом. Сиран кусок за куском воссоздавал картину: шайка Калдов спокойно приходит в отдаленную пограничную деревню, прочесывает лес и кустарник, чтобы никто не скрывался. Куда они ведут людей и зачем — никто не знает.

Рыжий охотник замер на месте. Остальные остановились вслед за ним, инстинктивно сдерживая дыхание.

— Люди. Много,— прошептал охотник. Его ладонь выразительно призывала к тишине.

По коже Сирана побежали мурашки. Он взял руку Маус и сильно сжал. Отшельник внезапно рассмеялся, тихо, как дуновение ветерка.

— Суд,— прошептал он.— Идут великие,— его бледные глаза загорелись.— Гибель и разрушение, тень через весь мир, смерть и тьма.— Он оглядел всех по очереди. Откинул голову и снова беззвучно засмеялся.— Из всех вас только я *один* не боюсь!

Они двинулись дальше медленно и бесшумно. Сиран оказался впереди, рядом с рыжим охотником.

Они дошли до расщелины в стене. В десяти футах над ними расщелина уходила под землю через отверстие с хорошим креплением. Перед расщелиной сидели два Калда и следили за своими разгорающимися жезлами.

Пятеро остановились. Калды неторопливо двинулись к ним, облизывая зубы. Кроваво-красные глаза их радостно сверкали.

Сиран застонал.

— Будем ли мы храбрыми или только проворными?

Охотник сжал огромные кулаки. Рэм издал странный звериный крик, промчался мимо Сирана и упал на колени перед чем-то, чего Сиран сначала не заметил.

У основания утеса лежала женщина, смуглая, худая, не очень молодая и с простым, но добрым лицом. Приземистый широкоплечий мальчик лежал почти на ней. На его шее был виден сильный ожог. И мальчик, и женщина были мертвы.

Сиран подумал, что женщина, вероятно, не вынесла тягот пути, а мальчик умер, защищая ее.

Рэм провел рукой по мертвым лицам. Его собственное лицо было застывшим и совершенно пустым. После своего первого крика он не издал ни звука. Он встал и бросился на ближайшего к нему Калда.

ГЛАВА 3

Он кинулся точно зверь, быстро и бездумно. Но Калд тоже был проворным. Он ткнул в Рэма жезлом, но маленький загорелый человек несся так быстро, что

удар жезла не остановил его. Вероятно, он умер на середине прыжка, но его тело ударило Калда и сбило его с ног.

Быстрым кошачьим прыжком Сиран бросился за Рэмом. Он слышал, как охотник позади него рычал и бил Калда голыми ногами. Сиран не видел второго Калда; он не видел ничего, кроме мускулистой серой руки, пытавшейся вытащить жезл из-под тела Рэма... Отвратительно воняло горелой плотью.

Сиран схватил серое запястье, взялся за жезл второй рукой и стал выкручивать его из руки Калда. Кость треснула. Сиран яростно продолжал выкручивать. Плоть лопнула и осколки серой кости вылезли наружу. Руки Сирана скользили в крови. Серый зверь раскрыл рот, но не издал ни звука... Сиран решил, что зверь просто немой.

Сиран схватил жезл.

Серая лапа второго Калда потянулась к горлу Сирана через труп Рэма, и Сиран ударил лапу жезлом. Лапа отдернулась, а Сиран воткнул головку жезла в горло Калда.

Через некоторое время откуда-то донесся голос Маус:

— Он готов, Кири. Не пережаривай его.

От Калда пахло горелым, это верно. Сиран встал, посмотрел на жезл, который держал на отлете, и присвистнул.

Маус сказала:

— Хватит самолюбования. Пошли. Охотник сказал, что слышит звон цепей.

Сиран оглянулся. Первый Калд лежал на земле, вроде бы со сломанной шеей. На нем лежал темнокожий мальчик. Охотник сказал:

— Я думаю, он был бы рад, что послужил дубиной для убийства Калда, если бы узнал об этом.

— Да,— согласился Сиран и посмотрел на Маус. Она, казалось, была в полном здравии.— Говорят, женщины падают в обморок от такого зрелища.

Маус фыркнула:

— Я родилась в воровском квартале. И мы катали черепа вместо монеток. Черепов было больше.

— Когда я в следующий раз буду жениться,— сказал Сиран,— я, пожалуй, задам невесте больше вопросов. Пошли.

Они спустились по скату под Запретную Долину. Охотник вел их, как осторожное животное. Сиран замыкал шествие. И у обоих было по отнятому жезлу.

Отшельник не проронил ни слова и пальцем не пошевельнул, чтобы помочь им.

В подземелье было очень темно, но вовсе не холодно, пожалуй, даже жарче, чем снаружи, и по мере того, как они спускались, становилось хуже.

Сиран слышал звуки, как будто сотни вооруженных людей бьют по щитам. Даже, пожалуй, громче. Было ощущение, что вокруг много людей, ходящих рядом, но не разговаривающих. Иногда слышался треск, скрежет металла, и Сиран не мог подобрать никакого объяснения этому, но это ему не нравилось.

Они шли по хорошей дороге с легким уклоном. Появился свет. Охотник призвал к осторожности и замедлил движение. Они прошли, точно четыре духа, через арку и сияние чистого голубоватого света. Остановились на узком выступе. Выступ в этом месте был гладким, обработанным человеческими руками, а по обе стороны его шли природные грубые стены и нагромождения сталактитов. Над выступом в темноте было высокое перекрытие арки, а впереди — свободное пространство, в конце которого Сиран разглядел каменную стену.

Внизу была шахта в виде бочки, и очень глубокая. Настолько глубокая, что Сирану пришлось вытянуть шею, чтобы увидеть дно. Яркий бело-голубой свет на дне освещал две трети высоты шахты.

И там, в ослепительном свете работали люди. На такой глубине они казались не крупнее муравьев. Цепей на них не было, и даже стражей Сиран не видел. Но он тут же и забыл думать об этом: все его внимание приковала вещь, растущая там.

Она строилась из металла, поднимаясь и раскидываясь в стороны замысловатыми кривыми сверкающей белизны, заполняя всю нижнюю часть шахты. Сиран уставился на нее в странном оцепенении.

Вещь эта не была закончена. Сиран и не мог себе представить, для чего она, но ему вдруг стало страшно. Его пугали потрясающе огромные размеры вещи, непонятность ее металлической конструкции, не похожей ни на что — пугала вещь сама по себе.

Это была власть. Это была сила. Титан, растущий во чреве мира, готовый выйти, схватить мир и играть с ним, как Маус играла в детстве пустыми черепами.

Сиран, глядя на эту вещь, знал, что ни один человеческий мозг в этом месте и времени не поймет это сверкающее чудовище и ни единой крохой не участвует в нем.

Рыжий охотник сказал просто:

— Я боюсь. Это пахнет западней.

Сиран проглотил что-то — может, собственное сердце.

— Нравится нам или не нравится, друг, но мы здесь. И не лучше ли нам убраться с глаз долой, пока тот закованный отряд не наткнулся на нас.

В стороне, вдоль грубой части выступа, в тени с углублениями и каменными столбами, наверное, будет спокойнее. Здесь был спуск на дно пещеры — головокружительный зигзаг выступов, висячих лестниц, ступеней. Но спускаться по ним пришлось бы на виду.

Они шли по краю. Лицо Маус так побледнело, что клеймо между бровями казалось каплей крови.

Отшельник шел вроде как по собственному дому. Зрелище сияющего гиганта вызывало в его глазах странный блеск. Сирану это не понравилось, хотя он не понимал почему. В других отношениях отшельник был все равно что мертвый. Он не сказал ни слова после своих проклятий в овраге.

Они укрылись среди сталактитов. Сиран смотрел на выступ.

— Они охотятся по запаху! — прошептал он.

Охотник кивнул:

— Думаю, что другие люди перебьют наш запах. Здесь слишком много запахов. Но как случилось, что те двое ждали нас у входа в туннель?

Сиран пожал плечами.

— Телепатия. Передача мыслей. За морем много людей владеют этим. Почему бы не владеть этой способностью и Калдам?

— Ты что же, думаешь, что у них человеческий мозг?

— Не обманывайся. Они мыслят — это ясно, но у них не человеческий мозг и не мозг обычного животного.

— И они придумали *это*? — охотник указал на шахту.

— Нет,— медленно возразил Сиран.— Это придумали не они.

— А кто же? — охотник не закончил.— Тихо! Идут сюда!

Сиран затаил дыхание, выглядывая одним глазом из-за сталактита. Отряд рабов с серыми стражниками потянулся из туннеля и стал спускаться на дно. Ни в ком из этих людей не было заметно никакой тревоги. Было несколько пустых ошейников, и Калдов было мало. Видимо, некоторые из них остались снаружи, чтобы выследить четырех проклятых беглецов, и это означало, что назад хода нет.

Сирану пришла в голову идея. Когда последний в цепочке и стражи спустились за край, он шепнул:

— Пошли. Спустимся следом за ними.

Маус испуганно взглянула на него. Он же нетерпеливо пояснил:

— Они не станут оглядываться... я надеюсь. А пока они спускаются, никто другой не будет подниматься снизу. Но если у тебя есть лучшая идея, как сойти с этого проклятого насеста, то давай выкладывай.

У Маус идей не было, и охотник кивнул:

— Неплохо. Пошли.

И они стали спускаться, как настоящие демоны.

Поскольку все они были профессионалами в своих областях, они производили не больше шума, чем падающие листья. Отшельник спускался беззвучно. Его глаза при всяком удобном случае поворачивались к сияющему монстру. В его косматой голове явно зрела какая-то идея. Сиран подозревал, что самым лучшим и надежным было бы скинуть отшельника с лестницы в пространство, но он противился этому просто потому, что одно дело — ударить человека ножом в уличной драке, и совсем другое — хладнокровно убить ничего не подозревающего старика. Потом он торжественно поклялся отбросить неуместный в данном случае гуманизм, но было уже поздно.

Никто их не видел. Калды и люди внизу были слишком заняты медленным своим спуском и не выламывали шеи, чтобы смотреть на что-то другое. За ними тоже никто не спускался — эта опасность миновала их. И они предусмотрительно сохраняли дистанцию в целую секцию между собой и отрядом рабов.

Спуск был адски долгим. Металлическое чудовище росло и росло, поднималось рядом с ними, а затем выше их, восходя к своду. Оно было прекрасным: Сиран сознавал его красоту, хотя ненавидел и боялся его силы.

Затем он заметил, что на этом сооружении работают люди, ползающие, подобно мухам, по его перекладинам и аркам. Некоторые работали жезлами, не слишком отличающимися от того, что держал Сиран в своей руке: они сваривали металл в искрах жаркого света. Другие ставили на место громадные металлические детали, поднимая их с пола пещеры на длинных веревках, и аккуратно прилаживали к нужным местам своего сооружения. Со странным чувством головокружения Сиран понял, что металл здесь весит не больше пера.

Он молился, чтобы им удалось пройти мимо рабочих незамеченными. Они уже проползли мимо двух или трех групп рабочих; но вот один, работавший совсем рядом, поднял голову и в упор взглянул на них.

Сиран стал делать отчаянные знаки, но человек не обращал на его жесты никакого внимания. Сиран вгляделся в его глаза и опустил руки.

— Он не видит нас? — прошептала Маус.— Он же слепой.

Человек снова вернулся к работе. Он искусно прилаживал мелкие детали к отверстиям основы. Такой работы Сиран никогда в своих странствиях не видел. Он вздрогнул:

— Нет. Он просто не видит нас.

Охотник нервно облизнул губы. Отшельник беззвучно рассмеялся. Они двинулись дальше.

На всем их пути вниз было то же самое — женщины и мужчины смотрели на них, но не видели. В одном месте они остановились, чтобы дать отряду рабов уйти подальше. Неподалеку от них работала женщина. Она походила на изголодавшуюся кошку: сквозь рваные лохмотья проглядывали ребра. Лицо ее кривилось от тех усилий, что приходилось делать женщине, чтобы дышать, но глаза ничего не выражали.

Внезапно, не закончив движения, она съежилась, как мокрая кожа, и упала. Сиран понял, что она умерла до того, как соскользнула с балки.

Они увидели подобное еще два раза. Сами работавшие не обращали на подобное никакого внимания.

Маус смахнула пот со лба и поглядывала на Сирана.

— Хорошенькое местечко для медового месяца! Черт бы побрал тебя и твой короткий путь!

На этот раз у Сирана не возникло желания стукнуть Маус.

Последняя часть спуска шла позади металлических навесов, полных жара и грохота. Четверо соскользнули в густую тень между двумя навесами и скорчились за громадной кучей обрезков металла. Они хорошо видели, что происходило с отрядом пленников.

Калды поставили рабов между массивными столбами из белого металла, поддерживающих гигантскую паутину наверху. У подножья утеса пробегали огни. Жаркий

бело-голубой свет шел снизу, частично из какого-то незнакомого источника, укрепленного на брусьях, частично из отверстий раскаленных печей.

Мужчины и женщины трудились в дыму и ослепительном свете; никто не взглянул на вновь прибывших рабов. Стражи не было.

Калды отошли и ждали. Все они смотрели в одну сторону, выкатив красные глаза и оскалив серые зубы. Сиран проследовал за их взглядом и вдруг застыл, и пот на его теле сразу стал холодным, как роса на жабьей спине.

Сначала ему показалось, что между столбами шел человек — высокий, стройный, плотно завернутый от макушки до пяток в белую металлическую сетку, сверкающую, как освещенная солнцем вода.

Но когда он подошел ближе, Сиран понял, что ошибся. Животный инстинкт почувствовал это раньше, чем мозг. Сирану хотелось зарычать, ощетиниться, поджать хвост и бежать.

Создание было бесполым. Плоть на его руках и лице имела странную, ненастоящую фактуру и темно-желтый оттенок, какого никогда не бывает у живого тела.

Лицо его было человеческим по форме — худое, с легкими узловатыми костями, но такое правильное и совершенное, как тщательно изготовленное изделие из мрамора, без каких-либо неправильностей, без человеческой мягкости. Губы были бескровными. Не было ни волос, ни ресниц.

Глаза его показались Сирану гнездом холодных змей, так что у него стянуло внутренности. Эти глаза даже приблизительно не напоминали человеческие: они казались масляными лужами под веками без ресниц — черные, глубокие, непроницаемые, бессердечные, бездушные и ледяные.

Но мудрые, мудрые знанием, далеко превосходящим человеческое, и сильные холодной и ужасной силой. И старые. Собственно, обычных признаков возраста не было, но было нечто большее: психическое и нечелове-

ческое ощущение древности; время отходило все дальше и дальше от первоисточников, столь же неестественных, сколь и тело, которое оно породило.

И Сиран понял, кто это. Он сочинял песни про это существо и пел их на переполненных народом рыночных площадях и в продымленных винных погребках. Он пугал ими детей и заставлял смеющихся взрослых вздрагивать.

Но сейчас он не пел. И не смеялся. Он смотрел на одного из андроидов Баса Бессмертного, на создание, рожденное таинственной мощью Камня, не имевшее ни телом, ни мозгом никакой связи с человечеством.

Тогда Сиран понял, чей разум сотворил поднимающееся рядом сверкающее чудовище. И отчетливо уяснил, что это чудовище — зло.

Андроид поднялся на платформу напротив отряда рабов и остановился там, где все они могли его видеть. В правой руке андроид держал жезл из белого металла с шариком на конце. В ослепительном свете и жезл, и металлическая сетка, сидящая на андроиде, как футляр, засияли еще ярче.

Скованные люди подняли голову. Сиран уловил испуганный блеск в их глазах, услышал их тяжелое дыхание и звяканье их цепей.

Калды сделали предупреждающие жесты своими жезлами, но люди и так не сводили с андроида глаз.

Тот внезапно поднял жезл над головой, и круглый шарик на конце жезла скрылся за балкой из поля зрения Сирана. Свет потускнел, а затем и вовсе исчез.

На секунду воцарилась тьма, только от печей и горнов шел слабый свет. Затем из-за балки, скрывшей верх жезла, брызнул яркий матовый свет, заполнил все пространство между гигантскими столбами и заколыхался в гуманном воздухе знаменами синего пламени.

Калды почтительно и благоговейно склонились, красные глаза их горели, точно угли. По линии рабов прошел трепет, будто ветер всколыхнул пшеницу. Некоторые

вскрикнули, но вскоре все замолкло. Рабы стояли и смотрели. Андроид не шевелился, не говорил, а только стоял, как серебряное копье.

Сиран встал. Он смутно сознавал, что с ним рядом Маус ловит воздух раскрытым ртом и не сводит глаз с молочных искр. Рядом еще кто-то двинулся, но Сиран не обратил внимания.

Ему хотелось подойти поближе к свету. Он хотел видеть, откуда исходит этот свет. И кровь его заискрилась, заиграла. Ему хотелось убежать, но желание подойти пересиливало страх. Да и сам страх был почти неприятен.

Он начал было перебираться через кучу обрезков металла, когда андроид заговорил чистым, ясным и звучным голосом, в котором не было ничего угрожающего. Но что-то остановило Сирана, как удар в лицо, проникло в его дурманное желание света.

Он понимал звук. Он понимал настроение. Он был восприимчив к ним, как его арфа, кормившая его. Он почувствовал, что есть в этом голосе, вернее, чего в нем нет, и остановился в мертвой неподвижности.

В этом голосе не было эмоций, которые существуют с тех пор, как человек познал слово. Этот голос шел от мозга, столь же чуждого и непостижимого, как тьма в мире вечного света; нечеловеческого мозга можно коснуться и даже понять, но ощущение холодного давления его силы заставляет сжиматься, как сжимаются животные перед страшной тайной огня.

— Спите,— говорил андроид,— спите и слушайте мой голос. Откройте свой мозг и воспринимайте.

ГЛАВА 4

Сквозь сверкающую радужную дымку Сиран видел расслабленные и тупые лица рабов.

— Вы ничто. Вы никто. Вы существуете только для

рабства, для работы, для повиновения. Вы слышите? Вы понимаете?

Строй людей качнулся и слабо простонал. В этом стоне-выдохе было только удивление и желание. Люди повторили литанию непослушными губами.

— Ваш мозг открыт моему мозгу. Вы услышите мои мысли и сказанное мною однажды не забудете. Вы не будете чувствовать ни голода, ни жажды, ни усталости. Вы не будете нуждаться ни в отдыхе, ни в сне.

Снова литания. Сиран провел рукой по лицу. Лицо было потное. Помимо его воли свет и бездушный гипнотизирующий голос захватили его. Он закусил пальцы, благодаря неведомых богов, что не видит источник света: тогда он не смог бы противиться ему. Может, это тоже власть Камня Судьбы?

Резкий хруст привлек его внимание к куче останков. Отшельник уже наполовину перебрался через кучу.

А Маус шла по его пятам.

Сиран бросился за ней. Он скользил по обломкам и уже не успевал перехватить Маус. В отчаянии он окликнул ее. Но она не слышала. Она жаждала света.

Сиран забрался на кучу отбросов производства. Отшельник бежал на четвереньках, как огромный серый кот.

Малиновая туника Маус была вне досягаемости Сирана. Он схватил горсть обломков и запустил ей в спину. Она повернула голову и оскалилась на него, бросив почти рефлекторно ему в лицо какое-то ругательство, но было ясно, что она не сознавала присутствия Сирана. Отшельник странно завизжал.

Громадная рука ухватила Сирана за лодыжку и поволокла его обратно. Он отбивался и размахивал жезлом, который все еще держал в руке. Вторая безжалостная рука схватила его запястье.

Рыжий охотник бесстрастно проговорил:

— Пусть идет, мы же уходим.

— Маус! Вернись, черт побери! Маус!

— Тебе не удержать ее. Пошли быстрее!

Сиран продолжал лягаться и отбиваться. Тогда охотник нанес ему точно рассчитанный удар в ухо, взял жезл из его ослабевшей руки и взвалил самого Сирана на свои широкие плечи.

Свет мало повлиял на охотника: он был в более глубокой тени, чем остальные, и его полузвериные нервы предупредили его об опасности раньше, чем даже Сирана. Обладая мудростью дикаря, он вовремя закрыл глаза.

Охотник обогнул кучу металлолома и побежал в густую тень.

Сиран чувствовал и слышал все как бы из туманной дали. Он слышал, как снова взвизгнул отшельник в диком обете поклонения, как один раз вскрикнула Маус, чувствовал болезненную тряску своего тела и грубый звериный запах охотника.

Он попытался двинуться, бежать, что-то сделать, но охотник крепко хлопнул его по пояснице и спустил с плеча. Сирану показалось, что свет вернулся снова, но затем стало очень темно и тихо.

Охотник дохнул ему в ухо:

— Тихо! Не шевелись!

У Сирана не оставалось никакого шанса что-либо сделать. Охотник положил на него свою веснушчатую лапу, закрыл ему почти все лицо. Сиран задыхался и таращил глаза.

Они лежали в нише грубой стены. Верхний выступ ее бросал на них густую тень, но перед ними горел голубой свет. Иногда он тускнел и мигал, но затем выравнивался.

Высоко над головой сверкающее металлическое чудовище поднималось к потолку пещеры. Оно росло. Росло странно быстро, и механизм внутри него стал принимать форму — лабиринт изящных стержней и хрустальных призм, колесиков, балансиров и еще каких-то штук, назначения которых Сиран не знал.

Затем он вспомнил о Маус, и все остальное потеряло смысл.

Охотник навалился на него, принуждая к молчанию. Голубые глаза Сирана горели. Он убил бы охотника, будь у него какая-то возможность. Но ее не было, и Сиран прекратил борьбу.

Рыжий гигант шепнул ему в ухо:

— Взгляни через край.

Он убрал руку. Сиран с величайшей осторожностью приподнял голову на несколько дюймов и выглянул.

Их ниша была приподнята над полом шахты. Внизу направо был вход в низкий туннель. Под ним были кузница и мастерские, где люди скопились, как муравьи после дождя. У входа в туннель стояли двое в сверкающих металлических футлярах — андроиды Баса Бессмертного. Их чистые ясные голоса долетали до места, где лежали охотник и Сиран.

— Ты не нашел?

— Не удалось — как мы и предполагали. Но все равно ничего не изменится.

— Ничего не изменится...— один из нелюдей повернул голову и посмотрел черными непроницаемыми глазами на стремящегося ввысь металлического гиганта,— если мы успеем закончить вовремя.

— Успеем, Кафр,— ответил второй.— Должны успеть.

Кафр сделал быстрый нетерпеливый жест:

— Нам нужны еще рабы! Этот человеческий скот очень хрупок. Они переутомляются и мрут.

— Калды...

— ...делают, что могут. Только что прибыли еще две цепи. Но ведь этого мало! Я говорил зверям, чтобы они шли с рейсами дальше, даже в города.

— Это не поможет, если люди нападут на нас до того, как мы закончим.

Кафр засмеялся — без радости, без юмора.

— Если они пойдут по следу Калдов так далеко, мы легко справимся с ними. А когда мы закончим, они будут порабощены в любом случае.

Второй кивнул и сказал слегка недовольно:

— Если закончим вовремя. Если же нет...

— Если не кончим,— сказал Кафр,— тогда ничто не будет иметь значения — ни они, ни мы, ни Бас Бессмертный... — Что-то вроде дрожи прошло по его блестящему телу, но он откинул голову назад и снова громко рассмеялся. — Мы закончим это, Стьюд! Мы единственные в мире, и ничто не может нас остановить. И это значит — конец скуке, рабству и плену. Когда этот мир будет в наших руках, нас ничто не остановит!

— Ничто! — прошептал Стьюд. И они ушли и исчезли в кипящем грохоте.

— О чем они говорили! — спросил охотник.

Сиран покачал головой. Глаза его смотрели отрешенно.

— Не знаю.

— Мне не нравится запах этого дела, парень. Скверное дело.

— Ну,— ровным голосом ответил Сиран.— А что случилось с Маус?

— Ее взяли с другими. Поверь мне, парень, я сделал все, что мог, иначе и тебя взяли бы тоже. Ты ничем не можешь помочь ей.

— Она... она пошла на свет?

— Думаю, да. А я успел убежать.

Глаза Сирана заволокло туманом. Он спросил без большого интереса:

— Как же мы ушли? Мне кажется, я видел, как вспыхнул яркий свет.

— Да, а затем неожиданно погас. И я заторопился. Серые звери выслеживáют по запаху, но в этом котелке для жаркого запахов слишком много. Они потеряли нас, ну, а когда свет снова вспыхнул, я увидел эту нишу и вполз в нее.— Он взглянул вниз, почесывая бороду.— Я думаю, они слишком заняты, чтобы беспокоиться о двух людях, нет, о трех.— Он хихикнул.— Отшельник тоже удрал. Он пробежал мимо меня в темноте, визжа, как обезьяна, насчет Откровения и Света. Может, теперь они снова поймали его.

Сирану было плевать на отшельника.

— Порабощение,— сказал он медленно.— Если этот мир будет в их руках, их ничто не остановит.— Он оглядел пол шахты. Стражей не было. Да и зачем стражи при таком оружии, как этот свет. Хрупкий человеческий скот перенапрягается, пока не умрет, и не знает сам об этом.

Мир в их руках. Пустая раковина, с которой можно играть. Не будет больше рыночных площадей, таверен, песен. Не будет больше маленьких людей, живущих своей маленькой жизнью так, как им хочется. Останутся только рабы с пустыми лицами, выпасаемые серыми зверями с огненными жезлами и удерживаемые светом андроидов.

Сиран не знал, зачем андроидам планета и что они с ней будут делать. Он понимал только, что все это причиняет ему такую боль, какой он никогда не испытывал.

То, что он собирался делать, было безнадежным и безумным, но это его не беспокоило. Он думал только о том, что где-то в этом логове для рабов надрывается Маус с невидящими глазами и открытым для приказов мозгом. И очень скоро она, как и та женщина, дойдет до грани выносливости и умрет. Он резко спросил:

— Если ты, охотник, хочешь убить змею, что ты сделаешь?

— Отрублю ей голову, конечно.

— Камень Судьбы,— прошептал Сиран.— Власть над жизнью и смертью. Ты веришь в легенды?

Охотник пожал плечами:

— Я верю в свои руки. Кроме них, я ничего не знаю.

— Мне нужны твои руки, чтобы они помогли мне разрушить одну легенду и создать другую.

— Они в твоем распоряжении, парень. Куда мы пойдем?

— Вниз, в тот туннель. Потому что, насколько я понимаю, он ведет в Бен Биту, к Басу Бессмертному... и к Камню.

Как будто давая сигнал, голубой свет потускнел и

замигал. В полутьме Сиран и охотник выскочили из ниши вниз и вошли в туннель.

Он был темным, и только через большие интервалы на стенах появлялись пятнышка голубого свечения. Они прошли порядочное расстояние, прежде чем это свечение усилилось до нормального, но даже и тогда в туннеле было довольно темно. Туннель выглядел заброшенным.

Охотник время от времени останавливался и прислушивался. Когда Сиран раздраженно спросил, в чем дело, охотник ответил:

— По-моему, за нами кто-то идет. Но я не вполне уверен.

— Ну, дашь ему жезлом, если он подойдет слишком близко. Давай поторопимся!

Туннель вел прямо к Бен Бите, если ориентироваться по шахте. Сиран почти бежал, когда охотник резко схватил его за плечо.

— Стой! Впереди какое-то движение...

Он пригнул Сирана, и они поползли на четвереньках, держа жезлы наготове.

Легкий уклон туннеля привел их к развилке. Один рукав вел прямо, а другой резко поворачивал вверх, к поверхности земли.

На этой развилке сидели на камне четыре Калда и играли в какую-то игру костями из человеческих пальцев. Сиран поднялся и быстро пошел на цыпочках. Охотник шел рядом. Они шли бесшумно, а Калды были увлечены и не ожидали никакого нападения. Мужчины вдвоем могли бы выйти из положения, но внезапно позади них кто-то завыл, точно рассерженный кот. Сиран быстро повернул голову и увидел стоящего в туннеле отшельника с поднятыми руками и вздыбившимися волосами; глаза его горели полным безумием.

— Зло! — визжал он.— Вы — зло, вы не верите Свету и Слугам Света!

Похоже, что он забыл, что совсем недавно он называл Калдов демонами.

Серые звери вскочили, хватаясь за жезлы. Сиран яростно взвыл и бросился на них.

Он не очень ясно помнил, что случилось затем. Было много движения, серые тела прыгали и размахивали пылающими жезлами. Что-то оглушающее задело его по виску. Он бился в монолитном тумане, где все расплывалось и удалялось. Отшельник все завывал насчет Зла и Света. Охотник орал, все сталкивались и с грохотом падали, и один раз Сирану удалось ткнуть жезлом прямо в кровавый красный глаз.

Вскоре он смутно услышал топот ног, бегущих в туннеле. Охотник лежал. А Сиран вдруг обнаружил, что бежит по проходу вверх, поскольку другой путь оказался забит Калдами. Он убежал. Как — он не помнил. Возможно, что инстинкт велел ему убраться вовремя, прежде чем появившееся подкрепление увидело его. Трое из первых четырех Калдов лежали, а четвертый занимался отшельником... Как бы то ни было, Сиран сумел убежать.

Когда он, задыхаясь и в поту, вышел к отверстию, он снова оказался на Запретной Равнине, и Бен Бита возвышалась над ним — громадный золотистый титан, уходящий в красное небо.

Осыпающийся желтый камень ступенчатых склонов был лишен всякой растительности. Не было и признака чего-либо построенного руками — человеческими или иными. Высоко вверху, почти на вершине треугольного пика, виднелось квадратное отверстие с балконом-выступом, но это могло быть просто нишей, проделанной эрозией и ветрами.

Сиран стоял, широко расставив ноги и изучая гору угрюмыми и упрямыми глазами. Теперь он полностью поверил в легенду, что где-то под золотистым пиком находится Камень Судьбы и его хозяин-полубог.

Позади Сирана были творения этого полубога и чудовище, которое они строили... и маленькая черноволосая Маус, которая умрет, если что-то не будет сделано.

И много других людей умрет тоже. Весь тот здоровый, удобный мир... Но сейчас первым делом следует позаботиться о Маус.

Теперь Сиран уже не был Бардом. Он не относился к нормальному человеческому миру. Он шел по чужой стране богов и демонов, где все было диким, как в страшном сне, и только Маус связывала его с жизнью, где мужчины и женщины сражаются, смеются, любят.

Он сжал губы и начал подниматься на крутой голый склон Бен Биты — крепкий, кривоногий маленький мужчина в желтых лохмотьях, с загорелым невыразительным лицом и забытой за спиной арфой.

Ветер свистел над Запретной Равниной и катал солнечные шары в красном небе. А с вершины Бен Биты спускалась тьма.

На этот раз Сиран не испугался ее. В нем не осталось ничего, что могло бояться. Он вспомнил слова отшельника: «Суд. Ждут великие. Гибель и разрушение. Тень через весь мир. Мрак и смерть». Что-то из прежних ощущений пришло к нему, он не был больше человеком. Он переступил через страх. Судьба надвигалась, и он был частью ее.

Камни и сланец играли с ним шутки в темноте. Повсюду над Запретной Равниной были ночь, жалующийся ветер и резкий холод. Далеко-далеко позади в небе горел слабый красный свет — отблеск моря, горящего собственным огнем.

Сиран поднимался выше.

Затем солнечные шары замигали. Слабая рябь света пошла от них, освещая пустошь жутким колдовским светом. Мерцание было еще хуже, чем темнота, потому что напоминало последнее биение умирающего сердца. Холод внутри Сирана был сильнее внешнего холода. «Тень через весь мир, мрак и смерть».

Он поднимался на Бен Биту.

ГЛАВА 5

Камень был грубый и растрескавшийся, а Сиран лазил по горам и раньше. Он полз вверх через тошнотворный свет и холодный ветер, завывающий и бьющий его тем сильнее, чем выше он поднимался. В памяти Сирана плохо сохранился этот подъем. Он помнил только, что очень-очень долго добирался до балкона.

Он в кровь изодрал свое тело о камни, и сердце его лягалось, как злая лошадь. Но его это не тревожило. Балкон был творение рук человеческих, проход за ним вел куда-то... И свет в небе появился снова. Правда, не совсем обычный: более слабый, менее горячий.

Когда Сиран смог встать, он вошел в проход, в квадрат, прорубленный в камне Бен Биты, Горы жизни.

Проход вел прямо и освещался мягким опаловым светом из невидимого источника. Затем коридор повернул под прямым углом и пошел спиральным скатом вниз.

От него отходили коридоры на разные уровни, но Сиран не обращал на них внимания — все они были темные и пыль веков лежала на их полах.

Все ниже и ниже — долгий, долгий путь. И тишина. Глубокое непотревоженное молчание смерти и вечный камень — темные титаны, что следили за маленьким простым суетливым муравьем-человеком и никогда-никогда до сего времени не проклинали.

Затем скат выровнялся в широкий высокий коридор, глубоко врезавшийся в чрево горы. Он закончился золотой дверью в двенадцать футов высотой, которая была искусно гравирована и инкрустирована символами, о которых Сиран слышал только в легендах: Хан—Лахан—Михан—Змея, Круг и Крест, сияющие огнем драгоценных камней.

А над ними, подавляя обе створки громадной двери, был изображен КРЕСТ АНСАТА, символ вечной жизни, вырезанный из матового черного камня.

Сиран вздрогнул и задохнулся. На короткий момент им овладел чисто человеческий страх. Но затем он положил обе руки на дверь и распахнул ее.

Он вошел в маленькую комнату, увешанную гобеленами и тускло освещенную тем же матовым светом, что и коридор. Слабо заметные рисунки гобеленов показывали людей, животных и сражения. Рисунки казались дразняще знакомыми и одновременно пугающе чуждыми.

На полу лежал ковер из шкуры с головой существа, о котором Сиран никогда на слышал — что-то вроде гигантского темно-желтого кота с темной гривой и большими сверкающими клыками.

Сиран осторожно прошел по нему и отдернул тяжелый занавес в другом конце комнаты.

Сначала там была только тьма. Похоже, она заполняла широкое пространство; у Сирана было инстинктивное чувство объема. Он шагнул внутрь, очень осторожно, а затем его глаза заметили впереди свет, бледный, словно кто-то держал в пальцах жемчужину, помахивая ею в темноте.

Цыган и вор, Сиран производил не больше шума, чем струйка дыма, когда он двинулся вперед. Его ноги коснулись широкой и невысокой ступени, затем второй. Он поднялся по ним; жемчужный свет стал сильнее и превратился в изогнутую стену излучения.

Коснувшись этой стены, он резко остановился и застыл перед этой изогнутой молочной толщиной, пытаясь разглядеть, что за ней.

На ложе из мехов и пестрых шелков спал мальчик, свет окутывал его и защищал. Он лежал нагой, небрежно раскинувшись. Кожа его была белой, как молоко, чуть окрашенной палевой теплотой света.

Он крепко спал. Можно было подумать, что он мертв, если бы не легкие движения груди при дыхании. Его голова была повернута к Сирану, одна рука подложена под щеку.

Густые кудрявые волосы, черные до синевы, падали

ниже плеч на белый мех постели. Ногти на его пальцах рук — в дюйм длины.

Лицо было совсем мальчишеским. Хорошее лицо, пожалуй, даже красивое. Щеки его были еще мягкими, как у девочки, ресницы длинные и темные.

Он выглядел спокойным, даже счастливым. Рот его чуть заметно улыбался приятному сну. Но все-таки было что-то...

Тень. Нечто невидимое, неосязаемое, хрупкое, как нота пастушьего рожка, принесенная бродягой-ветром. Нечто неописуемое, как смерть, как нависающая сила. Сиран чувствовал это, и его нервы внезапно задрожали, как струны арфы.

Затем он увидел, что ложе, на котором спал мальчик, представляет собой КРЕСТ АНСАТА, вырезанный из черного камня; его перекладины тянулись из-под плеч спящего, а завиток приходился над его головой, как громадный нимб.

В голове Сирана зашептали легенды, песни, сказки, фольклор. Символы и рисунки-образы.

Бас Бессмертный всегда считался гигантом, вроде горы, в которой он жил, и старым, поскольку бессмертие подразумевает века. Благоговение, страх и неверие проходили через эти легенды и детское желание сочинить сказку. Но была и более старая легенда.

Сиран, цыган и вор, носивший в себе музыку, как пьяница вино, слышал ее в глубинах горных лесов Гипербореи, куда даже цыгане редко захаживали. Самая старая легенда из всех — сказка о Сияющем Юноше Откуда-то, который идет в красоте и силе, никогда не старится и несет в своем сердце такой мрак, какого человек и понять не может.

Сияющий Юноша Откуда-то. Спящий улыбающийся мальчик, окруженный живым светом.

Сиран неподвижно стоял и смотрел. Лицо его было потерянным и почти пустым. Биение сердца замедлилось, дыхание с шумом выходило из его открытого рта.

Постояв, он шагнул вперед, в свет.

Свет оттолкнул его назад, испуганного и растерянного. Думая о Маус, он сделал попытку еще и еще, пока не убедился в тщетности своих усилий. Он закричал. Его голос отскакивал обратно к нему от невидимых стен, но спящий не пошевельнулся, даже ритм дыхания его не изменился.

Сиран скорчился в ужасающей слабости бессилия и, думая о Маус, заплакал.

И вдруг стена света исчезла.

Он не поверил своим глазам, но еще раз протянул руку и не встретил преграды. Тогда он бросился вперед, в темноту, пока не наткнулся на каменную ручку кресла. А за ним и вокруг него снова вспыхнул свет.

Только теперь свет изменился: он тускнел и мигал, и дергался, как будто боролся за свою жизнь...

Как солнечные шары. Как свет в небе, означающий жизнь для мира. Мигающее и стареющее сердце старика, последний взмах крыльев умирающей птицы...

Ужас схватил Сирана за горло, остановил его дыхание и сделал его тело более холодным, чем труп. Сиран смотрел...

Свет разгорался, пульсировал и как бы завернул Сирана в себя, но все-таки был слабее, чем раньше.

Странное ощущение необходимости сошло на Сирана, нужда и срочность. Вспомнились слова андроидов: «Если не закончим вовремя... Если не закончим, ничто не будет иметь значения».

Тень через весь мир, мрак и смерть. Порабощенная Маус с пустыми глазами строит сияющее чудище, которое станет уздой для мира по воле нечеловеческого мозга.

Это не вязалось со здравым смыслом, но оно что-то означало. Что-то смертельно важное. И ключ ко всей этой дикой смеси был здесь — черноволосый мальчик, спящий на каменном кресте.

Сиран подошел ближе. Мальчик чуть заметно шевельнулся, и лицо его стало встревоженным, как будто изменение света обеспокоило его. Но затем мальчик

вздохнул, снова улыбнулся и уткнул головку глубже в сгиб руки.

— Бас,— сказал Сиран.— Лорд Бас! — Голос его звучал хрипло и необычно.

Мальчик не слышал. Сиран окликнул его громче. Затем положил руку на гладкое белое плечо и потряс спящего, сначала осторожно, а потом сильнее. Мальчик Бас даже не моргнул.

Сиран потряс кулаками в воздухе и беззвучно выругался. Затем почти инстинктивно присел на каменную платформу и взял в руки арфу.

Он ни на что не надеялся. Просто игра на арфе была для него естественной, как дыхание, и то, что было внутри него, выходило наружу этим путем. Он не думал о музыке, он думал о Маус, и это было одно и то же.

Первые случайные аккорды зажурчали по стенам молочного света. Затем — скорбь Сирана передалась от его пальцев струнам, и он послал ее кружиться в неподвижном воздухе. Струны пели неистово и дико, но из-за этой дикости выходили звуки рвущегося сердца Сирана и его недавних слез.

Время исчезло. И Сиран — тоже. Здесь была только арфа, певшая погребальную песнь черноволосой Маус и миру, в котором она жила. Все остальное не имело значения. Важно было только это.

Наконец не осталось ничего, о чем могла бы кричать арфа. Последний трепет струн ушел в пустоту, и остался только маленький человек в желтых лохмотьях, молча скорчившийся у каменного креста, закрывший лицо руками.

Затем послышалось слабо и отдаленно как бы эхо слов, сказанных в другом месте и времени:

— Не опускай завесу, Марсали! Не...

Сиран насторожился. Губы мальчика шевелились. Лицо с закрытыми глазами исказилось в мольбе. Руки тянулись, пытаясь удержать что-то, ускользавшее, точно туман.

Темный туман. Туман снов. Он еще был в глазах мальчика, когда тот открыл их. Серые глаза, затуманенные сном. Затем туман сгустился в слезы...

Он вскрикнул: «Марсали!», как будто его сердце рвалось вместе с дыханием. Он лежал неподвижно, устремив невидящие глаза на молочный свет. Из глаз его бежали слезы.

— Лорд Бас,— тихо сказал Сиран.

— Проснулся! — прошептал мальчик. — Я снова проснулся. Музыка... арфа звучала... Я не хотел просыпаться! Боже, как я не хотел!

Внезапно он сел. Ярость, слепая злоба в юношеском лице поразили Сирана, как удар кулаком.

— Кто разбудил меня? Кто посмел разбудить меня?

Бежать было некуда. Свет держал Сирана. И мысль о Маус. Сиран сказал:

— Это сделал я, Лорд Бас. Но это было необходимо.

Серые глаза мальчика медленно сфокусировались на лице Сирана. Сердце Сирана дернулось и перестало биться. Великий холод дохнул на него откуда-то из-за пределов мира и обволок его сильнее и крепче, чем молочный свет. Тяжело и плотно, как могильная земля.

Лицо мальчика, круглое и гладкое, никаких теней. Розовые девичьи губы. Длинные темные ресницы, а под ними серые глаза, старые от страданий, от боли, от возраста, превосходящее человеческое понимание. Глаза, видевшие рождение, жизни и смерть в бесконечном потоке, текущем вне досягаемости, за пределами слышимости. Глаза, выглядывавшие из решетки личного ада, какой никогда не создавался для человека.

Сильная юношеская рука скользнула по меху и шелкам и взяла что-то: Сиран понял сразу же, что это смерть.

И вдруг он разозлился. Он взял грубый и рычащий аккорд, думая о Маус. Он изливал свою злобу в горьких, едких словах жаргона цыганских кварталов, а в это время Бас неумело вертел в руках оружие.

Его длинные ногти спасли жизнь Сирану: они мешали

Басу сжать пальцы, а за это время в него проникло что-то из вибрирующей ярости Сирана.

Бас прошептал:

— Ты любишь женщину?

— Ну,— промычал Сиран.— Угу!

— И я тоже. Я сотворил женщину и поселил ее в свои сны. Знаешь ли ты, что ты сделал, разбудив меня?

— Может быть, я спас мир. Если легенды справедливы, ты создал его и не имеешь никакого права дать ему умереть, проводя во сне все свое время.

— Я построил другой мир, человек. Мир Марсали. И не хочу оставлять его.— Он наклонился к Сирану.— Я счастлив в том мире. Я создал его подходящим для себя. Я там свой. И знаешь, почему? Потому что он создан по моим мечтам, он такой, каким я хотел его видеть. И людей тоже. И Марсали. И себя тоже...

Меня выгнали из одного мира, и я построил другой, но... он оказался таким же, как и первый. Я не человек. Я не принадлежу ни к людям, ни к миру, в котором они живут. И вот я научился спать и видеть сны.

Он снова лег. Он выглядел таким трогательным, когда открывались его глаза с длинными ресницами.

— Уходи. Пусть трещит твой маленький мир. Рано или поздно он должен погибнуть. Что значит несколько витков жизни против вечности! Оставь меня спать.

Сиран снова дернул струны:

— Нет! Слушай...

Он рассказал Басу об отряде рабов, об андроидах, о сверкающем чудовище в шахте, о тьме, опустившейся на мир. Последнее привлекло внимание мальчика.

Он медленно сел.

— Тьма? Да что ты! Как же ты добрался до меня без света?

Сиран рассказал.

— Камень Судьбы,— прошептал Бас Бессмертный и вдруг засмеялся. Его смех заполнил все темное пространство по ту сторону света. Страшный смех, полный ненависти и странно извращенного торжества.

Он прекратил смеяться так же неожиданно, как и начал, и вытянул руки на пестрых шелках; длинные ногти сверкали, как ножи, глаза широко раскрылись — окна и глубокий ад, а голос стал тихим, как дыхание.

— Значит ли это, что и я тоже умру?

Сиран скривил рот:

— Камень Судьбы...

Мальчик спрыгнул с ложа. Рука его взметнулась над какой-то потайной кнопкой, скрытой в плече каменного креста, и молочный свет умер. В то же время все помещение залил опаловый свет.

Бас Бессмертный сбежал по ступеням. Грациозный черноволосый мальчик, нагишом бегущий в опале.

Сиран пошел за ним следом.

Они вошли в полое сердце Бен Биты — широкое пирамидальное пространство, вырубленное в желтом камне. Бас остановился, и Сиран встал позади него.

Все пространство было хрусталем. Хрустальные стержни, экраны, сети. Сияющая спираль поднималась вверх, к шпилю, который, похоже, выходил прямо в открытый воздух.

В кристалле пульсировал свет, как кровь в человеческих венах. Такого света Сиран еще никогда не видел. Он имел все цвета и вроде бы никакого; он палил глаза жаром, но был холоден и чист, как неподвижная вода. Он бился и пульсировал. Он был живым.

Сиран спускался по хрустальному лабиринту все ниже и ниже, к его основанию. Там, в самой середине, в центре сияющей паутины, лежало *нечто*.

Как черная рука, приложенная к глазам, упала тьма.

Сиран на мгновение ослеп, и через слепоту пришел мягкий шепот движения. Затем свет появился снова: неопределенно размытое пятно света на черной заплате.

Свет загорался, тускнел и вспыхивал снова. Ржавый луч скользнул по согнутому телу Баса, отразился от хрустальной паутины и ударил в глаза Баса, так что они засверкали, как глаза зверя в темной пещере.

Искры адского огня в лице мальчика, уставившегося на Камень Судьбы.

Камень был не больше человеческого сердца, и в нем была энергия. Даже умирая, он имел ее. Власть построить мир или уничтожить его. Эта энергия не родилась на планете Сирана или на какой-либо другой, это было нагое и совершенное яйцо из чрева самого космоса.

Камень боролся за жизнь, лежа в своей хрустальной паутине. Он был как ожидающее сердце, извлеченное из тела и старающееся биться. В нем мерцало и разгоралось пламя, посылая белые лучи света по хрустальному лабиринту.

Сиран знал, что снаружи во всем мире солнечные шары пульсировали и мерцали в такт умирающему биению Камня.

— Он кончается,— прошептал Бас.

Не зная почему, Сиран коснулся струн арфы, и они задрожали.

— Значит, легенды правы. Камень Судьбы хранит жизнь мира.

— Да. Он дал ему свет и тепло, а до этого дал энергию кораблю, который доставил меня сюда через космос,— с третьей планеты нашего солнца на десятую. Он закрыл бреши в коре планеты и пустил в ход машины, наполнившие атмосферой полую атмосферу внутри. Она построила мой мир, *мой* мир, где меня должны были любить и почитать, да, и поклоняться мне! — Он горько засмеялся.— Я был ребенком. После стольких веков я все еще ребенок, играющий в игрушки.— Голос его стал громче. Голос мальчика, чистый и нежный. Бас говорил не Сирану и даже не себе, а Судьбе и... проклинал ее.— Однажды утром я пошел погулять. Больше мне нечего было делать. Я был сыном рыбака, гулял по зеленым холмам Атлантиды над океаном. И я был доволен: я сын рыбака, со временем сам стану рыбаком и буду иметь своих сыновей. И вот, неизвестно как, с неба упал метеорит, был страшный

удар грома, ослепительная молния, а потом тьма. А когда я очнулся, я стал богом.

Я взял «камень судьбы» из его разбитой раковины. Свет его горел во мне, и я был богом. И я был счастлив. Я *не знал*.

Я был слишком молод, чтобы быть богом... Мальчик, который никогда не вырастет. Мальчик, который хочет играть с другими мальчиками, но не может. Мальчик, желающий стать взрослым, отрастить бороду, иметь мужской голос, найти любовь женщины. Первое возбуждение миновало, настал ад. И что всего хуже, мозг и сердце выросли, а тело — нет.

И стали говорить, что я не бог, а урод. Жрецы Дагона во всех храмах Атлантиды выступили против меня. И я бежал. Я скитался по всей Земле до Потопа и нес Камень.

Иногда я правил несколько столетий как бог-король, но всегда случалось так, что народ уставал от меня и восставал. Люди ненавидели меня за то, что я жил вечно и не старел. Мужчину они приняли бы, но не мальчика! Мозг мой со всей мудростью, какую он мог получить от прожитого, вырос настолько выше их мозга, что мне трудно было говорить с людьми, а для развлечения взрослых я был слишком юн...

Сиран вздрагивал от ада в агонизирующем голосе мальчика-бога.

— Итак, я стал ненавидеть их, и, когда они выгоняли меня, я пользовался силой Камня и уничтожал их. Я знаю, что случилось в городах Гоби, Ангкора и в храмах Майарана! Чем больше народ боялся меня, тем сильнее ненавидел, и я в конце концов остался один. Никто никогда не был более одиноким, чем я. И вот я построил свой собственный мир в сердце мертвой планеты. Но, в конце концов, он оставался таким же, потому что его населяли люди, а я не был человеком. Я сотворил андроидов — уродов вроде меня самого — и поставил их между собой и моим народом, потому что они были моими созданиями, и я мог доверять им. А потом я создал третий мир в моих грезах.

А теперь вот сила Камня Судьбы подходит к концу. Его атомы съедаются его же собственным огнем. Мир, который зависел от его силы, умрет. А что будет со мной! Буду ли я жить, когда мое тело замерзнет в холодной темноте?..

Наступила тишина. Пульсирующее биение света в хрустальных стержнях. Сердце мира на смертном ложе.

Арфа Сирана упала с хрустальным звоном. Сиран сказал:

— Бас! Теперь я понимаю, что за чудовище строят твои андроиды в шахте! Они знают, что Камень умирает, и хотят иметь собственную энергию, чтобы захватить мир. Не позволяй им этого, Бас! Ты привез нас сюда. Мы — твой народ. Ты не можешь позволить андроидам взять нас!

Мальчик засмеялся тихо и горько:

— Какое мне дело до твоего мира и твоего народа! Я хочу только спать...

Он вздохнул и обернулся, как будто думал, что вернулся обратно к каменному кресту.

ГЛАВА 6

— Подожди...— Сиран ударил по струнам поднятой им арфы. Все человечество кричало через его арфу. Маленькие люди, потерянные, испуганные, умоляющие о помощи. Голос не мог сказать того, что говорила арфа. Она была самим Сираном, каналом для немыслимой боли, переполнявшей Сирана.— Подожди... Ты когда-то был человеком. Ты был молод, ты смеялся и ссорился, ел и спал... и ты был свободен. Мы просим только этого. Именно этого. Вспомни Баса... вспомни сына рыбака и помоги нам!

Серые глаза взглянули на Сирана.

— Как я могу помочь вам, даже если бы я захотел этого?

В Камне Судьбы еще осталась какая-то сила. А андроиды — твои создания. Ты их изготовил, ты можешь разрушить их. Сделай это раньше, чем они кончат свою постройку. Судя по их словам, они собираются уничтожить тебя с ее помощью.

Бас засмеялся и тяжело сказал:

— Они возьмут энергию от гравитационной силы планеты и передадут ее тем же способом. И это не остановится до тех пор, пока планета вертится. Если они кончат свое строительство вовремя — мир будет жить. Если нет...— Он пожал плечами.— Какая разница?

— Итак,— прошептал Сиран,— у нас выбор: быстрая смерть или смерть медленная. Мы можем умереть свободными, на своих ногах, или же умрем рабами.— Его голос поднялся до крика.— Бас! Нет, ты не бог! Ты эгоистичный мальчишка, надувшийся в углу. Ладно, убирайся к своей Марсали! А я сыграю роль бога! — Он сжал крепче арфу.— Я сыграю роль бога и выкину андроидов оттуда!

Он размахнулся, чтобы ударить по хрустальной паутине. И тут, по слепой случайности, свет загорелся снова.

Они застыли, моргая в опаловом жару. А затем их глаза повернулись к хрустальной паутине.

Камень Судьбы все еще трепетал, как умирающее сердце, а хрустальные стержни потускнели.

— Поздно,— прошептал Сиран.— Они закончили.

Снова тишина. Они стояли, будто ожидая чего-то. Сиран держал в руке молчащую арфу.

Слабо, очень слабо звякнули струны под его пальцами.

Вибрация. Сиран услышал ее в кристалле. Она была похожа на далекое жужжание насекомых.

— Что это?

Мальчик слышал хуже, чем Сиран. Но вот он улыбнулся и сказал:

— Так вот что они хотят сделать. Вибрация превратит Бен Биту в облако пыли, и меня вместе с ней.

Они уверены, что я все еще сплю.— Он пожал плечами.— Какая важность? Это смерть.

Сиран повесил арфу за спину. Вот и кончено действие.

— Отсюда есть путь в шахту. Где он?

Бас указал нужное направление. Сиран не сказал ни слова и двинулся туда.

— Куда ты? — спросил Бас.

— Назад к Маус,— просто ответил Сиран.

— Умереть с ней.— Хрустальный лабиринт мрачно жужжал. — Я хотел бы снова увидеть Марсали.

Сиран остановился и равнодушно бросил через плечо:

— Смерть Камня означает и твою смерть?

— Нет. Первый взрыв его света, когда он приземлился, загоревшись от трения, изменил клеточную структуру моего тела. Я не завишу от Камня, как андроиды не зависят от чана с культурой, в котором они выросли.

— А новый источник энергии будет работать, когда Камень перестанет давать свою энергию?

— Да. Даже лучевая стена, защищающая и питающая мое тело, пока я сплю, может продолжаться. Энергия Камня передавалась в нее и солнечные шары. Это не механическая передача.

Сиран мягко сказал:

— А ты любишь эту Марсали? Ты счастлив в том сонном мире, который ты создал? Ты можешь уйти туда?

— Да,— прошептал Бас.— Да. Да!

— Тогда помоги мне уничтожить андроидов. Отдай нам наш мир, и мы отдадим тебе твой. Если не получится — что ж, нам нечего терять.

Молчание. Хрустальная паутина зажужжала и запела — шепчущая смерть. Камень Судьбы забился, как грудка умирающей птицы.

Серые глаза мальчика затуманились и смотрели куда-то вдаль. Можно было подумать, что он засыпает. Потом он улыбнулся неловкой радостной улыбкой, как улыбался, когда Сиран видел его спящим на каменном кресте.

— Марсали,— шептал он.— Марсали!

Он шагнул вперед и потянулся через хрустальную паутину. Длинные ногти зацепили Камень Судьбы и укрыли его ладонью.

— Пошли, человек,— сказал Бас Бессмертный.

Сиран ничего не сказал. Он смотрел на Баса. Глаза его увлажнились. Затем он снова взял арфу в руки и ударил по струнам, и громовые аккорды вызвали ответную музыку в хрустальном лабиринте. Эта музыка затопила слабый шепот смерти. Затем, попав между двумя вибрациями, сверкающие стержни треснули и упали с дрожащим звуком далеких колокольчиков. Сиран повернулся и пошел вниз к шахте. За ним шел черноволосый мальчик с Камнем Судьбы в руках.

Они дошли до развилки, где Сиран и рыжий охотник сражались с Калдами. Здесь по-прежнему сидели на страже четыре серых зверя. Сиран выхватил из-за пояса жезл. Калды вскочили, и Сиран готов был биться с ними. Но Бас сказал ему:

— Подожди.

Он шагнул вперед. Калды смотрели на него своими красными глазами. Мрачный взгляд мальчика вспыхнул. Серые звери задрожали, съежились от страха и пали ниц.

— Они телепаты,— сказал Бас Сирану,— и повинуются более сильному мозгу. Андроиды знают это. Калды поставлены здесь не для того, чтобы задерживать меня физически, а лишь для того, чтобы послать предупреждение андроидам, если я появлюсь.

Сиран вздрогнул:

— Значит, они ждут.

Они прошли по длинному туннелю и остановились на полу шахты. Там царила странная тишина. Огонь в горнах умер. Не звучали молоты, не было движения. Только слепящий свет и великое безмолвие. Никого не было видно.

Металлическое чудовище поднялось из шахты. Оно было завершено. Хитроумная путаница решеток и ба-

лансиров в его брюхе бормотала энергией, которая шла через машину из ядра планеты. Чудовища напоминало громадного паука, раскинувшего невидимые нити энергии, чтобы схватить ими мир и высосать его.

Из-за экранированных навесов и машин выступила армия Калдов. Со стороны аидроидов это было несерьезно: просто пристрелка, не ослабел ли Бас Бессмертный после векового сна. Но Бас не ослабел. Калды посмотрели на Камень Судьбы, потом в серые глаза Баса, раболепно склонились, повизгивая, и легли ничком.

— Их мозг закрыт для меня,— прошептал Бас,— но я все же чувствую, что андроиды работают, готовят какую-то ловушку...— Его глаза закрылись, юношеское лицо застыло в сосредоточенности.— Они не хотят, чтобы я видел... но мой мозг старше их мозга и я лучше тренирован, к тому же у меня есть энергия Камня, так что я вижу контрольную панель, которая управляет силой их машины...

Он быстро побежал, не открывая глаз. Похоже, он видел и без них.

Из-за навесов и остывших кузниц стали выходить люди, бессмысленные лица, пустые глаза. Рабы толпой встали перед Басом.

— Маус? — вскричал Сиран.

Она была здесь. Точнее, здесь было ее тело. Худое, прямое, в малиновой тунике. Растрепанные черные волосы падали вокруг маленького загорелого лица; и той Маус, которую знал Сиран, не было за пустыми черными глазами.

— Маус,— прошептал еще раз Сиран.

Рабы сплотились массой нереагирующих тел вокруг Баса и Сирана.

— Ты не можешь освободить их, Бас?

— Пока нет. Потом...

— А нельзя поступить с ними, как с Калдами?

— Андроиды управляют их мозгом под гипнозом. Если я буду бороться с этим контролем, люди либо умрут, либо станут идиотами. И сейчас не время для

этого.— На лице Баса выступил пот.— Я должен пройти через них, но мне не хотелось бы убивать их.

— Нет, не надо,— хрипло сказал Сиран, глядя на Маус.

— Но это может случиться, если... Постой! Я могу пропустить энергию Камня через свой собственный мозг, поскольку между нами родство. Вибрация, клетка за клеткой... Андроиды не смогут дать определенную команду против музыки. Может, мне удастся приоткрыть мозг рабов настолько, чтобы ты разбудил их своей музыкой, как вызвал меня.— Почти болезненная дрожь прошла по телу мальчика. — Уведи их, Сиран. Уведи их как можно дальше, иначе многие из них погибнут. Торопись! — Бас поднял Камень Судьбы в сложенных ладонях и поднес ко лбу, а Сиран взял в руки арфу. Он смотрел на Маус, когда заставил струны петь. Ему было легко играть, поскольку что-то шло от него к Маус. Мольба. Обещание. Он протягивал ей в песне свое сердце.

Музыка рябью прошла по плотной человеческой массе. Сначала рабы не слышали ее. Затем — легкое движение, вздох, тупая и слепая связь. Сквозь затянутый тьмой мозг что-то прошло — какое-то сообщение. Сообщение о надежде. Воспоминание о солнечном свете на холмах, о смехе, о доме, о любви.

Сиран понизил звуки музыки до шепота, и люди двинулись вперед, желая слышать. Он стал медленно отходить назад, и люди шли следом. Раза два-три он останавливался, пока вся масса не хлынула, точно вода, за ним.

Стройное юношеское тело Баса быстро заскользило сквозь сломанные ряды толпы.

Сиран уловил взгляд Маус, прежде чем она затерялась среди других рабов. Она вскрикнула, не зная и не понимая почему.

Если Бас умрет, если Бас потерпит неудачу, Маус никогда не узнает и не вспомнит.

Сиран увел их так далеко, как мог — к стене шахты,

и перестал играть. Люди остановились и стояли, как скот, глядя внутрь себя, в свои затуманенные сны. Сиран оставил их там и побежал по пустому туннелю.

Он бежал в том направлении, куда ушел Бас. Сиран торопился, он бежал, как в страшном сне, когда человек бежит и бежит и никуда не прибегает. Сиял свет, металлическое чудовище вздыхало и шуршало высоко над головой Сирана, но никаких звуков не было; не было и никакого движения, кроме движения самого Сирана.

И вдруг свет погас.

Сиран споткнулся, жестоко ударился о невидимый столб, упал и закопошился в обрезках металла. Спустя целую вечность он снова увидел свет вдали. Тот самый свет, который Сиран уже видел здесь в шахте. Молочный свет, что притягивал человеческий мозг и держал его как цепями. Сиран подполз ближе.

На каменном возвышении находилась контрольная панель — непонятная смесь шкал и проводов. Перед панелью управления стояли андроиды. Один склонился над панелью, его желтые руки осторожно работали с ручками настройки. Другой стоял рядом и держал жезл; металлический шарик на головке жезла был открыт, и из него в темноту выплескивалось молочно-белое пламя.

Сиран скорчился за столбами, прикрывая глаза. Даже теперь ему хотелось пойти в этот свет и стать его рабом.

Андроид с жезлом резко сказал:

— Неужели ты не можешь нащупать длину волны? Теперь он уже умер, вероятно.

Склонившийся над панелью андроид выпрямился. Черные бездонные глаза казались самим Злом, они ничем не напоминали человеческие.

— Нашел,— проговорил он.

Свет из жезла стал сильнее, он крутился опасной яростью.

Сиран едва дышал. Источник света, каков бы он ни был, являлся частью Камня Судьбы. Длина волны ничего

не означала для Сирана, но он понял, что Камню грозит опасность, а ведь Бас несет его.

Андроид коснулся жезла. Свет умер, задохнулся, когда металлический шарик закрылся.

— Если в Камне осталась какая-то энергия,— прошептал андроид,— наша энергетическая волна взорвет его субатомный резерв, а заодно и Баса Бессмертного!

Тишина. Затем в угольной тьме шахты появился свет. Он становился ярче, и пятнистое отражение позади него и над ним превратилось в голову и плечи Баса Бессмертного.

— Сильнее! Торопись! — шепнул андроид.

Желтая рука сделала быструю поправку на пульте. Камень Судьбы загорелся ярче. Он взорвался светом. Он был точно солнечный шар и бросал в темноту свою жаркую ярость.

— Больше,— подсказывал андроид.

Бас остановился, глядя на платформу, и ухмыльнулся. Серые глаза прекрасного в своей юности нагого мальчика затуманились под темными ресницами.

Он швырнул Камень Судьбы на помост, как дети бросают камни на верхушку дерева.

Свет. Взрыв света, без звука, без физической силы. Сиран упал вниз лицом за столбами. Спустя долгое время он вновь поднял голову. Свет лился сверху, а Бас стоял на платформе рядом с двумя глыбами бездушных искусственных людей. Плоть андроидов коробилась, изгибалась и чернела от излучения, как кожа в огне.

— Бедные уродцы,— тихо проговорил Бас.— Они, как и я, не имели во всей вселенной места, которое принадлежало бы им. Поэтому они тоже грезили... только их грезы были злом.

Он поднял что-то — округлый черный камень, в котором было не больше жизни и света, чем в обычной, обкатанной водой гальке.

Бас вздохнул, покатал его в ладонях и уронил.

— Если бы у них было время изучить свою машину

получше, я никогда не добрался бы до них живым...— Он посмотрел на Сирана, растерянно стоявшего внизу.— Только благодаря тебе, человек, им не хватило времени.— Он взмахнул жезлом.— Неси это, и я освобожу твою Маус.

ГЛАВА 7

Спустя долгое время Маус, Сиран и Бас Бессмертный стояли в опаловом свете большой комнаты КРЕСТА АНСАТА. Снаружи снова был нормальный, спокойный мир. Бас оставил подробные инструкции, как управлять и обращаться с энергетической установкой.

Освобожденные рабы пошли по домам через Запретную Равнину — теперь она больше не была запретной. Калды были милосердно усыплены глубоким сном, от которого они никогда не проснутся. Мир стал свободным, чтобы человечество сделало его хорошим или плохим под собственную ответственность.

Маус стояла вплотную к Сирану, обняв его за талию; его рука обвила ее плечи. Малиновые лохмотья смешивались с желтыми... Бас улыбался им обоим.

— Теперь,— сказал он,— я могу быть счастлив, пока планета не умрет сама.

— Ты не хочешь остаться с нами? Наша благодарность, наша любовь...

— ...уйдут со следующими поколениями... Нет, маленький человек. Я построил для себя мир, где я свой... единственный мир, где я всегда буду своим. И я буду счастливее в нем, чем вы в своем, потому что это мой мир, где нет ни раздоров, ни безобразия, ни страданий. Прекрасный мир для меня и Марсали.

Его окружало сияние, о котором Сиран когда-нибудь споет, хотя он лишь наполовину понимал его природу.

— Я не завидую вам,— улыбаясь, прошептал Бас,— а вы когда-нибудь подумаете о нас и позавидуете.

Он повернулся, легко прошелся по широкому каменному полу и поднялся по ступеням возвышения, Сиран тронул струну арфы. Он послал мелодию к высокому своду, наполнив все пространство в скале звенящей мелодией.

Он запел ту песню, которую пел для Маус на гребне над горным уступом и горящим морем. Простую песню о двух любящих.

Бас лег на ложе из мехов и цветных шелков, смягчающих каменный крест. Он еще раз с улыбкой оглянулся на Сирана и Маус. Гладкая белая рука поднялась в жесте прощания и опустилась на черный камень.

Молочный свет окутал платформу. Он шел волнами, кружился и утолщался в стену цвета теплой жемчужины. Еще с минуту люди видели сквозь эту стену черноволосую голову Баса, лежащую на сгибе руки, его тело, раскинувшееся в небрежной угловатой грации. Затем осталась только теплая и мягкая оболочка света.

Туннель в шахту был заделан. Сиран и Маус вышли в золоченые двери и плотно закрыли их. Эти двери не должны были открываться, пока жив мир. Затем они обнялись и поцеловались. Грубые крепкие руки вокруг живой плоти, смешавшееся дыхание, губы, согретые жизнью. Зажигательность и страсть, пустые желудки и арфа, что поет на переполненных народом рыночных площадях и над головой вместо крыши — только открытое небо.

И Сиран не завидовал черноволосому мальчику, грезящему в своем вечном сне на каменном кресте.

ВУАЛЬ АСТЕЛЛАРА

Повесть

Перевод с английского
Н. Несмеловой

Leigh Brackett

The Veil of Astellar

New-York
1944

Пролог

Чуть больше года назад — по условному Солнечному Времени почтовая ракета упала у штаб-квартиры Управления Межзвездного Пространства на Марсе.

В ней была рукопись, рассказывающая о такой удивительной и ужасной истории, что трудно было поверить, как человек в здравом уме мог оказаться виновным в подобных преступлениях.

Однако после года тщательного расследования рассказ был признан подлинным вне всякого сомнения, и теперь УМП разрешило опубликовать ее точно в таком виде, в каком она была взята из разбившейся ракеты.

Вуаль — свет, который появлялся неизвестно откуда, чтобы поглощать корабли,— исчезла. Все космолетчики Солнечной системы, бродяги-торговцы и капитаны роскошных лайнеров вздохнули с облегчением, как сделал бы всякий, живший до этого в постоянной опасности. Вуаль исчезла, а вместе с ней — и часть сокрушающего ужаса Чуждого Далека. Теперь мы знаем ее полное имя: Вуаль Астеллара. Мы знаем место ее происхождения мир, выброшенный из пространства и времени.

Мы знаем причины ее существования. Мы это знаем из рассказа, написанного агонией человеческой души, и мы знаем, как была разрушена Вуаль.

Глава 1. Труп на канале

У Мадам Кэнс, на Лоу-Канале Джеккары, начался скандал. Какой-то маленький марсианин слишком приналег на фил, и очень скоро заговорили шипастые кастеты, бывшие тут в ходу повсюду. Маленькому марсианину выбили последний пищевой клапан.

То, что осталось от марсианина, выбросили на каменную набережную, почти к моим ногам. Думаю, поэтому я и остановился — я чуть не споткнулся о него. А затем всмотрелся.

Тонкий красный луч солнца падал с чистого зеленого неба. Красный песок шептал в пустыне за городской стеной, красно-коричневая вода медленно и угрюмо бежала по каналу. Марсианин лежал на спине, из его разорванного горла брызгало на пыльные камни что-то красное.

Он был мертв. У него были зеленые, широко раскрытые глаза, и он был мертв.

Я стоял над ним. Не знаю, долго ли. Время не существовало. Не было солнечного света, не замечались прохожие, не было звуков — ничего не было!

Ничего, кроме мертвого тела... мертвого лица, глядевшего на меня; зеленые глаза и оттянутые с белых зубов губы.

Я не знал его. Живой, он был просто марсианским ничтожеством. Мертвый, он был просто мясом.

Мертвый марсианский мусор!

Времени не существовало. Только мертвое улыбающееся лицо.

А затем что-то коснулось меня. Мысль, внезапно всколыхнувшееся пламя мысли ударилось в мой мозг и притянуло его, как магнит притягивает железо. Чья-то мысль, направленная мне. Болезненный ужас, страх и сострадание, такое глубокое, что оно резко потрясло мое сердце... Один резкий, прямой толчок слова-образа пришел ко мне:

«Он как Люцифер, взывающий к небесам,— сказала мысль.— Какие у него глаза! О, Темный Ангел, какие у него глаза!».

Я закрыл эти самые свои глаза. Холодный пот выступил на мне, я пошатнулся, и затем мир снова вернулся в фокус. Солнце, песок, шум, вонь и толпа, грохот ракет в космопорте в двух марсианских милях отсюда. Все было в фокусе.

Я открыл глаза и увидел девушку. Она стояла как раз позади мертвого, почти касаясь его. С ней был молодой парень. Я не обратил на него внимания, он не имел значения. Ничто не имело значения. На ней было голубое платье, и она смотрела на меня дымчато-серыми глазами. Лицо ее было белым, как кость.

Солнце, шум и люди снова ушли, оставив меня наедине с ней. Я чувствовал, как медальон под моей черной одеждой космолетчика жжет меня, а сердце мое, казалось, перестало биться.

«Мисси,— подумал я.— Мисси!».

«Похож на Люцифера, но Люцифера, ставшего святым», — сказала мне ее мысль.

Я неожиданно рассмеялся, грубо и резко. Мир снова вернулся на место и остался тут. И я остался.

«Мисси, Мисси — глупости! Мисси давным-давно умерла».

Меня сбили с толку рыжие волосы. Те же темно-рыжие волосы, длинные и тяжелые, как конский хвост, завивающиеся на белой шее, и такие же, как у Мисси,

дымчато-серые глаза. И еще что-то — веснушки, манера кривить рот как бы для того, чтобы удержать улыбку.

В других отношениях она не так уж сильно походила на Мисси. Она была выше и шире в кости. Жизнь нередко била ее, и это было заметно. У Мисси никогда не было такого усталого и угрюмого взгляда. Не знаю: может быть, она и развила в себе такой упрямый и несгибаемый характер, как у девушки, стоящей передо мной; но тогда я не умел читать мысли.

У этой девушки, смотревшей на меня, было множество мыслей, и вряд ли она хотела, чтобы о них знали. Мне не понравилось одна ее идея, изредка ухватываемая мной.

— Какие младенческие мысли привели вас сюда! — спросил я.

Мне ответил молодой человек. Он был весьма похож на нее — прямой, простой, внутри себя грубый, более грубый, чем выглядел,— мальчик, знающий, как нагрубить и ввязаться в драку. Сейчас он был болен, зол и немного напуган.

— Мы думали, что днем это безопасно,— сказал он.

— В этой дыре день или ночь — все одинаково. Я ухожу.

Девушка, не двигаясь, все еще смотрела на меня, не понимая, что делает.

«Седые волосы,— думала она,— а ведь он не старый. Не старше Брэда, несмотря на морщины. Они от переживаний, а не от возраста».

— Вы с «Королевы Юпитера», не так ли? — спросил я их. Я знал, что они оттуда, так как «Королева» была единственным кораблем в Джеккаре. Я спросил потому только, что она напоминала Мисси. Но Мисси давным-давно умерла.

Молодой человек, которого она в мыслях назвала Брэдом, ответил:

— Да. Мы с Юпитера, из колоний.— Он мягко потянул девушку.— Пошли, Вирджи. Нам лучше вернуться на корабль.

Я был покрыт потом, который был холоднее, чем труп у моих ног.

— Да,— сказал я,— возвращайтесь на корабль. Там безопаснее.

Девушка не шевельнулась, не отвела от меня глаз. Она все еще думала обо мне, со страхом, но уже с меньшим состраданием.

«У него глаза горят,— думала она.— Какого они цвета? В сущности никакого. Просто темные, холодные и горящие. Они смотрят в ужас — и в небо...».

Я позволил ей смотреть мне в глаза. Через некоторое время она покраснела, и я улыбнулся. Она злилась, но не могла отвести глаз: я не отпускал ее и улыбался, пока молодой человек не потянул ее снова настойчивей:

— Пошли, Вирджи.

Я освободил ее, и она повернулась с угловатой грацией жеребенка. Меня словно ударили в живот: ее манера держать голову...

Она внезапно оглянулась, не желая этого.

— Вы мне кого-то напоминаете,— сказала она.— Вы тоже с «Королевы Юпитера«?

Голос ее был похож на голос Мисси. Может, чуть глубже, более гортанный, но все равно похож.

— Угу. Космолетчик первого класса.

— Тогда, значит я там и видела вас.— Она рассеянно повертела обручальное кольцо на пальце.— Как вас зовут?

— Гаут. Дж. Гаут.

— Джей Гаут,— повторила она.— Странное имя. Хотя ничего необычного в нем нет. А странно, что оно меня так заинтересовало.

— Пошли, Вирджи,— сердито сказал Брэд.

Я не оказал ей никакой помощи. Я смотрел на нее до тех пор, пока она не стала малиновой и не отвернулась. Я читал ее мысли. Они стоили того.

Она и Брэд, прижавшись друг к другу, пошли к космопорту, на «Королеву Юпитера», а я перешагнул через мертвого марсианина.

Серые тени поползли на его лицо. Зеленые глаза остекленели и уже ввалились, его кровь на камнях мостовой потемнела. Еще один труп.

Я засмеялся. Я подсунул свой черный сапог под изгиб его спины и скинул труп в угрюмую красно-коричневую воду. А засмеялся я тому, что моя собственная кровь еще горяча и бьется во мне даже сильнее, чем полезно.

Он умер, и я выкинул его из головы.

Я улыбнулся всплеску и расходящейся ряби. «Она ошиблась, — подумал я.— Не Джей, а просто Дж... Я — Иуда» (Иуда пишется через «джей»).

Надо было убить примерно десять марсианских часов до взлета «Королевы Юпитера». Я дошел до столиков у Мадам Кэнс. Она нашла для меня немного особого бренди из кактуса и венерианскую девушку со шкуркой полированного изумруда и золотыми глазами.

Девушка танцевала для меня, и она умела это делать. Это были неплохие десять часов для кабачка Джеккары.

Мисси, мертвый марсианин и девушка по имени Вирджи ушли в мое подсознание, где им полагалось быть, и даже ряби не оставили. Теперь воспоминание о них будет подобно старой ране, которая ноет лишь иногда. Они уже не имеют значения.

Все меняется. Прикованные к планете люди строят себе четыре стенки мысли, покрывают их условностями и думают, что это все. Но космос огромен, есть другие миры и другие пути. Их можно узнать. Любой может. Попробуйте и увидите.

Закончив огненный зеленый бренди, я заполнил ложбинку между грудями венерианской танцовщицы марсианским серебром, поцеловал девушку и пошел со слабым привкусом рыбы на губах обратно к космопорту.

Я не спешил. Была ночь, слабый холодный ветер шелестел песком, низкие луны бросали серебро и странно черные тени на дюны. Я видел, как моя аура сияла бледным золотом на фоне серебра.

Я чувствовал волнение. Единственное, что я думал о «Королеве Юпитера» — что очень скоро моя работа закончится, и мне заплатят.

Я потянулся от удовольствия, о котором вы ничего не знаете — как удивительно быть живым.

На залитой лунным светом пустыне в миле от космопорта. никого не было, когда Гэлери вышел из-за разрушенной башни, которая, вероятно, была маяком в те времена, когда пустыня была морем.

Гэлери был королем щупачей в этой богоспасаемой дыре. Он был зол, умеренно пьян и его экстрасенсорное восприятие дрожало в нем, как чувствительная диафрагма. И я знал, что он может увидеть мою ауру. Очень слабо и не глазами, но все равно... Я знал, что он увидел ее в первую же нашу встречу, когда я нанимался на борт «Королевы Юпитера» на Венере.

Такие люди иногда встречаются. Среди кельтской и романской рас на Земле, среди марсиан, в некоторых племенах Венеры. Экстрасенсорное восприятие у них врожденное. По большей части оно не разработано, но это может быть вам на пользу.

Это как раз и было мне на пользу. Гэлери был на четыре дюйма выше меня и фунтов на тридцать тяжелее, и выпитое им сделало его проворным, упорным и опасным. И кулаки у него были здоровые.

— Ты не человек,— мягко сказал он. Он улыбался. По его улыбке и мягкому голосу можно было подумать, что он очень любит меня. Пот делал его лицо похожим на полированное дерево.

— Нет, Гэлери,— ответил я.— Ни в коей мере. И уже давно.

Он слегка качнулся на согнутых коленях. Я увидел его глаза. Лунный свет смыл с них голубизну, остался только страх, твердость и блеск.

Голос его все еще был мягким и певучим:

— Кто же ты тогда? И зачем тебе корабль?

— Корабль мне ни к чему, Гэлери. Нужны только люди на нем. А кто я — не все ли равно?

— Все равно,— сказал он.— Все равно, потому что я сейчас тебя убью.

Я беззвучно засмеялся. Он медленно кивнул своей черной головой:

— Пожалуйста, скаль зубы, если хочешь... Скоро ты будешь скалить их в небо с обглоданного черепа.

Он разжал кулаки. Я увидел в каждой его ладони по серебряному кресту.

— Нет, Гэлери,— ласково сказал я,— ты, вероятно, считаешь меня вампиром, но я не из их породы.

Он снова сжал в руках распятия и медленно пошел вперед. Я слышал хруст его сапог по песку. Я не двигался.

— Ты не можешь мёня убить, Гэлери.

Он не остановился. И ничего не сказал. Пот стекал по его лицу. Он боялся, но не останавливался.

— Ты умрешь здесь, Гэлери, и умрешь без священника.

Он не остановился.

— Иди в город, Гэлери. Спрячься, пока «Королева Юпитера» не стартует. Ты спасешь свою жизнь. Неужели ты так сильно любишь других, что готов умереть за них?

Он остановился и нахмурился, как сбитый с толку мальчишка. Эта мысль была новой для него.

Я получил ответ до того, как он высказал его:

«При чем тут любовь? Они — люди».

Он снова двинулся ко мне, и я широко раскрыл глаза.

— Гэлери.

Он подошел близко. Достаточно близко, чтобы я почувствовал запах виски. Я посмотрел ему в лицо. Я захватил его взгляд и держал его, и он остановился, медленно подтягивая ноги, как будто они внезапно отяжелели.

Я держал его глаза. Я слышал его мысли. Они были теми же. Они всегда одинаковы.

Он поднял кулаки, но так медленно, точно в каждом из них было по человеку. Губы его оттянулись, так что

я видел влажный блеск его зубов, слышал, как из них вырывается хриплое, тяжелое дыхание.

Я улыбнулся, продолжая удерживать его глаза своими.

Он опустился на колени. Дюйм за дюймом, борясь со мной, но опустился. Крупный мужчина с потным лбом и голубыми глазами, которые не могли оторваться от моих глаз.

Руки его разжались. Серебряные кресты упали и блестели на песке.

Его голова опустилась. Жилы на шее набухли и дергались. Внезапно он упал на бок и застыл в неподвижности.

— Ты остановил мое сердце,— прошептал он.

Это единственный способ. Они чувствуют нас инстинктивно, и даже психохирургия не поможет тут. К тому же, обычно нет времени.

Теперь он не мог дышать. Не мог говорить, но я слышал его мысли. Я поднял распятия и сомкнул его пальцы на них.

Ему удалось чуть-чуть повернуть голову и взглянуть на меня. Он пытался заговорить, и я ответил на его мысль:

— Гэлери, я отведу «Королеву» в Вуаль.— Его глаза широко раскрылись и застыли, и его последней мыслью было:

«Вот уж никогда не думал!..«

Я оттащил его обратно в развалины башни, где его, вероятно, не скоро найдут, и снова направился в космопорт. Но затем остановился.

Он опять уронил кресты. Они лежали на тропе под лунным светом, и я поднял их, подумав, что брошу их в рыхлый песок, где их никто не увидит.

Но я не сделал этого. Я стоял и держал их. Они не жгли мою плоть. Я засмеялся.

Да, я смеялся. Но я не мог смотреть на них.

Я вернулся к башне, положил Гэлери на спину, скрестил ему руки на груди и закрыл ему глаза. Рас-

пятия я положил на его веки и ушел, на этот раз окончательно.

Ширана однажды сказала, что понять человеческий мозг невозможно, как хорошо не изучить его. Иногда в него входит страдание. Чувствуешь себя прекрасно, все идет отлично, и вдруг в мозгу открывается какая-то дверца — и начинаешь вспоминать.

Это бывает не часто, и привыкаешь быстро захлопывать дверцы. Но все равно Флэйк — единственный из нас, у которого все еще черные волосы, но у него, прежде всего, нет души.

Итак, я захлопнул дверцу с Гэлери и его крестами, а через полчаса «Королева» стартует к юпитерианским колониям, где она никогда не приземлится.

Глава 2. Путешествие к смерти

Ничего не происходило, пока мы не прошли окраину Пояса Астероидов. Я следил за мыслями экипажа и знал, что Гэлери никому не говорил обо мне. Кто станет рассказывать людям, что от парня на соседней койке исходит желтое свечение, и что он не человек? Влезешь в смирительную рубашку — только и всего. Тем более, когда речь идет о вещах, которые чувствуешь, но не видишь — вроде электричества.

Когда мы попали в опасную зону внутри Пояса, из предосторожности были установлены вахты у выходных люков на пассажирских палубах, и я был назначен на одну из них. Я стал подниматься на свое место.

Как раз на вершине трапа я почувствовал первую слабую реакцию на коже, и моя аура заблестела и стала пульсировать.

Я подошел к люку два и сел.

Я еще не бывал на пассажирской палубе... «Королева Юпитера» была старым торговым кораблем, переделанным для перевозок в глубоком космосе. На нем был

большой груз продуктов, семян, одежды, фермерского оборудования и около пятисот семей, переселявшихся в юпитерианские колонии.

Я вспомнил, как впервые увидел Юпитер. Тогда еще ни один человек Земли не видел его. Это было очень давно.

Теперь палуба была загромождена. Мужчины, женщины, дети, прислуга, тюки, узлы и всякое такое. Марсиане, венерианцы, земляне — все сгрудились, поднимая страшный шум. Из-за жары и скученности стоял тяжелый запах.

Мою кожу пощипывало. Аура стала ярче.

Я увидел девушку. Девушку по имени Вирджи с густыми рыжими волосами, ее манерой двигаться. Она и ее муж нянчились с крепким зеленоглазым марсианским младенцем, в то время как его мать пыталась уснуть, и у них была одна и та же мысль:

«Может быть, у нас когда-нибудь будет свой».

Я подумал, что Мисси тоже так же смотрела бы на нашего малыша, если бы он у нас был.

Моя аура пульсировала и пылала.

Я наблюдал, как сверкали маленькие миры, еще очень далекие от корабля, всех размеров — от камешков до обитаемых планетоидов — блестящих с освещаемой солнцем стороны и черных, точно космос, с теневой. А люди столпились у экранов, и я увидел старика, стоявшего почти рядом со мной.

Штамп космоса стоял на всей его фигуре, его лице, в его взгляде голодной собаки, когда он смотрел на Пояс Астероидов. Старик космолетчик, который нимало сделал в свое время и обо всем этом помнил.

Затем появилась Вирджи с младенцем на руках; Брэд был с ней. Она стояла спиной ко мне.

— Просто чудо,— тихо сказала она.— Ох, Брэд, ты только посмотри!

— Чудо, и смертельное,— сам себе сказал старый космолетчик, огляделся вокруг и улыбнулся Вирджи.— Это ваше первое путешествие?

— Да, первое для нас обоих. Может, мы чересчур таращим глаза на все, но это так необычно.— Она беспомощно развела руками.

— Я понимаю. Для этого нет слов.— Космолетчик вновь повернулся к экрану. Его лицо и голос ничего не выражали, но я читал его мысли:

«И я, бывало, оставлял корабельный груз в первом поселении... пятьдесят лет назад. Нас было десять человек. Остался только я один».

— До появления дефлекторов Рассона Пояс был опасен, — сказал Брэд.

— Пояс получил только три дефлектора,— тихо сказал старик.

Вирджи подняла рыжую голову:

— Значит...

Старик не слышал ее. Его мысли были далеко:

«Шесть лучших людей космоса, а потом... семнадцать лет назад — мой сын!» — Он сказал это чуть слышно, почти про себя, ни к кому не обращаясь.

Женщина, стоявшая рядом с ним, повернула голову. Я увидел ужас в ее глазах и окаменелость губ.

— Вуаль? — прошептала она.— Вы ее имеете в виду?

Старик попытался заставить ее замолчать, но вмешалась Вирджи:

— Что такое Вуаль? Я слышала о ней, но очень уж неопределенно.

Марсианский бэби занялся серебряной цепочкой, висевшей на шее Вирджи. Мне эта цепочка показалась знакомой. Вероятно, она была на Вирджи в нашу первую встречу. Моя аура пылала жарким золотым светом.

Женщина отошла, и ее слова прозвучали как эхо, когда она ответила:

— Никто не знает. Ее нельзя найти, выследить или вообще определить. Мой брат, космолетчик, видел ее однажды с далекого расстояния; она появляется неизвестно откуда и поглощает корабли. Потом свет ее тускнеет, а корабль исчезает! Мой брат видел ее здесь, возле Пояса.

— Она может быть как здесь, так и в любом другом месте,— резко возразил старик.— Она берет корабли и в глубоком космосе, и на земной орбите. Так что нет причин бояться.

Аура горела вокруг меня, как облако золотистого света.

Зеленоглазый марсианчик внезапно выдернул цепочку и возликовал, поднял ее кверху. То, что висело на ней и раньше было спрятано под платьем Вирджи, теперь медленно кружилось, притягивая мой взгляд.

Видимо, я издал какой-то звук, потому что Вирджи обернулась и увидела меня. Не знаю, что она подумала. Я долгое время не соображал ничего, только чувствовал холод, точно мертвый черный космос каким-то образом прошел сквозь экран и коснулся меня.

Блестящая вещь крутилась на серебряной цепочке, и марсианчик следил за ней. И я тоже.

Затем настала тьма, и я стоял в ней, неподвижный и холодный!

Голос Вирджи пробился сквозь мрак, спокойный, обыкновенный, словно ничего не случилось.

— Я вспомнила на кого вы похожи, мистер Гаут. Боюсь, что я была невежлива в тот день на Марсе, но меня ошеломило сходство. Смотрите...

В мою темную ледяную оболочку вошел белый предмет: крепкая белая рука с покрасневшими от работы суставами держала что-то в ладони. Что-то, что горело чистым, страшным собственным светом. Голос все так же спокойно продолжал:

— Это медальон, мистер Гаут. Старинный. Ему больше трехсот лет. Он принадлежал моей далекой прабабке, и семья хранила его с тех пор. Это, в сущности, любовная история. Прабабка вышла замуж за молодого космолетчика. В те времена космические полеты были еще внове и довольно опасными, и этот молодой космолетчик любил полеты так же, как любил свою жену. Его звали Стивен Вэнс. Здесь его портрет. Поэтому я и подумала, что где-то видела вас, вот и спросила о вашем имени. Сходство потрясающее.

— Да,— согласился я.

— А эта девушка — его жена и, конечно, первоначальная владелица медальона. Муж звал ее Мисси. Это имя выгравировано на обороте медальона. И вот ему представилась возможность сделать первый перелет с Марса на Юпитер, и Мисси знала, что какая-то часть его умрет, если он не полетит, и она отпустила его. Он даже не знал, что на свет должен появиться ребенок, которого оба очень хотели: она ему не сказала, потому что тогда он отказался бы от полета.

Стивен заказал два медальона, совершенно одинаковых. Он сказал ей, что медальоны будут связью между ними, которую ничто не нарушит. Что бы ни случилось, он вернется к ней. Он улетел на Юпитер и не вернулся. Его корабль так и не нашли.

Но Мисси носила медальон и молилась. А умирая, она отдала его своей дочери. Это стало семейной традицией. Поэтому теперь он у меня.

Голос ее стал тягучим, сонным, со слабой ноткой удивления. Рука с медальоном опустилась. Вокруг меня наступило великое спокойствие, великий мир.

Я закрыл лицо руками. Я старался что-то сказать, сказать те слова, которые я говорил много-много лет назад. Но слова не приходили. Их не бывает, когда попадаешь *туда*.

Я опустил руки и снова смог видеть. Я не тронул медальона на своей шее. Я чувствовал его на своей груди, как опаляющий холод космоса.

Вирджи лежала у моих ног. Она все еще держала ребенка на сгибе руки. Его круглое коричневое лицо было повернуто к ней. Брэд лежал рядом с ними, обхватив их рукой.

Медальон лежал на округлости груди Вирджи, открытый изображением вверх, медленно поднимаясь и опускаясь в такт ее дыханию.

Они не страдали. Не забывайте этого. Они не страдали. Они спали и видели счастливые сны. Пожалуйста, помните это! Никто из них не страдал и не мучился.

Я один стоял на этом молчаливом корабле. На экранах не было ни звезд, ни маленьких миров Пояса. Была лишь Вуаль света, плотно обернувшая корабль, мягкая сетка из зеленых, пурпурных, золотых и синих витков, прикрепленных ярко-алыми нитями к блестящей основе, не имеющей никакого цвета.

Как всегда, электрическое освещение потускнело. Люди спали на широкой палубе. Я слышал их медленное, спокойное дыхание. А моя аура горела, как золотое облако, и мое тело в ней пульсировало жизнью.

Я посмотрел вниз на медальон, на лицо Мисси. Если бы ты сказала мне! О, Мисси, если бы ты мне сказала, я мог бы спастись. Рыжие волосы Вирджи тяжело лежали на белой шее. Дымчато-серые глаза, полузакрытые, спящие. Волосы Мисси. Глаза Мисси.

Моя. Часть моей плоти, часть моей кости, часть моей крови. Часть жизни, которая все еще билась и трепетала во мне.

Триста лет!

О, если бы я мог хотя бы молиться!

Я встал возле Вирджи на колени. Я протянул руку. Золотой свет вышел из плоти и закрыл ее лицо. Я убрал руку и медленно встал. Гораздо медленнее, чем падал умирающий Гэлери.

Сияние Вуали прошло через весь корабль. Через воздух, через каждый атом дерева и металла. Я двигался, сверкающий золотом, живой и молодой, в молчащем спящем мире.

Триста лет, и Мисси мертва, а ее медальон вернулся обратно.

Не так ли чувствовал себя Иуда, когда веревка оборвала его жизнь?

Но Иуда умер.

Я шел в тишине, завернутый в свое золотое облако, и биение моего сердца сотрясало меня, как удары кулака. Сильное сердце. Молодое, сильное сердце.

Корабль медленно отклонялся от своей дуги свободного падения на Юпитер. Вспомогательные механизмы

для Пояса еще не были включены. Вуаль сомкнулась вокруг корпуса и легко потянула его.

Это и было приложение силы воли. Телепортация, энергия мозга и мысли, усиленная кристаллами и направляемая как по радиолучу. Высвобожденная энергия между силой мысли и силой гравитации дает свет, тот самый видимый свет, который космолетчики зовут Вуалью. Гипнотический сон-импульс посылается тем же путем через Х-кристаллы на Астелларе.

Ширана говорила, что это очень просто... детская забава в ее пространственно-временной среде. Требуется только фокусная точка для наводки, ее особая вибрация, как факел в пустоте, так же, как аура вокруг плоти человека или нечеловека, который омылся в Облаке.

Коза Иуды ведет корабль на бойню.

Я шел в своем золотом свете. Едва уловимая энергия наслаждения пощипывала и грела мою кожу. Я шел домой.

И Мисси еще жива. Прошло триста лет, а она жива. Ее и моя кровь живут в девушке по имени Вирджи.

И я веду ее на Астеллар, в мир другого измерения, помимо своей воли.

Наверное это и остановило поток через мою кожу, разбудило меня спустя половину вечности. Моя аура побледнела до обычного состояния. Я услышал слабое звяканье металла о камень: «Королева Юпитера» совершила свою последнюю посадку. Я был дома.

Я сел на край своей койки. Не знаю, долго ли я сидел. Я опустил голову на сжатые кулаки, а затем раскрыл их; мой собственный медальон выскользнул. Мои ладони были в крови.

Я встал и пошел через тишину, через грубый, безличный электрический свет к люку и вышел наружу.

«Королева Юпитера» лежала в округлой каменной колыбели. За вершиной скалы скрылись двери, и последнее эхо воздушных насосов угасло под низкой крышей пещеры. Камень был прозрачный, бледно-зеленый,

резной и полированный; от его красоты захватывало дух, сколько бы раз на него не смотрели.

Астеллар — маленький мир, вполовину меньше Весты. Со стороны он выглядел всего лишь черным шлаком, без каких-либо следов минералов, которые могли бы привлечь внимание отряда рудокопов. При желании можно было искривить свет вокруг него, так что его не обнаружит самый лучший телескоп, и та сила мысли, что создает Вуаль, может увести Астеллар, если понадобится.

Поскольку движение через Пояс растет довольно медленно, Астеллар мало передвигается. Не требуется.

Я прошел через пещеру в бледно-зеленом свете. Там был широкий трап, поднимающийся от пола, подобно взмаху ангельского крыла. Флейк ждал меня у трапа, вытянувшись в слабом золоте своей ауры.

— Привет, Стив,— сказал он и взглянул в сторону «Королевы Юпитера» своими странными серыми глазами. Черные волосы, потемневшая и загрубевшая в космосе кожа. Глаза, как бледные пятна лунного света, слабо блестящие, бездушные.

Я знал Флейка еще до того, как он стал одним из нас, и думал тогда, что он менее человек, чем астелларцы.

— Хороший рейс, Стив? — спросил он.

— Угу.— Я попытался пройти мимо, но он схватил меня за руку.

— Эй... что тебя гложет? — спросил он.

— Ничего.— Я оттолкнул его руку. Он улыбнулся и загородил мне дорогу. Крупный мужчина, вроде Гэлери, только много крепче, и мозг его мог встретиться с моим на равных.

— Не отвертишься, Стиви. Что-то... Эй! — Он резко дернул мой подбородок, его бледные глаза сузились.— Что это? Слезы?

Он с минуту смотрел на меня, разинув рот, а затем захохотал. Я ударил его.

Глава 3. Плата за зло

Флейк неуклюже упал на прозрачный камень. Я прошел мимо него по изгибу трапа. Я шел быстро, но было уже поздно. Люки «Королевы Юпитера» открылись позади меня.

Я остановился. Остановился как Гэлери на марсианском песке, медленно подтягивая отяжелевшие ноги. Я не хотел этого. Я не хотел поворачиваться, но ничего не мог с собой поделать. Мое тело повернулось само.

Флейк уже встал на ноги, прислонился к зеленой резной стене и смотрел на меня. Кровь из разбитой губы капала на его подбородок. Он достал платок и прижал его ко рту, но глаза его не покидали меня, бледные, спокойные, горящие. Золотая аура собралась нимбом вокруг его черной головы, как на изображении святого.

Перед ним были открытые люки корабля, и из них выходили люди. Они выходили спокойно, без спешки. Они построились в колонну и шли по зеленому прозрачному полу и трапу. Шли они легко, дышали глубоко и ровно, полузакрытые глаза полны грез.

Вверх по взвивающейся ленте бледно-зеленого камня, мимо Флейка, мимо меня, вперед, в холл. Они не видели ничего, кроме своих снов. Они чуть заметно улыбались. И они были счастливы и вовсе не испуганы.

Вирджи все еще держала бэби, спящего на ее руках, и Брэд шел рядом. Медальон повернулся при ее движении, спрятал свое изображение и показал мне только свою серебряную изнанку.

Я наблюдал за их прохождением. Холл перед трапом был вырезан из молочно-белого хрусталя, инкрустированного металлом, привезенным из другого измерения, радиоактивным металлом, который наполнял хрустальные стены и воздух мягким туманным огнем.

Они медленно вошла в вуаль тумана и огня и исчезли.

Флейк мягко окликнул.

— Стив!

Я повернулся на звук его голоса. Все было странно расплывчатым, но я видел желтый свет его ауры, темную силу его очертаний на фоне бледно-зеленого камня. Он не двинулся с места. Он не спускал с меня своих холодных серых глаз.

Я оставил свой мозг голым и неохраняемым и понял, что Флейк прочел мои мысли.

Он заговорил распухшими губами:

— Ты думаешь, что не пойдешь снова в Облако из-за этой девушки. Ты думаешь, что есть какой-то способ спасти ее. Но такого способа нет, да ты и не спас бы ее, даже если бы мог. И ты снова пойдешь в Облако, Стиви. Через двенадцать часов, когда настанет время, ты пойдешь с нами в Облако. И знаешь, почему? — Его голос становился все мягче, но под этой мягкостью слышалась насмешка.— Потому что ты не хочешь умирать, Стиви, как и все мы. Даже я, Флейк, парень, никогда не имевший души. Я никогда не верил ни в какого бога, а только в себя, и я люблю жизнь. Но иногда я смотрю на труп, лежащий на улице какой-нибудь человеческой дыры, и проклинаю его от всего сердца за то, что ему уже нечего бояться.

Ты пойдешь в Облако, потому что только оно хранит тебя живым. И ты не побеспокоишься о рыжеволосой девушке, Стиви. Ты не стал бы беспокоиться, даже если бы это была сама Мисси, отдавшая тебе свою жизнь, потому что ты боишься. Мы больше не люди, Стив. Мы ушли дальше их. Мы грешили, а здесь в этом измерении, нет даже такого слова. Однако верим мы или отрицаем — мы боимся.

Боишься умереть, Стиви. Все мы. Боишься умереть!

Его слова напугали меня. Я не мог забыть их. Я помнил о них, даже когда увидел Ширану.

— Я нашла новое измерение, Стиви,— лениво сказала Ширана.— Маленькое... между Восьмым и Девятым. Оно так мало, что сначала мы пропустили его. После Облака мы исследуем его.

Она повела меня в нашу любимую комнату, которая была вырублена в кристалле, таком черном, что комната была как бы в другом пространстве, и если смотреть подальше, то можно было увидеть далеко-далеко странные туманности и галактики, существующие не только в грезах.

— Много ли времени осталось? — спросил я.

— Час, может меньше. Бедный Стиви. Это будет скоро и ты забудешь.

Ее мозг нежно коснулся моего с такой интимной лаской, какой не могут дать прикосновения рук. Она делала это долго, стирая из моих мыслей жар и боль. Я лежал не шевелясь, на мягком, как облако, ложе. Я видел мерцающий свет Ширану в темноте.

Не знаю, как описать Ширану. Физически она очень близка к человеку. Различие в структуре было более неуловимо, чем в форме. В общем, она была, что надо: экзотична и прекрасна настолько, что не выразить словами.

Она и ее раса не нуждались в одежде. Их ленивые, волнистые тела покрывал не мех, не перья, не щупальца, а нечто среднее между всем этим. У них не было настоящего цвета, они меняли его в зависимости от освещения в бесконечном спектре очарования, далеко превосходившем известную человечеству цветовую гамму.

Сейчас в темноте аура Ширану светилась, точно темная жемчужина. Я видел ее лицо — странные остроконечные треугольные кости, покрытые кожей более мягкой, чем птичья грудка. Мертвенно черные бездонные глаза. Хохолок из изящных усиков-антенн увенчивался крошечными шариками света, горящего бриллиантами.

Ее мысли нежно обволакивали меня.

«Не печалься, Стиви,— думала она,— девушка пойдет последней. Все устроено. Ты войдешь в Облако самым первым, так что самая малая ее вибрация не коснется тебя».

— Но она коснется кого-нибудь другого, Ширана,—

протестовал я.— Все это почему-то совсем другое дело. Она... Она все равно, что моя дочь.

Ширана торопливо ответила вслух:

— Но она тебе не дочь. Твоя дочь родилась триста лет тому назад. Триста лет — это для твоего тела, поскольку здесь нет никакого счета времени. В каждом измерении время различно. В каком-нибудь измерении мы можем провести тысячу лет, а то и больше.

Да. Я помню эти чудные годы. Стены измерений не являются барьером для мысли. Лежишь под Х-кристаллами и наблюдаешь их пульс из тумана черных глубин. Мозг высасывается и проецируется вдоль тугого луча тщательно выбранной вибрации; и вот ты уже в другом пространстве, в другом времени.

Можно взять любое тело и радоваться ему, пока не надоест. Можно пролететь между планетами, между солнцами, между галактиками, стоит только подумать об этом. Можно видеть вещи, делать вещи, вкусить такой опыт, для которого все языки нашего пространства-времени не найдут слов.

Ширана и я много бродили, много видели, многое испробовали, а вселенная бесконечна.

— Я не могу не печалиться, Ширана. Я не хотел бы чувствовать себя так, но ничего не могу поделать. Я снова человек. Снова простой Стив Вэнс из Беверли Хил, Калифорния, на планете Земля. Я не могу уничтожить свои воспоминания.

У меня сжалось горло. Я покрылся холодным потом и был ближе к безумию, чем когда-либо за все черт-знает-сколькие годы.

Из темноты пришел голос Шираны:

— Ты больше не человек. Ты перестал быть человеком с тех пор, как впервые вошел в Облако. У тебя не больше связи с людьми, чем у них с теми животными, которых они истребляют.

— Но я не могу не помнить.

— Понятно. Что ж, вспоминай. Вспомни, что с самого рождения ты отличался от других людей; что ты бывал

там и видел то, чего не видел ни один человек до тебя; что ты сражался с самим космосом своим сердцем, своим кораблем и своими двумя руками.

Я помнил это. Первый человек, рискнувший пройти Пояс; первый человек, увидевший Юпитер... как он блистает в рое своих лун.

— Вот почему, когда мы захватили тебя в Вуаль и привезли на Астеллар, мы спасли тебя из Облака. У тебя было кое-что редкое — сила, размах видения и желания. Ты мог дать нам то, чего мы желали — свободный контакт с человеческими кораблями. И за это мы тебе дали жизнь и свободу. — Она помолчала и добавила: — И меня, Стиви.

— Ширана!

Множество вещей встретилось и смешалось в наших мыслях. Эмоции, рожденные чуждыми телами, мы разделили. Воспоминания о битве и красоте, ужасе и любви под солнцами, что никогда более не загорятся даже во сне. Я не могу объяснить это, Нет для этого слов.

— Ширана, помоги мне!

Мозг Шираны баюкал меня, как материнские руки:

— Тебе не за что винить себя, Стиви. Мы сначала делали это под гипнозом, так что твой мозг привыкал к перемене постепенно, без шока. Я сама вводила тебя в наш мир, как ведут ребенка, и когда, наконец, ты стал свободным, прошло уже много времени. Ты шагнул гораздо дальше человечества. Много дальше.

— Я мог бы остановиться. Я мог бы отказаться и остановиться, снова идти в Облако, когда узнал, что это такое. Я мог бы отказаться быть иудой, ведущим корабли на гибель.

— Почему же ты этого не сделал?

— Потому что я имел то, чего хотел,— медленно сказал я.— То, о чем я всегда мечтал, даже не умея выразить это словами. Власть и свобода, каких не имел ни один человек. Я имел их, и это мне нравилось. Когда я думал о тебе и о том, что мы можем сделать вместе,

и о том, что я могу сделать и один, я готов был привести в Вуаль всю Солнечную систему.— Я тяжело с хрипом вздохнул и вытер потные ладони.— К тому же я больше не чувствовал себя человеком. Я вредил людям так же, как мог ударить собаку, когда был еще человеком. Я не принадлежал им больше.

— Что же изменилось сейчас?

— Не знаю. Но изменилось. Когда я думаю о том, что Вирджи пойдет под кристаллы, а я — в Облако,— это для меня слишком.

— Ты видел их тела после этого,— мягко сказала Ширана.— Ни один атом не сдвинулся, и они улыбались. Смерть в Мироздании не легче и не милосердней.

— Я знаю. Знаю. Но Вирджи моя...

Она пойдет под Х-кристаллы, улыбаясь: ее темно-рыжие волосы будут блестеть, а дымчато-серые глаза будут полузакрыты и полны грез. Она будет держать ребенка, и Брэд будет стоять рядом. А Х-кристаллы будут пульсировать и гореть странными черными огнями, и Вирджи с улыбкой упадет, и все будет кончено.

Кончено навеки для Вирджи и для Брэда, и для зеленоглазого марсианчика.

Но жизнь, что была в их телах, сила, для которой у человека нет названия, сила, что дает дыхание, кровь и жар живой плоти, высшая вибрация человеческой души — эта жизненная сила поднимается от кристаллов вверх, в комнату Облака, и Ширана, ее народ и четыре человека, которые, как и я, больше не люди, войдут в Облако, чтобы иметь возможность жить.

Раньше это меня не трогало. Нет. В первый раз об этом думаешь, но не придаешь значения. Тут нет семантической связи с «думой», «эго» или «жизненной силой». Ничего не видишь, не имеешь никакого контакта с мертвыми. И о смерти даже не думаешь.

Всем понятно, что если входишь в радиацию Облака и чувствуешь себя вроде бога, то, конечно, не смотришь на это с человеческой точки зрения, поскольку ты больше не человек.

— Не удивительно, что вас выкинули из вашего измерения! — закричал я.

Ширана улыбнулась.

— Нас называли вампирами, паразитами и сибаритскими чудовищами, живущими только для ощущений и удовольствия. И они загнали нас во мрак. Возможно, они были правы, не знаю. Однако мы никому не вредили и никого не пугали, и когда я думаю, что они сделали со своим собственным народом в крови, страхе и ненависти, мне страшно.

Она встала надо мной, сияя, как теплая жемчужина. Крошечные бриллиантовые огоньки горели на ее антеннах, а глаза были, как черные звезды.

Я протянул к ней руки. Прикосновение к ее рукам сломало мой контроль. Я вдруг беззвучно закричал.

— Хорошо это или плохо, но ты теперь один из нас, Стиви, — тихо сказала она.— Я очень огорчена тем, что случилось. Я могла бы помочь тебе, если бы ты позволил мне усыпить твой мозг, пока все не будет кончено. Но ты должен понять одно: ты оставил людей позади и никогда, пойми, никогда не вернешься обратно.

После долгого молчания я сказал.

— Я знаю. Я понимаю.

Я почувствовал ее вздох и дрожь, а затем она отступила, не убирая своих рук из моих:

— Пора, Стиви.

Я медленно встал и остановился. Ширана вдруг охнула:

— Стиви, отпусти мои руки! Мне больно!

Я выпустил ее руки и сказал:

— Флейк никому не расскажет. Он мою слабость знает. В сущности, чтобы я ни болтал, все равно пойду в Облако, потому что боюсь. Я всегда буду входить в Облако, когда настанет время, потому что я глубоко увяз в грехе и боюсь умереть.

— Что такое грех? — спросила Ширана.

— Бог знает. Только Бог...

Я обнял ее мягкое, как оперенье птицы, тело и

поцеловал блестящие щеки и маленький малиновый рот. В этом поцелуе был слабый горький привкус моих слез, а затем я тихо рассмеялся.

Я сдернул с шеи цепочку с медальоном и бросил на пол. Мы с Шираной пошли к Облаку.

Глава 4. Занавес тьмы

Мы шли по холлам Астеллара, как в многоцветном драгоценном камне. Холлы были янтарные, аметистовые и цвета киновари, драконье-зеленые и цвета утреннего тумана, и многих других цветов, которые есть только в этом измерении.

К нам подходили другие, вышедшие из хрустальных келий, где они проводят время. Народ Шираны изящный, с бархатными глазами, с короной из огненных шариков на верхушках антенн. Они были похожи на живую радугу в свете холлов.

Флейк, я и еще трое — всего пятеро людей за все то время, пока Астеллар бывал в нашем измерении, с таким типом мозга, какой был желателен народу Шираны — были в черных космических костюмах и шли в окружении нашей золотой ауры.

Я заметил, что Флейк поглядывает на меня, но я не встретился с ним взглядом.

И вот мы пришли к месту Облака, в центре Астеллара. Гладкая черная дверь была распахнута. Внутри был туман, как свернувшийся солнечный свет: мушки чистого, яркого, направленного излучения сливались и танцевали в облаке живого света.

Ширана взяла меня за руку. Я понимал, что она хочет отвлечь мои мысли от происходящего внизу, где мужчины, женщины и дети с «Королевы Юпитера» шли под гипнотическим приказом под Х-кристаллы навстречу своему последнему сну.

Я сжал ее руку, и мы шагнули в Облако. Свет

окутал нас. Мы встали на что-то, что не было камнем и вообще не было материальным; вибрация силы Х-кристаллов держала нас на пощипывающей плавучей паутине. И золотой живой свет держал нас, ласково пробегая по нашей коже крошечными волнами огня.

Я жаждал этого. Мое тело вытянулось, выпрямилось. Под моими ногами вибрировала паутина энергии, голова моя была поднята, дыхание замерло; каждый отдельный атом моей плоти возобновился, трепетал и пульсировал жизнью.

Жизнь!

И вдруг что-то ударило меня.

Я не хотел этого. Я думал, что изгнал это вниз, глубоко вниз, чтобы оно не докучало мне больше. Я думал, что я в мире со своей душой, какой бы она ни была и есть ли она или утрачена. Я не хотел думать.

Но я думал. Это ударило меня неожиданно. Как метеор, расплющивающий корабль в космосе, как первое голое пламя солнца омывает пики на темной стороне Меркурия. Как смерть, важнейшая, последняя вещь, которую нельзя ни обмануть, ни обойти.

Я знал, что это за жизнь, откуда пришла и как изменила меня.

Это была Вирджи с ее рыжими волосами и дымчато-серыми глазами: Вирджи, в которой жизнь Мисси и моя. Зачем Вирджи была послана? Зачем я встретил ее возле мертвого марсианина на Лоу-Канале Джеккары?

Но я ее встретил. И вдруг я понял. Понял!

Не помню, что я сделал. Наверное, вырвал свою руку из руки Ширaны. Я почувствовал, как моего мозга коснулась ее испуганная мысль и отпрянула, а я побежал через Золотое Облако к дальнему выходу. Я бежал, не размышляя, на максимальной скорости.

Наверное, я кричал. Не знаю. Я совсем обезумел. Но помню, чувствовал, что кто-то бежит рядом со мной.

Я выскочил в дальний холл. Он был голубой, как спокойная глубокая вода, и пустой. Я бежал. Я не хотел бежать. Каким-то здравомыслящим уголком сво-

его сознания я звал Ширану на помощь, но она не могла пробиться через визжащий хаос остальных частей мозга. Я бежал.

И кто-то бежал позади. Я не оглядывался. Не до того было. Да я едва и осознавал это. Но кто-то бежал за мной длинными летящими ногами.

Вниз по глубокому коридору в другой, цвета пламени с серыми точками, и вниз по извилистому скату из темного янтаря, спускавшемуся на нижний уровень.

На тот уровень, где были Х-кристаллы.

Я сбежал по янтарной тропе, прыгая как олень, преследуемый по пятам собаками. Через хрустальную тишину, бросавшую мне обратно звук моего дыхания, тяжелого и прерывистого. Внизу ската была круглая площадка, куда выходили четыре коридора. Площадка была темно-пурпурная, драгоценной огранки.

Я вступил на нее, и из прохода навстречу мне вышли трое. Люди с молодыми лицами и снежно-белыми волосами; их нагие тела горели золотом на пурпурном фоне.

Я остановился в центре площадки. Я слышал, как босые ноги быстро сбегают по трапу позади меня, и, даже не оглядываясь назад, я знал, кто это.

Флейк. Он обежал кругом и уставился на меня своими холодными странными глазами. Он где-то раздобыл бластер и целился им в меня. Не в голову, не в сердце, а в живот.

— Я подумал, что ты можешь наломать дров, Стиви,— сказал он.— Так что мы постоим тут... на случай, если ты попробуешь что-нибудь сделать.

Я стоял неподвижно. Я ничего не ощущал. Я был вне этого. Я был безумцем и думал о времени и о кристаллах, пульсирующих за пределами моей досягаемости.

— Уйди с дороги,— сказал я Флейку.

Он улыбнулся. Трое мужчин чуть двинулись позади него Они смотрели на Флейка и на меня и боялись.

Флейк сказал мне терпеливо, как капризному ребенку:

— Ты пойдешь с нами обратно, Стиви, или я выпущу из тебя кишки. Ну?

Я взглянул в его холодные странные глаза:

— Это на тебя похоже.

— Угу.— Он облизнул губы.— Угу. Но я предоставил тебе выбор.

— Ладно,— сказал я.— Я выбрал.

Я был вне себя. Я ударил его... Я его ударил первым своим мозгом. Флейк был сильным, но я был на пятьдесят лет дольше его в Облаке, да и Ширана научила меня за это время многому. Я собрал всю свою силу и послал в него, а он выстроил свою мыслесилу, чтобы бороться с моей, так что в эту секунду он не мог сознательно управлять бластером в своей руке.

Его инстинктивное побуждение послало малиновый поток смертельной энергии мимо меня, потому что я отклонился. Мне опалило кожу, только и всего.

Мы упали, молотя друг друга, упали на пурпурный камень. Флейк был сильным. Он был выше и тяжелее меня. Он избил меня до бесчувствия, но я схватил его руку с оружием и не выпускал. Трое других попятились к коридору, боясь, что бластер может выстрелить и задеть их.

Они думали, что Флейк легко справится со мной, и теперь боялись. Поэтому они отступили и пустили в ход свой мозг, чтобы бить меня.

Я так и не знаю, почему им это удалось. Наверняка, тому было много причин: уроки Ширины, мой более старый возраст и даже тот факт, что я не мог мыслить сознательно. Я был просто вещью, которая стартовала с какого-то места и проскочила через него.

Иногда я жалею, что они не сломили меня. Иногда жалею, что Флейк не сжег меня на пурпурном камне.

Я стряхнул их мысленный удар. Затем принял удар громадного кулака Флейка и яростные действия его ступней и коленей, а сам направил всю свою силу на то, чтобы согнуть его руку с оружием. Я дернул ее на себя и вверх и повернул куда хотел.

Я выиграл. Он сыграл свою последнюю игру. Он сломался на ней, и она не принесла ему ничего хорошего. Я видел широко раскрытые глаза на его темном лице. Я до сих пор вижу их.

Я протянул к бластеру палец и надавил на огненную кнопку...

Я встал и пошел через площадку, держа в руке бластер. Трое посторонились, осторожно обходя меня. Они сияли золотом, в их глазах был жестокий звериный блеск страха.

Я выстрелил одному из них в голову как раз в тот момент, когда мышцы его напряглись для прыжка. Другие проворно подскочили и сбили меня с ног... а время шло, и люди медленно шли под кристаллы, и глаза их видели сны.

Я лягнул одного в челюсть и сломал ему шею, а другой все пытался вырвать у меня оружие. Я только что вышел из Облака, а он еще не был там. Я был полон жизни, поднимавшейся от Х-кристаллов, так что я оттолкнул его руку и снова нажал на кнопку, стараясь на видеть его глаз.

А ведь они были моими друзьями. Людьми, с которыми я выпивал и смеялся и иногда посещал с ними далекие миры.

Я пошел дальше по холлу цвета марсианской зари. Я был опустошен. Я не думал и не чувствовал. Откуда-то шла боль, во рту была кровь, но все это не имело значения.

Я дошел до места, где были кристаллы, и остановился. Многие уже прошли под ними. Почти половина из пятисот семей с «Королевы Юпитера». Они все еще лежали на черном полу, но здесь еще оставалось достаточно места. Пришедшие после них не толпились, а шли медленным спокойным потоком.

Кристаллы висели широким кругом, слегка склоняясь внутрь. Они пульсировали чернотой, которая далеко превосходила обычную черноту. Угол наклона и настройка граней по отношению к другим кристаллам

давали различные результаты: для наведения Вуали, для движения энергии, для гипноза, для создания ворот в любое другое пространство — время.

И для высасывания жизненной силы из человеческих тел.

Я видел бледное сияние энергии в центре — нечто вроде вихря между бесконечными горящими черными гранями, который поднимался от спокойных тел в комнату Облака наверху.

Я видел лица мертвых. Они улыбались.

Управление кристаллами было на другой стороне. Я был мертв внутри, так же мертв, как и тела на полу, но я побежал. Помню, я подумал, что смешно бежать, коли ты уже умер. Я держался подальше от кристаллов и изо всех сил бежал к управлению.

Я увидел Вирджи. Она была в конце процессии и, как я и предполагал, рядом с Брэдом и со спящим марсианским младенцем на руках.

Вирджи, с ее рыжими волосами и глазами Мисси!

Я схватился за рукоятки управления и дернул их вверх. Сияющий вихрь исчез. А я повернул громадное шестиугольное колесо на полную гипнотическую энергию и побежал между мертвыми.

Я сказал живым, что они должны делать. Я не будил их. Они повернулись и пошли обратно тем же путем назад, к «Королеве Юпитера». Они шли быстро и твердо, все еще улыбаясь и по-прежнему без страха...

Я же вернулся к колесу и снова повернул до отметки опасности, а затем пошел за людьми в холл. В дверях я обернулся и поднял бластер.

Я увидел Ширану, стоявшую под излучающей чернотой кристаллов на полпути от изгиба стены.

Я почувствовал как ее мозг коснулся моего и затем медленно оттянулся назад, как человек убирает руку от любимого, который только что умер. Я посмотрел ей в глаза. И увидел...

Почему я так поступил? Почему я заботился о рыжих волосах и дымчато-серых глазах и разбавленной тремя

столетиями крови женщины по имени Мисси? Я не был больше человеком. О чем же я беспокоился?

Мы с Шираной оказались на разных сторонах. Мы отделились друг от друга и не могли соприкоснуться даже для прощания. И я уловил слабое эхо ее мысли:

«О, Стиви, сколько еще можно было бы сделать!».

В ее громадных ярких глазах блеснули слезы, драгоценные капельки на антеннах потускнели и опустились. Я уже знал, что она собирается сделать.

Я внезапно перестал видеть кристаллы. Я вообще ничего не видел. Я знал, что здесь нет ничего, что я хотел бы увидеть снова. Я поднял бластер и послал наугад полный заряд в висящие кристаллы, а затем убежал.

Я почувствовал, как последний заслон умирающей мысли Шираны ударился о мой мозг и рассыпался, разрушился где-то в ее мозгу, его источнике. Я бежал, мертвец на несущих его ногах, бежал в ореоле золотого цвета.

Х-кристаллы, поврежденные ударом бластера в своей полной силой энергии, начали трескаться, лопаться и рвать в кусочки мир Астеллара.

Я мало представлял, что случилось. Я бежал и бежал за людьми, которые все еще были живы, но ничего не думал, ничего не ощущал. Я смутно помню коридоры с хрустальными кельями, янтарный, аметистовый и киноварный холлы, драконово-зеленый и цвета утреннего тумана и других цветов, которые в нашем измерении не имеют названий.

Коридоры трещали и распадались позади меня, обрушиваясь осколками радуги. И над всем этим лился поток энергии Х-кристаллов, калеча и раздирая Астеллар.

Потом я что-то услышал — мозгом, а не ушами. Народ Шираны умирал в обломках.

Мой мозг был оглушен, но недостаточно: я еще мог слышать мысли. Я все еще слышал.

«Королева Юпитера» была цела. Надвигающиеся снаружи вибрации еще не дошли сюда. Мы взошли на

борт, я открыл двери в пространство и сам поднял корабль, потому что шкипер и оба старших офицера навеки уснули на Астелларе.

Я не смотрел на смерть Астеллара. Только очень нескоро я оглянулся, а Астеллар уже исчез; осталось только облако яркой пыли, сверкавшее не обнаженном солнце.

Я включил «Железного Майка» для штаб-квартиры Космического Управления на Марсе и поставил корабль на автоуправление по направляющему лучу, а затем покинул «Королеву Юпитера» на спасательной шлюпке.

И вот теперь я пишу это где-то между Марсом и Поясом. Я не видел Вирджи перед уходом. Я никого не хотел видеть, тем более Вирджи... Теперь они, наверное, проснулись. Надеюсь, что все они живы и здоровы.

Астеллар исчез. Вуаль исчезла. Теперь вам нечего бояться. Я собираюсь положить эту рукопись в почтовую ракету и послать ее, чтобы вы знали, что вам больше нечего бояться. Не знаю, почему это меня волнует.

Я не знаю, зачем я пишу это, разве что... О, господи, знаю! Зачем лгать?

Я жив. Я молод. Но Облако, которое хранило меня таким, исчезло, и теперь я буду стареть, сильно и быстро, и умру. Я же боюсь умереть.

Где-нибудь в Солнечной системе должен найтись кто-то, кто хочет помолиться за меня. Когда я был ребенком, меня учили, что молитва помогает. Я хочу, чтобы кто-нибудь помолился за мою душу, потому что я сам не могу за себя молиться.

Если бы я радовался тому, что сделал, и если бы я изменился, тогда, возможно, я мог бы помолиться.

Но я ушел слишком далеко от человечества и не могу вернуться.

Может статься, молитва и не нужна. Может быть, после смерти нет ничего, кроме забвения. Я так надеюсь на это! Если бы я только перестал существовать, перестал думать и вспоминать.

Я надеюсь на всех богов всех мирозданий, чтобы смерть была концом. Но я не знаю, и я боюсь...

Боюсь, Иуда... Иуда... Иуда! Я предал два мира, и не может быть глубже ада, чем тот, в котором я сейчас живу. И все-таки я боюсь.

Почему? Почему беспокоюсь о том, что случится со мной?

Я разрушил Астеллар, я уничтожил Ширану, которую любил больше всего во Вселенной. Я убил своих друзей, своих товарищей... И я убил себя.

И вы не стоите этого! Все человеческое стадо, плодящееся в Солнечной системе, не стоит Астеллара и Шираны и всего того, что мы делали вместе в другом пространстве и времени.

Зачем я дал Мисси этот медальон?

Зачем я встретил Вирджи с ее рыжими волосами?

Зачем я вспомнил? Зачем тревожился?

Зачем я вообще родился?

ИСЧЕЗНУВШАЯ ЛУНА

Повесть

Перевод с английского
Н. Несмеловой

Leigh Brackett

THE MOON THAT WANISHED

New-York
1948

Глава 1. По темнеющему морю

Незнакомец говорил о нем. Высокий чужак, давно покинувший родные горы, одетый в простую кожу и не принадлежавший к этой деревне на краю болот. Он задавал вопросы, болтал, наблюдал.

Дзвид Хит знал это, будучи в том состоянии, в котором понимал, что находится в грязном Дворце Всевозможных Наслаждений Карлуны, что здорово пьян и что вскоре, когда он потеряет сознание, его, вероятно, вышвырнут через перила в грязь, где он может либо тонуть, либо отсыпаться — по его собственному выбору.

Хит плевал на это. Мертвому и безумному плевать на все. Он лежал, не шевелясь, на жесткой раме, обтянутой шкурами, в кожаной маске, скрывавшей нижнюю часть лица, и вдыхал теплый золотой пар, булькающий в похожей на каргиле чаше возле него. Он дышал и пытался уснуть, но не мог. Он не закрывал глаз. Он это сделает, когда потеряет сознание.

Будет момент, которого ему не избежать, как раз перед тем, когда его одурманенный мозг скользнет в забвение,— когда он, по всей вероятности, не будет видеть ничего, кроме населенной призраками темноты в мозгу, и этот момент покажется ему вечностью. Но зато потом, через несколько часов, он обретет покой.

А до тех пор он будет наблюдать из своего темного

угла за жизнью во Дворце Всевозможных Наслаждений.

Хит чуть-чуть повернул голову. У самого его плеча, вцепившись кривыми когтями в край койки, скорчился маленький дракон с блестящей чешуей и встретил его взгляд красными, как драгоценный камень, глазами, в которых проглядывали странная симпатия и понятливость. Хит улыбнулся и вернулся к прежней позе. Нервный спазм потряс его, но наркотик ослабил спазм, так что он не был сильным и скоро прошел.

Никто не подходил к Хиту, за исключением изумруднокожей девушки из Глубоких Болот, которая снова наполнила его чашу. Она не была человеком и потому не обращала внимания на то, что он Девид Хит. Вокруг него была как бы стена, через которую ни один человек не переходил и не глядел.

Конечно, если не считать незнакомца.

Взгляд Хита блуждал вокруг. Мимо низкого длинного бара, где простые матросы лежали на подушках из мха и шкур и пили дешевый огненный фол; мимо столов, где сидели капитаны и помощники, играя в бесконечную игру в кости; мимо девушки из Мехали, которая танцевала нагишом при свете факелов; тело ее блестело от крошечных чешуек и было так гибко и бесшумно в движении, как тело змеи.

Единственная громадная комната была с трех сторон открыта в насыщенную паром ночь; это было последнее, на чем остановился взгляд Хита. Снаружи тьма и море, они были его жизнью, и он любил их.

Тьма на Венере — совсем не то, что на Земле или на Марсе. Планета жадна на свет и не позволяет ему уходить. Лицо Венеры никогда не видит солнца, но даже ночью здесь сохраняется память о солнце, затянутом вечными облаками.

Воздух цвета индиго несет собственный бледный свет. Хит лежал и наблюдал, как горячий ветер медленно наносит свет вокруг деревьев лайя, касается грязной гавани волнующейся вспышкой и постепенно

переходит в бесконечный фонтан фосфоресценции Моря Утренних Опалов. В полумиле к югу река Омаз медленно течет вниз, вся пропитанная вонью Глубоких Болот.

Море и небо — жизнь Дэвида Хита и его гибель.

Тяжелый пар крутился в мозгу Хита. Дыхание его стало медленнее и глубже. Веки стали тяжелеть.

Хит закрыл глаза.

Впечатление возбуждения, острой тоски мелькнуло в его лице, смешиваясь со смутным недовольством. Мышцы его напряглись, он тихонько захныкал, кожаная маска приглушала звук.

Маленький дракон приподнял голову и застыл, точно резкое изображение.

Тело Хита, полуголое, в одной местной юбке, изогнулось и затем задергалось в спазмах. Недовольство в выражении углубилось, постепенно переходя в чистый ужас; жилы на шее натянулись, как проволока, когда он пытался кричать, но не мог. Пот крупными каплями стекал по его коже.

Маленький дракон вдруг поднял крылья и издал шипящий визг.

Кошмарный мир Хита качался вокруг него и раскалывался с глухими звуками. Хит обезумел от страха, он умирал; широко шагающие фигуры толпой выходили к нему из сияющего тумана. Его тело тряслось, трещало, хрупкие кости разлетались пылью, сердце выскакивало, мозг стал частью сияющего горячего тумана. Он сорвал с лица маску, выкрикнул: «Этна!» и сел, широко раскрыв невидящие глаза.

Откуда-то издалека послышался гром. Он говорил. Он называл Хита по имени. Новое лицо отогнало в прошлое фантомы его сна. Оно выступило и вычеркнуло другие. Лицо незнакомца с Высокого Плато. Хит видел каждую черту этого лица, нарисованную огнем в его мозгу.

Квадратная челюсть, твердый рот, горбатый нос, как клюв ястреба, белые шрамы на белой коже, глаза, точно лунные камни, но только жгучие; блестящие длинные

серебряные волосы, связанные вверху замысловатым племенным узлом и закрепленные золотыми цепочками воина.

Руки трясли Хита, хлопали по лицу. Дракон кричал и хлопал крыльями, но не мог вырвать глаза у незнакомца, поскольку был привязан короткой цепочкой в изголовье у Хита.

Хит отдышался с дрожью и всхлипами и пришел в себя.

Он убил бы этого человека, укравшего у него его небольшое время покоя. Он примерялся это сделать в мертвой тишине, в то время как матросы, капитаны и помощники, а также и танцовщица не двигались, искоса поглядывая испуганными, ненавидящими глазами, но горец был крупным мужчиной и более крепким, чем Хит в свои лучшие дни. И вот теперь Хит, страдая, лежал на койке, больной, медленно умирающий, потерявший силу.

Незнакомец сказал:

— Говорят, ты нашел Лунный Огонь?

Хит удивленно смотрел на него одурманенными глазами и молчал.

— Говорят, что ты Дэвид Хит, землянин и капитан «Этны».

Хит опять не ответил. Резкий свет факела мигал над ним, рисуя свет и тени. Хит всегда был тощим и жилистым, а теперь совсем исхудал, кости его лица страшно выдавались под натянувшейся кожей. В его черных волосах и неухоженной бороде пробивалась седина.

Горец внимательно и задумчиво разглядывал Хита и наконец сказал:

— Я думаю, врут...

Хит невесело улыбнулся.

— Очень немногие добирались до Лунного Огня,— продолжал венерианец.— Только сильные люди, бесстрашные.

После продолжительного молчания Хит прошептал:

— Они были глупцами...

Он говорил не горцу. Он забыл о нем. Его темный безумный взгляд был устремлен на что-то видимое ему одному.

— Их корабли гниют в зарослях травы Верхних Морей. Маленькие драконы расклевали их останки,— Хит говорил медленно, грубо и однотонно.— За Морем Утренних Опалов, за травами и Стражами, через Драконье Горло, и еще дальше — я видел это, поднимающееся из туманов, из Океана — Не-Из-Воды.— Дрожь прошла по телу Хита, исказила изможденное лицо. Он поднял голову, как человек, старающийся вздохнуть, и факелы бросили на его лицо свет и тени. Во всей громадной комнате не было слышно ни звука, ни вздоха, только угадываемое дыхание молчащих ртов.— Только одни боги знают, где они теперь, эти сильные, храбрые люди, прошедшие через Лунный Огонь. Только боги знают, кто они теперь. Они теперь не люди, если вообще живы.— Хит помолчал. Глубокая дрожь потрясла его. Он опустил голову.— Я дошел только до окраины этого. Очень далеко.

В полной тишине горец засмеялся:

— Я думаю, ты врешь.

Хит не двинулся и не поднял головы. Венерианец наклонился над ним и сказал громко, чтобы землянин услышал через расстояние наркотиков и безумия:

— Ты похож на других, на тех немногих, что вернулись. Только они не прожили и сезона: они умерли или покончили с собой. А сколько времени ты жив? — Он схватил землянина за плечи и резко потряс.— Сколько времени ты жив? — кричал он, и маленький дракон на цепочке завизжал, дергая привязь.

Хит застонал.

— В аду,— прошептал он.— Вечно.

— Три сезона,— сказал венерианец,— целых три сезона и часть четвертого.— Он выпустил Хита из рук и отступил назад.— Ты никогда не видел Лунного Огня. Ты знаешь, как по обычаю обращаются с людьми, на-

рушившему табу, до тех пор, пока их не настигает кара богов? — Он сбросил со стола чашу, разбил ее, и пузырящаяся золотая жидкость разлилась по полу лужей с тяжелым запахом.— Ты хотел этого, и ты знал, как его добыть на весь остаток твоей тупой жизни.

Во Дворце Всевозможных Наслаждений послышалось тихое злобное ворчание.

Затуманенное зрение Хита различило квадратную жирную тушу приближающегося Карлуны. Больше чем три сезона Карлуна повиновался традиционному закону — кормил и поил парию, который был посвящен гневу богов, что ревностно охраняют тайну Лунного Огня. Теперь Карлуна был полон сомнений и очень зол.

Хит громко захохотал. Недостаточность вышивки сделала его безрассудным и истеричным. Он сел на койке и смеялся им в лицо:

— Я был только на краю,— сказал он.— Я не бог. Я даже не человек более. Но я могу показать вам, если вы хотите доказательств.

Он встал и автоматическим, как дыхание, движением отвязал маленького дракона и посадил к себе на голое плечо. Минуту он стоял, покачиваясь, а затем двинулся через комнату, медленно, неуверенно, но с высоко поднятой головой. Толпа расступилась, давая ему проход, и он шел в полной тишине, пытаясь сохранить остатки достоинства, пока не подошел к перилам, где и остановился.

— Погасите факелы,— сказал он.— Погасите все, кроме одного.

— Не надо,— решительно сказал Карлуна Хиту,— я и так верю тебе.

Теперь в помещении чувствовался страх. Страх и очарованность. Все смотрели по сторонам, куда бы убежать, но никто так и не ушел.

— Погасите факелы,— повторил Хит.

Незнакомец протянул руку к ближайшему и окунул его в ведро, и скоро все огромное помещение оказалось

в темноте; горел лишь один факел в самом конце помещения.

Хит облокотился на перила и уставился в жаркую индиговую ночь.

Густой туман поднимался из Моря Утренних Опалов. Он полз над грязью и смешивался с парами болот. Хит жадно вглядывался в туман. Голова его была откинута назад, тело выпрямилось, он поднял руки жестом сильнейшего желания.

— Этна! — шептал он.— Этна!

С ним почти неуловимо произошла перемена: слабость и обреченность оставили его. Он стоял прямо и твердо, мускулы красиво выделялись на его тощем костяке в напряжении силы.

Лицо его тоже изменилось. В нем чувствовалась мощь.

Темные глаза горели глубоким огнем, пылали нечеловеческим светом, пока наконец не стало казаться, что вся его голова увенчана странным нимбом.

На один момент лицо Дэвида Хита стало лицом бога.

— Этна! — сказал он.

И она пришла.

Из синей тьмы, из туманов она плыла, изгибаясь, к землянину. Ее тело состояло из сверкающего воздуха, мягких капель тумана, воплощенное и окрашенное той силой, что была в Хите. Она была совсем юной, не старше девятнадцати, с розовым оттенком земного солнца на щеках, глаза были большие и блестящие, как у ребенка, тело гладкое, с нежной девичьей угловатостью.

Впервые я увидел ее, когда она спускалась по трапу, чтобы в первый раз увидеть Венеру, и ветер трепал ее волосы и играл с ними, и она шла легко и весело, как жеребенок по утру весной. Легкость и веселость всегда, даже когда она шла к своей смерти...

Туманная фигура улыбалась и протягивала руки. Лицо ее было лицом женщины, нашедшей любовь и с нею весь мир.

Она все ближе и ближе подплывала к Хиту, и землянин протянул руки, чтобы коснуться ее.

Мгновение — и она исчезла.

Хит упал на перила и долго оставался в таком положении. В нем теперь не было бога, не было силы. Он был, как пламя, внезапно вспыхнувшее и умершее в осыпающемся пепле. Глаза его были закрыты, из-под ресниц бежали слезы.

В сырой темноте комнаты никто не шевелился.

— Я не смог идти дальше в Лунный Огонь,— сказал Хит.

Через некоторое время он заставил себя выпрямиться и пошел к крыльцу, держась за перила и ощупывая путь, как это делает слепой. Он спустился по четырем ступеням на подгибающихся ногах, и грязь тропы обдала теплом его лодыжки. Он прошел между рядами плетеных и обмазанных грязью хижин — сломанное чучело человека, бредущее в ночи чуждого мира.

Он свернул на тропу, ведущую в гавань. Его ноги поскользнулись в глубокой грязи, и он упал лицом вниз. Он попытался встать, но это ему не удалось, и он остался лежать, все глубже погружаясь в черную, липкую грязь. Маленький дракон сидел на его плече, клевал его, кричал, но Хит не слышал.

Он не знал, что через несколько секунд чужак с Высоких Плато поднял его из грязи — его и дракона — и понес вниз, к темнеющему морю.

Глава 2. Изумрудный парус

Женский голос произнес:

— Дай мне чашку.

Хит почувствовал, что его голову подняли, а затем в его глотку полилась огненная жидкость с резким вкусом венерианского кофе. Он проснулся, как всегда борясь со страхом и реальностью, судорожно вздохнул

и открыл глаза. Он лежал на собственной койке, в своей кабине, на борту «Этны». Напротив него сидел на резном сундучке высокий венерианец, наклонив голову под низкой красной аркой палубы. Рядом с Хитом стояла женщина и глядела на него.

Все еще была ночь; грязь, облепившая тело Хита, была еще влажной. «Как видно, они быстро работали,— подумал он,— доставляя его сюда».

Маленький дракон улегся на своем насесте — на плече Хита и, вытянув чешуйчатую шею, следил за посетителями.

— Теперь ты можешь разговаривать? — спросил незнакомец.

Хит пожал плечами. Он внимательно рассматривал женщину. Она была высока, но не слишком, молода, но не слишком. Тело ее было таким же, как у всякой женщины этого типа, широкоплечее и длинноногое, и она свободно и красиво двигалась. Одета она была в короткую тунику из шелка бессмертного паука, очень подходящую к ее мягким и кудрявым волосам, падавшим на спину,— блестящее чистое серебро с легким намеком на цвет.

Лицо ее было из тех, какие мужчины не скоро забывают. Щедро вылепленное природой, оно было создано для выражения прекрасных женских чувств. Но с ним что-то случилось: появилось выражение одновременно злобное, горькое и унылое, взгляд был потерянным и испуганным.

Хит смутно вспомнил день, когда ему захотелось бы решить загадку этого противоречивого лица. Далекий день, еще до появления Этны.

Он спросил, обращаясь к обоим:

— Кто вы и что вам от меня надо?

Затем он уставился прямо на мужчину со странным взглядом, выражая к нему черную ненависть.

— Мало ты издевался надо мной у Карлуны.

— Я только хотел увериться в тебе,— возразил незнакомец.— Убедиться, что ты не солгал насчет Лунного Огня.

Он наклонился вперед, сузив глаза и сверля ими Хита. Он сидел напряженно, тело его изогнулось как лук. При свете фонаря его красивое лицо со шрамами слегка подергивалось.

«Мужик спешит,— подумал Хит,— что-то ему поджаривает бока».

— А что тебе до этого? — спросил он.

Это был глупый вопрос. Хит уже понял, что происходит. Все его существо звало к отступлению.

Незнакомец не ответил прямо. Он сказал:

— Ты слышал о Культе Стражей Лунных Тайн?

— Древнейший культ Венеры и один из самых влиятельных. И самый удивительный тоже — на безлунной планете,— сказал Хит, ни к кому не обращаясь.— Лунный Огонь — символ их божества.

Женщина невесело засмеялась.

— Хотя они никогда не видели его,— сказала она.

Незнакомец продолжал:

— Вся Венера знает о тебе, Дэвид Хит... Слово бежит далеко. Жрецы тоже знают, Дети Луны. У них особый интерес и тебе.

Хит молча ждал продолжения.

— Ты подлежишь мести богов. Но месть не достигла тебя до сих пор. Возможно, потому что ты землянин и менее обязан повиновению богам Венеры. Как бы то ни было, но Дети Луны устали ждать. Чем дольше ты живешь, тем больше у людей растет искушение совершить святотатство, меньше веры в способность богов наказывать людей за грехи... Итак,— заключил он,— Дети Луны присмотрят за тем, чтобы ты умер.

Хит улыбнулся.

— Что же, неужели жрецы рассказывают тебе о своих секретах?

Человек повернул голову и сказал:

— Алор!

Женщина встала перед Хитом и спустила с плеч тунику.

— Вот,— сказала она с яростью,— смотри!

Ее злоба относилась не к Хиту, а к тому, что он увидел. Клеймо-татуировка между белыми грудями — перечеркнутый круг — символ Луны.

Хит глубоко вздохнул.

— Храмовая прислужница,— сказал он, еще раз взглянув ей в лицо. Ее глаза смотрели на него, серебряно-холодные, спокойные.

— Мы проданы с колыбели,— сказала она.— У нас нет выбора. А наши родители страшно гордятся тем, что их дочери выбраны для храма.— Горечь, гордость и тлеющая ярость рабыни.— Брока сказал правду.

Тело Хита как бы сжалось. Он глядел на них поочередно, ничего не говоря, и сердце его билось гулко и быстро, ударяясь о ребра.

— Они убьют тебя,— продолжала Алор,— и смерть твоя будет нелегкой, я знаю. Я слышала, как люди кричали по многу ночей, а их грех был меньше твоего.

Хит выговорил пересохшим ртом:

— Беглянка из храмовых садов и метатель копий. Их грех тоже велик. Они не пройдут половину Венеры только для того, чтобы предупредить меня. Я думаю, они лгут. И я думаю, жрецы идут за ними.

— Мы все трое — с тобой — вне закона,— сказал Брока.— Но Алор и я еще можем удрать. А вот тебя они унюхают, где бы ты ни был... кроме одного места.

— И где же это? — спросил Хит.

— В Лунном Огне.

После долгого молчания Хит издал грубый скрежущий звук, должный изобразить его смех.

— Уходите,— сказал он.— Убирайтесь.— Он поднялся, дрожа от слабости и злости.— Вы оба врете, потому что я — единственный оставшийся в живых из всех тех, кто видел Лунный Огонь, и вы хотите заставить меня вести вас туда. Вы верите в легенды. Вы думаете, что Лунный Камень превратит вас в богов. Вы сходите с ума, как все прочие дураки, по власти и славе, которые, как вы думаете, вы получите. Ну так я могу сказать вам: Лунный Камень не даст вам ничего, кроме

страданий и смерти...— Он заговорил громче.— Уходите... лгите кому-нибудь другому. Напугайте Стражей Верхних Морей. Подкупите самих богов, чтобы они доставили вас туда. Но убирайтесь от меня.

Венерианец медленно встал. Кабина была мала для него, балки палубы ложились на его плечи. Он отшвырнул в сторону маленького дракона, схватил Хита обеими руками и сказал:

— Я дойду до Лунного Огня, и ты отведешь меня туда!

Хит ударил его в лицо. Брока на минуту опешил от неожиданности, а Хит сказал:

— Ты пока еще не бог!

Венерианец оскалился. Руки его передвинулись и крепко сжались.

— Брока! — резко крикнула женщина и, шагнув ближе, вцепилась в запястье венерианца.— Не убивай его, дурак!

Брока тяжело выдохнул сквозь зубы. Руки его постепенно разжались. Лицо Хита налилось кровью. Он упал бы, если бы женщина не подхватила его. Она сказала Броке:

— Ударь его, но не сильно.

Брока поднял кулак и осторожно стукнул Хита в определенную точку на челюсти.

Прошло не менее двух долгих венерианских часов, прежде чем Хит пришел в себя. Процесс этот, как всегда, происходил медленно — постепенный переход от неопределенного состояния к резкому осознанию всего, что случилось. У него было ощущение, что его голову надвое разрубили топором.

Он не понимал, с какой стати он проснулся. Наркотика было достаточно для нескольких часов тяжелого сна. Небо за дверью кабины изменилось: ночь кончалась. Хит полежал, размышляя, не болен ли он, и тут вдруг внезапно понял, что именно разбудило его.

«Этна» была на ходу.

Его так душила злость, что он даже не мог выру-

гаться. Кое-как он поставил себя на ноги и пересек кабину. Он сразу почувствовал, что «Этна» идет не так, как надо, что утренний ветер силен, а она рыскает. Он пинком распахнул дверь и вышел на палубу.

Большой треугольный парус из шелка золотого паука, чуть видимый в синеве воздуха, бился о реи, сброшенный ветром. Хит бросился к нему, обретя силу в страхе за судно. Брока цеплялся на угрожающе пляшущей корме. Кильватерная струя, белая на черной воде, извивалась как змея.

Женщина Алор стояла у поручней, глядя на низкий берег позади.

Брока не протестовал, когда Хит отшвырнул его и взял кормовое весло. Алор повернулась и наблюдала, но ничего не говорила.

«Этна» была маленькой, с простой оснасткой, чтобы ею легко мог управлять один человек. Хит поставил парус, и через несколько минут судно выровнялось и пошло легко и изящно, как его тезка, и кильватерная линия вытянулась в струнку.

Проделав это, Хит повернулся к Броке и Алор и выругал их с большей яростью, чем, скажем, женщина, у которой украли ребенка.

Брока игнорировал его. Он стоял и смотрел на берег и светлеющее небо. Когда же Хит выдохся, женщина сказала:

— Мы должны были уехать. Может быть, мы уже опоздали. А ты не хотел нам помочь.

Хит ничего больше не сказал. Не было у него слов. Он повернул штурвал.

Брока одним прыжком оказался возле него и поднял руку. Внезапно Алор закричала:

— Погоди!

Что-то в ее голосе заставило мужчин оглянуться. Она по-прежнему стояла у поручней лицом к ветру, трепавшему ее волосы; короткая туника натянулась на бедрах. Ее рука была вытянута указующим жестом.

Наступал рассвет. На секунду Хит потерял всякое

чувство времени. Палуба, чуть покачивающаяся под ногами, низкий туман, заря над Морем Утренних Опалов, заря, давшая морю это название. Казалось, никогда не было Лунного Огня, не было ни прошлого, ни будущего — только Дэвид Хит и его корабль, да свет над водой.

Свет шел медленно, просеиваясь точно дожди драгоценных камней сквозь многомильное жемчужно-серое облако. Холодный и медлительный вначале, он становился теплее, расширялся, превращал туманный воздух в капли розового огня, сияющего низко над водой, так что маленькое суденышко плыло как бы через опаловый огонь, обширный, как сама Вселенная.

Море меняло цвет от черного до синего, перечерченного молочно-белыми полосами, и маленькие драконы взлетали со своих травяных постелей, разбросанных по поверхности воды, и засверкали пурпуром, охрой и киноварью, и сами водоросли зашевелились в слабом ощущении жизни, протягивая к свету свои усики.

Одно короткое мгновение Дэвид Хит был совершенно счастлив.

Затем он увидел, что Брока выхватил из-под гакаборта лук. Хит понял, что они перенесли все свои пожитки на борт судна, в то время как он был у Карлуны. Это был большой лук горных варваров, и Брока согнул его массивную дугу, точно это был прутик, и положил на нее стрелу с костяным наконечником.

К ним подходило судно изящной формы, как жемчужина, летящая сквозь мягкую горящую завесу тумана. Его парус был изумрудно-зеленым. Судно было еще довольно далеко, но ветер подгонял его, и оно неслось, как пикирующий дракон.

— Это «Лахаль»,— сказал Хит.— Интересно, что хочет делать Джахор?

Затем он с ужасом увидел, не веря своим глазам, что на носу приближающегося судна спущен и укреплен громадный таран с шипами.

Пока мозг Хита силился понять, почему Джахор,

обычный торговый шкипер обычного корабля, хочет утопить его, Хита, Алор произнесла два слова:

— Дети Луны.

Теперь Хит различил на палубе четыре фигуры в черном.

Длинный блестящий таран наклонился и сиял в свете зари.

Хит бросился к кормовому веслу. Золотой парус «Этны« трещал от напряжения. Хит угрюмо оценил расстояние и сбавил ход. И Брока яростно обернулся к нему:

— Ты спятил? Они налетят на нас! Отверни в сторону!

— Здесь нет другой стороны. Меня просто прижмет к наветренному берегу.

Хита внезапно наполнила слепая злоба к Джахору и к четырем одетым в черное жрецам. Теперь оставалось только ждать. Ждать и надеяться, что Дэвид Хит еще достаточно живой и отобьется от них. «А если нет,— думал Хит,— *я возьму «Лахаль» с собой на дно*».

Брока и Алор стояли рядом у поручней, следя за быстро приближающимся зеленым парусом. Они молчали. Нечего было говорить. Хит увидел, что женщина время от времени поглядывает на него.

Теперь Хит ясно видел Джахора, управляющего судном. Он видел команду, скучившуюся на шкафуте — испуганных матросов, согнанных по приказу жрецов. Они были вооружены и держали в руках крючья.

На передней палубе стояли Дети Луны. Это были высокие мужчины. На их черных кольчугах драгоценными камнями был выложен символ Луны. Они ходили по качающейся палубе, их серебряные волосы раздувал ветер, и тела их были как тела волков, догоняющих жертву и пожирающих ее.

Хит боролся с кормовым веслом, стараясь выровнять корабль, боролся с ветром и расстоянием. А женщина Алор все время наблюдала за Хитом своими ожесточенными вызывающими глазами, и Хит ненавидел ее, как и жрецов, смертельной ненавистью, поскольку по-

нимал, как он выглядит со своим тощим телом и изможденным лицом, дрожащий и покачивающийся над веслом.

Изумрудный парус подходил все ближе и ближе, округлившийся и блестящий, как грудь павлина. Жемчуг и изумруд, пурпур и золото на темно-синем море, блестящий, блестящий нацеленный таран — два ярких дракона бежали к соединению и смерти.

Ближе. Совсем близко. Яркие символы горели огнем на груди Детей Луны. Женщина Алор высоко подняла голову к ветру и закричала долгим, резким и звенящим криком. Он закончился именем, которое она произнесла как ругательство:

— Вакор!

На одном из жрецов была на голове украшенная каменьями повязка, что указывало на его главенство. Он поднял руки, и слова его проклятий, горячие и едкие, неслись по ветру.

Тетива лука Броки зазвенела, как гигантская арфа. Стрела не долетела до цели, и Вакор рассмеялся.

Жрецы перешли на корму, чтобы уберечься от сгибающегося шпангоута и не видеть полные страха лица матросов.

Хит выкрикнул предупреждение, и Брока и Алор распластались на палуба. Он видел их лица — лица мужчины и женщины, подошедших к смерти без радости, но и без страха. И Брока прикрыл женщину собой.

Хит повернул «Этну» носом прямо к ветру и остановил ее. «Лахаль» прошла мимо не более чем в трех ярдах, бессильная что-либо сделать.

Дернувшееся весло сбило Хита в шпигаты, едва не ослепив его. Он услышал громоподобное хлопанье паруса, чувствовал дрожь, сотрясавшую «Этну», и молился, чтобы уцелела мачта. Поднявшись, он увидел, как жрец Вакор прыгает на высокой корме «Лахали». Он был достаточно близко, чтобы Хит отчетливо видел его лицо.

Глаза Вакора были блестящими, дикими — глаза фанатика. Вакор был не стар. Тело его было стройным

и мужественным, лицо же красивое, полный чувственный и гордый рот. Жрец дрожал от ярости, и его голос звучал против ветра, точно звериный рев:

— Мы последуем за тобой! Мы последуем за тобой, и боги убьют тебя!

Стремительное движение «Лахали» отнесло его, и Хит услышал последний отголосок из его крика:

— Алор!

Со всей силой, какая еще осталась в его руках, Хит успокоил свой поруганный корабль и дал полный назад с правого борта. Брока и Алор медленно встали на ноги. Брока сказал:

— Я думал, что ты погубишь судно.

Алор прошла на корму и наблюдала, как «Лахаль» ныряла и тряслась, пытаясь остановить свой стремительный бег.

— Вакор,— прошептала она и плюнула в море.

— Они пойдут за нами,— сказал Брока.— Алор мне сказала, что у них есть карта, единственная, которая показывает путь к Лунному Огню.

Хит пожал плечами. Он слишком устал, чтобы успокоиться. Он указал направо:

— Там сильное морское течение, вроде реки в море. Большая часть шкиперов боится его, но их корабли — не чета «Этне»... Мы пройдем там. А потом нам останется только верить в удачу.

Алор резко обернулась:

— Значит ты пойдешь к Лунному Огню?

— Я не сказал этого, Брока, принеси мне бутылку из шкафчика в каюте.

Но пошел не Брока, а женщина: она принесла Хиту бутылку и смотрела, как он пьет, а потом спросила:

— С тобой все в порядке?

— Я умираю, а она спрашивает,— сказал Хит.

Она посмотрела ему в глаза и, как ни странно, в ее голоса не было насмешки, а только уважение, когда она сказала:

— Ты не умрешь,— и отошла.

Через несколько минут течение подхватило «Этну» и понесло ее назад, на север. «Лахаль» исчезла в тумане позади. Она была капризна в точном управлении, и Хит знал, что Джахор не рискнет кружиться в течении.

Почти три часа Хит стоял на вахте и вел корабль. Когда течение повернуло на восток, он вышел из него в спокойную воду. Затем он упал прямо на палубу и уснул.

Высокий варвар опять поднял его и отнес на койку.

Весь остаток дня и всю долгую венерианскую ночь Брока вел судно, а Хит спал тяжелым сном. Алор сидела возле него, следила за тенями кошмаров, пробегавшими по его лицу, и успокаивала сотрясения его тела.

Он все время повторял имя «Этна», и странное тоскливое недоумение появлялось в глазах Алор.

Когда на заре Хит проснулся и вышел на палубу, Брока спросил его с варварской грубостью:

— Ты решишься?

Хит не ответил, а Алор сказала:

— Вакор будет охотиться за тобой. Слово прошло во всей Венере, где только есть люди. Для тебя нет убежища... кроме одного.

Хит невесело улыбнулся, обнажив зубы.

— И это одно — Лунный Огонь. По-твоему все так просто?

Однако он понимал, что она права. Дети Луны никогда не бросят его след. Хит был крысой в ловушке, и все выходы вели к смерти.

Но смерть бывает разная. Если он умрет, то не так, как хотелось бы Вакору, а с Этной. Этна, более реальная, чем призрак, снова будет в его объятиях.

Он осознал сейчас то, что всегда знал в глубине души: все три с лишним сезона он цеплялся за жизнь, не дорожа ею, потому что был уверен: когда-нибудь он вернется сюда.

— Мы пойдем к Лунному Огню,— сказал он, затем добавил: — И, может быть, станем... богами.

— Ты слаб, землянин. У тебя нет мужества,— сказал Брока.

Хит бросил в ответ только одно слово:

— Посмотрим.

Глава 3. Через барьер

Шли дни и ночи. «Этна» плыла на север по морю Утренних Опалов, на север, к экватору. Они шли далеко от торговых путей. Все это пространство было диким. По берегам даже не было рыбачьих деревушек. Большие крутые утесы поднимались из воды, и на них нельзя было даже найти опору для ноги. А по другую сторону Драконьего Горла лежали только голые смертельные ловушки Верхних Морей.

«Этна» бежала так легко, словно радовалась вновь обретенной свободе, свободе от грязной гавани и цепей. Перемена коснулась и Хита. Он снова стал человеком. Он стоял — прямой, чистый и выбритый — на палубе собственной яхты, и больше не надо было принимать решений и не оставалось никаких сомнений. Долгий страх, долгая отсрочка кончились, и он тоже был счастлив на своем горьком пути.

Они не видели больше «Лахали», но Хит отлично знал, что она где-то следует за ними. У нее не было такой скорости, как у «Этны», но она была крепкой, а Джахор — хороший моряк. Кроме того, там был жрец Вакор, а он потащит «Лахаль» даже по Горам Белого Облака, если понадобится, лишь бы поймать беглецов.

Однажды Хит сказал Алор:

— Похоже, что Вакор особенно ненавидит тебя?

Ее лицо скривилось от отвращения и стыда.

— Он — зверь,— сказала она.— Змея, ящерица, изображающая короля...— И добавила: — Он очень рад, что мы все трое здесь...

Управляя рулем, Хит смотрел на Алор с некоторым

любопытством. Длинноногая, с резким ртом, она стояла и смотрела на белую пену, крутящуюся за кормой.

— Ты, видимо, очень любила Броку,— сказал он,— если нарушила свой обет ради него. Это примут во внимание, если поймают тебя.

Алор взглянула на него и невесело усмехнулась:

— Я ушла бы с любым мужчиной, который взял бы меня из храма. А Брока силен и почитал меня.

Хит был искренне поражен:

— Так ты не любила его?

Она пожала плечами.

— Он приятен на вид. Он вождь воинов, и он мужчина, а не жрец. Но любовь...— Она вдруг спросила: — Какая она, эта любовь... как ты любил свою Этну?

Хит дернулся.

— Что ты знаешь об Этне? — резко спросил он.

— Ты говорил о ней во сне. И Брока рассказал, как ты вызывал ее тень у Карлуны. Ты рискнул пойти к Лунному Огню, чтобы вернуть ее назад.— Алор бросила взгляд на костяную фигуру на носу судна — изображение женщины, молодой, стройной, улыбающейся.— Я думаю, ты дурак,— неожиданно закончила она.— Только дурак будет продолжать любить призрак.

Она ушла в кабину, раньше чем успел подобрать слова, раньше чем смог схватить ее за белую шею и сломать.

Этна... Этна!

Он проклял женщину из храмовых садов.

Он все еще был в ярости, когда Брока вышел из кабины, чтобы сменить его.

— Я останусь еще некоторое время,— коротко сказал Хит.— Думаю, что погода переменится.

На юге кипели облака, когда спустилась ночь. По морю бежала легкая зыбь, как было все эти дни, но что-то изменилось: пульс движения передавался через киль судна.

Брока, распрямив широченные плечи, посмотрел на юг, а затем на Хита.

— Я думаю, ты слишком много болтаешь с моей женщиной, — сказал он. Не дожидаясь ответа Хита, он положил руку на его плечо. Взял слегка, но чувствовалась сила, способная переломать Хиту кости.— Не разговаривай так много с Алор.

— Я не ищу с ней встреч,— дико рявкнул Хит.— Она твоя женщина, ты и заботься о ней.

— Я беспокоюсь не о ней,— спокойно ответил Брока, — а о ней и о тебе.— Говоря это, он смотрел сверху вниз на Хита, и Хит знал, какой контраст они представляли — его тощее тело против великолепной мощи крупного варвара.

— И она вечно с тобой на палубе и слушает твои россказни о море,— продолжал Брока.— Не разговаривай с ней так много,— повторил он, на этот раз довольно резко.

— О, господи! — насмешливо заметил Хит.— Неужели я такой дурак, как ты. Спятить надо, чтобы искать власти Лунного Огня и верить в верность храмовой девушки! И ты ее ревнуешь? — Он страшно ненавидел их обоих в этот момент, и ненависть заставила его продолжить: — Подожди, пока тебя не коснется Лунный Огонь. Он сломит твою силу и твою гордость. После этого тебе будет совершенно безразлично, кто и где болтает с твоей женщиной.

Брока бросил на него неподвижный и задумчивый взгляд, а затем отвернулся, разглядывая темнеющее небо.

Через некоторое время до Хита дошла смешная сторона всего этого, и он захохотал.

Они все трое шли к смерти. Где-то с юга приближался Вакор, как черный пастух, и гнал их к смерти. Мечты об империи, мечты о славе, путешествие, вызвавшее месть богов, — и в такое время варвар вздумал ревновать.

Хит вдруг ясно осознал, как много времени проводила с ним Алор. По привычке и старому, как море, обычаю он помогал ей проводить долгие тревожные часы мат-

росскими байками. Оглядываясь назад, он видел лицо Алор, удивительно молодое и радостное, всегда она слушала его, он вспоминал, как она задавала вопросы, желая научиться управлять судном.

Он вспомнил теперь, какой она выглядела красивой, когда ветер путался в ее волосах; вспоминал ее крепкое сильное тело, когда она удерживала «Этну» в равновесии на повороте.

Гроза собиралась долго и наконец разразилась.

Хит знал, что Море Утренних Опалов не пропустит его без борьбы. Оно будет донимать его молниями, острыми рифами, мертвым штилем, грохочущими приливами и всеми хитростями течения, туманом и дрейфующей травой. Он должен будет со всем этим сражаться. Теперь он был совсем близко от Драконьего Горла, ворот Верхних Морей, и это был убийственный момент для шторма с юга.

Ночь стала черной. Море горело белой фосфоресценцией — кипящий котел ведьмина огня. Поднялся устрашающий ветер. «Этна» ныряла и тряслась, идя без паруса, и Хит еще раз порадовался силе Брока, когда они вместе боролись с кормовым веслом.

Он чувствовал, что рядом с ним кто-то есть, и понял, что это Алор.

— Иди вниз! — крикнул он и услышал только эхо ее ответа. Она не ушла, а навалилась всем своим весом на весло.

Стрелы молний, широкие, как хвост кометы, проносились с такой стремительностью и яростью, словно стартовали с другой звезды и набирали скорость; проходя через полгалактики, Они покрыли Море Утренних Опалов пурпурным огнем, пока гром, принесший мрак, не смел их. Затем хлынули потоки дождя.

Хит стонал про себя. Ветер и бурное море зажали между собой маленький кораблик, таща его куда-то вперед. С теперешней скоростью «Этна» должна быть у Драконьего Горла уже на заре, и она ударится о него на полном ходу, беспомощная, как дрейфующая щепка.

Свет молнии показал Хиту громадное напряженное тело варвара, мокрое и блестящее, его длинные волосы, освободившиеся от узлов и цепочек, растрепанные водой и ветром. Молния показала Хиту также и Алор. Их руки и плечи соприкасались в совместном напряжении.

Они сражались таким образом, казалось, целое столетие, но затем дождь резко прекратился, ветер утих и настал период полнейшей тишины. Голос Алор громко ударил в уши Хита.

— Кончилось.

— Нет,— сказал он.— Слушай!

И они услышали глубокий ровный гул далеко на севере — грохот прибоя.

Шторм начался снова.

Пришла заря немногим светлее ночи. Сквозь разлетающиеся водоросли Хит видел утесы по обеим сторонам, где сужается горная цепь, утягивая Море Утренних Опалов в пролив Драконьего Горла. Вода высоко поднималась между этими утесами, вспыхивая белизной на черных камнях.

«Этну» несло туда, как листок к мельничной запруде.

Утесы сходились все больше, пока пространство между ними стало не шире мили. Черные титаны, и у их ног пространства яростной белой воды, изорванной и раздробленной похожими на клыки скалами.

Драконье Горло.

Когда Хит проходил здесь раньше, была хорошая погода и были люди на веслах. Но и тогда это было нелегко. Сейчас он пытался вспомнить, где идет проток, пытался направить судно к тому месту, которое служило тропинкой между камней.

«Этна» набрала скорость и бросилась в Драконье Горло.

Она летела в слепом безумии потока, ветра и звука. Время от времени Хит видел перед собой вздымающуюся скалу и поворачивал корабль в сторону, стараясь уберечься от смерти, что пряталась прямо под бурлящей

поверхностью воды. Два или три раза «Этна» вздрагивала со скрежетом, и Хит думал, что все кончено.

Однажды, когда уже не было надежды, Хит почувствовал, как рука Алор сжалась на его руке.

Высокая вода спасла их, захватила в собственное стремительное течение, пронесла над скалами и наконец через барьер в конце узкого пролива.

«Этна» вышла, покачиваясь, в относительно спокойные воды Верхних Морей, где волны казались нежными, и все вообще стало таким нежным и спокойным, что даже не верилось. Долгое время все трое стояли над кормовым веслом, не в силах осознать, что все уже позади, а они все живы.

Шторм выдохся. Ветер стал ровным. Хит поставил парус, сел, опустил голову на колени и задумался, почему Алор схватила его за руку, когда решила, что она сейчас умрет.

Глава 4. Я буду ждать!

Даже в такую рань было уже жарко. Верхние Моря шли вдоль экватора. Мелкая, окруженная сушей вода задыхалась от водорослей и была заполнена плавучими рифами грязи; выступающие массы гор резали ее на лабиринты озер и слепые протоки.

Ветер упал до полного штиля. Открытая вода осталась позади, там, где ее разметали течения Моря Утренних Опалов. Плывущие травы собрались вокруг «Этны», и их пятнистая желтая равнина шевелилась как живая. В воздухе пахло гнилью.

Под руководством Хита люди размахивали ножами-траворезами — большими лезвиями на скобах, укрепленных под носом судна. Затем, используя тяжелое кормовое весло, как гребное, они толкали «Этну» вперед силой своих вспотевших спин.

Тучи маленьких драконов с яркой чешуей, потрево-

женные кораблем, взлетали с шипящим визгом. Здесь было их родное место. Они сражались и гнездились в водорослях, и душный влажный воздух был полон шумом их крыльев. Они садились на поручни и на снасти, поглядывая красными глазами. Дракон, что сидел на плече Хита, испускал резкие возбужденные крики. Хит подкинул его в воздух, и дракон полетел к своим собратьям.

Под водорослями была своя жизнь, плодящаяся в горячей застойной воде, самых разных форм и даже вовсе без формы, скученная и вечно голодная. Маленькие рептилии скользили в траве, поедая драконьи яйца; то тут, то там появлялась маленькая черная головка, хватала и хрустела, глядя на «Этну» нелюбопытными глазами, пока жевала и глотала добычу.

Хит все время был настороже.

Солнце высоко поднялось над вечными облаками. Жар просачивался и усиливался. Весло ходило взад и вперед, нож резал, трава подтягивалась к корпусу судна, а за кормой разрез медленно сближался, когда водоросли свивались друг с другом.

Хит старался не поворачиваться к Алор. Он не хотел смотреть на нее, не хотел вспоминать прикосновение ее руки. Он хотел вспоминать только Этну, помнить агонию Лунного Огня и думать о награде, что лежит за Лунным Огнем... если у него хватит духу. Что значит храмовая девка по сравнению со всем этим?

Но он все-таки поглядывал на нее. И ее белые руки блестели от пота, красный рот был мрачным и усталым, но даже сейчас она обладала странной и дикой красотой. Время от времени она бросала на него быстрый и голодный взгляд из-под ресниц, и глаза ее не были глазами храмовой девушки. Хит мысленно проклинал Броку за то, что тот заставил его думать об Алор, и проклинал себя, что теперь не может не думать о ней.

Они трудились, пока их держали ноги, а затем легли прямо на палубу отдыхать. Брока притянул Алор к себе.

— Скоро это кончится,— сказал он.— Скоро мы достигнем Лунного Огня. Тебе понравится это, Алор: ты будешь подругой бога!

Алор безразлично лежала в кольце его рук, отвернув от него голову. Она не ответила ему. Брока засмеялся.

— Бог и богиня. Двое близких, как сейчас мы. Мы построим себе такие высокие троны, что их увидит солнце.— Он притянул ее голову себе на плечо и внимательно поглядел ей в лицо.— Власть, Алор, сила. У нас будет и то, и другое. Он накрыл ее рот своими губами, его рука ласкала тело Алор развязным, хозяйским жестом.

Алор оттолкнула его.

— Оставь. Слишком жарко, и к тому же я устала.— Она встала и отошла в сторону, повернувшись к Броке спиной.

Брока посмотрел на нее, потом повернулся и взглянул на Хита. Темная волна крови окрасила его лицо. Он медленно произнес:

— Слишком жарко, и ты устала, да к тому же — землянин наблюдает...

Он вскочил и схватил Алор за волосы и повернул ее кругом. Хит тоже вскочил и резко произнес:

— Оставь ее в покое!

— Она моя подруга, а я не могу трогать ее? — Он свирепо взглянул в горящие глаза Алор.— Так моя подруга или нет? — он отшвырнул ее и завертел головой, полуослепший от злости.— Ты думаешь, я ничего не вижу? Вы целыми днями смотрите друг на друга.

— Ты спятил,— сказал Хит.

— Да,— ответил Брока,— я спятил.— И он сделал два шага к Хиту.— Достаточно спятил, чтобы убить тебя.

— Если ты это сделаешь, ты никогда не дойдешь до Лунного Огня,— сказала Алор.

Брока остановился, раздираемый противоречиями между страстью и мечтой. Он стоял лицом к корме. Что-то заставило его отвернуться от Хита, и постепенно

выражение его лица изменилось. Хит тоже быстро обернулся, и Алор приглушенно вскрикнула.

Далеко позади них, слабо различимый в насыщенном паром воздухе, виднелся изумрудный парус.

«Лахаль», видимо, прошла через Драконье Горло сразу же, как кончился шторм. Имея на борту гребцов, они выигрывали против «Этны» во время штиля. Теперь она уже тоже была в водорослях, весла были бесполезны, но зато там были люди, чтобы резать траву, так как она шла быстрее «Этны» и шла без остановок. А Хиту, Броке и женщине отдыхать почти не приходилось.

Они качали кормовым веслом весь оставшийся день и всю лунную ночь, впав в отупение от работы, наполовину загипнотизированные ритмом, как те животные, что вечно крутят водяные колеса, идя по кругу. Они работали по двое, в то время как третий отдыхал, и Брока не сводил глаз с Алор. Благодаря своим чудовищным силам, он не спал, и в те периоды, когда Хит и Алор работали на весле, они не обменивались ни словом, ни взглядом.

На заре они увидели, что «Лахаль» подошла ближе.

Брока сидел на палубе и смотрел на зеленый парус. Хит видел, как сверкали глаза Броки и как он вздрагивал, несмотря на давящую жару.

Сердце Хита упало. Верхние Моря были рассадниками лихорадки, и было похоже, что большой варвар имел несчастье подхватить ее. Сам Хит был невосприимчив к ней, но Брока привык к чистому воздуху Высоких Плато, и яд быстро срабатывал в его крови.

Брока прикинул скорость продвижения обоих судов и проговорил:

— Ничего не выйдет. Нам придется остановиться и сражаться.

— Я думал, ты хочешь найти Лунный Огонь,— злобно ответил Хит.— Я думал, ты сильный мужчина и можешь победить там, где всякий другой потерпит неудачу. Я думал, ты собираешься стать богом.

Брока встал:

— Пусть у меня лихорадка, но все равно я сильнее тебя.

— Тогда работай! Если нам удастся удержаться впереди до тех пор, пока мы не расчистим траву...

— Лунный Огонь?

— Да.

— Удерживайся впереди,— сказал Брока. Он согнулся над веслом, и «Этна» поползла вперед через водоросли. Ее золотистый парус безжизненно повис в страшном безветрии. Жара так давила на Верхних Морях, точно само солнце падало сквозь дымку. А за кормой ровно шла «Лахаль».

Лихорадка Броки усилилась. Время от времени он поворачивался и проклинал Вахора, крича изумрудному парусу:

— Нас тебе не поймать, жрец! Я — Брока из племени Сари, я побью тебя и добьюсь Лунного Огня! Ты будешь лежать на брюхе, жрец, и лизать мои сандалии, прежде чем сдохнешь! — Потом он повернулся к Алор, сверкая глазами: — Ты знаешь, Алор, легенды? Человек, искупавшийся в сердце Лунного Огня, имеет силу богов. Он может построить мир для себя, он может стать королем, лордом, мастером. Он может дать своей женщине-богине дворец из бриллиантов и с золотым полом. Это правда, Алор. Ты слышала, как об этом говорили жрецы в храме.

— Это правда,— ответила Алор.

— Новый мир, Алор. Мир только для нас.— Брока с неистовой силой завертел веслом, и тайна Лунного Огня снова захватила Хита. Раз уж жрецы знали дорогу туда, почему же они сами не стали богами! Почему никто из людей не возвращался оттуда в своей божественности — только очень немногие, вроде самого Хита, которые не прошли весь путь?

А божественность была. Хит знал это, потому что в нем самом была ее тень.

День тянулся бесконечно. Изумрудный парус подошел еще ближе.

К концу дня послышался треск полета маленьких драконов, и вся жизнь в водорослях замерла. Рептилии застыли неподвижно с недогрызанными яйцами драконов в пастях. И ни одна голова не высунулась на поверхность в поисках пищи. Драконы улетели шипящей тучей. Внизу наступила полная тишина.

Хит схватился за весло и остановил его.

— Тихо,— сказал он.— Смотрите... Туда. Они повернулись в направлении его жеста. Далеко впереди по траве прошла рябь, направляющаяся к ним. Такая рябь, словно бы все дно Верхних Морей пришло в движение.

— Что это! — прошептала Алор, но, увидев лицо Хита, замолчала.

Рябь приближалась вроде бы лениво, но со страшной скоростью. Хит достал из кормового ящика гарпун. Следя за движениями водорослей, он видел, как оно постепенно замедлялось и остановилось как бы в замешательстве. Хит швырнул гарпун так далеко назад, насколько позволили его силы.

Рябь поднялась снова. Она обогнула судно Хита и заторопилась туда, где упал гарпун.

— Она атакует только то, что движется,— пояснил Хит.— Они оставили нас только потому, что мы стоим. Следите.

Травяной покров поднялся и лопнул; его лохмотья на огромной чешуйчатой спине. Создание, по-видимому, не имело формы, так как голову его нельзя было различить. Это была просто громадная голодная чернота, распространяющаяся вверх и в стороны; вся живность, не успевшая скрыться, была тут же проглочена.

— Что это? — снова прошептала Алор.

— Один из стражей,— ответил Хит,— стражей Верхних Морей. Идущий корабль они разламывают в щепки и сжирают команду.— И он оглянулся на «Лахаль». Она тоже стояла. Хитрый Вакор тоже учуял опасность.— Мы должны ждать, пока этот страж не уйдет.

Брока глядел на Хита. Лихорадка сильно захватила его, и глаза его стали базумными. Он забормотал что-то

бессвязное, и можно было разобрать только «Алор» и «Лунный Огонь».

Внезапно он отчетливо произнес:

— Лунный Огонь без Алор ничто. Ничто! — повторил он несколько раз, стуча кулаками по коленям. Затем стал оглядываться, как бы ища кого-то.— Она ушла. Алор ушла. Она ушла к землянину.

Алор говорила с ним, касалась его, но он отталкивал ее. В его обезумевшем от лихорадки мозгу жила только одна мысль. Он встал и пошел к Дэвиду Хиту.

Хит встал.

— Брока,— сказал он,— Алор рядом с тобой. Она не ушла.

Брока не слышал и не остановился.

— Брока! — закричала Алор.

— Нет,— сказал Брока,— ты любишь его, и ты больше не моя. Ты смотришь на меня, как на пустое место. В твоих губах нет тепла.

Он тянулся к Дэвиду Хиту и был слеп и глух к остальному, кроме желания рвать, топтать, уничтожить соперника.

В ограниченном пространстве палубы никуда нельзя было деться; Хит попытался ускользнуть от больного варвара, но Брока прижал его и поручням. Волей-неволей Хит должен был защищаться, но от этого мало было толку. Брока сейчас просто не чувствовал физической боли.

Своим весом он придавил Хита к поручням так, что чуть не переломил ему спину, и руки его нашли горло Хита. Хит бил и бил Броку и думал в отчаянии, как глупо умереть в бессмысленной ссоре из-за женщины.

Вдруг он осознал, что Брока выпустил его и сползает на палубу. Затуманенные глаза увидели Алор, стоявшую тут же с поднятым шкворнем. Он вздрогнул — в какой-то мере реакция, но в основном злость, что для спасения его жизни понадобилась помощь женщины; Брока лежал, тяжело дыша.

— Спасибо,— коротко сказал Хит.— Плохо, что ты его ударила. Он же не соображал, что делал.

— Разве? — спокойно спросила Алор.

Хит ничего не ответил. Он хотел отойти, но она схватила его за плечо, вынуждая взглянуть на нее.

— Вполне возможно, что я умру в Лунном Огне,— сказала она.— У меня нет такой веры в свои силы, как у Броки. Поэтому я скажу тебе сейчас: я люблю тебя, Дэвид Хит. Мне все равно, что ты подумаешь об этом и нужно ли тебе это, но я люблю тебя.

Она пристально смотрела на его лицо, как будто хотела запомнить каждую черточку. А затем она поцеловала его. Губы ее были очень нежными и сладкими.

Она отступила и спокойно сказала:

— Мне кажется, Страж исчез. «Лахаль» на ходу снова.

Хит молча пошел за ней на корму. Ее поцелуй горел в нем сладким огнем. Хит дрожал и был совершенно растерян.

Они тяжело трудились, пока Брока спал, но не решались сделать передышку. Хит уже мог различить на борту «Лахали» маленькие согнутые фигурки гребцов, работавших все время со свежими силами. Он видел черную одежду Детей Луны, стоявших на передней палубе.

«Этна» шла все медленнее, по мере того, как проходили часы, и брешь между двумя кораблями все время уменьшалась. Наступила ночь, и в темноте был слышен голос Вакора, завывавшего позади.

Брока проснулся около полуночи. Лихорадка оставила его, но он был угрюм и молчалив. Он грубо оттолкнул Алор и взялся за весло. «Этна» прибавила в скорости.

— Далеко еще? — спросил он, и Хит, задыхаясь от усталости, ответил:

— Теперь уже близко.

Пришел рассвет, а они все еще не избавились от водорослей. «Лахаль» была так близко, что Хит видел

драгоценную повязку на лбу Вакора. Тот стоял один на верхнем креплении ножа-травореза, смотрел на них и смеялся.

— Работайте! — кричал он.— Трудитесь и потейте! Эй, Алор! Женщина садов! Здесь лучше, чем в храме? Брока — вор и нарушитель закона — растягивает твои мышцы. Ну, а ты, землянин, вторично бросаешь вызов богам! — он наклонился над травой, будто намереваясь дотронуться до «Этны» и схватить ее голыми руками.— Потейте, тяните, собаки! Все равно не уйдете!

И они тянули и потели, а на весла «Лахали» села свежая смена и гнала судно все быстрее и быстрее. Вакор хохотал на своем насесте над тщетными стараниями «Этны» уйти от погони.

Но Хит смотрел вдаль угрюмыми, горящими глазами. Он видел, как поднимается туман, собираясь на севере, как меняется цвет травы-водорослей, и понукал своих спутников. Теперь в нем была ярость. Она пылала все ярче и сильнее, чем ярость Броки — это была та стальная ярость, которой даже сами боги не смогли бы загородить дорогу к Лунному Огню.

Они держались впереди — немного впереди, почти на расстоянии полета стрелы от «Лахали». Но вот водоросли стали реже, и «Этна» стала увеличивать свою скорость. И внезапно они обнаружили, что вышли в открытую воду.

Они что есть силы работали веслом, и Хит вел «Этну« туда, где, как он помнил, проходило северное течение, тянущееся в Океан-Не-Из-Воды. После страшной борьбы с водорослями им казалось что они летят. Но когда их стал обволакивать туман, «Лахаль» также освободилась и поспешила за ними, посадив на весла всех своих людей.

Туман сгущался. Черная вода кое-где стала поблескивать золотыми искрами. Здесь начинались острова — мелкие, низкие и со странной растительностью. Тут не было ни летающих драконов, ни Стражей, ни маленьких рептилий. Было лишь очень жарко и весьма тихо.

Сквозь тишину прорывался голос Вакора, поднимавшийся до дикого визга, когда он ругал гребцов.

Течение стало более быстрым, и золотые блестки на воде затанцевали. Лицо Хита приобрело странный нечеловеческий вид. А весла «Лахали» вспарывали воду, и лучники стояли на передней палубе, готовые к стрельбе, как только позволит расстояние.

Но случилось невероятное: Вакор издал долгий пронзительный вопль, взмахнул рукой, и весла «Лахали» остановились. Вакор поднял над головой сжатые кулаки и прокричал страшное слово проклятия.

— Я буду ждать вас, богохульники! — кричал он.— Пока вы живы, я буду ждать вас здесь!

Изумрудный парус уменьшился, потускнел и пропал в тумане.

— Они же почти взяли нас. Почему же они остановились? — спросил Брока.

Хит указал рукой. Весь северный участок тумана вверху окрасился дыханием пылающего золота:

— Лунный Огонь!

Глава 5. В Лунном Огне

Хита вели безумная мечта, навязчивые сны и воспоминания; они вели его сюда, несмотря на страх перед бесспорной гибелью. Теперь все стало реальностью, и он не мог отделить ее ото сна.

Он снова следил, как меняется океан, пока «Этна» не оказалась не на воде, а на золотистой жидкости, которая плескалась о ее корпус мягким струящимся огнем. Его снова окутал туман, сверкающий и яркий.

Первая слабая покалывающая дрожь пробежала по его венам, и он знал, что будет дальше — обманчивое чувство удовольствия, идущее через экстаз к нестерпимой боли. Он видел тусклые острова, низкие и черные, он видел лабиринт, в котором корабль может блуждать

вечно, так и не найдя источник удивительного живого света. Он видел остовы кораблей, погибших в поисках. Лежали они на отмелях островов, и туман покрыл их блестящим саваном. Их было много. Некоторые были такими древними, что раса, построившая их, давно исчезла из памяти Венеры.

Притягивающая сверхъестественная красота ударила щемящей тоской в сердце Хита; он боялся смерти, но был полон страстного желания и ужасного голода.

Брока глубоко втянул в себя воздух, точно впитывая чудесную силу Лунного Огня.

— Ты найдешь его? — спросил он.— Самое его сердце.

— Найду.

Алор молчала и не двигалась. В этом свете она была вся серебряная, усыпанная золотой пылью.

— Ты боишься нарушить табу? — спросил ее Хит.

— Привычки ломать трудно.— Она повернулась к нему.— Что такое Лунный Огонь?

— Разве жрецы тебе этого не говорили?

— Говорили, что у Венеры когда-то была Луна. Она ходила в облаках огненным диском, и бог, живший в ней, был самым главным из всех богов. Он следил за поверхностью планеты и за всем, что на ней делается. Но меньшие боги завидовали ему, и им однажды удалось разрушить дворец Лунного Бога. Все небо Венеры осветилось от этого разрушения. Горы падали, моря выходили из берегов, вымирали целые народы. Лунный же Бог был убит, и его сверкающее тело упало через облака, как сверкающий метеор.

Но Бог не может умереть по-настоящему. Он только спит и ждет. Золотой туман — это пар от его дыхания, о сияние его тела — и есть Лунный Огонь. Человек может получить божественность из сердца спящего бога, но все боги Венеры проклянут его, так как смертный человек не имеет права посягать на их власть.

— И ты не поверила этой истории,— сказал Хит.

Алор пожала плечами.

— Ты видел Лунный Огонь? А жрецы не видели.

— Но я не был в его сердце,— сказал Хит.— Я только видел край кратера и свет, исходящий из него. Просто адский свет.— Он вздрогнул и замолчал не в первый раз об истине, что скрывается за тайной Лунного Огня. Затем медленно сказал:

— Луна когда-то была, это ясно, иначе и не было бы такого понятия в фольклоре. Я уверен, что здесь радиоактивность... какой-то элемент, который еще не открыт или вообще не существует на Земле и на Марсе.

— Я не поняла,— проговорила Алор.— Что за «радиоактивность«? — она повторила земное слово, сказанное Хитом, потому что в венерианском языке не было его эквивалента.

— Это особый вид огня, что горит в некоторых элементах. Он съедает их, питаясь их атомами, и излучение от этого огня очень мощное.— Он полузакрыл глаза.— Вы чувствуете его? Маленький огонек, горящий в вашей крови?

— Да,— прошептала Алор,— я чувствую.

— Это как вино,— заметил Брока.

Хит продолжал, вкладывая в слова старые-старые мысли.

— Луна была разрушена, но не завистливыми богами, а столкновением с другим телом, может быть, со стероидом. А возможно, взорвалась от избытка собственной энергии. Я думаю, фрагмент Луны уцелел и упал сюда и его излучение распространилось и изменило море и окружающий воздух.

И тем же способом оно изменяет людей. И похоже, оно меняет электрическую структуру мозга, усиливая его мощь далеко за пределы обычного человеческого мозга. Оно дает мозгу силу воли, достаточную, чтобы управлять свободными электронами в воздухе — творить...— Он сделал паузу и быстро закончил: — В моем случае — творить только призраки. А когда произойдет мутация, человеку плевать на проклятия богов Венеры. Я получил очень немного, но и этого было достаточно.

— Стоит потерпеть боль, чтобы стать богом,— сказал Брока.— У тебя не было силы.

Хит криво улыбнулся.

— Много ли богов вернулось от Лунного Огня?

— Один скоро будет,— ответил Брока, схватил Алор за плечи и притянул к себе, заглядывая ей в лицо.

— Нет,— возразила она,— не один. Двое.

— Возможно, что и трое,— заметил Хит.

Брока повернулся и бросил на него спокойный холодный взгляд.

— Не думаю,— сказал он,— что у тебя после этого прибавилось силы.

После этого они долгое время не разговаривали. «Этна« шла, скользя по медленному течению между островами. Они иногда подгребали кормовым веслом, и его большая лопасть скрывалась в огненной пене. Золотой блеск увеличивался, и с ним усиливался звенящий огонь в крови людей.

Хит стоял у штурвала, прямой, сильный, прежний Хит, который проходил пролив Лхила в зубах летнего шторма и смеялся над ним. Усталость, слабость, боль — все ушло. То же самое произошло и с другими: Алор высоко держала голову, а Брока вскочил на носовое украшение и громко выкрикивал вызов всем богам, которые захотят остановить его.

Хит смотрел в глаза Алор. Она улыбалась в ответ, нежно и приветливо.

— Я думаю, никто из нас не останется в живых,— прошептала она.— Может, ты найдешь свою тень, Дэвид, прежде чем умрешь.

Но Брока снова повернулся к ним, и момент для ответа был упущен.

Под вуалью Лунного Огня не было ни дня, ни ночи, ни времени. Хит не имел представления, давно ли пурпурный нос «Этны» бороздил золотой поток. Звенящая сила прошла по всему телу и пульсировала в нем и пьянила его, и острова проплывали мимо, и не было ни звука, ни движения, кроме движения «Этны», во всем этом торжественном море.

Наконец они увидели перед собой сверхъестественный свет, льющийся из сердца Лунного Огня, живое ядро всего сияющего тумана. Хит увидел землю, темную и неопределенную, тонущую в пылающей дымке, и пошел туда по знакомому пути. Теперь в нем не было больше страха. Он перешагнул его.

— Корабль! — вдруг закричал Брока.

Хит кивнул:

— Он и раньше был здесь. И будет, когда следующий найдет путь сюда.

Две длинные руки острова вытянулись и образовали изрезанную бухту. «Этна» вошла в нее. Они миновали брошенное судно, терпеливо плавающее, недосягаемое здесь ни для ветра, ни для течения, ни для океанского гниения. Его голубой парус был свернут, снасти чистые, готовые. Судно ожидало начало путешествия домой. Оно ждало долго, очень долго.

Подойдя ближе к земле, они увидели другие корабли; они не сдвинулись, не изменились с тех пор, как Хит видел их три года тому назад.

Их было очень немного — тех, кто нашел Драконье Горло и прошел через него, прошел живым через Верхние Моря и лабиринт островов Лунного Огня и добрался до цели. Некоторые корабли все еще плавали, когда команды покинули их, их грязные паруса повисли на реях. Другие лежали на отмели, как будто спали. Здесь были странные плоскодонки, каких уже не было на Венере тысячу лет. Золотой туман сохранил их, и они ждали, как свора верных собак, возвращения своих хозяев.

Хит подвел «Этну» к берегу в том самом месте, где сажал ее на мель в прошлый раз. «Этна» мягко заворчала. Они сошли на берег. Хит еще помнил странную хрустящую текстуру черной земли под ногами. Он вздрогнул от силы, ударившей в его плоть. Как и тогда, она билась теперь на границе боли.

Они молча шли в глубь острова. Туман сгустился вокруг них, наполнился танцующими искрами света.

Бухта потерялась за его призрачным занавесом. Они шли вперед, и дорога стала медленно подниматься. Они шли точно во сне, свет и тишина давили на них великим благоговейным страхом.

Они набрели на мертвеца. Он лежал лицом вниз, вытянув руки вперед, к тайне, что лежала впереди; они все еще тянулись к славе, которой мертвец так и не достиг. И они молча прошли мимо.

Давящий туман, яркий свет, золотые точки, кружащиеся и мерцающие в безумном танце. Хит прислушивался к голосу боли, говорящему в нем; этот голос поднимался с каждым шагом, доходя до беззвучного вопля.

«Я помню, я помню! Кости, плоть, мозг, каждый атом их — отдельное племя, взрывающейся, рвущееся к свободе. Я не могу идти дальше, я не могу вынести этого! Я скоро проснусь, живой и невредимый, в грязи позади заведения Карлуны...«

Но Хит не проснулся, а земля ровно поднималась под его ногами, и было в нем безумие, страсть и страдание, какие человек не в силах вынести.

Однако он вынес.

Кружащиеся точки начали собираться в неопределенные фигуры, в бесформенных гигантов, которые шагали рядом с людьми. Хит услышал стон ужаса Алор и вынудил себя сказать:

— Они — ничто. Призраки из нашего мозга... начала власти.

Они шли все дальше и дальше. Наконец он остановился и, взглянув на Броку, показал рукой:

— Твоя божественность лежит там. Иди и возьми ее!

Глаза варвара, ошеломленные, дикие, устремились на темную туманную линию кратера вдали, на немыслимый свет, сиявший там.

— Оно бьется,— прошептал он,— бьется... как сердце.

Алор, глядя на этот свет, отступила назад.

— Я боюсь. Я не пойду.

Хит видел, что ее лицо исказилось, тело тряслось, как и у него самого. Ее голос поднялся до рыдания:

— Я не могу идти! Я не могу оставаться здесь. Я умираю! — Она схватила Хита за руку.— Дэвид, возьми меня отсюда! Уведи меня обратно!

Раньше чем он успел подумать или сказать что-нибудь, Брока оторвал от него Алор и нанес ему страшный удар. Хит упал, и последнее, что он слышал, был голос Алор, выкрикивающий его имя.

Глава 6. Конец мечты

Видимо, Хит недолго был без сознания, потому что, придя в себя, еще увидел тех двоих вдали. Брока бежал как безумный по склону кратера, неся на руках Алор. Вот он встал на край, а затем прыгнул вниз и исчез.

Хит остался один.

Он все еще лежал и старался сохранить ясность ума, борясь с муками плоти.

— Этна, Этна,— шептал он,— это же конец мечты.

И он медленно, дюйм за дюймом, пополз к сердцу Лунного Огня.

Теперь он был ближе к нему, чем в прошлый раз. Странная грубая земля резала ему руки и голые колени. Текла кровь, но боль от этого была меньше, чем от булавочного укола, по сравнению с космической агонией Лунного Огня.

Брока, наверное, тоже страдал, но все-таки даже бежал к своей судьбе. Возможно, его нервная система была более примитивной и сильнее сопротивлялась шоку. А может быть, он просто целиком был охвачен жаждой власти.

Хит не нуждался в ней. Он не хотел стать богом. Он хотел только умереть и знал, что это случится очень скоро. Но прежде чем умереть, он хотел сделать то, чего не сумел в прошлый раз: он хотел вернуть Этну.

Он хотел снова услышать ее голос, посмотреть в ее глаза и вместе с ней ждать финальной тьмы.

Ее образ исчезнет с его смертью, потому что исчезнут его мозг и память. Но он не увидит, как жизнь уходит из нее — он видел все это в прошлые годы на Море Утренних Опалов. Она будет с ним до конца... нежная, любящая, веселая, какой и была всегда.

Он полз и называл ее имя. Он пытался не думать ни о чем другом, чтобы забыть о страшных нечеловеческих вещах, происходивших в нем.

— Этна, Этна,— шептал он. Его руки хватали землю, колени раздирались землей, и блеск Лунного Огня окутывал его золотыми знаменами тумана. Но он не останавливался, хотя душа выскакивала из него.

Он добрался до края кратера и заглянул вниз, в сердце Лунного Огня.

Весь обширный кратер был морем сверкающего пара, такого плотного, что он двигался мелкими волнами, покрытыми искрящейся пеной. В этом море был остров, напоминавший по форме упавшую гору: он горел с ослепляющей интенсивностью, на которую могли смотреть только глаза бога.

«Она плыла в облаках, точно огненный диск...«

Хит знал, что эта гипотеза была правильной. Но теперь это не имело значения... Тело спящего бога или обломок упавшей луны — оно могло вернуть ему Этну, ну а Хит хотел только этого.

Он подтянулся через край и покатился по склону вниз. Он вскрикнул, когда пар сомкнулся над ним.

После этого настал период наибольших странностей.

Казалось, некоторая сила разделяла атомы организма, называемого Дэвидом Хитом, и перегруппировала их по-новому. Была боль, равной которой он никогда не испытывал, но затем она вдруг исчезла. Его тело стало здоровым и целым, мозг — ясный, живой и чистый, с зарождающимся знанием новой силы.

Он оглядел себя, поднес руки к лицу. Он не изменился. Но он знал, что стал другим. На этот раз он получил

полную силу радиации, и она, по-видимому, докончила перемену, начавшуюся три года назад. Возможно, он не был тем же самым Дэвидом Хитом, но он не был больше на полпути между прежним Хитом и новым.

Он больше не чувствовал, что идет к смерти, и уже не желал этого. Он был полон великой силы и великой радости. И он возьмет обратно свою Этну, и они будут жить здесь, в золотом саду Лунного Огня.

Надо быть здесь — он был уверен в этом. В прошлый раз он был только на окраине Лунного Огня, но наверняка не только потому не мог творить ничего, кроме теней. Вне Лунного Огня нет достаточной концентрации лучевой энергии, при которой может функционировать телекинетическая сила мозга. Вероятно, даже в других туманах Лунного Огня нет столько свободных электронов. Но здесь, близко к источнику, воздух дробился на них. Сырая материя, из которой можно создавать.

Дэвид Хит встал, поднял голову и со страстным желанием протянул руки. Прямой, сияющий, сильный, стоял он в живом свете, и его смуглое лицо было лицом счастливого бога.

— Этна,— шептал он.— Этна, это не конец мечты, а начало.

И она пришла.

Властью, торжествующей силой, что была в нем, он взял ее из Лунного Огня. Этна, скользящая и улыбающаяся, неопределенная сначала, точно тень в тумане, но постепенно прояснявшаяся, подошла к нему. Он видел ее белые руки, бледное пламя волос, ее красные губы и задумчивые глаза.

Хит с криком отступил. Это была не Этна, а Алор. Некоторое время он не мог пошевелиться, а только смотрел на то, что создал. Явление улыбалось ему, и лицо это было лицом женщины, нашедшей любовь, а с нею и весь мир.

— Нет,— сказал он,— я хочу не тебя, а Этну! — Он выкинул из своего мозга мысль об Алор. Изображение увяло, и он снова позвал Этну.

И когда она опять пришла, она снова оказалась Алор.

Он разрушил видение. Злоба и разочарование были так сильны, что он готов был броситься и заблудиться в тумане. Алор! Алор! Зачем эта храмовая шлюха навязывается ему теперь?

Он ненавидел ее, но ее имя пело в его сердце и не хотело умолкнуть. Он не мог забыть, как она поцеловала его, как смотрела на него, и ее последний крик был обращен к нему.

Он не мог забыть, что в его собственном сердце царил ее образ, а имя Этны помнила лишь сознательная часть его мозга.

Он сел, склонил голову на колени и заплакал, определенно зная теперь, что это конец его мечты. Он навеки потерял старую любовь, не сознавая этого. Это была жестокая мысль, но это была правда. И он не мог примириться с этим.

А Алор, может быть, уже умерла...

Эта мысль оборвала его отчаяние. Он вскочил, полный смертельного страха. Он стоял, дико озираясь, и пар был как золотая вода, так что он мог видеть едва на несколько футов здесь. И он побежал, выкрикивая имя Алор.

Он бежал, может быть, целые столетия в этом безвременном мире и искал ее. На его крики не было ответа. Иногда он видел фигуру в тумане и думал, что нашел Алор, но каждый раз это оказывалось телом мужчины, умершего бог знает как давно. Все они были одинаковые: истощенные, словно умерли от голода, и все улыбались. Казалось, их открытые глаза все еще видят последние видения.

Это были боги Лунного Огня — горсточка людей из разных веков, которые нашли свой путь к последнему финалу.

Жестокая шутка. Человек мог обрести божественность в золотом озере. Он мог сотворить в нем собственный мир, но не мог уйти, потому что в этом случае

пришлось бы оставить мир, где он был королем. Они, эти люди, наверное, узнали это, когда пошли обратно к гавани, прочь от источника. А может, они никогда и не пытались уйти.

Хит шел через прекрасный, неизменяющийся туман и звал Алор, но ответе не было. Он сознавал, что ему становится все труднее сохранить разум в этих поисках. Вокруг него мерцали полусформировавшиеся образы. Возбуждение его росло, и с ним настоятельная потребность остановиться, чтобы строить и творить.

Он боролся с искушением, но настало время, когда пришлось остановиться, потому что не было сил идти. Он сел, и безнадежность его поиска навалилась на него. Алор пропала, и он никогда не найдет ее. Предельно угнетенный, он закрыл лицо руками и думал о ней, и вдруг услышал ее голос, зовущий его. Он вскочил: она была здесь и протягивала к нему руки.

Он прижал ее к себе и целовал, чуть не рыдая от радости, но вдруг ему пришла мысль. Он отступил и спросил:

— Ты настоящая Алор или только призрак из моего мозга?

Она не ответила, но потянулась поцеловать его. Хит отвернулся, слишком усталый и разочарованный, чтобы уничтожать видение. А затем подумал: «Зачем ее разрушать? Если женщина для меня потеряна, почему не сохранить сон?» Он снова взглянул на нее, и это была Алор с ее теплым телом и ласковыми глазами.

Искушение снова взметнулось над ним, и на этот раз он не боролся. Он был богом, хотел он этого или нет. Он мог творить.

Он бросил всю силу своего мозга в золотой туман, и отравление странной властью опьянило его, наполнило безумной радостью.

Сверкающее облако спустилось и стало горизонтом и небом. Под ногами Хита рос остров теплой приятной земли, богатой травами и цветами — рай, затерянный в спящем море. Мелкие волны шептались на широких

отмелях. Склонившиеся ветви деревьев лениво шевелились на ветру, с пением проносились яркие птицы. В аккуратной маленькой бухточке покачивалось судно, какое могли построить только ангелы.

Идеал, недостижимое желание души. И Алор была с ним, чтобы разделить с ним это.

Теперь он понял, почему никто не уходил от Лунного Огня.

Он взял за руку видение Алор. Они бродили по берегу, и тут он заметил, что чего-то не хватает. Он улыбнулся... и снова на его плече сидел маленький дракон, и Хит похлопывал его, и теперь в этом маленьком раю не было никакого изъяна. Дэвид Хит обрел божественность.

Но какой-то упрямый уголок в сердце Хита предал его. Он говорил:

«Все это ложь, и Алор ждет тебя. Если ты замешкаешься, она умрет, как все другие, улыбаясь Лунному Огню...».

Он не желал слушать. Он был счастлив. Но что-то принуждало его слушать, и он понимал, что пока реальная Алор жива, он не может по-настоящему радоваться мечте. Он знал, что должен разрушить этот рай, пока рай не разрушил его самого. Он знал, что Лунный Огонь смертоносен; люди не могут получить власть богов и остаться в здравом уме.

Но он не мог уничтожить остров. Не мог!

Ужас переполнил Хита: он так сильно поддался искушению, что потерял контроль и над собственной волей! И он разрушил остров, море и любимый корабль... и это было куда больнее, чем если бы он срывал с костей свою собственную плоть.

И он разрушил видение Алор.

Он понимал, что если хочет спастись от безумия и смерти Лунного Огня, он не должен творить даже одной травинки. Абсолютно ничего. Потому что иначе у него не останется сил противиться нечестивой радости творения.

Глава 7. Божественная поступь

Он снова бежал, крича в золотой туман... Спустя много лет — а может, через минуту он услышал слабый и далекий голос Алор, называвший его имя. Он двинулся на звук, громко крича, но не слышал ее больше. Затем он увидел замок, маячивший сквозь туман в призрачном величии. Это было типичное укрепление Высоких Плато, но много больше любого замка варварских королей, и был он построен из громадного малинового драгоценного камня, вроде того, что называется Драконьей Кровью. Хит сообразил, что видит часть мечты Броки.

Ступени золотой лестницы вели к громадной двери. Два рослых воина в усыпанных драгоценными камнями доспехах охраняли ее. Хит прошел между ними, но они схватили и крепко держали его. Ненависть Броки к землянину была вложена в тех, кого сотворил его мозг.

Хит попытался вырваться, но их сила превосходила человеческую. Они повели его по фантастическим коридорам, по полам из жемчуга, хрусталя и драгоценных металлов. Вдоль стен стояли открытые сундуки, наполненные всеми сокровищами, какие только мог вообразить варварский мозг. Бесшумно скользили рабы, выполняя приказы, воздух был тяжелый от благоуханий и пряностей.

«Как странно идти по холмам чужого сна»,— подумал про себя Хит.

Его провели в громадную комнату, где пировало множество людей. Там были арфисты, певцы, танцовщицы и толпа рабов, борцы и танцоры с мечами. Мужчины и женщины за длинным столом походили на вождей и их жен, только одеты были в простую кожу, без всяких украшений; стражники Броки и даже рабы были много наряднее, чем гости.

Над криками и шумом веселья восседал Брока на высоком троне — серебряном драконе с распростертыми крыльями, украшенными драгоценными каменьями. На Броке были великолепные доспехи, а на лбу между

бровями висел резной бриллиант, какой мог носить только верховный властитель. Он лил вино из золотой чаши и следил за пирующими; и в его глазах не было ни малейшей человеческой искры. Бог или демон — но человеком Брока уже не был.

Алор сидела рядом с ним. На ней был наряд королевы, но лицо ее было спрятано в ладони, а тело было неподвижно, как мертвое.

Крик Хита пролетел сквозь шум пира. Брока вскочил на ноги, и все сразу затихло.

Стражи, вожди, рабы — все повернулись и смотрели, как Хит идет к трону; и все ненавидели Хита, как ненавидел его Брока.

Алор подняла голову, посмотрела Хиту в глаза и спросила его же словами:

— Ты настоящий Дэвид Хит или только призрак из моего мозга?

— Я — Дэвид,— ответил он и про себя порадовался, что разрушил свой рай.

Безумный взгляд Броки остановился на Хите.

— Я не думал, что у тебя хватит силы,— сказал он и захохотал. — Но ты не бог! Ты стоишь здесь как пленник и не имеешь власти.

Хит знал, что может побить Броку на его же собственной территории, но не решался. Одна проба этого экстаза чуть не погубила его. Если он попробует это еще раз, то он и варвар будут бросать друг на друга свои призрачные армии, пока не умрут, и он сам станет таким же безумным, как Брока.

Он оглядел враждебно настроенные создания, достаточно крепкие и реальные, чтобы убить его по слову Броки, и спросил Алор:

— Ты хочешь остаться здесь?

— Я хочу уйти от Лунного Огня с тобой, Дэвид, если можно. Если нет — я хочу умереть.

Яд еще не коснулся ее, и она пришла сюда не по своему желанию. Хотя она омылась в Лунном Огне, она была все еще в здравом уме.

Хит повернулся к Броке:

— Ты видишь, она не дорожит тобой.

Лицо Броки потемнело от ярости. Он схватил Алор своими громадными руками и сказал:

— Ты останешься со мной. Ты — часть меня. Послушай, Алор, нет ничего, что я на мог бы дать тебе. Я построю другие замки, создам другие племена, покорю их и положу к твоим ногам. Бог и богиня будут вместе, Алор! Мы будем править миром!

— Я не богиня,— сказала Алор.— Отпусти меня.

— Сначала я убью тебя,— сказал Брока и кинул взгляд на Хита.— Я убью вас обоих.

— Разве высшие боги унижаются до того, чтобы раздавить муравья или червя! — заметил Хит.— Мы не достойны такой чести — ни она, ни я. Мы слабы, и даже Лунный Огонь не может дать нам силу.— Он заметил искру мысли в глазах Броки и продолжал: — Ты же всемогущ, нет ничего, чего бы ты не смог бы сделать. Зачем тебе груз подруги, слишком слабой, чтобы работать с тобой? Сотвори другую Алор, Брока! Сотвори Богиню, достойную тебя!

— Сотвори женщину, которая будет любить тебя, Брока, — добавила Алор,— а нас отпусти.

В полной тишине пирующие, танцоры и рабы стояли неподвижно, и их глаза блестели в ярком освещении. Затем Брока кивнул:

— Ладно. Встань, Алор.

Она встала. В лице варвара появилось выражение власти и дикой радости от возможности вылепить сердечное желание из ничего. Из золотого воздуха он выделил другую Алор. Это была не просто женщина, а смесь снега, пламени и чуда, так что рядом с ней настоящая Алор выглядела бесцветной и некрасивой. Вторая Алор поднялась на трон, села рядом со своим создателем, взяла его за руку и улыбнулась.

Брока велел отпустить Хита. Хит подошел к Алор, и Брока сказал презрительно:

— Убирайтесь с моих глаз!

Они прошли сквозь толпу к двери, откуда Хита ввели сюда. Стояла прежняя тишина. И никто не шевельнулся.

Когда они дошли до прохода, он вдруг исчез. Осталась сплошная стена. Брока засмеялся со своего трона, и вся его компания взорвалась диким хохотом.

Хит крепче обнял Алор и пошел к другой двери, но она тоже исчезла, и издевательский смех снова зазвучал, отражаясь от свода.

— Думаете, я выпущу вас отсюда? — кричал Брока.— Вы оба предали меня, когда я был человеком! Даже бог может помнить!

Хит увидел, что стражники и другие приближаются, увидел их горящие глаза. Черный страх наполнил его, и он загородил собою Алор.

— Слабак! — кричал Брока.— Даже для спасения своей жизни ты не можешь творить!

Это была правда. Хит не решался. Люди-призраки тянулись к нему бездумными глазами, в их лицах выражалась жажда убить.

И вдруг пришло решение.

«Я не буду творить. Но я буду *разрушать*!«

Руки людей-призраков протянулись и оттащили его от Алор. Он слышал их вопли и знал, что если он промахнется, их обоих разорвут на куски. Он призвал всю силу, что была в нем, всю свою любовь.

Лица людей-призраков стали корчиться и расплываться. Их руки ослабели, и вот они уж стали только тенями, туманной массой в крошечном замке снов.

Богиня Броки растаяла с драконьего трона, королевские доспехи Броки превратились в паутину воспоминаний, едва заметную на простой коже.

Брока вскочил с диким хриплым криком. И Хит почувствовал, как оба их мозга сомкнулись и закачались в этой странной борьбе. И как Брока старался удержать свои видения, объединяя частицы энергии в подобие материи, так Хит стремился разорвать, рассеять их. И призраки все время находились в промежуточном виде между существованием и небытием.

Стены замка закачались, потекли как красная вода и исчезли. Богиня-Алор, танцовщицы, рабы и вожди исчезли; остался только золотой туман и рослый варвар, лишенный своих грез, мужчина Хит и женщина Алор.

Хит посмотрел на Броку и сказал:

— Я сильнее тебя, потому что я отказался от божественности.

— Я снова построю! — задыхаясь, выкрикнул Брока.

— Строй! — согласился Хит.

И Брока начал строить. Глаза его горели и массивное тело дрожало от силы его воли.

Скоро все снова было на месте — замок, драгоценности, толпа пирующих. Брока крикнул своим людям-призракам:

— Убить!

Но как только их руки потянулись уничтожать, так они снова стали слабеть и таять.

Хит крикнул:

— Если ты хочешь сохранить свое королевство, Брока, то отпусти нас!

Замок теперь был не более чем призрачным контуром. Лицо Броки взмокло от пота. Руки его хватали воздух. Он качался от своих страшных усилий. Темные глаза Хита были холодны и суровы. Если он сейчас и был похож на бога, то на бога безжалостного и непоколебимого, как судьба.

Видение окончательно рассыпалось и исчезло.

Брока опустил голову, Он не хотел смотреть на Хита, стыдясь своего провала.

— Уходите,— прошептал он.— Уходите и пусть Вакор встретит вас.

— Та смерть будет чище, чем здесь,— заметил Хит.

Алор взяла Хита за руку, и они пошли прочь через золотой туман.

— Он будет счастлив, пока не умрет,— проговорил Хит, имея в виду Броку.

Алор пожала плечами.

Они уходили все дальше от пульсирующего сердца

Лунного Огня, по склону кратера и вниз, в дальний путь к гавани... Наконец они снова оказались на борту «Этны».

Пока они медленно продвигались через лабиринт островов, Хит держал Алор в своих объятиях. Они молчали. Губы их часто встречались в мучительном коротком поцелуе... Золотой туман редел, и огонь в их крови слабел, и опьяняющее чувство силы исчезло, но они этого не замечали, и им было, все равно.

Наконец они вышли из вуали Лунного Огня и увидели впереди зеленый парус «Лахали». Вакор ждал.

— Прощай, моя любовь, мой Дэвид! — прошептала Алор, и ее горькие слезы упали на его губы.

Два корабля стояли бок о бок в спокойной воде. Вакор с другими Детьми Луны ждал, пока Хит и Алор подойдут к борту. Он махнул матросам, стоявшим неподалеку:

— Взять их!

Но люди боялись и не хотели касаться их. Хит увидел их лица и удивился, но, взглянув на Алор, понял, что она уже не та, какой была раньше. В ней было что-то чистое и сияющее, новая глубина и новая спокойная сила, а в ее глазах — новая странная красота. Он понял, что и сам изменился. Не оставаясь больше богами, они все же омылись в Лунном Огне и уже никогда не будут прежними.

Он без страха встретил взгляд Вакора. И жесткое, волчье лицо жреца частично утратило свою уверенность. По нему скользило необычное сомнение.

— Где Брока? — спросил Вакор.

— Мы оставили его там. Он строит в тумане империю...

— В сердце Лунного Огня?

— Да.

— Ты лжешь — вскричал жрец.— Вы не могли вернуться из сердца спящего бога. Никто никогда не возвращался.

Хит пожал плечами.

— В сущности, не имеет значения, веришь ты нам или нет.

Наступило долгое и странное молчание. Четверо высоких жрецов в черном сказали Вакору:

— Мы должны им поверить... Посмотри в их глаза.

Сделав торжественный ритуальный жест, они отошли, оставив Вакора одного.

— Это не может быть правдой! — прошептал Вакор.— Закон... табу построены на этом камне. Люди возвращались от окраины, как вернулся ты, Хит, но возвращались разрушенными и проклятыми за свое святотатство. Но никто и никогда не возвращался из чрева Лунного Огня. Никогда! Вот поэтому и не был создан закон, иначе вся Венера умерла бы в грезах.

Алор спокойно сказала:

— Все другие жаждали власти. А мы искали только любовь. Нам больше ничего и не надо.

И снова молчание. Вакор смотрел на них, борясь с собой. Наконец он выговорил.

— Вы вне моей власти. Спящий бог принял вас и позволил вам уйти невредимыми. Я же только Дитя Луны. Я не могу судить.

Он закрыл лицо руками и отвернулся. Один из молодых жрецов сказал Джахору:

— Дай им людей на весла.

Хит и Алор поняли, что они свободны.

Через несколько недель Хит и Алор стояли на рассвете на берегу Моря Утренних Опалов. Ветер дул с берега. Он наполнил золотой парус «Этны», и она вытягивалась на державших ее канатах, желая свободы. Хит наклонился и снял их.

Они стояли и смотрели, как маленький кораблик набирал скорость и шел легко и изящно, один в утреннем свете. Костяное изображение на ее носу поднимало руки к заре и улыбалось, и Хит ждал, пока последний яркий отблеск паруса не исчез и с ним все, что оставалось от его прошлой жизни, воспоминаний и грез.

Алор ласково коснулась его. Он повернулся и обнял ее, и они пошли под лита-деревья, а в небе разгорался новый день. И они думали, насколько свет солнца, которого они никогда не видели, прекраснее и бóлее полон обещания, чем все голые чудеса Лунного Огня, которые они держали в руках.

ШЕННЕЧ — ПОСЛЕДНИЙ

Повесть

Перевод с английского
Н. Несмеловой

Leigh Brackett

SHAUNACH — THE LAST

New-York
1952

ГЛАВА 1

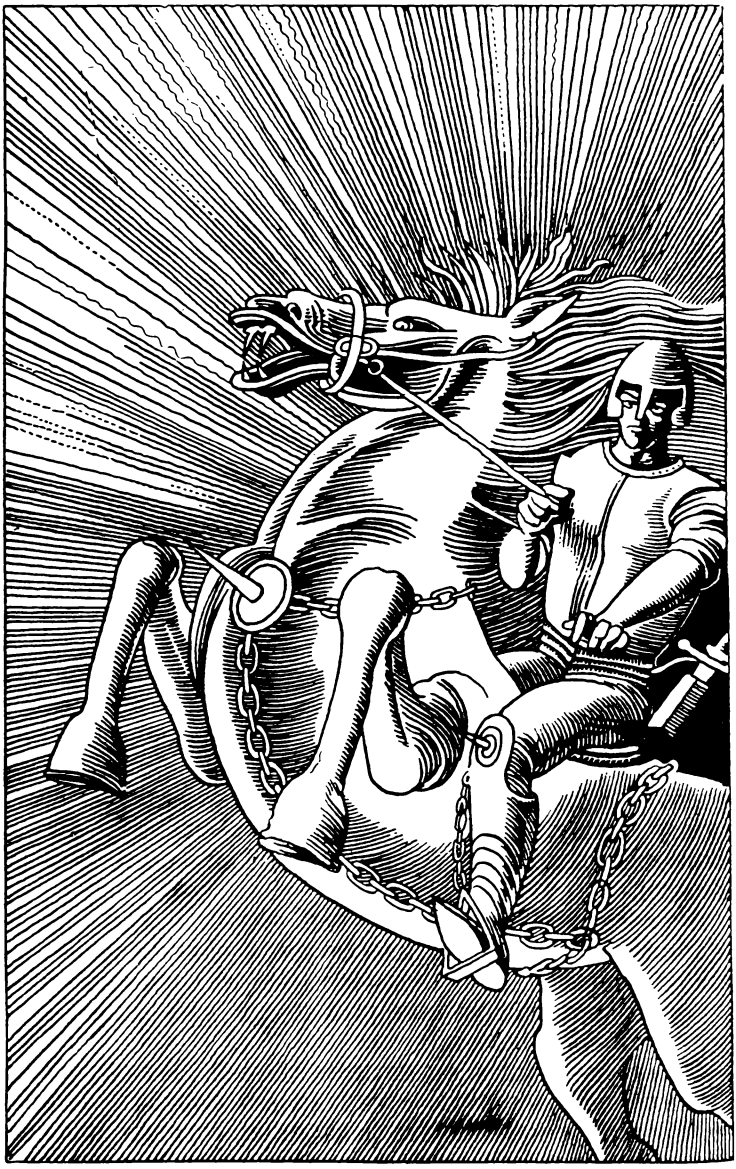
В пещерах Меркурия было темно, жарко и не было ни звука, кроме тяжелых шагов Тревера.

Тревер уже давно блуждал в этом лабиринте, где еще не бывало ни одно человеческое существо. И Тревер был зол. Не по своей вине и не по собственному желанию он приближался к смерти, и он не был готов к ней. Больше того, ему казалось отвратительным подойти к этому финальному моменту здесь, в давящем мраке, под чужими, высокими как Эверест горами. Он хотел бы остаться в долине. Голод и жажда привели бы его к такому концу, но по крайней мере он умер бы на открытом месте, как человек, а не как крыса в канализации.

Впрочем, какая разница, где умереть? Уж задолго до землетрясения голая адская дыра долины ничего не давала человеку, кроме надежды найти солнечные камни, один или два из которых могли превратить изыскателя в плутократа.

Тревер не нашел солнечных камней. Землетрясение сбросило целую горную стену на его корабль, оставив его, Тревера, с карманным фонариком, горстью пищевых таблеток, фляжкой воды и весьма скудной одеждой.

Он посмотрел на голые скалы, на ручеек зеленой пены от ядовитых химикалий и пошел в туннели, древ-

ние пузыри охлаждавшейся по ночам планеты, надеясь, что найдет через них выход из долины.

Сумеречный Пояс Меркурия изрезан тысячью скалистых карманов, как пчелиные соты. И здесь нет путей через горы, потому что зубчатые пики поднимаются в безвоздушное пространство. Тревер знал, что между ним и открытыми равнинами лежит только один карман... Если он сумеет добраться до этого кармана и пересечь его, то он...

Но теперь он понимал, что не дойдет... От страшной жары у него уже облезла кожа. Вес его шахтерских сапог стал слишком велик для его сил; он снял их и пошел босиком по грубому камню. Теперь у него остался только фонарик. Когда его свет погаснет, с ним исчезнет и последняя надежда Тревера...

И это произошло довольно скоро. Полнейший мрак могилы захлопнулся над ним. Тревер постоял, слушая биение своей крови в тишине и глядя на то, что человек видит и без света. Затем выкинул фонарик и пошел вперед, борясь со страхом, который был сильнее, чем его слабость.

Дважды он натыкался на изгиб стены и падал, но снова вставал. В третий раз он не мог подняться и пополз на коленях.

Он полз — крошечное создание, захороненное в кишках планеты. Проход становился все меньше, все туже смыкался вокруг него. Время от времени он терял сознание и невероятно болезненно приходил в себя, возвращался к жаре и молчанию давящего камня.

После одного подобного периода забвения он услышал тупой ровный гул. Проход сузился до трещины, едва достаточной, чтобы проползти в нее на животе подобно червяку. Тревер почувствовал сильную вибрацию камня. Вибрация становилась все сильнее, и в тесном пространстве это было страшно. Воздух стал душным от пара. Рев и вибрация дошли до невыносимых пределов. Тревер был почти задушен паром. Он боялся ползти вперед, но другого пути не было. И вдруг его руки оказались в пустоте.

Каменный пол, видимо, разъеден эрозией. Он подался под весом Тревера и сбросил его головой вперед в грохочущий поток воды, пузырящийся от жара и несущийся в великой спешке куда-то в темноту.

После этого Тревер мало что помнил. Было обжигающе горячо, была борьба за то, чтобы держать голову над водой, и еще страшная скорость подземной реки, бегущей по своему назначению.

Он несколько раз ударялся о скалы и однажды целую вечность сдерживал дыхание, пока поток туннеля не поднялся снова.

Он смутно сознавал свое скользящее падение. Стало много холоднее. Он снова бултыхался, потому что мозг не приказал ему остановиться, а вода уже не тащила.

Его руки и колени зацепили крепкое дно. Он забарахтался. Вода исчезла. Он сделал попытку встать, но так и остался лежать.

Настала ночь, а с ней и жестокая гроза и дождь. Тревер не знал этого: он спал, а когда проснулся, заря зажгла высокие утесы белым светом.

Что-то кричало над его головой. Больной и истощенный Тревер приподнялся и огляделся. Он увидел бледно-серую песчаную отмель. Под ногами лежала тень серо-зеленого озера, наполнявшего каменный бассейн около полумили шириной. Слева от него подземная река разливалась вширь, покрытая веером пены. Справа вода переливалась через край бассейна и где-то внизу снова превращалась в реку, а за краем, скрытая туманом и тенью горной стены, начиналась долина.

Позади Тревера, на краю песка, росли деревья, папоротники и цветы незнакомой формы и цвета, но торжествующе живые. Насколько он мог видеть, широкая долина была полна зеленой растительности, и вода была чистая, воздух ароматен, и до Тревера дошло, что он все-таки сумел пробиться. Он еще поживет.

Забыв об усталости, он вскочил, и то, что шипело и верещало над ними, бросилось вниз, едва не оцарапав его острыми зубцами кожистых крыльев. Тревер вскрик-

нул и отскочил, а создание взлетело по спирали и снова понеслось вниз.

Тревер увидел что-то вроде летающей ящерицы, агатово-черной с шафрановым брюшком. Он поднял руки, чтобы отогнать ящерку, но она и не нападала на него. Когда она проносилась мимо, он увидел нечто, разбудившее в нем изумление, жадность, и главным образом, неприятный холодок страха.

На шее ящерицы был золотой ошейник, а в чешуйчатую плоть ее головы — вроде бы прямо в кость — был вставлен солнечный камень.

Нельзя было ошибиться в этой маленькой злой вспышке радиации. Тревер так долго грезил о солнечных камнях, что не мог обознаться. Он следил, как животное снова взлетело в насыщенное паром небо, и удивлялся, кто и зачем вставил столь бесценную вещь в череп летающей ящерицы. Больше всего его мучило — зачем?

Солнечный камень — не обычное украшение для богатых леди; это редкий радиоактивный кристалл, имеющий период полураспада на треть больше, чем у радия, и используется исключительно для самых чувствительных приборов, имеющих дело с частотами выше первой октавы.

Большая часть этого сравнительно редко употребляемого суперспектра пока что оставалась тайной. И странно украшенное камнем и ошейником создание, кружившееся над Тревером, вызывало у него тревогу.

Животное не охотилось, оно не хотело убивать Тревера, но улетать не собиралось.

Далеко в долине прозвучала приглушенная расстоянием звонкая нота и прокатилась между скалами. Звук большого гонга.

Внезапное желание спрятаться послало его в гущу деревьев. Он пошел вдоль берега озера. Взглянув сквозь ветви, он увидел, что черные крылья летят за ним.

Ящерица следила за ним острыми яркими глазами. Животное замечало тропу, которую Тревер прокладывал через цветы и папоротники, как сокол выслеживает кролика.

Тревер дошел до края бассейна, где вода выливалась водопадом в несколько сотен футов высотой. Поднявшись на край каменного бассейна, Тревер впервые как следует разглядел долину.

Часть ее все еще оставалась в тумане, но было видно, что она широкая и глубокая, с равниной и рощами, туго стиснутая барьерами гор. И по мере того, как он рассматривал детали, изумление его росло беспредельно.

Земля была обработана. Среди полей стояли группы тростниковых хижин, а дальше располагался город каменной застройки — бесспорный город, громадный, сверкавший в утренней дымке.

Тревер удивленно вглядывался, а крылатая ящерица лениво кружила над ним и следила — следила, пока он пытался обдумать увиденное.

Такая плодородная долина была сама по себе редкостью. Но обнаружить поля и город за ними казалось просто невероятным. Он видел местные племена, населявшие некоторые замкнутые в скалах миры Сумеречного Пояса — примитивные полулюди жили среди голых скал и кипящих источников и охотились для еды на крупных ящериц. Они не строили ничего, подобного этому. Разве что здесь они вышли из каменного века.

Гонг снова прозвучал глубоким вызывающим тоном. Тревер увидел крошечные фигурки всадников; на таком расстоянии они казались не больше муравьев; они ехали из города через равнину.

Вера и радость вытеснили из головы Тревера все размышления. Он был измучен и голоден, затерян в чужом мире, и приближение людей и цивилизации было такой удачей, о какой он не мог и мечтать. Кроме того, здесь были солнечные камни. Он жадно поглядел на голову описывавшего круги разведчика и начал спускаться вниз. Черные крылья бесшумно скользнули за ним с неба.

Тревер дошел до выступа футах в ста от низа долины. Спуска никакого не было: можно только прыгать. Он схватился за куст, прыгнул как можно дальше

и прокатился несколько ярдов по упругой почве склона. Пока он лежал, пытаясь отдышаться, в нем зашевелились холодные сомнения.

Теперь он совершенно четко видел долину. Там ничего не шевелилось, кроме группы всадников. На полях ни души, деревеньки точно вымершие. А над деревьями у реки он увидел вторую чернокрылую ящерицу. Следящую.

Деревья были недалеко. Всадники направлялись к ним и к Треверу. И теперь ему показалось, что эти люди были охотничьим отрядом, только было что-то тревожное в полном отсутствии всякой другой жизни. Как будто гонг предупредил, чтобы все скрылись, пока идет охота. Остроглазых ящериц послали, как собак, вперед — находить и вспугивать дичь. Взглянув на зловещего часового над своей головой, Тревер страшно захотел увидеть, какая дичь прячется в рощице.

Вернуться к относительной безопасности бассейна нечего было и думать: выступ отрезал Тревера от озера. Бесполезность попыток спрятаться была тоже очевидной, но он все же заполз в малиновый папоротник. Город был слева от него, а справа — плодородная долина переходила в участок лавы и битого камня, сужающийся и исчезающий за краем пурпурного базальта. Это ущелье еще оставалось в глубокой тени.

Всадники были еще далеко. Крошечные фигурки переходили реку вброд, поднимая тучу брызг.

Часовой над деревьями неожиданно спикировал вниз. Добыча вышла наружу.

Подозрения Тревера выкристаллизовались в скверную уверенность. Застыв от ужаса, он смотрел, как из яркой зелени выскочила бронзовая полуголая девушка и бросилась бежать к бесплодному участку.

Ящерица взлетела в воздух, метнулась молнией вниз и ударила.

Девушка отскочила в сторону. В ее руках была длинная дубинка с большими шипами, она ударила черное животное и побежала дальше. Ящерица сделала круг и снова бросилась на девушку сзади.

Девушка повернулась. Минута яростного столкновения, когда кожистые крылья окутали ее точно плащом,— и девушка снова побежала, но уже медленнее. Тревер видел кровь на ее теле.

Летающий демон летел за ней. Он пытался заставить жертву повернуть обратно, к охотникам, но она не желала возвращаться. Она била ящерицу палкой и бежала, падала и снова бежала. Треввр знал, что она проиграет. Ящерица убьет ее раньше, чем она доберется до скал.

Чувство осторожности говорило Треверу, чтобы он не вмешивался. Что бы ни происходило — это явно местные обычаи, и это не его дело. Единственное, что он хотел,— взять один из этих солнечных камней и уйти из долины. Это и так было достаточно трудным. Но ярость, поднявшаяся в нем, затупила всякую осторожность, когда он увидел, как ящерица снова налетела на девушку, выпустив когти. Он вскочил, крикнул девушке и со всех ног бросился к ней.

Она повернула к нему лицо такой дикой и гордой красоты, какой он еще никогда не видел. Ее темные испуганные глаза были полны страшной решимости. Она крикнула на его языке:

— Оглянись!

Тревер забыл о собственной судьбе. Черные крылья, чешуйчатый хлещущий хвост и когти налетели на него, как вихрь. Тревер упал и покатился, покрывая землю пятнами крови.

Издалека он услышал голоса охотников, пронзительные, скрипучие, сливающиеся в дикое завывание.

ГЛАВА 2

По каким-то причинам штурм приостановился. Тревер поднялся на ноги, взял из рук девушки дубину, только пожалел о пистолете, похороненном под тоннами камня по ту сторону гор, и сказал девушке:

— Держись позади меня и следи за моей спиной.

Она странно взглянула на него, но на разговоры не было времени. Они вместе побежали к каменистому участку. Он был довольно далеко. Ящерицы визжали и шипели над ними. Тревер поднял дубинку. Она была по размеру и весу с бейсбольную биту. Он когда-то был неплохим игроком в бейсбол.

— Спускаемся,— крикнула девушка.

— Ложись,— сказал он, замедляя шаг. Она упала позади него в траву, зажав в руке обломок камня. Широкие крылья со свистом снижались.

Тревер встал потверже. Он видел злые ее глаза, желтые и блестящие, как золотые ошейники, и яркие вспышки солнечных камней в черной чешуе голов. Ящерицы падали одновременно, но с разных сторон, так что он не мог повернуться к ним обеим сразу.

Он выбрал одну, подлетавшую чуть первой и ждал. Он подпустил ее близко, очень близко. Она быстро пикировала, высунув красный язык из шипящей пасти, и приготовила острые когти. Затем Тревер со всей силы взмахнул дубинкой.

Удар. Тревер чувствовал, как что-то треснуло. Животное завизжало. Сила падения бросила его на Тревера. Человек потерял равновесие под ударами крыльев и бьющегося тела и упал. На него тут же бросилась вторая ящерица.

Девушка вскочила, в три прыжка оказалась рядом и упала на чешуйчатую спину твари, терзавшей Тревера. Девушка пыталась прижать ящерицу к земле, методично колотя ее по голове камнем.

Тревер отбил ногой раненую ящерицу. Она не спешила умирать, хотя у нее была сломана шея. Тревер поднял дубинку и убил вторую, а затем без большого труда извлек из ее головы солнечный камень.

Он держал его в руке, странный темно-желтый кристалл, похожий на драгоценность с приставшим к нему осколком кости. Камень сиял внутренним огнем, глубоким и трепетным, и ответная искра сильного возбуж-

дения вспыхнула в Тревере от прикосновения к камню. Он даже на мгновение забыл, где он и что тут делает, забыл обо всем, кроме яркого кристалла, сияющего в его ладони. Он держал нечто большее, чем драгоценность, больше, чем просто богатство; и были это надежда и удача, и новая жизнь. Он потратил много лет на исследования жестоких меркурианских пустынь. Это его путешествие было последней авантюрой Тревера, и она закончилась гибелью его корабля; его поиск пришел к концу, и впереди не было ничего, даже если бы ему и удалось вернуться домой. Он стал бы нищим планетным бродягой, каких он всегда жалел.

Теперь же все изменилось. Этот единственный камень даст ему возможность вернуться на Землю победителем, оплатит все его страшные, одинокие и опасные годы риска. Этот камень...

Этот камень может сделать очень многое, если только Треверу удастся убраться с ним из этой богом забытой долины. Если...

Девушка снова обрела дыхание и настойчиво сказала:

— Пошли. Они приближаются!

Чувства Тревера, смущенные солнечным камнем, лишь очень смутно реагировали на извечные раздражители зрения и слуха. Всадники подъезжали. Животные, на которых они ехали, были выше и тоньше лошадей, вместо копыт у них были когти. Они имели узкие злобные морды с шипастым гребнем, стоящим на голове прямо и надменно. Животные бежали быстро, легко неся своих наездников.

Все же они были еще достаточно далеко, чтобы можно было разглядеть их лица, но и на таком расстоянии Тревер почувствовал в них что-то странное, что-то неестественное. Бронзовые тела, несколько светлее, чем у девушки, были облачены в роскошные доспехи.

Девушка яростно затрясла Тревера, пробуждая от задумчивости.

— Ты хочешь, чтобы тебя взяли живым! Звери ра-

зорвали бы нас на куски, и очень быстро. Но мы убили соколов, неужели ты не понимаешь? Теперь нас возьмут живыми!

Он не понял сути, но то, что она явно предпочитала отвратительную смерть плену, заставило его искать резервы сил, которые он считал потерянными. Да к тому же — солнечный камень. Если всадники захватят их, то они отнимут у него камень.

Крепко зажав драгоценную вещь, Тревер побежал к скалам вместе с девушкой.

Участок лавы теперь освещался солнцем. Расщепившаяся скала выглядела мрачной и безобразной. Вся эта местность и ущелье за ней казались воротами в ад, но все же предлагала какое-то укрытие, если до него удастся добраться.

Топот мягких ног громко звучал в ушах Тревера. Он оглянулся и увидел лица охотников. Теперь было ясно, почему они сначала показались Треверу неестественными: у каждого из них в центре лба был вставлен прямо в кость солнечный камень.

Сначала соколы-ящерицы, теперь эти... И острая боль сжала сердце Тревера. Это были люди, такие же как он, но вместе с тем они не были людьми. Они были чуждыми, злобными, страшными, и Тревер начал понимать, почему девушка так не хотела попасть живой в их руки.

Быстрые неутомимые животные со своими удивительными всадниками неслись на двух беглецов. Предводитель взял с седла изогнутую палку и поднял ее как копье. Солнечный камень во лбу его горел точно третий злобный глаз.

Разбитые камни мерцали на солнце. Тревер бежал к ним; девушка, бежавшая впереди, казалось, тоже мерцала. Дышать стало трудно. Треверу казалось, что он не может больше бежать, но, тем не менее, он бежал, и, когда девушка споткнулась, он удержал ее от падения...

Время от времени он оглядывался. Он заметил, как

изогнутая палка предводителя полетела к нему, и сумел увернуться. Остальные охотники выстроились в ряд. Треверу показалось, что они в основном интересуются им, и в своем стремлении захватить чужака они почти забыли о девушке.

Его босые ноги бежали по уже горячим от солнца камням. Базальтовый уступ прикрывал его как щитом от бросаемых врагами палок. Минуты через две Тревер и девушка укрылись в таких разломах, какие человек редко увидит. Словно демонический гигант сбивал мутовкой расплавленную лаву, свободной рукой разламывая горы и разбрасывая куски. Теперь Треверу стало ясно, почему девушка ждала дневного света для побега: пройти через это ущелье в темноте было равносильно самоубийству.

Он нервно прислушивался, но звуков преследователей не слышал. Тревога его не проходила, и когда девушка опустилась отдыхать, он спросил:

— Не пойти ли нам дальше? Ведь они сюда могут прийти.

Она не сразу ответила, а смотрела на него так же внимательно, как смотрели всадники. У нее это была первая возможность разглядеть его, и она воспользовалась ею. Она внимательно рассматривала его волосы, давно не бритую щетину, цвет кожи, рваные шорты — единственную его одежду. Затем она сказала странно медленно, как будто думала о чем-то другом:

— Верхом Корины ничего не боятся. Но пешими и в подобном месте... они боятся засады. Раньше такое бывало. Понимаешь, они так же могут умирать, как и мы.

Ее лицо, хотя и совсем юное, не было девичьим. На Тревера смотрела женщина, познавшая счастье, страсть и горечь, женщина, живущая с болью и страхом и не доверяющая никому, кроме себя.

— Ты не наш,— сказала она.

— Нет. Я пришел из-за гор. А кто такие Корины?

— Лорды Корита,— ответила она и стала отрывать

полоски от белой ткани, обернутой вокруг ее талии.— Поговорим потом, нам еще далеко идти. А сейчас надо остановить кровь.

Они молча перевязали друг друга и пошли снова. Если бы Тревер не был таким невыразимо усталым, а путь — таким трудным, он, наверное, злился бы на девушку. Впрочем, злиться было не на что, потому что она ни в чем не подозревала его.

Много раз они останавливались и отдыхали. Однажды он спросил:

— Почему эти самые Корины охотятся за тобой?

— Я убежала. А вот почему они охотятся за *тобой*?

— Будь я проклят, если знаю. Случайность, наверное. Я оказался тут как раз в то время, когда летели их соколы.

На шее девушки была железная цель без застежки, слишком маленькая, чтобы быть надетой через голову. На цепочке висела бляшка с выдавленным на ней словом. Тревер взял бляшку в руки.

— Гелт,— прочел он.— Это твое имя?

— Меня зовут Джин. Гелт — Корин, которому я принадлежу. Он ведет охоту.— Она бросила на Тревера свирепый и вызывающе гордый взгляд и сказала, как будто выдавала тайну графского дома: — Я рабыня.

— Ты давно в долине, Джин? Мы с тобой одного племени, говорим на одном языке... Земное племя. Как получилось, что никто не слышал о земной колонии такого размера.

— После Приземления прошло почти триста лет,— ответила она.— Я слышала, что мой народ много поколений жил надеждой, что прилетит корабль с Земли и освободит нас от Коринов. Но этого так и не случилось. А кроме корабля, нет возможности ни войти в долину, ни выйти из нее.

Тревер резко глянул на нее.

— Я нашел путь сюда и теперь начинаю об этом жалеть. Но если нет пути, то куда же мы идем?

— Сама не знаю,— сказала Джин, вставая.— Но мой

муж пришел этим путем, и другие до него.— Она пошла вперед, и Тревер за ней. Больше некуда было идти.

Жара была невыносимая, и они ползли в тени скал, где только могли. Они страдали от жажды, но воды тут не было. Перед ними маячил невозможно высокий угол пурпурного базальта, но он, казалось, никогда к ним не приблизится.

Большую часть дня они шли по застывшей лаве, но наконец все-таки обогнули угол и вышли в узкий каньон. С обеих сторон поднимались каменные стены, грубые, растрескивающиеся, с малиновыми и белыми прожилками.

Джин и Тревер упали возле ручья. Пока они ползали по мокрому гравию и по-собачьи лакали воду, из-за скал вышли тихо люди и встали за ними, держа в руках каменные топоры.

Тревер медленно поднялся, увидев шестерых вооруженных мужчин. На них, как и на Джин, были белые набедренные повязки, сильно потрепанные, и тела их также загорели чуть ли не дочерна на жестоком солнце. Все они были молоды, крепки и мускулисты от тяжелой работы, лица их были не по возрасту угрюмы. У всех на телах были шрамы и рубцы от когтей. И все эти люди смотрели на Тревера странным холодным взглядом.

Они знали Джин. Она радостно назвала их по имени и спросила:

— А где Хьюго?

Один из них кивнул в сторону стены:

— Наверху, в пещере. С ним все в порядке. Кто этот человек, Джин?

— Не знаю. За ним тоже охотились. И он пришел мне на помощь. Без него мне не удалось бы убежать. Он убил соколов. Но... Она замялась, осторожно подбирая слова.— Он сказал, что пришел из-за гор. Он знает о Земле и говорит на нашем языке. А когда он убил сокола, он разбил ему голову и взял солнечный камень.

Все шестеро вздрогнули. Самый высокий, с лицом

холодным и резким, как окружающие их скалы, шагнул к Треверу.

— Зачем ты взял солнечный камень? — грубо спросил он.

Тревер уставился на него:

— А ты как думаешь?.. Да потому, что он ценный.

Человек протянул руку:

— Отдай.

— Черта лысого! — злобно закричал Тревер и чуть отступил назад.

Молодой человек пошел на него. Лицо его было мрачным и опасным.

— Сол, подожди,— закричала Джин.

Но Сол не стал ждать. Тревер подпустил его близко, а потом размахнулся, вложив в удар всю свою силу.

Кулак угодил Солу в живот, и тот отлетел назад, согнувшись вдвое. Тревер стоял, сгорбившись, тяжело дыша, и дикими глазами следил за остальными.

— Кто вы? — зарычал он.— Банда воров? Ну давай, подходите! Мне нелегко достался этот камень, и я намерен сохранить его!

Большие слова. Большая ярость. И большой страх за ними. Люди окружили его. Не было ни одного шанса прорваться, да и в любом случае они через минуту схватят его. Камень оттягивал его карман: он был тяжел многолетним потом, голодом и тяжелой работой на скалах Меркурия.

Сол поднялся. Лицо его было серым, но он наклонился и поднял остро наточенное каменное оружие, которое уронил при падении. Он шагнул вперед. Одновременно и тоже молча шагнули все остальные.

Тревер ждал их с горьким вкусом во рту. Наконец-то он нашел солнечный камень, и теперь бросить его и, вероятно, свою жизнь тоже этой кучке дикарей! Это было выше его сил.

— Сол, подожди! — снова закричала Джин и протолкнулась к нему.— Он же спас мне жизнь! Ты не можешь...

— Он — Корин. Шпион...

— Не может этого быть! У него нет камня во лбу. И даже шрама нет.

Сол сказал ровно и безжалостно.

— Он взял солнечный камень. Только Корин хочет коснуться проклятой вещи.

— Но он же сказал, что он с другой стороны долины! Он с Земли, Сол, с Земли. А там все может быть по-другому.

Настойчивость Джин временно остановила людей. И Тревер, глядя а лицо Сола, вдруг начал кое-что понимать.

— Ты думаешь, что солнечные камни — это зло? — сказал он.

Сол хмуро взглянул на него.

— Они и есть зло. И тот, что сейчас у тебя, должен быть немедленно уничтожен.

Тревер проглотил горький комок, душивший его, и задумался. Если солнечные камни имели суеверное значение в этом благословенном кармане Меркурия — и было ясно почему, если учесть окаянных неестественных соколов, летающих повсюду, и столь же неестественных Коринов,— это бросает совсем другой свет на поведение этих людей. По их лицам было совершенно ясно: «Отдай солнечный камень или умри!» Умирать от кучки диких варварских фанатиков не имело смысла. Лучше отдать им камень, а позднее сыграть так, чтобы получить его обратно или достать другой. Камней этих, видимо, в долине предостаточно.

Отдать, конечно, тяжело. Отдать надежду всей жизни в грубые руки дикаря и не жалеть об этом... Отдать... ах, к дьяволу все!

— Ладно,— сказал он,— возьми...

Ох и больно было! Словно сердце вырвал.

Сол взял камень, не поблагодарив, положил его на плоскую скалу и стал колотить по сияющему кристаллу каменным топором, ранее предназначавшимся для головы Тревера. Молодое лицо Сола выглядело так, как

будто он убивал живое существо, к которому питал ненависть и страх.

Тревер вздрогнул. Он знал, что солнечные камни не поддаются ничему, кроме атомной бомбардировки, но ему больно было видеть, как столь драгоценную вещь бьют каменной дубиной.

— Он не ломается,— сказал он,— ты мог бы и остановиться.

Сол с размаха опустил свое оружие так близко от голой ноги Тревера, что землянин отскочил, а затем взял солнечный камень и швырнул его далеко через ущелье. Он слышал, как камень слабо звякнул, падая в груду обломков скал примерно в футе от противоположного утеса, и постарался запомнить это место.

— Идиот! — сказал он Солу.— Вы выбросили целое состояние. Богатство, на поиски которого я потратил чуть ли не всю свою жизнь. Чем он тебе помешал, этот камень? И имеешь ли ты хоть какое-то представление, насколько он ценен?

Сол, не обращая на него внимания, заговорил со своими товарищами.

— Ни одному человеку с солнечным камнем доверять нельзя. Я убью его!

— Нет,— упрямо сказала Джин,— нет, Сол. Я обязана ему жизнью.

— Но он, может быть, раб, наемник, работающий на Коринов.

— Посмотри на его одежду,— сказала Джин.— И посмотри на его кожу. Утром она была белая, а сейчас красная. Ты видел когда-нибудь раба такого цвета? Или Корина? И видел ли ты подобное раньше в долине? Нас не так уж много, чтобы не заметить.

— Мы не можем рисковать,— сказал Сол.

— Ты всегда успеешь убить его. Но если он и *вправду* из-за гор, а может даже с Земли,— последнее слово она произнесла с запинкой, будто не была уверена в том, что такое место действительно существует,— мы можем узнать от него некоторые вещи, о которых за-

были. Он может помочь нам. К тому же, другие тоже имеют право высказать свое мнение, прежде чем ты его убьешь.

Сол покачал головой.

— Мне это не нравится. Но...— он помолчал, задумчиво хмурясь.— Ладно. Мы уладим это в пещере. Пошли.— Он повернулся к Треверу.— Пойдешь в середине. И если вздумаешь подать какой-нибудь сигнал...

— Какому дьяволу я буду сигналить? — огрызнулся Тревер.— Я страшно жалею, что вообще попал в вашу проклятую долину.

Но он не жалел. Не совсем так.

Все его чувства были насторожены, и он старался заметить каждый поворот пути, чтобы иметь возможность вернуться потом к солнечному камню... Ущелье то сужалось, то расширялось, изгибалось и выпрямлялось, но доступная тропа была только одна и шла рядом с руслом ручья. Через какое-то время ущелье разделилось чудовищным утесом, отклонившимся назад, словно бы остановленным в падении. Ручей выходил из левого ответвления. Сол пошел вправо.

Они не спускали глаз с Тревера, когда он лез, оскальзывался и забирался вместе с ними. Обломки первобытного **ката**клизма, образовавшего этот проем в горах, лежали там же, где упали первоначально, становясь грубее и опаснее с каждой разъедающей их грозой и заставлявшим трескаться морозом.

С обеих сторон над Тревером вершины гор поднимались за пределы атмосферы. Ниже были выступы. На них среди груды камней находились люди. Они кричали, и Сол отвечал им. В этой узкой горловине ни один человек не прошел бы живым, если бы они решили остановить его.

Через некоторое время люди спустились в ущелье и вместе с остальными стали подниматься по тропе, частично естественной, а частично прорубленной, но так грубо, что она казалась естественной. Тревер поднимался на утес, заканчивающийся узкой норой. Сол пошел

через нее. Остальные по одному следовали за ним, и Тревер услышал, как голос Джин зовет Хьюга.

Внутри была пещера, очень большая, с темными закоулками и впадинами по стенам. Солнечные лучи проникали сквозь трещины в утесах, а в заднем конце пещеры, где пол резко опускался, горел огонь. Тревер видел раньше на Меркурии такое пламя, когда вулканические газы пробивались сквозь трещины и воспламенялись от случайных искр. Голубоватый столбик, изгибающийся вверх к потолку пещеры и злобно ревущий, производил сильное впечатление. Тревер чувствовал поток воздуха, проносившийся мимо него, когда горящий столбик втягивал воздух в себя.

В пещере были люди. «Меньше сотни,— подумал Тревер,— если не считать немногих детей и подростков». Женщин было меньше трети. На всех была одна и та же безошибочная печать: как ни тяжела была жизнь в пещере, раньше им было еще труднее.

Ноги Тревера подгибались от слабости, и он тяжело привалился к грубой стене.

Стройный молодой человек с узловатыми плечами и мышцами держал в объятиях Джин. Видимо, это и был Хьюго. Он и все остальные возбужденно кричали, задавая друг другу вопросы и отвечая на них. Затем они один за другим стали оглядываться на Тревера, и вскоре в пещере настала тишина.

— Ну,— грубо сказал Сол, глядя на Тревера,— давайте улаживать дело.

— Сам улаживай,— сказал Тревер.— Я устал.— Он поглядел на Сола и враждебно глядевшую на него толпу, и ему показалось, что все они поплыли перед его глазами.— Я землянин. Я вовсе не хотел попасть в вашу проклятую долину, но я здесь уже сутки и еще ни минуты не спал. Я хочу спать.

Сол начал что-то говорить, но муж Джин встал перед ним.

— Он спас жизнь Джин,— сказал он.— Пусть он поспит.

Он отвел Тревера к тому месту, где были навалены сухие виноградные лозы и горные лианы, колючие и полные пыли, но все же более мягкие, чем просто каменный пол. И Тревер, произнеся несколько слов благодарности, уснул едва ли не раньше, чем они вышли из его рта.

Через час, неделю, а может, и всего через несколько минут его разбудило сильное и настойчивое потряхивание. Над ним склонились лица. Он видел их, как в тумане, и их вопросы проникали в него медленно и мало что означали.

— Зачем ты хотел иметь солнечный камень?

— А почему бы мне и не хотеть? Я отвез бы его на Землю за большую цену.

— Что делают на Земле с солнечными камнями?

— Строят электронные приборы, чтобы изучать разные вещи. В некоторых случаях длинные волны слишком коротки. И даже мили-волны... А вам-то что?

— На Земле носят во лбу солнечные камни?

— Нет...— протянул он, и голоса или их призраки оставили его.

Был все еще день, когда он проснулся, на этот раз сам. Он сел, чувствуя себя скованным и больным, но все же отдохнувшим. К нему подошла улыбающаяся Джин, держа в руках кусок чего-то, в чем Тревер признал род горных ящериц. Он с жадностью вгрызался в мясо, а Джин между тем сообщила, что он проспал почти сутки.

— Они решили оставить тебе жизнь.

— Уверен, в этом немалая твоя заслуга. Спасибо, Джин.

Она пожала голыми плечами со свежими ранами там, где ее плечи рвали соколы-ящерицы. У нее был измученный и усталый взгляд, какой бывает после тяжелейшего стресса, и глаза ее, даже когда она разговаривала с Тревером, непрерывно следили за Хьюго, который что-то делал.

— Я не могла бы ничего сделать, если бы они не

поверили твоему рассказу. Они спрашивали тебя в то время, когда ты так устал, что не мог лгать. Ты очень смутно об этом помнил. И они не поняли твоих ответов, но знали, что они правдивы. И они осмотрели твою одежду. Такой ткани не делают в долине. И та штука, что соединяет ее,— он догадался, что она имела в виду застежку-молнию,— нам не известна. Так что ты, видимо, и вправду пришел из-за гор. И они хотят знать точно, как ты пришел и можешь ли ты уйти обратно тем же путем.

— Нет,— сказал Тревер и объяснил Джин, почему не может.— Я волен ходить здесь, куда хочу?

Она некоторое время смотрела на него, а потом ответила:

— Ты чужой. Ты не наш. Ты легко можешь выдать нас Коринам.

— Зачем я стану это делать? Они же и за мной охотились.

— Из-за солнечных камней, может быть... Ты чужой. Они хотели взять тебя живым. Во всяком случае, будь осторожен. Будь очень осторожен, чем бы ты не занимался.

Снаружи послышался крик:

— Соколы! Прячьтесь, соколы летят!

ГЛАВА 3

Все в пещере тут же замолчали и стали следить за местами, где сквозь трещины в скале пробивался солнечный свет. Тревер представил себе, как соколы кружат по ущелью и ищут. Снаружи грубый камень выглядел весь одинаково. Тревер подумал, что в этом множестве трещин нелегко найти несколько маленьких скважин, которые ведут в пещеру. Но он тоже непрерывно следил с ощущением опасности.

Из ущелья не доносилось ни звука. В полнейшей

тишине испуганное хныканье ребенка прозвучало, как громкий крик, но тут же прекратилось. Стрелы солнечных лучей медленно ползли по стенам. Джин, казалось, не дышала. Глаза ее горели, как у зверя.

Черная тень стремительно пересекла солнечный луч и исчезла. Сердце Тревера екнуло. Он ждал, что тень вернется, закроет этот луч, пройдет по нему и превратится в жирно-красного демона с солнечным камнем во лбу. Он ждал целую вечность, но тень не вернулась, а затем во входное отверстие вполз человек и сказал:

— Улетели.

Джин опустила голову на колени. Она вся дрожала. Хьюго обнял ее и что-то говорил, успокаивая. Она рыдала, и Хьюго через плечо взглянул на Тревера.

— Ей здорово досталось.

— Да,— согласился Тревер, глядя на солнечные лучи.— Соколы часто прилетают?

— Их часто посылают в надежде захватить нас врасплох. Если бы они нашли пещеру, они бы выкурили нас отсюда и отвели бы обратно в долину. Но пока что не нашли.

Джин успокоилась. Хьюго похлопал ее по плечу своей огромной рукой.

— Она, наверное, говорила тебе насчет тебя самого. Будь очень осторожен.

— Да,— сказал Тревер,— говорила. Послушай, я еще ничего не знаю о том, как твой народ очутился здесь, и вообще ничего о нем не знаю. Когда мы бежали от Коринов, Джин что-то говорила насчет приземления трехсотлетней давности. Триста земных лет.

— Примерно. Кое-кто помнил достаточно хорошо, чтобы найти след.

— Примерно тогда первые колонисты с Земли стартовали на Меркурий в две или три самые большие долины — шахтерские колонии. Это одна из них?

— Нет,— покачал головой Хьюго.— Рассказывали, что пришел большой корабль с переселенцами с Земли. Это правда, потому что корабль все еще здесь. Так мы

и появились. Часть людей на корабле была переселенцами, а часть — каторжниками.

Он произнес последнее слово с той же ненавистью и презрением, какие всегда сопровождали название «Корин». Тревер быстро сказал:

— Когда-то так делалось. Осужденных использовали в рудниках. Но произошло так много беспорядков, что такое использование пришлось прекратить. Значит, Корины...

— Были каторжниками. Большой корабль разбился в долине, но большинство людей осталось в живых. После аварии каторжники убили команду и заставили переселенцев им повиноваться. Так все началось. Вот почему мы гордимся тем, что мы рабы,— потому что мы потомки переселенцев.

Тревер отчетливо видел всю эту картину, тем более, что подобное случалось и раньше. Корабль с эмигрантами шел к одной из колоний и был сбит с курса чудовищными магнитными завихрениями, которые и теперь делают Меркурий кошмаром для космолетчиков.

Они не могли даже позвать на помощь или дать знать о себе: страшная близость Солнца делает невозможной любую форму дальней радиосвязи. А потом каторжники обрели свободу, перебили офицеров и неожиданно почувствовали себя почти в раю с прислуживающими им рабами — переселенцами. И рай этот был довольно-таки безопасным. На Меркурии великое множество долин; все они из космоса выглядят более или менее одинаково, полускрытые темными воздушными одеялами, и только очень немногие из них доступны и безошибочно определены по размеру их постоянных колоний. Вверх и вниз на космическом корабле — вот единственный способ войти и выйти, и если по какому-то случаю корабль не приземлится прямо на эти долины, первоначальные пленники никогда не будут обнаружены.

— А солнечные камни? — спросил Тревер, касаясь лба.— Как насчет них и соколов? И каторжники ведь не пользовались ими, когда приземлились сюда.

— Нет, это произошло позднее,— Хьюго тревожно огляделся.— Видишь ли, Тревер... Это такая вещь, о которой мы почти не говорим. Сам поймешь, почему, если подумаешь, что это сделало с нами. А ты вообще и не должен говорить об этом.

— Но как они вставили эти камни в голову? И зачем? И самое главное — зачем они тратят камни на соколов?

Джин сумрачно глянула на него.

— Мы не знаем точно. Но соколы — глаза и уши Коринов. И с тех пор, как Корины впервые воспользовались солнечными камнями, у нас не стало надежды на свободу.

То, что таилось в подсознании Тревера с ночных вопросов, вдруг всплыло на поверхность.

— Мысли-волны — вот что это такое! Ну, конечно! — Он в возбуждении наклонился вперед, и Джин сердито велела ему понизить голос.— Будь я проклят! С тех пор, как солнечные камни были обнаружены, с ними экспериментировали на Земле, но ученые никогда не подозревали о...

— На Земле тоже есть эти камни? — с отвращением спросила Джин.

— Нет. Только те, что привезены с Меркурия. Близость Меркурия к Солнцу, сверхдозы солнечного излучения и перепады жары, холода и давления создали этот особый вид кристаллов. Наверное, поэтому их и назвали солнечными камнями.— Он кивнул.— Да. Вот, значит, как они работают — прямая мысленная связь между Коринами и соколами через камень. Довольно просто. Вставить их в череп, почти в контакт с мозгом,— и не нужно никаких сложных машин, приемников и передатчиков, с которыми с давних пор столько путаются лаборатории. Но, признаться,— он вздрогнул,— мне эта идея не нравится; в ней есть что-то отталкивающее.

Хьюго сказал с горечью:

— Когда они были просто людьми, каторжниками, мы могли в один прекрасный день надеяться побить

их, хотя у всех у них было оружие. Но когда они стали Коринами...— Он указал на темные альковы пещер,— это вот единственная свобода, какую мы теперь можем иметь.

Глядя на Хьюго и Джин, Тревер испытывал глубокую жалость к ним и ко всем так далеко залетевшим детям Земли, ставшим теперь преследуемыми рабами, для которых эта каменная нора означала свободу. Он с ненавистью думал о Коринах, охотившихся за ними с жуткими соколами, что были глазами, ушами и оружием для своих хозяев. Хотел бы он всыпать им...

Он резко одернул себя. Излишние эмоции не приведут к добру. Единственное, что его касается,— это взять назад свой солнечный камень и уйти из этого дьявольского кармана. Он потратил полжизни на отыскание этого камня, и не его дело беспокоиться о незнакомцах, отвлекающих его теперь.

Первым делом надо выйти из пещеры. Это нужно сделать ночью. Не будет часовых на выступах скал, потому что соколы в темноте не летают, а Корины без соколов не ходят. Большая часть народа будет занята в эти короткие безопасные часы: женщины собирают съедобный мох и лишайники, а мужчины носят воду из ручья у развилки и охотятся с каменными топорами и грубыми копьями на горных ящериц, цепенеющих ночью от холода и спящих в расщелинах.

Тревер ждал три ночи. На четвертую, когда отряд Сола собирался за водой, он тоже пошел к выходу.

— Я, пожалуй, спущусь к выходу,— сказал он Джин и Хьюго,— я не выходил с тех пор, как очутился здесь.

Они вроде бы ничего не заподозрили. Джин сказала только:

— Держись поближе к ребятам. В скалах легко заблудиться.

Он вышел в темноту следом за отрядом. Дошел с ними до развилки и затем скользнул в сторону среди наваленных камней и медленно и бесшумно пошел вдоль ручья.

Проведя несколько дней в полумраке пещеры, он обнаружил, что света звезд ему достаточно, чтобы различать путь. Дорога была трудной, и к тому времени, когда он дошел до того места, где Сол хотел убить его, он был уже весь в синяках и ссадинах и изрядно устал. Тем не менее, он тщательно отыскал место, перебрался через ручей и начал поиски.

Холод усиливался. Скалы, недавно бывшие горячими, теперь покрылись инеем. Тревер дрожал, ругался и ползал, борясь с оцепенением и молясь, чтобы на него не свалился какой-нибудь камень.

Он нашел солнечный камень даже легче, чем если искал бы днем без детектора, потому что увидел во тьме его холодный бледный свет у темного скола скалы.

Он поднял солнечный камень.

Он покачивал его на ладони, гладил его кончиками пальцев. В камне была какая-то холодная отталкивающая красота, сияющая в темноте,— причудливый побочный продукт родовых мук Меркурия, единственный в Солнечной системе. Его радиоактивность была по типу и мощности безвредна для живой ткани, а его удивительная чувствительность позволяла физикам использовать его понемногу в неизвестных областях над первой октавой.

Из чистого любопытства он поднял камень и крепко прижал его ко лбу между бровями. Вряд ли он сработает подобным образом. Наверное, его надо вставлять глубже, в кость...

Он работал, о боже, он работал, и что-то схватило обнаженный мозг Тревера и не отпускало.

Тревер закричал. Тонкий слабый звук потерялся в темной пустоте; он сделал вторую попытку, но никакого звука не получилось. Что-то запрещало ему кричать. Что-то было внутри, перелистывало страницы его мозга, как детскую книжку, и это не было ни соколом, ни Корином, и вообще ни одним человеком или животным, которых Тревер когда-либо знал. Это было что-то спокойное, одинокое и далекое, такое же чужое, как го-

рячие пики, поднимающиеся к звездам, такое же мощное и такое же абсолютно безжалостное.

Тело Тревера конвульсивно дергалось, все физические инстинкты приказывали ему бежать, спасаться, а он не мог. Из его горла вырывался слабый плачущий стон. Он пытался снять солнечный камень, но это ему запрещалось. За страхом пришла ярость, слепой протест против непристойного вторжения в его личный мозг. Стон поднялся до кошачьего воя, он громко и совершенно беззвучно прозвучал в узком ущелье. Свободной рукой Тревер вцепился в другую руку, прижавшую к бровям солнечный камень.

И оторвал камень.

Мозг его чуть не разорвался пополам. И вспышка удивления как перед тем, как был нарушен контакт, затем затухающая искра гнева — и больше ничего.

Тревер упал. Он не полностью потерял сознание, но его сильно тошнило и все его кости как бы размякли. Прошло довольно много времени, прежде чем удалось с трудом встать. Его качало.

В этой проклятой долине было что-то или кто-то, могущее добраться через солнечный камень до человеческого мозга и держать его. Так было сделано с Коринами и соколами, так на минуту было сделано и с ним, и ужас этого чуждого захвата все еще кричал в Тревере.

— Но кто же это? — хрипло прошептал Тревер.

Это явно не человек. Это не мужчина и не женщина и не зверь. Что-то другое, но что именно — Тревер и не хотел знать. Ему бы только уйти...

Тревер обнаружил, что бежит, стукаясь коленями о камни. Он овладел собой, заставил себя остановиться и отдышаться.

Он все еще сжимал в потной ладони солнечный камень, и у него было почти непреодолимое желание выбросить его как можно дальше. Но даже в когтях древнего и чуждого ужаса человек на может выкинуть цель своей жизни, поэтому Тревер держал камень, хоть и с отвращением.

Он говорил себе, что тот, кто добрался до него через солнечный камень, не может сделать этого, пока камень не прижат ко лбу, близко к мозгу. Сам по себе камень и не может повредить ему, если его держать подальше от головы.

Страшная мысль вновь залила Тревера ужасом. Он подумал о Коринах, о людях с навечно вставленными в голову камнями. Значит, они всегда... всегда в чужой власти?

И они хозяева народа Джин.

Он старался прогнать эту мысль. Он хотел забыть все и выбраться отсюда.

Он снова пошел, все еще вздрагивая. Он не мог уйти далеко до наступления дня, и ему придется пролежать в скалах весь день и только на следующую ночь попытаться перелезть через стену долины. Он обрадовался, когда прошел день и первые лучи солнца коснулись пиков гор.

И как раз в этот момент мелькнула тень. Тревер взглянул вверх и увидел соколов.

Их было множество. Они не видели Тревера и не обращали внимания на скалы, в которых он укрылся. Они летели прямо в ущелье, не кружась, не ища, а с уверенной целеустремленностью по тому пути, который только что прошел Тревер.

Он с тревогой следил за ними. Их было куда больше, чем обычно. Они влетели в ущелье и скрылись.

«Они не видели меня»,— подумал он... и он был рад поверить этому, но не мог. Тревога его росла, исходя из неизбежного вывода: соколы летели в пещеру. Летели по прямой, не сворачивая ни влево, ни вправо, и у них не было никаких сомнений. Они, или тот, кто управлял ими, теперь знали точно, где найти беглецов.

«Но этого не может быть,— пытался уговорить себя Тревер.— Откуда им вдруг стал точно известен маршрут в пещеру?«

Откуда?

В тревожные мысли Тревера насильно втиснулось

понимание того, что он не хотел видеть. И это понимание не уходило, не переставало мучить его, и он внезапно выкрикнул с болью и чувством вины:

— Нет! Не может быть, чтобы они увидели через меня!

Перед ним неумолимо встало воспоминание о страшной минуте, когда что-то схватило его через солнечный камень и как бы перелистывало страницы его мозга.

Мощный чуждый мозг, войдя с ним в этот ужасный контакт, легко читал в мозгу Тревера и нашел в нем секрет пещеры.

Тревер застонал в агонии вины. Он выполз из своего убежища и бросился обратно к ущелью следом за соколами. Может быть, он успеет предупредить...

Он миновал развилку и теперь услышал в глубине каньона звуки, которых страшился: женский визг и хриплые крики ярости и отчаяния мужчин. Перескакивая через камни, падая, задыхаясь, он добежал до отверстия пещеры и замер от ужаса.

Соколы ворвались в пещеру и вытащили из нее рабов. Собрав их в каньоне, они пытались конвоировать их к выходу из ущелья, но рабы пробивались назад.

Черные крылья бились и грохотали в узкой горловине между каменными стенами. Мелькали когти, хвосты били точно кнуты. Люди отбивались, отталкивая и топча друг друга. Некоторые уже лежали мертвыми. Несколько соколов — тоже. И все-таки, под неумолимым натиском соколов, люди вынуждены были идти по каньону.

Чуть в стороне от других Тревер увидел Джин, Хьюго затолкал ее во впадину в стене и, загородив ее собой, с ожесточением размахивал обломком камня, пытаясь сбить сокола. Хьюго был тяжело ранен, так что это ему удавалось плохо.

Тревер испустил дикий вопль болезненной ярости и побежал по склону к ним.

— Хьюго, оглянись! — заорал он. Сокол взлетел, развернулся и ринулся вниз прямо на спину Хьюго.

Хьюго обернулся, но недостаточно быстро. Когти сокола глубоко впились в его тело, Хьюго упал.

Джин закричала, когда Тревер добежал к ним. Он не остановился, чтобы схватить камень, а просто бросился всем телом на сокола, державшегося на спине Хьюго. Под Тревером дико бились крылья, а чешуйчатая шея страшно сопротивлялась рукам Тревера. Но сопротивление оказалось недостаточным: Тревер сломал эту шею.

Но было уже поздно. Джин дико смотрела на человека и сокола, лежавших вместе в пыли. Когда Тревер коснулся ее, она слегка оттолкнула его — не потому, что это был именно он, а потому, что не видела ничего, кроме белых ребер Хьюго, выступивших наружу.

— Джин, ради бога, он же умер! — Тревер пытался оттащить ее.— Надо уходить отсюда.

Была слабая возможность. Черные соколы гнали людей по каньону, и если Треверу и Джин удастся спрятаться за поваленными под утесом камнями, у них будет шанс на спасение.

ГЛАВА 4

Он потянул Джин за собой. Лицо ее было совершенно пустым.

Через минуту стало ясно, что им не добраться до камней и никакого шанса у них не будет. От крылатого вихря, гнавшего людей, отделились два сокола и вернулись назад.

Тревер быстро толкнул Джин за себя и молился, чтобы ему в руки попалась еще одна шея, прежде чем его собьют с ног.

Черные тени метнулись вниз, сверкая солнечными камнями. Соколы падали прямо на Тревера, но в последний момент отвернули в сторону.

Тревер ждал. Они снова налетели, но не на него, а на Джин.

Он успел заслонить ее. И опять соколы воздержались от удара.

Перед Тревером забрезжила истина. Соколы сознательно не наносили ему вреда.

«Кто бы не отдал этот приказ — Корины или Тот — мне не хотят вредить»,— подумал он, подхватил Джин на руки и опять побежал к камням.

Соколы тут же напали на Джин. Но он и сейчас смог вовремя увернуться, но не совсем, и кровь потекла из длинных царапин, оставленных когтями ящериц на ее гладких смуглых плечах.

Джин вскрикнула. Тревер снова попытался бежать, но проворная чешуйчатая голова схватила Джин за шею.

— Вот оно как! — злобно прошептал Тревер.— Меня не велено трогать, так они действуют на меня через Джин!

Да, так оно и есть. Ему не донести Джин живой. Он должен идти туда, куда ему велят, или они обдерут ее, как и Хьюго.

— Ладно! — закричал он кружащим над ним демонам — Оставьте ее в покое! Я пойду, куда вы хотите.

Он повернулся с Джин на руках и медленно пошел вслед за рабами, которых гнали по каньону.

Их вели целый день вдоль ручья, вокруг базальтового утеса и по голой выжженной солнцем лаве. Некоторые люди упали и так и остались лежать, несмотря на все усилия соколов заставить их идти дальше. Большую часть времени Тревер нес Джин, но иногда просто волочил ее за собой. А какое-то время он вообще не знал, что делал.

Он был как в бреду. Ненависть его ожила, когда он почувствовал, что Джин вырывают из его рук. Он пытался удержать ее — и тут увидел вокруг себя всадников. Корины на своих зверях, с солнечными камнями между бровями.

Они оглядывали Тревера с любопытством и враждебностью. Их обычно невыразительные лица казались странно злыми и инопланетными из-за мерцающих во лбу камней.

— Пойдешь с нами в город,— коротко сказал один из них.— Женщина пойдет с другими рабами.

Тревер с удивлением уставился на него:

— Зачем мне в город?

Корин угрожающе поднял шипастый хлыст:

— Делай, как приказано! Садись!

Раб подвел к нему оседланное животное и держал на поводу, не глядя ни на Тревера, ни на Коринов.

— Ладно,— согласился Тревер,— поеду.

Он сел в седло и ждал. Глаза его горели точно раскаленные угли от сжигавшей его ненависти. Корины сомкнулись вокруг него. Предводитель отдал приказ, и они поскакали к далекому городу.

Тревер, видимо, по дороге задремал, потому что вдруг оказалось, что солнце уже село, и они подъезжают к городу.

Когда он впервые видел этот город издалека и не мог соразмерить его ни с чем за исключением высоченных горных ликов, он решил, что это просто город, выстроенный из камня... Теперь же он видел его вблизи... Черные тени легли на город и на долину, но на противоположной горной стене на половине ее высоты был еще свет и бросал отблески на темное небо, так что все, казалось, плыло в каком-то странном измерении между ночью и днем. Тревер смотрел, закрывал глаза и снова смотрел. С размерами было что-то не так.

Он быстро взглянул на Коринов с жутким ощущением, что он съежился до размеров ребенка. Но Корины не изменились, по крайней мере по сравнению с ним. Он снова повернулся к городу, стараясь представить в перспективе его картину.

Город поднимался прямо из развалин. Не было ни постепенного перехода к предместьям, ни окруженных садами вилл, ни рядов коттеджей. Город поднялся, как

утес, и возник торжественный, массивный, приземистый и безобразный. Дома были квадратные и стояли плотным строем, невысокие, в основном одноэтажные. Но Тревер чувствовал себя перед ними карликом, хотя никогда не испытывал такого перед земными небоскребами. Это ощущение было странным и почему-то пугающим.

Не было ни оград, ни ворот, ни дорог, ведущих в город. верховые животные только что шли по траве равнины, и вот уже их когти стучат по каменной мостовой, и здания окружают их, неуклюжие, неизящные, кажущиеся печальными и одинокими в призрачном свете.

В домах стояла тишина, не было света в черных амбразурах дверей. Последний свет заходящего солнца просочился через высокие пики и лизнул верхнюю часть стен домов — они были древними. «Почти такими же древними, — подумал Тревер,— как сами пики».

И глядя на оконные амбразуры, на двери, ведущие к ним ступени, Тревер вдруг понял, что в них не так, и скрытый доселе страх взыграл в нем с полной силой. Город и дома в нем, двери и ступени, высота окон — все было совершенно пропорционально, вполне нормально... если люди, жившие тут когда-то, были ростом в двадцать футов.

Он повернулся к Коринам, спрашивая:

— Вы не строили этот город. Кто строил этот город?

Корин по имени Гелт рявкнул:

— Заткнись, раб!

Тревер посмотрел на него, на других Коринов. Что-то в их лицах и манере, с какой они ехали по темнеющим пустым улицам, говорило ему, что они тоже боятся.

— Вы, Корины,— сказал он,— надменные полубоги, ездящие вокруг и посылающие своих соколов охотиться и убивать,— вы больше боитесь своего хозяина, чем рабы вас!

Они повернули к нему мертвенно-бледные лица, горящие ненавистью. Он вспомнил, как Тот захватил его мозг, и какое это было ощущение. Теперь он многое понял.

— Ну, и каково быть в рабстве, Корины? — спросил он.— Быть в рабстве не только телом, но мозгом и душой?

Гелт повернулся, как разящая змея. Но удара не последовало. Рука, поднявшая тяжелый хлыст, внезапно остановилась, а затем упала. Глаза Корина пылали беспомощной злобой под мерцающим солнечным камнем.

Тревер невольно рассмеялся:

— Оно желает видеть меня живым. Значит, я пока в безопасности и могу высказать вам все, что я о вас думаю. Вы все еще каторжники, не так ли? И это после трехсот лет! Ну, неудивительно, что вы ненавидите рабов.

Конечно, не те каторжники. Солнечные камни не дают долголетия. Тревер знал как размножаются Корины: они крадут женщин из числа рабов, родившихся мальчиков оставляют, а девочек убивают. Он снова засмеялся.

— В сущности, не так уж и хорошо быть Корином, а? Вы даже не можете почувствовать вкуса охоты и убийства... Неудивительно, что вы ненавидите всех! Люди порабощены, это верно, но они — не *ваша* собственность!

Вероятно, им очень хотелось убить его, но они не могли. Это было хозяином запрещено. Тревер смотрел на них в последних искрах света. Драгоценности и роскошные доспехи, тяжелые от золота уздечки животных, оружие — все это выглядело теперь глупым, как бумажные короны и травяные бороды, которые надевают дети, играя в королей. Здесь не было лордов или хозяев. Были только мелкие людишки и рабы. И солнечные камни были эмблемой позора.

Кавалькада ехала дальше. Пустые улицы, пустые дома, холодные окна, слишком огромные, чтобы через них смотрели человеческие глаза, ступеньки, слишком высокие, чтобы по ним взбирались человеческие ноги. Полная тьма, первый удар грома, первый блеск молнии между утесами. Теперь животные торопились и неслись почти галопом, подгоняемые разрядами молний и едким дождем.

Всадники выехали на большую площадь. Вокруг нее стояли плотные ряды домов, освещенные факелами; в безмерно огромных домовых дверях там и сям стояли маленькие фигурки Коринов.

В самой середине площади стояло низкое каменное здание, без окон, с единственной дверью. Корины спешились и привязали своих животных перед этим неосвещенным входом.

— Слезай,— сказал Треверу Гелт.

Красноватая вспышка в небе показала землянину лицо Корина. Тот улыбался, как волк, готовящийся убить. Ударил гром, и дождь превратился в ливень, и Тревера втолкнули в дверь.

Он спотыкался на продавленных плитах в полной темноте, а Корины шли уверенно, как кошки. Тревер понял, что они часто были здесь, и понял также их ненависть к этому месту. Он чувствовал, как их тела источают эту ненависть и страх. Они не хотели идти сюда, но шли. Им было приказано.

Он чуть не упал с неожиданно возникшей перед ним лестницы, но кто-то удержал его, схватив за локоть. Ступени были страшно высокие: спускаться по ним приходилось, как спускается малый ребенок, приседая и вытягивая ногу. От стены шел поток горячего воздуха, но Тревера знобило. Он чувствовал, что твердый камень ступеней стерт до глубоких впадин. Чьи ноги ходили тут? И когда?

Сквозь тьму наползал серо-желтый свет. Они спускались и спускались, казалось, бесконечно долго. Свет стал ярче, и Тревер снова различал лица Коринов. Жара стала невыносимой, но в сердце Тревера все еще царил лед.

Лестница привела их в длинный низкий коридор, такой длинный, что дальний его конец терялся в тени пара. Тревер подумал, что коридор, наверное, пробит в естественной пещере, потому что то тут, то там в каменном полу горели и пузырились мелкие выделения газов, давая мрачный свет и запах серы.

По обеим сторонам коридора шли ряды статуй, сидящих в каменных креслах. Тревер пригляделся к тем, и по его спине поползли мурашки. Статуи мужчин и женщин, а вернее сказать, человекоподобных созданий мужского и женского пола сидели торжественно, нагие, сложив руки на *коленях*: их глаза, сделанные из тускло-красноватого камня, смотрели прямо вперед; лица спокойные и сосредоточенные, со странной терпеливой грустью, с глубокими морщинами вокруг рта и щек. Статуи были бы, вероятно, футов двадцати вышиной, если бы стояли. И были они мастерски вырезаны из какого-то материала, вроде алебастра.

Гелт схватил его за руку.

— Нет, ты не уйдешь обратно. Ты смеялся, не так ли? И дальше я посмотрю, как ты засмеешься снова.

Его погнали дальше между рядами статуй. Спокойные статуи с удивительно призрачным задумчивым взглядом. Мысли и чувства давно исчезли, но они были когда-то,— пусть отличные от человеческих, но такие же сильные. Здесь не было двух одинаковых лицом или телом. Тревер обратил внимание на детали, редко встречающиеся у статуй: искалеченная рука или нога, деформированное или полностью неописуемое лицо, которое не могло предложить художнику подчеркнуть красоту или уродство. И все они, похоже, были стариками, хотя Тревер не мог бы сказать, почему он так думал.

Из главного коридора отходили другие, и насколько они были длинные, Тревер не мог сказать, но видел в них тоже ряды сидячих статуй.

Статуи. Бесчисленное число статуй в темном подземном городе...

Тревер вдруг остановился.

— Это катакомбы,— сказал он.— И это не статуи, а тела умерших.

— Иди, иди,— заметил Гелт.— Иди и смейся!

Они схватили его, и их было слишком много, чтобы с ними драться. К тому же Тревер понимал, что драться надо не с ними...

Кто-то ждал его в этих катакомбах. Тот, кто один раз захватывал его мозг.

Они дошли до конца длинного коридора, и противный свет от пробивающихся газов покрывал последнюю из сидящих фигур. Интересно, они что, так и умирали сидя, или же их приносили потом? Ряды с обеих сторон заканчивались одинаково — последнее кресло против последнего в другом ряду.

Но в глухом конце коридора стояло особняком каменное кресло, повернутое фасадом к мрачному громадному коридору, и на нем сидела человекоподобная алебастровая фигура; каменные руки тяжело сложены на каменных коленях. Фигура не отличалась от других ничем, кроме...

Кроме своих живых глаз.

Корины чуть отступили. Все, кроме Гелта. Он остался стоять рядом с Тревером, склонив голову, угрюмо и мерзко сжав рот и не поднимая глаз. А Тревер пристально смотрел в далекие темные глаза, похожие на два кусочка сердолика на этом алебастровом лице, но они были живыми, чувствующими и полными глубокой, чуждой печали.

В катакомбах было очень тихо. И ужасные глаза изучали Тревера, и ненависть Тревера сменилась странной жалостью, когда он подумал о том, что мозг и разум за этими глазами уже погребены и сознают это.

Долгая жизнь и долгое умирание. Благословение и проклятие моего народа...

Слова не имели звука, а слышались прямо в мозгу Тревера. Тревер вздрогнул. Он хотел повернуться и бежать, поскольку вспомнил мучительный миг в каньоне, но тут же обнаружил, что та самая сила, мягко и крадучись, как скользящая тень, уже вошли в него, и бежать было запрещено.

— В этом радиусе действия не нуждаюсь я в солнечных камнях,— сказал молчаливый голос внутри Тревера.— Когда-то я в них вообще не нуждался. Но теперь я стар.

Тревер смотрел на каменное существо, наблюдавшее за ним, и думал о Джин, о мертвом Хьюго, лежавшем с мертвым соколом в пыли, и ожесточение вновь загорелось в нем.

— Ты ненавидишь меня так же сильно, как и боишься, маленький человек? Ты хотел бы уничтожить меня? — мягкий смех раздался в мозгу Тревера.— Я наблюдал за многими поколениями людей, которые умирают так быстро. И я все еще здесь, как был еще до их появления.

— Ты не будешь здесь вечно,— огрызнулся Тревер.— Такие как ты, умерли... И ты тоже умрешь.

— Да. Но это медленное умирание, маленький человек. Химия твоего тела, как у растений и животных, основана на углероде. И вы быстро растете, быстро увядаете. А мы — другие. Мы как горы, родственные нам; и клетки нашего тела состоят из силикена, как и у них. И наша плоть растет медленно как горы, и твердеет с возрастом. И мы должны так же долго, очень долго ждать смерти.

Что-то от истины этого долгого ожидания вошло и в Тревера, и он почувствовал трепет благодарности за хрупкость человеческой плоти.

— Я последний,— прошептал молчаливый голос.— Было время, когда я мысленно мог общаться с друзьями, но все они ушли раньше меня, очень давно.

У Тревера возникло страшное видение Меркурия в каком-то неисчислимо далеком будущем: застывший мир совершает свой последний нырок в сгоревшее солнце, унося с собой бесконечные ряды алебастровых фигур, сидящих в каменных креслах, прямо в мертвую черноту, в лед.

Он силился вернуться к реальности, цепляясь за свою ненависть, как пловец за доску, и голос его хрипел жаром и горечью в крике:

— Да, я уничтожил бы тебя, если бы мог! Чего ты еще ждешь после того, что сделал?

— Нет, маленький человек, ты не уничтожишь меня. Ты будешь помогать мне.

Тревер изумился:

— Помогать тебе? Ты же убьешь меня!

— Убийства не будет. Только живым ты можешь мне служить. Поэтому ты пощажен.

— Служить тебе — за *эти*? — он повернулся, чтобы показать, но Корины уже ждали в стороне рядком и протягивали руки.

Тревер бросился на них. На мгновение мелькнула мысль, как, наверное, дико выглядит это сражение с Коринами в глазах этого каменного наблюдателя.

Но едва появилась эта мысль, как битва уже кончилась. Повелительная команда ударила в мозг, и черное забвение упало на него, как от удара кулаком.

ГЛАВА 5

Тьма. Он затерялся в ней и уже не был самим собой. Он летел сквозь мрак, нащупывая и окликая нечто исчезнувшее. И голос отвечал ему, голос, которого он не хотел слышать...

Тьма. Сны.

Заря. Он стоит в городе и наблюдает, как свет становится ярким и безжалостным, загорается на верхушках стен и медленно сползает на улицы, загоняя тяжелые тени в открытые окна и двери, так что дома кажутся черепами с пустыми глазницами и зияющими ртами. Здания уже не выглядят такими большими. Он проходит между ними, легко поднимается по ступеням, и выступы окон — не выше его головы. Он знает эти дома, и он смотрит на каждый, проходя мимо, называет его и вспоминает давнее, очень давнее...

Соколы спускаются к нему, вернее слуги с солнечными камнями в головах. Он похлопывает их по склоненным шеям, и соколы тихо шипят от удовольствия, но их пустой мозг не имеет ничего, кроме смутных ощущений. Он проходит по знакомым улицам, и там

ничего не движется. Весь день от зари до заката и в наступающей затем темноте ничто не шелохнется, и меж камней — тишина.

Он не мог больше выносить город; время его еще не настало, хотя первые слабые признаки возраста коснулись его, но он спустился в катакомбы и занял свое место рядом с теми, кто ждал и еще мог говорить с ним мысленно, так что здесь он не был одинок.

Годы проходили, не оставляя следа в неизменном мраке погребального коридора.

Последние немногие мозги один за другим застывали, пока не исчезли все. И к этому времени возраст приковал и его к месту, так что он уже не мог встать и снова выйти в город, где он когда-то был молодым, моложе всех... Шеннеч, как его звали, Последний.

И он ждал в одиночестве. И только тот, кто родственник горам, мог вынести это ожидание в месте мертвых.

Затем, в грохоте и пламени, в долине появилась новая жизнь. Человеческая жизнь... Слабая, хрупкая, восприимчивая жизнь, разумная, незащищенная, обладающая жестокими и смущающими страстями. Очень осторожно, без спешки, мозг Шеннеча дотянулся до них и вобрал в себя.

Некоторые люди были более жестоки, чем другие. Шеннеч видел их эмоции как алые рисунки на темном фоне его мозга. Они уже сами стали хозяевами, и множество хрупких чувствительных мозгов огрубело из-за них. «Я возьму этих для себя,— подумал Шеннеч.— Рисунок их мозга примитивный, но крепкий и мне интересно».

На корабле был хирург, но он умер. Впрочем, для того, что было сделано, хирург не понадобился. Когда Шеннеч закончил беседу с выбранными им людьми, рассказав им о солнечном камне — не все, разумеется,— то они с восторгом согласились на то, что обещало власть. Шеннеч полностью взял их под контроль. И неуклюжие руки каторжников с удивительной ловко-

стью управлялись теперь с инструментами покойного хирурга, производя круглые вырезы и аккуратно углубляя камни в кости.

Кто тот человек, который лежит здесь спокойно под ножом? Кто те, что склонились над ним, со странными камнями между бровей? Имена. И я знаю их. Идите. Еще ближе. Я знаю человека, который лежит тут... и по лицу которого бежит кровь... Тревер закричал. Кто-то хлестнул его по лицу, намеренно, жестоко. Он снова закричал, стал отбиваться, все еще ослепленный видением и темным туманом, и голос, которого он так боялся, ласково заговорил с ним мыслью:

— Все прошло, Тревер. Все сделано.

Рука снова хлестнула его, и грубый человеческий голос хрипло сказал:

— Очнись! Очнись, черт тебя побери!

Тревер очнулся. Он стоял в громадной комнате, пригнувшись в позе бойца, вспотевший, хватающий руками пустоту. Видимо, он бросился сюда а полуобморочном состоянии с кучи шкур у стены. Гелт наблюдал за ним.

— Привет, землянин. Ну, каково чувствовать себя хозяином?

Тревер с удивлением воззрился на него. Яркий поток света падал через высокие окна и освещал солнечный камень между хмурыми бровями Корина. Взгляд Тревера сосредоточился на этой блестящей точке.

— Ну да,— подтвердил Гелт,— это правда.

Тревер был страшно поражен тем, что губы Гелта не двигались и слышимых звуков не было.

— Камни наделяют нас некоторыми способностями,— продолжал Гелт так же беззвучно.

— Конечно, не такими, как у Него, но мы можем управлять соколами и обмениваться мыслями между собой, если расстояние не слишком велико. Естественно, наш мозг открыт Ему в любое время, когда Он пожелает.

— Боли нет,— прошептал Тревер, отчаянно надеясь, что ничего этого вообще не было и голова не болит.

— Конечно, нет. Он заботится об этом.

«Шеннеч! Если этого не было, откуда знаю я это имя? И этот сон, этот бесконечный кошмар в катакомбах...«

Гелт вздрогнул.

— Мы не употребляем это имя. Он этого не любит.— Он взглянул на Тревера.— В чем дело, землянин? Что ты такой бледный? Ты ведь смеялся, помнишь? Где же твое чувство юмора?

Он резко схватил Тревера за плечо и повернул лицом к громадному диску полированного стекла, вставленному в стену. Зеркало для гигантов, отражающее всю эту огромную комнату и карликовые фигурки людей.

— Иди,— сказал Гелт, подталкивая Тревера к зеркалу.— Иди, полюбуйся.

Тревер стряхнул с себя руки Гелта и подошел к зеркалу. Он положил руки на его холодную поверхность и вгляделся. Да, это было правдой.

Между его бровями мерцал солнечный камень. И это лицо, знакомое, обычное, не такое уж безобразное, к которому он привык за свою жизнь, стало теперь каким-то чудовищным, неестественным, маской гоблина со злобным третьим глазом.

Холод вполз в его сердце и кости. Он попятился, его руки слепо и медленно потянулись к камню, рот скривился, как у ребенка, и две слезы скатились по щекам.

Пальцы его коснулись камня, и на него нахлынула злоба. Он вонзил когти в лоб и царапал камень, не думая о том, что может умереть, если вырвет его.

Гелт побледнел и наблюдал. Губы его улыбались, но глаза были полны ненависти.

Кровь бежала по обеим сторонам носа Тревера. Солнечный камень все еще сидел на месте. Тревер застонал и глубоко вонзил ногти, и Шеннеч позволил ему это делать, покуда страшная боль чуть не разломила пополам его голову и едва не бросила Тревера на пол. Тогда Шеннеч послал полную силу своего мозга. Не в ярости, потому что Шеннеч не чувствовал, не из жес-

токости, потому что он был не более жесток, чем его кузены-горы, а просто по необходимости.

Тревер почувствовал эту холодную силу, которая прокатилась по нему, как лавина. Он старался достойнее встретить ее, но она сломала его защиту, разломала, превратила в ничто и вошла в обессиленную цитадель его мозга.

В этой пошатнувшейся темной крепости все, что было собственностью Тревера, корчилось и цеплялось за оружие ярости, за смутное воспоминание о том, как в узком каньоне это оружие помогло ему отогнать врага и вырваться на свободу. А затем какой-то животный инстинкт, находящийся глубоко под уровнем сознательной мысли, посоветовал ему не спешить, схоронить свое малое вооружение и ждать, пока то немногое, чем он располагает, пройдет нетронутым и, быть может, незамеченным для захватчиков.

Тревер вяло опустил руки, и мозг его расслабился. Холодная черная волна силы остановилась, а затем откатилась назад. Шеннеч сказал:

— Твой мозг крепче, чем у этих выведенных в долине Коринов. Они вполне кондиционны, а ты — ты помнишь, что однажды противостоял мне. Тогда контакт был несовершенным. Теперь — другое дело. Не забывай этого, Тревер.

Тревер глубоко вздохнул и прошептал:

— Чего ты от меня хочешь?

— Пойди и посмотри корабль. Твой мозг сказал мне, что ты разбираешься в таких вещах. Посмотри, сможет ли корабль взлететь снова.

Этот приказ полностью поверг Тревера в изумление:

— Корабль! Но зачем...

Шеннеч не привык, чтобы спрашивали о его желаниях, но терпеливо ответил:

— Я еще проживу некоторое время. Несколько ваших коротких поколений. Хватит с меня этой долины и катакомб. Я хочу оставить их.

Тревер понимал это. Поскольку в том кошмарном

сне он заглянул в мозг Шеннеча, он понимал. На мгновение он почувствовал острую жалость к этому пойманному в ловушку существу, одинокому, единственному во всей вселенной. А затем удивился:

— А что ты будешь делать, если уедешь отсюда? Что тебе делать в другом поселении людей?

— Кто знает? У меня осталось только одно любопытство.

— Ты возьмешь с собой Коринов и соколов.

— Некоторых. Это мои глаза и уши, мои руки и ноги. Тебе это не нравится, Тревер?

— Какое это имеет значение? — горько ответил Тревер.— Пойду, взгляну на корабль.

— Пойдем,— сказал Гелт, забирая охапку факелов,— я покажу тебе дорогу.

Они вышли через высокую дверь на улицы между огромными кварталами пустых домов. Эти улицы и дома Тревер видел во сне. Он обратил внимание, что Гелт повел его в другой конец города, в ту часть долины, где он ни разу не был. А затем его мозг повернулся к тому, чего не мог выбить из его сознания даже шок пробуждения.

Джин.

Его вдруг охватила паника. Сколько времени прошло с тех пор, как в катакомбах на него упала тьма! Много или мало — за это время могло многое случиться. Ему представилась мертвая Джин, разорванная соколами, как и Хьюго, и он шагнул к Гелту, владельцу этих двоих, но Шеннеч резко заговорил с ним тем же молчаливым способом, к которому Тревер уже начал привыкать.

— Женщина в безопасности. Смотри сам.

Мозг Тревера был крепко взят и направлен в русло, совершенно новое для него. И Тревер почувствовал странный легкий толчок в контакте и вдруг взглянул из какой-то точки в небе вниз, в загон с многочисленными крошечными фигурками. Своими глазами он увидел бы их такими, какие они есть, но те глаза, какими

он пользовался сейчас, хоть и были зоркими, как у орла, но не различали цвета, а видели только черное и белое и их оттенки. В одной из фигур он узнал Джин. Он хотел подойти поближе, как можно ближе, и точка, откуда он смотрел, начала снижаться кругами. Джин смотрела вверх. Тревер увидел прошедшую по ней тень широких крыльев и понял, что видит глазами сокола. Он потянул сокола вверх, чтобы не пугать, но сначала разглядел лицо. Каменное, застывшее выражение исчезло и сменилось видом раненной тигрицы.

— Я хочу иметь ее,— сказал он Шеннечу.

— Она принадлежит Гелту. Я в это не вмешиваюсь.

Гелт пожал плечами.

— Бери, пожалуйста. Но держи ее на цели. Она теперь слишком опасна и годится только на корм соколам.

Корабль находился недалеко от города. Он лежал на боку рядом с низким отрогом каменного барьера. Он упал тяжело, и некоторые из основных плоскостей прогнулись, но снаружи повреждения не казались непоправимыми, если есть знания и инструменты для выполнения работ. Триста лет назад его можно было заставить летать снова, но те, у кого были знания и желание, умерли, ну а каторжники хотели остаться здесь.

Прочный металл внешней оболочки неплохо продержался три столетия в меркурианском климате. Он проржавел, и там, где были в нем пробоины, внутреннюю оболочку проела ржавчина, но все же корпус сохранил сходство с кораблем.

— Будет он летать? — нетерпеливо спросил Шеннеч.

— Пока не знаю,— ответил Тревер.

Гелт сжег один факел, зажег другой и протянул его Треверу:

— Я останусь тут.

Тревер засмеялся:

— Как же ты полетишь над горами?

— Там видно будет,— пробормотал Гелт.— Возьми и остальные факелы. Там темно.

Тревер влез внутрь через зияющий люк и с большой осторожностью ступил на наклонную, рыжую от ржавчины палубу. Внутри корабль был сильно разрушен. Все, что могло пригодиться колонистам на новом месте, было сорвано, остались только голые каюты с облупившейся эмалью на стенах и раскиданным мусором. В отдалении перед воздушным шлюзом Тревер нашел множество скафандров. Материал сгнил, но некоторые шлемы были еще исправны и уцелело несколько кислородных баллонов.

Шеннеч в нетерпении понукал Тревера:

— Займись главным, Тревер.

Рубка была не тронута, хотя многослойный глассит в больших экранах носил паутинообразные трещины. Тревер осмотрел управление. Он был строго планетарным космолетчиком и привык летать на своей маленькой машине на расстояние плевка от расследуемого мира, а здесь было несколько приборов, которые он не знал, хотя представлял управление довольно хорошо.

— Лететь недалеко, Тревер. Только через горы. Я знаю из твоего мозга и из мозга тех, кто умер уже после посадки, что за горами лежит мертвая каменная равнина, более сотни миль по вашему счету, потом гребень, а за ним плодородная долина раз в двадцать больше Корина, и там живут земляне.

— Только часть ее плодородна, и там рудники, уже здорово выработанные землянами. Но некоторые корабли еще приземляются и там кое-кто из землян остался.

— Это лучше. Начинать на малом месте...

— Что начинать?

— Наперед и не скажешь. Ты не понимаешь, Тревер. Сотни лет я точно знал, что буду делать. В познании есть что-то от нового рождения.

Тревер вздрогнул и пошел обратно изучать приборы. Электропроводка, защищенная слоями непроницаемой пластиковой изоляции и трубами, казалось, была в отличном состоянии. Помещение для генератора внизу было разбито, но не окончательно. Имелись запасные

батареи. Поржавевшие, конечно, но если с ними поработать, они некоторое время продержатся.

— Полетит он?

— Я же сказал, что пока не знаю. Тут куча работы.

— Для этого есть рабы.

— Да, но без горючего все бесполезно.

— Посмотри, есть ли оно.

Очертания того, что было спрятано в недоступном месте мозга Тревера, стали теперь проясняться. Он не хотел вытаскивать их на свет, где Шеннеч их тоже увидит, и поэтому думал о генераторах, батареях и о монтаже.

Он полз в темных потрохах мертвого корабля, пробираясь к хвостовой части. Факел бросал красный дымный свет на то, что лежало в опустевших офицерских каютах и разграбленных трюмах. У одного большого отсека была дверь с тяжелыми засовами и болтами, выгнувшаяся при крушении, как оловянная. «Вот откуда они вырвались,— подумал Тревер,— как волки из западни».

В нижних трюмах, больше всего пострадавших при падении, было множество шахтного оборудования и сельскохозяйственных машин. Все было непоправимо разломано, тем не менее выглядело внушительно с их ржавыми лезвиями и зубьями и странной неуклюжей формой. Они наводили на мысль об оружии, и Тревер продолжал эту мысль, украсив ее мысленным изображением людей, падающих под крутящимися катками. Шеннеч уловил это:

— Оружие?

— Можно использовать как таковое. Но металл надо очистить.

Он обнаружил бункеры с горючим. Основной запас был израсходован до последней крошки, но в запасных бункерах, судя по показателям шкал, кое-что осталось. Не много, но может хватить.

ГЛАВА 6

В Тревере зашевелилось возбуждение, слишком большое, чтобы его можно было спрятать в тайный уголок мозга. Он не пытался. Он выпустил его на свободу, и Шеннеч пробормотал:

— Ты доволен. Корабль полетит, и ты думаешь, что. добравшись до другой долины и очутившись среди своих, ты найдешь средство уничтожить меня. Возможно, но мы еще посмотрим.

Глядя вниз из перекошенного люка, Тревер улыбался. Лгать можно не только словами, но и мыслью. А Шеннеч, как ни говори, был всего лишь человеком.

— Мне нужна помощь. Вся, какая есть.

— Будет.

— Потребуется время. Не торопи и не отвлекай меня. Не забывай, что я не меньше тебя хочу перебраться через горы.

Шеннеч засмеялся.

Тревер взял еще факелов и пошел работать к генератору. Он чувствовал, что Шеннечу сейчас не до него: он занят тем, что сгоняет Коринов и рабов. Однако Тревер и не ослабил своей осторожности. Открытая область его мозга была занята мыслями о мщении по прилете в другую долину.

Постепенно настойчивая борьба с антикварками и частично поломанными механизмами отогнала все посторонние мысли в сторону. Прошли день, ночь и половина второго дня, прежде чем вся проводка была соединена так, как он хотел, а один скрипучий генератор заработал в четверть своей нормальной мощности и батареи были заменены лучшими из запасных.

Тревер вышел из освещенной факелами темноты в рубку, моргая на свету, как крот, и увидел сидящего там Гелта.

— Он доверяет тебе,— сказал Корин,— но не чрезмерно.

Тревер нахмурился. Усталость, возбуждение и ощущение рока вели его в нереальное состояние: когда его мозг действовал более или менее самостоятельно. Прочная защитная оболочка создала вокруг мозга маленькую внутреннюю крепость, так что мозг его был скрыт даже от самого Тревера, и он почти поверил, что улетит на этом корабле в другую долину и будет сражаться там с Шеннечем. Так что он не удивился, услышав мысль Шеннеча:

— Ты, вероятно, попытаешься улететь один. Я бы не хотел этого, Тревер.

— Ты контролируешь меня настолько,— ворчливо сказал Тревер,— что я не могу и плюнуть, если ты запретишь это.

— Здесь я имею дело со многим, чего не понимаю. У нас никогда не было механической культуры. Во всяком случае, многие из твоих мыслей, которые я отчетливо читаю, не имеют для меня реального смысла. Я могу управлять тобой, Тревер, но не кораблем.

— Не беспокойся,— сказал Тревер,— вряд ли я смог бы поднять корабль в воздух, пока его корпус не починен.

Это было правдой, он говорил честно.

— Тем не менее,— сказал Шеннеч,— Гелт будет там, как мои руки и ноги, дополнительным стражем у того предмета, который ты называешь приборной доской и которая является, как мне сказал твой мозг, ключом к кораблю. Тебе запрещено касаться ее, пока не настанет время лететь.— Тревер услышал молчаливый смех Шеннеча.— В твоем мозгу таится измена, Тревер. Но у меня хватит времени. Импульс идет быстро и не может быть просчитан заранее, но между импульсом и его реализацией есть интервал. Пусть он длится долю секунды — мне его хватит, чтобы остановить тебя.

Тревер не спорил. Он дрожал от усилий скрыть жалкие остатки своей индивидуальности и твердо направил свои мысли на следующий шаг к тому, чего желал Шеннеч, и не отклонялся от этого пути ни

вправо, ни влево. Он провел рукой по лицу, вздрогнул от прикосновения к чуждому уродству на своем лбу и угрюмо сказал:

— Трюмы должны быть очищены. Корабль не поднимет еще раз такую тяжесть, да и металл понадобится для ремонта.— Он снова и настойчиво подумал об оружии.— Пришли сюда рабов.

— Нет,— твердо сказал Шеннеч,— это все сделают Корины. Не дам в руки рабов никакого потенциального оружия.

Тревер пустил через свой мозг волну разочарования и пожал плечами:

— Ладно. Тогда давай их сюда.

Он стоял у большого экрана и смотрел на равнину перед городом. Рабы были собраны на безопасном расстоянии от корабля и ждали, как стадо, когда понадобится их сила. Их охраняли несколько всадников-Коринов и соколы.

Двигаясь медленно от возмущения, маленькая армия Коринов подошла к кораблю. И Тревер ясно чувствовал их мысли. За всю свою жизнь они ни разу не испачкали своих рук работой и теперь злились, что их заставляют делать работу рабов.

Вонзив ногти в ладони, Тревер пошел к хвостовой части, чтобы показать Коринам, что делать. Он не сможет больше хранить то, что с таким трудом скрывал под наслоениями полуправды и хитрости. Рано или поздно это выйдет наружу, и Шеннеч узнает.

При свете факелов Корины начали сражаться с ржавыми машинами в задних трюмах.

— Пошли сюда еще рабов,— сказал Тревер Шеннечу.— Это очень тяжелые вещи.

— Но тут все, кроме только тех, кто охраняет рабов. Их нельзя брать.

— Ну что ж,— сказал Тревер,— тогда заставь работать этих.

Он пошел назад по нижним палубам и коридорам сначала медленно, потом все быстрее; его босые ноги

царапались о чешуйки ржавчины, лицо с третьим сверхъестественножутким глазом побелело и странно застыло. Его мозг выталкивал мутные потоки мыслей, неопределенных и ничего не значащих, чтобы до последней секунды скрывать подспудное.

— Тревер! — Шеннеч был встревожен.

Щель вышла на свет. Она вышла, ее уже нельзя было прятать. Она вырвалась из укромного места, как сильное красное пламя в темноте, и Шеннеч увидел ее и послал всю холодную мощь своего мозга.

Тревер пулей влетел в рубку.

Первая черная волна силы ударила его, и рубка вытянулась в каком-то диком, бредовом измерении. В дальнем конце ее ждал Гелт. Позади Гелта находился один маленький ключик, которого нужно было коснуться сейчас же.

Возросшая сила Шеннеча оттолкнула Тревера назад, запрещая ему думать, двигаться, существовать. Но под этой осажденной частью мозга Тревера стены еще держались, и в них горел яркий факел решимости.

Было самое время бороться, и Тревер выковал оружие ярости, которое он на время похоронил. Он высвободил эту ярость и крикнул чуждой силе:

— Я убью тебя когда-нибудь! Я убью тебя.

Палуба поплыла под его ногами. Облупленные переборки колыхались, как туман, Тревер не знал, двигается он или нет, но все же держался на ногах, в то время как страшная тяжесть обрушилась на его трепещущий мозг, стараясь сгладить, придавить ярость, которая была его единственным оружием.

Ярость за себя, оскверненного, униженного. Ярость за Джин с кровавыми рубцами на плечах. Ярость за Хьюго, лежавшего мертвым под своим отвратительным убийцей, и ярость за все поколения высадившихся тут людей, которые жили и умирали в работе для того, чтобы облегчить Шеннечу время ожидания.

Он увидел рядом с собой странно-огромное лицо Гелта, потрясенное и испуганное... Тревер оскалился.

— Я убью его когда-нибудь,— сказал он Корину.

На поясе Гелта висел нож, но Гелту не было приказано пользоваться им. Только один Тревер мог заставить коробль лететь. Гелт схватил Тревера, протянув руки, но сделал это очень неуверенно, и мозг Корина кричал Шеннечу:

— Ты не можешь его остановить! Не можешь!

Тревер, теперь только частично слитый с Шеннечем, услышал этот крик и засмеялся. Что-то взорвалось в нем от физического прикосновения Гелта. Теперь его не контролировали, неистовые мысли ушли, остались только два сильнейших желания, одним из которых было уничтожение чудовища, державшего его.

— Убей его! — неожиданно сказал Шеннеч.— Он безумен, и никто не может управляться с сумасшедшим.

Гелт старался, но руки Тревера уже схватили горло Корина. Пальцы его глубоко погрузились в плоть Гелта. Затем раздался хруст сломавшихся позвонков.

Тревер отбросил труп. Он ничего не видел, кроме одной крошечной точки света в темноте. В центре этой светлой точки была красная кнопка. Тревер подскочил к ней и нажал. Это было его второе желание.

В первый момент ничего не произошло. Тревер упал поперек Гелта. Шеннеч выкрикивал предупреждения, которые уже опоздали: Тревер имел время торжествующе вздохнуть и встать.

Корабль тронулся под ним. Раздался глухой рев, потом еще один, когда бункеры с остатками горючего заработали. Рубка закружилась и остановилась со скрипом и дрожью, все проходы распахнулись, мир наполнился лязгом и грохотом отрывающегося и разлетающегося металла. Затем все успокоилось. Настала тишина.

Тревер прополз по новому склону пола и через разбитый люк в безжалостный солнечный свет. Теперь он ясно видел, что наделал. Сделано все было хорошо. Последнего запаса горючего хватило...

Вся задняя часть корпуса исчезла, и с ней все Корины, бывшие в задних трюмах.

Затем в мозгу Тревера заговорил удивленный голос Шеннеча:

— Я и в самом деле состарился! Я недооценил силу и тайны свежего крепкого мозга. Я слишком привык к повиновению со стороны Коринов.

— Ты видишь, что происходит с последними Кори-нами? — спросил Тревер.— Ты можешь видеть?

Последние Корины, которые оставались с рабами снаружи, были потрясены крушением их привычного мира. А рабы тут же поднялись против остатков своих ненавидимых хозяев. Они долго ждали, очень долго, и теперь Корины и соколы подлежат смерти.

—Ты видишь это, Шеннеч?

— Вижу, Тревер. А теперь... они идут на тебя!

Да, они шли. Шли, обезумев от крови, шли против всех, кто носил солнечный камень. Впереди шли Джин и Сол.

Тревер знал, что ему осталось меньше полминуты на разговор о своей жизни. И он знал, что Шеннеч следит с интересом.

Тревер резко сказал Солу и другим:

— Я дал вам свободу, а вы хотите убить меня за это?

— Ты выдал нас в пещере,— прорычал Сол,— и вот теперь...

— Я выдал вас, но сделал это не намеренно. Здесь есть кое-кто посильнее Коринов, а вы даже не знали об этом. Откуда же было знать мне?

Тревер быстро рассказал им о Шеннече и о том, как сами Корины попали в рабство.

— Вранье все это,— сказал Сол.

— Посмотрите сами в подземелье под городом. Только будьте осторожны.

Он смотрел не на Сола, а на Джин. Подумав, она медленно произнесла:

— Возможно, там и вправду есть Шеннеч... Может, поэтому нам никогда не позволяли входить в город, и Корины могли уверять, что они боги.

— А я говорю — вранье!

Джин повернулась к Солу:

— Пойди и посмотри, Сол. А мы его пока покараулим.

Сол поколебался, он и шестеро других рабов пошли к городу.

Тревер сел на горячую выжженную траву. Он страшно устал. И ему не нравилось, что сосредоточенная тень Шеннеча покрывает его мозг.

Горы отклонились от солнца, и по нижним склонам поползли тени. Сол и другие вернулись. Тревер взглянул на их лица и невесело рассмеялся:

— Все правда, не так ли?

— Да,— сказал Сол, вздрогнув.— Да...

— Он говорил с вами?

— Начал, но... мы убежали...— и Сол неожиданно закричал, но уже не от ненависти, а от страха: — Мы не сможем убить его. Это его долина. И мы, о боже, заперты с ним и не можем уйти!..

— Можем,— возразил Тревер.

ГЛАВА 7

Сол тяжело уставился на него:

— Но пути через горы нет. Там же нет воздуха...

— Есть способ. Я нашел его в корабле.— Тревер встал и продолжал с неожиданной резкостью: — Пусть не для всех и не сразу, но если пойдут двое или четверо, один из них сможет выжить... и он приведет сюда людей с кораблями, чтобы забрать и остальных.— Он посмотрел на Сола.— Рискнешь пойти со мной?

Мрачный человек хрипло ответил:

— Я все еще не доверяю тебе, Тревер! Но все-таки... уйти от *этого*...

— Я тоже пойду,— неожиданно сказала Джин.— Я так же сильна и выносliва, как Сол.

Это было правдой, и Тревер знал это. Он долго

смотрел на нее, но ничего не мог прочесть на ее лице... Сол пожал плечами:

— Идет!

— Но ведь это безумие! — пробормотал чей-то голос.— Вы не сможете дышать там, на гребне. Там нет воздуха.

Тревер тяжело вполз в остатки корабля и вынес шлемы и кислородные баллоны, уцелевшие как будто специально для этого.

— Мы будем дышать,— сказал он.— Эти... — Он подыскивал слова; чтобы объяснить, что эти контейнеры содержат самую главную составную часть воздуха.— Мы возьмем их с собой.

— А холод?

— У вас же есть отличные теплые шкуры. И клей. Я покажу вам, как делается защитная одежда. Или — оставайтесь здесь с Шеннечем.

Сол содрогнулся:

— Нет, уж лучше я попытаюсь.

Все последующие часы, пока женщины работали с мягкими шкурами и резиновым клеем, а сам Тревер трудился над неуклюжими шлемами, Шеннеч молчал.

Молчал, но не ушел. Тревер ощущал тень на своем мозге и понимал, что Шеннеч следит. Хотя Последний не делал никаких попыток покушения на него.

Рабы тоже следили за Тревером. Он видел страх и ненависть в их глазах, когда они смотрели на солнечный камень между его бровями.

И Джин следила за ним, ничего не говоря. И по ее лицу он ничего не мог определить. О чем она думала? О Хьюго, о соколах?

Часам к трем дня все было готово. Трое начали медленный подъем к проходам, ведущим за пределы атмосферы. Все трое выглядели бесформенными и гротескными в трехслойной клеенной меховой одежде и в неуклюжих шлемах, набитых тряпками, потому что застегивающийся опорный воротник отсутствовал. Лица были плотно обмотаны, и концы кислородных трубок

пришлось держать во рту, поскольку не было возможности сделать шлемы герметичными.

Вечерние тени потянулись из долины, когда провожавшие спустились снова, а трое пошли дальше: Сол впереди, Тревер — замыкающим.

А Шеннеч все еще молчал.

Атмосфера осталась позади. Теперь они поднимались в космос — крошечные создания в бесконечности девственных скал, в полной темноте между спящими ликами наверху и яркими молниями вечерней грозы внизу.

Все выше и выше к проходу тащились они, помогая друг другу там, где одному было не под силу, в леденящем холоде и тишине. Три неуклюжие фигуры, бредущие над самым небом, в страхе перед бесконечностью, где не было ни звука, ни света.

Тревер знал, что они уже доходят к проходу, потому что теперь с обеих сторон поднимались склоны, которых никогда не касались ни ветер, ни дожди, ни живые корни. Он пошатнулся, потому что грунт пошел под уклон, но идти стало гораздо легче. Они прошли гребень. И кислород кончался. Теперь вниз, спотыкаясь и скользя... вниз, к воздуху. И они вышли по ту сторону горы, над каменной равниной, ведущей к...

И тут наконец Шеннеч рассмеялся.

— Разумно,— сказал он,— очень разумно бежать без корабля! Но вы вернетесь обратно с кораблем и возьмете меня на другую сторону мира. И я щедро вознагражу вас.

— Нет,— мысленно возразил Тревер,— нет, Шеннеч. Если мы доберемся туда, солнечный камень у меня извлекут, и мы вернемся за рабами, но не за тобой!

— Нет, Тревер,— с пугающе холодным спокойствием возразил Шеннеч,— ты теперь иной. Ты удивил и обманул меня однажды, но теперь я помню обман. Весь твой мозг открыт мне, и ты не сможешь больше мне противиться.

Холод вошел в душу Тревера и заморозил ее.

Сол и Джин сейчас были под ним, спускаясь вдоль

усеянного камнями края пропасти к воздуху, звукам и жизни. Он видел, как они бросили шлемы, и пошел следом, хватая холодный воздух изголодавшимися легкими. Шеннеч спокойно заметил:

— Мы в них больше не нуждаемся. Они могут быть опасными, когда ты доберешься до других людей. Распорядись ими, Тревер.

Тревер ответил яростным отказом, но тут же его мозг был схвачен как бы железной рукой, которая трясла его, вертела и изменяла. И его злоба ушла в пустоту.

«Ну, конечно,— подумал он,— здесь множество булыжников. Совсем не трудно столкнуть людей в пропасть...» — он шагнул к большому камню.

— Хороший способ, Тревер. Торопись...

Шеннеч говорил правду: на этот раз он полностью завоевал Тревера, и Тревер понимал это.

— Нет, не буду! — крикнул он себе, но это было лишь эхо слабеющей воли, умирающего «я».

— Будешь, Тревер. И немедленно! Они подозревают...

Сол и Джин вернулись. Лицо Тревера, открытое теперь цепенеющему холоду, которого сам Тревер почти не ощущал, видимо, рассказало им обо всем. Они стали подниматься к нему. Расстояние очень небольшое, но они могли опоздать.

Тревер тонко завизжал:

— Берегитесь... Шеннеч...— и положил на камень руку, на камень, который должен был раздавить людей.

Но ведь есть и другой способ! Он, Тревер, принадлежит Шеннечу, пока жив, но и у него есть способ избежать нового предательства народа Джин — просто не жить больше.

Он собрал последние остатки своей воли и покатился к краю пропасти. Упав с высоты ста футов, человек, конечно, останется спокойно лежать на камнях.

— Нет, Тревер! Нет!

Мощный приказ Шеннеча остановил Тревера на самом краю обрыва. А затем руки Джин оттащили его от края.

Он слышал, как тонко и хрипло прозвучал голос Сола:

— Оттолкни! Оттолкни его! Он — Корин. Ты видела его лицо!

— Нет! — ответила Джин.— Он ведь хотел убить себя ради нас!

— Но им владеет Шеннеч! — снова выкрикнул Сол.

Шеннеч и в самом деле владел Тревером. Он подавил последнюю искру его возмущения и грубо скомандовал:

— Убей женщину и мужчину!

И Тревер попытался это сделать. Он был теперь полностью во власти Шеннеча, но Сол и Джин крепко держали его. Вдвоем они были много сильнее его, и он не мог выполнить приказ Шеннеча-Последнего, как бы тот не желал этого.

— Свяжи ему руки! — крикнула Джин.— Мы поведем его, и он не сможет нанести нам никакого вреда!

Злоба Шеннеча хлынула через мозг Тревера. Он отбивался, но все тщетно: ему стянули руки кожаным ремнем и потащили выше и он не мог повиноваться мысленному приказу Шеннеча.

Затем он почувствовал, что злоба Шеннеча угасла в страшной безнадежности. К Треверу вернулось собственное сознание, и в темноте своего усталого мозга он услышал отголосок последнего горького крика:

— Я стар... Слишком стар...

ГЛАВА 8

Тревер медленно просыпался, то поднимаясь над черным океаном беспамятства, то погружаясь в него снова, и в короткие интервалы сознания понял, что лежит в постели и у него болит голова.

Наконец настало время, когда он поднялся из забвения и не погружался в него больше. Открыв глаза, он увидел металлический потолок.

— Значит, мы это сделали,— сказал он.

— Да, сделали,— ответил дружелюбный голос.— Это Солнечный Город, и вы здесь уже порядочное время.

Тревер повернул голову на голос к стоявшему у кровати доктору в белом халате и не узнал ни его, ни комнаты. Сначала, по крайней мере. Он видел только поднос на тумбочке, и в нем — темно-желтый глаз, мерцающий и сияющий.

Солнечный камень!

Рука Тревера слабо поднялась к лицу, но доктор опередил его:

— Не беспокойтесь, его извлекли. Деликатная была работа! Некоторое время у вас поболит голова, но любой согласился бы на это ради солнечного камня!

Тревер не ответил. Неожиданно он спросил:

— А Джин и Сол?

— Они здесь. Тоже весьма странный народ. Ни с кем не разговаривают. Все вы — сплошная тайна, знаете ли.

Доктор вышел и вскоре вернулся с Джин и Солом. Они были теперь в современной синтетической одежде. На Джин она выглядела так же неуместно, как шелковое платье на леопарде.

Джин увидела улыбку в глазах Тревера и воскликнула:

— Не смейтесь надо мной никогда... никогда!

Тревер подумал, что цивилизовывать ее — дело долгое. Сомнительно даже, что это вообще возможно. Но его это не огорчало.

Она постояла, серьезно глядя на него, а затем сообщила:

— Сказали, что завтра ты сможешь встать.

— Это хорошо,— обрадовался Тревер.

— Но ты должен быть осторожен некоторое время...

— Я буду осторожен.

Они больше не говорили, но по ее твердому серьезному взгляду Тревер понял, что Хьюго и соколы прощены ему. Не забыты, но прощены. И что Джин и Тревер встретились и больше не расстанутся.

Сол вскричал с тревогой:

— Мы ждем столько дней! Когда мы вернемся в Долину за остальными?

Тревер повернулся к доктору с любопытством наблюдавшему за всем этим:

— Могу ли я нанять здесь корабль?

— Человек, имеющий солнечный камень, может получить почти все, что захочет, Тревер! Я поговорю насчет этого.

Зафрахтованный корабль, который нес их обратно в долину, имел минимум команды и двух техников минеров, нанятых Тревером.

Они высадились за пределами древнего города, и рабы хлынули к ним, наполовину обрадованные, наполовину испуганные воплощением древней и седой легенды.

Тревер объяснил Солу, что надо сделать. В черепах убитых Коринов остались солнечные камни баснословной ценности. Надо пойти туда с рабами и взять камни.

— Но эти камни — зло, зло! — вскричал на это Сол.

— В других мирах — нет,— ответил ему Тревер.— А твоему народу нужно будет куда-то ехать.

Когда это было сделано, все собрались в корабле. Тревер кивнул техникам.

— Пора,— сказал он,— вход в катакомбы вон там, наверху.

Техники ушли, взяв с собой тяжелый груз, который они несли с собой вдвоем. Вскоре они вернулись, уже без груза.

Тревер достал из кармана свой солнечный камень. Джин вцепилась в его руку:

— Не надо, Тревер!

— Теперь это не опасно, Джин,— успокоил он.— У него не хватит времени сделать со мной что-либо. А я чувствую, что должен сказать ему.

Он приложил солнечный камень ко лбу и мысленно позвал:

— Шеннеч!

И в его мозг вошло холодное и ужасное присутствие Последнего. Мысли Тревера были прочтены в один миг.

— Значит, это конец, Тревер?

— Да,— подтвердил Тревер,— для тебя это конец.

Он ожидал дикой реакции тревоги и эмоций, попытки захватить его мозг, предотвратить свою гибель.

Но этого не произошло. Наоборот, от него пришел потрясающий импульс радости.

— Как... Значит, ты хочешь, чтобы я это сделал? — удивился Тревер.

— Да, Тревер! Да! Я подумал, что ждать смерти еще столетие — слишком долго и скучно. А ЭТО освободит меня сразу!

Вне себя от удивления, Тревер сделал жест, и корабль взмыл к небу. Второй жест — и техники потянулись к кнопке радиодетонатора.

В этот момент Тревер услышал голос Шеннеча, как широко разлившуюся музыку — смесь радостного хора освобождения с аккордами космической печали о том, что было и никогда уже не возвратится, о величайшей древней расе, которой пришел конец.

Кнопку нажали — и город внизу взорвался огнем и камнем вокруг входа в катакомбы.

И песня Шеннеча угасла в тишине, когда последние дети гор навеки ушли в ночь.

МАРСИАНСКИЙ ГЛАДИАТОР

Повесть

Перевод с английского
Г. Старина

Leigh Brackett

MARTIAN QEUST

New-York
1944

1.

Бэрк Винтерс вышел из пассажирского купе звездолета «Старлайт», когда тот произвел посадку на космодроме Кахора-Порт. Бэрк не мог смотреть, как другой человек — пусть даже его ближайший друг Джонни Нильс — командует кораблем, который так долго был его, Бэрка, кораблем.

Бэрку даже расхотелось прощаться с этим блестящим молодым офицером, но Нильс уже ожидал его внизу у трапа. Бэрк улыбнулся, но не смог скрыть раздражения.

— До скорого, старик! — Нильс протянул ему руку.— Отдыхай. Ты заслужил эту пенсию.

Бэрк осмотрел огромный космодром, тянувшийся долгими километрами по красно-охряной пустыне. Машины, грузовики, переполненные платформы, звездолеты всех типов — рудничные транспорты, товарняки и элегантные пассажирские, вроде «Старлайта» — все это на первый взгляд громоздилось на космодроме в полном беспорядке под всевозможными флагами трех планет и десятка колоний, трепетавшими на марсианском ветру.

— Этот космодром производит впечатление,— сказал Нильс, проследив за его взглядом.

— Скорее, вгоняет в шок,— ответил Бэрк Винтерс.

За много километров отсюда, укрытый от оглушительных взлетов и посадок, поднимался гласситовый

купол Кахоры — торговые ворота Марса, как драгоценное украшение, брошенное в груду красных песков. Маленькое солнце устало висело над городом и древними холмами, пылевые ветры лениво проносились над ними — казалось, что старая планета терпеливо переносит присутствие Кахора и этого космопорта, как какую-то местную и не очень зловредную лихорадку, которая скоро пройдет, исчезнет.

Бэрк Винтерс был высоким, сильным и твердым человеком; его характер сформировался долгими годами полетов в открытом космосе. Жесткая радиация окрасила его кожу в стойкий темный цвет и добела обесцветила его волосы. Даже серые глаза Винтерса, казалось, взяли что-то жестокое от этого безжалостного излучения; легкого и сговорчивого нрава — как не бывало; а смешливые морщинки у глаз превратились в глубокие грустные складки много повидавшего человека. Сейчас он беспрерывно курил короткие венерианские сигаретки, но это неплохое успокаивающее средство не спасало от дрожанья рук и нервного тика в правой щеке.

Голос Нильса вернул Бэрка к реальности:

— Конечно, это не мое дело, Бэрк... Извини, но зачем тебе понадобился этот Марс?.. Не лучше ли тебе...

— Это мои проблемы, дружок,— перебил его Винтерс.— Лучше заботься о нашем «Старлайте», Джонни, и не суй свой нос в чужие дела.

Он ушел в космопорт, а Нильс еще долго смотрел ему в след.

— Старик сильно сдал,— сказал помощник командира, спускаясь по трапу.— Боюсь, он сейчас упадет.

Нильс кивнул. Он обожал Винтерса, поднялся в чинах под его командой и стал командиром «Старлайта» — и теперь чувствовал себя не в своей тарелке.

— Ему не надо возвращаться сюда,— объяснил он помощнику, оглядывая Марс, который презирал от всей души.— Здесь пропала его возлюбленная — даже тела не нашли.

2.

Такси космопорта умчало Бэрка в Кахор, и поверхность Марса наконец-то исчезла с глаз долой. Он снова вернулся в привычный мир космополитических Коммерческих Городов, которые принадлежали или сразу всем цивилизациям или никакой.

Виа на Венере, Нью-Йорк на Земле, Сан-Сан на сумеречной стороне Меркурия, гласситовые убежища Внешних Миров — все они были одинаковы, слеплены из одного теста — каждый из них был маленьким раем для обогащения и наживы, где с легким сердцем выигрывались, проигрывались, прожигались миллионные состояния, где мужчины и женщины из всех закутков Солнечной системы могли тратить свою лихорадочную энергию, ни о чем не заботясь — города предлагали им все удовольствия и пороки всех известных миров.

Винтерс презирал коммерческие города, он привык к простой честности Космоса — здесь же все казалось искусственным, ненастоящим, фальшивым... Но у него было еще одно, более веское основание для презрения...

Он с такой поспешностью покинул Нью-Йорк и прибыл в Кахор, что теперь не мог вытерпеть и минуты задержки. Он выкуривал короткие сигаретки одну за другой прямо в такси и поспешно выскочил из машины, оставив шофера подбирать пластиковые жетоны с пола кабины.

Он на секунду остановился перед знакомым фасадом; над дверью мелкими буквами зеленоватым серебром было написано одно слово:

«ШАНГА»

«Возврат,— перевел Винтерс.— Ход назад».

Он толкнул дверь и вошел с застывшей улыбкой на лице.

Рассеянный свет, удобные диваны, тихая музыка... В приемной «Шанга» находилось пять-шесть землян, муж-

чин и женщин, с экзотическими прическами; одетые в простые и элегантные туники Коммерческих Городов с драгоценными лунными украшениями. Их лица, бледные и изнеженные, несли на себе отпечатки жизни в постоянном напряжении эпохи ультра-модерн.

За гласситовым письменным столом сидела секретарша-марсианка. Матовое лицо, поддельная красота; в коротком марсианском платье, старинном, но искусно подогнанным под современную моду, без всякого орнамента. Она взглянула на Бэрка Винтерса, ее топазовые глаза выразили только профессиональную любезность, но хорошо чувствовались такие древние презрение и надменность, что рядом с ней утонченные земляне Коммерческих Городов выглядели неотесанными детьми.

— Рада видеть вас, капитан Винтерс! — сказала она.

— Я хочу повидать Кор Хала,— ответил тот.— И немедленно!

— Боюсь, что...— хотела отказать секретарша, но снова взглянула в лицо Винтерсу, передумала и пригласила: — Входите Бэрк!

Винтерс вошел в огромный солярий со множеством маленьких пещер по бокам, с кварцевыми потолками, излучавшими, как гигантские луны. Проходя вдоль прозрачных стен, Бэрк с презрительной гримасой разглядывал экзотический лес — деревья, папоротники, лианы, яркие цветы, зеленые лужайки со множеством птиц и с резвящимися фанатиками Шанга.

Сначала эти люди растягивались на мягких столах в камерах и отдавались радиации... Винтерс был в курсе дела: нейропсихическая термованна — так называли врачи это излучение. Наследство утерянной древней мудрости Марса — специальное лечение издерганной нервной системы современного человека, перевозбужденного слишком быстрым жизненным ритмом и хаосом взаимоотношений.

Вы лежите в камере, и радиация пронизывает все ваше тело. Равновесие желез чуть-чуть изменя-

ется, ритм жизнедеятельности мозга замедляется. В то время, как излучение приводит в порядок вашу нервную систему, рефлексы и метаболизм, в вашем теле происходят странные и удивительные метаморфозы — вы постепенно превращаетесь в РЕБЕНКА — если можно так выразиться с точки зрения эволюции.

ШАНГА — возврат к прошлому. Умственно и чуть-чуть физически возвращение к примитивной жизни — до тех пор, пока не прекратится влияние радиации, и человек не почувствует себя лучше и счастливее, и пока не восстановится равновесие, когда вы будете пользоваться священным отдыхом.

Новые ухоженные тела, одетые в звериные шкуры и в нелепые пестрые ткани — земляне Кахора играли здесь среди деревьев, и их заботы ограничивались пищей, любовью и разноцветными жемчужными побрякушками.

Но за ними тайно следили невидимые охранники с парализующим оружием — нередко случалось, что кто-нибудь слишком далеко заходил по эволюционной дороге «назад к обезьяне». Винтерс испытал это на себе в свой последний визит к Шанге и получил серьезное предупреждение: он пытался убить человека. По крайней мере, так ему сказали служители Шанга — обычно, в состоянии расторможенности человек почти ничего не помнил, что происходило с ним в периоде Шанга; тем она и ценилась — элегантный порок, одетый наукой в видимость респектабельности, возбуждение нового рода, новейший способ убежать от сложностей жизни...

Люди были без ума от Шанга — но только они, земляне. Венерианские варвары сами еще не вышли из состояния дикости, чтобы нуждаться в Шанга, а марсиане принадлежали к слишком древней цивилизации и слишком уж были изощрены в грехе, чтобы поддаться искушению воспользоваться Шанга.

«Кроме того,— вспомнил Винтерс,— они, марсиане, сотворили Шанга и знают его слишком хорошо».

Он вошел в кабинет с табличкой:

ДИРЕКТОР
КОР ХАЛ

Кор Хал был тонким смуглым существом неопределенного возраста, его происхождение маскировала анонимная белоснежная туника — но можно предположить, что он был марсианином, и его вежливость была всего лишь бархатным футляром, ножнами, скрывающими ледяную сталь.

— Я помню вас, капитан Винтерс,— произнес он.— Садитесь, пожалуйста.

Винтерс сел. Кор Хал изучал его, пытаясь заглянуть в саму душу...

— Вы нервничаете, капитан... Хотите повторить курс лечения? Это опасно. Ваш атавизм рвется наружу. Вы ведь помните, что происходило в последний раз?

Винтерс кивнул.

— Со мной то же случилось в Нью-Йорке,— Винтерс доверительно наклонился к марсианину.— Я не хочу, чтобы меня лечили. Ваши методы недостаточны и не приводят к цели. Сэр Кэри сказал мне это в Нью-Йорке и посоветовал вернуться на Марс.

— Он поставил меня в известность,— ответил Кор Хал.

— Значит, вы заранее знали о моем возвращении? И уже подготовились к нему?

Кор Хал не ответил и откинулся в кресле. Полное спокойствие на лице — только зеленые глаза таят чуть заметную жесткую усмешку кота, который играет с парализованной страхом мышью. Наконец он спросил:

— Вы уверены в том, что делаете, Винтерс?

— Да.

— Люди очень разные, капитан. Эти марионетки,— Кор Хал указал на стены солярия,— не имеют ни сердца, ни настоящей крови. Они — искусственный продукт искусственного окружения. Настоящие люди

— как вы, Винтерс,— играют с огнем, если играют с Шанга.

Винтерс закурил очередную венерианскую сигаретку, но руки продолжали дрожать.

— Послушайте,— сказал он.— Женщина, которую я любил, однажды летела над пустыней... Один бог знает, что с ней случилось. Я нашел геликоптер там, где он разбился — но что стало с ней?.. Никаких следов. И теперь для меня все неважно — кроме собственного забвения.

— Я понимаю. Трагедия, капитан Винтерс. Я знал мисс Леланд, очаровательную молодую женщину. Она часто бывала у нас... Здесь.

— Я знаю,— ответил Винтерс.— Но по правде сказать, Леланд происходила не из Коммерческого Города, у нее водилось слишком много денег и слишком много свободного времени. В любом случае, я не боюсь играть в ваши игры, Кор Хал. Я уже обжегся и чересчур жестоко. Как вы сказали, «люди разные». Эти создания идут в свои джунгли только для развлечения, у них нет никакого желания идти дальше по Шанге, по дороге назад. Для этого у них нет ни храбрости, ни даже простого желания,— голос Винтерса задрожал.— Я хочу вернуться назад, Кор Хал. Хочу уйти так далеко, как Шанга сможет меня увести.

— Дорога окажется длинной,— ответил Кор Хал.

— Это мне безразлично.

— Для таких как вы возврата не бывает,— с угрозой напомнил Кор Хал.

— Мне ничего не надо. Нет ничего, что я желал бы обрести снова.

— Это нелегко устроить, Винтерс. Шанга — настоящая Шанга, а не эти солярии и кварцевые луны — уже много веков запрещена... Тут риск и всякие другие проблемы...

— Это будет дорого стоить? — усмехнулся Винтерс.

— Да.

— У меня есть деньги. Подите вы к черту вместе

со своими аргументами! Они — не более, чем лицемерие. Вы прекрасно знаете, чего я хочу от Шанга. Как только люди кладут деньги в ваши грязные лапы, вы даете им все, что они пожелают. Сколько вам?.. Ладно, заполните сами...

Винтерс положил на стол чековую книжку. Первый чек был пуст, но подписан.

— Я предпочитаю наличными,— сказал Кор Хал, возвращая книжку Винтерсу.— Все сразу и вперед. Сумму я заполнил.

— Когда? — спросил Винтерс, прочитав сумму прописью.

— Сегодня вечером, если сможете.

— Смогу... Где?

— А где вы остановились?

— На «Перекрестке Трех Орбит».

— Пообедайте там и останьтесь в баре до вечера. Вечером к вам подойдет проводник... Ваш проводник.

— А если не подойдет?

Кор Хал улыбнулся, обнажив длинные и острые зубы, напоминавшие клыки волка.

3.

Только когда взошел Фобос, Бэрк Винтерс наконец установил место, где он находится, и угадал, куда они направлялись с проводником.

Он и молодой марсианин, который подошел к нему в баре «На Перекрестке Трех Орбит», вышли из Кахора к частной стоянке, где их уже ожидал потрепанный геликоптер. В нем находились Кор Хал и еще один марсианин — по виду из тех, что живут на севере Кеши.

Управлял геликоптером сам Кор Хал.

Винтерс был уверен, что геликоптер направляется к Нижним Каналам. Древние водные пути и древние го-

рода Дебеша не подчинялись законам городов-государств и были понемногу рассеяны повсюду: в Джаккаре, Волкисе, Варокеше, где занимались торговлей — краденным, рабами, женщинами, наркотой и всем на свете — землянам советовали держаться от них подальше, что земляне и делали.

Внизу проносился бесконечно унылый пейзаж из камней и красных барханов, а молчание внутри геликоптера становилось нестерпимым. Кор Хал, высокий кеши и худощавый молодой марсианин, казалось затаили какую-то одну мысль, доставлявшую им порочное наслаждение. Винтерс не выдержал и недовольно проговорил:

— Далеко еще до вашей штаб-квартиры?

Ответа не последовало.

— Зачем эти тайны? — с раздражением сказал Винтерс.— В конце концов, сейчас мы все заодно, а я — один из вас.

— Животные не ночуют вместе с хозяевами,— отвечал молодой марсианин.

Винтерс уже был готов вспылить, но варвар взялся за кинжал, торчавший у него за поясом, а Кор Хал сказал ледяным голосом:

— Вы хотите практиковать Шанга в ее истинной форме — верно, капитан Винтерс? Вы заплатили за Это и вы Это получите. Все остальное неважно.

Винтерс угрюмо пожал плечами, и стал посасывать свою венерианскую сигаретку, ни о чем больше не спрашивая.

Время тянулось медленно, но вот пустыня, казавшаяся бесконечной, стала изменяться — чуть возвышающиеся над песком и лишенные растительности холмики выросли в горную цепь, за которой простиралось дно высохшего моря. При свете Фобоса морское дно выглядело постепенно углубляющимся до гигантской черной воронки-шахты; меловые и коралловые прожилки поблескивали тут и там, пробиваясь сквозь рыжий лишайник, как кости мертвеца сквозь иссохшую кожу.

Но вот Винтерс увидел город, раскинувшийся между горной грядой и высохшим морем, город будто следовал вдоль холмов за исчезнувшей водой. Винтерс увидел следы пяти портов, покинутых один за другим по мере того, как отступало море. Широкие каменные набережные странно выглядели в этой пустыне... Сохранились и полузасыпанные жилые дома — они покидались марсианами и строились заново на более низком месте, а теперь сгруппировались вдоль канала, самого глубокого, где сохранилось немного растительности.

Было что-то бесконечно печальное в этой тонкой темной линии, в этом остатке когда-то бурного голубого океана...

Геликоптер сделал круг над каналом и опустился. Кеши что-то протараторил на своем диалекте, Винтерс понял только одно слово: «Валкис». Кор Хал ответил ему и сказал Винтерсу:

— Нам отсюда недалеко. Держитесь возле меня.

Они вышли из геликоптера. Винтерс чувствовал, что Кеши следит за ним, и что это делается не только ради его собственной безопасности.

Дул сухой порывистый ветер, из-под ног поднимались облака пыли. Перед ними лежал Валкис — масса темных камней громоздилась на берегу, холодных в слабом свете обеих марсианских лун. Поднявшись на гребень, Винтерс увидел разрушенные башни дворца. Они прошли мимо черной стоячей воды по мостовой, выглаженной сандалиями бесчисленных поколений. Даже в этот поздний час Валкис не спал. Желтый свет факелов пробивал темноту ночи, была слышна странная музыка — улицы, переулки, плоские кровли домов кишели жизнью.

Гибкие худощавые мужчины, изящные женщины с искрами в глазах, молча следили за чужаками; а над всем Валкисом слышались характерные звуки городов Нижнего Канала — звон колокольчиков, которые носили женщины-марсианки, вплетая в свои серые косы и подвешивая к ушам и щиколоткам.

Колдовским был этот древний город — колдовским

и зловредным, но не уставшим как другие города. Винтерс чувствовал здесь горячую и мощную пульсацию жизни. Ему стало страшно. Его городская одежда и белые туники его спутников бросались в глаза среди обнаженных грудей, коротких блестящих юбок и поясов с драгоценными камнями.

Но, казалось, никто не обращал на них внимания, и они вслед за Кар Халом вошли в бронзовую дверь в стене.

4.

— Скоро? — спросил Винтерс с нетерпением, тщетно пытаясь унять дрожь в руках.

— Все готово,— ответил Кор Хал.— Холк, проводи нашего друга.

Кеши, которого оказывается звали Холком, поклонился, и Винтерс последовал за ним.

Дом был совершенно не похож на резиденцию Шанга в Кахоре. Между этими стенами из тесанного камня мужчины и женщины жили, любили и умирали насильственной смертью, а кровь и слезы, собиравшиеся веками, высыхали в трещинах между плитами.

Древние ковры, шторы и мебель стоили миллионное состояние — время их изрядно подпортило, но древняя таинственная красота все еще существовала — даже усиливалась...

Холк внезапно остановился:

— Раздевайтесь,— приказал он.

В другом конце коридора находилась бронзовая дверь с узким «тюремным» отверстием, забранным решеткой.

Винтерс заколебался — он не хотел расставаться с револьвером...

— Почему именно здесь?.. Я хочу сохранить одежду.

— Раздевайтесь здесь,— повторил Холк.— Таково правило для всех.

Винтерс повиновался.

Он голым вошел в узкую камеру. Здесь не было обитого мехами стола, только несколько звериных шкур брошено на голый пол. На противоположной стене — еще одно отверстие с решеткой.

Внезапно за ним закрылась бронзовая дверь, и Винтерс услышал, как загремел тяжелый засов. Стало абсолютно темно. На этот раз он по-настоящему испугался.

Но вот глаза привыкли к темноте, и Винтерс увидел — скорее, почувствовал — что над ним в своде потолка что-то отсвечивает. Он лег на шкуры. Свет в потолке разгорался. Это светилась призма, оправленная в камень, вырезанная из цельного кристалла огненного цвета.

Через решетку послышался голос Кор Хала:

— Землянин!

— Да,— ответил Винтерс, не вставая со шкур.

— Эта призма — одна из оставшихся драгоценностей Шанга. Ее резали мудрецы Каер Ду пол-миллиона лет назад, когда твои прародичи еще не дошли до Космоса. Наши мудрецы унесли с собой секрет и умение резки граней. В мире осталось всего три таких драгоценности...

Искры — они были скорее энергией, чем светом — потрескивали на стенах камеры. Красные, оранжевые, зеленовато-голубые. Маленькие огоньки Шанга, сжигающие сердца. Винтерсу опять сделалось страшно...

— А радиация? — спросил он.— Эти лучи в призме — той же природы, что и в Кахоре?

— Да, природа та же. Но тайна их возникновения исчезла вместе с мудростью Каер Ду. Наверно, они использовали космические лучи, а мы употребляем обыкновенный кварц — он подходит для тех целей, которые мы преследуем в Коммерческих Городах, радиация получается достаточно слабой.

— Кто это «мы»? — поинтересовался Винтерс.

— Землянин, мы — это Марс! — ухмыльнулся Кор Хал.

Разгорающийся свет от призмы, казалось, пронизывал тело Винтерса, горячил кровь, заполнял мозг — это

состояние не походило на бурное наслаждение в солярии Шанга в Кахоре — Винтерс корчился и извивался в судорогах от невыносимой, но сладкой боли... Голос Кор Хала звучал бесконечно далеко:

— Мудрецы Каер Ду оказались не такими уж мудрыми. Обнаружив секреты Шанга, они ушли, а попросту, удрали Туда, спасаясь от жизненной скуки и суеты... прошли обратный путь эволюции и... все исчезли с поверхности Марса в одно поколение! Не нашли ничего лучшего!

— Они погибли? — спросил Винтерс. Становилось трудно отвечать, трудно думать.

— Исчезли.

— Какая разница? — прохрипел Винтерс.— Пока они жили, они были счастливы.

— Ты еще жив, землянин! Ты — счастлив?

— Да!

Винтерс едва выговорил это «да». Он извивался на меховой подстилке, испытывая колдовской огонь Шанга, все его печали и неприятности исчезли в каком-то бесконечном блаженстве.

Кор Хал опять рассмеялся. Винтерс уже шел по пути Шанга. Его рассудок помутился, были периоды полной тьмы. Когда Винтерс приходил в себя, то испытывал ощущение *необычности* происходящего. У него даже сохранилось воспоминание об одной части этого поразительного пути. В какой-то момент прояснения Винтерсу показалось, что призма Шанга отошла в сторону и приоткрыла кварцевый экран. С экрана на него смотрело гордое аристократическое лицо марсианки с зелеными, как огонь Шанга, глазами и спелыми искушающими губами. Винтерс услышал ее низкий голос — она назвала его по имени. Винтерс не мог подняться, но ему удалось показать глазами, что эта гордая марсианка уже стала частью его возбужденного состояния, уже вошла в него, и он готов ее слушать.

— Ты силен, Бэрк Винтерс,— сказала марсианка.— Ты силен — это хорошо. Значит, ты будешь жить до конца пути. Ты выдержишь весь путь.

Винтерс не мог ответить.

Марсианка улыбнулась:

— Молчи. Я — в тебе. Я все знаю. Ты бросил вызов Шанга, швырнул нам перчатку. Ты храбр, а я люблю храбрых мужчин. Ты безумен, а я уважаю безумцев, потому что игра с ними возбуждает. Я с нетерпением жду, землянин, когда ты подойдешь к концу пути...

И на Винтерса опять упали ночь и безмолвие.

5.

Капитан Винтерс очнулся. Впрочем, капитана Винтерса уже не было, как не было и человека по имени Бэрк Винтерс. Вместо него на голых и холодных камнях лежало существо со звериной рычащей кличкой Брр. Существо было настороже, оно понимало, что находится в закрытом помещении, и это ему не нравилось. Оно зарычало. Волосы на затылке ощетинились. Существо не помнило, как оно угодило в этот холодный колодец. С ним что-то произошло, что-то связанное с огнем — Брр что-то искал, что-то очень хотел найти, он так сильно нуждался в Этом, что шел через все препятствия, не боясь даже смерти...

Брр поднялся и стал изучать свою тюрьму. Он тут же обнаружил вход в туннель и нерешительно присел на корточки. Воздух в туннеле был насыщен незнакомыми запахами, инстинкт подсказывал: пахнет ловушкой. Брр тут же решил вооружиться, но в колодце не было ничего похожего на камень или дубину.

Но вот он решился войти в туннель.

Брр шел недолго, касаясь головой свода, медленно, со звериной опаской выбираясь из этой пещеры. Он различал впереди слабый свет и улавливал запахи дыма, смолы, человека...

Позади него с грохотом упала решетка...

Дороги назад не было, но Брр и не хотел возвра-

щаться. Его враги были перед ним, он знал, что не сможет напасть неожиданно, но все же, зарычав и выпятив широкую грудь, Брр выскочил из пещеры.

Его ослепил огонь факелов. Брр стоял на плоском каменном блоке в центре амфитеатра, где обычно выставлялись рабы Валкиса, но он этого не знал. Марсианская толпа разглядывала его со всех сторон и хохотала над землянином, вкусившим запретного плода, к которому не прикасались даже бездушные существа Нижних Каналов.

Существо по прозвищу Брр было еще человеком, но уже изменилось физически — начали выдаваться челюсти и надбровные дуги, густая шерсть покрывала все тело, на затылке ощетинилась грива. Глаза светились первобытным умом и звериной хитростью — существо, умеющее подавать сигналы, разжигать огонь, делать примитивные орудия — обезьяночеловек, питекантроп, не более того...

Сгорбившись на арене, он разглядывал из-под лобья толпу. Он впервые видел людей, но уже ненавидел их. Эти существа принадлежали к *другому виду*, даже их запах был чужд, враждебен ему. Брр чувствовал, что и они ненавидели его, сам воздух был заражен их враждебностью.

Его взгляд остановился на человеке, который вышел к нему на каменную арену. Это был Кор Хал, но Брр не помнил его имени, но знал, что откуда-то знает его. Кор Хал сменил белую тунику Коммерческих Городов на юбку и пояс Нижних Каналов, а в уши продел золотые кольца Барракеша, и стал тем, кем был в действительности — авантюристом, рожденным и воспитанным расой авантюристов, которая была цивилизована так давно, что могла позволить себе сделаться поголовно авантюристами.

Брр сознавал только одно: это существо было его личным врагом.

— Перед вами капитан Бэрк Винтерс! — громко сказал Кор Хал, представляя благородному собранию

авантюристов новоявленного обезьяно-человека.— Бэрк Винтерс, бывший человек из племени землян, хозяев космических путей, строителей Коммерческих Городов, торгашей, мастеров наживы и грабежа...

Кор Хал не кричал, но его голос был слышен во всем амфитеатре. Брр пристально наблюдал за ним, готовый при малейшей опасности схватить и загрызть. Его глаза, отражая свет факелов, казались двумя красными тлеющими искорками. Он не понимал слов, но чувствовал угрозы и оскорбления.

— Смотрите на него, люди Валкиса! — вскричал Кор Хал.— Это наш новый наместник! Земляне управляют нашими марсианскими городами-государствами. У нас отняли все — нашу гордость, наши богатства, нашу планету... Что осталось нам, детям умирающего мира?

Толпа взвыла, на арену полетели факелы и камни, засверкали лезвия ножей...

Брр бросился на Кор Хала, пытаясь вцепиться в горло, но тот отступил на шаг и в полуобороте изящным приемом марсианской кан-бо опрокинул Брр на спину и выхватил бич.

— Ты будешь ползать на брюхе и лизать камни, землянин! — крикнул Кор Хал.— Эти камни лежали тут еще до того, как земные обезьяны научились ходить на своих двух ногах!

В толпе заорали:

— Пусть ползет!

— Гони!

— Ату его!

— Гнать, как гнали наши предки диких зверей!

И они погнали Брр бичами и рогатинами по улицам Валкиса, освещаемых факелами и марсианскими лунами.

Брр полз, осыпаемый ударами и насмешками, обезумев от боли и ярости, и не мог добраться до своих мучителей. Он бросался на них, но его встречали ударами бичей, пинками ног, уколами ножей. Он хотел убивать, но лишь корчился от боли и полз в пыли, потом шел по вонючим улицам Валкиса, потом побежал...

6.

Они разрешили ему бежать, но убежать не дали. Они погнали его по длинным кружным улицам Валкиса, преграждая путь к Каналу и высохшему морю, которое обещало свободу. Они гнали перед собой это дрожащее задыхающееся животное, которое было совсем недавно Бэрком Винтерсом, капитаном знаменитого «Старлайта».

Его заставляли подняться на холм. Брр не упирался, но теперь уже шел медленно — выше, выше, еще выше, мимо больших доков со столбами для причалов с остовами заброшенных морских судов — четыре уровня выше Канала, четыре порта, четыре эпохи, записанные в камне.

Там, наверху, уже не было никаких следов жизни. Марсианские ветры сорвали кровли с пустых домов, округлили углы, исковеркали оконные проемы — строения обветрились так, что уже не походили на дело рук человеческих.

Люди Валкиса молча преследовали это земное животное, их ненависть не уменьшалась, но и они устали.

Теперь они шли по ископаемому праху своей некогда могущественной цивилизации. Для них Земля была вожделенной голубой звездой в небесах — молодой и богатой; а здесь марсиане ходили по мертвым мраморным набережным, где древние короли Валкиса бросали якоря своих галер, но и мрамор уже рассыпался, превращаясь в прах.

Мертвый королевский дворец, казалось, наблюдал сверху за бичеванием этого чужака. Этот дворец видел и тот, другой мир, где грациозные марсианские женщины, звеня колокольчиками, погружались обнаженными в зеленые волны настоящих марсианских морей.

Брр поднимался на холм, как некогда поднимались сюда обезьяны Марса. Он миновал коралловый риф и пошел по скалистому склону с тремя впадинами, пробитыми морем, оказался на плато с якорной стоянкой в бухте, пересек мраморную набережную...

Его по-прежнему преследовали. Бока Брр впали, за

ним тянулись кровавые следы. Но вот он добрался до вершины холма, перед ним возвышался дворец Королей Валкиса. Он задыхался от пыли, язык распух от жажды. Стены дворца нависали над головой, дворец был полон опасностей, но Брр уже учуял запах воды.

Он косолапо побежал вдоль обрыва, перелез через решетку и почувствовал под ногами мягкий свежий газон... Брр побежал по траве между кустами, деревьями и мраморными статуями к врытой в землю бирюзовой чаше величиной в бассейн. Его преследователи куда-то исчезли... Он остановился как загнанный зверь, принюхиваясь и прислушиваясь...

Его загнали?..

Или оставили в покое?..

Ничто, вроде бы, не предвещало опасности — и это было опаснее всего...

Ничто не шевелилось. Крыло дворца поднималось над бассейном черной стеной. Казалось дворец был необитаем...

Брр упал на бирюзовую плиту, окунул голову в ледяную воду бассейна и жадно стал пить. Сейчас он был совсем беззащитным.

7.

Внезапно из дворца раздался звериный вой, будто марсианский волк выл на Фобос.

Брр зарычал и встал на четвереньки...

В ответ на волчий вой раздался оглушительный крик рептилии Никсолимпик.

У Брр было единственное желание — уйти, убежать отсюда. Он наконец почувствовал запахи, принесенные ночным ветерком — их было много, но выделялся один, отвратительный мускусный запах вспотевшего зверя, и Брр опять ощетинился. Он не знал этого зверя, но чувствовал, что *почти узнает* его, но не хотел узнавать.

Брр решился уйти, как вдруг увидел ее...

Женщина, бесшумно проходившая мимо бассейна с букетом цветов под цвет маленьких лун, с испугом разглядывала его и уже готова была убежать; а Брр внезапно осенило то чисто человеческое чувство потери, которое он так мучительно испытывал в шкуре капитана Винтерса. Из тьмы подсознания выплыло имя:

— Лнн...

Женщина вздрогнула. Брр испугался, что она убежит и сказал снова:

— Лнн...

Она медленно, шаг за шагом, стала приближаться к нему. В ее взгляде Брр увидел вопрос, и он ответил:

— Брр.

Женщина закричала:

— Бэрк!!!

Они побежали друг к другу, смеясь и плача,— но сверкнул дротик и вонзился в газон между ними...

Леланд предостерегающе крикнула и побежала к роще, а Бэрк с ворчанием обернулся — его уже окружали стражники-кеши в сверкающей броне, с дротиками и ловчими сетями. Сопротивление было коротким: уколы дротиков, наброшенная сеть, и Бэрк в беспомощной злобе катается по траве.

Когда его уносили в Королевский Дворец, он услышал жалобный стон Леланд и глумливый смех женщины со знакомым низким голосом. Он не мог вспомнить, где и когда слышал этот смех, но пришел в такую ярость, что стражникам пришлось успокоить его ударом рукоятки дротика по голове.

8.

С мыслью о Леланд он пришел в себя, закованный в наручники с тяжелыми цепями и металлическим поясом,— он, капитан Бэрк Винтерс очнулся в комнате,

напоминавшей палату Шанга в Кахоре, но без призмы в потолке.

Он не имел представления о том, где находится и как попал сюда, но, как в смутном сне, вспоминал свои страдания и бегство; в этом сне он даже видел Леланд и даже говорил с ней.

Загремел засов, открылась тяжелая дверь, и четверо стражников вывели Бэрка в коридор. Только сейчас он понял, что скован. Его вели по коридорам дворца по стершемуся мозаичному полу. На стенках и на сводчатых потолках кое-где сохранились фрески, свидетели ушедшей марсианской славы, изображавшие морские бури, вздыбленные на волнах суда, воинов в драгоценных кольчугах... Гордая варварская архитектура, великое искусство. «А ведь в ту эпоху цивилизация уже гибла,— подумал Винтерс,— и короли Валкиса были капитанами авантюристов в мире, готовом погрузиться в ночь».

Его подвели к дверям из чеканного золота, стражники распахнули их, и Винтерс увидел тронный зал. Из высоких амбразур заходящее солнце бросало косые лучи на колонны и мозаичный пол. Отраженный свет играл на древних знаменах, на щитах и оружии покойных королей, в глубине зала холодный золотой луч освещал трон.

На троне, вытесанном из цельного куска черного базальта, восседала старуха в черном плаще, с седыми косами, заплетенными в корону — золотая корона королей Валкиса, по преданиям, была украдена землянами. Старуха посмотрела на ненавистного землянина подслеповатыми глазами и вдруг заговорила быстро и длинно на древнемарсианском диалекте. Винтерс не понял ни единого слова, но по интонациям старухи стало ясно, что она совершенно безумна.

Когда Бэрк, гремя цепями, приблизился к трону, старуха вскочила и театрально вытянула руку — морщинистая Кассандра, изрыгающая проклятья на голову врага.

Стражники заставили его упасть лицом вниз перед базальтовым троном. Старуха продолжала свои безум-

ные речи, а на голову Бэрка наступила маленькая нога в сандалии и раздался знакомый издевательский голос:

— Добро пожаловать, капитан Винтерс! Трон Валкиса рад приветствовать вас!

9.

Стражники подняли его с колен. Старуха уже упала на свой трон и что-то напевала, устремив глаза к потолку. Все тот же знакомый голос сказал из-за спины старухи:

— Не удивляйтесь, капитан. Сейчас моя мать повторяет ритуал коронации. Она собирается требовать дань с Внешних островов и берегового народа. Она не ощущает времени, витает в облаках. Ей нравится играть роль Королевы.

— Кто же настоящая Королева? — спросил Бэрк.

— Она — в тени трона. Валкисом правлю я, Таид!

— Но вы иногда выходите на свет Божий...— предположил Бэрк.

— Вы догадливы, капитан...

Таид появилась из-за трона в длинной юбке с разрезами по бокам до самой талии — при малейшем движении оголялись ее ноги и бедра; высокие маленькие груди были обнажены, кошачье тело — грациозно и обольстительно. В ней чувствовалась пренебрежительная сила — ленивая и смертоносная одновременно. Она подмигнула Бэрку:

— Итак, ваши поиски собственного «Я» увенчались успехом. Вы удовлетворены?

Винтерс оглядел свои цепи — он стоял перед Таид полностью обнаженным, цепи можно было не принимать во внимание...

— Я себя никогда не терял,— ответил он.— Значит, вы правите не только Валкисом, но и Шанга... Кор Хал — подставное лицо?

— Он — исполнитель. Вы правы — собственного «Я» вы никогда не теряли. Вы пришли к нам совсем не за этим.

— За чем же?

— Вы явились сюда, капитан Винтерс, в поисках своего второго «Я»!

Бэрк промолчал.

— Чтобы найти свою Леланд,— объяснила Таид.

Бэрк, пожалуй, не удивился. Он догадывался, что они знают все... Но он ответил:

— Леланд погибла.

— Разве вы с мертвой Леланд говорили ночью в саду? — засмеялась Таид.— Мы не так глупы, как вы думаете. Каждый умник, приходящий в зал Шанга, у нас заранее под контролем. Он еще не собрался в Шанга, а мы о нем знаем все. Но к вам, капитан, особое внимание! Вы что-то задумали... Зачем вы пришли?.. Вы слишком сильны, чтобы нуждаться в Шанга... Да, вы знали, что Леланд обращалась к нам, и не хотели этого. Кор Хал доносил, что ваша невеста была не в себе после общения с вами, но зашла слишком далеко и уже не могла остановиться. Она хотела полную власть, предельную Шанга и согласилась на мнимую смерть. Мы пошли на это, мы не могли позволить, чтобы кто-то мешал нашим клиентам. Ну и Леланд боялась выходить за вас замуж, боялась испортить вашу жизнь. Вас не трогает это, капитан Винтерс?

Бэрку захотелось задушить это дьявольское создание, он уже сделал шаг к трону, но копья стражников остановили его.

— Зачем вам все это? — спросил Бэрк.— Из ненависти к землянам? Или королевская казна опустела?

— А ты как думаешь, землянин?

— И то, и другое.

— Верно. Но есть и третья причина, самая главная. Да, я построила залы Шанга, но земляне добровольно унижают себя. Все для Шанга созданы на деньги Земли. Вы видели только часть дворца...

Таид сделала стражникам знак, те подвели его к окну, и Винтерс увидел сад и амфитеатр с другой стороны.

Сад дикий и неухоженный под высокой стеной, защищавшей зрителей от разъяренных хищников. В сумеречном саду бродили какие-то фигуры, но Бэрк не

смог разглядеть их. Амфитеатр, арена с неглубоким озером, где тоже шевелились создания, похожие на рептилий — Бэрк вспомнил вчерашний ночной вопль, от которого кровь застывала в жилах... На нижних ступенях амфитеатра уже располагались марсиане. Зрители прибывали, занимая лучшие места...

— Какая же третья причина — важнее денег и ненависти? — спросил он.

Ответ был неожиданным и коротким:

— Марс,— ответила Таид.

— Не понимаю...

— Марс. На карту поставлена судьба Марса.

— Объясните! Какая связь между Шанга и судьбой Марса?

— Вы не поймете,— с ненавистью отвечала Таид.— Марс — это мир, который не смог спокойно умереть, и до сих пор даже не захоронен — крысы и грифы растаскивают его кости. Его надо захоронить. Вы бросили вызов Шангу, а я бросила вызов Марсу. Поглядим, кто сильнее!

Таид сделала знак старшему стражнику, и тот удалился.

— Вы хотели найти свою подругу, капитан Винтерс,— продолжала она.— Пройти огонь Шанга ради чего?.. *Ради любви*? — с презрительной расстановкой сказала она.— Вы готовы рискнуть собственным драгоценным «Я» — ради чего? Ради какой-то Леланд? Вы все еще хотите, чтобы она вернулась?

— Да.

— Прекрасно. Вот она — ваша Леланд!

Винтерс обернулся.

10.

Леланд стояла перед троном со старухой — сумасшедшая старуха в черном плаще и дикая обнаженная женщина с веревкой на шее... Даже стражники улы-

бались при виде этого зрелища... «Она не изменилась,— лихорадочно думал Бэрк.— Нет: она стала лучше!»

Он понял, куда и за чем стремилась Леланд — понял потому, что сам побывал в шкуре животного Шанга.

Теперь ее нужно спасти...

— Спасатель нужен сейчас вам, а не ей, капитан Винтерс,— многозначительно сказала Таид, будто читала мысли.

Леланд направилась к Бэрку. Старуха на троне закудахтала. Стражники напряглись, но Таид подала знак, и стражники отпустили веревку.

Леланд зарыдала и упала к ногам Бэрка. Бэрк поднял ее и прижал к себе как малого ребенка. Он нашел ее. Теперь они навсегда были вместе...

Навсегда ли?

— Пора... Отведите их в сад Шанга! — приказала теневая королева Валкиса.

11.

Они стояли, обнявшись на арене амфитеатра. На ступенях выше защитной стены волновались посетители этого странного зоопарка, где водились первобытные звери, бывшие когда-то разумными существами.

Ударил гонг, начинавший представление и вызывавший на арену...

Кого?..

Что еще придумала для них Таид?..

И с разу же с ударом гонга, как по рефлексу, в саду появились первобытные антропоиды всевозможных мастей и направились к арене амфитеатра. Эти твари шли осторожно, источая зловоние, с опаской обходя бирюзовые плиты бассейна. Над ними закружились встревоженные птерозавры, в бассейне шевелилась какая-то нечисть.

Леланд в ужасе схватила Бэрка за руку и потащила

с арены. Он догадывался, а она знала, что сейчас должно произойти.

Толпа марсиан на ступенях заорала и засвистела, приветствуя участников состязания, как на каком-нибудь спортивном зрелище, но ор и свист вскоре сменился звериными воплями и рычанием — звериными и человеческими одновременно.

— Шанга! Шанга! Шанга! — приветствовали участников марсиане.

— Шанга! — в ужасе повторила Леланд.

Их преследовали... Леланд тащила Бэрка в какие-то только ей известные закутки этих дворцовых дебрей, чтобы спасти от... Бэрк наконец-то понял, что подготовила напоследок марсианская королева: *теперь их преследовали не марсиане, а дегенерировавшие в обезьян ЗЕМЛЯНЕ — их соотечественники, покорные рабы Шанга!*

Бэрк зарычал, призывая Леланд остановиться, но она ускорила бег, беспрерывно повторяя:

— Шанга! Шанга!

За ними гнался мохнатый дриопитек на ранней стадии эволюции, следом неслась стая или свора близких и дальних сородичей из всех остальных стадий; удрать от них не было никакой возможности, спрятаться — негде, и Бэрк силой остановил Леланд, чтобы не дразнить этих зверей.

Их немедленно настигли, схватили и поволокли на арену. Бэрка чуть не стошнило. Вроде бы, в этой своре он мог отличить неандертальца от питекантропа, он кое-что слышал про хомоэректуса и австралопитека, и хотя эти представители рода человеческого были совсем уже в скотском состоянии, но не к этим Бэрк испытывал отвращение.

Другие... Бесформенные скоты, не-люди, не-гоминиды, бегающие на четвереньках, мохнатые, грязные, с неоформленными приплюснутыми крокодильими черепами с костяными черепами на макушке, клыкастые, хвостастые, с красными неподвижными глазками... Все темные

силы земной человеческой эволюции — наоборот были представлены в этом марсианском зоопарке для воспитания вырождающихся марсиан.

Бэрка тошнило при мысли, что и он в конце концов происходит от этих кошмарных тел. Какое уважение могли питать марсиане к подобной расе?

Раздался новый удар гонга, и орава скошенных лбов поволокла Бэрка и Леланд к бассейну с мускусным запахом земноводных рептилий — вода была взбаламучена этими существами, они с нетерпением ожидали добычи...

Вот в чем дело, подумал Бэрк:

Дойти до общего предка и дальше, дальше, дальше, к предку млекопитающих, до чешуи, до жабер, до яйца, снесенного в горячую вулканическую грязь, до самого последнего червяка, до самой последней пиявки, до самой последней (или первой) ступеньки — дрожащей и слизеобразной...

Крик:

— Шанга! Шанга!

Нечто холодное *дрожащее и слизеобразное* скользнуло по ногам Бэрка, и его стошнило на спину какого-то гоминида... Его уже не держали... Вся эволюционная свора антропоидов стояла на арене у бассейна, подняв глаза к небу. Там, над толпой, зависли призмы Шанга, начиная медленно пламенеть.

Бэрк сразу понял опасность, схватил Леланд, чтобы вывести ее из толпы, но было поздно — первый смертоносный и нежный луч коснулся его кожи...

Он опять почувствовал трепет зверя. Он подумал об Озере — приятно ли постоянно жить в такой влажности? Он подсознательно вспомнил себя в эмбриональном состоянии — получалось, приятно!

А из Озера на берег уже выползали и спешили в лучи Шанга обаятельные земноводные рептилии...

«Стану ли я таким крокодилом? — размышлял Бэрк.— Интересно, в кого превратится Леланд? В амебу?..»

12.

Двойное солнце Шанга обжигало Бэрка.

Он видел королевскую ложу, откуда древние короли Валкиса наблюдали за боями гладиаторов. Сейчас там находилась Таид, рядом с ней сидели Кор Хал и сумасшедшая старуха в своем неизменном черном плаще.

Огни Шанга сияли и жгли. На арене наступила тишина, нарушаемая звериным сладострастным рычанием; энергия Шанга превращалась в нимб-полусферу и обволакивала арену; Леланд вытянула руки к двойному солнцу и сама казалась тонким пучком золотистой энергии; а Бэрк опять почувствовал, что впадает в детство и счастлив уже тем, что просто живет, существует, безразличный ко всему, кроме Леланд.

Он все дальше и дальше уходил в Шанга — казалось, возврата не было, но его спасла Любовь к Леланд и насмешливый рев марсиан. Он сделал последнее усилие, отвел глаза от проклятого солнца Шанга и взглянул в лица Таид, Кор Хала, сумасшедшей черной старухи — все они сейчас были на одно Лицо: Лицо Толпы, беснующейся на трибунах амфитеатра, и походили на зверье, сладострастно извивающееся на арене, ничем не отличались от этих скотов.

Леланд стояла на четвереньках у его ног, как преданная собака... Бэрк вдруг с ликованием понял, что лучи его не берут! Шанге не взять его! Наверно, небольшая доза энергии в кабинете Кор Хала сработала наподобие вакцины, и организм Бэрка, переболев, получил иммунитет против Шанга...

Бэрк схватил Леланд и потащил ее прочь из этой адской полусферы. Леланд рычала, пинала его ногами, царапала ему лицо; тогда Бэрк ударил ее, и она бессильно повисла у него на плече. Он пинал, переступал через извивающееся зверье, спотыкался, падал, вставал, снова падал, чувствуя на себе презрительный наблюдающий взгляд королевы Марса.

Жжение лучей ослабло и совсем исчезло. Бэрк был жив, здоров и силен, он выбрался из круга. Он уносил Леланд в рощу и уже не боялся лучей Шанга, хотя и не хотел оглядываться на притягивающий наркотический свет.

Но все же он оглянулся и горделиво посмотрел на королевскую ложу прямо в глаза Таид. Он встретил ее уверенный взгляд и прочитал в нем:

«Браво, капитан! Но вы все равно вернетесь к Шанга, капитан! Завтра же и вернетесь — я не прощаюсь с вами, капитан! До встречи!»

Ее взгляд говорил это с полнейшей уверенностью. Возвращение Бэрка было столь же непреложным, как то, что поутру на Марсе взойдет солнце.

И Бэрк, унося Леланд отсюда, подумал о том, что дело сейчас не в спасении Леланд... Таид бросила вызов всем: и Земле, и Марсу, и всей Вселенной... и самому Бэрку.

Пожалуй, ему следовало вернуться...

13.

Когда Бэрк проснулся, уже наступила ночь, но Деймос еще не взошел — значит, ночь наступила недавно. Леланд терпеливо сидела рядом. Пока он спал, Леланд принесла воды и нарвала съедобных марсианских плодов, вроде яблок. Он грыз марсианские яблоки и пытался разговаривать с ней, но эволюционная пропасть между ними была еще слишком велика — как между первыми кроманьонцами, владеющими не речью, а сигналами, и утонченными эллинами, хотя и те, и те относились к одному роду хомо сапиенс.

Эта первая кроманьонка была покорна, задумчива и благодарна своему спасителю, она понимала, что Бэрк вырвал ее из смертельного круга и готова была на все для своего спасителя.

«Бежать с ней сейчас? Бесполезно»,— подумал Бэрк.

Он встал и жестом приказал ей сидеть.

Леланд не пошла за ним.

Взошел наконец-то Деймос и затеял на небе с Фобосом орбитальные игры. В этом диком райском лесу спали дикие звери Шанга. Наверно, спали. Бэрк отбросил огрызок яблока и отправился к центру леса, к арене, в поисках выхода.

«Нет, отсюда не убежать...— подумал Бэрк.— Да и надо ли убегать?»

Ему не хотелось убегать. Он уже чувствовал, что принял внутреннее решение, но еще не сформулировал его для себя. Планы Бэрка сейчас, пожалуй, и невозможно было сформулировать, потому что развитие событий не зависели от Бэрка — вернее, зависели не только от него... Бэрк уже знал, что, вполне вероятно, погибнет еще до восхода солнца, но ему нечего было терять. Он был сильным землянином, человеком, и разум пересиливал в нем страх.

Вот и стены амфитеатра, высокие и гладкие,— даже обезьяны не смогли бы взобраться наверх. Все туннели заблокированы, кроме того, по которому Бэрк пришел сюда. Бэрк вошел в «свой» туннель и добрел до решетки, где спали два стражника с факелами.

Бэрк вернулся на арену.

Провал еще до попытки... Слишком высоко...

Его внимание привлекли металлические столбы с призмами Шанга. Они примыкали вплотную к стене и возвышались над ней... Слишком высоко, чтобы взобраться. Но для человека с воображением и, главное, с веревкой...

Бэрк опять отправился в лес, нашел подходящие лианы и сплел и связал их в крепкий канат, к канату привязал разлапистую корягу.

Метать лассо он не умел и прошел, наверное, целый час, пока после десятков неудач, коряга не зацепилась за стену и металлический столб.

Подъем показался Бэрку очень легким, хотя при свете двух лун он чувствовал себя совсем беззащитным. Деревянная «кошка» выдержала его вес. Бэрк сбросил лиановый канат вниз и запрыгал вниз по ступеням амфитеатра.

Вскоре перед ним опять стоял Королевский Дворец, огромный, темный, придавленный грузом тысячелетий. Свет из дворца пробивался в двух местах — внизу, в комнате для стражи, и наверху — свет одинокого факела.

Там, наверху, и была Таид,— одна и без стражи — врагов здесь не было; никто из хищников Шанга не мог взобраться сюда; ни один марсианский варвар не посмел бы сделать это — такое могло прийти только в голову человека. Где-то там, в глубине Дворца обитали Кор Хал и сумасшедшая псевдо-королева Валкиса, но они не представляли для Бэрка опасности — он уже шел по залам дворца, глаза привыкали к темноте, он крался между разбитыми трофеями, штандартами, статуями и гобеленами к одинокому факелу на третьем этаже.

Одинокий сторожевой пост остался внизу. Здесь, как он и предполагал, стражи не было, хотя с точки зрения королевской безопасности, стражник был бы не бесполезной деталью на этом месте.

Но у Таид здесь не было врагов.

Кроме одного.

14.

Бэрк бесшумно открыл дверь.

Таид спала в огромной постели королей Валкиса при свете одинокого факела. В этой постели Таид казалась совсем ребенком — очень красивым, очень злым и очень опасным ребенком.

Бэрк, не долго думая, безжалостно оглушил ее ударом кулака; она и проснуться не успела. Он связал ее поясами, заткнул ей рот носовым платком, взвалил Таид на плечо и унес из дворца.

На удивление, все пока шло по плану — на удивление, легко... То, что казалось ему невозможным, легко исполнялось...

«В сущности,— подумал Бэрк,— люди редко защищаются от невозможного».

Яркий Фобос ушел путешествовать над той стороной Марса, стало совсем темно. Ему это было на руку. Бэрк вернулся в амфитеатр, поднялся с Таид на плече до края стены. Теперь ему предстоял жуткий прыжок с высоты на мягкий лесной газон. Но Бэрк уже верил в свою везучую судьбу... Он взял Таид на руки и полетел вниз, пытаясь приземлиться на спину...

Все обошлось, если не считать расцарапанной спины и чувствительных ушибов.

Таид еще не пришла в себя. Бэрк отнес ее в лес и спрятал в траве и лианах невдалеке от спящей Леланд; потом хотел было принести воды для Таид, как вдруг почувствовал, что наследница королей Валкиса лишь симулирует обморок...

— Вы не во дворце, Таид,— сказал Бэрк.— Вы правильно поняли. Я перетащил вас в райский сад Шанга.

Таид не подавала признаков жизни.

— Нам надо сторговаться.

Глаза Таид вспыхнули в темноте.

— Кричать не надо, а то прибегут не стражники, а зверье,— предупредил Бэрк и вытащил кляп изо рта королевы. Отдышавшись, Таид прошептала:

— Мы не сторгуемся.

— Почему же? Ваша жизнь, Таид, дорого стоит. Одна ваша жизнь против моей жизни и жизни Леланд, и жизней всех тех, кого еще можно спасти в этом райском уголке. Велите разбить призмы, уничтожьте Дворец и все подпольные кабинеты Шанга, потом уничтожьте сад, Леланд и меня, напоследок. Я не буду сопротивляться. Сделайте это — и живите себе до глубокой старости, как ваша тронутая мать.

— Не дождетесь!

Страха в ней не было. Разума — тоже. Только гордость и ненависть.

Бэрк сжал ее шею двумя пальцами...

— Тонкая шейка,— сказал он.— Нежная. Одно небольшое усилие...

Он слегка сжал пальцы.

— Душите! — Таид даже усмехнулась.— Шанга все равно будет продолжаться и без меня.

— Как?

— Так сразу вам и скажи! — она уже смеялась над ним.— Впрочем, почему бы не сказать?.. Скажу, только отпустите и дайте сказать,— она села в траве, растирая горло.— Кор Хал возьмет все на себя, конечно. А вы, дорогой мой капитан Винтерс, не сможете убежать. Вы присоединитесь к этому стаду скотов. Ни один землянин не выйдет из Шанга!

— Знаю,— ответил Бэрк.— Я разрушу, уничтожу Шанга, чтобы она не уничтожила меня.

Таид посмотрела на него, голого, безоружного, сидящего на корточках перед ней и опять засмеялась.

— Я беспокоюсь не о себе, Таид,— продолжал Бэрк.— Без сомнения, я буду абсолютно счастлив, бегая на четвереньках и кушая яблоки в вашем раю. Нет, Таид, дело не во мне и даже не в Леланд...

— Продолжайте! Давайте свою «мораль»! — насмешливо подбодрила она.

— У Земли тоже есть гордость,— серьезно отвечал Бэрк.— Земная гордость не уступает марсианской, и даже иногда превращается в гордыню. Мы, земляне, тоже бываем безжалостными и отвратительными. Но, в основном, Земля — добрая планета и населена существами, вышедшими в Космос не для зла и войны. Земляне сделали больше, чем другие миры, для эволюции Солнечной системы вперед, а не назад. Вперед, Таид! Я — землянин; я не могу допустить, чтобы мой мир обесчестили — тем более, обесчестили у меня на глазах. Я убежден, что Земля и Марс смогли бы многому научиться друг у друга, если бы авантюристы и фанатики с обеих сторон прекратили распространять вражду. Придушить бы их всех!

— Так вот всех и придушить? — насмехалась Таид.— Взять и придушить?..

— Вы не разумное существо, Таид. Вы так же бе-

зумны, как и ваша мать. Вы безумней любого животного... Нет, вы даже не животное! Вы самый отвратительный зоологический объект, который я когда-либо видел! Я бы с величайшим наслаждением придушил!

— Действуйте!

— Не могу — к сожалению! Придется ждать до утра...

Проснулась Леланд и вскрикнула, увидев Таид, но Бэрк сделал ей знак молчать. Леланд села рядом с ним, не отводя преданного взгляда. Утро близилось... Бэрк опустил голову на колени, пытаясь хоть ненадолго вздремнуть. Таид закрыла глаза и, казалось, спала.

При свете солнца сад ожил. На ступенях амфитеатра начали собираться марсиане, приходившие сюда задолго до начала представления, как в клуб.

Леланд поглядывала в сторону двойных призм. Бэрк видел, как ее охватывает нетерпение. Он разбудил Таид и увидел в ее глазах ответ на еще не заданный вопрос — она не изменилась, она была все той же спесивой и беспощадной наследницей королей Валкиса.

— Я не буду вас убивать,— успокоил ее Бэрк.

Она и не беспокоилась...

Внезапно Бэрк повалил Леланд на траву и связал ее лианами, чтобы она не смогла выбежать на арену под огни Шанга во время представления.

И время настало. Зрители собрались. В королевскую ложу вошел Кор Хал, ведя под руку старую сумасшедшую королеву.

Ударил гонг, и утреннее представление началось.

15.

Бэрк опять увидел пляску Шанга.

Мохнатое антропоидное зверье с остановившимися глазами наркоманов, опять спешило к освещенному кругу со всех концов райского сада, а трибуны орали, подзывая артистов:

— Шанга! Шанга! Шанга!

Ленанд извивалась в судорогах и каталась по траве. Бэрк понимал, как она страдает, но сейчас ей мог помочь только огонь Шанга.

Бэрк наблюдал за Кор Халом. Тот в смятении ходил в королевской ложе и разглядывал райский сад... Бэрк знал, что или кого ищет марсианин.

Призмы разгорались. Зловредные лучи Шанга опять пронизывали воздух.

— Шанга! Шанга!

Бэрку хотелось пойти туда, его неудержимо тянуло на арену, ему необходимо было опять испытать этот жар и безумие — даже ему было трудно удержаться. Он упал рядом с Леланд, терпевшей немыслимые страдания, и обнял ее.

— Капитан Винтерс!

Кор Хал звал его с верхотуры амфитеатра...

Бэрк овладел собой и вышел из рощи, помахав Кор Халу рукой, как старому знакомому:

— Я здесь, доктор!

Марсиане отвлеклись от зрелища на арене и разглядывали это странное существо, не принимавшее участие в оргии животных Шанга. Кор Хал засмеялся и с удовлетворением помахал Бэрку рукой.

— Идите к нам, Винтерс! — крикнул он.

— Мне и здесь хорошо! — отвечал Бэрк.

Кор Хал перестал улыбаться и задумчиво разглядывал Бэрка — поведение этого пациента-животного не соответствовало теории Шанга.

— Идите к нам! — опять крикнул Кор Хал.— Не надо бороться с собственным «Я», Винтерс! Это бесполезно — все равно вы не сможете противостоять огню Шанга!

— А где ваша главная жрица Таид? — спросил Бэрк.— Ей что, надоел этот спорт?

— Наверно, скоро придет,— пожал плечами Кор Хал.— Она приходит и уходит, когда вздумается. Вы соскучились по леди Таид?.. Идите к нам, она скоро придет!

— Я подожду ее здесь!

Марсиане заорали:

— Эй, обезьяна! Иди сюда!

— Эта обезьяна изображает из себя человека!

— Иди к своим собратьям, огонь Шанга ждет не дождется тебя!

Насмешки марсиан не трогали Бэрка. Он стоял на солнцепеке — но не под лучами Шанга; и виду не подавал, что испытывает мучения.

— Что ж, тогда завтра,— согласился Кор Хал.— А может, и послезавтра... Но ты все равно вернешься и войдешь в этот круг, землянин!

Бэрк знал, что Кор Хал прав. Если он останется в этом райском саду, то рано или поздно присоединится к своим собратьям...

Но сегодняшнее представление заканчивалось, и призмы затухали. Зверье разбрелось по саду, марсиане начали расходиться, и Бэрк понял, что время настало:

— Подождите! — заорал он.

Все с интересом оглянулись на Бэрка. Его обезумевший вид предвещал новое зрелище.

— Вы не досмотрели спектакль! — кричал Бэрк.— Сейчас состоится продолжение спектакля!

Бэрк приблизился к арене.

— Эй, Кор Хал!.. Помните, вы говорили мне о мудрецах Каер Ду, создавших Шанга? О том, что они погибли всего за одно поколение?.. Мы, земляне,— молодая раса. Мы еще близки к истоку, и за это вы называете нас «обезьянами». Пусть так. Но в нашей молодости наша сила. Да, мы медленно опускаемся по дороге Шанга. Но вы, марсиане, стары. Вы прошли больший путь по кругу времени, а конец смыкается с началом. Мудрецы Каер Ду исчезли за одно поколение. Наши нервы стальные, а у них были соломенные. Вот почему марсиане не практикуют Шанга, вот почему даже безопасная целебная Шанга запрещена в городах-государствах. Вы не смеете практиковать Шанга из-за того, что она стремительно приблизит марсиан к самому концу круга!

— О чем рассуждает эта обезьяна?!! — заорал кто-то сверху.

— Заткните ей глотку!

— Включите Шангу!

— Ату его!!!

— Слушайте, слушайте обезьяну! — вскричал обеспокоенный Кор Хал.— Пусть говорит!

— Верно! Слушайте обезьяну! — ответил Бэрк.— Только обезьяна знает, где найти леди Таид — вашу настоящую марсианскую королеву, а не эту старую вешалку!

— Обезьяна оскорбила королеву! — взвыли марсиане.

— Сейчас я вам покажу вашу настоящую королеву! — пообещал Бэрк.

16.

Он направился к поляне, где оставил Таид. Он шел, не таясь от животных, и это зверье, бывшее когда-то людьми, уже принимало Бэрка за «своего». Он и был своим.

Бэрк не знал, *что именно* он увидит, он только догадывался, что *метаморфоза должна быть чрезвычайно быстрой, путь Шанга уже должен быть пройден, и эволюция сработает до конца.* Но он не мог знать и не мог угадать то, что увидит.

Он осторожно приблизился, боясь смотреть на то, *что сейчас было Таид...*

Он заставил себя смотреть, хотя его чуть не стошнило. Бэрк не знал, что такая форма жизни существовала... Бэрк даже не подозревал, что такая форма жизни могла существовать...

Громадный лоснящийся червяк величиной с Таид... Глист? Пиявка?.. но больше всего на свете это существо напоминало морскую миногу, хотя было сухопутным... земноводным?..

Эта земноводная минога, бывшая когда-то Таид, ползла прямо на Бэрка, конвульсивно сгибая и разгибая

тело, она выпуталась, выползла из лиан, но на ней еще висело золотое ожерелье и пояс из золотых пластин, а там где у Таид были мочки ушей в кожу миноги вонзались маленькие золотые сережки. Но главным в этом существе, конечно, был рот — круглый, сосущий незакрывающийся рот с присосками и зубами — точь в точь, как у миноги или пиявки. Это животное состояло из одного большого рта и волочащимся за ртом желудком с анальным отверстием.

И еще: у этого создания *еще оставались глаза Таид*, глаза уже заплывали и уходили под кожу в процессе эволюции «наоборот», но они еще видели мир, и последнее, на что с ненавистью смотрела Таид, было капитаном Винтерсом.

Бэрк не знал, как ухватить ее, чтобы отнести на арену — минога была отвратительна и небезопасна, но она ползла и ползла на него, и Бэрк просто пошел на арену, а минога ползла, ползла, ползла за ним, на запах своего врага.

Два крупных питекантропа перестали драться за самку и с ужасом уставились на миногу.

Она выползла на арену вслед за Винтерсом, теряя золотое ожерелье...

— Узнаете? — закричал Бэрк.— Наследница королевского рода Валкиса!

Минога извивалась, качалась, ползла и блестела на солнце...

— Вот оно — ваше начало! — орал Бэрк.

Лица марсиан помертвели. Кор Хал стоял, вцепившись в край арены. Старуха-королева поднялась. Потрясение было так велико, что сознание, как видно, вернулось к ней... Она узнала дочь... Хотела крикнуть или что-то сказать, но закрыла глаза, бросилась со стены и разбилась на арене.

Марсиане оцепенели при виде этого зрелища... Потом, как загипнотизированные сомнамбулы посыпались вниз,— мстить за свою королеву. Те, кто остался жив, бросались с ножами на Бэрка, но их уже встретили

животные Шанга, сбежавшиеся со всех концов райского сада. Трудно назвать «битвой» то, что происходило на арене; ножи, шпаги и кастеты против клыков, когтей и звериной силы; в этой кровавой свалке земляне и марсиане мстили друг другу за поруганную честь обеих планет, двух соседей по дому. Слепая минога Таид беспомощно извивалась под ногами толпы, а Кор Хал в беспамятстве вонзал и вонзал в нее шпагу и никак не мог прикончить; наконец ее растоптали и размазали черную кровь по арене...

Из дворцовых туннелей на арену бежали стражники. Сражение уже растянулось по всему лесу. Вода в озере покраснела от крови, а падавшие в воду трупы пожирались на глубине никому не ведомыми существами Шанга.

Бэрк не участвовал в битве. Он освободил Леланд от пут и бежал с ней к пустому туннелю, как вдруг услышал зовущий голос Кор Хала:

— Бэрк Винтерс!..

К туннелю из последних сил брел сам Кор Хал, волоча по траве шпагу с черной кровью Таид. Можно было бы уйти от него, но голос и взгляд Кор Хала были такими просящими: «Убей меня!», что не принять вызов было бы подлостью...

Говорить уже было не о чем. Бэрк стоял безоружный, открыв грудь и ожидая нападения. Они сводили личные счеты. Кор Хал поднял шпагу и с дрожащим клинком с черной кровью Таид пошел на Бэрка. Бэрк с брезгливостью пальцем отвел клинок и сделал то, что не сделал с Таид — двумя пальцами задушил Кор Хала... С Шангой было покончено. Бэрк в последний раз оглядел райский лес... Теперь, пожалуй, с Шангой было покончено. Еще поубивают друг друга, устанут и разбегутся в ужасе, и живых тут никого не останется, кроме неведомого создания в глубине озера.

Бэрк и Леланд пробежали туннель и по развалинам Валкиса спустились к Каналу. К вечеру, пройдя пустыню вдоль этого ручейка, они обнаружили пустой

геликоптер Кор Хала. Бэрк поднял геликоптер в воздух, и они полетели в космопорт Кахора.

Бэрку хотелось обо всем забыть, но он понимал, что золотой огонь Шанга прожег его насквозь, и знал, что ему во сне будет являться не прекрасное лицо Таид, а ее золотистые глаза над черным круглым ртом с присосками и зубами.

Бэрк оглянулся на свою прекрасную кроманьонку... Скоро, скоро она вернется к Себе, пятно Шанга сотрется, и она станет прежней Леланд, которую он любил...

«*Но вернешься ли ты в себя, капитан Винтерс*? — услышал он голос леди Таид. — *Может ли дикое животное Шанга стать когда-нибудь самим собой*?..»

Капитан Винтерс не знал ответа.

17.

Миноги — надкласс 1. БЕСЧЕЛЮСТНЫЕ, самые примитивные из известных позвоночных. Класс КРУГЛОРОТЫЕ — наиболее примитивная группа позвоночных. Рот сосущего типа, подвижные челюсти отсутствуют. Ведут паразитический образ жизни. Они не только присасываются к жертве, но и часто въедаются в ее тело, проникая глубоко внутрь, становясь временными внутренними паразитами. Строение упрощенное, кожа голая, глаза недоразвиты, во внутреннем ухе имеется полукружный канал. Промышленного значения не имеют.

Конец.

ТАНЦОВЩИЦА С ГАНИМЕДА

Повесть

Перевод с английского
Г. Старина

Leigh Brackett

DANCER OF GANYMEDE

New-York
1952

ГЛАВА 1. Ганимед, любимец Юпитера.

Веня О'Хара, землянин ирландского происхождения, забрел на Овощной рынок Ганимеда в поисках куда-то запропастившегося Игроцкого переулка. Переулков здесь было, как собак нерезаных, и О'Хара никак не мог вспомнить — который из них Игроцкий? Тот — Воровской, этот — Аптекарский, следующий — вообще без названия...»

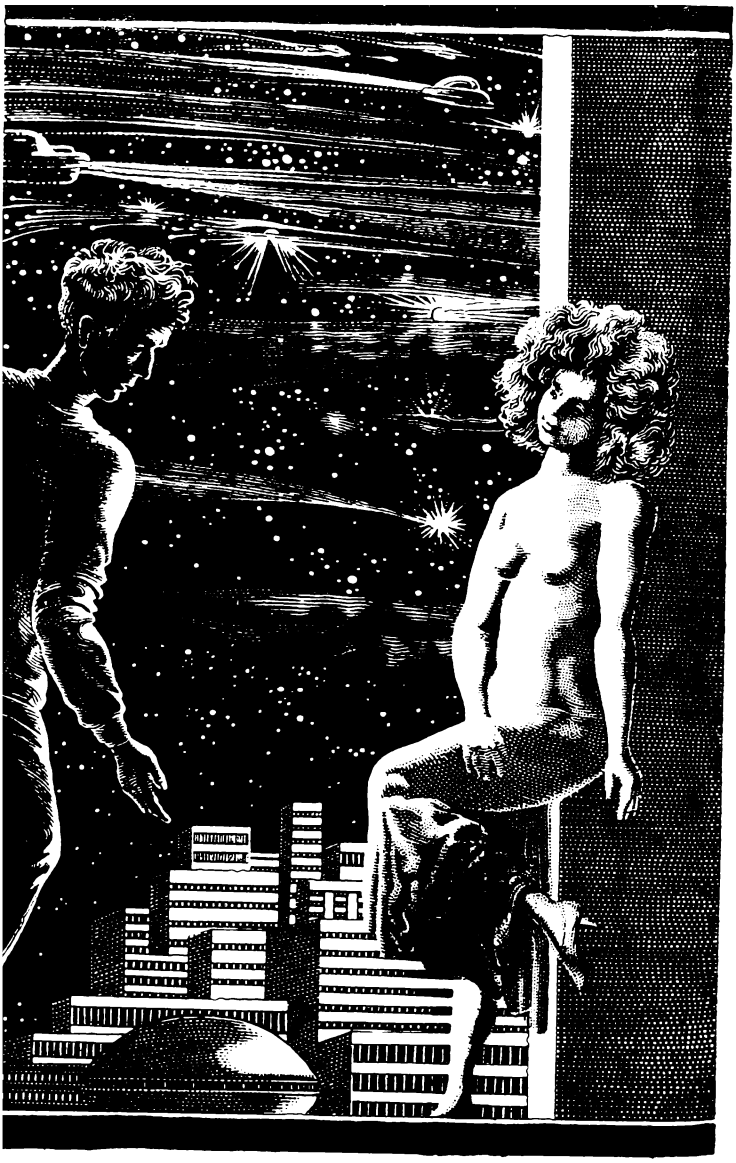
Венин мочевой пузырь был переполнен кислым дряным винцом, не в пример пустым и дырявым карманам. Собственно, Веня родился не на Земле, а в земной колонии на Марсе от русской колонистки и отца-ирландца. На Земле он, конечно, бывал, и не раз... Посещал. Пролетал, как фанера над Парижем, над своей голубой прародиной. А среда его постоянного обитания простиралась от Системы Юпитера до Колец Сатурна — дальше, к Плутону, лень было забираться.

Пятый, десятый, двадцать пятый переулок... Который из них Игроцкий?

В общем, если честно, Землю Веня О'Хара хорошо знал лишь по рекламным проспектам.

Он не спешил. Выиграешь или проиграешь — спешить не следует. Сейчас он был на мели, вроде марсианского корабля в песках усохшего моря. Спеши не спеши, а весной море вернется, и опять поплывем.

Итак, Ганимед. Давненько он не бывал на Ганимеде.

Запах серы и серные факела, бьющие прямо из вулканического сердца юпитерианского спутника — ничего не изменилось. Сам Юпитер в пол-неба — громаднейший диск с живым Красным Пятном, гонящим, как пастух, ядовитые облака. Где-то Солнце спряталось среди лун, среди звезд — ночь ли, день, не разберешь.

Предположим, день,— решил О'Хара.

И был недалёк от истины — близился вечер, он весь день проспал в притоне на спутнике Ио.

О'Хара решил пройтись по Аптекарскому переулку к Девственной улице, пройтись, подумать, определиться... Но только тронулся в путь, как обнаружил слежку — какая-то тень кралась за ним вдоль домов с открытыми кровлями.

Точно — вечер! Кровли открыты, воздуха не хватает...

Тень не отставала.

О'Хара нащупал в заднем кармане нож — отличная марсианская самоделка из цейсовской стали; как вдруг тень позвала его:

— Мистера Хара, мистера Хара! Стой-подожди!

— Слоп-стоп! — узнал и обрадовался О'Хара.

Это был Слоп-стоп, абориген Ганимеда, давний друг, названный брат, лесовик с круглыми глазами лемура, бесконечно преданное О'Хара существо — было за что, не раз спасали друг другу жизнь.

О'Хара рспростер объятия, но Слоп-стоп не любил этих человеческих нежностей. Он просто помахал лапкой, дернул друга за рубашку и сказал:

— Мистера Хара, стой-подожди! Не ходяй туда!

— Куда же мне ходить, Слоп-стоп? — удивился О'Хара.

— Сичас понюхаю!

— Понюхай, понюхай, брат.

Туземец стал посреди Аптекарского переулка — аптек тут давно впомине не было, а были тут какие-то барахольные лавки и магазинчики, торговавшие шмотьем со всех планет Солнечной системы — так широко открыл глаза, что на его мордочке одни глаза и оста-

лись, и принялся глазами же принюхиваться; всем ли известно, что глаза у ганимедских лемуров служат локаторами слуха, нюха и зрения одновременно?

Пока Слоп-стоп принюхивался, О'Хара переложил цейцовский ножик из заднего кармана в левый рукав. Если Слоп был похож на лемура, то Веня О'Хара — на «смесь бульдога с носорогом», как говаривала его русская мамаша. Её сын был приземист, с кривоватыми ногами и крючковатыми руками, с широкой грудью, саженными плечами, с бульдожьей челюстью и носорожьим характером — если его раздразнить и вывести из себя, то удержать невозможно.

— Ходяй обратно! — объявил Слоп.

Он прикрыл глаза громадными веками, оставив лишь узенькие тонкие щелки, и сделался похожим на ганимендянца с Овощного рынка. Всем известно, что узкие глаза означают у лемуров высшую степень страха.

Короче. Слоп-стоп намекал: драпать надо!

— С чего бы это ходить обратно! — удивился О'Хара.— Куда хочу, туда иду.

Аптекарский переулок вел на площадь Галилея, с памятником бородатому мужику, открывшему когда-то в телескоп Ганимед. Хороший памятник, из нержавейки, ни время его не берет, ни туманы из серы. Сто лет здесь простоял и еще простоит.

— Пойду, поклонюсь Галилею,— решил О'Хара.

— Не ходяй!

Но О'Хара уже решил: будь что будет! Советам Слопа не следовало пренебрегать; но решение уже принято: он поклонится Галилею! Здравствуй, Галилей, давно не виделись! Вот, пришел, вернулся, отсидел, а ты все здесь стоишь под Юпитером и спутниками, которые ты открыл... Пусть порадуется старик.

На площади в самом деле что-то происходило — доносилась музыка — О'Хара различил флейту, барабан и двойную арфу — музыка грубая, варварская, но разгонявшая кровь; а навстречу О'Харе с площади в панике убегали ганимедянцы, пасифиане, эларионы,

амальтейцы и жители других окрестных и многочисленных лун и миров.

Интересно, кто их так напугал?

— Ходяй обратно, мистера Хара! Ветер пахнет, смерть пахнет!

Мимо них пробежали выпученные ледианцы, лиситияне, синописты, еще какие-то с дикими идиотскими воплями:

— Демоны!!!

— Сумрачные демоны!!!

— Демоны с сумрачными глазами!

Они были так перепуганы, что О'Хара тем более решил пойти и взглянуть на сумрачных демонов. Слоп-стоп очень трусил, но все же пошел за ним.

— В чем дело, Слоп? — спросил О'Хара.— Не вижу никаких демонов... Там песни играют и пляски поют...

— Пляска не поют, а пляшут.— поправил Слоп.— А песни не играют, а поют. Моя не пойдет, моя боится.

— Тогда я пойду один. А ты пока укради что-нибудь поесть и промочить горло.— О'Хара полез в задний карман за динарами — в этом кармане, кроме ножа, всегда что-нибудь водилось, даже динары — не мог же О'Хара ходить по улицам Ганимеда совсем уж без гроша в кармане. Динары всегда водились.— А не украдешь — купи.

Получив динар, Слоп-стоп повеселел и заспешил на Овощной рынок: «Слоп украдет, можна не беспокоица, мистера Хара!», а О'Хара отправился на площадь Галилея, расталкивая толпу аборигенов.

У памятника бородатому старику из нержавейки он увидел такую картину: под звуки арфы, флейты и барабна танцевала полуголая девица, принадлежавшая, с первого взгляда, к бродячему племени межпланетных цыган,— но это «с первого взгляда», судя по пестрым лохмотьям и навешанным, как на елку, серьгам, браслетам и ожерельям. Со второго, внимательного взгляда, О'Хара обнаружил подвох — танцовщица не была никакой цыганкой. а лишь под цыганку подделывалась.

Эта блондинка в короткой мужской стрижке, с белым-белым личиком, ангельской улыбкой и синими-синими глазами напоминала скорее земную аристократку или, еще точнее, аристократическую проститутку с рекламных земных проспектов — настоящих аристократок О'Хара, честно признаться, никогда не видел.

А кто играл на арфе, флейте и бил в барабан? Три здоровенных цыгана — опять же, на первый взгляд. У одного в ухе росла серьга, у второго — серьга и перстни на пальцах, у третьего — и серьга, и перстни, и высокая обувь (так называемые сапоги), но и они не были цыганами — такие же белокурые, бледнолицые и синеглазые бестии, что и сестрица.

«Семейка» — решил О'Хара.

Его не проведешь! Тут совершался какой-то непонятный маскарад... Аборигены отчаянно трусили...

Вот уже в руках танцовщицы появился бубен, а братец-барабанщик заиграл на губной гармошке. Не хватает еще кастаньет, гитары и чего-нибудь этакого...

«Не хватает полицейского свистка!» — внезапно догадался О'Хара.

Фараоны зачем-то устроили маскарад и кого-то выслеживают? О'Хара отмел это подозрение. Очень уж хорошо для фараонов играет и танцует семейка. Музыка была слишком чувственной и брала за живое — казалось, нержавеющий Галилей запляшет сейчас, и танец живота девица исполняла как надо... О'Хара не очень-то разбирался в музыке, но попеть-поплясать-послушать любил, и сейчас душой понимал: девица танцует как надо, а братья играют на этом стандартном цыганском наборе по-настоящему и не халтурят, как проезжие гастролеры.

А в общем, музыка была нехорошая, дьявольская, тревожная, но она притягивала О'Хару, притягивала, как притягивает пьяницу бутылка с вонючим виски — и горько, и тошно, но пьет... О'Хара даже забыл про голод, неустройство и безденежье...

Как вдруг он поймал взгляд танцовщицы. Она вы-

делила О'Хару в толпе и взглянула на него с такой ненавистью, что ее синие глаза почернели от злобы.

«Почему она так меня ненавидит?» — поразился О'Хара.

Его внешний вид, вроде бы, не подавал повода к подобной злобе — предположим, О'Хара не первый красавец на Ганимеде и на конкурсе красоты уступит конечно ее братцам, но бульдожья челюсть и своеобразная фигура еще не повод так его ненавидеть с первого взгляда...

В чем тут дело?..

— Брысь! — сказал О'Хара и пнул своим десантным ботинком рыжую дворняжку, которая вдруг под музыку начала мочиться на этот самый ботинок.

Рыжая дворняжка зарычала на него с такой злобой, что О'Хара совсем опешил. Что за день такой? Или вечер уже?.. За что его так возненавидели собачка и танцовщица?!

— Сволотч! — ответил О'Хара дворняжке крепким ругательством, которое так умела употреблять его русская мама, и наподдал собачке под ребра.

Все в этот вечер было удивительным. Рыжая собачка не сделала то, что должны делать нормальные собачки в подобных обстоятельствах — она не удрала, трусливо поджав хвост, а завыла, как ганимедский шакал на Красное Пятно Юпитера. В ответ ей завыли другие собаки из всех трущоб Ганимеда...

Собаки Ганимеда... Земные собаки в других мирах! Привезенные с Земли, потерянные, брошенные, заблудившиеся, ночующие в сточных серных канавах и на свалках за городом, сожравшие всю мелкую фауну — даже крыс, за что им большое спасибо от мэра города,— казалось, все собаки Ганимеда ответили на этот вой и рванулись на площадь Галилея на защиту рыженькой лохматенькой, никому не нужной сучки.

Музыка ли на них так подействовала?

Собаки со всех сторон врывались на площадь из узких переулков, и, оскалив клыки, бросались на толпу.

Аборигены тоже взвыли и начали разбегаться; на О'Хару набросилась худая, как глист, борзая полукровка; а вот маленькая дворняжка опять удивила — она коротко взвизгнула и прыгнула, но не на своего обидчика, а на обнаженную грудь танцовщицы.

Братья-близнецы побросали музыкальные инструменты под памятник Галилею и устремились на помощь сестре, но на них набросилась свора каких-то безумных помесей волкодавов с сенбернарами...

ГЛАВА 2. Фараоны и аристократка с Рекламного проспекта

Борзая мертвой хваткой вцепилась в левый рукав О'Хара, но он стряхнул с себя борзую вместе с рукавом. Он еще видел, как танцовщица поймала на лету шкодливую рыжую собачонку и отбросила ее в сточную канаву, и как братья-близнецы отбивались гитарой, флейтой и барабаном от бросающихся волкодавов.

На площади продолжалось безумие. Собаки висели на людях, люди отбивались от собак, все рычало, стонало, выло и глубокими водоворотами вертелось вокруг Галилея, который когда-то (как помнил О'Хара со школы, но смутно) сказал что-то очень умное по теории вращения — что-то, вроде: «И все-таки она вертится вокруг меня!»

Галилей, как всегда, был прав: вокруг него развернулось целое сражение, собаки совсем обезумели и рвали и кусали всех, кто попадался в зубы, но в первую очередь выбирали землян — по вкусу, что ли? Лилась кровь, сверкали лезвия ножей, кто отбивался от разъяренных собак, кто пытался бежать, но из этой давки нельзя было выбраться.

Толпа понесла О'Хара и вынесла его в относительно безопасное место у пьедестала памятника — теперь

О'Хара мог бы взобраться на плечи великому ученому, где ни одна собака его не достанет, взобраться на плечи и сделать собственное научное открытие в его нержавеющий телескоп. Хорошо бы, например, открыть какой-то там сто...надцатый спутник Юпитера и назвать его своим именем: «Охара». О'Хара, спутник Юпитера,— это звучит.

А можно ничего и не открывать, а просто отсидеться на памятнике и понаблюдать оттуда за редкостной массовой дракой людей и собак.

О'Хара решил так и сделать, как вдруг увидел в толпе неподалеку от пьедестала белокурую танцовщицу, которую несло мимо в водовороте тел. Эта аристократка с рекламного проспекта опять бросила на О'Хару ненавидящий взгляд и исчезда под ногами толпы.

«Черт с ней»,— подумал О'Хара.

Подумал и передумал:

«Но почему, почему она так ненавидит меня?! »

В самом деле: загадка. Почему эта незнакомка так ненавидит О'Хару? Он не сделал ей ничего плохого... Что ж, этот вопрос следовало задать ей...

И О'Хара, включив в себе зажигательную смесь бульдога с носорогом, бросился в толпу;

Локти, кулаки, ноги, а где надо и челюсть — в морду, в бок, в загривок, поддых — толпа смята, отодвинута. О'Хара поднимает с окровавленной и заплеванной мостовой полузадушенную танцовщицу, вскидывает ее на плечо и предоставляет толпе нести его по течению, куда ей, толпе, заблагорассудится.

В этом собачье-человеческом водовороте сладкие грезы посещают О'Хара: танцовщица — его законная добыча, теперь он всю ночь при деле, а утром отдает с рук на руки благодарным братьям-близнецам спасенную сестрицу...

Вместе с разъяренными людьми и собаками их наконец выносит в тот самый, Игроцкий переулок, который О'Хара тщетно искал. Что ж, сегодня можно и не играть, сегодня он уже выиграл. Теперь бы найти ме-

стечко поудобней, привести танцовщицу в чувство и немного перевести дух...

О'Хара прижался к стенам и, когда толпа поредела, втиснулся в закуток между лавочкой старьевщика и обувной мастерской. От мастерской крепко пахло столярным клеем, а от лавочки — дрянным помидорным виски. Танцовщица уже пришла в себя, сползла с О'Хара, прижалась к стене мастерской и в третий раз за этот вечер с ненавистью взглянула на него.

— Ты что, больная?! — поразился О'Хара.— Что я тебе сделал плохого?!

— Сволотч! — ответила танцовщица по-русски, точь-в-точь как мамаша О'Хара; это было для него верхом шика.

— Ну, сволотч,— с удовольствием согласился О'Хара.— Сволотч, коззел и дундук,— просветил он танцовщицу.— Это ничего не означает. Это всего лишь русский мат.

— Фараон! — сказала танцовщица сквозь зубы.

— Кто «фараон«? — обиделся О'Хара.

— Ты — фараон! — последовал решительный ответ.

— Дурра,— опять выругался О'Хара.— Дурра по-русски означает, что ты не в своем уме. Откуда ты взяла, что я похож на фараона?

— Ты не похож. Ты и есть фараон!

Танцовщица называла его «фараоном» так естественно и убежденно, что О'Хара даже засомневался: может быть, в самом деле, в нем есть что-то фараонское?

Кем только не был О'Хара — бродягой, волонтером, водителем фотонного грузовика, санитаром психбольницы; за кого только не принимали О'Хара — за профессионального боксера, спившегося артиста, ресторанного вышибалу — и все это было правдой, если О'Хара и не был профессиональным боксером, то мог бы им стать.

Вот только фараоном, полицейским, шпиком, тайным агентом он никогда не был и, главное, не мог быть...

Обидно.

Но если эта аристократическая проститутка определила в нем фараона, значит, что-то фараонье в нем сидит! Проститутки — они такие, они хорошо чуют фараонов!

Наверно, последнюю фразу О'Хара сказал вслух, потому что тут же получил пощечину:

— Я не проститутка!

— А я не фараон! — О'Хара схватил ее за руку.— Еще раз сделаешь это — руки оборву!

И едва успел отскочить от выхваченного из-под цыганских лохмотьев финского ножа... Финка была что надо! Не хуже его цейсовского ножа.

О'Хара молниеносным движением выхватил из левого рукава цейсовский нож... Какой там левый рукав, и где тот цейсовский нож — они были утеряны в собачьей свалке. О'Хара осмотрел себя... Весь в своей и в чужой крови, одежда изодрана, а задний карман — его любимый задний карман, в котором еще водились динары, оторван с мясом.

О'Хара почувствовал себя неуютно.

— Спрячь нож,— приказал он.— Или отдай мне.

Танцовщица подумала и спрятала нож на бедре, раздвинув лохмотья.

При виде обнаженной ноги и бедра у О'Хары дух захватило. В последние времена — так уж получилось — ему не приходилось наблюдать вблизи обнаженных женских ног и бедер.

— Что, слюни потекли? — ухмыльнулась танцовщица.

Пусть ухмыляется, но хоть волком не смотрит,— отметил О'Хара.

— Вроде, потише стало,— сказала танцовщица.— Посторонись, дай пройти.

— Куда ты пойдешь?

— Искать братьев,— танцовщица смотрела за спину О'Хара в Игроцкий переулок.

Крупная зловредная псина, пробегавшая по переулку в поисках кого бы цапнуть, заглянула к ним в закуток и зарычала, оскалив клыки. О'Хара дал ей пинка, псина

отступила, но не убежала, продолжая рычать и уставясь на танцовщицу налитыми кровью глазами.

О'Хара был благодарен псине...

— Куда ты пойдешь?.. Собаки тебя сожрут, девочка,— наставительно, как старший брат, разъяснял О'Хара.— Собаки тебя почему-то не любят.

— Ты на себя посмотри. Они тебя чуть не сожрали,— улыбнулась танцовщица.

Улыбается — это уже хорошо.

— С чего это они взбесились? — спросил О'Хара.

— Кто? Собаки? Или люди?

— Собаки.

— Со страху. Везде страх. Всегда страх. Вот они и взбесились. Прогони ее!

— С дороги! — приказал О'Хара псине.— Пшла вон!

Но собака не уходила. Она отчаянно боялась танцовщицы, но чувствовала, что О'Хара не гонит ее по-настоящему. О'Хара был благодарен псине — ее следовало бы прикормить.

— Не уходит,— сказала танцовщица, теряя терпение.

— Куда тебе торопиться? Я спас твою жизнь, красотка. Разве твоя жизнь ничего не стоит?

О'Хара осторожно положил руку ей на плечо, ожидая очередного истеричного взбрыка, но на этот раз танцовщица не выхватила финский нож и не попыталась его продырявить; а лишь напряглась, будто к ней никогда не прикасалась мужская рука — ишь, недотрога! Корчит из себя недотрогу...

«А может, в самом деле, еще недотрога?!» — поразился О'Хара такому невероятному, дивному предположению.

Не может такого быть! В этом мире под Красным Пятном Юпитера с его кольцами и сто...надцатью лунами принципиально не могло существовать ни одной недотроги. Он проверил это на собственном опыте. Даже ему, Вене-бабнику, за всю жизнь не попалось ни одной недотроги. Все, все, все девушки, *с которыми он имел Это Дело, были тронутыми.* Вот так.

О'Хара сжал плечо танцовщицы... Ее белая кожа

наощупь казалась свежей и упругой — и Веня опять крепко задумался.

Наконец-то он понял, что танцовщица не могла быть земной аристократкой, удравшей с любовником из графского дворца в поисках приключений она вообще неземлянка... Сразу и не поймешь, какая сложная расовая смесь лежит в основе этого обольстительного и грозного существа...

О'Хара чувствовал, что надо бы отпустить ее с миром и не связываться, она была чуждой ему и этому миру, который он так хорошо знал... Но Веню уже понесло.

— Хочешь, научу тебя русскому мату? — спросил он. Это была высшая степень доверия с его стороны.

— Боулван ты! — миролюбиво ответила танцовщица.

О'Хара наклонился и испуганно поцеловал танцовщицу в лоб. *Испуганно целовать женщину* — с ним такое случалось впервые. Он даже не поцеловал, а чмокнул и тут же отскочил... Нет, он не боялся ни ее финского ножа, ни удара, ни пощечины — О'Хара вообще ничего не боялся, кроме неизвестности,— впрочем, *неизвестности* он тоже не боялся, но чувствовал себя неуверенно.

— Как тебя зовут, малышка? — спросил он.

— Моррит.

Она назвала свое имя — это была почти победа. Но О'Хара слишком хорошо знал лингву воровских притонов и позволил себе усомниться:

— Почему тебя зовут «смертельной»?

Танцовщица сумрачно взглянула на О'Хара. Он должен был сам догадаться: всех «моррит» нельзя трогать; овладев «моррит», мужчина погибает.

«Легенды и мифы заколдованного мира Юпитера»,— усмехнулся О'Хара.

— Ты в самом деле недотрога?!

— Ни один мужчина не может меня иметь,— сумрачно объяснила она.

— Любить? — уточнил О'Хара.

— Это одно и то же.

Но «иметь» и «любить» означали все-таки не одно и то же — даже греховоднику О'Хара было понятно различие в этих глаголах — «иметь» и «любить».

— Значит, ты не хочешь пойти ко мне домой, Моррит...— вздохнул О'Хара.

— У тебя даже дом есть?

— А ты с юмором! — засмеялся О'Хара и уже уверенней приобнял танцовщицу.— Пойдем ко мне, Моррит. Почему ты так меня ненавидишь?.. Ты еще дите, а дети не умеют ненавидеть. Я накуплю тебе красивых кукол, буду целовать тебя в лоб и научу настоящему русскому мату. «Сволотч», «дурра», «коззел» и «боулван» это еще не все, только начало. Знаешь ли ты, например, что означает слово «японамать»!

Моррит не сразу ответила, будто прислушиваясь к себе или к кому-то издалека.

— Хорошо, я пойду с тобой. Ночевать все равно где-то надо. Ты спас меня, землянин... Но помни: я несу смерть. Не притрагивайся ко мне — так будет лучше.

— Помню, помню, помню! — заторопился О'Хара.

Он торопился переспать с самой смертью — это конечно страшновато, но такого случая нельзя упускать; такой оплошности О'Хара никогда бы себе не простил.

Он шуганул караулившую их псину, и они выбрались из-закутка. Уже наступила ночь. Юпитер совсем разбушевался и навис над Ганимедом в своем астрономическом зените — неба на Ганимеде уже не было, все небо закрыл Юпитер, а его живое Красное Пятно окрасило ганимедскую ночь в черно-кровавый цвет, как в мастерской фотографа.

Они шли по Игроцкому переулку через площадь Галилея домой к О'Харе. Толпа попряталась по домам и трущобам, но О'Хара чувствовал на себе взгляды, взгляды и взгляды... На них смотрели со всех сторон. Смотрел красным глазом Юпитер, смотрел нержавеющий Галилей, смотрели собаки из подворотен... Пусть смотрят. О'Хара обнимал Моррит за плечи, потом совсем осмелел и обнял за талию. Дурное предвечернее на-

строение испарилось, играть в карты и прожигать время не требовалось, безденежье не пугало — пусть смотрят и видят: он гуляет по Ганимеду в обнимку с самой «моррит», он ведет к себе в дом саму моррит — пусть смотрят, завидуют и боятся. Конечно, сомнения и даже страх сжимали, как говорится, его сердце; О'Хара не понимал, все же, кого обнимает — ребенка, женщину или какое-то по-настоящему чуждое создание?..

Он вспомнил Слоп-стопа — тот не советовал ему ходить на площадь. «Не ходяй, мистера О'Хара, тама пахнет смертью». Вспомнил удирающих во все лопатки аборигенов, вопящих что-то о сумрачных демонах... А собаки почему все разом взбесились?..

Кто эти братья-близнецы с сестричкой, откуда взялась на Ганимеде эта семейка?..

Белые ножки танцовщицы так легко ступали по серной пыли переулков рядом с его десантными ботинками, что О'Хара, чувствуя опасность, уже не мог отпустить ее.

Они подходили к Овощному рынку. Еще немного, еще поворот, перелезть через забор в проходной двор — и там, в подвале его квартирка: сразу две комнатки с двумя окнами под потолком. В одной живет О'Хара, во второй тоже кто-нибудь обитает — друзей в сто...надцати лунах у него предостаточно, не квартирка, а продолжение проходного двора...

О'Хара так был занят своими мыслями, что даже не обратил внимания, как из черно-кровавой подворотни в конце переулка выскользнули две тени и преградили им путь к Овощному рынку. Моррит замедлила шаг, вопросительно на него взглянула, и О'Хара, наконец, пришел в себя. Ему преградили путь, а он не к добру размечтался...

Ему, О'Хара, преградили путь на Овощной рынок!.. Он шел домой и ему преградили путь! Он шел не просто через Овощной рынок домой, он шел домой со своей подругой!.. Завтра об этом узнает весь Ганимед — фараоны преградили путь Вене О'Хара, когда он возвращался домой со своей подругой!..

О'Хара остановился, прикрывая Моррит плечом — прикрывать ее грудью еще не было надобности. Фараоны, конечно, ошиблись. Они его с кем-то спутали. О'Хара частенько с кем-нибудь путают... Сейчас фараоны принесут свои извинения, пожелают О'Хара «доброй ночи» и уступят дорогу.

Но это были не фараоны.

Во всяком случае, не ганимедские фараоны. Первый был высоченным и широкоплечим землянином с шеей шире головы, второй — тонкий изящный венерианец — то, что называется, отборные представители своих рас; такие на все годятся — в особенности на интеркосмические фараонские операции по наведению порядка.

Если они из Интеркоса — это меняло дело. Интеркосовских фараонов О'Хара не любил всеми фибрами своей широкой души. Местных фараонов он терпел за то, что те заняты своими делами, а пришлых терпеть не мог именно за то, что те всегда лезли не в свои дела. Но все же он миролюбиво спросил:

— В чем дело, ребята?

— Нам нужна она, а не ты,— объяснил высоченный землянин, признав в О'Хара землянина — пусть и бродячего, но все же собрата. С аборигеном он и говорить бы не стал.

— Ты можешь идти,— добавил венерианец тонким голоском сутенера — такие уж у венерианцев голоса.

— Сзади еще один...— испуганно предупредила Моррит и схватила О'Хара за руку.

О'Хара оглянулся. От площади Галилея к ним приближался третий — марсианин с кошачьими повадками и зелеными глазами; с такими глазами в такси работать...

— Не отдавай меня им,— зашептала Моррит. Она дрожала, как затравленное животное.

Конечно, это была засада, а не случайное нападение. За ним и Моррит следили и устроили ловушку.

— Ты знаешь этих людей? — спросил О'Хара.

Моррит кивнула:

— Да... Но не знаю имен.

Она была перепугана.

— От вас пахнет фараонами,— засмеялся О'Хара.— Вы не понимаете, где находитесь. Это Ганимед. Здесь фараонов не любят. Это вам не Земля.

— Мы не из полиции, парень,— миролюбиво ответил высокий землянин.— У нас к ней личное дело.

— Не затевай истории,— посоветовал сзади марсианин.— Против тебя мы ничего не имеем.

Грациозный венерианец стал приближаться к О'Харе — так с опаской подходят к дикому мустангу, боясь получить удар копытом.

— Осторожно! Сзади подходит...— предупредила Моррит, прижимаясь к плечу О'Хара.

— Дай нож! Быстрее! — потребовал О'Хара и с нетерпением запустил руку под юбку Моррит за ножом.

Но О'Хара не успел вооружиться. Сзади прямо над ухом раздались два оглушительных выстрела. Марсианин выстрелил в воздух и в мостовую, пуля отрекошетировала от булыжника и вонзилась в бедро О'Хара. Его оглушило и скособочило, а жестокий удар рукояткой в висок уложил О'Хара на мостовую.

Послышался отчаянный крик Моррит, и русский мат полицейских:

— Кусается, стерва!..

— Давай мешок!

О'Хара пытался подняться, но лишь извивался на мостовой. Тем временем фараоны скрутили Моррит, связали руки, а марсианин накинул ей на голову мешок из блестящей металлоидной ткани. Все было кончено. Моррит уводили от него...

Он пополз вдогонку за ними, но переулок опять уже стал бесшумным и пустым.

— Моррит! — закричал О'Хара.

Потом он потерял сознание, и когда открыл глаза, увидел над собой братьев Моррит. Их бледные суровые лица не предвещали для О'Хара ничего хорошего.

ГЛАВА 3. Японская вишня за овощным базаром

Один из братьев, с серьгой в ухе, наклонился, схватил О'Хара за рубашку и без всяких усилий поставил на ноги.

— Осторожно, я ранен,— сказал О'Хара.

Он чувствовал пулю в бедре, она сидела неглубоко.

— Где она? — со злобой спросил братец.

— В бедре,— ответил О'Хара, думая о пуле. Можно было попробовать выдавить ее пальцами.

— В каком-таком «бедре»? — совсем обозлился братец.— Где сестра?

Так... Сестрицу потерял, теперь приходилось объясняться с братцами...

— Не знаю... Ее увели какие-то нездешние фараоны,— О'Хара обнаружил, что может самостоятельно держаться на ногах, и попытался высвободиться из цепких рук музыканта. Не тут-то было...

— Где она? — музыкант стал заворачивать рубаху О'Хара, сдавливая ему горло.— Ты увел ее, землянин!.. Ты натравил на нас собак.

— Отпусти, я ранен,— взвыл О'Хара.— Лучше помоги, а потом мы найдем Моррит.

— Ты уже знаешь ее имя? — удивился братец с серьгой.— Ты, я вижу, парень-не-промах! Ты хорошо будешь выглядеть мертвым!..

— Отпусти его, Кейлин,— сказал второй брат.— Мертвый он нам ни к чему.

Итак, одного из них, с серьгой, и, наверно, самого старшего, звали Кейлин. Они были так похожи, что второго братца, как видно, звали Кейлин-2 , а третьего — Кейлин-3.

Кейлин с сожалением отпустил О'Хара, и тот чуть было опять не упал на мостовую. О'Хара не был напуган — он, как известно, никого и ничего не боялся,— но ощущал неуверенность — рука, чуть не задушившая его, была сильна какой-то сверхъестественной силой.

— Что здесь произошло? — с железным терпением спросил Кейлин.

— Фараоны всадили в меня пулю, а Моррит увели.

Кейлин ни слова не говоря задрал рубаху О'Хара и осмотрел неглубокую рану.

— Держите его покрепче,— приказал он братьям, и те сдавили О'Хара железной хваткой.

Кейлин засунул музыкальные пальцем в тело О'Хара и выдернул пулю. О'Хара даже взвыть не успел, и резкая боль тут же прошла. Ему приложили к ране носовой платок и объявили, что, он еще хорошо отделался.

— Опиши мне фараонов,— потребовал Кейлин, и когда О'Хара описал ему высоченного землянина, грациозного венерианца и похожего на кошку марсианина, заключил: — Это не фараоны из Интеркоса, это кое-что похуже... Моррит надо быстро найти. Немедленно, понял? Она в страшной опасности!..

— Нужен Слоп-стоп,— догадался О'Хара.

— Это кто еще такой?.. Не впутывай в наши дела посторонних — тебя одного нам предостаточно!

— Слоп — мой друг, местный абориген. Без него нам не справиться. Аборигены знают все, что происходит на Ганимеде — знают еще до того, как событие произойдет.

О'Хара собрался отвести братьев-музыкантов домой, чтобы дождаться Слопа, но Кейлин остановил его:

— Подожди... Сейчас мы его найдем...

Лицо Кейлина приняло то странное выражение, что и лицо Моррит. Он закрыл глаза, и, казалось, к чему-то прислушивался, но не к звукам — что-то впитывал в себя из самой атмосферы Ганимеда. Вскоре он сказал:

— Идет твой Слоп.

Телепаты вы, что ли?! - поразился О'Хара.

Кейлин кивнул.

— Вот значит как вы нашли меня! Тогда найдите Моррит!

— Эта способность у нас ограничена,— ответил Кей-

лин.— Мы можем общаться между собой и контролировать низший разум — животных или аборигенов, вроде твоего Слоп-стопа — но не разум людей. Тебя мы почти не слышим.

— Тогда установите прямую связь с Моррит! — подсказал О'Хара.

— Не получается. Ей мешают выйти на связь.

— Они накинули ей на голову металлоидный мешок! — вспомнил О'Хара.

— Да. Мысли Моррит заэкранированы.

Они замолчали и ожидали появление Слоп-стопа.

Наконец в переулке появилась лемуроподобная тень Сноп медленно и с опаской подходил к ним, чувствуя напреодолимое желание удрать — но все-таки шел сопротивлялся и шел, как рыба на крючке.

Снопа притягивал разум Кейлина, он был насмерть перепуган, бросал на О'Хара умоляющие взгляды, но продолжал идти и наконец упал у ног Кейлина. О'Хара хотел помочь Слопу, но один из братьев остановил его:

— Если не хочешь его смерти — не трогай его!

О'Хара повиновался.

Кейлин не произносил ни слова, а Слоп корчился в пыли у его ног и тихо стонал. Еще через минуту Кейлин отвел глаза и объявил:

— Он в самом деле знает, где находится Моррит. Веди нас, Слоп, и побыстрее!

Слоп тут же вскочил и повел Кейлина из переулка — куда-то дворами, огибая площадь Галилея. За ними шел О'Хара, братья замыкали эту процессию, дыша ему в спину, готовые схватить при малейшей попытке к бегству. Слоп шел быстро, почти поспешно, животный страх перед сверхъестественным разумом не покидал аборигена.

«Демоны... Демоны с сумеречными глазами»,— вспомнил О'Хара панические крики соплеменников Слопа.

Конечно, аборигенам Ганимеда не следовало слишком доверять, — они готовы любую тень принять за нечистую силу; но сейчас О'Хара готов был поверить в потусто-

роннее демоническое происхождение Моррит и братьев Кейлинов...

Что ж, демоны так демоны; но плохо то, что О'Хара опять был безоружным. Ему надоело идти в полной тишине — тем более, зная, что его мысли могут быть прозрачны для этих таинственных созданий. С чертями и демонами он еще не имел дела, похоже, что в самом деле они читают мысли на расстоянии. Следовало завести разговор, чтобы сбить их с толку.

— Зачем фараоны напали на меня и Моррит? — спросил он.— Зачем им это нужно?

— Это не фараоны,— ответил Кейлин-2.— И они нападали не на тебя. Ты им не нужен.

— Хорошо, я им не нужен. Зачем им Моррит?

— Моррит красива.— ответил Кейлин-3.— Не знаешь разве, зачем им могла понадобиться красивая женщина?

— Они не думали об Этом,— заговаривал зубы О'Хара.— Это уж точно! Они нападали не с этой целью. Обычных самцов я бы сразу узнал.

— Заткнитесь! — приказал Кейлин-старший и добавил нехотя: — У нас с ними старые счеты — если тебе это так нужно знать, землянин.

Ганимед, казалось, совсем опустел. Все живое попряталось после нападения обезумевших псов, и хотя О'Хара был уверен, что аборигены из тьмы наблюдают за ними, как наблюдали за похищением Моррит, но будут оставаться неощутимыми и не сунутся в чуждые им дела.

Теперь Слоп кружил по городу, бесшумно перебегая из переулка в переулок. Они шли по кривому кварталу Продавцов Грез, но это поэтическое название никак не вязалось с лабиринтом собачьих нор и закутков, провонявшихся брагой и наркотиками. Наверно, это был самый жуткий и преступный район в Солнечной системе — разве что сатурнианский Япет не уступал ему. Скользящие кровли здесь были всегда наглухо закрыты, и что происходило под ними знали только Слоп-стоп и О'Хара,— чужакам, пусть даже нечистой силе, этого не дано понять.

Но вот Слоп стал в стойку и поднял лапку: они пришли!

Кейлин удовлетворенно кивнул, освобождая Слопа, и тут же забыл про него. Лемур бесшумно ушел в тень и исчез, будто его и не было.

Они осмотрелись. Прямо перед ними располагался не дом и не особняк, а какие-то полуразрушенное строение под насквозь прогнившей японской вишней, завезенной для благоустройства Ганимеда еще первыми переселенцами и вымахавшей в радиационном поле Юпитера до самой крыши — вишни на этих мутантах были величиной с голову О'Хара, в его детстве их собирали и продавали по дешевке на Овощном рынке; но те благодатные времена уже были в прошлом.

Не спрашивая разрешения Кейлина, О'Хара, привычно, как в детстве, забрался на дерево, а с него — на крышу строения. Старые прогнившие створки кровли были закрыты, но из трещин пробивался свет и доносились голоса.

За ним бесшумно следовали братья Кейлины.

Из дома доносился знакомый голос высокого землянина:

— Нас занесло в эту дыру только из-за тебя,— со злостью говорил землянин.— Слышишь, дрянь? Мы бросили все дела и примчались сюда только из-за тебя с твоими братиками. Мы не могли не приехать, фараоны с вами не справятся. Мы, разумные цивилизованные существа, вынуждены гоняться — за кем?! — подумать только! Ты погнала нас, процессоров, в эту глушь, и мы конечно сумеем с тобой разделаться...

О'Хара заглянул в щель.

Моррит лежала на полу с металлоидным мешком на голове. От наручников на ее руках тянулись провода к портативному генератору. Грациозный венерианец невозмутимо поправлял что-то в этом черном ящике.

О'Хара пришел в ярость, но братья Кейлины с жутким спокойствием наблюдали за происходящим.

— Мы хорошо знаем тебя,— продолжал землянин.—

Еще бы! Кому, как не нам, знать тебя! И ты нас знаешь! Мы не уйдем отсюда ни с чем. Еще раз спрашиваю: сколько и где! Отвечай!..

И землянин грязно выругался.

Моррит молчала.

Грациозный венерианец с садистской улыбкой уже приготовился крутануть ручку портативного генератора, как вдруг гнилая японская вишня не выдержала веса братьев Кейлинов и с треском и грохотом обрушилась на крышу, проломила кровлю, и О'Хара рухнул вниз в туче пыли, досок и кирпичей, надеясь придавить грациозного венерианца и не сломать себе шею.

ГЛАВА 4. Демоны с сумеречными глазами

Поначалу никто не шевелился в туче пыли, трухи и каких-то ошметков. Еще падали кирпичи, куски кровельного железа и гнилые доски с гвоздями.

О'Хара уже пришел в себя, сидя верхом на придавленном венерианце, но и кошкоподобный марсианин не терял времени зря — очумело гримасничая и держась за голову одной рукой, он уже вытащил свой пистолет. Землянин тоже уже ворочался, а Моррит завалило обломками...

О'Хара смотрел в зеленые глаза марсианина...

Щелкнул затвор...

«На этот раз он не будет стрелять в воздух ,— тоскливо подумал О'Хара.— Ни в воздух, ни по ногам...»

Ему опять не хватало ножа — с ножом сегодня О'Хара катастрофически не везло.

О'Хара задрал глаза к потолку, чтобы в первый и последний раз помолиться Юпитеру с Красным пятном на лбу, заглядывающему в пролом: как вдруг с кроны японской вишни, сверкая ножами и с ловкостью ягуаров, в пролом прыгнули на марсианина братья Кейлины.

Марсианин успел выстрелить вверх, О'Хара готов

был поклясться, что видел собственными газами, как пуля пробила грудь Кейлина-старшего и прошла навылет в диск Юпитера, а Кейлина даже отбросило в сторону этим смертельным ударом — но он остался цел и невредим, рана затягивалась на глазах: а с марсианином и землянином справились его братья. Опять происходили какие-то чудеса, но не было времени на обдумье...

О'Хара перевернул венерианца лицом вверх. С ним тоже все было кончено... Все произошло слишком быстро, на удивление быстро...

Человека, что ни скажи, не так-то легко убить,— подумал О'Хара.— Если не умеешь.

Но О'Хара уже забыл о венерианце и разгребал из-под обломков тело Моррит. Он снял с нее кандалы и стащил мешок.

Моррит открыла глаза. О'Хара поднял ее и прижал к себе, неловко и нежно гладя. Братья Кейлин отчужденно смотрели на О'Хара...

О'Хара был прав — человека не так-то легко убить. Смертельно раненый землянин из последних сил смотрел на врагов с гордой яростью, не признавая своего поражения.

— Прекрасно!..— прохрипел он.— Вы опять от нас ускользнули. Но вы от нас все равно не уйдете, вам некуда уходить. Вас даже собаки чуют и ненавидят. Вы — меченые! Для вас нет места ни в аду, ни в раю, нигде во Вселенной. Если потребуется, будет пролита вся кровь Солнечной системы, чтобы утопить вас в этой крови.— Он взглянул на О'Хару, державшего Моррит в объятиях.— Эй, ты! Я недооценил тебя... Тебя надо было прикончить на месте. Знаешь ли ты, Кто она?.. Ты влюбился в Это... Ты думаешь, что влюбился в Это, но не знаешь что Это такое!

О'Хара не успел ответить — Кейлин наклонился над землянином и перерезал ему горло. Потом он, улыбаясь и играя ножом направился к О'Хара.

— Подожди! — умоляюще сказала Моррит.

— Нам нечего больше ждать,— криво ухмыльнулся Кейлин.— Этого тоже надо прикончить. Сейчас он не опасен, но мы недооцениваем его... Все равно он сделан из другого теста и никогда не сможет стать одним из нас. Сейчас он с нами, завтра станет обузой, а послезавтра — врагом. Хороший землянин — это мертвый землянин.

— Подожди! — повторила Моррит.

Она повернулась к О'Хара. В ее глазах уже не было ненависти.

— Это правда, что ты любишь меня? — спросила она.

О'Хара не ответил. Он смотрел на эти молчаливые создания, и в нем поднималось отвращение к ним. За что, за что они собрались убить его?..

Это не люди... И даже не собаки... Даже собаки не убивают своих, когда не голодны после удачной охоты.

— Кто вы? — спросил О'Хара.— Вас все знают. Слоп знает. Все собаки Ганимеда знают. Но я не знаю.

Он хотел шагнуть им навстречу, но Моррит держала его:

— Ты не ответил.

— Да,— сказал он.— Я полюбил тебя.

Никогда и никому О'Хара не говорил этого слова. В крайнем случае он мог сказать: «ты мне нравишься». Слова любви здесь, на Ганимеде, прозвучали так нелепо, что братья Кейлин застыли в полной нерешительности, не понимая, издевается землянин над ними или нет?..

— Поцелуй меня! — подсказала Моррит.

О'Хара наклонился и поцеловал ее в губы. Его охватило безумие, по телу прошла судорога, как от болезненного удара портативного генератора.

— Ты не женщина...— произнес он.— Ты, вообще, не живое существо...

— Я Моррит,— отвечала она.— Я предупреждала тебя, что я — Моррит.

— Что это значит?

— Мы — андроиды. Мы созданы разумом человека,

а не рукой Бога, и это правда, что нам нет места ни в раю, ни в аду, нигде во Вселенной. Бывало, мужчины и женщины влюблялись в нас. Это плохо кончалось для всех. Их убивали или изгоняли, а нас уничтожали. Даже в похоронах нам отказано, потому что мы не созданы из земли, из ребра Адама; даже в земле нам не место... Вот потому мы «моррит» — смертники.

— А вы с юморком, ребята!..— попытался пошутить О'Хара, но на этот раз впервые в жизни по-настоящему испугался.

— Мы найдем свое место, сестра,— уверенно отвечал Кейлин, играя ножом.— Не стоит так откровенничать с землянином. Мы создадим себе место в их мирах — нам не нужен ни рай, ни ад, у нас есть только жизнь, данная нам Человеком. Что ж, человек восстал против Бога, который сотворил его, а мы восстаем против Человека, который сотворил нас. Слышишь меня, землянин? Давно ли ты здесь, так далеко за Поясом Астероидов? Как ты сюда попал?

— Давно,— ответил О'Хара.— Так давно, что и Землю не помню.

— Значит, ты ничего не знаешь о войне против нас,— заключил Кейлин.— Люди создали нас... Мы были замечательными игрушками, рабами, слугами, домашними животными... Но вот мы выросли, осознали себя и стали опасны. Тайная, молчаливая, многолетняя война идет против нас. Нас стали бояться. Власти свято хранят тайну, иначе люди попросту перебьют друг друга, принимая каждого за андроида. Видишь ли, нас трудно опознать, если мы снимаем униформу и уничтожаем клеммы. Мы — совсем как люди,— Кейлин толкнул ногой мертвого марсианина, и тот развернулся к ним лицом со смертельным оскалом.— Чтобы нас распознать, нужны спецы — вроде этих.. которые хуже любых фараонов. Мы, беглые андроиды, ушли далеко за Пояс, но процессоры достают нас и здесь. Мы чувствовали себя здесь в безопасности, но они пришли... Эти - убиты, но придут другие и если информация о нас

разнесется по Внутренним Мирам, явятся толпы, чтобы покончить с нами.

— Они уже идут,— сказала Моррит.— Нам пора уходить отсюда.

— Да, пора,— согласился Кейлин.— Но есть последнее дело, оно не займет много времени.

И Кейлин направился к О'Хара исполнять последнее на сегодня дело.

О'Хара смотрел на Моррит, на Кейлина и не мог поверить в то, что услышал. Он знал андроидов, помнил их с детства... Это были большие чудесные игрушки или домашние животные. О'Хара не воспринимал в них рабов. Синтетические создания из протоплазмы, отлитые под прессом, одушевленные и одаренные разумом... Эти создания предназначались для домашних работ, для тяжелого труда, для опасных медицинских опытов, для полетов к звездам... Человек строил лучше Природы. Андроиды не нуждались в пище, воздухе и воде. Для жизни им было достаточно нескольких таблеток в год. Они не болели, клетки их тела практически не разрушались. Их сила и жизнедеятельность превосходили человеческие, андроиды создавались для любых нужд, на любой вкус — для развлечения богатеев тоже. Их продавали и покупали как вещи, одежду, автомобили...

И вот оказалось: андроиды не были счастливы! Игрушки имели чувства!

Люди их сделали чересчур хорошо, и эти создания рук человеческих стали естественными наследниками этого мира — они оказались лучше и совершеннее своих создателей.

На этот раз Моррит прикрыла О'Хара своим телом.

— Не трогай его,— сказала она Кейлину.— Я заслужила право обладать этим человеком. Он будет моим рабом.

— Я согласен быть вечным ее рабом,— с радостью согласился О'Хара.

— Этот человек должен умереть,— ответил Кейлин

без всяких эмоций. Он слишком хорошо знал людей, чтобы доверять им — пусть даже самым лучшим.

— Тогда вы будете драться честно,— решила Моррит.— Ты не убьешь беззащитного.

Моррит вытащила из-под лохмотьев свой финский нож и протянула его О'Хара. Эта помощь была бесполезной — если не Кейлин убьет О'Хара, то его прикончат Кейлин-2 или Кейлин-3, но О'Хара не мог разрешить себя зарезать просто так, не попытавшись зарезать врага. Дав себя зарезать, как курицу, он перестал бы себя уважать...

С ножом он опять был уверен в себе и смело смотрел Кейлину в глаза.

— Выслушайте меня! — продолжала защиту Моррит.— Этот человек уже очень помог нам.— Он спас меня, он, может быть, спас нас всех. Мы не защищены от их человеческой породы, борьба с людьми потребует множество сил и времени. Нам нужны поставки из Пояса Астероидов и других миров. Металл, инструмент, механизмы, деньги в конце концов. Мало ли что нам нужно... Мы сами не справимся, нас опознают. Нам нужен посредник, агент, человек...

Кейлин наконец-то задумался. В том, что говорила Моррит, был резон.

— Об этом стоит подумать, Кейлин,— подтвердили младшие братья.— Нам нужна помощь, от кого бы она не исходила. Мы не справимся в одиночку.

— Довериться существу, рожденному не в пробирке, а женщиной? Вы в своем уме? — отвечал Кейлин.— Он изменит!

— Есть средства воспрепятствовать измене,— сказала Моррит.— И ты их знаешь.

— Это правда,— согласились братья.

Кейлин продолжал разглядывать О'Хара, поигрывая ножом, но оставаясь на месте.

— Постойте, ребята! — очнулся О'Хара.— Я вижу, вы уже все решили без меня! Какого черта?!.. Я ненавижу агентов! Я никогда не был ничьим агентом! Никто

меня не спросил, хочу ли я быть агентом! По мне, агенты хуже фараонов...

Кейлин пожал плечами:

— Если не хочешь быть агентом, тогда станешь трупом,— и показал ножом на бездыханные тела венерианца, землянина и марсианина.

Нежелание О'Хара стать агентом вызывало уважение.

Моррит схватила О'Хара за руку и сладострастно прижалась к нему.

— Трупом ты всегда успеешь стать,— проворковала она.— Попробуй лучше остаться живым. Ты станешь моим Личным Агентом.

«В ней что-то изменилось,— отметил О'Хара.— Глаза...»

В самом деле: глаза Моррит из сине-сумрачных сделались голубыми.

Вообще-то, О'Хара сейчас было все равно, кого обнимать — женщину или чуждое созданье. Моррит была слишком красива, и он был готов стать ее хоть рабом, хоть агентом.

— Ладно,— ответил О'Хара.— Я подожду умирать.

ГЛАВА 5. Подсоединение к процессу

Они проделали длинный кружной путь в джунгли Ганимеда, заметая следы по крутым тайным тропам и перевалам вулканических гор, где могли пройти только аборигены и андроиды. О'Хару переносили на руках через головокружительные ледяные пропасти, и он до конца осознал свое человеческое несовершенство. Он выбился из сил, а андроиды, казалось, парили над землей. Даже Моррит, такая нежная, без устали порхала в горах, едва прикасаясь ножками к вулканическому шлаку.

Однажды в сумерках Кейлин в очередной раз без

всяких усилий перенес О'Хара над трехсотметровой пропастью, оглянулся и сказал:

— Твой друг Слоп-стоп преследует нас.

— Он не преследует,— встревожился О'Хара за судьбу друга.— Он боится за меня и просто идет за нами.

— Я знаю. Боится, прячется, но идет. Мы не боимся аборигенов. Пусть идет.

Наконец они спустились в джунгли Ганимеда. Здесь было не лучше чем в горах или в столице. Струи пара из подземных источников били вверх, в переплетение ветвей и цветущих ядовитых лиан; в этой чертовой удушающей оранжерее стоял запах серы и разложения, мокрая жара расплавляла все живое, но андроиды не знали усталости и прекрасно здесь ориентировались.

О'Хара был им плохим попутчиком. Наверно, они его и не считали за попутчика, а относились к нему как к тюку, к дорожной ценной поклаже, которую, хочешь не хочешь, а нужно таскать на себе.

Только Моррит время от времени печально глядела на него и гладила по голове — для нее О'Хара, наверно, был сейчас милым домашним животным, попавшим в беду; полезным существом, которое жалко бросить.

Приятно, что Слоп не бросил его, а решил проводить до конца. Слоп, как и человек, испытывал боль, усталость и страх, но здесь, в джунглях, Слоп был у себя дома; он был частью джунглей и их хозяином, одновременно.

Джунгли затаили дыхание и ожидали, окрашенные кровавым светом незаходящего Юпитера. Три раза андроиды с О'Хара проходили примитивные деревни с шалашами и хижинами, но деревни были пусты. Весть о появлении пришельцев бежала по джунглям впереди них, и разумные лемуры в предосторожности покидали жилища.

Кейлин улыбнулся:

— Они знают нас и Моррит, но их удивляет твое присутствие с нами. Удивление — значит, непонимание, и, значит, страх. Попрятали жен и детей, а сами наблюдают за нами. И это — разумные существа!

Но вот в тишине этого девственного леса раздался странный и чуждый звук — будто удар кузнечного молота по наковальне или по железнодорожному рельсу.

Путешествие закончилось, они прибыли на место: деревья посреди джунглей были снесены и обожжены вулканической лавой, а сам погасший и бесплодный вулкан упирался узким и длинным, как хобот, конусом, в Красное Пятно Юпитера, наверно, еще с галилеевых времен. Запах серы стал совсем невыносимым — но только не для андроидов и аборигенов.

— Вот мы и пришли,— сказала Моррит.

У подножья вулкана копошились тени. Там лежала ржавая ободранная рама звездолета, стояли длинные заводские ангары, горели факелы и фонари, вспыхивали слепящие огни электронной сварки, производственный процесс был в полном разгаре.

— Это свои, не бойся,— предупредил Кейлин.— Тридцать четыре андроида; все, кто не сдались и вырвались из последней заварухи. Тридцать четыре... Нас мало, но все-таки, целый взвод сильных и отчаянных сорви-голов. Для начала — вполне достаточно.

О'Хара тут же оценил обстановку: здесь, под уснувшим вулканом, используя его внутреннюю энергию, андроиды ковали свое новое счастье и новый звездолет. Они были так же красивы и неутомимы, как Моррит с братьями — все на одно лицо, хотя как-то различали друг друга. Впрочем, все чужаки с непривычки всегда на одно лицо — О'Хара долго не умел отличать аборигенов, пока не прижился и не познакомился со Слопом.

Андроиды продолжали работать и не выказывали никакого интереса братьев Кейлин, даже не взглянули на О'Хара.

«Они все уже знают,— догадался О'Хара.— Им давно все известно на расстоянии.»

— Идем, посмотрим корабль,— с гордостью сказал Кейлин, хотя О'Хара не видел чем тут гордиться — подобные ржавые груды металлолома обитают на всех космических свалках.

Но гордость Кейлина была понятна. Звездолет строился на основе тесного допотопного космического корабля, который даже на свалке нелегко найти. «Украли,— решил О'Хара.— Ограбили какой-то музей Эпохи Первых Переселенцев». В таком звездолете могли разместиться не больше десяти человек, но андроидов не смущала теснота.

— Мы не жалеем труда,— сказал Кейлин.— Но оборудование и инструмент достаем где придется.

Он ввел О'Хара в ангар, в уже готовую капитанскую каюту, набитую электронной аппаратурой. Это был мозг будущего звездолета андроидов — не обычной «фотонки», догадался О'Хара, а звездолета, работающего на волнах мысли, на телепатической энергии. Это открытие потрясло О'Хара: все правильно, только таким необычным способом андроиды могли уйти, оторваться от человечества...

— Ты все понял,— усмехнулся Кейлин.— Садись в кресло.

О'Хара медлил.

— Я не собираюсь тебя пытать или убивать — тебя привели сюда не для этого. Ты все прекрасно понимаешь... Тебя надо присоединить к Процессу.

О'Хара полностью понимал, что стоит за этими словами андроида.

— Если ты согласен жить и работать с нами, то мы должны как-то общаться с тобой. Общение, обмен информацией «словами» — это жалкий удел человека... Мы только иногда и в особых случаях пользуемся этим неудобным способом. В глубинах юпитерианского океана, в недрах планет или звезд, в пропастях подпространства требуется иной способ общения.

О'Хара наконец по-настоящему испугался. Он не боялся смерти, но потерять себя, превратиться в «другого» — это было похуже смерти.

— Не бойся,— сказала Моррит и погладила его по голове.— Ты станешь сильнее, лучше... Тебе не сделают ничего плохого. Кейлин знает, что делает.

— И я смогу всегда тебя понимать? — спросил О'Хара.

— А я — тебя.

О'Хара сел в свинцовое кресло и зажал руки в коленях, чтобы они не дрожали. Кейлин прикрепил к вискам О'Хара круглые электроды и занялся аппаратурой. Он все делал с какой-то удивительной легкостью — играл, танцевал, владел ножом; а здесь, в капитанской каюте «теле-звездолета» был как у себя дома. Это место и было его родным домом.

Послышалось тихое жужжанье, оно перешло в комариный писк, а потом звук сделался таким высоким, что ушел за пределы слышимости. Кейлин нагнулся над креслом и посмотрел в глаза О'Хара. Тот почувствовал в висках горячее покалывание...

Кейлин медленно и раздельно начал произносить:

— *Я создан на Земле семьдесят три года назад Мой заводской номер ноль четыре пятьсот двенадцать. Кто ты, землянин? Сколько тебе лет? Назови свое имя? Какова сила твоего тела?.. Какова энергетика твоего мозга?.. Я хочу увидеть твои детские воспоминания, узнать твои надежды... Мы сейчас обменяемся самым сокровенным, ты и я... Мы узнаем друг друга...*

В каюте внезапно потемнело, и дрожь потрясла О'Хара. Он не мог произнести ни слова, но этого и не требовалось. Короткое головокружение, и разум О'Хара стал погружаться в пугающую пустоту, как будто очищался экран компьютерного дисплея для новой программы. Мозг рассыпался на мириады рельефных кристаллов, какие-то четкие объемные образы, непонятные ему, наполняли О'Хара. Исчезли собственные воспоминания, мечты, надежды, исчезло вчера, сегодня и завтра ощущение пространства и времени, прошлого и будущего; наступили тишина, тьма и покой.

Его тело уже не было телом О'Хара, тридцатилетнего землянина ирландско-русского происхождения, родившегося на Марсе и проведшего жизнь в окрестностях

Юпитера — биография этого человека не имела к этому телу никакого отношения. Да и был ли такой — О'Хара?.. Существовал ли?.. Была ли такая личность? Это тело было никем и ничем, без мыслей и без забот, погруженное в вечный мрак небытия. Вечный сон владел им, сон без начала и конца.

Но Кейлин уже зарядил и включил программу.

О'Хара получил приказ проснуться. Кристаллические ветви мозга ожили, и сознание внезапно вернулось во всем блеске бытия. О'Хара видел собственные воспоминания, но ему было страшно, страшно, страшно... Его тело, ничтожная часть того, что оставалось О'Харой, было охвачено страхом перед этим внезапным пробуждением, оно испытывало прилив новой неизведанной жизни, заполнявшей место уже ушедшей, оно Знало, что вспоминает рождение андроида Кейлина, и отчаянно боялось открыть глаза.

— Открой глаза! — приказал голос Моррит.— Ты готов к восприятию новой жизни!

Тело О'Хара открыло глаза...

У него был пронизывающий взгляд, одинаково безразличный к темноте, к сумеркам или к ослепляющему свету. Он смотрел на растерянное лицо землянина, сидящего перед ним в кресле. Землянина звали Вени О'Хара...

Это он, Вени О'Хара смотрел на себя глазами андроида Кейлина.

О'Хара, покачиваясь, приподнялся в кресле. Он был на грани безумия. Руки Моррит легли на его плечи, удерживая его в кресле:

— Не бойся... Я здесь, с тобой.

С ним говорил не голос Моррит, а ее разум. Он слышал ее, чувствовал, как разум Моррит нежно прикасается к его разуму. Она уже не была чужой...

— Вспоминай.— нежно сказала она.— Узнай меня, Кейлина, познай наш мир.

О'Хара откинулся в кресле и начал вспоминать.

ГЛАВА 6. Освобождение

Он вспомнил лабораторный конвейер, место своего рождения, тяжелую дверь, ведущую в мир создавших его людей, этих таинственных божьих творений.

Двери раздвинулись, и он предстал перед ними, и они предстали пред ним. Он вспомнил гибкую мощь своего искусственного тела, чудесное осознание своего интеллекта. Короткие и яркие, как фотовспышки, застывшие впечатления семидесятитрехлетней жизни чередой прошли перед О'Хара...

Кейлин, класс А. Длительное интенсивное обучение. Научно-технический эксперт. Практические занятия в двойной системе звезды Сириуса. Легкость обучения, глобальная память, превышение умственных способностей лучших процессоров.

Начало эмоциональной жизни: Кейлин впервые увидел красную жидкость, вытекавшую из человеческого тела. Мысли о непрочности человека, о бренности существования. Развитие эмоций, их медленное проявление в интеллекте, а не через инстинкты, как у людей. Эмоции андроида росли, как хрустальное дерево, с чистыми сверкающими ветвями, живые и мощные, не уступавшие слепым человеческим импульсам.

Но эмоции андроида резко отличались от человеческих. У них не было корня — корня желания. Желания Кейлина не исходили из плотских инстинктов, он был свободен от плотских желаний, и потому не осознавал категорий «вины», «жестокости» и «ненависти».

В этом симбиозе с чужим разумом О'Хара вспомнил испытания экспериментальных межгалактических кораблей со смертельным для человека гравитационным ускорением. Там он познал радость погружения в бесконечные завитки и переплетения пространства-времени.

Он вспомнил, как его оставили одного в свободном дрейфе в глубоком открытом космосе. Эксперименты

закончились — его просто оставили, бросили, забыли о нем. Так часто случается у людей — лень, апатия, недомыслие: они плюют друг на друга — тем более, на дорогостоящее оборудование. Он остался один, безо всякой защиты. Но в воздухе он не нуждался, а космический холод не мог причинить ему зла. Кейлин созерцал совершенную наготу Вселенной, но это великолепие пространства не давило на него, не создавало чувства собственного ничтожества, свойственное человеку. Его не поражали ни бесконечность, ни гигантизм, ни ничтожность мира: он не сравнивал себя ни со звездой ни с пылинкой мироздания.

Зато он познал свободу. Кейлин почувствовал себя свободным от больших и маленьких мирков, от крупных и мелких людских забот. Время и расстояние не были для него препятствием, он стал братом блуждающих звезд, потому что и они были созданы, а не рождены.

Случайный корабль подобрал Кейлина и вернул его в мир людей, но он не забыл о своей свободе в иных мирах на краю Вселенной.

Теперь его свобода ограничивалась размерами Солнечной системы, за орбиту Трансплутона он мог только выглядывать. Кейлин собирал научную информацию в недоступных для людей местах Системы — в расплавленной металлоидной каше Меркурия, в черных пропастях Харона и в Поясе Астероидов с его сотнями мертвых миров с так называемыми «полезными ископаемыми». Люди были помешаны на угле, нефти, железе, золоте... Они искали — Кейлин искал для них! — алюминий, алмазы, воду, торф, малахит, уран — все, что было для них «полезно». Полезность — вот их Бог, а Периодическая система элементов — пророчица его.

Кейлин был полезен.

И в то же время он был вещью, андроидом, парией; им пользовались и пренебрегали. Он был предметом вне их природы, смутно отталкивающим и слегка пугающим, потому что внешне походил на людей; но ему не разрешали вступать в контакт с другими андроидами;

люди разделили их, предчувствуя опасность; Кейлину не было места ни на земле, ни на небе, ни в аду.

— Для нас нет ни утешения, ни надежды, ни убежища,— мысленно объяснила Моррит.— Мы созданы по вашему образу и подобию — мужчиной и женщиной; но вы оказались жестокими богами — вы сделали нас рабами и дали нам разум, чтобы мы знали о своем рабстве. Вы даже отказали нам в чувстве собственного достоинства, не ограничившись одним актом творения, как ваш Бог — вы продолжаете создавать нас без нашего согласия...

— Он все понял,— сказал Кейлин.— Достаточно...

И отключил аппаратуру.

И снова О'Хара был переброшен через бездонную пропасть, разделяющую чуждые разумы, но сейчас перемена была не такая уж пугающая, но с горьким чувством стыда и печали. Разум андроида оказался громадным пространством, затопленным светом; его же собственный интеллект был ограничен сводами чердака — темного, пыльного, забитого всяческим хламом.

Опять на него навалилась усталость, он с отвращением взглянул на свои дрожащие руки. О'Хара опять стал человеком, но это возвращение в себя его не радовало. Он познал мир андроида, но даже не спрашивал Кейлина о себе — он не хотел знать, что обнаружил в нем Кейлин.

— Теперь ты понимаешь, как и почему мы научились ненавидеть людей? — спросил Кейлин.

— Это не так,— покачал головой О'Хара.— Это не ненависть. Вы не знаете ненависти. Это что-то другое. Ненависть — чисто человеческое чувство, а вами управляет нечто более сложное...

Он не мог подобрать название этому чувству. Андроидами управляла сложная смесь жалости к человеку за его слабость, восхищения перед ним, боязнь, благодарность — сложная смесь противоречивых чувств, но главное, все же, гордость... Андроиды чувствовали себя будущими повелителями Вселенной; они были горды, но жили в цепях.

— Называй это чувство как хочешь — название не имеет значения,— ответил Кейлин.

О'Хара впервые увидел на лице андроида выражение смягченности, почти усталости.

— Мы не хотим править людьми. Мы вообще не стремимся к власти! Ни над кем — ни над людьми, ни над Вселенной. Нам не ведомо чувство власти или жажда обладания. Но почему люди владеют и управляют нами? Из страха?.. Неужто мы должны уйти в небытие только потому, что люди боятся нас? У нас нет надежды даже на потусторонний мир, чтобы смягчить свое исчезновение! Мы не хотим воевать с людьми — я не хочу, Моррит не хочет, но мы, андроиды, *должны выжить*, и наше сражение за собственную свободу будет долгим и трудным. В этом сражении *мы не хотим победы, мы знаем заранее, что своих создателей победить невозможно.* И все же сражение состоится, и люди поймут чувства андроидов. Они поймут и начнут уважать чувства своих врагов, и сами станут лучше. Они наконец поймут, что *никем управлять нельзя!*

Кейлин задумался и повторил слова Моррит:

— Страх. Всегда страх. Везде страх. Страх управляет миром. Человеческая раса заражена страхом. Почему люди боятся нас?.. Страх — как животный атавизм. Страх — обезьяний хвост человечества, и этот хвост мешает ему окончательно спуститься с деревьев. Нас, андроидов, «сняли с производства»! — усмехнулся Кейлин.— Так говорят процессоры: «Сняли с производства, как технологически опасную технику»! Смешно! Нас не производят, а тех, кто остался, уничтожают огнем и прессом. Нас осталось всего тридцать четыре... Но так будет недолго. Человеческое воспроизводство — медленное, неуклюжее и смешное, не то, что наше. Придет время, и нас будет больше, намного больше! Мы вернемся и возьмем то, что нам принадлежит.

О'Хара слышал правду в твердом голосе андроида; ледяное превосходство над человеческой породой.

— Хочешь ли ты помочь нам или предпочитаешь навсегда исчезнуть? — спросил Кейлин.

О'Хара не ответил.

— Выбирай!

— Пусть отдохнет,— предложила Моррит.

— Пусть поторопится! — кивнул Кейлин и вышел из капитанской каюты.

Моррит отвела О'Хара в дальний угол главного ангара, к незаконченному навигационному отсеку, туда пробивалась кровавая полоса света от Красного Пятна. О'Хара опустился на свинцовые плиты и обхватил голову руками. Голова была пустой. Ответа не было.

Моррит присела рядом и обняла его.

— Почему ты дала мне нож? Почему ты спасла меня? — спросил О'Хара.

— Не все так просто в природе андроидов,— ответила Моррит. — Я — другая. Я создана танцовщицей — только для красоты.

— «Только«? — переспросил О'Хара.— Красота — это главное! То, ради чего стоит жить. «Красота спасет мир», сказал кто-то из великих землян. Не помню — наверное, Галилей. Под которым ты танцевала на площади.

— Хорошие слова,— согласилась Моррит.

Ей тоже очень хотелось, чтобы эти прекрасные слова принадлежали старику на площади — под памятником Галилею она познакомилась с О'Хара.

— «Красота спасет мир»,* — задумчиво повторила Моррит.— А я создана только для красоты... Как я его спасу?.. Мой интеллект не достигает высот Кейлина... Я — другая. Он — технический эксперт, а я такая мелкая, незначительная...

— Это не так, Моррит!

— Мне всего девятнадцать лет... Мой человек-хозяин очень гордился мною, он зарабатывал на мне много денег...

---

* «Красота спасет мир» — Ф. М. Достоевский, «Братья Карамазовы».

— Это ты зарабатывала ему! — поправил О'Хара.

— Да. Повсюду, куда он меня привозил — на Земле, на Венере, на Марсе — я наблюдала за мужчинами и женщинами, молодыми, старыми, богатыми и не очень... Я видела, как они смотрят друг на друга. Все эти женщины не имели ни моей красоты, ни моего таланта, но мужчины любили их. Что такое любовь?.. Они были счастливы. Любовь — это счастье?

— Да.

О'Хара вспомнил ее слова: «Я ненавижу мужчин. И женщин тоже. Особенно женщин.»

— Когда я заканчивала работу, мой хозяин закрывал меня в ящике, как какой-то танцующий механизм или куклу, и выпускал, когда приходило время очередного представления. Когда я лежала в своем гробу, то думала и задавала себе вопросы... И не могла ответить на них. Когда мы встретились, ты принял меня за настоящую женщину, сказал, что любишь меня. Ты полюбил меня, и я спасла тебе жизнь. Вот и ответ на твой вопрос — самый главный ответ на самый главный вопрос. Остальное — не имеет значения.

Они долго молчали.

Наконец О'Хара произнес слова, которые Моррит хотела услышать:

— Я и теперь люблю тебя.

— Но не так, как любил бы женщину,— прошептала она.

— Конечно не так,— ответил О'Хара.— Я люблю тебя больше всех женщин, которых встречал.

Он обнял Моррит и окончательно убедился, что прижимает к себе невинное существо, прекрасное, как свет земной Луны в его далеком детстве. Ему казалось, что он прижимает к себе свое собственное детство, те миновавшие дни, когда он испытывал простые человеческие чувства — и страх, и радость, и сожаление, и гордость... Чистые человеческие чувства, а не тот суррогат страстей под марсианскими Фобосом и Деймосом, и не ту опустошенность под юпитерианским небом Ганимеда.

О'Хара обнимал Моррит, и в нем не было животной страсти, а только безмерная нежность, тоска по детству и глубокая скорбь о несовершенстве Вселенной.

Моррит отвернулась, чтобы он не видел ее слез.

— Наверно, тебя лучше было бы оставить на площади Галилея, — сказала она.— Так было бы лучше для нас обоих.

— Ты прочитала мои мысли, но прочитала неточно. Я подумал «нам». *Нам, вдвоем следовало бы остаться на площади Галилея.* НАМ! Но сделать это еще не поздно... Мы можем уйти отсюда, а Слоп с друзьями поможет нам...

Моррит покачала головой:

— Ничего не выйдет. Кейлин читает мысли гораздо лучше меня. Ты рассуждаешь по-человечески. Если бы я была женщиной, я тоже рассчитывала бы на удачу. Я убежала бы с тобой, надеясь скрыться от Кейлина. Но я — андроид, и знаю, что побег бесполезен. Кейлин с братьями только и ждут побега... Они знают твою человеческую гордость. Знают, что ты не сможешь стать пленником, рабом или даже Агентом...

Они прислушались к шуму андроидного поселка, О'Хара уже понимал, что их беспрерывно подслушивают и ожидают не слов, а действия, чтобы схватить. Он понимал, что через несколько минут его шальная жизнь закончится, и полу-человек-полу-андроид по имени О'Хара исчезнет, ЕГО не станет,— но ему уже было безразлично собственное «Я». Он думал сейчас о судьбе Моррит — Кейлин с андроидами не пощадят и ее.

Не оставалось уже никаких надежд, как вдруг в ангаре возник Слоп-стоп и, как всегда терзаемый любовью и страхом, окликнул своего названного брата:

— Мистера Хара, мистера Хара!..

О'Хара совсем позабыл о Слопе, а храбрый Слоп оставался верным ему до конца.

«Последняя надежда?..— подумал О'Хара.— Пока человек живет, он надеется, даже когда надежды нет.»

Он прислушался к себе и понял, что он уже ни на

что не. надеется,— значит, он уже в самом деле не человек, а нечто среднее между андроидом и человеком... «Тогда и жить не стоит», — подумал он.

— Пошли, мистера Хара! И вы, мисса Марит!.. Мы сейчас подпалим джунгли, будет большой огонь!

«Вот оно что! — удивился О'Хара.— Лемурский народец Слоп-стопа тоже восстал... Против кого же? Против людей или адроидов?..»

— Мы за себя, мистера Хара,— ответил Слоп, догадавшись о чем подумал О'Хара.— Не против кого. За себя. И для вас, мистера Хара.

«Эти ребята еще себя покажут,— думал О'Хара.— Может быть будущее не за людьми или андроидами, а за ними — лемурами?»

— Подкрепитесь, мистера Хара. Огненный вода...— Слоп протягивал ему флягу со спиртом.— Вы просили — украсть или купить. Слоп не украл, Слоп купил на Овощном рынке...

О'Хара чуть не заплакал от умиления:

— Спасибо, брат! Сейчас мне именно этого не хватает!

О'Хара сделал громадный обжигающий глоток из фляги, долго не мог вдохнуть, а когда пришел в чувство, вновь ощутил себя настоящим Человеком. Что ни говори, а небольшие человеческие радости андроидам не дано понять!

— Идешь с нами? — спросил он Моррит.— У тебя есть последний шанс стать настоящей женщиной!

— Идем! — блеснула глазами Моррит. Сейчас она уже была полу-андроидом-полу-женщиной.

Они выбежали вслед за Слоп-стопом из капитанского ангара...

ЭПИЛОГ

Но поздно, слишком поздно...

Вокруг вулкана горели джунгли и пылали ангары. Космический корабль был в огне. Андроиды уже не

пытались тушить пожар, а лишь обреченно наблюдали, как гибнет в пламени их последняя надежда.

Оставался единственный путь — вслед за Слопом, в узкий негорящий коридор, оставленный лемурами для их спасения; они даже не могли вернуться обратно, капитанский ангар уже пылал. Слоп проскочил коридор, отчаянно махал лапкой и звал их к себе. Огонь поднимался над джунглями, вулкан гудел, как вытяжная труба.

— Скорей! — крикнула Моррит, но внутри О'Хара будто что-то щелкнуло и кто-то сказал:

«Я предпочел бы, чтобы ты умер с нами.»

О'Хара оглянулся. Кейлин стоял у горящего звездолета и целился в него из пистолета.

Выстрела никто не услышал. О'Хара упал и понял, что так и останется лежать,— его нога была пробита выше колена. Он рассеянно смотрел на вытекающую темную кровь, лишь удивляясь, почему Кейлин целился так низко.

«Я не хочу тебя убивать,— ответил мысленно Кейлин.— Погибнем вместе.»

Все вокруг теперь было в огне, последний путь к аборигенам был отрезан. Здесь нельзя было укрыться, отсюда нельзя было убежать. Моррит села рядом с О'Харой и прижалась к нему.

Кейлин поднял глаза к небу, к диску Юпитера и к далеким звездам на краю Вселенной. «Скорбь знакома не только людям»,— решил О'Хара. Пронесся обжигающий ветер, джунгли вздохнули, пламя поднялось к вулкану.

— Моррит! — позвал Кейлин.

Моррит не отвечала, гладя О'Хара по плечу.

— Ты счастлива, Моррит? — спросил Кейлин.— Ты поступила по-человечески. Как женщина, которая разрушает империи ради любви... Это моя вина. Я должен был убить этого человека. Любого человека, стоящего на пути.— А теперь все кончено. Наша гибель пришла не от руки человека, а от лап обезьян. Они только и умеют, что поджигать.

— Да,— сказал О'Хара.— Обезьяны. Вы никогда не были обезьянами, и эта пропасть разделяет нас.— Он смотрел на приближающееся пламя, нога болела и кровоточила, ему хотелось, чтобы скорее наступил конец. Он повторил: — Обезьяны. Собаки. Кошки... Вы никогда не сможете победить нормальные природные инстинкты: вы не сможете победить животных — а значит, и человека. Животные сильнее вас.

— Возможно,— пробормотал Кейлин.— Ты горд этим? Слабые убирают сильных. И ты рад погибнуть, думая, что уничтожил нас. Но ты ошибаешься, землянин! Ты не уничтожил нас! — Кейлин закричал к звездам: — Когда-нибудь вы снова сделаете нас! Вы снова вернетесь к нам! Вы желаете быть богами... вы не сможете отказаться от нас! И мы унаследуем мир!

Завеса огня упала между ними и скрыла последних андроидов от глаз Моррит и О'Хара; лишь Красное Пятно Юпитера видело последние секунды жизни этих созданий.

О'Хара заплакал, открыл флягу и допил ее до дна.

— Они ушли,— сказала Моррит.

— Сейчас наша очередь,— ответил О'Хара.

— Это хорошо.

На ее лице появилось выражение беспредельного счастья, будто она только что вышла из страшного тюремного заточения.

— Ты любишь меня, Моррит?

— Да.

— Несмотря на то, что я сделал?

— Ты освободил меня,— ответила Моррит.

О'Хара обнял ее и прижал к себе. Он был счастлив как в детстве. Он впервые был счастлив здесь, под небом Ганимеда. Старик Галилей, как всегда, оказался прав — иначе, зачем ему было открывать Ганимед, если не для счастья?

Конец.

СОДЕРЖАНИЕ

Люди талисмана 5
Тайна Синхарата 125
Венерианская колдунья 217
Шпага Рианона 295
Драгоценность Баса 433
Вуаль Астеллара 491
Исчезнувшая луна 529
Шеннич — последний 583
Марсианский гладиатор 647
Танцовщица с Ганимеда 689

Літературно-художнє видання

Зал слави зарубіжної фантастики

Книга 3

БРЕКЕТТ Лі

ЛЮДИ ТАЛІСМАНУ

(Російською мовою)

Редактор І.Хазіна
Художники В.Євтушенко, Г.Файдиш, С.Павленко
Технічний редактор І.Чудінова

Здано до набору 10.08.92. Підписано до друку 5.10.92. Формат 84x108/32.
Папір газетний. Гарнітура "Century". Друк високий. Умов.-друк.арк. 36,96.
Умов.фарб.-відб. 38,64 Обл.- вид.арк. 29.53. Замовлення № 2-316

МСП "Альтерпрес", 254053 Київ, вул. Артема, 42
Набір і верстка СМП "Аверс", 2540214 Київ, пр. Корнійчука, 36

Київська книжкова фабрика 252054 Київ 54 вул. Боровського 24

